Евгений
ЛУКИН

Евгений
ЛУКИН

ИЗ КНИГИ ПЕРЕМЕН

ИЗ КНИГИ ПЕРЕМЕН

Евгений
ЛУКИН

Евгений
ЛУКИН

ИЗ КНИГИ ПЕРЕМЕН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Л84

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С. Шумилина

Лукин, Е.
Л84 Из книги перемен : [сб.] / Евгений Лукин. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — 765, [3] с.

ISBN 978-5-17-051092-4 (ООО «Издательство АСТ») (С.: Под Дозоры)
ISBN 978-5-9713-9028-2 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
Художник А.Е. Дубовик

ISBN 978-5-17-051093-1 (ООО «Издательство АСТ») (С.: БМФ)
ISBN 978-5-9713-9027-5 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

Евгений Лукин. Сначала — «половинка» гениального творческого дуэта «Евгений и Любовь Лукины». Сейчас — один из лучших, оригинальнейших писателей за всю историю отечественной фантастики. Непревзойденный мастер иронии и гротеска, чьи произведения, представляющие собой поистине немыслимую смесь из НФ, фэнтези, социальной сатиры и магического реализма, практически невозможно идентифицировать в жанровом отношении.

Перед вами — еще один сборник лучших произведений Евгения Лукина. В него включены и блестящие рассказы, написанные в соавторстве с Любовью Лукиной, и не менее остроумные и блистательные «сольные» произведения малых жанров, и, наконец, гомерически смешные и тонко интеллектуальные литературные и философские эссе, представляющие читателям еще одну грань творчества Лукина...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

ФИКШН?

Раздолбаи космоса, или Гений кувалды

Mistletoe killing an oak —
Rats gnawing cables in two —
Moths making holes in a cloak —
How they must love what they do!

Rudyard Kipling

Омела, убивающая дуб,
Крысы, перегрызающие канаты надвое,
Моль, дырявящая плащ, —
Как они должны любить свое дело!

Редьярд Киплинг

ЧАСТЬ I

Глава 1

Не тот это город, и полночь не та.

Борис Пастернак

Отчаянно, в последний раз цвели над гипсовыми руинами фонтана искалеченные бульдозером акации. Каменные громады многоэтажек обложили разваленный скверик с трех сторон. С четвертой — шумела автострада.

© Евгений Лукин, 2000

— И ломать-то как следует не умеем!.. — процедили в прошелестевшей мимо черной «волге», и уже к вечеру следующего дня между шоссе и останками скверика встала высокая стена из бетонных плит.

На город двинулись сумерки, но, встреченные залпом белых ламп, шарахнулись с обочины и, перемахнув стену, залегли с той стороны. Многоэтажки стояли клетчатые от разноцветных окон, однако слабенький свет торшеров и люстр испарялся, не пролетев и половины расстояния до увечного скверика. И что уж там происходило в развалинах до ноля часов — Бог его знает.

— Стой! Стой, говорю!..

По гулким ночным асфальтам зашепелявили кроссовки и загремели каблуки. Длинно полоснул милицейский свисток.

Из-за обитого угла, украшенного непристойной надписью, выскочил лопоухий, стриженный наголо парень с вылупленными глазами и телефонной трубкой в руке. Не потратив ни секунды на размышления, что говорило о хорошем знании района и определенном жизненном опыте, он дунул прямиком к разломанной ограде, за которой начинался благословенный сквозной лабиринт рытвин, насыпей и полувывернутых из грунта акаций.

Следом за лопоухим на светлую пролысину под фонарем с топотом вылетел, как и следовало ожидать, коренастый сержант милиции — и тоже не с пустыми руками. В правой у него был прочно зажат резиновый инструмент, наверняка знакомый каждому — не осязательно, так визуально.

О, это были достойные противники! Короткий отрезок от угла до ограды они проскочили приблизительно с одинаковой резвостью, и поэтому оставалось только гадать, что же именно сегодня восторжествует: лопоухий порок или же коренастая ощеренная добродетель. Все должно было решиться там, на территории бывшего скверика.

Итак, перемахнув две траншеи подряд, они ворвались в мерцающую белыми гроздьями темноту, и погоня пошла по звуку. У развалин фонтана, где малолетний гипсовый дебил все еще душил в объятиях гипсового дельфиненка с отбитым хвостом, сержанту изменило чутье — сунулся не по той дорожке. Правда, нарушитель от этого выиграл не много: пронырнув сирень и получив по разгоряченному лбу тяжелой

влажной кистью, он остановился в растерянности перед высокой бетонной стеной, которой здесь раньше не было.

Счет пошел на секунды. Сзади в темноте хрустели ветки и слышались приглушенные ругательства — милиционер пер напролом, и, кажется, в верном направлении. Вправо пути не было — там чернели и извивались сваленные как попало останки искореженной ограды. Слева, наполовину спрятанное в тень, металлически поблескивало какое-то округлое сооружение, возникшее, надо полагать, одновременно со стеной.

Потом кусты затрещали совсем рядом, и хулиган, решившись, метнулся влево. Там его и заклинило — выяснилось, что подлая строительная конструкция установлена почти впритирку к бетону. Обегать ее было поздно. Парень отпрыгнул и вдруг углядел, что в округлом металлическом боку зияет прямоугольная дыра. Не раздумывая, он кинулся к ней и по наклонной стальной плите вбежал на четвереньках в резервуар. Осторожно, чтобы не удариться впотьмах головой, поднялся на ноги, и тут — о ужас! страх, петля и яма! — включился свет.

Никакой это был не резервуар! Злоумышленник обнаружил, что стоит, стискивая вырванную с корнем трубку, посреди короткого коридорчика с глубокими узкими нишами по сторонам.

Остолбенеть надолго ему не позволили обстоятельства — из внешней тьмы надвинулся скрежет гравия под каблуками, и, не дожидаясь, когда в коридорчик выйдет еще и сторож этой странной вагонки, хулиган влип в одну из ниш. Сторож не выходил, и в ошалелой стриженой голове сложился план: мент ломанется в конец коридора, а он тем временем — в дверь, и — прощай, Вася!..

Скрежет гравия и грозное сопение приблизились к самому входу и вдруг оборвались. Нарушитель обмер. Тихо-тихо, словно опасаясь невзначай скрипнуть глазом, покосился он на левую стенку ниши.

— Ну ни хрена себе... — выговорил наконец милиционер и задышал снова. Он стоял перед непонятным сооружением, и нежный розоватый свет из открытого люка лился ему на ботинки.

— Эй, ты внутри, что ли?..

Ответа не последовало. Сержант вернул дубинку в петлю и достал фонарик. Отступив подальше, осветил сооружение це-

ликом. Чертыхнулся.

— Выходи, хуже будет!.. — испуганно приказал он, но ответа опять не получил.

Бормоча что-то о безмозглых сопляках, присел и посветил под днище. Под днищем обнаружились посадочные опоры. Вид их настолько взволновал милиционера, что он вскочил с корточек и, отпрыгнув, закричал в озаренный розоватым свечением пустой коридор:

— Ты куда залез? Ты соображаешь, куда ты залез? Это же летающая тарелка, дурак!..

Что-то прошуршало в кустах. Сержант обернулся, дырявя ночь фонарем. Мысль о возвращающихся к своему кораблю инопланетянах поразила его воображение. Всматриваясь, долго водил лучом по вывернутым корням и пригоркам вынутого грунта. Не рискуя еще раз приблизиться к аппарату вплотную, снова присел и осветил опоры. Опоры были ничего себе, мощные...

— Отца с матерью пожалей! Улетишь ведь к едрене фене!..

Хулиган молчал. Надо было что-то предпринимать, а предпринимать ох как не хотелось... Сержант тоскливо огляделся. С трех сторон громоздились темные многоэтажки, с четвертой чернела стена, над которой рассеивался в ночи холодноватый свет придорожных фонарей. Проще всего, конечно, было бы серией коротких свистков вызвать подмогу. Но свистеть в непосредственной близости от инопланетного космического корабля милиционер не решался, тем более что в развалинах фонтана опять кто-то шуршал. Хорошо, если кошки...

— Слышь, парень, — понизив голос, позвал сержант. — Ладно, хрен с ней, с трубкой... Отпущу, только вылези... Ну что тебе, в самом деле, жить надоело? Тебя ж потом ни одна собака не найдет!.. Ну давай отойду, если не веришь...

То и дело оглядываясь, он и вправду отступил шагов на пятнадцать к искореженной поваленной ограде, где и остановился в ожидании. Ничего путного из этого, разумеется, не вышло, и спустя некоторое время милиционер, сильно помрачнев, вернулся к люку.

— Ну, паразит! Сейчас ведь влезу — за уши вытащу!.. В последний раз тебе говорю: выходи!

С надеждой прислушался. Бесполезно. Спрятал фонарик, еще раз огляделся с тоской. Потом скроил свирепую морду и, заругавшись шепотом, полез...

Конечно, мысль о том, что мент сразу ломанется в конец коридора, была по меньшей мере наивной. Первое же углубление в стене заставило сержанта приостановиться, и далее, замедлив шаг, он двинулся зигзагом от ниши к нише. В четвертой по счету стоял бледный лопоухий мерзавец и дрожащей рукой протягивал трубку.

Не теряя ни секунды, милиционер выхватил хулигана из укрытия и, заломив преступную руку, толкнул к выходу. Тот заверещал, попытался упереться и мигом получил коленом под зад.

— Пар-разиты, сопляки!.. — шипел взмокший от переживаний милиционер. — Рискуй тут из-за них, понимаешь...

До черной прямоугольной дыры оставалось не более полутора метров, когда снаружи неспешно поднялась металлическая плита и наглухо запечатала вход. Сержант отшатнулся.

— Э, ребята! — Бросив задержанного, он кинулся к плите и ударил в нее кулаками. — Вы что? Мы же не отсюда!.. Вы что?!

Ему показалось, что пол под ногами дрогнул. В панике милиционер уперся в металл плечом, потом саданул бедром с разгону.

— Добился, паразит?! — крикнул он задержанному.

Но тот, кажется, еще не понял, что произошло. Он даже не видел, как закрылся люк, потому что в те мгновения у него хрустел плечевой сустав, а перед глазами взрывались ослепительные зеленые кляксы. Теперь он стоял и, изумленно подвывая, ощупывал без малого вывихнутое плечо.

— Ах, черт!.. — Чуть не плача, сержант привалился к плите лопатками. — Откройте!.. — Ударил каблуком. Потом еще раз.

Тем временем подвывания задержанного стихли.

— Ну я торчу... — неожиданно вымолвил лопоухий паразит, хлопая пушистыми девичьими ресницами. — Это где это мы?..

В следующий миг лицо его выразило ужас: устремив на него безумные глаза, милиционер шарил по поясу между дубинкой и пистолетом, как бы выбирая, за которую рукоятку взяться.

— Да я же тебе сейчас... — бормотал милиционер. — Я тебя...

Что-то негромко чавкнуло у него за спиной. Отскочил, обернулся... И произошло чудо: на его глазах прямоугольная металлическая плита медленно отвалилась и снова стала трапом.

— Ну слава Богу!..

Во мгновение ока сержант вторично скрутил взвывшего хулигана, и оба чуть ли не кувырком вылетели наружу — в апрельскую, слегка разбавленную электрическим светом ночь.

Вылетели — и остолбенели. Прямо перед ними торчала мрачная пятиэтажка хрущевского типа с погашенными окнами и черными провалами распахнутых настежь подъездов. Надо полагать, пока сержант колотился изнутри в плиту люка и хватался за кобуру, подлая тарелка успела перепорхнуть с места на место.

От растерянности милиционер ослабил хватку, и задержанный, видимо, вообразив, что судьба посылает ему шанс, резко прянул в сторону и припустил во все лопатки к ближайшему углу, за которым, как он полагал, его ждала свобода.

В свою очередь, думая, что допустил промах, сержант ринулся за ним, но беглец, вылетев на угол, внезапно издал легкий вскрик и шарахнулся обратно с таким ужасом, будто наткнулся там еще на одного милиционера.

Лишь тогда, ударенный под дых недобрым предчувствием, сержант огляделся и ощутил, как голова его непроизвольно вжимается в плечи.

Неосвещенное здание стояло в угрюмом одиночестве посреди ровной, как космодром, округлой площади радиусом этак метров в пятьсот. С трех сторон пустое пространство ограничивали мерцающие узловатые колонны, высоту и диаметр которых было даже как-то страшновато оценивать. Что делалось с четвертой стороны, сержант не видел — обзор заслоняла пятиэтажка, но, судя по вытаращенным глазам оробевшего хулигана, картина там была аналогичная.

Сержанту захотелось зажмуриться и мелко потрясти головой, но он заставил себя еще и взглянуть вверх. В первое мгновение ему почудилось, будто там, в вышине, прямо на верхушки колонн положено огромное зеркало, отразившее и сами опоры, и служившую им основанием площадь. Однако уже в следующую секунду в сознание стало помаленьку просачиваться, что отражением это быть никак не может: во-первых, там, вверху, отсутствовала летающая тарелка, во-вторых, не наблюдалось и пятиэтажки. Иными словами, высота помещения достигала...

— Вы что, сдурели?! — обеспамятев, прохрипел сержант. Он обернулся к летающей тарелке и застал ее как бы в момент завершения зевка — причмокнув, закрылся люк.

Глава 2

В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог.

Сергей Есенин

— Ну что там? — Опустившись на одно колено, Василий заглянул под днище и включил фонарик. Луч выхватил из полумрака узорчатые грязные подошвы Ромкиных кроссовок. (Размер — сорок третий — сорок четвертый; ношеные; стоптаны равномерно; на правой, ближе к носку, — пятно мазута размером с пятикопеечную монету.)

— Не-а... — послышалось наконец из-под бронированного брюха. — Ни щелочки...

Не переворачиваясь на живот, Ромка с помощью локтей и пяток выполз на относительный простор и сел, издав при этом звук, похожий на всхлип велосипедного насоса. Наверняка опять задел макушкой броню.

— А я тебе что говорил! — сердито сказал Василий. — Какой же дурак будет люк снизу делать?..

— Ну и что!.. — морщась и ощупывая маковку, сказал Ромка. — У автобуса же багажник — снизу...

— Багажник... — недовольно повторил Василий и поднялся с колена. Достал из кармана связку изуродованных ключей и еще раз попробовал подковырнуть плиту бортового люка.

— Не тот, — присмотревшись, сказал Ромка.

— Чего не тот?

— Люк, говорю, не тот. Мы из соседнего выходили...

Василий ругнулся вполголоса и с неохотой глянул через плечо. Четырехугольное жерло крайнего подъезда целилось в него из полумрака прямой наводкой. А когда выскакивали из тарелки, оно вроде бы целилось слегка вкось... Василий нахмурился и, склонив упрямую лобастую голову, снова уставился в броневую плиту. Может, и вправду не тот?.. По уму бы, конечно, надо было лючок пометить... Но кто ж, с другой стороны, знал, что у этой хреновины аж целых шесть люков!..

— А в общем-то без разницы... — уныло заключил Ромка. — Тот, не тот... Все равно ведь ни один не открывается...

Вместо ответа Василий засопел, сдвинул милицейскую фуражку на затылок и попробовал ковырнуть в другом месте.

Бледное и как бы дышащее свечение далеких колонн еле касалось на излете скругленного металла, а щель была не толще карандашной черты.

— Вот еще, черт, надолба! — в сердцах обругал Василий пятиэтажку, пыльной глыбой тонущую в общем сумраке. — Торчит — свет только застит!..

Странное дело: типовой многоквартирный дом — единственное здесь родное и знакомое сооружение — пугал обоих больше всего. Вот уже битых полтора часа они крутились около летающей тарелки, все еще надеясь как-нибудь попасть внутрь, и ни разу ни у Ромки, ни у Василия не возникло желания хотя бы приблизиться к неосвещенной жилой коробке. Оба, не сговариваясь, делали вид, будто пятиэтажка успела намозолить им глаза до такой степени, что на нее и смотреть не хочется.

Однако, даже ограничиваясь невольными взглядами искоса, можно было заметить, что с пятиэтажкой этой явно не все в порядке. В окнах, например, ни единого отблеска, и такое ощущение, что стекол вообще не вставляли. И двери подъездов вовсе не распахнуты настежь, как это сперва показалось, а просто отсутствуют...

Ромка зябко повел плечами и поспешно перевел взгляд на шевелящуюся в полумраке широкую спину Василия. Тот все еще трудился над люком.

— А шомполом? — без особой надежды спросил Ромка.

— Пробовал уже, — отозвался сквозь зубы Василий, не оборачиваясь. — По диаметру не пролазит, здоровый больно...

Он нажал с излишней нервозностью и сломал ключ. Металлический язычок звякнул о броню и, отскочив, бесшумно упал во мрак. Василий пошарил лучом фонарика по искусственному покрытию из неизвестного материала, напоминающего с виду остекленевшую серую пемзу, но обломок, видимо, улетел под бронированное брюхо тарелки.

— Нет, ну ведь если бы я не кричал! — яростным шепотом обратился вдруг Василий к плите люка. — Ведь кричал же! Про летающую тарелку! Кричал? — Он обернулся к Ромке.

Тот вроде сидел в прежней позе: сгорбившись и сцепив руки на коленях.

— Ну, кричал... — нехотя согласился он.

— Так какого же ты?..

Ромка досадливо боднул стриженой головой колени и не ответил.

Василий крякнул, сдвинул козырек на глаза и, болезненно скривившись, в который уже раз оглядел окрестности. Похоже, кроме гигантских колонн, других источников света здесь не водилось.

— Нет, — решил он наконец. — Не делом мы занимаемся. Еще, не дай Бог, повредим чего-нибудь...

— Что ж, сидеть и ждать?

— Сидеть и ждать. — Василий пригнулся и полез в скопившуюся под днищем темноту. Нащупав рубчатый лапоть посадочной опоры, сел и привалился к металлической лапе спиной. — Если прихватили по ошибке — так вернут, а если для чего другого...

Он замолчал, явно прикидывая, на кой пес они могли понадобиться инопланетянам, и, судя по раздавшемуся из темноты вздоху, ни до чего хорошего не додумался.

— М-да... — сказал он наконец. — Ну ничего, Ромк! Вернут. Обязаны...

— Обязаны... — язвительно проговорил Ромка. — А может, у них здесь такой же бардак, как у нас!

— Ничего себе бардак! — возразил Василий. — Вон какой хренотени понастроили, а ты говоришь — бардак! Тут не бардак, тут порядок. Цивилизация...

Разговор прервался, и в огромном зале стало как будто еще темнее.

— Вообще-то, конечно, всякое бывает, — не выдержав молчания, снова заговорил Василий. — В прошлом году на металлургическом штабелировщик уснул на площадке, куда ковши отсаживают... В нетрезвом состоянии, конечно... Ну и поставили на него, не глядя, двадцатипятитонный ковш. Так розыск объявляли — пропал человек... А ковш там еще целый месяц стоял... — Произнеся это, Василий возвел глаза к угольно-черному днищу, в котором паутинчато отражались далекие заросли слабо мерцающих колонн. Летающая махина, надо полагать, тоже весила не меньше двадцати пяти тонн, да и вид имела такой, словно собирается здесь простоять как минимум месяц.

История о раздавленном штабелировщике произвела сильное впечатление. Ромка уперся ладонями в покрытие и рыв-

ком подобрал под себя голенастые ноги. Встал. Вышел, пригнувшись, на открытое пространство. Телефонная трубка торчала у него из кармана, и крысиный хвост провода волочился по стеклистому покрытию.

— Так? Да? — сдавленно спросил Ромка у запертого люка и вдруг, выхватив трубку, ударил что было силы наушником в броню. Брызнула пластмасса.

— Ты что, сдурел? — рявкнул Василий.

— Откройте! Козлы! — захлебывался Ромка, нанося удар за ударом. — На запчасти, блин, раскурочу!..

Метнул в бесчувственную плиту остаток трубки и лишь после этого малость опомнился.

— Вот только одно и можешь... — злобно заворчал на него из-под тарелки Василий. — Ломать да ломать... Ты за всю жизнь хоть одну вещь своими руками сделал?

Ромка стоял понурившись. (Рост — выше ста восьмидесяти пяти; телосложение — сутулое, худощавое; уши — большие, оттопыренные... Цвет глаз и наличие-отсутствие веснушек — не разобрать, темно...)

— Может, еще сверху посмотреть? — шмыгнув носом, расстроенно проговорил он. — Там вроде наверху какая-то фигня торчала... Подергать, покрутить...

Он вытер ладони о джинсы, приподнялся на цыпочки и, взявшись за покатый край летающей тарелки, попробовал за что-нибудь уцепиться. Уцепиться было не за что.

— Подсадить, что ли? — хмуро спросил Василий и, кряхтя, выбрался из-под днища.

Он присел и принял в сложенные вместе ладони Ромкину ногу. Поднял до уровня груди, подставил погон, потом уперся широкой ладонью в тощую Ромкину задницу и затолкнул его одним движением на крышу.

— Ну что? — спросил он, отступая на шаг.

Ромка пыхтел и не отвечал — он полз на животе к центру покатого и, наверное, скользкого купола. Вскоре на фоне гигантских мерцающих колонн обозначился его согнутый в три погибели силуэт. Видно было, как он, за что-то там ухватясь, покрутил, подергал... Василий хотел отойти подальше для лучшего обзора, но тут послышался легкий треск, силуэт неловко взмахнул длинными руками, в одной из которых мелькнуло что-то непонятное, и Ромка, съехав на ту сторону, с воплем шмякнулся на пол.

Когда Василий, обежав тарелку, подоспел к нему, Ромка уже сидел и потирал, морщась, ушибленное бедро левой рукой. В правой у него было (Василий включил фонарик) что-то вроде квадратного металлического зеркальца на полуметровом стержне.

— Вот, — виновато сказал он. — Отломилось...

— Да что ж ты за человек такой! — процедил Василий. — Руки у тебя или грабли? За что ни возьмешься — все ломается!.. Может, она теперь летать не будет без этой хреновины?..

— А там еще одна такая есть, — сказал Ромка.

Василий открыл было рот — выложить все, что он думает о своем косоруком спутнике, но тут по темному залу беззвучно прозмеился огромный огненный знак, причем один из его языков вильнул им прямо под ноги. Василий от неожиданности подскочил, а Ромку подбросило с пола.

— Берегись! — рявкнул вдруг Василий. — Уйди на хрен!

Он схватил за шиворот только что успевшего встать на четвереньки Ромку и отволок шагов на пять прочь.

Летающая тарелка оживала. По выпуклой броне уже вовсю бежали, потрескивая, фиолетовые электрические разряды. Округлая черная глыба неспешно всплыла над полом, потом остановилась, и мрак под днищем зашевелился — бронированная черепаха подбирала конечности и смыкала клюзы. Затем, приглушенно взвыв, крутнулась — мощно, как турбина, — и, обдав лица волной озона, ушла ввысь стремительным неуловимым броском. А вот куда делась потом — понять трудно. Такое впечатление, что испарилась на полдороге...

А по полу прозмеился еще один иероглиф — на этот раз изумрудный. Правда, теперь уже никто не подпрыгнул: хмуро переглянулись — и только.

— Может, отремонтируется — прилетит? — жалобно предположил Ромка.

Василий злобно молчал, поигрывая желваками.

— Отремонтируется... — проговорил он сквозь зубы. — Кто бы тебя, придурка, отремонтировал!.. Ну и куда теперь?

Оба одновременно повернулись к зияющей черными окнами пятиэтажке, причем Василий наступил на что-то и чертыхнулся.

— Да ну ее на фиг! — торопливо проговорил Ромка. — Чего там делать? И так видно, что нет никого...

Василий, поигрывая желваками, изучал здание.

— Трубку подбери, — негромко приказал он.

— А?

— Трубку свою подбери, — не повышая голоса, повторил Василий и указал носком ботинка. — Чего валяется?..

— А-а... — Не сводя широко раскрытых глаз с пятиэтажки, Ромка послушно поднял с пола размочаленную телефонную трубку, и тут в одном из окон второго этажа включился свет.

Ромка охнул и выпрямился. Рубиновое сияние, пролившееся из прямоугольного проема, окрасило в кремовые тона серое пористое покрытие под ногами и положило легкий розовый мазок на ствол табельного оружия, возникшего вдруг в правой руке Василия.

— Так... — невыразительным голосом, от которого у Ромки кожа поползла на затылке, проговорил Василий. — Кого-то мы разбудили...

Глава 3

И дале мы пошли — и страх обнял меня.

Александр Пушкин

Окно погасло, провалилось черной ямой, но зато зажглось соседнее, правда, уже не рубиновым, а мертвенно-голубоватым светом. Василий и Ромка увидели в прямоугольном проеме все то же, что и прежде: голые стены и потолок без каких-либо признаков люстры или плафона. Такое ощущение, что кто-то, переходя из комнаты в комнату, дотянулся сразу до обоих выключателей и одновременно нажал их, убрав свет в одном помещении и включив в другом. Выключатели, надо понимать, работали бесшумно — в такой тишине и при отсутствии стекол щелчок просто не мог быть не услышан.

— Да что за черт! — всматриваясь, тихо сказал Василий. — Это же разные квартиры! Он что, сквозь стены ходит?

От такого предположения обоих слегка зазнобило, но оставалась еще надежда, что строение только снаружи представляет собой точную копию хрущевской пятиэтажки. Внутри оно могло быть устроено как угодно.

Однако вскоре свет перепрыгнул в следующее окно, и версия об оригинальной планировке отпала — окно это располагалось этажом выше. Кто-то шел сквозь дом, и похоже, что для

него не существовало не только стен, но и перекрытий: пронизав третий этаж, снова перескочил на второй, двинулся влево, вернулся... Окна вспыхивали поочередно, каждый раз бросая на ствол пистолета новый отсвет: голубоватый, рубиновый, но чаще всего прозрачно-желтый, как от обыкновенной лампочки накаливания.

«Да нет там никого! — внезапно озарило Ромку. — Сидит себе где-нибудь перед распределительным щитом и балуется с выключателями, а мы тут с ума сходим!..» Но обрадоваться своей остроумной в общем-то догадке он так и не успел: из прозрачно-желтого окна пришел звук — кто-то обо что-то споткнулся и вроде бы даже сказал: «Ух!..» Далее, судя по всему, замер и, выждав с минуту, двинулся обратно, откуда пришел...

— Чего-то ищет... — обмирая, сообразил Ромка, и в этот миг свет погас вообще. Дом снова стоял пустой и темный.

— Орать-то зачем? — злым придушенным шепотом осведомился Василий.

— А я орал? — огрызнулся Ромка тоже шепотом.

Подождали, не вспыхнет ли где еще окошко. Не вспыхнуло. Пятиэтажка тонула в вечных сумерках огромного зала серой издырявленной черными проемами глыбой. Василий хотел вернуть пистолет в кобуру, но раздумал.

— А ну-ка давай еще с той стороны посмотрим, — сказал он. — Может, он как раз там сейчас и шарит... Да спрячь ты, на хрен, свою трубку! Стрелять из нее, что ли, собрался?

Ромка взглянул на свою правую руку, смутился и, запихнув изувеченную трубку микрофоном в карман джинсов, подобрал с пола отломанный от летающей тарелки металлический стержень с зеркальным бруском на конце.

Угол миновали благополучно, но, когда проходили мимо второго окна, кто-то из черного провала внятно произнес: «Бу!» — и обоих отбросило от дома шагов на пять.

Луч фонарика канул в окно, как в колодец.

— Вроде никого... — пробормотал Василий.

— Может, показалось? — с надеждой спросил Ромка.

— Обоим, что ли?.. — Василий ощупал лучом торец дома, ругнулся и убрал свет.

Одолеваемые самыми нехорошими предчувствиями, двинулись дальше. Василий с пистолетом — чуть впереди, а чуть поотстав — Ромка со стержнем. Вылитый индеец на тропе войны. Шли боком, как бы ожидая все время нападения с тыла.

— Стоп! — тихо скомандовал Василий, вглядываясь во что-то под ногами. — Это еще что за чертовщина?..

Впереди, в трех шагах, на сером покрытии лежал овальный отсвет. Из окна он никак падать не мог — иначе он был бы вытянут в другую сторону. Присев, Василий провел над светлым пятном рукой, но тени растопыренной пятерни в пятне не обозначилось.

Поглядели с тревогой друг на друга. Ромка высвободил из кармана исковерканную трубку и движением, каким обычно подбрасывают хворост в костер, кинул ее в центр овала. Обрывок телефонного провода больно хлестнул по лодыжкам — трубка исчезла, даже не долетев до покрытия. Оба отпрянули.

— Так... — сипло проговорил Василий. — Будем знать...

Внимательно глядя под ноги, они добрались до угла и вышли за дом. Ни в одной из квартир, обращенных окнами в эту сторону, света не было. Зато по серому покрытию здесь и там беспорядочно разбросаны были все те же овальные светлые пятна, как будто штук пятнадцать невидимых карманных фонариков освещали пористый, похожий на пемзу пол.

— Капканы... — еле выговорил Ромка.

Василий мрачно кивнул.

С прежними предосторожностями они вернулись к подъезду.

— Одно из двух, — угрюмо подытожил Василий. — Или он, зараза такая, сейчас за нами следит, или я не знаю что... Ну не спать же он лег, в конце-то концов!

Они огляделись еще раз. До мерцающего леса колонн было очень далеко. Пятиэтажка была рядом.

— Может, до утра подождать? — жалобно сказал Ромка.

— Мы ж под крышей, — напомнил Василий. — Какое тут может быть утро?..

Он помолчал, явно на что-то решаясь.

— Значит, так... — заговорил он наконец. — Возвращаемся на угол, будто идем обратно, потом резко влево — и вдоль стены к парадному...

Оказавшись под бетонным козырьком, который, впрочем, кажется, бетонным не был, Василий включил фонарик. Неровное волокнистое кольцо света медленно скользнуло по стенам короткого коридорчика, выхватило в глубине его пяток ступеней, площадку, затем вернулось и, облизав косяки, снова провалилось в глубину подъезда.

— Это не мы строили, — глухо проговорил Василий.

— Ага... — сдавленным эхом отозвался из-за плеча Ромка.

Дверей в парадном не было и, судя по отсутствию петель, не предполагалось. Но главное, конечно, не в этом... Вблизи здание поражало небывалой чистотой отделки и какой-то... наготой, что ли... Нигде ни карниза, ни выступа, порожка вот даже нет... Вдобавок возникало ощущение, что пятиэтажка эта вся выточена из единой глыбы. Да, наверное, Василий был прав: здание строили не люди.

— За улицей последи, — негромко приказал он, видимо, подразумевая другие подъезды, и осторожно перенес ногу через несуществующий порог. Стоило ему это сделать, как в глаза ударил свет и что-то с нечеловеческой силой ухватило левую руку Василия повыше локтя.

Он шарахнулся назад и вправо. Подъезд вновь провалился во тьму.

— Вот как звездану промеж фар! — прошипел Василий, в самом деле занося рукоять пистолета. — Чуть не застрелил тебя, дурак!..

Ромка отпустил локоть и, кажется, хихикнул. Василий, не поверив, посветил спутнику в лицо и увидел, что оно и впрямь перекошено диковатой улыбкой.

— Так страшно ведь... — с нервным смешком объяснил Ромка.

Василий двинулся на него, выпятив челюсть.

— А трубку? — севшим от бешенства голосом проговорил он. — Трубку из автомата выдирать — не страшно было?..

Ромка убито молчал, и Василий снова повернулся к подъезду. Шагнул — и помещение исправно озарилось ровным и довольно ярким светом.

— Ну ясно... — проворчал Василий. — Хоть с этим разобрались...

Он внимательно изучил голые стены, потолок и остался в недоумении: лампочки нигде видно не было, и откуда изливался свет — непонятно. Посмотрел, куда падает тень, и убедился, что не падает никуда, а расплывается из-под ног смутным пятном сразу во все стороны.

— Все спокойно? — спросил он оставшегося снаружи Ромку.

Тот, спохватившись, огляделся и ответил, что все спокойно. Василий продолжал осмотр помещения. Лестница ему, судя по

выражению лица, решительно не понравилась: во-первых, без перил, во-вторых, ступеньки... Они были строго прямоугольные, без скруглений — тоже, короче, подделка...

— Слушай, — сказал Василий, и голос его гулко прозвучал в пустом подъезде, — а ведь, похоже, до нас здесь людей вообще не было...

— Почему?

Вместо ответа он обернулся и указал глазами на девственно чистые стены: нигде ни рисунка, ни надписи, ни даже копоти от прилепленной к потолку спички...

— А из окна тогда кто пугал?

— А хрен его знает... — Василий поставил ногу на первую ступеньку — и тут же осветился следующий пролет, но зато погас свет в коридорчике. Погас и вспыхнул снова — это в подъезд вошел Ромка.

— Я там один не останусь! — решительно предупредил он.

— А я тебя одного и не оставлю! — буркнул Василий. — Тебя только одного оставь!..

На площадку смотрели три дверных проема. Свет вымывал из них черноту где-то на метр, не больше. Те же идеально прямые углы, то же отсутствие петель, равно как и деревянных косяков с притолокой...

— Может, по первому этажу сначала? — затосковав, предложил Ромка.

Василий подумал.

— Нет, — решил он наконец. — Свет был на втором — значит и пойдем на второй.

Они поднялись на второй этаж, где их ждали точно такие же проемы в точно таком же количестве.

— Это налево, — определил Василий и посветил фонариком в левую дверь. — А ты пока за остальными приглядывай...

В квартирах шевелился мрак, и Ромка безрадостно взглянул на свой жалкий томагавк.

— Ввa!.. Ввa!.. — замогильным голосом пугнули из левого проема, и Василий, не раздумывая, бросился на звук. Оцепеневший Ромка видел, как в озарившейся комнате его спутник чуть присел и сделал круговое движение, беря на прицел что ни попадя, после чего выпрямился в растерянности и опустил руку с пистолетом.

Брать на прицел и впрямь было нечего. В совершенно голом квадратном помещении (прихожая почему-то отсутство-

вала) одиноко раскинулось огромное двух-, чтобы не сказать трехспальное ложе. Пустое. Предмет роскоши вызывающе сиял полировкой и выложен был нежно-упругими на вид квадратами, обитыми чем-то дорогим и ласкающим глаз.

— Справа, — отрывисто предупредил Василий, не оборачиваясь. — Смотри не вляпайся...

Но Ромка уже и сам увидел: в метре от входа на полу лежало овальное пятно черт ее знает откуда падающей тени. Точно такое же, один к одному, только масть другая...

Василий тем временем приблизился к ложу и, убедившись, что спрятаться под ним невозможно, потыкал стволом в одну из квадратных подушек. Звук получился как от соприкосновения двух булыжников.

Подошел Ромка. В недоумении тронул кончиками пальцев другую подушку, потом, изумившись, провел по ней ладонью.

— Во идиоты! — выговорил он, уставив на Василия совершенно круглые глаза. Подушка была холодная и твердая, как мраморная плита.

— Ладно, — сердито сказал Василий. — Бог с ней, с кроватью. Давай логически... Деться он отсюда никуда не мог... — Василий не договорил и прислушался.

— Ля-ля-ля-ля!.. — завопил в отдалении истошный альт и оборвался, словно певцу заткнули рот. Пистолет в руке Василия качнулся от проема к проему.

— В голову... — шепотом подсказал Ромка.

— Чего?

— Если стрелять, то в голову... — пояснил Ромка.

— Придурок! — Василий смерил лопоухого спутника уничтожающим взглядом. — Видиков, что ли, насмотрелся?..

Прислушались. На этаже было пусто и тихо.

— Ну что, пойдем дальше... — вздохнул Василий. — Не возвращаться же...

Следующая комната, наполнившаяся при первом их шаге холодным голубоватым свечением, оказалась совершенно пустой, если, конечно, не брать во внимание груды желтоватой трухи в углу да рассыпанных по полу разноцветных, похожих на выкройки лоскутов. То же окно, те же три черных дверных проема. Кажется, этаж и впрямь был сквозным и состоял из одних только комнат: ни коридоров, ни кухонь, ни даже санузлов...

— Ну, понятно... — тихонько сказал Ромка.

— Что понятно? — машинально переспросил Василий, пробуя на ощупь ярко-алый лоскут. Лоскут был холодный и скользкий, как лягушачья кожа.

— Понятно, как это он сквозь стены ходил...

Эта невинная фраза привела Василия в бешенство.

— Да? — побагровев, гаркнул он. — Понятно? А с этажа на этаж ты прыгать умеешь? Без лестницы, а?

Отшвырнул с отвращением скользкий лоскут и, сопя, направился в угол. Ухватил щепотку желтоватой трухи, растер в пальцах, понюхал... Труха как труха. Похоже, древесная.

Ромка растерянно поскреб стриженый затылок. С этажа на этаж без лестницы... Так, может, тут и лестницы в комнатах есть?.. Осененный такой мыслью, он немедленно сунулся в один из проемов. Далее последовал приглушенный вскрик, и отшатнувшийся Ромка повернул к Василию смятое страхом лицо.

— Там... — выдохнул он, тыча во что-то стержнем. — Там...

Во мгновение ока Василий очутился рядом и чугунным плечом отпихнул Ромку назад, за спину.

Посреди залитой рубиновым светом комнаты, уткнувшись лицом в пол, лежало белое раздутое тело.

Глава 4

Хороша была Танюша, краше не было в селе...

Сергей Есенин

— Ни к чему не прикасаться! — отрывисто предупредил Василий. — Встань в дверях.

Ромка испуганно шевельнулся и замер. Большего он все равно сделать бы не смог, поскольку и так стоял в дверях.

Василий потянул воздух круглыми ноздрями. Запаха вроде нет... А раздуло прилично... Или это у него бедра такие?.. Э! А труп-то, получается, женский...

Василий стоял неподвижно, работали одни глаза: оценивали, прикидывали, измеряли. Значит, так... Сначала место происшествия... Справа от двери на расстоянии двух метров от левой ноги трупа обнаружено... Василий нахмурился, но так и не понял, что же, собственно, обнаружено справа от двери. Поколебавшись, он определил находку как «предмет непра-

вильной формы» и двинулся дальше. Глаза его довольно быстро обежали комнату против часовой стрелки и, кроме теневого «капкана» под окном, ни за что больше не зацепились. Что ж, тем проще...

Итак... Женский труп, совершенно голый, лежит приблизительно в центре комнаты по диагонали. Голова трупа направлена в ближний правый от окна угол.

Зафиксировав таким образом положение объектов, Василий двинулся к телу. Чудовищный бледный зад покойницы вздымался чуть ли не на полметра над уровнем пола. Ниже колен ноги вдруг истончались самым неожиданным образом, а заканчивались и вовсе условно: на левой ноге было четыре пальца, на правой — три. Кроме того, Василий сразу обратил внимание на другую странность: несоразмерно маленькая голова трупа не имела волосяного покрова и лоснилась, как бильярдный шар.

Все эти несообразности он поначалу хотел списать на далеко зашедшее разложение, но теперь уже было ясно, что никакого разложения тут нет и в помине, что труп свеженький. Если это вообще труп.

Василий присел на корточки и принялся осматривать тонкую вывернутую ладошкой вверх руку. Весьма любопытная была рука. То, что на ней насчитывалось всего четыре пальца, как и на левой ноге, — полбеды, а вот то, что ни один из них не являлся большим... Такое ощущение, что потерпевшая сплошь состояла из особых примет.

— Может, тут радиоактивный фон повышенный? — негромко спросил Василий и сам затосковал от такого предположения. В свое время чудом избежав отправки в Чернобыль, он с тех пор панически боялся радиации. — Ну чего стал столбом! — прикрикнул он на оцепеневшего в дверях Ромку. — Иди — поможешь...

С отвращением на лице Ромка сделал шаг, и темнота немедленно оккупировала дверной проем.

— Давай перевернем, — сказал Василий. — Чего косоротишься? Зимой вон один мужик дома помер, полмесяца у теплой батареи пролежал — и то ничего: по частям выносили... в противогазах... — Он протянул руку к чудовищному бедру и тут же отдернул пальцы. Гладкая, без единой поры и без единого волоска кожа оказалась прохладной, но не более того. Мертвому телу полагалось быть куда холоднее.

Где-то вдали по темным комнатам явственно прошлепали босые ноги.

— Так, — сказал Василий. — Значит, между делом... Ты приглядываешь за дверью слева, я — за дверью справа. Давай-ка...

Он убрал пистолет в кобуру, оставив ее, однако, расстегнутой. Ромка, преодолев приступ дурноты, нагнулся, и вдвоем они потянули бледную тушу на себя, взявшись за плечо и за бедро. Тело перевернулось неожиданно легко, махнув гибкой, как шланг, четырехпалой рукой.

Оба поспешно встали и отступили на шаг. Перед ними лежало нечто невообразимое. Единственное, что можно было с уверенностью о нем сказать, — так это то, что оно женского пола.

Еще когда перевертывали, у Ромки екнуло сердце — он заметил, что у существа отсутствуют уши. Теперь выявилось отсутствие и всех прочих черт, как-то: носа, рта, глаз... Лицо и затылок лежащей, по сути, не отличались друг от друга ничем.

Пережив первую оторопь, они пригляделись повнимательней, в результате чего пережили поочередно вторую, третью и четвертую. Плечи у чудовищной дамы были слегка кривоваты, руки — разной длины, но зато бюст... Такого бюста Василий отродясь не видывал. Ромка — тем более.

Талия довольно тонкая, бедра... Ну, о бедрах речь уже велась... А в целом фигура производила такое впечатление, будто какой-то скульптор-дилетант довольно тщательно, хотя и препохабно, изваял бедра и бюст, а руки-ноги-голову заканчивал уже наспех и как попало.

— Слушай, да это кукла! — ошарашенно проговорил Василий.

Они посмотрели друг на друга и страдальчески наморщили лбы, явно припоминая, где они уже могли видеть эту нестерпимо знакомую композицию. Хотя чего там было вспоминать: обычная заборная живопись — все пропорции оттуда...

Создание лежало, бесстыдно раскинув ноги. Василий взглянул и содрогнулся: выставленные напоказ тайные прелести были выполнены с анатомической точностью. Чувствовалось глубокое знание предмета.

Он нагнулся и с сосредоточенным видом прощупал истончающуюся конечность, пытаясь определить, есть ли там внутри кости. Что-то вроде прощупывалось, но как-то уж больно неопределенно...

— А вдруг это она?.. — замирающим шепотом произнес над ухом Ромка, и милицейская фуражка Василия шевельнулась вместе с волосами.

— Что «она»? — ощерившись, повернулся он к Ромке. — Ходила? Пугала?.. Совсем уже пробки перегорели?! — Василий схватил и подбросил четырехпалую бледную руку. Рука безжизненно шлепнулась на пол. — Это же кукла, понимаешь, кук-ла!..

Ромка зачарованно смотрел на громоздящееся у ног тело, и все время казалось, что вот сейчас оно пошевелит бледными пальцами и медленно-медленно начнет поднимать голое слепое лицо.

Василий встал и огляделся со злобой и отчаянием. Уж лучше бы это был труп...

— Надо же! — ядовито выговорил он. — Морды нет, зато... — Тут он, спохватившись, оглянулся на Ромку, но, сообразив, что все слова тому давно уже известны, назвал орган по имени. — Как нарисованная!..

Ромка смотрел на него с тоской и завистью: судя по всему, железный человек Василий был напрочь лишен воображения.

— Ладно, — словно сжалившись над впечатлительным спутником, сказал тот. — Бог с ней. В конце концов, не наше это дело... Пошли дальше.

Уже в дверях он бросил через плечо недовольный взгляд в сторону так и неосмотренного «предмета неправильной формы», даже поколебался, не вернуться ли. Не вернулся. Что-то подсказывало Василию, что впереди их ждет еще чертова уйма подобных, а точнее — ничему не подобных предметов...

И предчувствие не обмануло. Беззвучно вспыхивал свет, расплывались под ногами смутные тени, лезли в глаза какие-то уродливые то ли заготовки, то ли обломки: нечто вроде двуногой табуретки с шишковатым сиденьем, потом пригорок дурно пахнущего (если надавить) желтоватого ветхого поролона. И, наконец, койка.

Вернее, это была даже не койка, а грядушка от нее с огрызком рамы. Вся какая-то вывихнутая, словно металл долго и тщательно выгибали, уродуя с любовью каждую деталь по очереди... Однако внимательный осмотр, произведенный Василием, показал, что все не так. Во-первых, грядушка и часть рамы представляли собой как бы единую отливку. Во-вторых, никто ничего не уродовал — все говорило о том, что кровать была

именно такой с момента изготовления. Прутья, например, при всем желании не могли бы идти параллельно, потому что расстояние между ними вверху и внизу было разное, как, впрочем, и длина самих прутьев.

Кроме того, создавалось впечатление, что недостающая часть койки была не отпилена и не отломана, а как бы отъедена, ну, скажем, личинкой насекомого — на эту мысль Василия натолкнули желобки и ямки, какие остаются обычно в бревнах после жучка-древоточца. Точно такая же резьба по металлу обнаружилась и на одной из уцелевших ножек. Иными словами, койку пробовали глодать и с этой стороны...

— Ни фи-га себе!.. — сказал Ромка в соседней комнате, и Василий встревоженно поднял голову. Судя по тону высказывания, ничего страшного за стеной найдено не было, но лучше бы, конечно, по комнатам не разбредаться...

— Ну что там еще? — недовольно спросил Василий.

Ромка появился в проеме, и в руках у него была... Василий моргнул и поднялся. Книга. Серый увесистый томик с золотым тиснением.

— Вот... — растерянно пояснил Ромка. — Валялась...

Василий взял книгу и тупо уставился на обложку. Лев Толстой. «Анна Каренина». Осмотрев и ощупав переплет, невольно покосился на вывихнутую койку. Та же история... Такое ощущение, что томик выпустили с чудовищным браком: крышка — пропеллером, корешок — вогнутый, даже толщина вверху и внизу — разная.

— Внутри... — почему-то шепотом подсказал Ромка.

Василий раскрыл томик на середине и вновь моргнул. Сначала показалось: что-то со зрением. Внезапная близорукость или что-нибудь еще в этом роде... Ни одной строчки прочесть было невозможно — буквы расплывались, как на промокашке, крохотными серыми пятнышками. В состоянии, близком к панике, Василий полез в начало книги. На первой странице значилось: «Глава 1. Все счастливые семьи счастливы одинаково. Все несчастные семьи несчастны по-разному. Все смешалось в доме Облонских. Стива проснулся...» Далее буквы теряли очертания, и строки шли бессмысленными полосками до конца страницы.

Василий принялся лихорадочно листать. Бумага была рыхлая и толстая, как блин, — увесистый томик состоял из каких-нибудь полусотни страниц. И на каждой — одно и то же...

Лишь однажды серые пятнышки обрели очертания и сложились в ясную, вполне определенную фразу: «У Вронского была красная шея...»

— Ты что-нибудь понимаешь? — в недоумении спросил Василий — и вдруг умолк.

«Туп... туп... туп...» — негромко, но явственно отдавалось по гулким темным комнатам. Кто-то опять шел босиком — только походка на этот раз была другая: нетвердая, вроде бы даже пьяная...

Василий без стука положил книгу на пол и взялся за кобуру. Плохо, что этаж был сквозным, — шаги доносились как бы из трех проемов сразу.

Оба замерли, вслушиваясь, хотя, честно говоря, пора было уже не вслушиваться, а всматриваться.

Первым увидел Ромка. Зрачки его расплылись во весь раек, и он закричал, как подстреленный заяц.

Василий крутнулся волчком — и чуть не выронил пистолет. На его глазах из мрака, заполнявшего проем, вылепились вздутые переваливающиеся бедра, колышущиеся ядра грудей и бледный слепой отросточек головы.

Качаясь с боку на бок, в раскорячку, она с невероятными усилиями ковыляла к нему, призывно раскинув четырехпалые руки, одна из которых была явно короче другой. Истончающиеся от колен ножки вихлялись и гнулись под тяжестью чудовищного тела.

Заячий Ромкин визг пронзал перепонки. Чувствуя, что всего секунда отделяет его от безумия, Василий судорожно нажимал и нажимал на спуск, но выстрела (как и полагается в бреду) не было.

Наконец, дико заорав, он прыгнул навстречу надвигающемуся на него безликому ужасу и что было силы впечатал рукоять пистолета в крохотный голый лоб. Хилые ножки подломились, белесая туша откинулась назад и затем повалилась на спину, запоздало смыкая объятия тонких ручек.

Василий перепрыгнул через упавшую, почувствовал, как слабые пальцы пытаются ухватить его за штанину, не глядя ударил по ним рукояткой и кинулся в проем. Следом метнулся Ромка. Стремглав проскочив несколько комнат и чудом не сверзившись с лестницы без перил, они вылетели из подъезда, но не остановились, а продолжали бежать, пока не кончилось дыхание.

Первым упал Ромка, за ним — чуть поотставший Василий. Последним страшным усилием он еще заставил себя поднять голову и, лишь убедившись, что никто за ними не гонится, вновь задохнулся и лег щекой на пористое стекловидное покрытие.

Они долго лежали рядом и не могли произнести ни слова. Мерцание гигантских конструкций разливалось над ними, как северное сияние.

— Я же говорил, что это она... — всхлипнул Ромка и стукнул кулаком в пол.

Василий шевельнулся, сел. Осмотрел пистолет и, негромко ругнувшись, убрал в кобуру. С предохранителя надо снимать, когда стреляешь!..

— Отец-мать живы? — угрюмо спросил он.

Ромка молчал — видимо, собирался с силами.

— Живы... — глухо отозвался он наконец. — Шмотки делят...

— Это как?

— Ну... разводятся...

Василий покивал понимающе-скорбно, потом протянул широкую лапу и грубовато огладил колкое жнивье на Ромкином затылке.

— Ничего, Ром... Выкрутимся как-нибудь...

Несмотря на то что в отчаянном своем рывке они покрыли чуть ли не двести метров, путь до фосфоресцирующих громад оказался неблизким — как выяснилось, гладкий стеклистый пол скрадывал расстояние. Отупев от пережитого, они плелись молча, лишь изредка вздыхая и оглядываясь на сильно уменьшившуюся пятиэтажку. Если верить наручным часам Василия, дело шло к половине четвертого.

— Слушай, а ведь и впрямь светает...

Они остановились и с неохотой запрокинули головы.

— Это колонны отсвечивают... — сердито буркнул Ромка.

От основания ближайшей опоры их отделяло уже не более пятидесяти метров. Огромная, как небоскреб или телебашня, вся изрезанная по вертикали канавами и расселинами, колонна возносилась, мерцая, к стеклистому потолку, в который и врастала на умопомрачительной для русского провинциала высоте.

И вовсе она была не круглой, как казалось издали. Если спилить ее под корень, то срез пня скорее всего имел бы форму амебы.

— Понастроили хренотени... — проворчал Василий. Ромка вздохнул и не ответил.

Они приблизились к самому подножию и вдруг, словно разом прозрев, остановились.

В бледно-золотистой отвесно взмывающей ввысь стене приблизительно на уровне человеческого роста были глубоко вырублены три огромные корявые буквы. Короткое матерное слово.

Молчание длилось не меньше минуты.

— Так... — сипло выговорил наконец Василий. — Выходит, мы тут все-таки не первые...

Оба вздрогнули и посмотрели друг на друга, пораженные одной мыслью: а что же стало с тем, кто это выдолбил? Надпись осталась, а сам?..

Глава 5

Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Николай Некрасов

Василия мучили кошмары. Ему снилось, что он мечется, увертываясь, по своей разгромленной комнате, а за ним, раскинув руки неравной длины, ковыляет враскачку страшная безликая кукла. С кривоватого белесого плеча медленно соскальзывает гардина, сорванная и брошенная ей в голову Василием (Зачем? Она ведь и так слепая!), а он, выиграв очередную пару секунд, рвет дверцу шкафа и выдергивает ящики, точно зная, что где-то тут должен быть его пистолет.

Вновь увернувшись, он оборачивается и цепенеет от ужаса: в углу комнаты, грозно подбоченившись, стоит жена и, сводя брови, наблюдает за безобразной сценой.

— Ах ты кобель-кобель!.. — скривив рот, говорит она и выходит из угла, явно не понимая, насколько это опасно.

— Куда?.. Назад!.. — в страхе кричит Василий, но жена вдруг начинает пугающе меняться, и вот уже две слепые белесые твари, раскинув руки, идут на него с двух сторон. Теперь не выкрутиться... С этой отчаянной мыслью он и проснулся.

Резко приподнявшись на локте, открыл глаза, но радость, озарившая покрытое испариной лицо, быстро сменилась рас-

терянностью, и, испустив болезненное «о-ох...», Василий зажмурился и уронил тяжелую взъерошенную голову на грудь.

Заставив себя снова разъять веки, он увидел свою мощную пятерню, упирающуюся в светло-дымчатое слегка искрящееся покрытие. На ощупь оно было упругим и прохладным, как чисто вымытый линолеум. А с виду — и не подумаешь даже — хрупкое, твердое: щелкни — зазвенит...

Василий поднял глаза, и взгляд его уткнулся в бледно-золотистую стену, как бы склеенную из вертикально набранных коротких соломинок. Стена уходила ввысь и кончаться никак не желала. Он полулежал, опираясь на локоть, в глубокой, как комната, вдавлине, являющейся началом канавы, бегущей чуть ли не до самого верха титанической колонны. Здесь же, в нише, у противоположной стены, скорчившись, спал лопоухий стриженый Ромка, причем, судя по тому, что глаза его так и катались под веками, во сне ему тоже приходилось несладко.

А вокруг... Василий изумленно сложил губы колечком, словно собираясь присвистнуть. Вокруг был день! В каких-нибудь ста метрах от их логова соломенно посверкивал такой же резной небоскреб, а покрытие напоминало гладь пруда в безветренное пасмурное утро.

Василий тяжело поднялся на ноги и вдруг почувствовал, что кобура соскальзывает с бедра. Он прихлопнул ее ладонью, но поздно — табельное оружие глухо ударилось об пол. Поспешно нагнулся и, уже подбирая, в смятении ощутил, что левая ягодица у него, кажется, голая. Схватился со шлепком... Ну точно, голая! Извернувшись, оглядел левый бок.

Такое впечатление, что, пока Василий спал, над его формой изрядно потрудился вор-рецидивист высокого класса, вооруженный импортным лезвием, — все части одежды, соприкасавшиеся с полом, исчезли бесследно. Ошарашенный, он перевел взгляд на то место, куда положил перед сном фуражку, и увидел, что от нее остались одни только металлические причиндалы: кокарда, распорка и две пуговицы. Все остальное, надо полагать, было втихаря съедено стеклистым мелкогубчатым полом.

— Закрой!.. На ключ закрой!.. Не пускай ее!.. — заметавшись, сбивчиво заговорил во сне Ромка, и Василий воззрился на него, раздувая ноздри. Затем лицо сержанта исказилось злобой, и он шагнул к спящему с явной целью поднять его пинком в ребра. Но, к счастью, осуществиться этому зверству

было не суждено — наполовину съеденный ботинок свалился с занесенной уже ноги.

— Это ты так караулишь? — заорал Василий, потрясая огрызком ремня с кобурой. — Паразит ты лопоухий! Твоя же очередь была!..

Ромка взбрыкнул, вскинулся, тоже явив нагие участки тела, и широко раскрыл совершенно безумные глаза. Попав из одного кошмара в другой, он смотрел на Василия и ничего пока не понимал.

— Я же тебе часы дал! — неистовствовал тот. — Сказал же: через час разбуди!..

Ромка сморщился и, осторожно взявшись за стриженую лопоухую голову, тихонько замычал. Тут Василий почувствовал угрызения совести и, замолчав, принялся горестно изучать повреждения... Что хозяева сволочи, он заподозрил еще вчера, но чтобы так изуродовать форму!.. Василий чуть не плакал.

— Суки! — кривясь, говорил он. — Главное, неделю только как выдали — новенькая же форма была!..

В защиту его следует сказать, что Василий вообще отличался аккуратностью: штатское носил весьма бережно, казенное — тем более. Поэтому немудрено, что вся эта история вывела его из равновесия... Правда, и Ромка, слегка опомнившись, тоже повел себя не лучшим образом.

— Разнылся! — презрительно выговорил он. — Были бы хоть штаны, а то...

Естественно, что после такой реплики Василий снова стал невменяем.

— Ах это тебе не штаны? — завелся он с пол-оборота. — Раз меньше пяти сотен — так, значит, уже не штаны тебе, да? Кроссовки за триста порвал, выбросил — ничего? Родители новые купят?.. И покупают ведь! И воруют, чтобы вас одеть!.. Так даже этого не цените!..

Потом оба охрипли, поуспокоились и, светя голыми задницами, стали считать потери. От резиновой палки не осталось практически ничего, часы остановились на четверти пятого и заводиться больше не желали. С фонариком случилось и вовсе нечто загадочное: все его пластмассовые детали как бы растаяли, и теперь, если потрясти, он тарахтел, как погремушка. Но что самое обидное — металлическая кувалдочка, отломанная Ромкой от летающей тарелки, как лежала, так и осталась лежать целехонькая...

— Что ж все-таки с тем мужиком-то стало? — в мрачном раздумье проговорил наконец Василий, явно имея в виду автора матерной надписи.

— Зажевали! — злобно ответил Ромка.

— Кто?

— Кто-кто... Кто нас вчера по этажам гонял?

— Ну, это ты брось! — решительно сказал Василий. — У ней и рта-то нету... Чем она тебе зажует?

— Чем-чем... — ответил Ромка. Хотел срифмовать, не сумел — и расстроился окончательно. — Жрать охота, — сообщил он сварливым старушечьим голосом.

— Мне, что ли, неохота? — огрызнулся Василий, успевший за время разговора разобрать и собрать свой «макаров». Слава Богу, хоть оружие было в порядке...

Кое-как задрапировав чресла обрывками брюк, они вышли из ниши и остановились в недоумении. Справа, неподалеку, на искристом покрытии выстроились шеренгой четыре молочно-белые глыбы.

— Вчера же только одна была... — озадаченно молвил Ромка.

У Василия напряглось лицо. Пристально оглядев окрестности, он вынул босые ноги из полусъеденных ботинок и крадучись двинулся в обход, жестом скомандовав Ромке заходить справа. Тот испуганно моргнул — и подчинился. Пока шли, его дважды омыло ознобом — почудилось, что из-за глыбы осторожно, как щупик улитки, высовывается гладкий слепой отросточек головы. Слава Богу, только почудилось...

Василий же, убедившись в отсутствии засады, казалось, был разочарован. Еще раз оглядел окрестности и, нахмурившись, занялся собственно глыбами.

(Четыре изделия неправильной формы из материала, напоминающего мрамор. Расположены параллельно стене опоры. Отстоят друг от друга приблизительно на полтора метра. Поверхность — округлая, гладкая...)

Василий внимательно их осмотрел, кое-какие ощупал, а самую маленькую, ту, что разлеглась на покрытии двухметровым кривым огурцом, попробовал даже приподнять.

— Черт знает что такое... — раздраженно подвел он наконец итог. — Ну, допустим, привезли, сгрузили... Зачем?

Округлые молочно-белые глыбы безмолвствовали. Самая большая напоминала по форме тазобедренный мосол. И как

хотите, а присутствовало во всех четырех что-то неуловимо непристойное.

Василий, голодный и злой, присел на краешек так и не приподнятой глыбы и, тоскливо прищурившись, запрокинул голову. В высоте, где сходились пучком, согласно законам перспективы, гигантские опоры, кусочком пасмурного неба проглядывал светлый дымчатый потолок. Мягкий ровный свет играл, разливаясь, на бесчисленных выступах и вдавлинах золотистых громад.

— Ну а если логически! — сердито заговорил Василий. — Что она нам может сделать? Рта — нет, ручонки — слабые...

Не услышав ответа, обернулся. Ромка стоял у противоположной оконечности глыбы и смотрел на него, как на идиота.

— Так, а вдруг там, в доме, еще что-нибудь!..

Василий крякнул, задумался, взялся было по привычке за козырек и выругался — негромко, но с чувством. Козырька, сами понимаете, не было.

— Ну хорошо... — нечеловеческим усилием подавив раздражение, проговорил он сквозь зубы. — Надпись была где? На опоре, так? Значит, мужик тот из пятиэтажки тоже выбрался. Если он, конечно, туда вообще заглядывал... А потом?

— С голоду помер, — злобно ответил Ромка, заметно осунувшийся и вроде бы ставший от этого еще более лопоухим.

Василий засопел.

— Да нет, — сказал он наконец. — С голоду такое не пишут. С голоду он бы чего-нибудь жалостное написал...

Веснушчатое Ромкино лицо зверски исказилось.

— Козлы! — с ненавистью выговорил он. — Завезли фиг знает куда, жрать не дают... — Не договорив, он взмахнул своей зеркальной кувалдочкой и в сердцах обрушил ее на округлую оконечность глыбы.

Результат был ошеломителен. Молочно-белая глыба издала звук пушечного выстрела и буквально взорвалась — разлетелась на тысячу разнокалиберных осколков. Не успевший вскочить Василий с маху повалился в них спиной, чудом не сломав себе позвоночник.

— Ты что делаешь, придурок?! — заорал он.

Ромка, выронив железяку, отлетел к стене и обмер, с ужасом глядя, как Василий, рыча, ворочается в обломках.

— Вася, не хотел! Честное слово, не хотел! Веришь, нет?..

Василий наконец поднялся, ринулся было к Ромке, но, наступив босой ногой на мелкий осколок, охнул, захромал и остановился, сдавленно матерясь.

— Вась, ну я же не знал, что она такая хрупкая! — крикнул Ромка.

— Руки тебе повырвать, недоумку! — с пеной у рта проскрежетал Василий, наклоняясь за оброненной кобурой. Сунул табельное оружие под мышку и, страшно, по-звериному сопя, принялся ощупывать многочисленные ушибы и вдавлины.

— Вася... — дрогнувшим голосом позвал Ромка.

Василий покосился раздраженно и вдруг понял, что Ромка смотрит вовсе не на него, а куда-то в сторону. Почуяв неладное, он повернул голову и тоже замер. Возле крайней глыбы, уставя на них выпуклые и круглые, как линзы полевого бинокля, глаза, стояло некое вполне человекоподобное существо ростом не выше метра. Оно было покрыто нежным серебристым мехом и слегка сутулилось, свесив слабые шестипалые лапки до розовых пролысинок на коленях.

Василий выпрямился и осторожно прочистил кашлем вконец пересохшую глотку, заставив существо встревоженно отодвинуться.

— Здравствуйте, — сказал он, и Ромка с трудом подавил истерический смешок: показалось, что Василий сейчас козырнет.

Существо (глаза — с пятак, зрачки — с трехкопеечную монету) пронзительно чирикнуло и, ухватив обеими лапками обломок покрупнее, попыталось его шевельнуть.

— Это случайно, — торопливо сказал Василий. — Товарищ просто не знал, что они у вас такие хрупкие...

Существо напряглось и поволокло обломок куда-то прочь.

— Не понял... — охрипнув, сказал Василий и оглянулся на Ромку. Тот тоже ничего не понимал.

Существо оттащило обломок метров на пять и вприпрыжку вернулось за вторым — поменьше.

— Может, пойдем поможем... — неуверенно предложил Василий, по-видимому, вообразив, что хлипкий представитель иного разума пытается убрать мусор с проезжей части. Однако действительность быстро развеяла его милицейские фантазии. Добравшись до места, существо, задрожав всем тельцем, подняло ношу на уровень выпуклых глаз и что было силенок грянуло вторым обломком по первому.

— Чего это он? — испуганно понизив голос, спросил Василий.

— Доламывает, — пояснил не менее озадаченный Ромка.

С четвертого удара нижний обломок распался надвое, и, видя, что существо успокоиться на этом не собирается, Ромка решительно выступил вперед.

— Эу! — окликнул он. — Оу! Ты! Козел! Жрать хотим, понимаешь?

В ответ существо заверещало, замахало ручонками, то ли указывая куда-то, то ли кого-то подзывая. Путники оглянулись, но никого пока не увидели.

— Вась, давай смоемся! — взволнованно предложил Ромка. — Вдруг это опять она!..

— Стой где стоишь! — отрывисто приказал Василий, и тут из-за ближайшей опоры проворно выкатилось нечто, не имеющее аналогов в мировой практике.

Черное, лоснящееся, слегка напоминающее огромную мокрицу, оно то ли ползло, то ли как-то там перетекало по гладкому дымчатому полу. Заурчав, наехало на первую груду обломков и, оставив за собой чистое пространство, направилось к главной россыпи.

— А, так это мусорка... — с облегчением сказал Ромка.

— Похоже... — проворчал Василий.

Устройство играючи расправлялось с завалами. Вовсе не черное, как показалось вначале, а скорее густо-чернильного цвета, оно было как бы облито жидким стеклом, под которым, если всмотреться, вскоре начинали мерещиться проскакивающие искорки и сложные металлические детали.

Внезапно Ромка сорвался с места и кинулся наперерез.

— Стой! — рявкнул Василий, но тот уже выхватил из-под слепой округлой морды механизма свою зеркальную кувалдочку.

— Чуть не зажевала... — объяснил он, возвратясь. Глаза у него от страха и восторга были совершенно круглые.

— Ш-шалопай!.. — сказал как шаркнул по наждаку Василий.

Устройство тем временем слизнуло последние молочно-белые осколки, съело сброшенную Василием обувь и, укатившись в нишу, вплотную занялось Ромкиными кроссовками. Затем выставило наружу слепое глянцевое рыло, замерло, как бы принюхиваясь, и вдруг двинулось полным ходом к оголодавшим путникам.

— Э! Э! — сказал Василий, на всякий случай расстегивая кобуру. Но тут он обратил внимание, что стоят они уже втроем. Третьим был мохнатый инопланетянчик. Собственно, он даже не стоял, а суетился, забегая то справа, то слева, но все равно у Василия сразу отлегло от сердца.

Устройство осадило в метре от них. Затем последовала легкая вспышка, как будто стеклянный корпус наполнился на миг молочным туманом, и «мусорка» деловито поползла (потекла? покатила?) прочь.

Путники ошалело глянули под ноги. На полу лежали, лоснясь, каплевидные пластиковые капсулы граммов по сто пятьдесят каждая. Две оранжевые, одна фиолетовая, остальные салатные.

Василий и Ромка вопросительно уставились на пушистого аборигена. Тот ухватил одну из капсул и, почему-то отбежав, с урчанием впился в нее мелкими зубками.

Переглянулись с сумасшедшей надеждой и быстро подобрали по капсуле. Надкусили. Содержимое напоминало густой бульон — пряный и несколько сладковатый.

— Спасибо... — растерянно сказал Василий. И, видя, что абориген непонимающе таращит глазищи, на всякий случай перевел: — Данке...

Когда-то в школе Василий учил немецкий.

Глава 6

«Куда ты завел нас?» — лях старый вскричал.

Кондратий Рылеев

Поскольку единственный пригодный для сидения валун был уничтожен, устроились прямо на полу, под самой большой и самой устойчивой глыбой — той, что напоминала тазобедренный мосол.

— А ведь так, глядишь, и выкрутимся... — задумчиво говорил Василий, выжимая капсулу досуха. — Другие нас за эту каменюку знаешь бы как взгрели! А они — ничего... Пожрать вот дали...

— Ничего! — язвительно фыркнул Ромка. — А вчера?

— Ну, вчера... — уверенно начал Василий, но уверенности его хватило как раз на два слова. Он смял в кулаке пустую оболочку и тяжко задумался.

— Ладно, — буркнул он наконец. — Пожрем — у хозяина спросим...

— Да он куда-то делся... — сказал Ромка.

Тут, как бы в ответ на его слова, поблизости раздалось гневное чириканье, и из-за глыбы вылетел давешний знакомец с сильно похудевшей капсулой в левой лапке. Нежная серебристая шерстка стояла на нем дыбом, и он возбужденно указывал на что-то, располагающееся неподалеку от Ромки.

Тот взглянул и, вздрогнув, отпрянул. На расстоянии вытянутой руки к полу припало еще одно точно такое же лупоглазое и пушистое существо. На глазах у Ромки оно испуганно отдернуло шестипалую розовую лапку, с помощью которой явно собиралось приделать ножки отложенной про запас капсуле.

— Брысь! — заорал Ромка, и мохнатый серебристый жулик мгновенно юркнул за глыбу.

— Вась, — растерянно сказал Ромка. — Он у нас жратву стащить хотел...

Привскочивший Василий стоял теперь на коленях (в левой руке — кобура с пистолетом, в правой — початая капсула) и, приоткрыв рот, смотрел на закругление глыбы. Затем перевел взгляд на первого аборигена. Тот пронзительно верещал вслед воришке что-то обидное и вообще ликовал.

— А этот его вроде как заложил... — ошарашенно пояснил Ромка.

Так ничего и не сказав, Василий снова привалился спиной к глыбе и машинально поднес капсулу ко рту. Лицо у него было мрачное, глаза — напряженные, размышляющие.

— Нет, — проговорил он наконец. — Это не хозяева...

— А кто? — жадно спросил Ромка.

— А я откуда знаю! Зверьки какие-нибудь... Ну, вроде как у нас кошки...

— А хозяева?

— Слушай, отвяжись! — вспылил Василий. — Хозяев ему!.. Ты вон лучше консерву эту поближе положи, а то в самом деле уведут.

Ромка отдал капсулу Василию, и некоторое время оба сидели с лицами одинаково недоуменными и встревоженными, видимо, пытаясь представить, как выглядят хозяева.

— А вдруг они все уже вымерли? — упавшим голосом предположил Ромка.

Василий посмотрел на него с удивлением.

— Как же вымерли? — возразил он. — Мусорки-то ездят...

— Мало ли что... — сдавленно сказал Ромка и, встав, подобрал свою кувалдочку, чем сильно напугал лупоглазого доносчика, с писком шарахнувшегося от греха подальше.

— Да нужен ты мне... — горестно пробормотал Ромка и, волоча ноги, пошел к причудливо изогнутой стене. Остановился, ссутулился. Стена состояла из множества крохотных вертикальных стерженьков соломенного цвета. Машинально подковырнул одну из таких соломинок и убедился, что ломаются они на удивление легко.

— Вася, какое сегодня число? — шмыгнув носом, спросил он.

— Ты что там опять делаешь? — всполошился тот. — А ну отойди от стены!

— Так я же не матом, — сказал Ромка. — Число только и фамилии.

Тяжело ступая, Василий подошел к Ромке и уставился в стену, из которой было уже выковырнуто стерженьков десять.

— А чего? — с вызовом сказал Ромка. — Хоть память останется!

Василий крякнул и нахмурился.

— Ладно, — сказал он после тяжелейшей внутренней борьбы. — Только ты это... Фамилий не надо. Василий, Роман... ну и число. И все.

Закончив надпись, отступили на шаг и с минуту молчали.

— Ну что? — вздохнув, сказал Василий. — Я так думаю, что днем нам бояться нечего... Пойдем-ка, Ромк, на площадь... Давай только порядок наведем сначала...

Он присел на корточки и принялся собирать в горсть выломанные стерженьки.

— Да сами уберут! — попробовал урезонить его Ромка. — Что ты им, дворник?

Василий насупился и не ответил.

— На вот, — сказал он, поднявшись, и высыпал мусор Ромке в ладонь. — Пойди запихни куда-нибудь, чтобы видно не было... И пакеты по дороге собери...

Чувствуя, что Василий от него не отвяжется, Ромка не стал спорить и, недовольный, пошел к глыбам.

— Ну и что тут собирать?

Они оглядели пустое покрытие. Брошенные под глыбой скомканные оболочки от капсул куда-то исчезли, не иначе — растворенные и усвоенные стеклистым полом.

— Н-ну, понятно... — озадаченно вымолвил Василий. — А я думаю: что это у них везде чистота такая?..

Ромка презрительно скривил рот и, не скрываясь, сыпанул стерженьки на пол.

Странное дело: когда вчера ночью плутали в поисках ночлега меж фосфоресцирующих небоскребов, молочно-белые валуны встречались куда реже и все больше поодиночке. Теперь же, в какой проулок ни сверни — везде нежно сияли целые россыпи причудливых округлых разнокалиберных глыб.

— Да что они здесь, как грибы растут? — не выдержал наконец Василий, обогнув очередную опору.

Сказано было метко. Скопление действительно напоминало выводок гигантских шампиньонов.

— Интересно, они все такие хрупкие? — пробормотал Ромка, озабоченно оглядывая ближайший экземпляр.

— Ты у меня дождешься!.. — пригрозил Василий. — Нет, ну что за народ такой! Стоит куда прилететь — так либо сломает что-нибудь, либо похабщину на стенке вырежет...

— Как будто они знают, где похабщина, где нет! — возразил Ромка, надо полагать, имея в виду хозяев.

— А то не видно, что ли? — сказал Василий. — Ты вон лучше под ноги смотри: тут тоже капканов полно...

Действительно, под одной из глыб разлегся, подстерегая, зловещий овал неизвестно откуда падающей тени. Ромка прицелился и плюнул. Плевок с легким треском исчез на лету.

— Работает, — с невинной физиономией сообщил Ромка нахмурившемуся Василию.

Они обогнули уже опор десять, а площадь впереди все не показывалась и не показывалась. И это было тем более обидно, что вчера они пытались запомнить дорогу именно по глыбам, не предполагая, естественно, что наутро этих глыб будет кругом — как собак нерезаных... Но в конце концов просвет между опорами все же замаячил, правда, не впереди, как ожидалось, а справа...

— По краю, короче, плутали... — с облегчением подытожил Василий.

Они повернули вправо и вскоре вышли на блистающую, как ледяное озеро, площадь.

— Э! — сказал вдруг Ромка. — А где же?..

Пятиэтажки на площади не было. Василий в считанные секунды постарел лицом лет на десять.

— Чего я и боялся, — угрюмо проговорил он.

— Куда они ее дели? — пораженно спросил Ромка.

— Никуда не дели, — буркнул Василий. — Площадь не та. Другая... Ну, вышли, вышли мы не туда, понимаешь?

Ромка огляделся.

— Как же не туда? — возразил он. — Были мы здесь вчера! И надпись — вот она...

Что правда, то правда: на выпуклой стене ближайшей опоры похабно растопырилось глубоко вырубленное матерное слово. Озадаченный Василий подошел и внимательнейшим образом изучил его.

— И надпись тоже другая, — сообщил он. — У той «У» прямая была, а у этой, видишь, с загогулиной...

Осмотрел покрытие и, не обнаружив на нем и следа от выломанных стерженьков, вынужден был прийти к мысли об относительной давности преступного деяния.

— Руки пообломать!.. — проворчал он, глядя исподлобья на обезображенную стену.

Ромка за спиной тихонько охнул, и Василий обернулся, встревоженный. Его лопоухий стриженый спутник стоял, запрокинув голову, и, зачарованно глядя ввысь, беззвучно шевелил губами.

Василий взглянул — и обмер. С невероятно удаленного льдистого потолка, обращенная теперь к странникам крышей, свешивалась искомая пятиэтажка. Верх и низ в сознании Василия поменялись местами, и ему показалось вдруг, что он летит стремглав с чудовищной высоты. Присел, словно желая ухватиться за гладкий пол, и довольно долго не решался выпрямиться.

А тут еще к Ромке вернулся дар речи!

— Вась! — дрогнувшим голосом позвал он. — Слушай, Вась!.. А ведь это мы на потолок вышли...

Всякое бывало в жизни Василия, но такого... Мало того что опрокинутое в зените здание само по себе являло весьма жутковатую картину — нужно было еще хорошо знать Василия, его простые, ясные взгляды на жизнь и неистребимую любовь к порядку, чтобы оценить в полной мере всю глубину его потрясения. Василий был смят, испуган, растерян...

Ромка же, напротив, восхитился увиденным безобразием до такой степени, что вообще перестал чего-либо бояться.

— Не, по потолку я еще ни разу не ходил!.. — нервно смеясь, говорил он. — Пацанам рассказать — заторчат!..

Они сидели, прислонясь спинами к испохабленной ругательством бледно-золотистой стене, и, подняв лица, с содроганием смотрели на прилипшую к потолку громаду пятиэтажки.

— Почему она не падает? — хрипло спросил Василий.

— Мы же не падаем!.. — пояснил Ромка, и Василия тут же омыло изнутри жутким чувством падения, даже за стену взялся на всякий случай. — Почему в Америке никто вниз не падает?..

Василий переждал неприятное чувство и отнял ладонь от стены.

— Не в Америке, а в Австралии, — сердито поправил он. — В Америке-то чего падать? Америка-то — она сбоку, а не снизу...

Ромка, не слушая, пялился на пятиэтажку.

— Не, тут интересно!.. — раскатав рот от уха до уха, повторял он. — Бал-де-ож!..

На медном лице Василия набухли скулы. Поведение спутника раздражало его, пожалуй, не меньше, чем перевернутый вверх тормашками мир.

— Мы вот тут сидим, — веско молвил он, — а туда, может быть, сейчас тарелка прилетит...

— Ну и флаг ей в руки! — беззаботно отозвался Ромка.

— Дел, что ли, дома нету? — злобно спросил Василий.

— А какие дела?

Василий отнял взгляд от опрокинутого в вышине здания и с неприязнью посмотрел на стриженого Ромку.

— Ты ж дома не ночевал! Родители, поди, с ума сходят!..

— Ага! Сходят! — сказал Ромка. — Им сейчас — хоть ночуй, хоть нет...

Василий вспомнил о семейном положении задержанного и крякнул.

— Ну все равно... Тебе вон, наверное, в армию идти!

Ромка заморгал и вдруг во все глаза уставился на Василия.

— Идти, — упавшим голосом подтвердил он. — В мае.

— В этом?

— В следующем...

Василий скривился и чуть не сплюнул.

— Защитнички...

Его мрачный взгляд упал на крадущегося по краю площади пушистого лупоглазого зверька и несколько смягчился.

— Эй, Чита! — позвал Василий. — Иди сюда! Иди, не бойся!.. — Он чмокнул и призывно похлопал по коленке.

Существо уставилось на Василия, как рыба-телескоп, и, издав сердитую трель, поспешно скрылось за соломенно поблескивающей опорой.

— А чо? Ништяк! — в озарении промолвил вдруг Ромка. — Спать можно на полу, пожрать — дадут...

— Бредишь, что ли? — недовольно спросил Василий.

Ромка смотрел на него, приоткрыв рот.

— Пока призыв — здесь перекантоваться! — выпалил он. — А через полгода армия профессиональной станет!..

Василий сначала оторопел, потом потемнел лицом и, упершись ладонью в пол, повернулся всем корпусом к Ромке.

— Ах ты паразит!.. — выговорил он. — Да я тебя под конвоем на призывной пункт приведу, понял?..

Ромка надулся и демонстративно принялся изучать пятиэтажку. Зардевшиеся уши торчали как-то по-особенному обиженно.

— И чего вы все так армии боитесь? — подивился Василий. — Она ж из вас людей делает! Вот посмотри на меня... Ведь таким же, как ты, был обормотом! А отслужил — человеком стал...

— Ментом ты стал, а не человеком! — не подумав о последствиях, буркнул Ромка.

Последовала страшная предынфарктная пауза.

— Как ты сказал? — сдавленно переспросил Василий, и Ромку, внезапно оказавшегося на ногах, отнесло шагов на десять в сторону. — А ну повтори!..

— А чего, нет, что ли? — нагло ответил Ромка, отступая еще шага на три. Действительно, терять ему уже было нечего.

— Н-ну!.. — Василий сделал резкое движение, как бы собираясь вскочить, и Ромка что было сил дернул к дальнему выступу опоры. Метнулся за угол и с легким вскриком скрылся из глаз.

— Пар-разит!.. — прорычал Василий, вновь опускаясь на пол и приваливаясь лопатками к стене. — Ну вот вернись только!..

С темным от недобрых замыслов лицом он сидел, изредка взглядывая, не высунется ли из-за бледно-золотистого скруг-

ления опоры лопоухая стриженая голова. Голова что-то все не показывалась, и Василий ощутил беспокойство. Неужели и вправду сбежал, придурок?.. А потом скажет: заблудился...

— Да нужен ты мне больно! — громко и сердито сказал Василий. — Еще не гонялся я за тобой, за паразитом!..

Повторялась история с летающей тарелкой. Ромка наверняка затаился в какой-нибудь нише и молчал из вредности. Василий ругнулся, встал и зашлепал босиком к бледно-золотистому выступу.

— Ну чего дурака валяешь?.. — Василий не договорил и отшатнулся. Сразу за поворотом на светлом искрящемся покрытии разлеглись, подстерегая, два овальных пятна неизвестно откуда падающей тени.

Глава 7

Где стол был яств, там гроб стоит.

Гаврила Державин

Василий попятился. Из дырявой пазухи у него выпала и с чмокающим звуком ударилась об пол последняя непочатая капсула — та, что передал ему Ромка. Подпрыгнула и, заковыляв по дуге, откатилась метра на два. Василий проводил ее бессмысленным взглядом и снова уставился на растекшиеся у самых ног зловещие тени.

Обернулся, пытаясь восстановить события. Крепкое смуглое лицо его отдавало теперь малярийной желтизной. Вон она, надпись... Ромка бежал по прямой... Здесь он свернул, вскрикнул — и... Может, как-нибудь все-таки проскочил между стеной и первым капканом?.. Да нет, как тут проскочишь: просвет сантиметров в двадцать, не шире... А ведь он-то — бежал. Бежал сломя голову!..

— Да что же это?.. — еле слышно, словно боясь собственного голоса, выдохнул Василий.

Вокруг величественно посверкивали бледно-золотистые громады, поигрывал стеклянными искорками гладкий дымчатый пол, а за спиной свешивалась со льдистого потолка сволочная пятиэтажка.

— Рома! — что было сил закричал Василий. — Рома, ты где?!

И тут только обратил внимание, что здесь совершенно нет эха. По идее, звук должен был отразиться от верхней тверди,

загулять, перекликаясь, между колоннами. Ничего подобного. Звук глохнул, как упакованный в вату.

Василий рывком расстегнул кобуру, дослал патрон и вскинул пистолет над головой, явно собираясь палить до тех пор, пока хоть кто-нибудь не прибежит на выстрелы. Но «макаров» отозвался звонким металлическим щелчком. Осечка. Василий передернул затвор, выбрасывая бракованный патрон, и нажал на спуск повторно. Опять осечка. Ругаясь одними губами, выбросил другой. И — третья осечка подряд!

Василий уставился на пистолет, потом — на выброшенные патроны. Не веря своим глазам, нагнулся, подобрал. Патроны были тусклые, зеленоватые, словно пролежали в земле лет двадцать.

Краем глаза он уловил легкое движение неподалеку и обернулся. Там, вздыбив от ужаса серебристую шерстку, обмер еще один лупоглазый зверек, пораженный, видать, порывистыми движениями огромного существа и производимыми им металлическими щелчками.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Затем лупоглазый коротко прыгнул вперед, ухватил оброненную капсулу и снова обмер, явно прикидывая расстояние до ближайшего овала. В каком-то странном остолбенении Василий смотрел, как пушистый жулик шажок за шажком продвигается к смертельной тени. Вот до нее осталось всего полметра, зверек приостановился и дерзко воззрился на человека. Задорное чириканье — и, метнувшись прямо в центр овала, лупоглазый исчез вместе с украденной капсулой.

Медленно-медленно, как бы боясь спугнуть затеплившуюся надежду, Василий вытер лоб кулаком, в котором были судорожно зажаты черт знает с чего позеленевшие, нестреляющие патроны, и на негнущихся ногах подошел к округлому пятну.

Сразу после удачного воровства жизнь самоубийством не кончают — это Василий знал точно. И уж, во всяком случае, не с таким радостным видом...

Выставив кулак как можно дальше, он ослабил хватку и в ту же секунду почувствовал, что рука опустела. Патроны исчезли...

Тупо уставился на ладонь, словно пытаясь прочесть по ней свою дальнейшую судьбу. Патронов не было...

Вновь покрывшись холодным потом, Василий шваркнул зачем-то оземь пустую кобуру с обрывком ремня и, обло-

жив сдавленным матом теневой овал, шагнул в самую его середину.

Все-таки, наверное, следовало при этом закрыть глаза — тогда бы он вообще ничего не почувствовал. Но, согласитесь, когда во мгновение ока одна местность сменяется другой, пусть даже и очень похожей, не утратить равновесия — дело сложное.

Василий взмахнул руками, изогнулся, будто и впрямь на льду, но все же не удержался и с маху сел на пол.

Площади с пятиэтажкой на потолке (равно как и на полу) нигде видно не было. Он сидел на пятачке между тремя опорами, неподалеку от целой толпы молочно-белых глыб, в сторону которых улепетывал во все лопатки пушистый похититель последней капсулы, по-видимому, вообразивший, что за ним погоня.

С застывшей улыбкой идиота Василий скреб ногтями щетину на левой щеке и, судя по всему, мало что пока понимал.

— Ну ясно... — бормотал он. — Жив, значит, паразит... Ясно...

Потом встрепенулся и с испуганным лицом принялся хлопать ладонями по полу в поисках утраченного боезапаса. Оба патрона лежали рядом — тусклые, зеленоватые. Василий загнал их в обойму, обойму — в рукоять, хотел отправить пистолет в кобуру, но кобура с обрывком ремня осталась где-то там, на краю площади, рядом с теневым капканом, который и не капкан вовсе, а, оказывается, вон что...

Погоревав о кобуре (хорошая была кобура, почти новая), Василий сунул пистолет за пазуху и поднялся с пола. Но тут слуха его коснулся отдаленный гулкий звук, очень похожий на выстрел, причем из оружия куда более серьезного, чем тот же «макаров». Василий насторожился и вдруг понял — это был треск лопающейся глыбы. «Выстрел» вскоре повторился, и лицо Василия просветлело: Ромка! Кому ж еще?!

«Уши оборву!» — радостно подумал он и пошел на звук.

За очередной золотистой громадой открылась группа из пяти некрупных молочно-белых глыб. От одной из них была уже отколота примерно четверть, а над тем, что осталось, трудился человек с ломиком.

Но это был не Ромка!

Интеллигентный вроде старичок, розовый, седенький, закутанный в белоснежную простыню, тщательно примериваясь перед каждым ударом, наносил глыбе повреждение за повреждением.

У Василия отяжелели брови. Все говорило о том, что перед ним — автор вырубленной на опорах похабщины. Озадачивали, правда, возраст и внешность. Приятный такой старичок, только вот одет не по-людски... На тех, что исписывают стены, решительно не похож. Хотя, с другой стороны, на субъектов, ломающих все из хулиганских побуждений, старичок тоже похож не был — но вот ломает же!.. И как-то странно опять же ломает — такое впечатление, что безо всякого удовольствия...

Так и не уразумев толком, что происходит, Василий приблизился к престарелому нарушителю.

— Послушайте! — сердито сказал он. — Чем это вы занимаетесь?

Тот опустил ломик, обернулся — и в старчески-прозрачных глазах его мелькнул испуг.

— О Господи!.. — вымолвил он, глядя на незнакомого человека, одетого в обрывки милицейской формы.

(Рост — сто шестьдесят пять — сто семьдесят; телосложение — худощавое; волосы — прямые, седые; глаза — голубые, круглые; лоб — высокий, узкий; уши — малые, прижатые; нос — прямой... Усы, бородка... Ломик держит в левой руке. Возможно, левша...)

Сноровисто разъяв морщинистое розовое личико на составные словесного портрета, Василий на минуту потерял его из виду в целом и был несколько озадачен, обнаружив, что старичок смотрит на него уже не с испугом, а скорее с мягкой укоризной.

— Ну вот... — произнес старичок, сопроводив слова грустной обаятельной улыбкой. — Опять со мной никто разговаривать не будет... Давно прибыли?

И Василий усомнился: а точно ли он квалифицировал увиденное как хулиганство и вандализм? Больно уж раскованно и любезно повел себя старичок. Чуть ли не с хозяйским радушием...

— Вчера, — поколебавшись, сказал Василий. — С товарищем... А кто это с вами не будет разговаривать?

— О, найдутся! — вскричал старичок. — Можете в этом даже не сомневаться!.. А вы, я смотрю, из милиции?

— Из милиции. — Василий насупился, приняв, насколько это позволяли обрывки формы, суровый официальный вид. — Так что вы тут делаете?

Старичок озадаченно поглядел на ломик, на полуразваленную глыбу...

— Ломаю, молодой человек, ломаю... — со вздохом сообщил он.

— Зачем?

Старичок улыбнулся в ответ ласково и ободряюще.

— Знаете что, — решительно сказал он. — Вы ведь сейчас потребуете объяснений, причем подробных... А подробно объяснять на пустой желудок — это, знаете ли... Словом, давайте начистоту: с булыжником этим я, конечно, погорячился. Сложный оказался камушек, непростой... — И старичок с досадой звякнул ломиком по неровному стеклисто-мутному сколу. — А вы, я смотрю, мужчина крепкий... Причем учтите: кроме меня, вам здесь никто разъяснений не даст, а мне терять нечего — мне теперь из-за вас так и так бойкот объявят... Короче, чисто деловое предложение: вы сейчас берете этот ломик и доламываете то, что я начал. Дальше вместе пообедаем, ну и заодно попробуем развеять какие-то ваши недоумения... Соглашайтесь! Предложение, мне кажется, самое для вас выгодное.

— У меня товарищ потерялся!..

— Найдется! Здесь, знаете ли, при всем желании не пропадешь. Прошу...

— Да, но... — нерешительно начал Василий, принимая из рук бойкого старичка орудие разрушения.

— Не бойтесь, она хрупкая, — неправильно истолковав его колебания, подбодрил тот.

— Да знаю, что хрупкая...

Старичок изумился.

— Знаете?.. И откуда же, позвольте спросить?

— Да тут такое дело... — нехотя объяснил Василий. — У товарища железяка была... От летающей тарелки отломал...

— От ле-тающей тарелки? — с каким-то даже негодованием переспросил старичок. — Это же невозможно!

— Ну вот возможно, оказывается... Взял он эту железяку, шарахнул с дура ума по такой вот каменюке — та вдребезги...

На розовом лице старичка обозначилось выражение крайнего недоверия.

— Стукните! — внезапно приказал он, указывая пальцем на глыбу. — Стукните-стукните! Я посмотрю, как это у вас получится с первого раза!.. Ничего себе шуточки! — возмущенно продолжал он. — Ударил разок — и вдребезги!.. Я второй год здесь живу — о таком даже и не слышал!..

— Сколько? — ошеломленно перебил Василий. — Сколько вы здесь живете?..

— Нет, вы стукните! Стукните! — закричал старичок.

Голова у Василия шла кругом. Он стиснул зубы и нанес сильный колющий удар. Кривой несподручный ломик с хрустом воткнулся на десяток сантиметров, брызнули мелкие осколки.

— Вот! — ликующе объявил старичок. — И так вы будете ее тыкать до самого вечера!

— Так я же ничего не говорю! — огрызнулся Василий, с трудом выдергивая ломик. — Это товарищ ее с первого раза разнес, а я-то что?..

— Ну, значит, ваш товарищ — феномен, чудо ходячее!

— Да уж... — буркнул Василий. — Что верно — то верно...

Он размахнулся и нанес еще один удар с тем же результатом. Раскачал ломик, вынул и далее, убавив силу, принялся долбить упорно и мерно. Старичок тем временем, хмурясь, ходил вокруг глыбы, ощупывал ее, осматривал, чуть ли не обнюхивал.

— Где же она, подлая, прячется?.. — бормотал он. — Должна же быть напряженка... О! По-моему, где-то здесь... Послушайте, э... — Он обернулся к Василию, и на лице его отразилось некоторое смятение. — Ради Бога, извините, — сказал он. — И сам не представился, и вашего имени не спросил. Как вас зовут?

— Василий, — сказал Василий.

— Очень приятно! А меня — Платон Сократович.

— Что?!

Старичок горько улыбнулся.

— Я понимаю, — сказал он. — Поэтому не обижусь, если вы будете называть меня просто дедком. Или дедом. Я уже к этому привык... Будьте любезны, Василий, стукните вот сюда! Есть у меня подозрение, что тут-то она и прячется...

Василий обогнул глыбу и ударил в указанное место что было сил. Безрезультатно. Он повторил удар — и глыба, крякнув, распалась натрое.

— Великолепно! — вскричал дедок. — Теперь каждый обломок пополам — и поздравляю вас с обедом! А вот, кстати, и он...

Василий обернулся. По центру улицы, как он давно уже мысленно называл пространство между опорами, прямиком к ним катилась «мусорка» — черно-фиолетовая, глянцевая, похожая на гигантскую мокрицу.

Глава 8

Трах-тарарах-тах-тах-тах-тах!

Александр Блок

Следует сказать, что, изучая место Ромкиного исчезновения, Василий восстановил события совершенно правильно. Так оно все и было: добежав до скругления опоры, Ромка метнулся за угол и как раз угодил в первое пятно. Именно в первое, а не во второе, куда потом вослед за пушистым жуликом шагнул очертя голову сам Василий.

Ромка успел только зажмуриться и издать короткий вопль. Ноги от ужаса подвихнулись, тело же продолжало стремиться вперед, так что в итоге Ромка с маху грянулся об пол. Застучала, кувыркаясь по покрытию, оброненная в полете кувалда — и все стихло...

Секунды четыре Ромка лежал обмирая, потом вдруг сообразил, что жив, и, широко раскрыв глаза, вскинул голову. Увиденное его озадачило. Он находился в довольно обширном помещении, по которому беззвучно и неспешно перекатывались цветные волны неяркого приглушенного света.

Источник их располагался неподалеку. Там возносилась органно целая батарея вертикальных светящихся труб самого разного диаметра. Одни просто тлели, а другие пульсировали, бросая на пол и стены цветные блики, причем каждая в своем ритме.

Ромка сел, растерянно потирая ушибленные локти и коленки. Посмотрел, высоко ли уходят эти самые трубы, и выяснил, что потолка в помещении нет вообще, но пространство вверху густо заплетено какой-то мерцающей паутиной, в которую и ныряют светоносные стволы, уходя, надо полагать, куда-то в бесконечность. Сквозь паутинчатый туман

можно было, впрочем, различить, как они там, в высоте, изгибаются, раздваиваются, некоторые даже делают петлю и идут обратно...

— Балдеж... — благоговейно прошептал Ромка и нашарил кувалду.

Зачарованно глядя, он приблизился к источнику беззвучной светомузыки. Трубы были как из стекла. От одних веяло теплом, иные поросли светло-серой шерсткой инея... Особенно впечатляла одна колонна — массивная, сотрясаемая изнутри биением синеватого мутного сумрака, но до нее было не достать... Ромка повернул инструмент стержнем вперед и осторожно потыкал ту, что поближе, тлеющую вишневым. Оболочка ее оказалась довольно упругой, причем на месте тычка возникало темное пятно, исчезающее секунд через пять.

Некоторое время он развлекался, покрывая трубу леопардовым узором, потом спохватился и встревоженно оглядел помещение. Оно было не квадратным и даже не круглым, а вообще фиг знает каким. Стены его, насколько об этом можно было судить при таком освещении, имели знакомый соломенный оттенок и были кое-где оплетены черными и серыми кабелями.

«Так это я что, внутри, что ли?» — блеснула догадка, и Ромка огляделся еще раз. Да-да, и размеры помещения, и отсутствие потолка, и материал, из которого оно было выстроено, — все говорило о том, что Ромку действительно занесло в одну из золотистых титанических опор.

Внезапно веснушчатая Ромкина физия озарилась совершенно разбойничьей улыбкой — он представил, как там, снаружи, дурак Василий бегает вокруг опоры, ищет, аукает, суется в каждую нишу.

«Так тебе и надо!» — злорадно подумал Ромка и, не в силах более сдерживаться, подошел к стене, где нацарапал рукояткой кувалды: «Вася козел», — после чего почувствовал себя вполне отомщенным.

— А вот фиг тебе! — сказал он, обращаясь к надписи. — На призывной пункт под конвоем...

И, поигрывая кувалдочкой, двинулся в обход помещения.

Вскоре его внимание привлек толстый черный кабель, разлегшийся на пути этакой анакондой, причем не касаясь пола. Ромка пригнулся, ожидая увидеть под ним какие-нибудь подпорки, но подпорок не было — кабель просто парил в воздухе.

Подивившись такому факту, Ромка перешагнул через кабель и, непонятно обо что споткнувшись, порхнул на ту сторону. Весьма заинтригованный, протянул руку к черной глянцевой шкуре, и пальцы встретили мягкое, но решительное сопротивление.

Выяснив ощупью, что кабель заключен в некую упругую невидимую оболочку, Ромка немедленно уселся на нее и попрыгал, как на стуле. Затем влез с ногами и, выпрямившись, попробовал пройтись над извилистым смоляным бревном по воздуху. Задача оказалась непростой: упругое округлое нечто так и норовило вывернуться из-под босых подошв, и Ромка лишь чудом ни разу не расквасил носа.

Поднимаясь после очередного падения, он вдруг заметил нечто настолько необычное, что так и замер — прямо на четвереньках.

Часть стены была задернута занавеской! Обыкновенной земной раздергаечкой размером с простыню...

Встал, отряхнул зачем-то ладони и, подобрав кувалду, подошел поближе. Сложенный вдвое кусок материи был перекинут через слабо натянутый шнур, в котором Ромка быстро опознал обрывок тонкого кабеля. По белоснежной ткани порхали цветные блики.

С неприятным предчувствием Ромка чуть отвернул занавеску и обнаружил за ней округлую полость, этакое гнездышко, озаренное зыбким и каким-то рассыпчатым сиянием тоненького световода, который, видать, раньше вился себе спокойно по стене, пока кто-то не открепил его и не заправил петлей в эту самую полость. На дне полости было устроено что-то вроде ложа, аккуратно застеленного все той же белоснежной материей.

Опора была обитаема! Сделав это умопомрачительное открытие, Ромка почувствовал себя неважно. Следовало либо немедленно найти отсюда выход, либо уничтожить по-быстрому следы своего пребывания... Ромка наморщил лоб и с некоторым удивлением понял, что, кроме надписи «Вася козел», он, собственно, ничего еще не успел натворить...

С легким сердцем он перепрыгнул через кабель, учтя на этот раз невидимую оболочку, и, вернувшись к надписи, прикинул, что проще: заскоблить ее или же задолбить? Второй вариант показался ему более интересным. Ромка взмахнул кувалдой — и стена продырявилась насквозь.

Поморгав сколько положено, он ударил из любопытства еще раз. Потом еще. Надписи уже не было. Вместо нее в стене зияла солидная дыра, заглянув в которую, он убедился, что ведет она в большую округлую полость, подобную той, с занавеской... Ромка расширил пробоину и шагнул в получившуюся нишу.

Естественно, что на достигнутом он не остановился, поскольку привычки такой не имел. Двумя ударами он пробил заднюю стенку полости, открыв за ней еще одну — такую же, только поменьше...

Ситуация становилась все интереснее и интереснее. Получалось, что стены опоры внутри как бы пузырчатые и, прорубаясь из пузыря в пузырь, запросто можно выбраться на улицу!

Ромка замахал разрушительным инструментом, обваливая очередную перемычку. Третья полость оказалась еще меньше, и это Ромку встревожило. Если так пойдет и дальше, то в четвертой полости ему уже придется скорчиться, как шахтеру с кайлом...

Опасение его сбылось полностью, но поразило Ромку другое: сунувшись в крохотную четвертую полость, он вдруг обнаружил, что с другой стороны в ней зияет очень похожий пролом! Такое впечатление, что кто-то с улицы пробивался навстречу, но, дойдя до середины, отчаялся и бросил это дело...

Мало что понимая, Ромка пролез на четвереньках на ту сторону и, пройдя анфиладу из трех соединенных проломами пузырей, вообще перестал что-либо понимать. Короче, он снова оказался внутри опоры! Так же змеился над полом толстый смоляной кабель, так же ритмично вспыхивала «светомузыка» и танцевали блики на все той же занавеске...

Ромка озадаченно почесал затрещавшую под ногтями макушку, повернулся и снова полез в пролом. Первая полость, вторая, третья... Через четвертую на четвереньках... Пятая, шестая, седьмая... Вылез. Постоял, ошалело озираясь. Кабель, «светомузыка», занавеска... Мерцающая паутина вместо потолка и ныряющие в нее стеклянные, наполненные светом трубы...

— Во козлы!.. — распялив рот восторженной улыбкой, выговорил Ромка и в третий раз скрылся в своей норе. Добрался до центрального пузыря и сел там поразмыслить — тем более что сидеть в нем было весьма удобно — полусидишь-полуле-

жишь. Как в скорлупе. Справа и слева просеивался порциями сквозь вереницу проломов мягкий изменчивый полусвет, а весь балдеж заключался в том, что это, выходит, был один и тот же полусвет...

— А-а... Почуяли, что горелым запахло?.. — раздался вдруг сразу с двух сторон исполненный правоты ликующий женский голос. Сердчишко бултыхнулось испуганно. От теток с голосами, звенящими правотой (а тем более — ликующей), добра не жди — это Ромка понял еще в раннем детстве, постиг многострадальными оттопыренными ушами. Однако он никак не предполагал, что торжествующая добродетель ухитрится настигнуть его даже здесь.

— Это что же? Взятка, чтоб молчала? — с презрением продолжал голос. — Кладовку выдолбили — надо же!.. Дешево цените, голубчики! Мне кладовкой рот не заткнешь!..

Льющийся справа и слева полусвет внезапно иссяк (видимо, хозяйка подступила к пролому вплотную), зашуршали, заскрипели обломки, надвинулось удовлетворенное бормотание: «Правда-то, видать, глаза колет...» — и Ромка с ужасом сообразил, что страшная в своей принципиальности тетка лезет к нему сразу с двух сторон.

Представив, как одна и та же рука тянется к нему и справа, и слева, он заметался, не зная, куда кинуться. Кинулся влево. Столкновение произошло во второй (она же седьмая, если считать с той стороны) полости, где бегущий на четвереньках Ромка вписался стриженой головой в крепкий налитой живот хозяйки. Изумленный негодующий вскрик; цепкая злая рука попыталась ухватить за волосы и, соскользнув, поймала ухо. Ромка врезал по руке ребром ладони. Последовала короткая борьба, в результате которой тетка, наподдав коленом, вышибла незваного гостя наружу.

Они вылетели в медленно перекатывающиеся волны приглушенного света, и Ромка теперь мог убедиться воочию, что портрет хозяйки он на слух и на ощупь составил правильно. Невысокая, крепко сбитая, а рот такой, что и вправду кладовкой не заткнешь. Одета в простынку с прорезью для головы и подпоясана обрывком световода. Единственное, что поразило Ромку: волосы у тетки были чуть длинней его собственных. Прическа первого месяца службы.

Остолбенение длилось не более секунды. Неизвестно, кого ожидала увидеть перед собой стриженная под новобранца

хозяйка опоры, но только глаза ее просияли вдруг такой радостью, что сердце у Ромки бултыхнулось вторично. Не к добру, ох не к добру занесло его в чужое жилище!

— Чего?! — обиженно заорал он на тетку.

Та отступила на шаг и в праведном изумлении оглядела наглеца с головы до ног и обратно.

— А ты не пугай, — неспешно, с удовольствием выговорила она. — Не из пугливых. Кирпичом по голове пугали — и то не забоялась!.. Нет, вы полюбуйтесь на него!.. — возвысила голос тетка, и Ромка обеспокоенно завертел головой, высматривая, к кому это она там обращается. — День как прибыл, а уже что творит! Стенку разворотил — вы подумайте!..

— Я отсюда выйти хотел! — возмущенно завопил Ромка. — Не разберется — и сразу за ухо!..

— А разберусь... — пообещала тетка и бесстрашно подступила к Ромке вплотную. Тот невольно попятился. — Ты думаешь, здесь тебе как дома? — зловеще, с присвистом спросила она. — Церемониться с тобой будут?.. Нет, миленький, ты у меня эту стенку надолго запомнишь, она тебе еще по ночам сниться будет, стенка эта!..

И, не тратя более слов, тетка ухватила деморализованного разрушителя за локтевой сустав и поволокла куда-то в сторону световодов. Сломив беспорядочное сопротивление, выпихнула вперед, и Ромка наконец понял, что его заталкивают в мутный световой овал, притаившийся на полу среди танцующих радужных бликов.

— И родители не отмажут!.. — Эта жуткая фраза была последним, что он услышал внутри опоры. Напутственный толчок в спину; в глазах вспыхнуло, крутнулось — и Ромка снова очутился на светлом льдистом покрытии у подножия огромной золотистой башни. Удерживая равновесие, взмахнул руками, одна из которых по-прежнему была отягощена зеркальной кувалдочкой. Он даже успел подумать, что хозяйка-то, похоже, и впрямь бесстрашная. Вот тюкнул бы он ее с перепугу по бестолковке... Но тут, прерывая мысль, что-то мягко и властно отодвинуло его в сторону; на том месте, где он только что стоял, возникла все та же тетка и, пока Ромка ошалело искал глазами прилипшую к потолку пятиэтажку, вновь ухватила его за локоть.

— Не убежишь, не надейся!..

Пятиэтажки нигде не было. Их выбросило в каком-то совершенно другом месте. Следует сказать, что, несмотря на предупреждение, Ромка собирался именно вырвать локоть и пуститься наутек, когда из-за скругления дальней опоры одна за другой хищно вывернулись черно-лиловые глянцевые «мусорки» и устремились к ним, как две торпеды.

Тетка немедленно отпустила Ромкин мосол.

— Да стенку мне развалил! — чуть ли не оправдываясь, объяснила она слепым продолговато-округлым тушам, круто осадившим в каком-нибудь метре от них.

На гладких кожухах шевелились блики, обе твари как бы принюхивались, причем с видом весьма подозрительным. Чем-то они в этот миг напомнили Ромке сторожевых псов и еще (черт его знает почему!) — Василия. Потом откуда-то подкатила еще одна, поменьше, и тоже озабоченно повела рылом.

— И начал первый — руку вот чуть не сломал... — орала тетка. Ромка ошалело поглядывал на окружившие их механизмы. Нет, не Василия... Точнее — не совсем Василия... Ментовский патрульный микроавтобус, только сильно уменьшенный — вот что они ему напомнили!

— Ну чего стал? Иди! — На этот раз тетка не решилась сопроводить приказ толчком. Плохо дело... Ромка двинулся в указанном направлении, и чернильные лоснящиеся «ментовки» покатили следом. Кажется, влип...

— Побеги-побеги... — приговаривала тетка. — Они тебе побегут! Они тебе так побегут, что света не взвидишь!..

Надо было немедленно на что-то решаться. Либо тут же, не сходя с места, слезно во всем покаяться, либо вдруг опрокинуть тетку на одну из машин — и давай Бог ноги... Только ведь догонят, собаки, вон они какие шустрые...

Конвоируемый угрюмыми «ментовками», Ромка обогнул скругление опоры, и глазам его предстали две непомерно огромные глыбы. Таких здоровых он здесь еще не видел.

Тем временем местность, словно разбуженная выкриками потерпевшей, начала волшебно оживать.

— Леха! — лениво заорали поблизости (Ромка вздрогнул). — Цирк пропустишь! Клавка за правду воюет!

Послышалось ответное восклицание, и вскоре из-за выдающегося ребром бледно-золотистого выступа вышли двое. Один — постарше и потрезвее — в кольчужно мерцающем короткоштанном полукомбинезоне с широкими оплечными

лямками. При ближайшем рассмотрении оказалось, что комбинезон этот не то сплетен, не то связан из мягких, как веревочки, проводков. Лицо у обладателя кольчужно мерцающей спецовки было мудрое и морщинистое.

Второй — помоложе и крепко на взводе — щеголял в чем-то вроде длинного пончо из серого целлофана, подпоясанного по обширному животу куском толстого разлохмаченного на концах световода.

— А Клавка-то, — заметил он, тараща радостные мутные глаза на проходящих мимо, — обрастать начинает...

— Ничего, — успокоил тот, что в спецовке. — Сунется опять куда-нибудь не спросясь — по новой облезет.

Оба, посмеиваясь, пристроились в арьергарде, однако вплотную приблизиться не решились, что тоже не ускользнуло от внимания Ромки, вообще чуткого в минуты опасности.

— Эй, малый, что натворил? — окликнул тот, что постарше.

— Стенку мне сломал! — последовал торжествующий ответ, прежде чем Ромка успел раскрыть рот.

— Ну так и чего? — сказал второй. — Кладовка будет.

Стриженая Клавка обернулась и воинственно уперла кулаки в бока. Процессия остановилась. Зрители — тоже.

— А я просила? — Голос Клавки стал несколько визглив. — Я когда-нибудь кого-нибудь о чем-нибудь просила? Унижалась я когда-нибудь перед кем-нибудь?

Каждое «нибудь» падало подобно удару молотка, с каждым разом все более приобретая какой-то неуловимо матерный призвук.

«Ментовки» терпеливо ждали конца разговора. Потом одна из них двинулась к зрителям и сильно обоих встревожила, чтобы не сказать всполошила. Тот, что в пончо, кинулся к ближайшей глыбе, прыгнул на нее животом и, отбрыкивая воздух толстыми босыми пятками, вполз на покатую верхушку. Владелец спецовки, не торопясь, но и не мешкая, отступил с оглядкой к стене, поближе к теневому овалу. Затеплившаяся было у Ромки надежда, что эти симпатичные подвыпившие дядечки ему помогут, рухнула. Они явно и сами побаивались глянцевых тварей.

— Да трезвый я, трезвый, начальник, — глумливо обратился с глыбы присевший на корточки толстяк, в то время как «мусорка» закладывала ленивый акулий вираж вокруг камушка. — Чего принюхиваешься?

— Ни стыда, ни совести! — сказала как печать оттиснула стриженая Клавка. — Тьфу!

И двинулась к дальней молочно-белой громадине.

— Ломай! — приказала она.

— А? — тупо отозвался Ромка.

— Ломай-ломай! Нанес ущерб — так возмещай теперь! А ты как думал? Церемониться с тобой будут?

Ромка все еще не верил своим алым оттопыренным ушам.

— Как это — ломай?

— А как хочешь!

Происходящее сильно напоминало провокацию. Ромка оглянулся и вздрогнул. В нескольких шагах от него стояла неизвестно откуда взявшаяся девушка с надменным скучающим лицом. Сверкающий, как фольга, балахончик, хитрого плетения поясок... Одна из «ментовок» сунулась было незнакомке под ноги, но та отогнала ее ленивым движением руки.

— Ну ты, Клавка, зверь, — покручивая головой, заметил мудрый и морщинистый, по-прежнему держась на безопасном расстоянии. — Как он тебе ее сломает? Она уж тут неделю стоит, никто за нее не берется! Ты совесть-то хоть имей...

— Совесть?.. — вскинулась Клавка, и тут словно ручку громкости увернули. Некая соблазнительная выпуклость на молочно-белой глыбе приковала внимание Ромки. То есть настолько соблазнительная, что так бы по ней и тюкнул. Зеркальная кувалдочка в руке сразу отяжелела, и Ромка, не в силах отвести глаз от заветного бугорка, сглотнул. Где-то далеко-далеко, на пределе слышимости, продолжали ругаться насчет совести.

— ...меня, что ли, мучит?

— А нет ее у тебя — вот и не мучит!

— Так тебя ж, сама говоришь, тоже не мучит. Значит, и у тебя нету...

Толстяк слезал с глыбы. «Ментовки» откровенно скучали: две кружили неподалеку, что-то вынюхивая, третья и вовсе куда-то уехала.

— ...и к хозяевам не подлизываюсь! Не то что некоторые!

— Эх ты! Сказанула — к хозяевам! К ним, пожалуй, подлижешься!..

Наконец, не устояв перед соблазном, Ромка размахнулся и ударил. Несильно, но точно и хлестко, как на бильярде. Глыба загудела, задрожала. Все умолкли и обернулись удивленно.

Гуденье, угасая, как бы обежало глыбу изнутри, потом словно споткнулось обо что-то — и такое впечатление, что неподалеку ударила молния. Сухой, двукратный взрывающий перепонки треск. Ромка еле успел отскочить. Добрая треть глыбы, съехав, тяжко грянулась об пол и, устрашающе рявкнув, разлетелась вдребезги.

— Н-ни хрена с-се... — начал было потрясенно толстяк, берясь за ушибленное дальнобойным обломком колено.

Ромка не слушал. Из наклонного мутно-стеклистого скола, как желток из разломленного крутого яйца, выглядывала, круглясь, еще более соблазнительная выпуклость. Ромка шагнул, занес кувалдочку — и зрители шарахнулись. Это его отрезвило маленько — запросто ведь могло побить обломками!

Ударил и отскочил. И пошла цепная реакция. Глыба стонала, лопаясь, трещина порождала трещину, грохот стоял такой, словно рвались ящики с динамитом.

Наконец канонада смолкла, и малость оглохший Ромка попятился, глядя на дело рук своих. Поле боя и впрямь выглядело устрашающе. Как после артобстрела. Испуганно взглянул на зрителей. Мудрый морщинистый владелец комбинезона с уважением цокал языком. Лицо Клавки обрюзгло от горя. Злобно таращился толстяк. Девушка смотрела изумленно и восторженно. Откуда-то набежала целая стайка глазастых пушистых зверьков и тоже уставилась на груды обломков.

Все, похоже, ждали заключительного аккорда.

Осторожно ступая среди острых разнокалиберных осколков, Ромка приблизился к пирамидальной кривой кочерыжке, оставшейся от огромной глыбы, и расколотил ее тремя ударами.

— Вот... — как бы оправдываясь, сказал он всем сразу.

Толстяк прокашлялся.

— Да, может, она только с виду такая была... — сказал он, то с ненавистью глядя на Ромку, то с надеждой — на девушку. — Посмотрим еще, что кормушки решат...

Под кормушками он, надо полагать, имел в виду «мусорки».

А те уже вовсю подъедали обломки. Зрители, изнывая от нетерпения, ждали, когда они покончат с последним завалом. Покончили. Съехались рыло к рылу, и такое впечатление, что коротко посовещались. И наконец на стеклистое покрытие посыпались разноцветные капсулы. Их было очень-очень много.

— Ну, я не знаю!.. — плачуще проговорил толстяк в пончо. — Трудишься-трудишься, долбаешь-долбаешь...

Не договорил, махнул рукой и побрел, расстроенный, прочь.

Тот, что постарше, ухмыльнулся, потрепал ободряюще Ромку по голому плечу и двинулся следом. Площадь звенела возбужденным чириканьем. Лупоглазые подбирались к капсулам.

— Кши! — замахнулась на них стриженая Клавка. — Вот я вас!

Собрала в подол все капсулы до единой и, недовольно буркнув: «В расчете!..» — заторопилась к ближайшему теневому овалу.

Сгинула. Разочарованно щебеча, стали разбредаться и пушистые зверьки.

Девушка с интересом смотрела на Ромку. Оба молчали.

— Меня зовут Лика, — сообщила она наконец. — Знаете, Рома, это было великолепно...

Глава 9

И к мудрому старцу подъехал Олег.

Александр Пушкин

— Так это что же? — вымолвил Василий, остолбенело глядя вслед удаляющемуся устройству. — Это выходит, если мы ломаем такую вот хренотень... Они нам что?.. Пожрать за это дают?..

Безобразные россыпи обломков были убраны, и вылизанное «мусоркой» покрытие блистало, как витринное стекло.

— Должен сказать, что вы весьма сообразительны, Василий... — вполне серьезно отозвался дедок Сократыч, собирая заработанные капсулы в белоснежный подол. — Я всегда подозревал, что дремучесть нашей милиции — это... м-м... злобная легенда... Так вот, вы совершенно правы, — продолжал он, направляясь к приземистой глыбе с этаким свечным наплывом сбоку. — Именно за это и именно пожрать. Такая, знаете, работа...

Старичок вытряхнул капсулы в ложбинку, весьма удобно расположенную как раз посередине наплыва, сам присел рядышком и с любопытством поглядел на остолбеневшего собеседника.

— Чья? — хрипло спросил тот.

— Чья работа? — переспросил старичок. — Вы знаете, в том числе и ваша... Смею заверить, что иным путем съестного здесь не достать. Разве что выменять у кого... Да вы присаживайтесь, Василий, присаживайтесь... В ногах правды нет... Собственно говоря, ее нигде нет, но... Прошу!

Василий сделал два нетвердых шага и опустился на краешек наплыва.

— Да, работа... — с удовольствием повторил дедок. — И, как вы уже, наверное, убедились, далеко не столь простая, как кажется поначалу... Требующая, я бы сказал, чутья, интуиции, черт побери!.. Я вот, честно вам признаюсь, слаб, бездарен, камушка не чувствую — так, стучу куда ни попадя... Но есть у нас, знаете, такие асы!.. Хотя, конечно, то, что вы рассказывали о вашем товарище (чтобы целую глыбу — одним ударом!), это уже, простите, что-то из области фантастики... Вы, кстати, что предпочитаете? Острое? Пресное?.. Если острое, то попробуйте вот эту, сиреневую...

Говорливый старичок всучил Василию сиреневую капсулу и плотоядно оглядел оставшиеся. Приятное личико его при этом слегка осунулось, перестав отчасти соответствовать словесному портрету.

— Да они что тут, с ума посходили? — вырвалось у Василия.

— Простите, вы о ком? — рассеянно переспросил Сократыч.

— Да о хозяевах!

— М-м... Хозяева?.. — Чуть растопыренная пятерня, пошевеливая морщинистыми желто-розовыми пальчиками, коршуном кружила над горкой капсул. — Вот с хозяевами, Василий, сложно... — Коршун замер и без промаха пал на добычу — ею оказалась капсула нежно-лимонного цвета. — Что касается хозяев, то здесь мы, так сказать, ступаем на зыбкую почву предположений и гипотез... — Тут Сократыч надкусил пластик, прикрыл глаза, и далее кадычок его подобно поршню совершил несколько энергичных возвратно-поступательных движений. Оболочка опустела.

Василий тупо глядел на собеседника. Потом машинально надкусил силком навязанную капсулу и поперхнулся. По остроте это и впрямь могло соперничать с кавказской кухней.

— А что, товарищ ваш тоже из милиции? — живо поинтересовался старичок, открывая глаза и проворно протягивая руку за второй порцией.

— Да нет, — осторожно двигая опаленным специями языком, сказал Василий. — Наоборот.

— А-а... — Дедок Сократыч покивал. — Понимаю... То есть он убегал, вы за ним гнались — и... Понимаю... Опасный преступник? В розыске?

— Какой там, к черту, опасный! — сказал Василий, ища, куда положить надкушенную капсулу. — Так, хулиганье... Послушайте! — спохватился он вдруг. — А сами-то вы как сюда попали?

— Наверное, так же, как и вы... — охотно пояснил дедок Сократыч. — Проснулся однажды ни свет ни заря — старческая, знаете ли, бессонница, — выглянул в окно, а посреди двора летающее блюдце стоит... Посмотрел я на него, посмотрел... Собрал кое-какие вещички, оделся... Так вот и попал.

— Добровольно, что ли? — не поверил Василий.

Дедок Сократыч поглядел на него и засмеялся.

— Тут такая тонкость, Василий... — сказал он. — Детишки мои разлюбезные меня как раз в психиатрическую клинику налаживали... Жилплощадь им моя понадобилась... Так что, согласитесь, терять мне было особенно нечего...

Ощутив некий холодок под ложечкой, Василий пристально всмотрелся в собеседника, расправляющегося вот уже с третьей капсулой. Платон Сократович... Психиатрическая клиника... Может, и впрямь не в себе старичок?..

— Ну ладно, — сказал он наконец. — А как все-таки на хозяев выйти?

Старичок огорчился.

— Ну куда вы, ей-богу, торопитесь! — укоризненно проговорил он. — Вам что, домой не терпится?

— А вы как думали? — сердито ответил Василий. — У меня ведь там служба, семья...

— Дети? — с любопытством уточнил дедок.

— Да нет... Детей нету...

— А! Следовательно, нежная любящая супруга?

Василий насупился.

— Да уж любящая там! — буркнул он, все еще не зная, куда пристроить надкушенную капсулу. — Я вон в высшую следственную поступать хотел — так и подготовиться не дала! Как увидит меня с книжкой — аж затрясется вся...

— Что так? — поинтересовался дедок, небрежно бросая на пол пустую оболочку.

— Говорит, выпендриваюсь... Ищи, говорит, себе образованную... И главное, как поскандалим — так выкидыш!.. А потом я же и виноват...

Дедок Сократыч сочувственно и скорбно кивал.

— Послушайте, Василий, — сказал он. — Только ради Бога не обижайтесь!.. Но если все действительно обстоит так, как вы рассказываете, то положение у вас там было похуже моего...

— Здесь, что ли, лучше?

— Господи, да конечно же! — Старичок даже руками всплеснул. — Какое может быть сравнение! Это вы просто с непривычки растерялись, а вот обживетесь, присмотритесь... Ну, вообразите, что вы попали в рай...

Василий ошалело посмотрел на старичка.

— Ни хрена себе рай! — содрогнувшись, возразил он. — А эта?.. Ну, эта!.. — Он поднес растопыренную пятерню к глазам и подвигал ею, как бы стирая черты лица.

Сократыч недоуменно поморгал, но вскоре лицо его прояснилось.

— А! Так вы, стало быть, и с куклой Машей познакомиться успели? — вскричал он и покивал, опечалившись. — Представьте, безобиднейшее создание!.. Хотя опять же с непривычки... Сильно испугались?

— Кто она? — отрывисто спросил Василий.

— Долго рассказывать... — отмахнулся старичок. — Нет-нет, вы не подумайте, я не увиливаю! Просто кукла Маша — это, знаете ли... Это такая история... Ее ведь в отрыве от всего остального не расскажешь! А рассказывать все целиком — это мы и к завтрему не кончим... Но на вашем месте, Василий, я бы подумал. Крепко подумал бы.

— Я, между прочим, еще присягу принимал, — мрачно напомнил Василий. — Так что зря соблазняете.

— Да не соблазняю я! — жалобно воскликнул дедок, молитвенно складывая желтовато-розовые ладошки. — Я, как бы это выразиться, утешить вас хочу!

Василий как раз решился определить капсулу на пол, но движения не завершил. Медленно прозревая страшную истину, повернулся к собеседнику.

— Что?.. Вообще никак? — Голос его сел до шепота.

— Вы знаете... К сожалению! — подтвердил дедок и виновато пожал хрупкими старческими плечами. — Я, конечно, могу ошибаться, но, по-моему, отсюда не возвращаются.

— А пробовали хоть? — с надеждой спросил Василий.

— Хм... — Дедок Сократыч озадаченно вздернул седенькую бровь, отчего морщины на его лбу пошли волной. — А, собственно, зачем?

— То есть как?!

— О Господи, Василий! Ну вы сами подумайте: если человек сам, добровольно, без принуждения лезет в летающее блюдце, то какая же у него была жизнь?! Взять, к примеру, меня. Или вас!

— Меня брать не надо, — хмуро предупредил Василий.

— Хорошо. Не буду... Возьмем меня. Мне куда возвращаться прикажете? В клинику? В дом престарелых?.. Благодарю покорно!..

Дедок фыркнул и умолк. Вид у него был несколько взъерошенный. Василий тоже молчал — темнея лицом и поигрывая желваками.

— Зачем же они так делают? — вырвалось вдруг у него.

— Кто?

— Да хозяева... Или вы с ними об этом не говорили?

Седенькие брови вспорхнули изумленно, и дедок, слегка отодвинувшись, уставился на собеседника.

— Василий! Голубчик! — сказал он. — Опомнитесь! Я же вам битый час уже втолковываю, что я даже и не видел здесь ни разу никаких хозяев! И никто не видел!.. Вам, правда, потом многие будут рассказывать, что видели, общались, но вы им не верьте! Это они таким образом цену себе набивают... Ну вот! — огорченно вскричал он вдруг. — Что ж вы еду-то зря выдавливаете! Сами ведь трудились, ломали!..

Василий уставился на судорожно стиснутую надкушенную капсулу, из которой на руку и на пол обильно выдавливались тонкие маслянистые колбаски кофейного цвета.

— Так вас здесь много, что ли?

— О, целая колония!.. Нет-нет, не в том смысле, в каком вы подумали... Небольшой, знаете, такой социум человек в двадцать...

— Ничего себе... — пробормотал Василий, отбросив капсулу и машинально облизнув кулак. Язык опалило вновь. — А как же мы тут сутки плутали — никого не встретили...

— Видите ли... — Дедок замялся. — Дурацкая, ей-богу, традиция, но... Словом, когда прибывает очередной новичок (а случается это довольно редко), все прячутся...

— На хрена? — пораженно спросил Василий.

— Полагают, что смешно, — уныло шевельнув бровью, пояснил дедок. — Хотя я лично никакого юмора тут не вижу... Но не идти же, согласитесь, против всех!.. И я бы спрятался, просто никто меня не удосужился предупредить...

— Стоп! — Василия озарило. — Так, выходит, это они нас пугали? Ну, в доме в этом... на потолке...

— Выходит, так, — со вздохом согласился дедок.

— А если бы я застрелил кого? — В запальчивости Василий достал из-за пазухи «макаров».

— А что, он у вас еще стреляет? — обеспокоенно полюбопытствовал Сократыч.

Василий крякнул, нахмурился и, не отвечая, запихнул пистолет обратно. Хотел застегнуть для верности, но позеленевшая пуговица легко отделилась от лохмотьев кителя, как будто не позавчера была пришита.

— Да-да, — сочувственно подтвердил дедок. — Распадается прямо на глазах. Здешние вещи практически вечны, а вот все земное... Кстати, на пол ничего не ставьте. Что на пол упало, то пропало... И, знаете, я бы на вашем месте сменил одежду... Видите ли, к сожалению, не все относятся к милиции как должно... Есть тут у нас, например, один уголовник... Нет, не то, что ваш товарищ, а настоящий уголовник, с зоны...

— А этот-то как сюда попал?

— А убежал, — любезно объяснил дедок. — Вывели их демонтировать какой-то морально устаревший памятник, и тут, можете себе представить, опускается рядом летающее блюдце... Охрана, понятно, растерялась, а он, не будь дурак, видя такое дело, бегом к люку — и внутрь! Солдаты опомнились — давай стрелять. Блюдце, естественно, тут же закрылось — и поминай как звали... Собственно, это он так рассказывает. Как было на самом деле — сказать трудно... Кстати, вот он иногда грозится: я, мол, с зоны убежал и отсюда убегу... Колобок этакий... Но вот что-то не бежит пока.

— Да, компания... — пробормотал Василий.

— Разные люди, разные... — согласился дедок. — И знаете, о чем тоскует? Все, говорит, здесь хорошо, одно плохо — ментов нету (это он так милиционеров зовет). Попади, говорит, сюда хоть один мент — ух, говорит, что бы я с ним сделал!.. Вообще ужасно грубый молодой человек... Сейчас-то он еще немного присмирел — это после того, как мне все передние

зубы одним ударом выбил... За что и получил так называемый щелчок, причем, заметьте, вполне заслуженно... Так что теперь уже руки не распускает — боится... Но все равно: что ни слово — то мат! Ужасно...

Ничего не понимая, Василий присмотрелся к подвижным губам бойкого старичка. Речь вроде не шепелявая, да и рот не проваленный... Заметив его взгляд, дедок рассмеялся, старательно обнажив зубы до самых десен. Зубы у него были, что называется, сахарные, без изъяна.

— А? — сияя, сказал дедок. — Неплохо, правда?.. Так что имейте в виду, Василий: нас здесь, знаете ли, берегут! Ценят.

— Хозяев, значит, нет, — проговорил Василий. — А зубы, что же, сами вставились?..

Старичок не услышал — был занят предпоследней капсулой.

Откуда-то приковыляли два серебристо-пушистых зверька, причем вид у обоих был какой-то пришибленный. Присели на корточки метрах в пяти от обедающих и, растерянно переговариваясь вполщебета, уставили на них алчущие бесстыжие зыркалы.

— А ну пошли, пошли отсюда! — прикрикнул на них дедок Сократыч, поспешно вскидывая веки. — У! Глазищи-то, глазищи! Спицей не выщербишь!.. Все равно ничего не дам!.. Пр-редатели!..

— Почему предатели? — несколько враждебно осведомился Василий, которому очень нравились пушистые зверьки и, честно говоря, все меньше нравился обаятельный прожорливый старичок.

— А то кто же? — запальчиво проговорил тот. — Как увидели, что у меня с камушком этим ничего не получается, — туда же! Издеваться начали, чирикать... А потом и вовсе убежали...

— А кто они вообще?

— Н-ну... обычно их здесь называют мартышками, побирушками... По-разному называют... Во всяком случае, смею вас уверить, это не хозяева.

— Ну, может быть, одичавшие?.. — неожиданно для себя предположил Василий. Лучше бы не предполагал — аж самому жутко стало.

— Ого! — с уважением отозвался дедок и посмотрел на собеседника, прищурив глаз и склонив голову к плечу. — А вы, Василий, штучка! Мне вот потребовался месяц, чтобы до

такого додуматься... Однако должен вас разочаровать: гипотеза, конечно, прелюбопытная, но... критики, к сожалению, не выдерживает. Как-нибудь потом мы все это с вами обсудим подробно, не торопясь, со вкусом... Кстати, давешняя ваша версия о невменяемости хозяев — тоже, знаете ли...

Василий шумно вздохнул и взглянул с тоской на невероятно высокий потолок, где, согласно законам перспективы, сходились чуть ли не встык золотистые титанические колонны. В следующий миг голова его вздернулась, так что крутой затылок звучно соприкоснулся с глыбой. Василий вскочил.

— Что это? Смотрите!

По потолку шел человек. Вниз головой. Крохотный, как если бы Василий глядел на него, наклонясь с какого-нибудь там двадцатого этажа.

Дедок Сократыч тоже поднял голову, но вскакивать не стал.

— Это?.. — переспросил он, прищуриваясь. — Хм... А действительно, кто бы это мог быть?.. На таком расстоянии, знаете, и не разглядишь даже... Кажется, Леша Баптист... А, нет! Леша — полнее...

— Почему он не падает?

— А почему мы не падаем? — почти дословно цитируя Ромку, спокойно возразил Сократыч. — Что вас, собственно, удивляет, Василий? Нам кажется, что он — на потолке, а ему кажется, что мы — на потолке...

— Да не может же этого быть! — Василий с отчаянием следил, как крохотный человечек там, наверху, неторопливо пересекает «улицу», направляясь к округлым белым камушкам — несомненно, все тем же глыбам.

— Я, конечно, не физик, — мягко заметил дедок, — но, полагаю, коль скоро явление существует, то, следовательно, оно возможно... — Изрекши эту глубокую мысль, он снова прищурился. — Нет, совершенно точно, это не Леша... Да и с чего бы он вылез, если все прячутся?.. Послушайте, Василий! А уж не ваш ли это товарищ?

Василий вздрогнул и вгляделся еще раз. Действительно, на такой высоте рассмотреть что-либо было трудно. Макушка — не поймешь: то ли стриженая, то ли не стриженая...

— Ромка-а!.. — что было сил закричал Василий. Дедок отшатнулся, но человечек наверху не отреагировал.

— Какой у вас голос громкий!.. — позавидовал дедок, заправляя мизинец в ухо. — Только, знаете, к сожалению, звук туда не доходит. Проверяли уже...

Василий резко повернулся к нему.

— Как туда попасть? — отрывисто спросил он, указав глазами на потолок.

— Да как угодно! — сказал дедок. — Хоть пешком. Но вам, как я понимаю, хотелось бы побыстрее... Тогда скоком!.. Хм, а какой же скок туда выходит?.. А! Это, кажется, не доходя Клавы, возле Пузырька... Впрочем, до того скока идти далековато... — Дедок встал, озираясь. — Или знаете что? Если вы воспользуетесь вон тем, у стены, то вас выбросит... Так... Куда же вас выбросит...

Дедок запрокинул аккуратную седенькую бородку и принялся высматривать что-то на потолке.

— Вон куда вас выбросит! — победно сообщил он, указывая пальцем вверх и вправо. — Вон за той колонной!.. Вы ее тогда бегом обогните и, может быть, как раз его там и перехватите! Пойдемте!

Быстрым шагом они пересекли «улицу» и подошли к одной из опор.

— Вот, — сказал дедок, останавливаясь перед теневым овалом. — Это, как бы вам объяснить...

— Да я уже им пользовался, — нетерпеливо прервал его Василий.

— Вот как? — поразился старичок. — Что ж, тем проще... А что глаза закрывать надо, знаете? Нет? О-бя-зательно закройте, а то голова закружится!.. Да! Спасибо вам за помощь!

— Вам спасибо, — буркнул в ответ Василий и, плотно зажмурив глаза, шагнул в теневой овал.

Голова и впрямь не закружилась, но ориентировку Василий утратил полностью. Во всяком случае, открыв глаза, он просто не понял, куда теперь нужно бежать. Взглянул вверх, надеясь увидеть крохотного Сократыча, но того что-то нигде не было. Ну правильно: старичок ведь предупреждал, что Василия выбросит «за той колонной»... За какой же это «за той», хотелось бы знать...

Озираясь, Василий двинулся к ближайшей опоре, обогнул выступ — и остановился. Навстречу ему шел человек — надо полагать, тот самый.

Если белоснежная хламида Сократыча как-то совершенно естественно и ненавязчиво вписывалась в пейзаж, то одежды идущего навстречу казались нелепыми именно в силу своей

узнаваемости. Собственно, из одежд на незнакомце были одни штаны. Короткие, скособоченные, плетеные на манер корзины из толстых мягких проводов, они тем не менее гордо свидетельствовали о мужском достоинстве их носителя.

Увидев Василия, незнакомец обомлел. Он явно не верил своим глазам. Наконец губы его шевельнулись в счастливой улыбке.

— Мент... — тихо и нежно, словно боясь спугнуть удачу, выдохнул он. — Заклепать мои карие очи — мент!..

Глава 10

Ахнул дерзкий — и упал!

Михаил Лермонтов

— А не досчитался я с вами, драконами, — напевно выговорил незнакомец, не сводя с Василия влюбленных глаз. Пальцы обеих рук он держал при этом несколько врастопыр, словно собирался ударить по клавишам. — Ох, не досчитался...

(Возраст — двадцать пять — тридцать; рост — от ста семидесяти пяти до ста восьмидесяти пяти; сложение — жилистое, худощавое; лоб — низкий; наличие морщин — отсутствуют; глаза — зеленые (а никакие не карие!), средней величины; уши — большие, прижатые; нос — утиный. Особые приметы...)

Василий не поверил и всмотрелся еще раз. Особых примет не было. То есть вообще ни одной.

Незнакомец, надо полагать, сомнение это уловил — и лицо его болезненно дернулось.

— В рифму, свисток, берешь? — совсем уже мяукающим голосом осведомился он. — Ты здесь на цырлах бегать будешь, понял? Бейцалы мне отлэкаешь!

Произнесено вроде все было правильно, только вот зубы доверия не внушали. Неровные (стало быть, свои, а не вставные) и слишком уж целенькие для отбывавшего срок.

— Клыки жмут? — холодно поинтересовался Василий. — Или башка на плечи давит?.. Наблатыкался и думаешь — автор?

Побледнев от обиды, незнакомец подался навстречу, умудрившись, впрочем, не сделать при этом вперед ни шагу.

— Ночник ты красноперый! — с угрозой выговорил он. — Выстеклю, помою, врача приглашу!

— А ну? — с интересом спросил Василий, неспешно закладывая руку за пазуху и доставая «макаров».

Незнакомец обрадовался.

— Нычь бедолагу-то, — ласково посоветовал он. — Отплевалась сестренка...

Василий взвесил пистолет на ладони и задумчиво поглядел незнакомцу в низкий, без морщин, лоб.

— Чего уж там плевать-то? — сказал он. — Дам звона по кумполу — и все дела.

— За кого ж ты меня, падла, стрижешь? — процедил тот. — Да я три лысака как от хозяина!

Василий сочувственно поцокал языком.

— Сидел... Вижу: сидел... Вся жопа небось в шрамах...

Лицо незнакомца свело судорогой. Он дернулся к ненавистному менту, но тут же о чем-то, видать, вспомнил, заматерился — и снова отшагнул.

— Да я — Крест! — злобно и беспомощно закричал он, ударяя себя в грудь кулаком.

— Трекало ты базарное, — тихо и внятно отвечал Василий, глядя ему прямо в глаза. — Наколка где?

Вместо ответа назвавшийся Крестом незнакомец вздрогнул и резко повернул голову, как бы предъявляя для опознания еще и профиль. Видя такое дело, скосил глаз и Василий, держа, однако, собеседника в поле зрения. Оказалось, что причиной тревоги была самая обыкновенная «мусорка», катящаяся к ним по стеклистому гладкому покрытию подобно огромной вытянутой капле ртути. При условии, конечно, что ртуть можно окрасить в густо-чернильные тона.

Крест вновь повернул к Василию теперь уже откровенно испуганное лицо.

— Ап! — выдохнул он еле слышно и начал отступать, трогая растопыренными пальцами воздух. — Шары, начальник! Разборка — потом...

— Да нет, чего уж потом? — Василий сунул пистолет за пазуху и, решительно, вразвалку приблизившись к отступающему, схватил за жилистую руку. Тот рванулся, в глазах его мелькнул ужас.

— Ты! Радостный! Я ж не пургу мету! Надзорка пасет!

Некоторое время они боролись, тяжело дыша. Крест был мужик сильный. Василий — тоже. Кроме того, очень уж разозлил его этот черт. Слышалось сдавленное:

— Бесогон!.. Бивень!.. Волк ты тряпочный!..

Внезапно светлый мерцающий мир беззвучно взорвался, обдало жаркой болью, и противники разлетелись, словно шары на бильярде. Василия нечувствительно приложило о покрытие, перед глазами закривлялись ярко-зеленые амебы. Ощущение — будто хорошо дернуло током.

Приподнялся рывком, ища глазами табельное оружие. Лохмотья с сержанта как бы сдуло разрядом, и теперь он лежал на стеклисто посверкивающем полу голенький — что твой младенчик. Пистолета нигде видно не было. «Мусорка» деловито подъедала разлетевшиеся обрывки милицейской формы.

Рядом, болезненно кряхтя, ворочался Крест.

— Б-бельмондо ты н-недоделанное!.. — страдальчески крикнул он Василию, поднимаясь на колени. Плетеные на манер корзины штаны местами расплелись, так что теперь Кресту приходилось их придерживать, чтобы совсем не развалились. — Звонил же без булды: н-надзорка пасет!..

— Что, Крест, опять щелчок заработал? — послышался спокойный насмешливый голос, и Василий оглянулся. Шагах в пяти стоял и, склонив голову к плечу, с любопытством смотрел на них морщинистый незнакомый мужикашка в кольчужно посверкивающем короткоштанном полукомбинезончике.

Подергиваясь, как контуженный, Крест повернул голову к вновь прибывшему и, злобно обложив его запинающимся матом, поковылял прочь.

Тот лишь ухмыльнулся ему вослед. Потом сочувственно оглядел Василия.

— Ну что, Вась, ожил? Пойдем колпачок налью — поправишься...

По гнутым соломенно поблескивающим стенам помещения неправильной формы (другого определения Василий так и не смог подобрать) порхали цветные блики. Морщинистый, похожий на алхимика Пузырек, обдаваемый то мертвенно-ртутным, то розовым полусветом, что-то там поправлял в своем аппарате.

— Да никакой он, по-моему, не блатной, — хмуро говорил Василий. — Так, приблатненный...

Пузырек оставил в покое змеевик, обвивавший поросшую инеем трубу, и обернулся, отогревая дыханием замерзшие кончики пальцев.

— Не, блатной-блатной, — сказал он. — Как одежка на нем расползаться начала, мы прямо ахнули. Весь как есть в татуировке. Разве что на лбу ничего не выколото...

— Гляди-ка! — подивился Василий. — А куда ж она потом делась? Слиняла, что ли?

С колпачком в руке он сидел на... Честно говоря, непонятно на чем сидел. Вроде бы прямо на воздухе, загадочным образом отвердевшем вокруг толстого кабеля, разлегшегося над полом смоляной змеей. Чресла Василий обернул белоснежной простынкой, которую ему насовсем отдал Пузырек. Запросто можно было вообразить, что пьешь водку в предбаннике какой-нибудь правительственной сауны. Со светомузыкой.

— Да не то чтобы слиняла... — Пузырек достал из висящей на растяжках плетенки что-то вроде прозрачного целлофанового рукава полуметровой длины. — Ты Машу Однорукую еще не встречал?

— Это... в хрущевке?

— Да нет. Та — кукла Маша. А это Маша Однорукая...

— Погоди, — сказал Василий. — Ты мне про куклу сначала...

Пузырек туго натянул целлофан за уголки и одним движением заварил донышко, проведя кромкой по тонкому, как нить, световоду. Получился пакет.

— Про куклу ты вон лучше Лешу Баптиста спроси... Или нет, не надо, не спрашивай. Опять смурной станет, в запой уйдет — ну его...

— Так баптисты ж не пьют!

— Ну это смотря какие баптисты... — уклончиво ответил Пузырек и заменил полный пакет пустым, не потеряв при этом ни капли драгоценной влаги. — Короче, увидишь Машу — сам все поймешь...

Он наклонился над свернувшейся на полу карликовой молочно-белой глыбой, смахивающей слегка на человеческое ухо. Извлек из выемки туго налитую целлофановую дыньку, по которой катался крупный пузырь воздуха, и, разматывая горловину, направился к Василию.

— Давай-ка еще плесну...

Василий протянул маленькую прозрачную пиалу, и Пузырек без промаха наполнил посудинку всклень. Себе тоже плеснул — на донышко.

— Где стопарики берешь? — полюбопытствовал Василий.

— Да с той стороны кабель такой, стеклянный вроде... — Рука с пиалушкой качнулась в сторону устремленной ввысь рощицы световодов. — Потом покажу... Перережешь — он срастаться начинает, ну как бы смолой оплывать... Чуть оплывет — а ты этот наплыв возьми да и подковырни. Как раз такой вот колпачок и отшелушится...

— А простынка откуда? — Василий ухватил в щепоть краешек белоснежной материи.

— А это уже, видишь, от другого кабеля обмотка. Надрезал, отмотал сколько надо — и носи на здоровье...

Василий ошарашенно взглянул вверх, где ныряли в мерцающую паутину светоносные стволы.

— Так, а вдруг они ведут куда-нибудь, кабели эти!..

Пузырек ухмыльнулся.

— Понятно, что ведут. Но раз начальство не против... Будь здоров, Вася!

Оба выпили. Пузырек подал гостю капсулу салатного цвета — закусить.

— Вот ты говоришь — начальство... — сказал Василий. — Ну а где оно, начальство-то? Я слышал, с хозяевами никто и не встречался даже...

— Да как... — Пузырек в затруднении почесал за ухом. — Кое-кто врет, что встречался...

— Ну а сам-то ты как считаешь? Кто они вообще?

— Хозяева? — Пузырек усмехнулся загадочно и поднял на гостя мудрые нетрезвые глаза. — А так считаю, что надзорки — это наши хозяева и есть.

— Надзорки? — Василий был поражен. — Так они же мусор убирают!

— Ну и убирают, — согласился Пузырек. — И кормят. И щелчка дают, если что не так. Чем не начальство?

Василий попытался собраться с мыслями — и не смог.

— Слушай, плесни-ка еще, — попросил он севшим голосом. — Если не жалко, конечно...

— А чего жалеть? — сказал Пузырек, охотно выполняя просьбу. — Я по первому разу завсегда бесплатно угощаю...

Глаза его вдруг затуманились, наполнились грустью.

— А вот кто бы спросил, мне-то каково пришлось... — со вздохом молвил он. — Я ведь сюда, Вася, первым попал. Никого здесь еще не было, только мартышки эти прыгали, камушки долбали... Ну вот представь: один! Ни души кругом! И сам,

можно сказать, голый — трусы да майка, я ж в окно от участкового прыгал...

— А этаж? — поинтересовался Василий.

— Какой в частном секторе этаж! Первый...

— Что ж они под окном никого не поставили?

— Ну вот не догадались, значит. А тогда еще, как назло, пьяный указ вышел, загребут — не отмажешься... Сбежал, короче. Вылез из тарелки: мама родная! Куда занесло... — Пузырек выпил, не чокаясь, и долго качал головой. — Ладно. Сообразил что к чему, тоже камушки долбать начал. Долбал-долбал... Ну не может быть, думаю, чтобы в тюбиках у них одна только жратва! Не-а, ни черта! Потом прикинул: а красные-то тюбики — сладкие, стервы! Чистый сахар! Ага, думаю, теперь бы еще дрожжец... А жил в «конуре». Один. Пустая она тогда была, гулкая...

— Пустая? — встрепенулся Василий. — А Маша? Ну, кукла эта...

— Маша — потом... — отмахнулся Пузырек. — Ты слушай... И вот сижу это я однажды, как сейчас помню, в «конуре» один-одинешенек и думаю: эх, змеевичок бы... Представляю его себе так, знаешь, подробненько... И вдруг гляжу: мать честная, образуется! Представляешь — образуется! Прямо из воздуха!..

— Кто?

— Да змеевик же! Я, понятно, испугался, решил — крыша поехала. Ну и он, как бы это тебе сказать... Недоделанный, в общем, вышел. Опомнился я. Дай, думаю, еще раз попробую... И получилось, Вась! С третьего раза — получилось! Схватил я его, расцеловал... Эх, да что говорить!.. — Пузырек расчувствовался и махнул рукой.

— У тебя там не перельется? — спросил Василий.

— Да нет, рано... Ты слушай... И с дрожжами выкрутился. Вон видишь, проводки такие пушистые, слева? Серым светятся... По ним обычно эти ползают... ну вроде улиток, только побольше. Налет счищают. Так вот улиток этих погнать, а налет — соскрести... Я тебе говорю: лучше всяких дрожжей! Бродит — как зверь!.. А с трубами я еще раньше приметил. Одни — горячие, другие — холодные. Что еще надо? И вот выгнал я, Вась, первый литр... — Голос Пузырька предательски вильнул. — Гордый хожу — как черт! Ведь куда законопатили, ты подумай! А я и

здесь гоню!.. В школе учил небось? Человек — это что? Это звучит гордо!.. Погоди, вроде пакет перекосило...

Он отложил колпачок в воздух над кабелем и зашлепал к аппарату. Василий с невольным уважением оглядел многочисленные хитрые трубки и змеевики, оплетавшие светоносную рощицу на манер повилики.

— Но одному пить, — вернувшись, сокрушенно продолжал Пузырек, — не дело... Нет, не дело. Ну примешь, ну... Для себя, что ли, старался? Для людей ведь всю жизнь, понимаешь, Вась, для людей! Мартышки эти не пьют... Трудно было, чего там...

— Ну ты, я гляжу, мужик отважный... — Василий только головой покрутил. — А вдруг отраву какую-нибудь выгнал бы вместо водки?

Пузырек помолчал, сложив губы в скорбной многомудрой улыбке.

— Рисковал... — признал он чуть ли не с удовольствием. — Конечно, рисковал, чего уж говорить... Так а дома? Не рисковали, что ли?.. Помню, работал это я на центральном рынке, и собрались мы раз в бендежке у Борьки, у слесаря нашего... Была у нас на троих бутылка спирта. А покупали, конечно, с рук... Во-от... Выпили мы, значит, по первой — и стали слепнуть...

— Как? Совсем? — всполошился Василий.

— Ну, не то чтобы совсем... Спичку зажжешь, поднесешь к глазам — огонек вроде видать. Хотя и смутно...

— А как же вы до телефона-то добирались? Вслепую?

— Да телефон — что телефон?.. Мы так подумали-подумали... Терять вроде нечего? Нечего... Ну и добили эту бутылку на ощупь.

— А потом?

— Ну, потом... — Пузырек шевельнул в затруднении пальцами. — Потом вроде как развиднелось...

Помолчали, задумчиво свесив головы.

— Да, — молвил со вздохом Василий. — Это по-нашему... Ну а здесь-то как? Не гоняют?

— Еще как! — оживившись, вскричал Пузырек. — Ты, Вась, не обижайся, но надзорки эти вреднее вас, ментов, будут. Трех месяцев не проходит, чтобы они мне аппарат не раздолбали! Выйду из дому, прихожу — все в порошок... Даже порошка не остается! Ну я что тогда?.. Иду в «конуру», опять

бак соображаю, змеевичок... И по-новой! Меня-то самого, понятно, не трогают. Тут так: руки не распускай — и не тронут...

— И конкурентов нету?

— Где? Здесь? — Пузырек презрительно скривился. — Знаешь, честно тебе, Вась, скажу: народ здесь подобрался... Настырности в них — ну никакой! Велено долбать — долбают, и то через пень-колоду...

— А сам не долбаешь?

— Вот еще! Когда мне долбать? Да и на кой пес? Я ж с них, с лодырей, плату чем беру? Либо тюбиками, либо хреновину какую полезную где-нибудь оторвут. Камушек вон удобный притащили...

— Ну и работенка тут у вас! — не выдержал Василий. — Не ломать — так курочить...

— Ну это ты зря, — миролюбиво заметил Пузырек. — Дома таких работ тоже полно. Лесорубы, шахтеры... Или, скажем, взрывников возьми...

— Так там-то — со смыслом!

— А вдруг и здесь тоже?

— Ну не знаю, — помрачнев, сказал Василий. — Не по мне все это... «Хрущобы» на потолке, люди вверх ногами... Вот найду Ромку — и будем как-нибудь отсюда выбираться.

— Не-а! — Пузырек решительно помотал головой. — Не захочет.

— Кто? Ромка?

— А вот попомни мои слова! Я людей насквозь вижу. Сколько их тут при мне поприбывало — ни в одном не ошибся. Ромка — эт-то, знаешь, орешек. Погоди, он еще тут всем даст прикурить... Э! А пакет-то! — спохватился он. — Заварить — заварил, да так в кошелке и оставил...

Пузырек снова вернулся к аппарату, достал из висящей на растяжках плетенки тугой прозрачный бурдючок и небрежным движением метнул его в черный, зияющий посреди стены пролом. Судя по раздавшемуся из темноты смачному шлепку, таких бурдючков там уже скопилась целая груда.

— А убежать, значит, так никто и не пытался? — спросил Василий.

— Ну а как тут бежать? Дальше потолка не убежишь. Ну сам подумай, Вась!..

Василий подумал.

— А если скоком попробовать? Может, какой-нибудь наружу выводит?

— Так тебе домой или наружу? — спросил Пузырек, присаживаясь рядом. — Наружу у нас все Клавка рвалась... Так что насчет скоков — это ты к ней. Только не сейчас. Сейчас она на тебя в обиде...

— На меня?

— А то на кого же! — Пузырек тихонько засмеялся, покручивая головой. — Она тебе: «Ввa! Ввa!..» — а ты за пистолет!.. С ней чуть родимчик не приключился. Ну, в «конуре», когда пугали вас...

— Вон оно что... — пробормотал Василий. — А зачем ей наружу надо?

— Ну как... Чтобы, значит, хозяевам про все наши безобразия доложить. А заодно и самим им чертей выписать... Все скоки, почитай, перепробовала. Ну и сунулась однажды... — Пузырек снова засмеялся. — То ли грузовой он был какой, этот скок, то ли просто испорченный, а только выскочила из него Клавка — под ноль стриженная! Брови — и те выбрило! Теперь вот обрастает...

Василий задумчиво подвигал челюстью.

— А в тарелке выбраться не пробовали?

Пузырек посмотрел на него с любопытством.

— Так ты что, серьезно бежать собрался?

Василий хотел ответить, но не успел, потому что к Пузырьку пришли.

Глава 11

Вошел: и пробка в потолок...

Александр Пушкин

Слава Богу, что колпачки в этот миг оказались пустыми, а то бы Василий зелье расплескал наверняка. Сам он уже раза три, чтобы не соврать, пользовался скоком, но пользоваться — одно, а вот наблюдать такое со стороны... Вполне естественно, что Василий вздрогнул и отшатнулся, когда неподалеку от световодов возник собственной персоной лопоухий стриженый Ромка.

На ловца и зверь бежит!

Аналогичная простынка, перекинутая через плечо и перехваченная по талии обрывком провода. В руке — бугристый, словно набитый картошкой, серый пластиковый мешок. Физия у Ромки была очумелая и ликующая. Увидев Василия, он замер — но лишь на секунду.

— А, Вася... — расслабленно, чуть ли не покровительственно молвил он. — Ну ты как? Обживаешься?

Откуда-то вдруг взялись осанка и царственная, прах побери, небрежность в движениях.

— Ну чего притащил, чего притащил? — добродушно заворчал Пузырек. — Я ж тебе сказал: по первому разу всех пою бесплатно. Вот завтра — хренушки, а сегодня — гуляй... Правило у меня такое.

— Правило у него! — надменно отозвался Ромка. — А у меня тоже правило. На халяву не пью. Все. Точка.

— Во дает! — хмыкнул Пузырек и оглянулся на Василия. Тот сидел набычась и закременев. Под железной щетиной гуляли страшные желваки.

— Я что? Каждый день сюда прилетаю, что ли? — куражился, по всему видать, слегка уже поддавший Ромка. — Давай на все, сдачи не надо!

Пузырек взял мешок двумя руками, раскрыл и долго в него смотрел.

— Ну и куда тебе столько? Ты вон уже и так хорош.

— Почему мне? — обиделся Ромка. — Всем!

— А вот это ты зря, — сказал Пузырек. — Нечего приваживать. Ты-то, может, на халяву и не пьешь. А вот лодыри наши... Вот попомни мои слова: привадишь — ломом потом не отобьешь.

— Кто приваживает? — возмутился Ромка. — Я сразу сказал: сегодня всем ставлю, завтра — фиг!

Тут он, должно быть, что-то вспомнил и захихикал.

— Во прикол! — осклабившись, сообщил он. — Леша этот ваш... Ты, говорит, так все долбаешь, потому что у тебя колотушка такая. От летающей тарелки. Я говорю: ну на, попробуй... Он взял — тюкал-тюкал, бросил... Дай, говорю, сюда. Ка-ак дал — камушек вдребезги!..

— Леша... — проворчал Пузырек. — Вот он-то главный халявщик и есть — Леша...

С запасом перешагнул парящий в воздухе кабель и скрылся в проломе.

Оставшись наедине с Василием, Ромка гонору малость поутратил. В наступившей тишине слышно было, как журчат и побулькивают трубки и емкости Пузырькова агрегата. На изогнутых стенах лениво кривлялись цветные блики.

А Василий все держал паузу. Ах, если бы не дуреха жена, какой бы из него вышел прекрасный следователь! Закати он такую паузу на допросе...

— Значит... — глуховато выговорил он и вновь надолго замолчал. — Значит, так, да?..

Ромка вздохнул с облегчением. Молчащий Василий был куда круче Василия говорящего.

— А чего? — с вызовом спросил Ромка.

— Того! — сказал Василий. — Возьму за шиворот да и запихну в тарелку. Будет тебе тогда «чего»!..

Ромка осклабился.

— Ага! — сказал он. — За шиворот!.. А надзорки? Ты вон уже Креста один раз за шиворот взял?..

Василий мысленно крякнул и насупился. Плохо дело. Ромка знал не только о его поединке с Крестом, но даже и о том, что надзорки за рукоприкладство карают в любом случае. Стало быть, угрозами тут уже ничего не добьешься. Ладно, попробуем путем убеждения...

Василий усмехнулся, как бы дивясь Ромкиной глупости.

— Один вот тоже так... — презрительно молвил он, — от армии прятался... Десять лет взаперти просидел. Ну не придурок, а? Десять лет! По суду — и то меньше выходит...

— Так то взаперти, — возразил Ромка.

— А здесь тебе что? Не взаперти, что ли?

— Х-ха! — сказал Ромка. — Ничего себе — взаперти! Этак я и в городе тоже взаперти был...

Вернулся Пузырек с двумя увесистыми бурдючками.

— На вот, — сказал он Ромке. — И гони ты их в шею... х-халявщиков!..

Однако ни Василий, ни Ромка его не услышали. Оба неотрывно глядели в глаза друг другу. Пузырек хмыкнул и, переступив кабель, временно определил бурдючки в причудливую похожую на человеческое ухо карликовую глыбу.

— Сравнил — город... — процедил наконец Василий. — Из города ты хотя бы уехать мог...

— Уже уехал! — огрызнулся Ромка.

— Так... — сказал Василий. — Так... И возвращаться, значит, не собираешься?

— Да на кой мне это надо? — удивился Ромка. — Чтобы опять менты гоняли?

— Думаешь, здесь гонять не будут?

— Не-а, — окончательно обнаглев, отвечал ему Ромка. — Здесь тебя гонять будут. Чтобы руки не распускал. Получил щелчка — и гуляй, Вася!

Василий сжимал и разжимал кулаки.

— Да ты же прикинь хрен к носу! — рявкнул он, весьма изумив и позабавив Пузырька. — Может, в тебе талант какой сидит!

Ромка поморгал. Действительно, поворот был весьма неожиданный.

— Ну, — осторожно молвил он, тоже присаживаясь на кабель.

— Гну! Талант-то развивать надо! А как ты его здесь, дурак, разовьешь? Дома бы учиться поступил, работу бы нашел по специальности!..

— А я ее уже здесь нашел...

— Это ломать, что ли? — страшно раздув ноздри, спросил Василий.

— А ты пробовал? — Ромка взбрыкнул и перешел в наступление. — Ты хоть один камушек здесь своими руками раздолбал? Вот раздолбай сначала, а потом говори...

Тут уже и Василия сорвало с якорей.

— Значит, государство на тебя средства тратило, — задыхаясь от злости, выговорил он. — В школе учило... А ты... Ты ж вот сейчас Родину продал!

— Йех! — сказал Пузырек, с удовольствием глядя то на Василия, то на Ромку. Любил он, по всему видать, такие сцены.

Ромка сидел, обиженно оттопырив губы.

— Кому? — спросил он наконец.

— Чего кому? — не понял Василий.

— Кому продал?

— А не важно, — сказал Василий в запальчивости. — Была бы Родина, а кому — найдется!.. Слушай, Пузырек, плесни, а? Достал он меня!..

— Это запросто, — отозвался покладистый Пузырек и двинулся к карликовой глыбе.

— Мою вскрой, — буркнул Ромка.

— Обойдешься... — спокойно отвечал ему Пузырек. — Пойди вон лучше колпачок себе отколупни — на той стороне... Кабель там такой стеклянный... перерезанный...

— Мне ж тебя, дурака, жалко, — проникновенно втолковывал Василий. Язык у него, правда, не заплетался, но слова теперь выговаривались куда медленней обычного. — Ну ты сам оглянись, посмотри: кто здесь собрался... Старичье всякое, алкаши, вон даже с зоны один... Ровесников твоих тут нет, девчонок — тоже...

— Ну, насчет девчонок ты, Вась, не прав... — с ухмылкой заметил Пузырек. — Он тут уже одну присушить успел...

Василий запнулся и взглянул на невольно приосанившегося Ромку.

— Правда, что ли?

Ответом было победоносное молчание.

— А лет ей сколько? — недоверчиво обратился Василий к Пузырьку.

— Не знаю, документы не проверял... С виду — двадцать два... Двадцать три...

— Двадцать! — Ромка немедленно ощетинился.

— Ну да... — Пузырек глубокомысленно покивал. — В прошлом году — двадцать, в позапрошлом — двадцать...

— Даже если двадцать — все равно старовата... — задумчиво молвил Василий, прекрасно сознавая, подлец, какое жало он запускает в нежное Ромкино сердчишко. — Дома ровесниц полно...

Ромка вдруг сильно побледнел. У него даже тихонько застучали зубы — как у кота, когда тот подкрадывается к воробью.

— Для кого полно? — вскрикнул он, сорвавшись при этом на фальцет. — Для меня, что ли? Ровесницы... Ровесницам двадцатипятилетних подавай — чтобы бицепсы у него, прикид, машина своя, ствол под мышкой!..

— Что ж они, только на рэкетню бросаются? — усомнился Василий. — Не все ж такие...

— Все! А если не такие — то уродины!.. — Глаза у пьяненького Ромки были светлые, раскосые и очень несчастные.

— Нет, ты погоди, — возмутившись, прервал его Василий. — А которые чуть помладше?

— Да то же самое! А если совсем соплячки — так им это еще не интересно...

— Вот так, Вась, — мудро подытожил Пузырек, сжамкав морщинистое личико в кулачок. — Мы-то считаем: молодежь припеваючи живет, а у них, видишь, чего...

Василий призадумался. Кажется, Ромка и впрямь уже отрезанный ломоть. Здесь он кум королю, а дома... Ах, как неладно все складывается! Загнал пацана в тарелку, завез Бог знает куда — и бросил... Родители запросто в суд подать могут... Если, конечно, повезет вернуться...

— Н-ну... к двадцати пяти будут и у тебя бицепсы, — без особой уверенности в голосе обнадежил Василий. — Машина, прикид...

— Ствол под мышкой... — ворчливо добавил Пузырек.

Ромка злобно фыркнул.

— Скажи еще — к тридцати! А я сейчас жить хочу! Сейчас, понял?..

Что-то шевельнулось возле световодов, и все повернули головы — посмотреть, кто там еще пришел.

— А-а!.. Дорогая гостьюшка заявилась! — возликовал напевно Пузырек. — Никак доругиваться пожаловала?

Стриженая Клавка насупилась и твердым шагом подошла к честной компании. Спесиво отвернула нос.

— Ну, в общем, — сердито сказала она, так ни на кого и не взглянув, — я-то думала, там только одна стенка снаружи сломана, а там, оказывается, еще две внутренние.

— И чего? — с интересом спросил Пузырек.

— Пусть полностью ущерб возмещает! А то — ишь, деловой! Одну стенку оплатил, а другие две?

— Облезешь! — внятно выговорил Ромка.

Вознегодовав, Клавка раздула грудную клетку.

— Ты поговори, поговори так со мной! — закричала она, углядев в сказанном намек на свою прическу. — Да я тебе в матери гожусь!

— Во блин! — подивился Ромка. — Еще одна в матери лезет!.. Сама сказала: в расчете. Все слышали. Вот Пузырек слышал... Ну и все!

— Так откуда же я знала, что внутри еще две стенки сломаны?!

— А меня это не колебает, — вконец распоясавшись, заявил Ромка. — Смотреть надо лучше!

На несколько мгновений стриженная под ноль правдоискательница утратила дар речи. Привыкши терроризировать своей наглостью население маленькой мирной колонии, она, должно быть, не допускала и мысли, что в один прекрасный день летающая тарелка может доставить сюда еще большего наглеца.

Наконец, опомнившись, Клавка раскрыла рот, но накинулась почему-то не на Ромку, а на Пузырька с Василием.

— Мужчины, называется! — орала она. — Вместо того чтобы осадить, одернуть! Милиция, называется! На его глазах малолеток спаивают, а он сидит смотрит! Сколько он тебе налил, что ты сидишь смотришь?

— Я не при исполнении, — угрюмо огрызнулся Василий.

— Да вы всегда не при исполнении! Вы при исполнении, только когда человек ночью из гостей идет, никого не трогает... Вот тогда вы при исполнении! Пистолетом он здесь еще махать будет, людей пугать!..

— Я им по долгу службы махал, — буркнул Василий, не желая ссориться. Чем черт не шутит, вдруг Клавке и впрямь со временем посчастливится найти скок, ведущий куда-нибудь наружу!

— Ишь, заюлил, заюлил! По долгу службы! Ты ж не при исполнении!

— А у него тогда дежурство еще не кончилось, — пояснил Пузырек. — Так что, Клавка, учти: он ведь имел право и огонь открыть...

Клавка смерила самогонщика уничтожающим взглядом и снова повернулась к Ромке.

— Пошли! — скомандовала она.

— Ага, — отозвался тот. — Шнурки только поглажу от ботинок — и пойду.

— Да разговаривать еще с тобой!.. — процедила Клавка и, решительно подступив к Ромке, протянула руку.

Тот испуганно округлил глаза.

— Надзорка пасет, — шепнул он одними губами, и Клавка тут же отпрыгнула.

Пузырек и Ромка покатились со смеху. Даже Василий — и тот скривил рот в улыбке, хоть и было ему совсем не до шуток.

Правдоискательница Клавка стояла бледная от бешенства.

Ромка поднялся не спеша и, все еще посмеиваясь, направился к карликовой глыбе. С удовольствием взвесил поочередно на ладони оба своих бурдючка.

— Ты мне еще за это ответишь, — клокоча от гнева, пообещала Клавка.

— Да пошла ты — знаешь куда? — лениво отозвался Ромка и, приблизившись вразвалочку к светлому овалу скока, как-то совершенно обыденно сгинул с глаз.

— Куда я пошла? — Клавка подхватилась и кинулась вслед. — Нет, ты скажи: куда я пошла?..

Тоже сгинула. Внутри опоры сразу стало тихо. Чуть слышно журчали и побулькивали трубки и емкости.

— И ведь скажет, — удрученно заметил Пузырек. — Вот так, Вась. Я в людях не ошибаюсь...

— Вот дура-то, прости Господи... — проворчал Василий.

— Ну не скажи, — мудро заметил Пузырек. — Дура не дура, а выгоду свою знает... Что угодно иной раз отдашь, лишь бы отвязалась.

Василий вздохнул. Пить больше не хотелось.

— Такие вот дела... — безрадостно молвил он. — Значит, придется одному... А жалко... На пару бы оно веселее было, как считаешь?

Последние два слова прозвучали просительно, с надеждой.

— Вась, — ласково отвечал проницательный Пузырек. — Если ты еще и меня решил агитировать — брось, Вася... Мне и здесь хорошо. Живу — не скучаю. А заскучаю — надзорки развеселят...

Василий смутился.

— Да не агитирую я... Просто подумал: ну не может же быть, чтобы у вас тут никто домой не хотел...

Пузырек с сочувствием глянул на него искоса, потом поскреб за ухом и возвел глаза к мерцающей паутине, в которой терялись устремленные ввысь наполненные светом трубы. Озадачился. Огорчать Василия ему не хотелось, а порадовать, судя по всему, было нечем.

Впрочем, разговор все равно пришлось прервать, поскольку в неспешно перекатывающихся волнах приглушенного света бесшумно возник хмурый сосредоточенный Крест. Плетеные на манер корзины штаны были приведены в порядок, проводки нигде не торчали. В упор не видя Василия, он подошел к обложенному недавно матом хозяину опоры и начал, как ни странно, с извинений.

— Слышь, Пузырек, бля-сука... — Заикание у него почти прошло, но лицо еще подергивалось. Хотя, помнится, нервная

рябь пробегала по правой щеке Креста и раньше — до того как он получил щелчка от надзорки. — Ты уж на меня, бля-сука, не серчай... Погорячился, с-сука-бля...

— Да бывает, чего там... — с понимающей усмешкой отвечал ему Пузырек. — Ты это... Может, колпачок примешь? Ради твоей контузии даром налью...

Крест, не ломаясь, принял колпачок, после чего исподлобья взглянул на Василия.

— Слышь, начальник... Дело есть...

Их вынесло наружу неподалеку от площади с пятиэтажкой. И то ли Василию показалось, то ли в самом деле небо (оно же и пол, оно же и потолок) слегка потемнело, набухло сиреневым. Такое впечатление, что день клонился к вечеру.

— Ну? — сказал Василий.

Но Крест заговорил не сразу — долго хмурился, досадливо дергал щекой.

— Шелестят, коцы вяжешь? — спросил он наконец, вновь перейдя на родную речь.

Василий поиграл желваками и кивнул. Потом вдруг что-то, видать, сообразил и недоверчиво воззрился на собеседника.

— А ты что? Никак приковаться мылишься?

Последовавшее в ответ молчание было недовольным, но, вне всякого сомнения, утвердительным.

Глава 12

Вы такая эстетная, вы такая изящная...

Игорь Северянин

День и впрямь вечерел. Нежные лиловые тона разливались по нижней и по верхней тверди, гигантские золотистые опоры побледнели и словно бы задышали. Глыба, на которой расположилась честная компания, в просторечии именовалась завалинкой. От компании, впрочем, осталось всего три человека. Остальные, должно быть, решили, что ушедший за добавкой Ромка упал где-нибудь у Пузырька, и, отчаявшись ждать, разбрелись кто куда. И колпачки побросали.

— А? Завалинка! — ликующе восклицал Леша Баптист, тараща глаза и хлопая тяжкой пятерней по гладкой молочно-бе-

лой поверхности. — Как на заказ, а? И прямо перед домом, главное!

Он, видно, очень гордился этой своей собственностью и неустанно внушал Ромке, что завалинка — глыба неприкосновенная, что он, Леша, сам, собственноручно, в одиночку, с помощью лома и какой-то матери прикантовал ее к своей стене вплотную.

— Да с чего ты вообще взял, что это твой дом? — сказала Лика, покачивая ладной ножкой. — Можно подумать, на нем написано, что он твой!

Вообще, как заметил Ромка, позы она принимала сплошь рискованные, но изящные, словно ежесекундно ожидала щелчка фотоаппарата.

— Привет, а чей же? — оскорбился Леша. — Вон же вход. — Он ткнул растопыренной пятерней в сторону теневого овала. — Первый раз видишь, что ли?

Сверкающий и как бы скроенный из фольги балахончик Лики тоже просиял под вечер лиловыми и бледно-золотистыми тонами. Рядом с неопрятным толстым Лешей Баптистом девушка казалась Ромке особенно красивой. Пренебрежительно повела бровью.

— Да что вход! А выход? Выход-то чуть ли не на площади...

Выяснилось, что даже не известно, кто внутри какой опоры обитает. Действительно, снаружи все титанические резные колонны были весьма похожи друг на друга, а попав внутрь, местоположения тем более не определишь — по причине отсутствия окон. Но вот насчет самой завалинки Леша был прав: удобная глыба — как на заказ. Длинная, извилистая, вся в замечательных вдавлинах, словно предназначенных для сидения. Мечта болтунов и лентяев.

— А чего вы в пятиэтажке не живете? — спросил Ромка, услышав про площадь. — Боитесь?

Как ни странно, но триумфатор вел себя несколько скованно. Посиделки затягивались. Ясно было, что Леша Баптист, пока все не выпьет, с завалинки не снимется. И все призрачнее становилась надежда, что Лика не прочь уединиться с молодым человеком, блистательно развалившим в ее честь несколько непомерно огромных глыб. Ромка заметно приуныл. Каждый раз, стоило ему украдкой взглянуть на Лику, накатывало острое чувство собственной неполноценности. С девушками столь высокого класса Ромка дела никогда не имел и про-

сто не знал, как себя с ними надлежит вести. Спиртное ударило в голову, но уверенности не прибавило.

Про пятиэтажку Ромка помянул так, к случаю, однако брошенный невзначай вопрос произвел неожиданно сильное впечатление. Леша вдруг надулся, нахохлился, а губы Лики изогнулись в двусмысленной и, кажется, язвительной улыбке.

— Так... это... — хмурясь и покряхтывая, ответил Леша, с излишней торопливостью нашаривая вскрытый бурдючок. — Чего, спрашивается, в тесноте-то жить? А так у каждого вроде как свой дом...

Сосредоточенно сопя, он разлил водку по колпачкам.

— Ну... с приездом, в общем.

Лика пить отказалась. Видя такое дело, отказался и Ромка. Леша с ухмылкой оглядел обоих поверх поднятого в тосте колпачка.

— Жива-ая... — мечтательно промычал он, уставив на Лику мутные охальные глаза. — Теплая...

А вот это Ромке совсем не понравилось. В стриженой лопоухой голове немедленно закопошились нехорошие подозрения.

Леша Баптист взглянул на изменившееся лицо юного собутыльника — и развеселился окончательно.

— Нет, но как вы, говорят, с ментом из «конуры» драли! — Леша хлопнул себя свободной рукой по коленке и разразился похожим на кашель смехом. Полупрозрачная пиалушка загуляла, запрыгала вместе с ладонью. — Я, пока слушал, чуть не помер... Да ты не обижайся! — Леша подался к выпрямившемуся было Ромке и похлопал по плечу. — Традиция, Ром, ничего не попишешь. Обычай... Думаешь, меня, что ли, не пугали, когда прилетел? Еще как! Веришь, в окно выскочил — с третьего этажа!..

— И чего? — несколько ошалев, спросил Ромка.

— А ничего. Окна — это ведь те же скоки. В какое ни выпрыгни — бац! — и опять стоишь у первого подъезда... Но я-то ведь, когда прыгал, еще не знал!

— Ни фига себе! — подивился Ромка. — Мы хоть по лестнице... — Он снова вспомнил жуткую куклу Машу и невольно покрутил головой. — Да-а... от такой и в окошко прыгнешь...

Леша Баптист, успевший к тому времени поднести колпачок к оттопырившимся губам, вздрогнул, расплескав около трети содержимого пиалушки, и уставился на Ромку. Несколь-

ко секунд ел его глазами, потом насупился, крякнул и с самым мрачным видом вылил остатки зелья в рот.

— Когда Леша выпрыгивал из окна, — хрустальным голоском пояснила Лика, — куклы Маши еще в природе не было.

При этих словах у Леши водка остановилась в горле. Страшным движением кадыка загнав ее в пищевод, он воззрился теперь на Лику. Та, ничуть не смутившись, ответила ему безмятежным взглядом ясных серых глаз.

Ромка моргал, силясь понять суть происходящего. Пока было ясно лишь то, что Лика нарочно дразнит Лешу Баптиста и что это каким-то образом связано с безликой куклой Машей, которая, оказывается, завелась в пятиэтажке совсем недавно... В отличие от тупого мента Василия Ромка впитывал сведения с жадностью губки и в новую жизнь вписывался прямо-таки стремительно. Хотел выспросить о кукле поподробнее — и не успел. В каком-нибудь десятке метров от завалинки прямо из воздуха один за другим возникли два пушистых зверька. Завидев людей, замерли.

— Во блин! — изумился Ромка. — Так они что, тоже так умеют?

— Чего тут уметь-то? — сердито буркнул Леша. — Скок он и есть скок. Штука нехитрая...

— А вдруг они тоже... Ну... разумные?

Леша осклабился и тряхнул головой. Во дает, дескать. Потом развязал бурдючок и снова наполнил свою посудинку. Что-то, видать, затеял. Встал и осторожно двинулся к попятившимся лупоглазым побирушкам. Поставил колпачок на пол, отступил. Зверьки, возликовав, кинулись к добыче, но вовремя учуяли сивушные масла и шарахнулись, вздыбив пушистую седую шерстку. Воздух взорвался гневным чириканьем.

Леша Баптист, весьма довольный собой, назидательно воздел толстый указательный палец и оглянулся на Ромку.

— Во, — сказал он. — Понял? И сразу все ясно. А ты: разумные, разумные!..

С этими словами Леша снова приблизился к пиалушке, поднял ее и торжественно осушил.

— А они кто? — спросил Ромка, указав глазами на возмущенных зверьков.

Леша закусывал — высасывал сиреневую капсулу и, стало быть, ответить не мог. Ответила Лика:

— А это, Рома, такие существа, — весьма мелодично вымолвила она, — что вот если станешь вроде Лешеньки, то с кем-нибудь из них обязательно поменяешься душами. Будешь в шерсти ходить и тюбики выпрашивать.

Леша Баптист чуть не проглотил капсулу. Вскочил и швырнул полупустую оболочку об пол.

— Ты знаешь что?.. — плаксиво закричал он. — Ты много-то на себя не бери! Ишь! Лучше всех она! Девочку, понимаешь, из себя строит!.. Ремешок этот кто тебе сплел?!

Беседа на глазах перерастала в ссору. Хмель — словно отшибло. Как здесь надлежит поступать в подобных случаях, Ромка не знал и поэтому растерянно оглянулся на Лику. Серые глаза девушки нежно сияли. Чуть ли не с любовью смотрела она на Лешу Баптиста.

— Рома, — все так же мелодично проговорила Лика и встала. — У тебя молоток твой рядом?

— Тут, — растерянно отозвался Ромка, нашаривая инструмент.

— А вот посмей только! — заорал Леша, стискивая кулаки. — Лика, стерва! Я тебе за мою завалинку не знаю что сделаю!..

Ромка понял уже что к чему, тревога сгинула, и он вновь почувствовал себя пьяным и бесшабашным.

— За стерву ответишь, — сообщил он, поднимаясь и поигрывая зеркальной своей кувалдочкой.

Лешу мигом прошиб цыганский пот.

— Ром! Ром, ты чего? Ты... Не надо, Ром! Ну прошу тебя...

Ромка попятился. У Леши, здорового мужика, тряслись губы, глаза жалобно выкатывались, мощные ручищи лапали мутный целлофан на выпуклой груди. Зрелище жалкое и, честно говоря, страшноватое.

«Ну я крутой, в натуре...» — выпрыгнула мысль.

— Ром, ну вот этими вот руками! — Чуть не плача, Леша растопырил пятерни и потряс. — Веришь? От самого угла ломом кантовал...

— Извинись, — надменно обронил Ромка.

Леша весь скривился, как после хорошей стопки, покряхтел, потоптался и наконец повернулся к Лике.

— Ли-ик, — начал он. — Ну сорвалось, ну... Ну не буду больше...

При этом он смотрел ей не в глаза, а исключительно на хитрого плетения поясок. Уловив направление взгляда, Лика прищурилась и взялась за пряжку, словно собираясь сорвать поясок к лешему. Однако вовремя сообразила, что сверкающий ее балахончик весьма откровенно при этом распахнется, — и передумала.

Бог его знает, как бы дальше сложилась судьба завалинки, но тут на том самом месте, где недавно выпали прямо из воздуха два пушистых зверька, возникла веселая круглолицая баба лет сорока. Тоже в простынке.

— А вот и Маша Однорукая! — шумно возрадовался Леша в надежде, что драгоценная глыба теперь, может быть, и уцелеет. — Давай к нам, Маш!

Лика, весьма недовольная таким поворотом событий, вновь опустилась на завалинку, приняв одну из своих изящных и рискованных поз.

Ромка в недоумении оглядел пришелицу. До двух он вообще-то считать умел...

— А-а... — догадался он наконец. — Однорукая — это фамилия?

Лика досадливо повела бровью и промолчала.

— Да нет! — вскричал Леша. — Однорукая — это однорукая... Маш, а, Маш! Глянь, какого к нам орла занесло! Все на раз крушит! Сам видел!

Веселая круглолицая Маша уперла кулаки в бедра и в изумлении оглядела Ромку.

— Я-то думала, там амбал какой, — сказала она. — Чего ж ты такой жижголь-то? Не кормили, что ли, дома? А стриженый чего? Дезертир, наверно? Ну давай знакомиться... Что ты Ромка, я уж знаю. А я — теть-Маша. Штаны плету — только так!

— Из материала заказчика, — назидательно примолвил Леша, разливая водку в два колпачка.

— А то как же! — подхватила Маша, плюхаясь на завалинку рядом с Лешей. — Стану я тебе сама кабели раздирать! Тащи провода, ставь водку — такие штаны сплету! Шабашка-люкс, а не штаны! — Не глядя, махнула колпачок и подставила снова. — А я, ты понимаешь, — продолжала она, обращаясь ко всем сразу, — иду от Пузырька веселая, песенки пою. Глядь! А навстречу надзорка. Я — назад. А там еще одна. Я — к скоку, а первая мне уж дорогу пересекла... И-эх, плакали мои тюбики!

Маша Однорукая махнула второй колпачок подряд и потянулась к закуске. Закусив, погрозила Ромке пальцем.

— Только ты смотри, я с тебя много возьму, не то что вон с него, с охломона! Такую ему, дураку, спецовку сплела — загляденье! А он ее у Пузырька оставил, ничего себе?.. Так что запомни: от меня так просто не отделаешься. Мне тут про тебя такого понарассказали! Щелкнет, говорят, ногтем по камушку — тот вдребезги!..

— Живая... Теплая... — С мечтательной и в то же время диковатой улыбкой Леша качнулся и сграбастал Машу за плечи.

— Отстань! Баптист! — Она локтем сбросила его руку.

Лика наблюдала за происходящим, досадливо поигрывая какой-то безделушкой на шнурочке. Особо неприязненные взгляды она бросала на толстую и как бы лепную Машину косу цвета спелой пшеницы. У самой Лики, следует признать, волосы были весьма заурядные: не русые, не каштановые — так, не поймешь. Темненькие, в общем...

— А баптисты — это кто? — удалось наконец вставить словцо и Ромке.

— А это которые баб тискают! — Маша Однорукая расхохоталась.

Леша ухмыльнулся, приосанился.

— Ты вот, Ром, еще молодой, — объяснил он. — Ты еще жизни не видел. Так ты запомни: все зло в этой жизни — от баб. Думаешь, от кого я сюда сбежал-то, а? Не от них, что ли?

— От алиментов ты сбежал, черт пузатый! — бросила Маша, уже сама разливая водку по колпачкам.

Лика встала.

— Ладно. Пейте, гуляйте... — холодно молвила она. — Рома, тебе в какую сторону? Или ты остаешься?

— Я... — растерянно сказал он и тоже встал. Сердчишко колотилось немилосердно. — Нет, я... Да все равно, в какую!

— Бесподобно!.. — язвительно изгибая губы, говорила Лика. — Просто бесподобно!.. И они еще смеют в чем-то обвинять хозяев!

Ромка озадаченно хмыкнул. О хозяевах за весь вечер не было сказано ни единого слова. Видимо, Лика имела в виду какие-то другие, более давние разговоры.

Минуя одинокие причудливые валуны, они шли вдвоем меж бледных громад по слегка искрящемуся и заметно по-

темневшему покрытию. Овальные пятна скоков были на нем уже едва различимы. Потом вдруг скоки просветлели — надо полагать, наступил вечер. Ромке это очень напомнило город — тот момент, когда включаются фонари. Основания опор, казалось, были изваяны из мерцающего льда. Если не приглядываться, вполне можно было вообразить, что идешь по ночным асфальтам, мимо пустых стеклянных аптек и магазинов, наполненных неярким холодноватым светом.

— Попасть сюда! — с чувством продолжала Лика. — Это же шанс — я не знаю... Даже не из миллиона. Из миллиарда... И ни-че-го при этом не понять!

Нигде ни души. Прокатила одинокая надзорка. Оглянувшись, Ромка увидел, что за ними увязались три пушистых человекоподобных зверька. Двигались они совершенно бесшумно, их не то кошачьи, не то совиные глаза таинственно тлели в сумерках. Ромке даже немного стало не по себе.

— А эти?.. — спросил он. — Они что, в самом деле раньше людьми были?

Лика оглянулась.

— Не знаю, — сказала она. — Вполне возможно... Честно говоря, я просто об этом не спрашивала.

— У кого?

— У хозяев, конечно...

Ромка остановился и во все глаза уставился на спутницу. Лика взглянула на него и тихо засмеялась.

— Все поймешь со временем, — ласково пообещала она. — Мне почему-то кажется, что поймешь... Хотя извини, но тебя ведь просто загнали в летающую тарелку. Попал ты сюда, согласись, совершенно случайно...

— А другие?

— Другие?.. — Лика пренебрежительно повела бровью. — Они хотели лучшей жизни. Всего-навсего...

— А ты? — Ромка опешил.

Лика слегка опустила голову, пряча улыбку.

— Я? Не-ет... Лучшую жизнь я могла бы себе устроить и дома. К тому времени я уже начала выставляться...

— Чего делать? — ужаснулся Ромка.

Лика рассмеялась.

— Выставлять работы, — пояснила она. — Керамику, акварели... А сюда меня погнал духовный голод, Рома. Я подумала:

ну, пробьюсь, ну, повесят меня в нашей галерее напротив Коровина... И это все? Этого мне будет достаточно для счастья?

Ромка затосковал. Речь шла о вещах люто непонятных. Однако следующая фраза заставила его встрепенуться вновь.

— И когда я вышла на хозяев, — ровным голосом закончила Лика, — я не колебалась ни минуты...

— Слушай, а как они? — жадно спросил Ромка. — Ну... из себя вообще...

— Хозяева?.. — Лика задумалась, бросила на него оценивающий взгляд. — Как бы тебе объяснить... Сияние. Понимаешь?.. Ласковое, звучащее сияние...

— Да?.. — несколько упавшим голосом переспросил Ромка. Он бы предпочел, чтобы у хозяев были руки и ноги. — А ты что, прямо вот так их и видела? Как меня?

— Конечно, нет... Просто я много медитировала, пыталась выйти в астрал. А вышла на хозяев...

— А-а... — разочарованно протянул Ромка. — Я думал, глазами...

— Это невозможно, — сказала Лика. — Я имею в виду: невозможно, пока мы еще здесь. Пока не отрешились от наших земных слабостей.

— Где — здесь?

Вместо ответа она плавно повела рукой, указывая на дышащие прохладным полусветом скальные стены.

— А-а... потом куда? Ну, когда это... отрешимся...

— Туда... — И Лика запрокинула мечтательное лицо к темнеющему в зените клочку тверди. — Наружу...

— Чего? — не поверил Ромка.

Наружу... Куда еще — наружу? Честно говоря, ему пока что и внутри нравилось.

Тут впереди за льдисто мерцающим углом раздался пушечный выстрел лопающейся глыбы, и мимо Лики и Ромки бесшумным галопцем промчались на звук три лупоглазых зверька, павших для скорости на четвереньки.

— Ну вот и пришли, — молвила Лика, глядя на тусклый овал света под ногами. — Зайдешь?

Жилище Лики скорее напоминало Клавкину «квартиру», нежели лабораторию Пузырька. Только вот занавесочек на стенах было куда больше — там, за ними, должно быть, скрывались кем-то выдолбленные спальни или кладовки. А в ос-

тальном — все то же самое: соломенно поблескивающие стены с набухшими венами кабелей, корабельная рощица световодов, заплетенный мерцающей паутиной невероятно высокий потолок и медленно перекатывающиеся радужные волны приглушенного света.

Ах да! Еще гамак, натянутый между двумя прогнувшимися навстречу друг другу светоносными стволами, в который Лика немедленно усадила Ромку. Сама даже и не присела — порывисто повернулась к гостю, застыв на секунду в лихой элегантной позе. Как на подиуме.

— Да возьми того же Лешу! — потребовала она с яростной улыбкой. — Ну вот зачем он здесь? Иногда я просто отказываюсь понимать хозяев... Вывезти сюда этакое сокровище!.. Свежий кавалер! — Последние два слова Лика выговорила особенно ядовито. — «Живая! Теплая!..» Видеть его уже не могу!.. И главное — сколько гонору! Что он тебе сказал про пятиэтажку? Что там жить тесно?.. Вранье! Не тесно ему, а стыдно...

— Почему стыдно?.. — ошарашенно переспросил Ромка. Вцепившись в лежащую на коленях кувалдочку, он сидел в провисшем почти до пола гамаке — и слушал, жадно ловя оттопыренными ушами каждое слово.

Лика вздохнула и слегка изменила позу.

— Попробую объяснить, — сказала она. — Понимаешь, Рома, хозяева не могли, да, наверное, и не хотели продумывать для них (Для того же Леши, скажем!)... каждую мелочь. Они просто выстроили им «конуру». Находясь там, человек волен представить себе любую нужную ему вещь. Понимаешь? Любую! И эта вещь возникает.

Ромка откинулся спиной на плетенку гамака и долго хлопал пушистыми девичьими ресницами.

— И плейер? — недоверчиво спросил он.

Лика улыбнулась — устало и снисходительно.

— Пожалуйста, — сказала она, пожав плечами. — Если ты, конечно, знаешь, как плейер устроен. Но в том-то и беда, что никто не знает, Рома! Никто ничего не знает. Никто за всю свою жизнь не сделал ни единой вещи от начала до конца... Ну вот как он ее сможет представить?..

Ромка был потрясен. С предельной ясностью вспомнились ему сквозные этажи, бегущий по спине холодок, черные провалы дверей, вывихнутый огрызок койки, серый увесистый томик с золотым тиснением по вогнутому корешку... Лев Тол-

стой. «Анна Каренина»... «У Вронского была красная шея...» А потом из мрака, заполнявшего проем, вылепились вздутые переваливающиеся бедра, колышущиеся ядра грудей и бледный слепой отросточек головы...

— А... а кукла Маша?

— Так вот я к тому и веду, — недовольно сказала Лика. — Когда этот, прости Господи, дурак запутался окончательно со всеми своими женами и удрал сюда, мы его честно предупреждали: не надо! Все равно не получится... Куда там! И слышать ничего не хотел!.. — Голос Лики исполнился горечи. — Вы, говорит, сами все дураки, а я буду год здесь сидеть, но такую бабу себе воображу — усохнете все. Вот, вообразил...

— Н-ни фи-га себе!.. — только и смог с содроганием вымолвить Ромка.

— И вот представь, что этот вот... человек, — сказала она как выплюнула, — еще и пытается за мной ухаживать! Ну как же! Первый парень на деревне! Поэтому он тебя сразу и возненавидел...

— Меня? — не поверил Ромка.

— А чего бы ты хотел? Ты молод, талантлив, хорош собой...

Ромка только моргать успевал.

— ...и Леша, естественно, сразу почувствовал, что рядом с тобой ему как-то нечего делать! Рома, ты не поверишь, но он мне просто проходу не давал! Подарки эти его... — И, взвинтив себя окончательно, Лика одним рывком сорвала с талии хитрого плетения поясок, швырнула об пол. Серебряный балахончик распахнулся по бокам весьма откровенно и соблазнительно. Как Ромка и предполагал, под балахончиком у Лики ничего не было.

— Прошу тебя, выбрось! — потребовала она с искаженным лицом, гадливо тыча в поясок пальцем. — За порог его!

Вконец растерянный и смущенный, Ромка выпутался из гамака, подобрал предмет туалета и, приблизившись к смутному световому овалу, выполнил просьбу.

— Как будто я виновата в том, что красивая... — надломленным голосом сказала вдруг Лика. Вынула из прически что-то вроде гребня и, тряхнув головой, рассыпала волосы по плечам. — А я ведь красивая, Рома, я это знаю... Мужики за мной еще дома увивались... Только зачем мне все это? Комплименты, подарки...

В развевающемся балахончике она стремительно прошла к одной из кладовок и наискось сдернула с натянутого кабеля входную простыню.

— За порог! Все за порог! — неистовствовала Лика, швыряя на пол вещь за вещью. — И это! И это!..

Снова сорвалась с места, подошла почти вплотную к Ромке и вдруг остановилась, обессилев.

— Иди сюда, — попросила она тихо и устало. — Иди ко мне...

Ромка, затрепетав, нагнулся, положил кувалдочку на пол и шагнул к Лике. Обнял. Руки сами собой нырнули в боковые разрезы балахончика.

— Выключи свет... — шепнула Лика.

Ромка не понял.

— О Боже... — выдохнула она раздраженно. Освободилась от объятий и, подобрав кувалдочку, ударила с маху по одному из световодов. Тонкая сияющая струна лопнула с жалобным вскриком, и все погрузилось в полумрак, слабо подсвеченный расплывающимися по полу алыми и сиреневыми бликами.

Глава 13

Он в черепе сотней губерний ворочал...

Владимир Маяковский

Василий разъял веки и обнаружил, что его опять выбросило не туда — на самый край площади-потолка. Досадливо хмыкнув, провел пятерней по сухим, распушившимся от чистоты волосам. Короткая стрижка отозвалась легким потрескиванием. Все-таки интересная штука эти самые скоки! Воспользуешься разок — и умываться не надо. Хотя, с другой стороны, чем тут умоешься? Разве что водкой — у Пузырька...

Василий прикинул, куда идти, и пересек гладкую, словно слюдяную площадь по краешку. Справа звучала бодрая утренняя канонада — народ расправлялся с глыбами. Жрать хотелось всем. Кстати, Василию — тоже. Вчера он, переступив через принципы, выломал в необитаемой опоре увесистую железяку неизвестного назначения и раздробил с ее помощью пару глыб.

Василий свернул в ближайший проулок и огляделся. Свидетелей нигде не наблюдалось. А вот камушков было полно, но

все какие-то крупноватые. Облюбовав молочно-белый валун поменьше, обошел его со всех сторон, прикидывая, откуда бить.

— Сухари в дорогу запасаешь? — ехидно спросили сзади.

Василий вздрогнул и обернулся. Перед ним стоял Ромка с целым мотком свежеоторванного кабеля через плечо — на манер шинели в скатке. Из-за угла он незаметно подойти не мог — стало быть, прибыл скоком.

Поздоровались.

— Чего это ты зеленый такой? — недружелюбно осведомился Василий. — Синяки вон под глазами... Заездила, что ли?

Ромка надменно выпятил губу.

— Ага! — сказал он. — Меня заездишь! Я сам кого хочешь... заездю.

— Ну-ну, — Василий усмехнулся. — А кабель зачем?

Ромка оживился, снял моток через голову и водрузил на валун.

— А это я для Маши Однорукой, — радостно сообщил он. — Штаны хочу. Как у Пузырька, только покороче. Такие тетка отпадные штаны плетет!..

— Как же она без руки-то управляется? — усомнился Василий.

— Да две у нее руки. А Однорукая — это кликуха...

— Ах во-он оно что... — Василий покивал, соображая. — Ну да... — проговорил он с несколько оторопелым видом. — И у Сократыча тоже новые зубы выросли...

Замолчал и озабоченно потрогал языком дырку на месте выпавшей недавно пломбы. Может, в самом деле подождать сначала, пока зубы исправятся, а потом уже и в побег?.. С дантистами у Василия отношения с детства были весьма натянутые.

— Ладно, посмотрим, — проворчал он наконец. — Кстати, Сократыч тебе сегодня не попадался?

— Кто?

— Ну, дедок. Старенький, в простынке ходит...

— А! Румяный такой, с бородкой? Он сейчас возле Ликиного скока ломает. Ну, прикол!.. — Ромка ухмыльнулся от уха до уха. — Там камушек — одним щелбаном разбить можно, а он упирается, долбит... А чего ты от него хотел?

Василий нахмурился.

— Да вот насчет тарелок хочу спросить, — сказал он чуть ли не с досадой. — Когда прилетают и вообще...

— А пошли вместе! — встрепенулся Ромка. — Прямо сейчас! Тут недалеко...

— Я вообще-то пожрать собирался, — буркнул Василий.

— Да раздолбаем что-нибудь прямо там... Пойдем!

Василий подумал и согласился. Нравится Ромке ломать — вот пусть сам и ломает. Не лежала у Василия душа к этому занятию.

— Погоди! — спохватился он, сделав уже несколько шагов. — А кабель? Кабель-то забери, а то уведет кто-нибудь.

— А ну его на фиг! — отмахнулся легкомысленный Ромка. — Уведут — еще оторву. Тут кабелей этих...

Хрупкий седенький дедок Сократыч в тягостном раздумье стоял возле скока на девственно чистом покрытии и озадаченно вертел в руках две капсулы — одну салатную, другую — алую. Кривой несподручный ломик был прислонен к золотистой стене опоры.

— Странно, странно... — несколько замороженным голосом приветствовал дедок Василия и Ромку. — Раньше за такой камушек полагалось три тюбика... И как это прикажете понимать? Нам что же, ставки понизили?

— А почему именно три? — поинтересовался Василий.

— Знаете, — сердито отвечал дедок Сократыч. — Вы, Василий, здесь с мое поживите — и тоже будете различать с первого взгляда: этот камушек — на семь тюбиков, тот, скажем, — на четыре... — Дедок замолчал и снова принялся горестно разглядывать капсулы. — Однако должен вам сказать, — вздохнул он, — что все это мне сильно не нравится.

— А раньше так бывало уже?

Дедок Сократыч вскинул на Василия голубенькие прозрачные глаза — и прищурился, припоминая.

— Вы знаете, по-моему... н-нет, — медленно, с сомнением проговорил он. — Сколько здесь живу, всегда такой камушек стоил тюбика три-четыре...

— Гляди-ка, выходит, и здесь цены растут, — подивился Василий. Взглянул на Ромку — и тут его внезапно осенило. — Вот! — уверенно сказал Василий, тыча в Ромку пальцем. — Вот его благодарите. Приехал — и пошел все крушить! Конечно, вам тут же ставки и понизили...

Вздев седые бровки, Сократыч ошеломленно взглянул на Ромку, потом вновь уставился на Василия.

— Вели-колепно! — выговорил он, звучно чокнув обе капсулы друг о друга. — Василий, я в вас не ошибся! Просто блестяще! Стало быть, можно считать доказанным, что хозяева либо используют потогонную систему Тэйлора (в чем я сильно сомневаюсь), либо просто не понимают, что возможности у каждого человека разные... — Тут дедок Сократыч снова взглянул на капсулы — увял, погрустнел. — Да... — молвил он со вздохом. — Все-таки талант — это в какой-то степени дискриминация...

— Да ладно тебе, дед, — недовольно бросил Ромка. — Давай так: я сейчас пару глыб разбомблю, а ты нам кое-что за это расскажешь... Идет?

Если бы Ромку занесло в жилище Сократыча случайно, он бы решил, что опора необитаема. Было, например, совершенно непонятно, на чем дедок спит, на чем ест. Толстый, как бревно, смоляной кабель лежал, изгибаясь подковой, в десятке сантиметров над полом. Внутри этой подковы и расселись все трое, бросив посередине набитый капсулами пластиковый мешок. Обычно на пол старались ничего не класть, поскольку мелкогубчатое покрытие подъедало все подряд, но в данном случае можно было поспорить, что дедок окажется проворнее.

— Раньше у меня здесь камушек был, — со сдержанной грустью сообщил Сократыч. — На манер столика. Теперь таких маленьких уже не встретишь. Изящный, знаете, в форме уха...

Василию тут же вспомнился очень похожий камушек в лаборатории Пузырька.

— Сократыч, а ты пьешь?

— Господь с вами, Василий. Капли в рот не беру.

Так... Значит, променял на тюбики... Василий вздохнул.

— Ну-с... — сказал дедок, бодро потирая ладошки. — Так что вы хотели выяснить, молодые люди?

Не дожидаясь вопроса, выбрал капсулу, надкусил — и присосался. Кадычок заработал, как поршень.

— Да насчет тарелок, — сказал Ромка.

— Отлично! — воскликнул Сократыч, швыряя шкурку от капсулы на пол. — Блюдца — эт-то что-то удивительное! О

блюдцах можно говорить хоть всю ночь. Только не рассчитывайте на истину в последней инстанции. Я тоже, знаете ли, не Господь Бог... Так что именно вас интересует?

— Когда они обычно прилетают? — хмуро спросил Василий.

Перед тем как ответить, Сократыч успел расправиться еще с одной капсулой. Оголодал, видать, старичок.

— Ночью, — сказал он, чуть ли не с вызовом уставив на Василия аккуратную седенькую бородку. — Только ночью. Случая еще не было, чтобы блюдце опустилось днем. Почему — не спрашивайте. Объяснить не берусь.

— А может, хозяева как раз днем спят, а ночью шуруют? Как кошки, — предположил Ромка, вспомнив почему-то тлеющие в сумерках глаза пушистых человекоподобных зверьков.

Раздумав надкусить очередной тюбик, Сократыч пристально взглянул на юношу.

— Простите, Рома, а с чего вы вообще взяли, что блюдца — это дело рук хозяев? — осведомился он. — Рук, щупалец, псевдоподий...

— Ну ни фига себе! — поразился Ромка. — Как это — с чего?

Сократыч улыбнулся, кивнул благосклонно и занялся капсулой.

— Так вот, молодой человек, — сказал он, отшвырнув очередную оболочку. — По моему разумению (а вы возражайте, если я не прав!), летающие блюдца никакого отношения к цивилизации хозяев не имеют. Это совершенно иная технология. Вспомните: в блюдцах есть люки!

— А люки-то тут при чем? — не выдержал Василий.

— А при том, что хозяева, как вы уже, наверное, заметили, ничего не знают ни о дверях, ни об окнах. Видели вы здесь хоть одну дверь? Или окно?

— Видели, — сказал Ромка. — В «конуре».

— Вот именно! — Сократыч поднял хрупкий сухой палец, и все озадаченно на этот палец посмотрели. — Хозяева даже не смогли скопировать как следует обычную хрущевку! Идея дыры в стене должна казаться им нелепостью. А уж идея закрывающейся дыры — так просто выше их разумения.

— А как же они так обходятся — без дверей? — недоуменно спросил Василий.

— А вот так... — Сократыч плавным жестом обвел помещение, по которому лениво перекатывались радужные волны света, и, воспользовавшись общим замешательством, расправился с еще одним тюбиком.

— Это первое, — любезно сообщил он, утирая усы. — Второе. Материалы. Я, конечно, не химик и не могу точно определить, из чего сделаны стены или, скажем, кабели. Но это явно не металл. Хозяева вообще крайне редко используют металлы. А летающее блюдце — цельнометаллическое.

И дедок Сократыч победно оглядел собеседников.

— Ничего не понимаю, — чистосердечно признался Василий.

— Да чего же тут не понять? — удивился Сократыч. — Блюдца — это одна цивилизация, а хозяева — совсем другая. Ну, представьте себе, скажем, что вы на английском воздушном лайнере прибыли во Францию...

Представить себе этого Василий не мог, но в целом мысль уловил.

— Так это что же? — мрачно промолвил он и задумчиво поскреб ногтями трехдневную щетину на широком волевом подбородке. — Выходит, хозяева наняли этих... которые на тарелках... чтобы они нас сюда забрасывали?

— Совершенно не обязательно, — бодро возразил заморивший червячка дедок Сократыч. — Во-первых, это еще нужно выяснить, кто кого нанимал и вообще есть ли у них понятие найма. Ну, это разговор долгий... А во-вторых, с чего вы решили, что вас кто-то сюда специально забрасывал? По-моему, никто никого насильно в люк не запихивал — сами залезли.

— А что же они тогда с Земли вывозят? — сильно помрачнев, с подозрением спросил Василий.

— Да все что угодно! Кстати: вывозят или завозят? Тоже бы неплохо уточнить... А людей они могут прихватывать чисто случайно. Ну вот, скажем, зачерпнули вы ведром воду — а там еще и лягушка...

— Слушай, дед, я от тебя торчу! — решительно врубился в разговор Ромка. — А чего ж они тогда «конуру» построили? Каждую ночь камушки подкидывают, жрать дают!..

Дедок Сократыч так и расплылся от удовольствия. Оба вопроса, надо полагать, были ему на руку, а к бесцеремонному обращению он уже привык давно.

— Если хозяева достаточно гуманны, то что, скажите, им с нами еще оставалось делать? Вот, допустим, вы, Рома, обнару-

жили, что к вам домой пробрался бездомный щенок... Ведь вполне возможно, что вы построите ему конуру, накормите...

— Ага, щенок! — перебил Ромка. — А если щенок везде гадит и мебель грызет?

— В самую точку! — в полном восторге вскричал Сократыч. — Добавьте еще, что он отказывается спать в конуре и перебирается жить... Ну, скажем, в тумбочку с чистым бельем!

— Ну и выгнать обратно на улицу!

— Здравая мысль, — одобрил дедок. — И все же хозяева нас обратно не гонят. Следовательно... — Он замолчал, выжидательно глядя с младенчески счастливой улыбкой то на Василия, то на Ромку.

— Ну? — не выдержал Василий. — Что следовательно-то?

— Следовательно, хозяевам выгодно, чтобы щенок грыз мебель и спал в бельевой тумбочке, — ясно выговорил Сократыч.

— Дед, по-моему, у тебя глюки, — искренне сказал Ромка.

Но дедок Сократыч его не услышал. У него было лицо человека, внезапно вспомнившего про невыключенный утюг.

— Ай-ай-ай-ай-ай... — потрясенно выговорил он наконец и поднял на собеседников слегка округлившиеся глаза. — Странно, как это мне раньше в голову не пришло... Вот, послушайте. Кто виноват, что мы оказались здесь? Владельцы летающих блюдец, не правда ли?.. — Сократыч честно сделал паузу и, не услышав возражений, продолжал: — А кому мы наносим урон? Хозяевам, так ведь?.. Иными словами, с нашей стороны будет вполне резонно предположить, что хозяева имеют право требовать с виновников (то есть с владельцев летающих блюдец) компенсации за наносимый нами ущерб. И если размер компенсации значительнее, чем размер ущерба, то, стало быть, хозяевам выгодно, чтобы мы ломали как можно больше!.. Я, конечно, не экономист, но, кажется, гипотеза вылепляется прелюбопытнейшая.

Весьма довольный собой, Сократыч потянулся за следующей капсулой.

— Так эти... на тарелках... — ошарашенно проговорил Ромка. — Они что, совсем глупенькие, что ли? Прилетели бы разок, посмотрели...

— Возможно, им дешевле заплатить штраф, чем добиваться справедливости, — тонко заметил Сократыч. — Такое и у нас, согласитесь, случается. Причем сплошь и рядом — вот Василий не даст соврать...

Василий мотнул отяжелевшей головой, словно стряхивая наваждение.

— Сократыч! — проскрежетал он. — Я ж тебя о чем спросил? Я тебя спросил, когда прилетают тарелки! И все! А ты мне тут плетешь про хозяев... и про этих...

— Да, действительно... — Дедок смутился. — Вы здесь уже сколько? Три дня? Ну вот, стало быть, еще денька через три можно уже садиться в засаду... Желательно где-нибудь возле «конуры». Хотя, честно предупреждаю, зря вы все это затеяли, Василий.

— Ну это мы еще посмотрим, — буркнул тот. — Значит, через три дня в ночь... А тарелки каждый раз кого-нибудь привозят?

— Не-ет, — сказал дедок. — Если бы каждый раз — тут бы уже повернуться было негде. Чаще всего — сядет, постоит и улетит снова.

— Люк открывает?

— Если привезла новичка — обязательно!

— И сразу закрывается?

— Да.

— Понятно... А сами открыть не пробовали?

— Открыть — нет. Но разломать — пытались.

— И чего? — с интересом вмешался Ромка.

— Да ничего. По-моему, Рома, вы единственный, кому удалось оторвать от летающего блюдца хотя бы одну деталь.

Ромка остался весьма доволен услышанным. Минута прошла в молчании.

— Та-ак... — С угрюмой решимостью Василий снова поскреб щетину. — Ну, спасибо тебе, Сократыч... Что-то я тебя еще хотел спросить... Да! Не знаешь, чем тут бреются?

— А световодом, — любезно объяснил дедок. — Вон тем — тоненьким, сереньким, с краешку... Сейчас покажу.

Все трое встали и приблизились к стройным, улетающим ввысь стволам, неспешно расплескивающим радужные волны. Серенький световод был тонок, как струна, и не сразу различим.

— Вот, — сказал дедок Сократыч. — Не бойтесь, кожу не прорезает, а щетину снимает идеально. Единственная трудность заключается в том, что все приходится делать наоборот: так сказать, не бритвой по лицу, а лицом по бритве... Ну, ничего. Со временем привыкнете.

* * *

Лика медитировала. Сложив ноги кренделем и выпрямив спину, она парила над черным бревном кабеля и, омываемая волнами приглушенного полусвета, отрешенно глядела на пульсирующие светоносные стволы. Выглядело все это, следует признать, весьма эффектно. Хотя Ромке теперь и самому ничего не стоило влезть на кабель и заплестись в «полулотос».

Несколько секунд Лика пребывала в неподвижности, потом медленно повернула голову и с величественным недоумением взглянула на пришельца. Запросто можно было подумать, что узнала она его не сразу.

— Ну и как там у них? — полюбопытствовал Ромка.

Лика вздохнула, уперлась ладонями в воздух и расплела ноги. Села по-человечески, улыбнулась.

— У кого?

— Ну... у хозяев там... Снаружи.

Лика помолчала, загадочно на него глядя.

— Все будет хорошо, Рома. Я спрашивала о тебе, и они сказали, что все будет хорошо...

В этот раз на Лике была коротенькая белая туника, охваченная поверху еще более короткой безрукавочкой, плетеной на манер рыболовной сети, но только с кисточками, узлами и прочим выпендрежем. По белоснежным складкам порхали цветные блики.

Ромка ухмыльнулся.

— Слушай, — сказал он. — Вот ты говоришь: хозяева там — сияние... А на фиг им тогда летающие тарелки? Раз сияние...

— Тарелки — это не для них, — кротко пояснила Лика. — Это для нас. Сами они, конечно, прекрасно обходятся и без тарелок.

— Ага... — озадаченно пробормотал Ромка. Похоже, у Лики, как и у Сократыча, на все был готов ответ. — Слушай, — сказал он, — а ты сама в «конуре» что-нибудь намыслить пробовала?

Лика выпрямилась и недоуменно свела брови.

— Что значит — пробовала? Прости, Рома, но это даже как-то... обидно. Одну мою работу ты вроде бы и сам видел... Не то чтобы я придавала этому большое значение, но иногда, знаешь, хочется поразмяться, вспомнить прежние навыки... Я, видишь ли, работала художником-декоратором в драматическом театре...

— А! — догадался он наконец. — Это та кровать, что ли? Поня-атно... Декорация! А я никак не врублюсь: чего такая жесткая!.. А картинки уже не рисуешь?

Лика встала с оскорбленным видом, но вгляделась в простодушную Ромкину физию — и успокоилась.

— Нет, ты просто прелесть, — промолвила она, снисходительно улыбнувшись. — «Рисовать картинки» — надо же!.. Хотя, с другой стороны, ты прав — картинки я уже не рисую. Хозяева подарили мне иные возможности, о каких я раньше и мечтать не смела... Теперь я работаю мысленно, Рома. О своих беспомощных акварельках мне сейчас и вспомнить стыдно...

Ромка озадаченно почесал слегка опушившийся затылок. Живописью и всякой там прочей скульптурой он никогда не интересовался. Вообще в смысле искусства кругозор лопоухого хулигана был ограничен стенами дискотек.

— А дедок говорит, что хозяева тарелки на стороне нанимают, — сообщил он, чтобы хоть как-то поддержать беседу.

— Господи, — сказала Лика, в изумлении глядя на Ромку. — И ты общался с этим ненормальным?

— Ну а чего? — сказал тот. — Дедок прикольный...

— Боже мой, «прикольный»! — С притворным ужасом Лика возвела глаза к мерцающей в высоте радужной паутине. — И какую же, интересно, гадость он придумал про хозяев на этот раз?

Ромка передал, как умел, последнюю версию Сократыча.

— Ну а чего, не так, что ли? — с вызовом заключил он. — Вот ты говоришь: хозяева там... хотят, чтобы мы умнели там, добрели... становились там... — Ромка запнулся, стесняясь красивых речений.

— Возвышеннее, благороднее, — пришла на помощь Лика.

— Ага... А ломать зачем? Для физзарядки?

Лика опустила голову и с загадочной усмешкой медленно и грациозно прошла к гамаку. Покачнула его одним пальчиком, обернулась и снова вскинула серые свои глаза на Ромку.

— Как ни странно, и для физзарядки тоже, — многозначительно изронила она. — Хозяева все продумали. Но главное, конечно, не в этом. Понимаешь, Рома, ломая камушки, мы упражняем интуицию. Вот этот твой Платон Сократыч пытается постичь хозяев с помощью логики. Бесполезно... Он истощит свой мозг, но выше собственного разумения так и не поднимется. А вот ты с твоим чутьем постигнешь непременно. Раз-

бивать такие глыбы одним ударом... Да это он у тебя должен учиться, а не ты у него...

Ромка чуть не ежился от удовольствия. Слышать такое было крайне лестно.

— А когда ты с ним успел познакомиться? — поинтересовалась Лика.

— Да с Васькой зашли — поговорить...

— Ну и компания! — ужаснулась Лика. — Справа — псих, слева — мент... Видела твоего Ваську всего один раз. Одноклеточное существо в чистом виде! Впрочем, не берусь судить... — язвительно добавила она. — Может быть, когда один человек гонится за другим с дубинкой, между ними возникает некая духовная связь... То есть, как я понимаю, все это время ты вел с ними философские беседы, а до Маши так и не добрался?

— Не-а... — беззаботно признался Ромка.

— Ну и зря. Я согласна, что одежда — не главное в этой жизни, но раз уж нам приходится ее носить, то пусть она хотя бы будет красивой. — Лика приостановилась и озабоченно оглядела Ромку с ног до головы. — Видишь ли, в таких вот простынках у нас здесь ходят одни только алкоголики вроде Леши да еще этот твой Сократыч. А тебе нужна хорошая мелкая плетенка. Да и мне тоже...

Глава 14

Мужик и ахнуть не успел...

Иван Крылов

Бледное трепетное свечение далеких колонн расплывалось по огромному залу, вымывая из полумрака серую глыбу гулкого нежилого здания. Крест предложил было подняться на пятый этаж для лучшего обзора, но войти в дом Василий отказался наотрез. С куклой Машей (будь она хоть трижды безвредна) ему после того раза встречаться как-то, знаете, не хотелось.

Пару набитых капсулами пластиковых мешков и железяку неизвестного назначения сообщники пристроили на козырек парадного — на всякий случай подальше от стеклистого губчатого пола. В угрюмом молчании оба сидели на корточках рядом

с черным провалом подъезда, изредка перебрасываясь скупыми емкими фразами. Голоса в сумерках звучали гулко и отстраненно.

— Почем бегал? — поинтересовался Василий родом занятий, втайне надеясь, что воровская специальность Креста хоть как-то связана со взломом. Хорошо бы, если с сейфами...

Тот осклабился.

— Шопена слушал...

То есть крал на похоронах... Врет, решил Василий.

— Да ладно те веревки-то плести, — недовольно сказал он. — Можно подумать, внакладку торчишь!

Крест прикинул и, видимо, решил, что Василий прав. Раз уж они вместе идут на дело, то по мелочам темнить не стоит.

— Первый раз по бакланке тянул, — признался он со вздохом.

Хулиганство? Ну, это вообще не специальность...

— А последний?

— А! — Крест презрительно скривил рот. — Мудрили-мудрили, за какой хрен колобка повесить...

Дернул щекой и умолк.

Василий помрачнел. Не приподнимаясь с корточек, перенес вес с ноги на ногу и, утвердив локоть на колене, задумчиво подпер кулаком гладкий, выскобленный о световод подбородок.

Стало быть, на профессиональные навыки Креста надежды плохи... А если верить Сократычу, то летающая тарелка открывает люк, только чтобы выпустить новичка, и сразу же закрывается. То есть надо будет ловить момент... Затолкнуть обратно в люк спускающегося по трапу придурка и успеть заскочить самим... Да, но ведь новички прибывают далеко не каждый раз. Плохо...

Ладно, возьмем самый неприятный вариант: тарелка прилетает и не открывается... Ждать следующей? Василий вновь повернул голову к сообщнику.

— А ну как шлюмка темная наклюнется? — озабоченно спросил он.

Крест подумал.

— Отначим как-нибудь...

Как-нибудь... Как-нибудь Василий уже и сам пробовал однажды подковырнуть плиту броневого люка. С помощью ключей и шомпола... Сердито скосил глаз на козырек подъезда.

На козырьке смутно угадывались в полумраке очертания двух туго набитых пластиковых мешков да тускло отсвечивала железяка неизвестного назначения. Единственный инструмент взлома...

А что, если попросить Ромку?.. Да нет, не выйдет. Во-первых, он не откроет, а сломает. А во-вторых, просто не согласится. Заподозрит, что нарочно хотят заманить к тарелке, а там скрутить и силком засунуть в люк. И правильно, между прочим, заподозрит...

Тут Василию показалось, что покрытие вдали шевельнулось, вспучилось округло... Опять-таки не вставая с корточек, выпрямил спину и всмотрелся в сумрак. Да уж не тарелка ли?..

— Надзорка... — разочарованно сообщил он наконец и вновь ссутулился.

Крест злобно цыкнул зубом.

— Дубачат, как волки, — расстроенно буркнул он. — Чувырлы гладкие... И Клавка-наседка стучит почем зря! На зоне бы с ней по-быстрому разобрались...

— Стучит? — не поверив, переспросил Василий. — Кому?

— Кому-кому! Хозяину! По-свойски тебе говорю: кладет всех по-черному!

— А ты сам-то хоть раз хозяев видел? — Василий был настолько ошарашен, что перешел на относительно литературный язык.

Крест повернулся и с каким-то даже сожалением оглядел сообщника.

— Начальник... — надменно процедил он. — Я с администрацией не сотрудничаю. У меня вот здесь... — Крест потыкал себя пальцем в предплечье. — ...тигра была наколота. Там сукой не был и здесь не буду, понял?

По темному покрытию сумрачного зала беззвучно прозмеился огромный огненный иероглиф, и оба вскочили. Переглянулись.

— Шлюмка? — хрипло спросил Крест.

Василий пожал плечами, досадуя, что забыл выяснить у Сократыча значение этих струящихся знаков. В прошлый раз, помнится, алый иероглиф скользнул по полу, когда тарелка уже собиралась улетать...

Сообщники стояли, напряженно озираясь, минуты три. Вроде нигде ничего... На всякий случай обошли тонущую в сумерках пятиэтажку, стараясь не ступить невзначай в светлое

пятно скока. А на потолке? Не сговариваясь, запрокинули головы. Тоже пусто... В подавленном настроении вернулись к подъезду.

— Облом, — вынес приговор Крест и шагнул в осветившееся парадное.

— Ты куда?

Он обернулся.

— Там же Маша! — напомнил Василий.

— Ну...

Оба непонимающе смотрели друг на друга. Потом в голове Василия забрезжила догадка — настолько жуткая, что он даже попятился.

— Ты... к ней, что ли?..

— А лучше за свайку держаться? — огрызнулся Крест и, повернувшись, с какой-то особой щегольской вихлецой пошел вверх по лестнице. Подъезд провалился во тьму.

— А если шлюмка нарисуется? — крикнул вдогонку Василий, но ответа не получил. Отступил на несколько шагов, оторопело глядя, как по очереди, неспешно вспыхивают и гаснут окна второго этажа — то бледно-синеватые, то малиновые, то прозрачно-желтые... Потом начали вспыхивать и гаснуть окна третьего.

Мысль об интимной близости с куклой Машей казалась Василию отвратительной и противоестественной. Он вспомнил надвигающийся на него безликий ужас и простертые объятия бледных четырехпалых ручек. Бр-р...

Перевел взгляд на черное прямоугольное жерло подъезда — и, вздрогнув, отступил еще на шаг. Из непроглядного мрака на него смотрели два круглых желто-зеленых глаза. Это еще что такое? Воображение мигом дорисовало змеиную голову и туловище, и Василий мысленно себя проклял. Во-первых, за то, что не остановил дурака-сообщника, а во-вторых, за то, что запихнул железяку неизвестного назначения на козырек подъезда. В руках, в руках ее надо было держать! Не выпуская!

Бочком-бочком, опасаясь повернуться спиной к гипнотически мерцающим глазам, Василий добрался до угла дома и, обливаясь потом, двинулся, крадучись, вдоль стены к подъезду, готовый ежесекундно отскочить назад. До железяки оставалось четыре... три... два метра... Василий прыгнул, правой ухватил железяку, а левой что было сил оттолкнулся от края ко-

зырька. Отбежал, пятясь, шагов на десять... Никаких глаз в гулком черном жерле подъезда уже не наблюдалось.

Перевел дыхание, взвесил на ладони увесистую железяку и, подойдя к парадному, переступил порог.

Вспыхнул свет, расплылись смутные тени. На первой ступеньке коротенькой лесенки, присев и распушась взрывообразно, в ужасе смотрел на Василия лупоглазый человекоподобный зверек. Отскочил на следующую площадку — и снова замер.

— Ффух... — выдохнул Василий и расслабился. — Телескоп ты! — с упреком сказал он зверьку. — Нельзя же так пугать!..

— Гать? — чирикающим голоском переспросил тот.

Василий моргнул.

— Ну ни хрена себе... — озадаченно пробормотал он и вдруг насторожился.

Такое впечатление, что где-то снаружи разговаривали. Поспешно вышел из подъезда и вскинул глаза к одинокому озаренному прозрачно-желтым светом окошку на третьем этаже. Там, надо полагать, уже вовсю упивались сладострастием.

Василий выругался — и тут же вновь насторожил ухо. Нет, в самом деле, где-то поблизости разговаривали... Точнее — говорили. Взволнованный сбивчивый голос, кажется, принадлежал мужчине и вроде бы доносился из-за угла.

— ...обо всем человечестве... — удалось разобрать Василию. — ...да и кого еще, скажите... если бы я верил в Бога... мы запутались, мы разрушили...

Может, это там дедок с ума сходит? Кроме него, здесь, пожалуй, никто таких слов и в заводе не держит.

Василий заглянул за угол. Никого. Или это он на той стороне речи толкает?..

Василий обошел здание с торца и выглянул на ту сторону. По серому пористому покрытию разбросаны были овальные светлые пятна скоков. А неподалеку от противоположного угла, раскинув мощные посадочные опоры, стояла летающая тарелка. Из открытого люка лился нежный розовый свет.

— Крест! — заорал Василий. — Слазь с мохнатки! Шлюмка нарисовалась!

Не тратя ни секунды, метнулся назад, к подъезду. Чуть не наступив на шарахнувшегося с писком Телескопа, следившего, видать, за Василием из-за угла, подскочил к козырьку парадного и сорвал один из пластиковых мешков. Из отверстых тем-

ных проемов слышался приглушенный грохот — это с третьего этажа кувырком по лестнице спускался Крест.

«Не успеем!..» — в отчаянии подумал Василий.

Снова выбежал на ту сторону и увидел, что космический аппарат стоит, по-прежнему разинув сияющую розовую пасть как раз ему навстречу. Рывок Василия был мощен. Как он умудрился не влететь по дороге в какой-нибудь скок, которых там было разбросано в изобилии, для него так и осталось загадкой. Подбегая, метнул в люк мешок, потом — железяку, и наконец прыгнул сам. Отбив колени и локти, упал на броневую плиту и судорожно заполз внутрь. Тут на голову ему шлепнулся еще один пластиковый мешок, по озаренному розоватым свечением коридорчику запрыгали капсулы, и в тарелку, поддерживая плетеные на манер корзины штаны, забрался Крест.

Обессиленно привалясь спинами к стенке, оба с одинаково шальными улыбками долго отдыхивались и ждали, когда закроется люк.

Люк все не закрывался, и Василий, заподозрив неладное, подполз поближе к выходу — посмотреть, в чем дело.

— Вот это ни хрена себе... — пораженно вымолвил он, поднимаясь на колени.

В сужающуюся щель между корпусом и основанием аппарели была воткнута мужская туфля. Не веря глазам, Василий высвободил ее и осмотрел.

(Сорок первый размер, с правой ноги, ношеная, нечищеная, сильно стоптанная, коричневатого цвета, чье производство — неясно...) Каким же хладнокровием должен был обладать человек, если перед тем, как покинуть летающую тарелку, он сообразил заклинить люк туфлей!

Когда серая броневая плита с державной неспешностью опустилась перед Никитой Кляповым, открывая путь в иной мир, он почему-то первым делом сорвал с лица очки. Мысль о том, что представители высшего разума вместо глаз увидят эти уродливые толстые линзы, ужаснула его. Коридорчик сразу утратил очертания, люк слегка размыло, а наклонная броневая плита, ведущая к иной жизни, словно бы распушилась по краям.

В результате Никита едва не ступил мимо трапа, заклинил в непонятно откуда взявшейся щели правую туфлю и лишь

чудом достиг земли, не причинив себе при этом серьезных увечий. Холодноватое жемчужное мерцание обняло его и наполнило трепетом. Возникло ощущение, что он стоит на дне огромного замершего в ожидании амфитеатра. «Свершилось», — внятно произнес кто-то в гулкой голове Никиты Кляпова.

— Я не могу поздравить вас с удачным выбором, — услышал он свой взволнованный, надтреснутый голос. — Хотя понимаю, что выбора как такового не было. Вы просто взяли на борт первого встречного... Поэтому, прошу вас, не судите обо мне... то есть по мне... обо всем человечестве. Я... — От волнения перехватило горло, и Никита вынужден был на секунду приостановиться. — Я ждал вас... Вы не поверите, но я ждал вас всю жизнь. Да и кого еще, скажите, мне оставалось ждать? Если бы я верил в Бога... Но в Бога я, к сожалению, не верю... Хорошо, что вы явились хотя бы теперь. Вы почти опоздали... Мы запутались, мы разрушили все, что могли...

Тут Никита Кляпов уяснил наконец, что говорит в пустоту. Ощутил спиной некий холодок — и оглянулся. Сзади смутно темнело угрюмое прямоугольное строение, чем-то неуловимо знакомое и почему-то внушающее неясный страх. Никита протер очки и дрогнувшей рукой поднес линзы к глазам.

Строение подобралось и обратилось в хрущевскую пятиэтажку самого мерзкого вида.

— О Боже... — выдохнул Никита Кляпов.

Не отнимая пальцев от оправы, приблизился к стене, потрогал с опаской и тут же отдернул пальцы. Стремительно обернулся. Увидел мерцающие заросли гигантских опор и с благоговейным ужасом возвел глаза к потолку. Потом вновь недоверчиво воззрился на монолит пятиэтажки. Казалось, еще секунда — и Никита Кляпов сойдет с ума.

Наконец он двинулся вдоль стены и, дойдя до конца, заглянул за угол с таким видом, словно надеялся, что строение окажется плоским, как бы вырезанным из бумаги. Увы, нет...

Никита со страхом оглядел мощный торец дома. Затем лицо его прояснилось — и тут же осунулось.

— Да, — произнес он с болью. — Вы правы. Я понимаю, что вы хотите сказать. Именно так мы и живем... Ничего лучшего мы и не заслужили...

И тут в полной тишине раздался зловещий и какой-то совершенно нечеловеческий голос. Было в нем нечто демоническое.

— Крест! — неистово потребовал он.

Никита вздрогнул и неуверенно перекрестился. Голос выкрикнул еще что-то, но уже на не известном Кляпову языке. Из-за противоположного угла бесшумно выскочил вдруг бесформенный, лохматый комок мрака, жутко просиял парой круглых совиных глаз — и сгинул в вечных сумерках огромного зала. Никита остолбенел.

«Лимб... — подумалось ему. — Круг скорби...»

Он двинулся дальше мимо черных зияющих провалов окон первого этажа и, обойдя угол, из-за которого только что выскочило странное существо (возможно даже, чья-то неприкаянная душа), достиг стороны фасада. Фасад также произвел на Никиту самое удручающее впечатление.

— Я должен туда войти? — сдавленно спросил он. — Хорошо... Вы хотите предъявить мне мое собственное убожество? Я согласен... Но прошу вас понять одно: как бы вы строго нас ни судили, мой собственный суд — куда беспощаднее...

Ответа он не получил. Что ж, молчание — знак согласия... Никита сделал шаг к черной дыре подъезда, и в этот миг зажглось одно из окон четвертого этажа.

— Все испортишь!.. — прошипела Лика. — Свет убери...

— Как я тебе его уберу? — шепотом огрызнулся Ромка.

— Прикажи, чтобы погас... Да не вслух! — простонала она тихонько. — Про себя!

Ромка попробовал — и комната бесшумно канула во тьму. Обозначились жемчужный прямоугольник окна и светлый овал на полу.

— Ну-ка, что он там делает? — Где-то рядом зашуршала туника, и на фоне прямоугольника появился темный силуэт Лики. — Подойди поближе... Только голову наружу не высовывай, а то выкинет у первого подъезда — как раз и столкнетесь... Ага... Стоит, сюда смотрит... Умора — очкарик! И почему-то в одном башмаке!..

Ромка подобрался к проему и, стараясь не приближать лица к воображаемому стеклу, вытянул шею, скосил глаза. Действительно, вновь прибывший стоял, запрокинув голову, и смотрел на внезапно вспыхнувшее и столь же внезапно погасшее окно. На секунду линзы мощных очков поймали отблеск дальних колонн и просветлели, сделав новичка похожим на лупоглазых побирушек. Да он и так на них смахивал — малень-

кий, косолапый, сутулый... Вид — несчастный, брюки сидят мешком, рубашка выбилась...

Сзади и слева раздался приглушенный удар, и голос Маши Однорукой негромко, но с чувством произнес:

— Вот мать иху ети! Набросали шоболов прямо в дверях... Хоть бы одна зараза за собой уничтожила... Наделали уродства, а убирать кто будет?.. Кто это там у окошка? Пузырек, ты, что ли?

— Не-а, — отозвался Ромка. — Это мы с Ликой...

— А-а... — И Маша Однорукая тоже прошлепала к светлеющему в темноте окну. — Где он там? — шепнула она, бесцеремонно раздвигая Лику и Ромку. — Эх, какой мозглявенький... Тоже, что ль, не кормили?.. А где мент? Менту сказали?

— Да он там с Крестом тарелку караулит. В побег решили идти...

— Вот делать людям нечего! — подивилась Маша. — Ну, Клавку я предупредила, а дедка пускай Пузырек предупреждает...

— А Лешу? — встревожился Ромка.

Маша хихикнула.

— Да Леша-то, он в «конуру» и носа не кажет... Не знал, что ли?

— Тихо! — шикнула на них Лика. — К подъезду идет. Куклу надо найти. В прошлый раз она на третьем этаже была... Этот скок куда? На третий?

— Нет, это наружу... А на третий — через две комнаты.

— А вы его пока по второму поводите. — Лика предвкушающе пожала Ромке локоть и выскользнула в дверь, тоже налетев на что-то по дороге.

Никита Кляпов шел сквозь второй этаж, и душа его корчилась, как на угольях. Споткнувшись об очередной ни на что не похожий предмет, он надолго столбенел, с ужасом вглядываясь в уродливые, но вполне узнаваемые формы.

— Да, — с отчаянием говорил он. — Я понимаю... Это злая карикатура... Но вы правы... Мы живем в уродливых домах и делаем уродливые вещи... Мы забыли, что такое красота...

А вокруг, умножая его муки, мерещились, роились глумливые бестелесные шепотки:

— Что он сказал?..

— Карикатура...

— Злая...

— Ой, держите меня!..

Ему все время казалось, что из черных дверных проемов слышатся смешки и сдавленные постанывания, а однажды почудился даже мужской голос. Тихо, но довольно отчетливо голос произнес с удивлением:

— Ну, такого дурака здесь еще не было...

Кляпов выпрямился и сорвал очки. Комната дрогнула, утратила очертания.

— Да! — чуть ли не с вызовом хрипло сказал он в черное расплывшееся кляксой пятно проема. — И это унижение предстоит еще всей Земле — узнать, насколько ничтожен наш убогий самодовольный разум... Но мы упорны, мы готовы учиться мыслить по-новому...

Несколько секунд в проеме было тихо и гулко, а потом темнота взвизгнула и расхохоталась в лицо Кляпову. Хохот, впрочем, тут же оборвался.

Никита бросился к дверному проему, нацепив на ходу очки, чтобы не вписаться ненароком в косяк. Вспыхнул свет, поплыли смутные тени. Комната была пуста. В углу криво торчало какое-то металлическое сооружение, напоминающее огрызок койки. А рядом на полу лежала книга. Увесистый серый томик с золотым тиснением.

Никита приблизился и почему-то присел перед книгой на корточки. Как перед костерком. Взял в руки, прочел название, удивился, раскрыл с трепетом. Ошеломленно полистал, затем снял очки и принялся лихорадочно их протирать. Надел снова. Медленно пролистал всю книгу от начала до конца и поднял застывшее лицо.

— Возможно... — процедил он, а в глазах у самого плавилось страдание. — Я вполне допускаю, что даже творения лучших наших умов для вас — не более чем набор серых пятнышек... что лишь некоторые, самые гениальные строки достойны пощады...

Кто-то нежно тронул его за плечо, и Никита оглянулся.

Перед ним стояла кукла Маша.

...Ах, если бы он тогда потерял сознание! Но Никите Кляпову было отказано даже в этом. Дальше предобморочной слабости дело не пошло. Он так и не смог отбиться от нежных четырехпалых ручек белесого безликого страшилища. С плотно зажмуренными глазами, извиваясь в тщетных попытках отползти,

он чувствовал, как эти ручки лезут к нему под рубашку и довольно сноровисто управляются с пуговицами брюк.

— Не надо... — рыдал он. — Только не это... Я не хочу...

И, видит Бог, это была чистая правда. Ничего подобного Кляпов не хотел. Но тут, к ужасу Никиты, мужское его начало предательски встрепенулось в ласковых пальчиках и повело себя вполне самостоятельно.

— Нет... — стонал Никита. — Не сметь!..

В гробу оно видело его приказы. Внезапно Кляпову вспомнилось, что в момент прощания с жизнью нечто подобное бывает и с висельниками. Он разжал на секунду веки, увидел движение мощного, как дирижабль, бедра, дернулся из последних сил, но был оседлан. Дальше уже пошла агония.

— Да... Да... — всхлипывал он. — Я... понимаю... Я готов... пройти... и через это...

А вокруг ржали, взвизгивали и ухали черные дверные проемы.

— Да что за базар-вокзал? — в недоумении спросил Крест, берясь обеими руками за края люка и осторожно выглядывая из тарелки.

— С новеньким знакомятся, — процедил Василий. Он сидел на корточках в одной из неглубоких ниш и выкладывал капсулы из лопнувшего пластикового мешка. — Ты мне лучше скажи, почему скрипота молчит!

Под скрипотой имелся в виду люк летающей тарелки, так, кстати, до сих пор и не закрывшийся.

Глава 15

Отверзлись вещие зеницы...

Александр Пушкин

Каким образом Никите Кляпову удалось выбраться из дьявольского здания, он не помнил. Кажется, пытался выброситься в окно, а дальше... А дальше в памяти зияла дыра. Во всяком случае, опомнился Никита, лишь оказавшись снаружи. Пятиэтажка сияла огнями. Яркие цветные пятна окон, проплавившие сумрак, представились ему на секунду отверстыми топками адских печей. В одних топках пламя еле тлело вишнево-

розовым, в других полыхало желтым, а кое-где окрашено было в бледно-фиолетовые денатуратные тона. Там, должно быть, использовался пропан... Судя по взвизгам и выкрикам, в доме продолжали бесноваться и ликовать.

Боже, что это было?..

Униженный, уничтоженный, разбитый, Никита Кляпов стоял возле первого подъезда, поддерживая треснувшие по шву брюки с оторванными в борьбе пуговицами. Очки, надо полагать, тоже остались в той страшной комнате. С немым укором в беспомощных близоруких глазах Кляпов повернулся к огромному холодноватому мерцанию на горизонте.

Внезапно вспомнилось устройство мира по Данте: в центре — ад, а вокруг — сферы света... В данном случае адом, несомненно, была пятиэтажка...

«Туда...» — Эта мысль возникла даже не в голове — она толкнулась в груди. И Никита, спотыкаясь, побрел на свет.

Он отошел от дома шагов на двадцать, когда бледное зыбкое мерцание впереди как-то странно передернулось и вроде бы чуть отступило. Кляпов замер оторопело, потом догадался оглянуться — и чуть не уронил штаны. Пятиэтажка сзади — исчезла. Сначала Никита решил, что она погасила окна и растворилась в общем сумраке. Но нет, ее просто не было. Кляпов, конечно, страдал близорукостью, но не до такой же степени, чтобы не различить в двадцати шагах серую прямоугольную громаду!

«Вот оно что... — догадался он наконец. — Проверяют... Хотят знать, как мы реагируем на...»

А собственно, на что?

Никита припомнил весь этот постыдный кошмар, приключившийся с ним в исчезнувшей теперь за ненадобностью пятиэтажке, и вынужден был признать, что смысл испытания ему по-прежнему непонятен...

Он огляделся, соображая, в какую сторону лучше направиться. Ориентиров не было. Жемчужное мерцающее сияние омывало его со всех сторон. Наконец решился — и просто побрел вперед. Брел довольно долго — пока не заподозрил, что ходит по кругу.

— Граждане террористы! Наша летающая тарелка приземлилась на территории Турции. Просьба — не отстегивать ремней и не покидать своих мест до полной остановки винтов...

Василия подбросило с пола. В открытый люк, смешиваясь с побледневшим розоватым заревом внутри коридорчика, лился ясный утренний свет. Потом в летающую тарелку заглянула ухмыляющаяся лопоухая физия Ромки, оснащенная очками с чудовищно сильными линзами.

— Все дурака валяешь? — недружелюбно спросил Василий. — Очки-то откуда?

Сзади, зевая и потягиваясь, заворочался Крест. Оба заснули только под утро — все ждали, когда закроется люк.

— Новенький потерял, — радостно сообщил Ромка, снял очки и комично моргнул всем лицом. — Ни фига не видно... Я та-щусь...

Присев на корточки, Василий с угрюмой сосредоточенностью изучал основание аппарели. Чертыхнулся.

— Слушай, сходи узнай у Сократыча: что за хренотень? Он же говорил, тарелки только ночью прилетают...

— Ну так она ночью и прилетела, — напомнил Ромка.

— Да прилетела-то прилетела... — с досадой сказал Василий. — Я думал, они здесь днем вообще не показываются, а вот, видишь, стоит... Дура железная!

— Днем стоит, ночью летает, — мигом все объяснил Ромка. — Ладно, узнаю...

Василий сел по-турецки, подтянул поближе пластиковый мешок и принялся завтракать.

— Что там новичок? — поинтересовался он, выбрасывая в люк шкурку от капсулы.

— Эх, не было вас вчера! — сказал Ромка. — Такой цирк был...

Он присел на краешек трапа и взахлеб принялся рассказывать о том, что происходило в «конуре» этой ночью. Василий хмыкал и хмурился. Из ниши выбрался Крест и, подсев поближе, тоже стал слушать. Судя по всему, история его весьма заинтересовала. Когда речь дошла до куклы Маши, оскалился злорадно, но смолчал.

— А теперь он где? — спросил Василий, выслушав все до конца.

Ромка засмеялся.

— А его на потолок выбросило. Он когда из «конуры» удирал — в скок вляпался... Где-то там ходит... — Ромка запрокинул голову и принялся высматривать на потолке новичка. — Нет... — сообщил он наконец с сожалением. — Уже уполз куда-то...

— Ты очки-то ему верни, — посоветовал Василий. — Раз он такой слеподырый...

— Да они все равно скоро развалятся, — успокоил Ромка.

Очки... Очки в жизни Никиты Кляпова играли роль весьма значительную. С их помощью (а точнее — с помощью их отсутствия) он, как это ни странно, довольно успешно убегал от многочисленных неприятностей.

Сколько Никита себя помнил, душа его хотела покоя и гармонии, а реальность подходила к нему вразвалочку и с безобразной ухмылкой бросала в глаза грязную растопыренную пятерню. Ну, не в прямом, конечно, смысле пятерню... Матерное слово на стене подъезда, экскременты в лифте или, скажем, общее собрание коллектива... И вот когда становилось совсем уже невмоготу, Никита снимал очки. И оплывали буквы очередного лозунга над дверью, а холеное лицо начальницы разъезжалось в широкий смутный блин с шевелящимся алым пятном рта. Но что самое отрадное — недобрые людские голоса со временем тоже утрачивали четкость и мало-помалу разбредались в бессмысленное ласковое бормотание...

Было в этом что-то от наркомании.

...Проснувшись посреди площади, похожей на ледяное озеро, он долго не мог понять, что из вчерашних кошмаров ему приснилось, а что нет.

...Заброшенный пустырь, поросший пыльными жилистыми сорняками, куда разведенного и обиженного судьей Никиту занесло под вечер... Вздыхающая под ногами пухлая известка, обломок беленой стены с вырванным окошком и корявой надписью «На слом»... И наконец, спасительное благословенное безумие — серебристая летающая тарелка с открытым люком... Все это было.

Да, но потом?.. Гулкая пятиэтажка, населенная вещами-монстрами, глумливыми голосами... и четырехпалое безликое чудище, попросту изнасиловавшее Никиту...

Он приподнялся, озираясь.

Пятиэтажки на площади не было... Со всех сторон соломенно посверкивали причудливые, как сталактиты, колоссальные опоры. А может быть, и небоскребы... Господи, сделай так, чтобы вчерашний ужас оказался просто дурным сном! Ну что Тебе стоит так сделать!.. Никита схватился за ширинку — хо-

тел удостовериться, что пуговицы на брюках целы, но от брюк (как, кстати, и от рубашки) к утру мало что осталось... Да, но очки-то — на нем! Никита схватился рукой за край оправы и надолго застыл с видом человека, только что обнаружившего, что у него в виске — шурупчик. Очков не было...

Он медленно поднялся на ноги и, все еще не веря, огляделся. Каждая канавка, каждый выступ на отдаленных сверкающих громадах были ясно различимы.

...Никита Кляпов смеялся, нежно трогал кончиками пальцев веки прозревших глаз, смотрел направо, налево... Потом блистающий мир снова вдруг утратил четкие очертания, дрогнул, поплыл. Никита пришел было в ужас, но тут же сообразил, что плачет...

Внезапно ему пришло в голову, что проверка продолжается. Вчера проверяли на отрицательные эмоции, а сегодня вот проверяют на положительные...

Никита смахнул нечаянные слезы и нагнулся, подбирая с пола обрывки одежды. Непослушными руками смастерил что-то вроде набедренной повязки.

— Спасибо... — растроганно сказал он. — Я знал... Я знал, что вы...

Но тут у него снова перехватило горло. Виновато улыбнувшись, он подтянул повязку потуже и двинулся к ближайшим опорам, не догадавшись даже взглянуть в зенит, где присосалась к потолку фундаментом проклятая пятиэтажка.

...Первые увиденные Кляповым глыбы привели в его тихий восторг.

— Потрясающе... — шептал он, с трепетом оглаживая гладкий с ложбинкой валун. — Боже, как прекрасно...

Тут Никита запнулся.

— Нет, я понимаю, — торопливо добавил он, вскидывая голову. — Вот это... — Кляпов простер руку к ближайшему резному небоскребу, похожему на гигантскую оплывшую свечу. — Это грандиозно, это впечатляет... Но это... — Он снова огладил с нежностью молочно-белую гладкую поверхность. — Как хотите, а это гениально...

Никита еще раз обласкал камушек и выпрямился. Далее улыбка медленно начала сползать с лица Никиты Кляпова. Напротив на соломенно поблескивающей стене опоры похабно растопырилось глубоко вырубленное матерное слово.

Рука Никиты взметнулась привычным жестом к лицу, чтобы сорвать очки, — и замерла на полдороге. Срывать было нечего.

— Сократыч! — еще издали заорал Ромка. — Слушай! Я тоже гипотезу придумал!..

Дедок Сократыч опустил ломик и с живым интересом взглянул на юношу. Затем голубенькие прозрачные глаза вспыхнули хитрецой, и, придав своему изжелта-розовому личику озабоченное выражение, Сократыч вновь повернулся к полураздолбанному валуну довольно скромных размеров.

— Я с удовольствием вас выслушаю, Рома, — деликатно ответил он. — Но, если можно, чуть позже... Сейчас я, как видите, занят...

— Дай сюда! — потребовал Ромка, выдирая ломик из желто-розовых старческих лапок. Что было сил шандарахнул глыбу по маковке, и та с грохотом осела пригорком ослепительно белых обломков.

Дедок только руками развел.

— Как это у вас так получается, Рома? — сказал он с неподдельным восхищением.

— Да что там — получается! — В запальчивости Ромка швырнул ломик на груду осколков. — Ты слушай сюда гипотезу! Значит, так... Хозяева! Тарелку! Угнали!

И замер в ожидании оценки.

Сократыч моргнул.

— Хм... — озадаченно проговорил он. — Угнали... У кого, простите?

— Как?.. — растерялся Ромка. — Ну, у тех, которые...

— Да-да-да-да-да-да-да... — закивал Сократыч. — Понимаю... Угнали. У тех. Что ж, любопытно, любопытно... Н-но! К сожалению, есть одно «но». Наши хозяева не производят впечатления, как бы это выразиться, активного начала. Посмотрите, здесь все статично, ничего не движется... Правда, что ни ночь возникают камушки, но вот именно что возникают! «Надзорки», согласен, ездят, но опять-таки как-то странно... Скорее перетекают, чем ездят... Я, собственно, к чему? Если на то пошло, скорее уж владельцы летающих блюдец могли что-нибудь подтибрить у наших хозяев, но никак не наоборот... Боже! Ломик!

И Сократыч кинулся выручать свой инструмент, до которого уже добиралась подъедающая осколки надзорка.

— Тоже сокровище! — сказал Ромка. — Хочешь, я тебе вот такенную железяку выломаю? Как у Васьки!

— Спасибо, Рома, но, боюсь, она для меня будет тяжеловата, — отозвался Сократыч, бережно обтирая ломик краем хламиды. — Но версия ваша, должен признать, любопытна, любопытна... Кстати! Как там Василий?

Ромка хлопнул себя по лбу.

— Да! Я ж чего сюда шел-то!.. Васька сейчас в тарелке сидит — спрашивает, чего она не улетает...

Сократыч запрокинул личико и, округлив глаза, широко раскинул руки ладошками вверх.

— Ну откуда же я могу знать, Рома! Не улетает... Вообще, конечно, странно, что не улетает. Надо будет сходить посмотреть... А то, что я давеча вам с Василием говорил, — забудьте. Гипотеза критики не выдержала. Люки-то в блюдцах, вспомните, открываются только в двух случаях! На Земле — чтобы принять человека на борт, а здесь — чтобы выпустить. Стало быть, владельцы блюдец прекрасно отдают себе отчет, кого и куда они доставляют... И потом вы сами рассказывали, что, когда вы залезли в блюдце, улетело оно не сразу. Оно предпочло выждать, когда за вами последует Василий. Следовательно...

— Ну вот они! — обрывая журчание Сократыча, раздался совсем рядом сердитый и в то же время радостный женский голос. — Я ж помню, что где-то здесь обронила...

Собеседники вскинули глаза и увидели стриженую Клавку. С лицом весьма решительным она смотрела на Ромку с Сократычем, а в руках у нее круглились две только что поднятые с пола капсулы.

— Позвольте, позвольте... — обомлев, пробормотал дедок.

— Шла, говорю, и обронила! — с вызовом и чуть ли не с угрозой повторила Клавка. — Главное, помнила ведь, что где-то здесь...

К Ромке наконец вернулся дар речи.

— Клавк, ну ты... Вконец, что ли, оборзела? — запинаясь, спросил он. — Это ж дедка тюбики!

— Кого? — Воинственно сдвинув подрастающую щетинку бровей, Клавка подступила к нему почти вплотную. — Ну ни стыда, ни совести! Чего ты тут мне плетешь-то? Какой дедок! Да тут полчаса назад твоим дедком и не пахло!

— Да он только что камушек задолбил!

— А кто видел?

— Я видел!

— А еще кто?

— Рома... — печально позвал дедок. — Это бесполезно... Я ее знаю...

— Да погоди ты!.. — отмахнулся тот, вперяя в Клавку пронзительный уличный взгляд. — Крутая, что ли? А ну отдай дедку тюбики! Резко отдай!

— А отними, — предложила Клавка, бесстрашно глядя на Ромку снизу вверх. — Она вон быстро тебе отнимет. Не зарадуешься...

Действительно, вокруг уже закладывала ленивые акульи виражи почуявшая склоку надзорка.

На всякий случай Ромка отшагнул от стриженой правдоискательницы подальше и вдруг злорадно ухмыльнулся.

— Клавк, — позвал он. — Ну я ж сейчас из вредности пойду и вот ему... — Ромка кивнул на унылого Сократыча, — ...жратвы запасу — на всю неделю. Ты ж от зависти сбесишься...

Клавка набрала полную грудь воздуха.

— Вот это вы можете! — злобно грянула она. — Слабой женщине запас на неделю сделать — это вам и в башку не влетит! А здоровому мужику...

Ромка взвизгнул и в корчах опустился на покрытие. Повалился на спину и забил ногами в приступе безудержного хохота. Мысль о том, что Сократыч — здоровый мужик, потрясла его и умилила. Поэтому большую часть гневной Клавкиной тирады Ромка прослушал. Когда способность воспринимать окружающий мир частично к нему вернулась, Клавка уже чесала в хвост и в гриву самих хозяев.

— ...нарочно дармоедов всяких привозят! Не подойдет ведь к глыбище к какой-нибудь — ищет чего полегче, а глыбу пускай женщины ломают!.. Что? Неправда? Да еще и огрызается, наглец: я, мол, первый нашел! Нашел — так женщине уступи, раз ты мужчина!.. Теперь еще этого привезли, очкастого! Тоже небось такой же... И, главное, моду взяли: чуть новичок заявится — тащат к Пузырьку, поят бесплатно!.. Мне небось, когда прилетела, рюмки никто не налил!..

— Во! Точно! — Ромка вскочил. — Слушай, Сократыч, да пускай она подавится тюбиками этими! Пошли к Пузырьку!

Он уже, наверно, новенького к себе заволок. Там такой новенький прикольный! Вроде тебя...

Завидев Сократыча и Ромку, Пузырек не на шутку обрадовался.

— Ну хоть вы ему растолкуйте, — весело взмолился он, тыча только что запаянным пакетом в нахохлившегося Никиту Кляпова. — Ну не верит, и все тут!

— Во что не верит? — деловито спросил Сократыч, с любопытством оглядывая взъерошенного несчастного новичка. Повеяло дурдомом. Дедок говорил с интонациями врача, а кутающийся в простынку Никита вполне мог сойти за пациента. Общее впечатление нарушали только танцующие цветные блики, превращавшие всех в арлекинов.

— Да ни во что не верит! — Пузырек ухмыльнулся и метнул пакет в черный пролом посреди стены. Послышался приятный увесистый шлепок. — Не может, говорит, такого быть...

— Это нельзя ломать!.. — раздался исполненный боли голос Никиты Кляпова. — Я не могу, я не буду это ломать!..

— А жрать что будешь? — с интересом спросил Пузырек.

— Не вижу связи...

Ромка слушал и радостно скалился.

— Ром... — повернулся к нему Пузырек. — Будь другом... Там вон на стенке ломик висит. Сходи ты с ним, покажи что к чему... Связи он, понимаешь, не видит!

— А запросто! — с готовностью откликнулся Ромка. Взял в указанном месте ломик и, прихватив по дороге большую плетенную из обрывков световода авоську, двинулся к скоку. Оглянулся на новичка. — Ну чего сидишь? Пошли...

— Я не желаю на это смотреть!.. — испуганно предупредил тот и встал. Весь дрожа, громко возмущаясь и заявляя, что никуда не пойдет, он тем не менее как миленький приблизился к Ромке и был мягко направлен в скок.

— Видал чудо в перьях? — ворчливо спросил Пузырек Сократыча, когда они остались вдвоем. — Таких, говорят, не рожают, а высиживают... — Плоскостопо прошлепал к маленькой глыбе, похожей на человеческое ухо, достал туго налитую целлофановую дыньку. — А мы, пока они там разбираются... Да! Ты ж не пьешь... Ну тогда закуси хотя бы... Не бойся, не в долг. Я ведь Ромку-то знаю — он сейчас что-нибудь тюбиков

на двадцать раздолбает, не меньше. Видал, какую авоську выбрал? Самую здоровую...

И, конечно же, Пузырек оказался прав. Когда минут через пять Ромка возник в помещении снова, авоська трещала и чуть не лопалась, а одну капсулу даже пришлось нести в руке — не поместилась.

На новичка было жалко смотреть. Хватаясь то за висок, то за переносицу (все очки по привычке искал, бедолага), он с несчастным видом присел на парящий в воздухе кабель, сразу напомнив больного воробья, примостившегося на телефонном проводе. Безропотно принял из рук хозяина опоры полный колпачок и капсулу на закуску. Выпив, долго сидел, уронив голову. Потом вскинул страдальческие наслезенные глаза.

— Ну хоть вы... — проскулил он, с надеждой глядя на Сократыча. — Вы, как мне кажется, единственный здесь интеллигентный человек... Объясните наконец, что все это значит!..

Насытившийся и даже слегка опьяневший от еды Сократыч хмыкнул и задорно огляделся. Слова новичка сильно ему польстили.

— Только имейте в виду, — сразу же предупредил он. — Как и всякий интеллигентный человек, я привык сомневаться в справедливости собственных суждений. Вот вы... э... Простите, а как вас зовут? Никита? Очень приятно. А я — Платон Сократович... Так, стало быть, вы спросили, Никита: что все это значит? Хорошо. Я познакомлю вас с последней моей версией, которая мне самому представляется пока непротиворечивой... Во-первых, скажите: вы здесь уже успели повстречаться с побирушками?

— С кем? — беспомощно переспросил Никита.

Ему объяснили.

— Д-да... — сказал он. — Что-то похожее выскочило из-за угла... Глаза — как у совы...

— Вот-вот-вот. Итак... Я, конечно, не историк, но, насколько мне помнится, кошку в Европу завезли из Египта крестоносцы.

Все ошалели, но продолжали слушать.

— Европа, если помните, — разливался Сократыч, — в ту пору боролась с крысами. С мышами проблема была решена. Против мышей использовалась ласка — кстати, очень милый зверек. В ту пору она была ручной. И вдруг в Европу хлынули полчища крыс. А крысам ласка — не противник. Как прикажете

выходить из такого положения?.. И вот из Египта была завезена кошка, показавшая крысам, почем фунт лиха... А что же ласка? А ласка — одичала. Вернулась всем видом в дикое состояние и с тех пор не приручается...

— Вы что, издеваетесь? — истерически выкрикнул Никита. — Какие крестоносцы? Какие крысы? Историю ласок я знаю и без вас! И я не вижу, какая связь... — Он замолчал, всхлипнул и зашарил по воздуху над кабелем в поисках колпачка. Пузырек с понимающим видом тут же размотал горловину туго налитой прозрачной дыньки.

— Вот как? — удивился Сократыч. — Что ж, тем проще... Тогда я сразу излагаю версию. Суть ее в следующем: предположим, что мир хозяев раньше был наводнен камушками весьма небольших размеров. Чтобы их сломать, не требовалось ни особой мускульной силы, ни навыков. И вот, борясь с этим бедствием, хозяева выписали с какой-то не известной нам планеты побирушек. И зверьки до поры до времени успешно справлялись с возложенной на них миссией. Но что-то изменилось. Глыбы почему-то (только, ради Бога, не спрашивайте почему!) стали укрупняться, и бедные зверьки с ними уже ничего не могли поделать. И тогда хозяева (а точнее — их агенты, владельцы летающих блюдец) стали искать им замену — приматов с более крепким телосложением... И они нашли нас. Людей. И вот мы при деле. А что же наши мохнатые и лупоглазые предшественники? — Дедок сделал паузу и, сияя, оглядел оторопевших слушателей. — А их постигла судьба ласки. Не в силах с нами соперничать, они одичали и поневоле освоили паразитический образ жизни. Коротко говоря, стали побирушками...

— Эх ты! Перелилось! — Пузырек подхватился и кинулся к своему аппарату. Чертыхаясь и отряхивая с пальцев сорока-, а то и более градусные капли, заменил полный пакет пустым.

— Вот за что я дедка люблю, — сварливо заметил он, заваривая кромку и швыряя бурдючок в пролом. — Говорит-говорит — ну ни хрена не поймешь. А потом вдруг как сказанет — хоть стой, хоть падай!..

Никита Кляпов к тому времени уже крепко окосел. Пить он, как и предполагалось, не умел совершенно.

— В-вы х-хотите сказать... — заикаясь от злобы, начал он, проедая Сократыча глазами, — что нас вывозят сюда с Земли с единственной целью — ломать?

Дедок пожал по-птичьи хрупкими плечами.

— Назовите мне другую цель... Я вот пока таковой не вижу.

— Нет, правда, дед! — недовольно вмешался Ромка. — Чего-то ты... гонишь... С Земли-то зачем везти? Сами бы и сломали...

— Стало быть, не могут, — многозначительно изронил дедок Сократыч.

— Кто? Хозяева? Ну ты, дед, даешь! Ты посмотри, чего они тут понастроили... Да им такую фигню сломать — раз плюнуть!

— Технически — да, — согласился дедок. — Не спорю. А как насчет моральных запретов?

— Чего? — сказал Ромка.

Никита Кляпов медленно поднял голову и тревожно уставил на Сократыча пьяненькие глаза — и так-то близко посаженные, а теперь и вовсе съехавшиеся чуть ли не вплотную.

Дедок глубокомысленно пожевал губами.

— Попробую пояснить, — сказал он. — Предположим, вам, Рома, или вам, Никита, подарили вазу. Она вам не нравится, но выбросить вы ее не можете, потому что это подарок. Тогда вы ставите ее на краешек стола и берете в дом кошку с определенной репутацией... Кошка в ваше отсутствие вспрыгивает на стол и сбрасывает вазу на пол. И вы ни в чем не виноваты. Остается лишь смести осколки в совок...

Никита поднялся, пошатываясь. Глаза его остекленели окончательно.

— Крысы... — хрипло проговорил он. — Крыса бежала... хвостиком махнула...

— Да нет, не крысы, — ласково поправил его Сократыч. — Если следовать моему сравнению, то мы именно кошки. А крысы — это скорее уничтожаемые нами камушки...

Кляпов не слышал.

— Крысы... — повторил он и сделал шаг. В результате этого опрометчивого поступка Никита чуть было не вписался в Пузырьковы змеевики, оплетшие на манер повилики рощицу светоносных стволов.

Заложив второй не менее рискованный вираж, он почти полностью выправил крен и очутился прямо перед светлым овальным пятном, притаившимся на полу среди порхающих бликов.

— Эй! — ошеломленно окликнул его Пузырек. — Ты чего?

— Я... им сейчас... скажу... — Изрекши страшную эту угрозу, невменяемый Никита Кляпов качнулся вперед — и пропал с глаз долой.

— Куда? — завопил Пузырек, бросаясь следом. — На надзорку нарвешься, дурак!

...Когда все трое оказались снаружи, взору их предстала жуткая картина: Никита Кляпов стоял, пошатываясь, и потрясал кулаками вдогонку удаляющейся чернильно-глянцевой надзорке.

— Стой! Стой, сволочь!..

Надзорка остановилась, крутнулась на месте — и потекла обратно. Никита навис над ней, занеся сразу оба кулака.

— Так мы, значит, вам крысы? — прорыдал он. — Крысы мы вам?..

Размахнулся посильнее, явно собираясь обрушить кулаки на покатый лоснящийся кожух, потом вдруг отпрянул и начал медленно-медленно пятиться. Только что, мгновение назад, Никита лыка не вязал. Теперь же, уронив разжавшиеся кулаки, он отступал перед надзоркой — совершенно трезвый. Такое впечатление, что похожий на огромную мокрицу механизм за долю секунды просто изъял из крови Кляпова весь алкоголь до последней молекулы.

Столь сильный испуг, наверное, испытывают лишь проснувшиеся внезапно лунатики...

— Эх ты!.. — с горьким упреком бросил ему Пузырек, когда надзорка уехала. — Вот и пои вас после этого... Думаешь, легко ее гнать-то?

Глава 16

Если ты хочешь
Знать,
Как тяжело
Убежать, —
Я знаю один
Рассказ.

Сергей Есенин

Летающая тарелка, оживляя собою пейзаж, торчала по-прежнему возле пятиэтажки. Время от времени обитатели маленькой колонии выходили на край льдисто мерцающей пло-

щади, смотрели на серый коробок «конуры», на крохотное растопырившее лапки стальное блюдце и, ухмыльнувшись, снова исчезали в соломенно посверкивающем лабиринте. Каждого так и подмывало сходить позубоскалить над незадачливыми беглецами, но, к счастью для себя, оба сидельца успели заработать репутацию невменяемых. Крест вон однажды дедку все зубы выбил одним ударом... Выбил, допустим, совершенно справедливо (соображать надо, что говоришь!), да и щелчок за это от надзорки получил неслыханно крепкий — неделю потом заикался... И все же связываться с бывшим уголовником никому не хотелось. А мент — тот и вовсе отчаянный. Додумался! Драку с Крестом учинил!..

Отдав Маше Однорукой свежеоторванный моток кабеля на две плетенки и раздолбав в задаток пару глыб (хотя Лика и предупреждала, что, разжившись задатком, Маша по обыкновению уходит в запой), Ромка решил прошвырнуться по окрестностям. Скептически поглядывая на товарищей по работе, бездарно корпящих над простенькими камушками, он шел и прикидывал, не наведаться ли ему в «конуру» и не попробовать ли самому смеха ради что-нибудь намыслить. Куклы Маши он теперь не боялся. Пугало другое: намыслишь вдруг тоже вроде Леши Баптиста что-нибудь этакое — позора ведь потом не оберешься!.. Как это ни забавно, но Ромка уже всерьез начинал заботиться о собственной репутации...

Внезапно где-то поблизости грянул мат-перемат, и из-за скругления опоры навстречу Ромке выскочил от кого-то улепетывающий Никита Кляпов. Следом показался легкий на помине Леша Баптист. Был он разъярен и багроволиц. Слава Богу, сообразил остановиться и, только благодаря этому избежав неминуемого щелчка от мигом подлетевшей надзорки, потряс издали железом.

— Ты мне больше не попадайся, понял? — взревел он вдогонку. — Увидишь, что иду, — в переулок сворачивай!..

Задохнувшийся от ужаса Никита Кляпов затормозил в двух шагах от изумленного Ромки. Ткнул себя двоеперстием промеж близко посаженных безумных глаз, потом уставился на собственные пальцы и с омерзением встряхнул всей кистью.

— Он что, сумасшедший? — крикнул Никита, оглядываясь.

Леша Баптист еще раз погрозил железякой, плюнул в сторону надзорки, обдернул на бедрах мутный целлофан — и скрылся.

— Я, главное, подошел... вежливо обратился... — сбивчиво принялся объяснять взволнованный Никита. — Задал совершенно невинный вопрос — а он...

— А насчет чего? — жадно спросил Ромка.

— Я хотел узнать относительно... Ну, словом... — Никита замялся. — Насчет этой... в доме...

— Куклы Маши, что ли? — Ромка заржал.

Никита Кляпов смотрел на него с подозрением.

— А вы что-нибудь о ней знаете?

Ромка утвердительно гоготнул в ответ. Отсмеялся и напустил на себя важность.

— Значит, так... — начал он, с удовольствием изображая старожила. — Хозяева для нас построили «конуру». Ну и вот...

— Простите, — перебил Никита. — А почему вы их называете хозяевами?

— Ну а как еще? — удивился Ромка. — Конечно, хозяева.

— Простите, — снова сказал Никита. — Но мне кажется, в этом есть что-то унизительное. Конура... Хозяева... Как будто мы домашние животные!

— Ты деда меньше слушай! — обиделся Ромка. — Он тебе такого наплетет!.. Мы — гости, они — хозяева. Чего тут этого... унизительного?

— С гостями так не обращаются... — сдавленно возразил Никита Кляпов. — Но вы начали говорить о доме.

— Ага, — сказал Ромка. — Ну вот... Построили «конуру». И там так: что представишь — то и появляется. Плейер запросто намыслить можно. Если, конечно, знаешь, что у него там внутри... Платы там всякие...

Тут Ромка заметил, что Никита смотрит на него со страхом, и умолк.

— Вы... хотите сказать... — чуть ли не пятясь, вымолвил Никита, — что это не они, а мы сами?..

Ромка не понял.

— Эти вещи, — пояснил Никита. — Вся эта кунсткамера... То есть они предоставили нам все для творчества, а мы...

Он плотно зажмурился и с тихим стоном замотал головой.

— Ну! — радостно вскричал Ромка. В отличие от Никиты он не видел в ситуации ничего трагического. — Никто ж не знает, как что устроено. Вот и налепили горбылей!

Никита Кляпов медленно разъял бьющиеся веки и затравленно взглянул на Ромку.

— А вы? — с горечью молвил он. — Вы тоже к этому приложили руку?

— Не-а, — беззаботно ответил Ромка. — Чего мне там делать? У меня и так все есть.

— Но хоть кто-нибудь... хоть один человек... справился?

— Приплыли! — с достоинством сказал Ромка. — А самогонный аппарат у Пузырька — откуда? Намыслил только так!

Никита Кляпов затосковал, ссутулился, свесил руки чуть не до колен и даже больше прежнего стал похож на маленьких лупоглазых побирушек.

— А уничтожить это уродство... не пробовали?

— Дедок пробовал, — гордый своей осведомленностью сказал Ромка. — У него койка железная не вышла, ну и он давай ее это... уничтожать. Поддается, но медленно, трудно... Даже, говорит, намыслить ее было — и то легче. Ну он и плюнул.

— А кукла? Кажется, вы так ее назвали?..

Для начала Ромка огляделся — нет ли поблизости Леши.

— Только тихо... — предупредил он, понизив голос. — Значит, Леша Баптист...

Кляпов вздрогнул.

— Почему баптист?

— Баб тискает, — пояснил Ромка. — Он, короче, дома с ними позапутался — ну там с женами со всякими... И, значит, — сюда...

Кляпов испуганно вскинул слабую руку.

— Я понял, — мертвым голосом сообщил он. — Пигмалион и Галатея...

— Чего-чего? — поразился Ромка, но Никита его не услышал. С изжеванным переживаниями лицом он тоскливо смотрел на свои босые косолапенькие ступни.

— Скажите, — выдавил он наконец, — а в этой, как вы говорите, «конуре»... что-нибудь съестное намыслить можно?

— Пожрать, что ли? Так давай я тебе сейчас во-он тот камушек долбану! Мне это — как два пальца!

Никита боролся с собой. По худому горлу его медленно прокатился кадык.

— Нет, — сказал он наконец. — На это я не пойду...

Ромку разбирало любопытство.

— Слушай, — сказал он. — А чего ты их долбать боишься?

— Да вы взгляните! — с неожиданной страстью в голосе взмолился Кляпов. — Ну хотя бы вон на тот, с прогибом!

Ромка взглянул. Камушек как камушек. С прогибом.

— И чего? — спросил он, снова поворачиваясь к Никите Кляпову.

— Да это же произведение искусства!..

Внезапно глаза Кляпова, устремленные в сторону глыбы, стали такими беспомощными, словно их опять поразила близорукость. Ромка обернулся. Сияя серебряным своим балахончиком, к ним стремительной легкой походкой приближалась Лика.

— Поздравляю! — язвительно сказала она Ромке.

— С чем? — не понял тот.

— Задаток Маше дал?

— Ну...

— С этим и поздравляю. Сидит у Пузырька. Если через три дня начнет плести — слава Богу. Большой хоть задаток?

— Н-ну... — Ромка в замешательстве показал ладонью высоту пригорка отваленных Маше капсул. — Вот столько...

— Ты бесподобен, — процедила Лика и, одарив обоих ослепительной улыбкой, пошла прочь.

Ромка хмыкнул и поскреб ногтями намечающийся ежик.

— Она... здесь живет? — услышал он совершенно идиотский вопрос Кляпова.

— Ну а где же еще?

— А из того, что я видел в доме... она тоже что-нибудь... намыслила?

— Кровать трехспальную видел? Ну вот это она.

— Я почему-то так и думал, — с облегчением проговорил Никита Кляпов. — Единственный предмет, на который приятно взглянуть. Только... — Он встревожился вновь. — Почему-то холодная, почти ледяная. И очень твердая.

— Так это ж не настоящая кровать, — с готовностью объяснил Ромка. — Просто декорация такая. Лика раньше художником в театре работала. Ну а это, значит, из какого-то спектакля кровать... Она ее так, не для спанья намыслила, а чтобы формы, говорит, не потерять...

— Понимаю... — Никита кивал, все еще глядя вслед Лике. — Это я вполне понимаю...

Внезапно он осекся.

— Послушайте... — Голос его упал до шепота. — А когда... когда вы следили за мной в этом доме... она там тоже была?

— Все были, — сказал Ромка. — И она тоже.

Бледный с прозеленью Никита закрыл глаза и долго их не открывал. Ромка даже встревожился.

— Э! — опасливо позвал он. — Ты чего?

Никита Кляпов заставил себя поднять веки.

— Как отсюда выбраться? — сипло спросил он.

— Куда?

— Обратно... Я не могу здесь больше...

Ромка ухмыльнулся, взял Никиту за локоть и подвел к проему между опорами, выводящему на площадь с пятиэтажкой. Из-за угла здания выглядывал округлый блестящий бок и крохотный лапоток посадочной опоры.

— Вон там, — сказал Ромка, указывая пальцем, — летающая тарелка стоит. А в ней два придурка — никак улететь не могут. Иди, третьим будешь... Да не бойся. Кукла Маша, говорят, наружу вообще не выходит.

— Ужасно... Ужасно... — бормотал Никита Кляпов, ковыляя по кварцево посверкивающей пустыне. — Видела... Все видела...

И хохотала вместе со всеми? Нет. Не может быть...

Торцовая стена пятиэтажки была уже совсем близко. Никита взял левее — так, чтобы между ним и домом оказалась летающая тарелка. Подобравшись к люку, остановился, прислушался. Внутри два мужских голоса вели неторопливый, навевающий жуть разговор.

— ...борзота без понятий, — угрюмо излагал один. — За такой базар, я не знаю, нос по уши отрубить, а попробуй! Раковые шейки, мать иху!.. Щелчка отпустили — дня три буксовал. Кликуху свою еле вспомнил...

— Да... — со вздохом соглашался другой. — Вантажа тут нету. И хвостом бить — бесплатно...

Первый помолчал сердито и заговорил снова:

— Нашли рогомета — камень долбать! Да я тяжелее стакана отродясь ничего в руках не держал!.. Если бы не пацаны, хрен бы я в шлюмку полез! Язушок пригнали. Так, мол, и так, без разборки не выпрыгнешь — отрихтуем на штыке...

— Здравствуйте, — робко сказал Никита Кляпов, ступая на трап.

Двое мужчин совершенно уголовной наружности повернули к нему головы. Никита содрогнулся. Особенно жуток был

тот, справа — коренастый, с беспощадным рельефно вылепленным лицом. Убийца, да и только!..

— Я, собственно... — молвил Никита Кляпов, продвигаясь еще на шажок по аппарели. — Я хотел узнать... нельзя ли мне с вами... Словом, мне очень нужно назад, на Землю!

— Ушел отсюда! — тихо и страшно выговорил второй уголовник, не сводя с Никиты волчьих желто-зеленых глаз. — Резко ушел!

— Что за дела, Крест? — Голос коренастого угрожающе рухнул на низы. — Хочет — пусть летит!

Не отвечая, тот, кого назвали Крестом, легко поднялся с корточек. Был он жилист, долговяз, а из одежды на себе имел только длинные и кривые шорты веревочного плетения. Стремительно шагнул к выходу — и Никита невольно отступил, сойдя при этом с трапа. Рука по старой памяти дернулась было к очкам и замерла на полдороге.

— Ты даже не петух, — с невыносимым презрением процедил Крест. — Ты — хуже петуха. Тебя кукла Маша опустила.

— Эх ты! — поразился коренастый. — А сам-то? Кто к ней вчера на третий этаж бегал? Не ты, что ли?

— Сравнил! — Крест оскалился. — То я — ее, а то она — его!.. — Он снова уничтожающе оглядел Никиту. — На парашу бы тебя посадить... Была бы только параша!

— Ты тут свои лагерные замашки брось! — громыхнул коренастый и тоже встал. На этом было что-то среднее между индийскими вздутыми штанами до колен и набедренной повязкой — белоснежное, складчатое, схваченное где попало многочисленными узлами. — Залезай, никого не слушай.

Последняя фраза была обращена к Никите Кляпову. Тот снова поставил босую ступню на краешек трапа, но в этот миг Крест спрыгнул из люка на покрытие.

— В чем дело? — проскрежетал коренастый.

Крест отступил на шаг и посмотрел на него с вызовом.

— С петухами в побег не иду. Понял?

Размерами глыба наводила оторопь. Слегка приплюснутый деформированный куб со скругленными углами и гранями достигал чуть ли не двух метров в высоту. Обнаружила его, конечно, правдоискательница Клавка.

— Ну это твою не мать? — бушевала она, тыча в глыбу растопыренной пятерней. — Вконец обнаглели! Ни стыда ни со-

вести!.. Они что, хотят, чтобы мы все здесь с голоду передохли?..

Леша Баптист с лицом оторопелым и озабоченным обхаживал и ощупывал это новоотгруженное хозяевами чудо.

— Может, Ромку позвать? — неуверенно предложил он.

— Ну да, Ромку! — тут же вскинулась Клавка. — А тюбики кому? Тоже Ромке? Или этой цаце его?.. А если так и дальше дело пойдет?

Пьяненькая и веселая Маша Однорукая сидела на глыбе поменьше и болтала ногами.

— А чего? — задорно сказала она. — Вот, помню, год назад... Тебя еще, Клавка, не было... Мы ж тут субботник устроили. Легкие камушки-то все раздолбали, а трудные остались... Так мы их, значит, коллективом...

— А как потом тюбики делили? — с подозрением спросила Клавка.

— А поровну!

Клавка замолчала, что-то, видать, напряженно подсчитывая в уме. Седенький розовый Сократыч печально оглядывал глыбу издали.

— Что, собственно, подтверждает мою последнюю версию... — изрек он наконец, обводя всех младенчески невинным взором. — Не знаю почему, но камушки становятся все крупнее и крупнее. Я уже начинаю опасаться, как бы нас не постигла судьба побирушек...

— Дедок, ты субботник помнишь? — перебила его Маша. — Во повкалывали, а?

Но тут из проулка послышалось шлепанье бегущих ног, и все невольно обернулись на звук. Из-за скругления опоры вылетел Ромка — с таким видом, будто за ним надзорки гнались. Остановился. Одичало оглядел собравшихся.

— Сидите? — крикнул он звонко и зловеще, хотя из присутствующих сидела одна только Маша. — А тарелка-то улетела!

Последовала немая сцена. Известие ошеломило всех. Предполагалось, что выбраться отсюда просто невозможно. Правда, Крест не однажды хвастался, что убежит, но на то он и Крест... Зашевелились, переглянулись ошарашенно... Клавка опомнилась первой.

— Двумя дармоедами меньше! — брякнула она напрямик.

— Тремя, — поправил Ромка. — С ними еще новенький увязался.

Леша Баптист с весьма таинственным, чтобы не сказать злодейским выражением лица, крадучись, канул в противоположный проулок. Не иначе — делиться новостью пошел.

— Простите, Рома... — послышался взволнованный голосок дедка Сократыча. — Но это точно? Вы не ошибаетесь?

— Ну, сам пойди посмотри!.. — запальчиво предложил тот. — Выхожу на площадь, а тарелки — нету!

— Неужели домой попадут? — вымолвила трезвеющая на глазах Маша Однорукая.

— Совершенно не обязательно, — мягко заметил дедок. — Попасть они могут теперь куда угодно... Кто вообще утверждал, что Земля и этот наш мирок — единственные остановки маршрута?..

Он уже хотел было развить эту глубокую мысль, как вдруг осекся и округлил прозрачные голубенькие глаза.

Из-за того же угла, откуда недавно вылетел взбудораженный Ромка, вышли, устало доругиваясь на ходу, мрачный Василий и не менее мрачный Крест.

— С петухами он в побег не идет! — цедил Василий. — А с ментами, значит, идет. У, трекало!..

Вторая немая сцена была куда короче первой.

— С приехалом вас! — радостно завопила Маша Однорукая. — Путешественнички вы наши!..

— Что случилось, Василий? — кинулся навстречу жадный до сведений дедок.

Василий насупился и матерно пошевелил губами.

— Да вышли на минуту из тарелки, — расстроенно объяснил он. — А она, сволочь такая, тут же закрылась — и с концами... Пойти к Пузырьку напиться, что ли? Зла не хватает...

— Пузырек в долг не наливает, — чуть ли не торжественно объявила Маша Однорукая.

Василий с ненавистью огляделся.

— Черт, железяка в тарелке осталась... Слушай, Сократыч, дай свою на минуту!

Дождавшись, когда компания, подобрав все капсулы, покинет пустой пятачок (даже колоссальная кубических очертаний глыба — и та не избежала общей участи), Крест повернулся и обогнул опору. Там, понуро прислонясь к золотистой,

словно набранной из коротких соломинок стенке, ждал своей участи Никита Кляпов.

— Ты! — Крест наставил указательный палец Никите в грудь. — Ты понял, пидор противный, что это мы из-за тебя не улетели?

— Я не хотел... — беспомощно начал Никита, чувствуя уже, что договорить не дадут.

— Ты понял, сколько ты теперь мне должен? — нависал над ним Крест.

— Сколько?.. — испуганно выдохнул Кляпов.

— Сделаешь сегодня двадцать тюбиков. Не сделаешь — включаю счетчик. — Крест страшно подался вперед. — Да? Да? Нет? Да? Нет? Да?

— Да... — шепнул Кляпов и, обмякнув, закрыл глаза.

ЧАСТЬ II

Глава 17

Труд этот, Ваня, был страшно громаден...

Николай Некрасов

Василия разбудило робкое прикосновение к плечу. Первое, что он увидел, открыв глаза, были стеклянные корешки оборванных световодов, свисающие из бледно-золотистой пористой стены, и по корешкам этим ритмично, как в танце, бегали радужные отражения вспышек. Сами стены, понятно, не отражали ничего... Пузырек на днях из штанов вылезал — доказывал, что стены эти вроде бы впитывают свет. И запросто: чем их ни освещай — они все равно светло-соломенные...

Робкое прикосновение повторилось. Василий скосил глаза. Шестипалая опушенная серебристой шерстью лапка деликатно, но настойчиво поталкивала его в плечо.

— Никак жрать захотел? — потянувшись, через зевок осведомился Василий.

— Зать! Зать! — взволнованным чирикающим голосом подтвердил Телескоп. Нагнулся и с трудом приподнял за один конец кривоватый металлический штырь. Не удержал — и уронил с глухим стуком.

— Ничо, бывает, — утешил его Василий и сел в упругой невидимой выемке.

Глянцевитый черный кабель толщиной с мужскую голень выходил из овальной дыры в полу возле самой стены; поднявшись на полметра, скруглялся подобно нефтяной струе и далее тек в десяти сантиметрах над покрытием к центру помещения. Что-то он все-таки содержал в себе весьма ценное, потому что дотронуться до него никому еще не удавалось — некая сила встречала руку и отталкивала. Но если сложить его вот так, кольцом, то эта самая сила образовывала ложбинку, в которой было очень удобно спать...

Итак, Василий сел и с удовольствием стал разглядывать фартук, свисавший со стены тяжелыми чугунными складками. А что? Очень даже солидно смотрится... Четыре световода оборвали, пока выкроили... Кстати, как там с трубой? Василий оглянулся.

— Н-ни хрена себе! — вырвалось у него в следующий миг.

В центре округлого помещения, как и положено, произрастала целая рощица световодов. Главный из них — колонна полуметрового диаметра — замедленными толчками бесконечно гнал то ли вверх, то ли вниз тяжелые сгустки сиреневой мглы. Так вот, у подножия этой колонны, рядом с освежеванным участком кольцевой трубы, по которому, наращивая на него новую кожицу, ползали ремонтные улитки, к полу припал крупный пригорок нежного серебристого меха. Он заметно подрагивал и пялился на Василия без малого двумя десятками круглых, как пятаки, глаз.

Василий, несколько ошарашенный, повернулся к Телескопу.

— Ты их что, по всему потолку собирал?

— Зать! — чуть не подпрыгивая от нетерпения, повторил Телескоп.

Василий почесал в затылке.

— Ну ты даешь... Что я вам, универсам, что ли?

Он сбросил босые ноги на прохладное покрытие и, поднявшись, строго посмотрел в многочисленные глаза.

— Сачков буду гнать в шею, — предупредил он. — Такой у меня закон, ясно?

Несмотря на то что произнесено это было самым суровым тоном, пушистый бугорок облегченно защебетал и распался на восемь точных подобий Телескопа — таких же хрупких и

невероятно лупоглазых... Но до Телескопа им, конечно, далеко, с тайной гордостью отметил про себя Василий. Чистый, ухоженный — сразу видно, что домашний...

— Фартук тащи, — распорядился он.

В смятении Телескоп схватился за металлический штырь, но тут же бросил и растерянно уставился на Василия.

— Фартук! — сводя брови, повторил тот. — Что мы вчера с тобой весь день мастрячили?

Телескоп просветлел и кинулся к стене.

— Ат! Ат! — в восторге вскрикивал он, барахтаясь в рухнувшем на него фартуке.

Перед тем как надеть обновку, Василий полюбовался ею еще раз. Чтобы добыть на нее материал, они вчера ошкурили полтора метра большого кольца — Ромка присоветовал... Оказывается, если оборвать тонкий, как спица, световод тускло-серого цвета (рвать надо у самого пола, иначе до трубы не дотянешься), то он еще минут пять будет работать. Саму трубу не прорезает, а обшивку — насквозь. Главное, только себе что-нибудь не отхватить впопыхах...

Василий завязал тесемки фартука за спиной и, приосанившись, оглядел бригаду.

— Ломометр! — негромко приказал он.

Пятеро Телескоповых родственников, отпихивая друг друга, ринулись к металлическому штырю подлиннее. Помещение наполнилось сердитым чириканьем.

— Кувалдометр!

Остальные с писком набросились на штырь покороче, немедленно пришибли кому-то палец (пострадавший пронзительно заверещал) и гурьбой поволокли инструмент туда, где на сером пористом полу угадывалось, если присмотреться, светлое пятно скока.

— Ну, с Богом!..

Их выбросило дальше, чем обычно, — чуть ли не на середину улицы.

— Эх, мать!.. — восхищенно молвил Василий. — Прям разлив на Волге...

Такого красивого утра он еще здесь не видел: Бледно-золотистые громады возносились со всех сторон к влажно-сиреневому с жемчужными наплывами небу. И такое же небо сияло под ногами — словно рухнувший недавно ливень затопил ули-

цы, и вода стояла теперь, отражая подвижную жемчужно-сиреневую высь. В лицо веяло дождевой свежестью. Темные, едва приметные кляксы скоков лежали, как незатопленные участки асфальта...

Одно время Василий гадал, сами ли хозяева выбирают, какому сегодня быть утру, но потом заметил, что здесь вообще нет ничего одинакового: ни световодов, ни колонн — ничего. И утро здесь тоже каждый раз хоть чуть-чуть, но другое...

Перед домом (хотя поди докажи, что опора, возле которой тебя каждый раз выбрасывает, и есть твой дом!) делать сегодня было практически нечего. За ночь возникли всего две курбастенькие глыбы, с которыми бы и дедок справился. Вот пускай и справляется — дедку тоже лопать надо... А нам даже и неловко как-то с такой ерундой связываться...

Слегка вразвалочку Василий двинулся по блистающему покрытию, и взволнованный щебет за спиной напоминал ему утреннюю перекличку птиц, которых здесь, честно говоря, очень не хватало.

Из общего гвалта звонкими щелчками выделялось яростное «тьок! тьок!». Василий усмехнулся. Он знал, что означает этот возглас. Так в произношении Телескопа звучало русское слово «сачок».

— Телескоп! — сказал Василий, оборачиваясь. — Ты что тут из себя прораба корчишь? Тебя еще, по-моему, никто не назначал...

Телескоп притих, но все-таки продолжал идти с пустыми руками и вид имел начальственный. «В следующий раз дам ему фартук нести», — решил Василий.

Обогнув украшенный непристойным словом выступ, они свернули в узкий проход между башнями. Здесь тоже ничего из ряда вон выходящего не наблюдалось. На червеобразной глыбе, именуемой завалинкой, сидел и таращил бессмысленные мутные глаза Леша Баптист.

— Привет передовикам! — старательно выговорил он. — Спозаранку — на долбанку?

На Леше, как всегда, было что-то вроде пончо из толстого мутного целлофана, подпоясанного по низу живота обрывком мягкого световода.

— А ты, я смотрю, успел уже? — поздоровавшись, хмуро сказал Василий. — Тоже небось спозаранку?

Честно говоря, ему было неловко, что Телескоп и его орава видят кого-то из людей расхлюстанного и в нетрезвом виде.

— А фартук-то, фартук! — пропустив укоризненную фразу мимо мясистых малиновых ушей, восхитился Леша. — Ну ты прям Рабочий, тебе б еще Колхозницу!.. С серпом...

— Конечно! — сердито сказал Василий. — Если все время у Пузырька торчать да завалинку просиживать... На тебе хоть штаны-то есть?

— Штаны? — искренне удивился Леша. — Да это ж в самую чащу лезть — за кабелем! Какой-нибудь не тот световод перервешь — так и штанов не потребуется... А чо? Мужики не возражают, бабы — тем более...

Василий плюнул и, не желая с ним больше ни о чем толковать, зашагал прочь. Мимо Леши с писком и щебетом промаршировала лупоглазая команда Телескопа.

— Э! — ошеломленно позвал Леша. — Погодь!..

Василий обернулся.

— Слышь! А мартышки твои — они как? Тоже разного пола? Не проверял, нет?..

Василий плюнул вторично и свернул за выдающийся мыском уступ. Следом за ним уползла и вся процессия. Лом они волокли, как муравьи гусеницу. Со стороны казалось, что кривоватый металлический штырь отчаянно отбивается.

Скрылись... Леша приуныл и оглядел в тоске пустую улицу. Сломать что-нибудь да снова сходить к Пузырьку?.. Это ведь вставать, переться за железяками... Может, в долг нальет?..

Леша горестно подпер кулаком небритую щеку, отчего правый его глаз принял несколько монгольские очертания, а левый вытаращился еще сильнее. Половина верхней губы заворотилась в тоскливом оскале.

Приняв такой страхолюдный образ, Леша Баптист надолго оцепенел, пока наконец вытаращенный глаз его не уловил какое-то движение неподалеку. Тогда Леша сделал над собой усилие и навел уехавшее в сторону око на резкость. Плывущая цветными пятнами улица подобралась, стала рельефной, и в нескольких шагах от Леши прояснился высокий юноша с красивым исполненным меланхолии лицом. Обильные светло-русые волосы свободно падали на большие оттопыренные уши, скрывая их почти полностью. Из одежды на юноше были одни лишь короткие облегающие штаны типа балетного трико —

темно-серые, без единого шва, с приглушенным узором, напоминающим плетенку змеиного брюха.

— Во! И этот с обновкой! — подивился Леша. — Прям как сговорились...

— А кто еще? — равнодушно осведомился юноша.

— Да этот твой! Вася-мент! Такой, понимаешь, фартук себе оторвал!.. Не иначе трубу раскурочил... Мент-мент, а додумался...

Юноша хмыкнул и величественно отвесил нижнюю губу.

— Кто додумался? — с ленивым презрением переспросил он. — Это я ему насчет трубы посоветовал...

— Да ты что? — не на шутку обрадовался Леша Баптист. — Вот и я думаю: ну не может быть, чтоб он сам... Тупой он, Васька-то!.. Не иначе, думаю, Ромка подсказал... Парнишка-то сообразительный, все на лету хватает...

Несмотря на то что произнесено это было самым искренним и чуть ли не подобострастным тоном, русоволосый Ромка нахмурился и подозрительно покосился на неопрятного Лешу Баптиста.

— Так ты его видел, что ли?

— Да вот как тебя! — тараща глаза, заверил Леша. — Идет в фартуке, через губу не переплюнет... Мартышек этих набрал целый взвод, ломограф ему тащат... Ну мент же, ясно: лишь бы кем покомандовать!.. Патеха... — неожиданно приуныв, закончил Леша Баптист и снова пригорюнился.

— А ты вот молодой, талантливый, — с упреком сказал он вдруг. — Видишь же, сидит человек, мается... Нет чтобы сломать что-нибудь, ну хоть эту хренотень... Я б тогда к Пузырьку сходил поправился...

— Ты ж у него только что был, — сказал Ромка.

— Мало ли что... — уклончиво молвил Леша. — Ты молодой, ты этого не поймешь... Недобрал, понимаешь?

— Недоперепил, — сказал Ромка.

— Ой, ну Ромка! — подобострастно восхитился Леша и закашлял, засмеялся. — Ну скажет же!.. Слушай, тебе ж вот этот камушек... — Леша указал на ближайшую глыбу, имеющую вид узла со спрятанными хвостиками, — ...сломать — раз плюнуть! Тюк — и все дела! А? — Леша с надеждой уставился на бесчувственного Ромку.

Тот, кажется, даже и не слушал.

— А куда они пошли, не заметил? — рассеянно спросил он.

— Кто?

— Да Вася со своими...

Леша Баптист жалостливо скривился и долго смотрел на Ромку, укоризненно качая головой.

— Вот ты с ним дружишь, — назидательно проговорил он. — Фартуки кроить помогаешь... Лучше бы за Ликой за своей приглядывал. Смотри! Пока ты с ментом трубы на стороне курочишь, она тебе такой фартук скроит...

— А вот интересно, — проговорил вдруг Ромка, как бы не услышав последних слов Леши Баптиста. — На четыре тюбика твоя завалинка потянет?

— Э! Э! — встревожился тот. — Ты это... Ты так не шути!.. Ты... Но штаны у тебя, конечно, блеск! — поспешно сменил он тему. — Из чего ж ты их сделал, не пойму...

Ромка досадливо шевельнул высокой бровью.

— У малого кольца, знаешь, такая рогулька есть, в чехле, — небрежно объяснил он. — Так это чехол... — Он озабоченно провел ладонями по бедрам. — Только вот ужимаются сразу, как снимешь, — сокрушенно сообщил он. — Приходится на ночь их снова на эту рогульку натягивать...

— Так они ж к ней снова прирастут! — усомнился Леша.

— Не прирастут, — успокоил Ромка. — Кабель-то я отрезал...

— Ловко... — Леша в восхищении покрутил головой. — А Вася — он вон туда пошел, вон за тот угол... Ты ему покажись. Обязательно. Штаны-то, а? Ни у кого таких нет!

— Да он уж вчера их видел... — равнодушно сказал Ромка и поволок ноги в указанном направлении.

Леша Баптист дождался, когда он скроется, и с облегчением перевел дух.

— Ишь... — пробормотал он, ревниво оглаживая насиженную глыбу. — Завалинку ему... Я тебе дам завалинку...

— Дьот? Дьот? (Пойдет?) — с трепетом допытывался разведчик.

— Дьот, — сказал Василий. — Как раз то самое, что надо. Считай, что тюбик ты себе уже заработал.

Открытая разведчиком глыба напоминала выбеленный дождями череп доисторического чудовища с мощным наростом на затылке. Василий, хмурясь, обошел ее кругом, оглаживая выступы, как это делал непревзойденный Ромка, когда собирал-

ся ломать на спор такое, к чему никто и подступиться не решался.

— Так... — проговорил наконец Василий, останавливаясь. — Выступ-то мы, конечно, сколем... А дальше?

Он обошел глыбу еще раз и, поколебавшись, скомандовал:

— Кувалдометр!

Телескоп пронзительно перевел, хотя никакого перевода не требовалось — слово было знакомо каждому. Возбужденно чирикая и немилосердно мешая друг другу, лупоглазые помощники подтащили тот штырь, что покороче да поувесистей, и, подчиняясь властному мановению руки Василия, отбежали на безопасное расстояние, стали полукольцом.

— Никого с той стороны не осталось? — строго осведомился Василий. — Па-берегись!

Он откачнулся и, хакнув, как при рубке дров, ударил снизу. Глыба треснула — ровно выстрелила, и выступ, распавшись надвое, тяжко упал на покрытие. Лупоглазые кинулись на обломки и поволокли их в сторону. У кого-то в шестипалой лапке оказался осколок помельче, которым он немедленно начал молотить по одному из кусков. Ничего хорошего, правда, из этого не вышло — после второго удара хрупкое рубило рассыпалось в мелкую крошку.

Василий стоял перед выпуклым сколом и озадаченно чесал в затылке. Ясно было, что в эту точку бить можно до вечера — толку не будет. Цвет скола был белесоватый без никаких тебе радужных переливов (первый признак того, что чуть глубже располагается так называемая напряженка). Василий покружил около глыбы, трогая и обстукивая выступы, но так и не понял, где же она, зараза, может прятаться. Звук везде был глухой, поверхность — матовая, белесая.

Ну что ж! Если не знаешь, откуда начинать, долби сверху. Первое правило, когда имеешь дело с такими вот громадами... Василий прислонил кувалдометр к глыбе и полез наверх. Наверху тоже ничего глаз не радовало — череп и череп.

— Ломограф!

Приняв длинный заостренный штырь, Василий примерился и ударил. Похожий на матовое стекло материал кололся чуть лучше бетона.

«А, ладно! — решил Василий. — Не раскусим — так продолбим! В армии стены вон вручную сносили — и то ничего...»

Хакая, он вгонял лом в неподатливый утес, в фартук били осколки. Притихшие лупоглазы сидели внизу на корточках и встревоженно следили за единоборством Василия с глыбой.

«Конечно! — стискивая зубы, думал он. — Любой из вас так: не поддается — значит и черт с ней... Дедок говорит — одичали... Конечно, одичаешь, если упорства нету... А мы вот не так!.. Мы по-другому!.. Не поддается — а мы все равно долбим!.. И будем долбить, пока не поддастся!..»

Из-за скругленного угла бледно-золотистой опоры, высматривая, видать, глыбу полегче, вышел розовый седенький дедок Сократыч. Остановился и, чуть запрокинув голову, с восхищением стал наблюдать за титаном в фартуке.

— Доброе утро, Василий, — вежливо проговорил он. — Знаете, я, конечно, не скульптор, но будь я скульптором, то лучшей бы модели не пожелал. Вам в Петергофе место, право слово.

Василий ударил еще раз и остановился передохнуть.

— Здорово, Сократыч, — сказал он. — Там у меня возле дома два камушка — как раз для тебя. Тюбика по два, по три, не труднее. Только ты, слышь, не тяни, а то лодыри наши проснутся — ты ж их знаешь: что полегче — себе, а другие — хоть задавись...

Сократыч растроганно округлил голубенькие глазки.

— Спасибо, Василий, — сказал он. — Тогда я прямо сейчас и пойду, вы уж извините... Хотел бы составить компанию, но, как говорится...

— Так а зачем идти? — не понял Василий. — Скоком до «конуры», а оттуда уже куда угодно...

— Нет, знаете, я лучше так... — с вежливой улыбкой отвечал старичок. — Незачем ноги баловать. А то ведь не ровен час вовсе атрофируются...

Дедок ушел, и Василий продолжил долбеж, потихоньку уже сатанея. Стекловидная масса кололась с трудом, цвет по-прежнему имела матово-молочный, признаков напряженной зоны не было и в помине. День тем временем терял жемчужные тона, сирень выцвела, приобрела обычный серо-голубой оттенок.

— Привет, Вась, — раздалось совсем рядом.

Василий снова сделал остановку и посмотрел. Это был Ромка — с разочарованно отвешенной губой и приподнятыми бровями. Как всегда.

— Трудишься? — спросил он.

— Как видишь, — сердито отвечал Василий. — А ты чего же?

— А! — Ромка вяло махнул рукой. — Все на свете не раздолбаешь...

Василий оперся на лом.

— Не пойму я тебя, — сказал он со всей прямотой. — Такой тебе Бог талант дал! Камушки, можно сказать, насквозь видишь! Да будь у меня хоть половина твоего таланта, я бы... — И в избытке чувств Василий глубоко и отвесно вонзил лом в выщербленную вершину.

Склонив голову набок, Ромка без интереса разглядывал глыбу.

— А чего сверху бьешь? — спросил он наконец.

— А откуда бить?

— Вон туда тюкни, — посоветовал Ромка, указывая на неприметную вмятину в боку ущербного молочно-белого утеса.

Василий наклонился, посмотрел — и чуть не плюнул. Ну конечно! Она самая и есть. Напряженка. Он-то, как всегда, бугорки высматривал — напряженка обычно бугорками выпирает... А тут как раз вдавлина...

— Ладно, — буркнул он почти враждебно. — Каждый долбит, как ему сподручней. Ты — сбоку, а я вот — сверху...

— Как знаешь, — изронил Ромка и присел у стены на корточки.

Вот такого поворота Василий, честно говоря, не ожидал. Он-то думал, что Ромка пожмет плечами и пойдет своей дорогой, а он, Василий, дождавшись, пока тот скроется из виду, слезет с камушка и без свидетелей воспользуется мудрым советом. Теперь же оставалось одно — долбить дальше.

Василий стиснул зубы и вырвал глубоко вонзенный лом. С неприязнью покосившись на зловредного Ромку, размел ногой осколки — и сам себе не поверил. Под босой подошвой ласково круглилась заветная выпуклость. Напряженка. Вылезла, родимая...

Он выпрямился и победно развернул плечи. О такой возможности утереть нос самому Ромке можно было только мечтать. Василий выдержал паузу — и ударил.

Лучше бы он, конечно, вместо того чтобы паузы держать, подумал вот над чем: сам-то он теперь как спрыгивать будет? Но когда глыба грянула и стала рваться прямо у него под ногами, думать о чем-либо было уже поздно. Память сохранила

лишь первую секунду катастрофы. Сначала Василий провалился на метр вместе с середкой глыбы, а слева возник медленно и неодолимо кренящийся скол. Чисто инстинктивно Василий уперся в него кончиком лома и, надо полагать, угодил в еще одну напряженку, потому что скол как по волшебству покрылся сетью белых трещин и, страшно рявкнув в лицо, разлетелся вдребезги...

Просев в коленях, временно оглохший, закостеневший, с ломом в руках Василий оползал по склону двугорбого холма обломков. Вокруг, рассыпавшись кольцом, оцепенела лупоглазая команда Телескопа. Шерстка на зверьках стояла дыбом. Вскочивший с корточек Ромка беззвучно разевал рот и выразительно стучал себя по голове костяшками пальцев.

Василий прислушивался к ощущениям. Вроде цел... Морщась, поджал ногу и вынул впившийся в пятку мелкий осколок. Осторожно ступая, сошел на покрытие.

— Вот так вот... — сам себя не слыша, сказал он Ромке. — Мы, видишь, тоже не лыком шиты...

Глава 18

И ответил мне меняла кратко...

Сергей Есенин

Слух помаленьку возвращался. Словно из ушей вату вынимали — клок за клоком. Василий сидел на покрытии и озабоченно изучал уже запекшуюся дырку в пятке.

— Обувку бы придумать какую-никакую... — проворчал он.

— Ага! — сказал Ромка. — Латы тебе придумать. Как у рыцаря...

С тем и отбыл. Василий недовольно посмотрел ему вслед и поднялся с пола. Две надзорки, тихонько подвывая, въедались в оползающий холм обломков. Команда Телескопа яростно выясняла, кто из них заработал тюбик, а кто нет. Сердитые щелчки и трели так и сыпались. Мелькали розовые ладошки. Казалось, что кому-нибудь вот-вот выпишут затрещину.

— Что за шум, а драки нету? — строго осведомился Василий и вдруг осознал, что драк между пушистыми побирушками и впрямь никогда не бывает. А ведь ссорятся постоянно... То ли не принято у них, то ли надзорок боятся... Неужто им тоже щелчка дают — как людям?

Василий погрузил пятерню в нагрудный карман фартука (деталь, вызывающая особую гордость) и извлек авоську, сплетенную Машей Однорукой всего за десять капсул. В то время как уничтоженная глыба, насколько мог судить Василий, тянула тюбиков на двадцать с лишним.

— Телескоп! Ну-ка займись! — Не глядя, кинул авоську в сторону чирикающей толпы, а сам подошел поближе к съехавшимся лоб в лоб надзоркам и весь обратился в зрение. Чернильные, как бы облитые жидким стеклом корпуса механических тварей на секунду просветлели — и Василий озадаченно ругнулся. Так ему опять и не удалось подсмотреть, откуда же у них все-таки вылетают эти самые капсулы...

Как и предполагалось, каждая надзорка сыпанула на искристое покрытие не менее десятка тюбиков. Поразило другое: все тюбики были ярко-алого цвета. Возбужденный щебет оборвался. Приторный сироп, заключавшийся в алых капсулах, лупоглазые побирушки терпеть не могли.

Телескоп, развернувший авоську и уже пританцовывающий в радостном предвкушении, отпрыгнул и вздыбил серебристую ухоженную шерстку.

— Дьец! — щелкнул он.

— Телескоп! — Василий обернулся, грозно сведя брови. — Еще раз услышу — хвост надеру!..

Что такое хвост, Телескоп не знал, и поэтому слово наводило на него прямо-таки мистический ужас. Притих и принялся собирать капсулы в плетешок под разочарованное чириканье соплеменников.

— Ну чего приуныли! — прикрикнул на них Василий. — Бывает... Редко, но бывает. Сейчас выменяем у кого-нибудь... Да у того же Пузырька!

Бригада приободрилась. Телескоп уже волок битком набитую авоську.

— Значит, так, — распорядился Василий, беря ее за петли и с удовольствием взвешивая на руке. — Инструмент доставить домой... Телескоп, отвечаешь! Хоть одну железяку потеряете — никто ничего не получит. И ждать меня там. Все. Свободны.

Наверное, с педагогической точки зрения это было неверно. Власть тут же ударила Телескопу в пушистую головенку, и он, забыв о недавней выволочке, разразился пронзительной тирадой, в которой чередовались и «тьок», и «дьец» и чего-

чего только не чередовалось. Бригада засвиристела и кинулась к железякам.

Василий вздохнул, покачал головой и, подхватив увесистую авоську, бодро зашагал в сторону скока, выводящего в лабораторию Пузырька. Прикидывая на ходу нынешний курс обмена, он обогнул основание Клавкиной опоры, потом услышал непрывычно мягкие хрусткие удары, вскинул глаза — и остановился. Клавка крушила стену. Метра три соломенно посверкивающей вогнутой поверхности было уже изрыто. Справа от поврежденного участка одиноко красовалась глубоко выдолбленная буква «А». На покрытии вдоль фронта работ лежала гряда бледно-золотистой трухи.

С пеной у рта Клавка повернулась к Василию.

— А? — закричала она, вне себя тыча ломиком в еще незадолбленную букву.

«А», — чуть было не согласился Василий.

— Он думает, никто не догадается! — гневно грянула Клавка. На крепких ее щеках пылал румянец, отросшие за пару месяцев темные волосы растрепались. — Думает, все дураки! А то неясно, чьих это рук дело!.. Ну ладно! Я ему такое выдолблю!.. Прямо над завалинкой!..

Тут взгляд оскорбленной стеновладелицы упал на распертый алыми капсулами плетешок — и лицо ее просветлело.

— Ка-кое безобразие... — напевно, с наслаждением выговорила Клавка, опуская ломик и зачарованно глядя на свисающую до пола авоську. Подошла поближе и вскинула глаза, напомнившие Василию две пистолетные пули. Со свинцовыми скругленными головками. — Ведь это же надо!.. — горестно и проникновенно продолжала Клавка. — Трудился-трудился человек, а ему за все про все... По-вашему, это правильно?

От обращения на «вы» Василий несколько ошалел. Все-таки что ни говори, а Клавка была весьма непредсказуемой особой.

— Завезли людей черт знает куда — так обеспечьте! — Голос Клавки вновь налился силой, загремел. — Хозяева называется! Таких хозяев...

Внезапно Василию пришло в голову, что Клавка ведет себя подобно не слишком опытному осведомителю: поливает хозяев почем зря, к месту и не к месту, словно надеется, что какой-нибудь дурачок начнет ей поддакивать...

«По-свойски тебе говорю, — вспомнилась вдруг давняя зловещая фраза Креста, — кладет всех по-черному...»

Не то чтобы сам Василий шибко верил в эту ерунду, но по вошедшей в привычку осторожности тему он все-таки решил сменить.

— А ведь раньше-то, наверно, так ни разу не было — чтобы одним цветом выдавали... — заметил он. — Надо бы дедка спросить.

Услышав про Сократыча, Клавка мигом забыла и про хозяев, и про осквернённую стену.

— Да много он, ваш дедок, знает! — фыркнула она. — Дедок! Ему вон Крест однажды так дал, дедку вашему!..

— А за что, кстати? — полюбопытствовал Василий.

Клавка вдруг смутилась.

— Ну... Вы же знаете, Василий... — в затруднении заговорила она, поводя от застенчивости плечами. — Дедка, его же хлебом не корми — дай только какую дурь придумать... И вот он — представляете? — дошел до того, что сказал Кресту... прямо в лицо... будто камушки — это хозяйские... ну... экскременты, — чуть ли не с жеманством выговорила она.

— Эх, ни хрена себе!.. — пораженно выдохнул Василий.

— Ну вот... — интимно зашептала Клавка. — А у них же там, в зоне, это позор... Там же за такие слова и убить могут...

— Вот это дедок загнул!.. — Василий вдруг поперхнулся и заржал в голос. — Это ж какие должны быть хозяева!..

— Да вы что, сговорились сегодня все? — подивился Пузырек, комкая в ухмылке мудрое морщинистое лицо. — Этак вы мне сырья на неделю вперед натаскаете — чем расплачиваться буду?..

— Это ты о чем? — с подозрением осведомился Василий, опуская на пол плетушок с капсулами.

— У вас там что, одними красненькими сегодня зарплату выдали? — Пузырек глядел на авоську и озадаченно чесал в затылке. — Ты уж третий за сегодня...

В змеевиках уютно журчало и побулькивало, перепархивающие по стенам цветные блики время от времени проваливались стайками в черный пролом кладовки, обозначая на миг груду полупрозрачных бурдючков.

— А кто еще? — спросил Василий.

— Да сначала дедок три тюбика менять принес, потом Маша... — Пузырек присел на корточки перед расползшейся по полу авоськой. — Чего-то много у тебя... Камушка три раздолбал?

— Да нет, один, — не без тайной гордости сказал Василий. — А раньше так было? Чтобы только красненькими?..

— ...пятнадцать, двадцать... двадцать три. — Пузырек разложил капсулы пятериками, поднял голову и с уважением посмотрел на Василия. — Ну ты прям, как Ромка, долбать начинаешь... Чего ты спросил-то? Раньше?.. Да нет, раньше я что-то такого и не помню даже... Ну, бывало, половину серенькими выдаст... Но чтобы все одним цветом... Тебе какими менять-то?

— Да любыми, только лиловых не надо, ну их!.. Серенькими давай, можно желтеньких пару...

— Ну и правильно, — одобрил Пузырек. — Лиловые-то теперь — один к двум. Не знал?

— Было ж два к трем...

— Ну, было... — Пузырек недоуменно подвигал бровями, от чего кожа у него на голове тоже заездила вместе с волосами. — А теперь, веришь, почти совсем их не выдают. В чем дело — не знаю...

Пузырек собрал капсулы в пластиковый мешок и поковылял за световоды, где у него располагалась еще одна кладовка.

— Может, дедка спросить? — сказал ему в спину Василий.

Но тот уже скрылся за рощицей пульсирующих светом колонн.

— Спроси... — ворчливо и насмешливо донеслось оттуда. — Дедок, он все знает...

Минуты через полторы Пузырек вернулся и вытряхнул на пол из того же мешка груду салатных капсул и две нежно-лимонные.

— Вот, — сказал он, раскладывая их по порядку. — Семнадцать сереньких, две желтенькие (один к двум) и два тюбика за услуги...

— Это уж как водится, — вздохнул Василий, собирая капсулы в авоську. — А с других тоже за услуги берешь?

— Ну а как же... — уклончиво отозвался Пузырек. — С Маши вот взял...

— А с дедка?

Пузырек ухмыльнулся.

— С дедка возьмешь... Еще и сам добавишь, на него глядючи... Ты это... Сделку обмыть не хочешь? За счет заведения, понятно, — добавил он на всякий случай.

Василий было заколебался, но вспомнил расхлюстанного Лешу на завалинке и решительно мотнул головой.

— Спасибо. С утра не пью.

— Это правильно... — с уважением откликнулся Пузырек. — Я вон смотрю, у тебя и фартук новый... Сам делал?

— Сам... Ну и Ромка советом помог.

Пузырек чуть нагнулся, пристально разглядывая крепления лямок.

— А как карман прилепил? Шкурку-то, я вижу, с кольца ободрал...

— Пойдем покажу. — Василий увлек Пузырька к оплетенной змеевиком рощице световодов.

— Вот этот, серый, тоненький... — с увлечением принялся объяснять он. — Ты им еще бреешься. Ну вот... Рвать надо здесь. — Василий присел на корточки и ткнул в основание тускло-серой струны. — Сначала будет резать, а потом, не знаю, энергия, что ли, в нем кончается... Словом, не режет уже, а плавит. Просто момент ловить надо...

— Ага... — Пузырек покивал. — И ведь сообразили же, черти этакие! Ромка, наверно, докумекал? Как он там? Что-то давно не заглядывал...

Василий поднялся и сердито огладил чугунные складки фартука.

— Да ну его! — нехотя, с досадой проговорил он. — Смурной какой-то, ходит — баклуши бьет... С Ликой у него вроде все в порядке... Не пойму я эту молодежь! — признался в сердцах Василий. — Ну вот сам скажи, Пузырек: ну какого ему еще рожна надо? Все ведь есть!

Пузырек поскреб за ухом и лукаво прищурился в ответ.

— А помнишь, что сам поначалу говорил?

Василий крякнул и, надвинув брови еще ниже, решительно одернул фартук.

— Да это когда было-то? Просто не приглядeлся поначалу...

— А теперь, значит, приглядeлся?

Василий сердито посмотрел на Пузырька — и вдруг усмехнулся.

— Ладно... — проворчал он, доставая из авоськи три салатные капсулы. — Уговорил. Давай по колпачку — чтоб носился дольше...

Оба присели над парящим в воздухе кабелем, и Пузырек размотал горловину заветной туго налитой дыньки. Выпив, Василий долго молчал, хмурился, крутил задумчиво в пальцах пустой колпачок. Потом вдруг шумно хлопнул себя левой рукой по облитому фартуком колену и взглянул на Пузырька в упор.

— Ну, давай попросту, — прямо предложил он. — Чего крутить-то?.. Знаешь, что меня здесь купило?.. Порядок.

Пузырек хмыкнул.

— Ну вот, порядок... А дом на потолке?

Ответом были стальной прищур и ослепительная усмешка.

— Пузырек! Ты меня моими же словами не доставай... Здесь — порядок! Не бардак, как у нас, а именно порядок. Ну, давай считать... Заработал — получи. А не хочешь камушки долбать — сиди голодный. Скажешь, нет?

— Ну так вот я же не ломаю, — напомнил Пузырек.

— Да ладно тебе! Ты тоже пашешь. Может быть, даже больше других. Да если рабочему человеку не выпить после смены — это ж с ума сойдешь... Дальше! Надзорки. Что? Скажешь, плохо службу знают? Ну-ка, тронь кого пальцем — тут же щелчка тебе! Так?

— Так, — кивнул Пузырек.

— Лечение! — напористо продолжал Василий. — Ты хоть одного больного здесь видел? Маше Однорукой вон дома кисть трамваем по пьянке оттяпало. Так у нее здесь новая отросла! У дедка — зубы, как у молодого! Ты подумай! Где так еще о людях заботятся?

— А про Лику чего молчишь?

— А что Лика? — не понял Василий.

— Да морда у ней вся в прыщах была, когда она сюда прилетела... Так не поверишь — за день сошли. А теперь, видал, королевой ходит. Кожа — зеркало...

— Ну вот... Стало быть, еще и Лика... Так?

— Так-то оно так, — не унимался Пузырек. Любил он, любил такие разговоры. — Ну ты же сам говорил, Вась: мол, ломать — это не работа...

— Ты погоди. — Василий предостерегающе поднял тяжелую ладонь. — Что значит — не работа? Ты вообще знаешь, зачем мы эти камушки долбаем?

Пузырек моргнул.

— Не-ет, — с интересом глядя на Василия, сказал он. — Не знаю. А зачем?

— Вот и я не знаю! Но они-то... — Василий запрокинул голову и взглянул на заплетенный мерцающей паутиной невероятно высокий потолок. — Они-то — знают! Вот, допустим, работал ты на заводе, точил какую-то деталь. Тебе объяснял кто-нибудь, куда она идет, деталь эта?.. Да черта с два!.. Но раз они нас сюда выписали, раз они о нас так заботятся — то, значит, нужны мы им! А? Ну ты сам подумай, Пузырек...

Жмурясь от удовольствия, Пузырек покрутил головой и снова наполнил колпачки.

— Хорошо говоришь... — сказал он. — Ну а как же насчет баб? Баб-то здесь раз-два — и обчелся!

— Еще прибудут, — уверенно отвечал Василий. Насупился, покряхтел. — И знаешь... — добавил он другим голосом. — Честно тебе скажу: вот если бы Маша Однорукая пила поменьше — не глядя бы к ней перебрался...

— Да ты и так от нее не вылазишь, — заметил Пузырек. — Ну, давай по второй, что ли?

Выпили. Василий чинно поставил колпачок в воздух над кабелем, поднялся и достал из авоськи еще одну капсулу.

— На вот, для ровного счета. А я, ты уж не обижайся, пойду. Мне там еще со зверушками своими рассчитаться надо...

Рассчитавшись со зверушками, Василий отправился искать дедка Сократыча и нашел его сидящим на маленькой изящно изогнутой глыбе. Судя по всему, в таком положении Сократыч пребывал уже давно.

— Вот вас-то мне и нужно, Василий, — обрадовался он. — Скажите, как у вас дома обстоят дела с мебелью?

— С какой еще мебелью? — не понял тот.

Сократыч поднялся и, умильно просияв щечками, указал на глыбу.

— Верите ли, сижу на ней чуть ли не полдня. Все жду, кому предложить. Ломать, сами понимаете, жалко. Ну, сколько в ней? Ну, от силы пара тюбиков... Да вы ее переверните, переверните, Василий! Я бы и сам перевернул, да сил не хватает.

Василий, поднатужась, опрокинул глыбу выпуклой стороной вниз. В этом положении она напомнила ему подставленную в ожидании подачки пустую горсточку.

— А? — ликующе вскричал Сократыч. — Обратите внимание, она еще и качается! Причем не вправо-влево, а вперед-назад... Да вы сядьте, сядьте!

Василий сел и покачался. Действительно, было очень удобно.

— По-моему, такая роскошь стоит куда больше двух тюбиков, — заметил Сократыч.

— А как я его домой заволоку? — спросил Василий.

— Тоже продумал! Полдня сидел и прикидывал. Сначала вы заталкиваете ваше кресло вот в этот скок...

Василий озадаченно посмотрел на теневой овал, разлегшийся на светлом покрытии метрах в пяти от них.

— Ну и закину его на потолок...

— Правильно! — с улыбкой согласился Сократыч. — А там буквально в двух шагах еще один скок. И вы оказываетесь возле «конуры». А уж оттуда, сами понимаете, в любом направлении...

— Ага... — сказал Василий, соображая. — И сколько ты за него хочешь?

При появлении кресла Телескоп пришел в восторг, и Василию это решительно не понравилось. Вздыбив шерстку и раздув ноздри чуть ли не до размеров глаз, зверек кинулся к камушку и принялся с трепетом обхаживать его и ощупывать. Столь соразмерных себе глыб он, надо полагать, давно уже не встречал. Наслушав ладошками напряженку, издал победную трель и запрыгал к стене, где висели на крюках ломограф и кувалдометр.

— Телескоп! — остановил его Василий. — А по хвосту?

Телескоп притих и уставился.

— Значит, так, — веско промолвил Василий. — Камушек этот — не трогать. Даже если захочешь жрать...

— Зать... — еле слышно повторил Телескоп.

— ...к камушку не прикасаться! Сьок? (Усек?)

— Сьок!.. — растерянно отозвался Телескоп.

— Ну вот... — смягчившись, продолжал Василий. — И вообще вести себя прилично. У нас сегодня гость.

— Гость! — совсем по-человечески чирикнул Телескоп, вытулив на Сократыча выпуклые глазищи.

— Все-таки, согласитесь, Василий, — задумчиво заметил тот, в свою очередь разглядывая Телескопа с таким внимани-

ем, словно видел подобное существо впервые, — что гипотеза моя насчет ласок и кошек, кажется, весьма близка к истине... Кстати, мне показалось, или вы меня в самом деле зачем-то искали?

— Да как... — сказал Василий. — Ты, Сократыч, садись... Я чего хотел-то?.. На обед тебя хотел пригласить. Ну и выспросить кое-что...

Дедок Сократыч, уже откачнувшийся в кресле, растроганно округлил глаза.

— Знаете, Василий, — сказал он, уютно колеблясь вместе с камушком. — По-моему, только вы (да еще, наверное, Рома) единственные здесь люди, считающие, что за информацию надо платить... Так что вы хотели?

Василий снял с натянутого между световодами шнура авоську с тюбиками и присел над свернутым в кольцо кабелем.

— Да я насчет сегодняшнего... Как думаешь: с чего бы это нам с утра одними красненькими платили?

Дедок оживился.

— Думал, — сказал он. — Сам думал. Только... Василий! Не ждите от меня готовых ответов. Давайте порассуждаем вместе... Можно, конечно, предположить, что причиной всему — сами хозяева. Но это скучно. Это все равно что сказать: «Так было угодно Богу...» Никакой информации эта фраза, согласитесь, не несет... Благодарю вас. — Дедок приподнялся и принял из рук Василия гонорар за кресло. — Гораздо интереснее полюбопытствовать: а что еще из ряда вон выходящего случилось у нас за последние сутки? Все ведь, как правило, взаимосвязано, Василий...

— Из ряда вон выходящего?

— Ну да, — подтвердил дедок, наклонив глыбу-качалку вперед, чтобы оказаться поближе к разложенной Василием закуске. — Чего-нибудь этакого, знаете, небывалого...

Василий подумал.

— Н-ну, не знаю... Фартук вот вчера смастерил, а так... Не знаю.

— Фартук? — переспросил Сократыч и огляделся. — Вот этот? — уточнил он, устремив взор на свисающие со стены складки чугунного литья. — Точно, точно, вы же в нем глыбу ломали... И как же вы его смастерили? Из чего?

Василий объяснил.

— Ну вот видите! — победно вскричал дедок. — Я же говорю: все в этой жизни взаимосвязано! Вы наносите кольцевой трубе неслыханные доселе разрушения. В информационной сети хозяев немедленно возникают помехи. И как результат — надзорки начинают выдавать одни алые тюбики. По-моему, картина совершенно ясна...

Василий ошалело оглянулся на кольцевую трубу. По ней по-прежнему ползали похожие на улиток комочки слизи. Поблескивала стеариновыми наплывами тонкая свеженарощенная кожица.

— И надолго это, как думаешь? — спросил он, невольно понизив голос.

— Насколько мне известно, — задумчиво откликнулся дедок, — Леше Баптисту надзорка (это уже ближе к полудню) выдала три алых и два оранжевых тюбика. Надо полагать, по мере продвижения ремонта трубы эффект будет проявляться все слабее и слабее... Скажите, Василий, а кроме вас, еще кто-нибудь знает, как смастерить такой фартук?

— Ромка знает... Пузырьку еще сказал... А в чем дело?

— Так... — Дедок Сократыч уныло воздел седые бровки. — Просто хотелось бы знать, что нас там ждет в будущем...

Глава 19

Дано мне тело. Что мне делать с ним?..

Осип Мандельштам

— Ты что мне тут принес? — страшно осведомился Крест. — Это что?

Никита Кляпов облизнул губы и безнадежно посмотрел на пяток алых капсул.

— Так выдали... — выдавил он.

— По барабану мне, чем тебе выдали, понял? — Крест прищурился. — Иди меняй.

— Я пробовал, — уныло сказал Никита. — Никто не хочет. Говорят: сегодня всем так платили...

Крест осклабился, и Никита почувствовал, как опять накатывает эта отвратительная трусливая слабость, за которую он ненавидел себя всю жизнь. Волчья улыбка Креста, как всегда, лишила его последних сил. Сопротивляться было бессмысленно.

— Ну ты, бродяга... — задушевно сказал Крест. — Фуфло толкаешь? Тебе что, кранты заделать с фи-фуром?

Никита вскинул голову.

— А по-человечески можно?

Но это уже была даже и не агония. Никита огрызнулся устало, почти равнодушно. Видно было, что ему давно на все глубоко наплевать. В том числе и на собственное достоинство.

— Как? — Словно недослышав, Крест приставил ладонь к уху. — По-че-ло-ве-чески? Ну ты козе-ол... За человека себя стрижешь?

Он поднялся с воздуха над кабелем и с омерзительной ленивой вихлецой приблизился к положенной на пол дани. Босой ногой указал на капсулы.

— Все. С вещами на парашу! Свободен.

Никита затравленно посмотрел на эту ненавистную ногу, издевательски шевельнувшую пальцами, и нагнулся за неумело связанной сеткой. В следующий миг Крест сделал резкое короткое движение, и Никита дернулся, заслоняясь алыми тюбиками...

Как бы удивленный его испугом, Крест медленно отряхивал край короткой плетеной штанины. Кляпов стиснул зубы, повернулся к светлому пятну скока и, не зажмуриваясь, шагнул из колышащегося цветного сумрака в латунно посверкивающий день. Голова тут же закружилась, Никиту понесло, как пьяного, и он чуть было не налетел на поджидавшую его снаружи надзорку.

— Тебе-то от меня что надо? — с болью бросил он в глянцевое чернильное рыло каплеобразного чудища. — Что ты за мной по пятам ходишь?..

Тут ему пришло в голову, что это совсем другая надзорка — та, первая, проводила его до входа, а эта ждет на выходе. Никита горестно присмотрелся. Размеры — те же, а в остальном все надзорки одинаковы...

Пожал плечами, ссутулился — и побрел, сам еще не решив, куда идти. Надзорка потекла следом.

— Ну, в чем дело? — уже с надрывом спросил он, оборачиваясь. — Щелчка мне давать не за что — жизни я ничьей не угрожаю. Вы бы вон лучше Крестом занялись... Блюстители!..

На глянцевом рыле змеились блики. Казалось, что надзорка тревожно принюхивается.

Никита Кляпов с тоской запрокинул голову и посмотрел в серо-голубой зенит, стиснутый со всех сторон верхушками бледно-золотистых опор.

«Хорошо бы упасть оттуда... — внезапно подумалось ему. — Или туда... И не больно, наверное, — сразу в пыль разобьешься...»

А еще говорят: монтажники, если срываются с высоты, живыми до земли не долетают. Разрыв сердца на полдороге. Еще проще...

Движением, каким обычно поднимают за шиворот нашкодившую кошку, Никита поднял и встряхнул сетку с пятью алыми капсулами. Менять... Да для него было подвигом даже в долг попросить до зарплаты, а уж менять... Да и у кого? Пузырек, надо думать, до сих пор на Кляпова сердит за то, что зря поил... Уж лучше еще один камушек разбить — время прошло; может быть, они уже не только красненькими выдают...

Сопровождаемый бдительной надзоркой (прямо воронье какое-то!), Никита Кляпов свернул в проулок, где маячили две довольно сложные глыбы. Одна была больше, другая — изящнее.

«Да пошло оно все...» — цинично подумал Никита и, решительно подойдя к той, что изящнее, обнаружил вдруг, что левая рука у него давно уже ничем не отягощена. Он где-то оставил свой ломик!

Неужели у Креста? Никиту бросило в жар... Нет, слава Богу, не у Креста. Точно, точно... Он положил его на соседний камушек, когда собирал с пола капсулы... Ах, как плохо! Стащат, как пить дать, стащат...

Никита сорвался — и побежал к скоку. Надзорка рванула следом.

Подоспел он почти вовремя. Возле глыбы цепенел от радости пушистый лупоглазый зверек с ломиком в лапках. Судя по всему, он уже вволю налюбовался находкой и явно собирался сгинуть с нею в неизвестном направлении. Никита пал на него коршуном. Ломик в свое время достался ему в жестокой борьбе с самим собой и с некой узловатой железякой у основания главного световода.

Похититель был необычайно крупным — чуть ли не по грудь маленькому Никите. Застигнутый врасплох, он взметнул седую нежную шерстку и отпрыгнул к стене, причем

весьма неудачно. Латунно посверкивающая опора примерно с середины расседалась глубокой отвесно ниспадающей канавой, достигавшей внизу размеров рва. В эту-то глубокую вдавлину и отскочил лупоглазый, сразу отрезав себе все пути к бегству.

— Отдай! — задыхаясь, проговорил Никита и сделал шаг вперед.

Раздув зрачки во весь глаз, похититель истерически чирикнул, наежинился — и такое впечатление, что изготовился к бою. Никита струхнул. Невольно вспомнились байки о том, как ведет себя кошка, если загнать ее в угол...

«Ну его к черту...» — неуверенно подумал Никита Кляпов, но тут взгляд его снова упал на ломик. Отступить и открыть дорогу — означало потерять инструмент.

Лицо Никиты исказилось совершенно зверски, а пальцы сами собой медленно подобрались в кулаки.

— Дай сюда, козел! — срывающимся голосом потребовал Кляпов, глядя с безумием в выпуклые, как линзы полевого бинокля, глаза. — Кранты заделаю...

Трудно сказать, что именно поразило пушистого жулика — смысл слов или же интонация, с которой они были произнесены. Но так или иначе, а супостат затрепетал, бросил ломик и, вжимаясь горбиком в стену, начал потихоньку выбираться из вдавлины.

В свою очередь, сторонясь противника, Никита подступил к ломику и на всякий случай сначала поставил на него ногу. Лупоглазый тем временем, достигнув края вдавлины, подпрыгнул и, так вереща, словно с него черти лыко драли, пустился наутек. Кляпов с облегчением поднял инструмент и оглянулся, ища глазами брошенную во время поединка сетку с капсулами.

Возле глыбы с самым угрюмым видом маячила надзорка.

«Запросто мог щелчка получить...» — растерянно подумал Кляпов.

— А что мне еще оставалось делать? — бросил он. — Идти новый ломик выкорчевывать? Так там одни только тупые остались...

Надзорка не шевельнулась — как присосалась к покрытию.

Кляпов подобрал сетку и, подойдя поближе, определил ее вместе с ломиком на глыбу.

— Сволочи вы все-таки... — уныло сказал он надзорке. — Ну вот, смотри... — Он огладил молочно-белый выступ. — Скульпторы о таком изгибе и не мечтали! Того же Генри Мура возьми... Да у нас бы... Ну, не у нас, конечно, — на Западе... На пьедестал бы поставили! В каком-нибудь, я не знаю, Люксембургском саду... А я это должен ломать. Почему? Зачем это вам?..

— Добрый день, Никита! Вы что это, с надзоркой разговариваете?

Кляпов подскочил и обернулся. Перед ним, изумленно улыбаясь, стояла Лика — стройная, яснолицая. Бедра ее были до колен влиты в темно-серые брючки — без единого шва, с приглушенным змеиным узором. Кольчужно мерцала плетеная короткая безрукавочка.

— Д-добрый день... — в панике пряча глаза, пробормотал Никита. — Нет, я... Так, с самим собой... Д-досада, знаете, взяла... — Он отважился взглянуть на Лику. Та улыбалась.

— И что же вас так раздосадовало?

Положение у Никиты было довольно дурацкое. Не признаваться же в самом деле, что вел с надзоркой душеспасительные беседы, да еще и с искусствоведческим уклоном... К счастью, блуждающий взгляд его вовремя коснулся глыбы, где лежали отбитый у врага ломик и сетка с пятью капсулами.

— Да вот... выдали одними красненькими, — нашел он наконец оправдание. — Теперь менять надо...

Лика засмеялась.

— Боже, какие все-таки мужчины одинаковые! Можно подумать, вы вообще не различаете оттенков. Алые называете красненькими, салатные — серенькими...

«Вы, мужчины...» Кляпов был потрясен. Она причисляла его к мужчинам. То есть ставила на одну доску с Крестом, Василием, Ромкой... И даже не в этом суть! Она видела в нем человека. И с Никитой немедленно приключился приступ высокого, чреватого откровениями идиотизма.

— Лика! — взмолился он, чуть не схватив ее при этом за руку. — Я слышал, вы и сами художница. Значит, вы должны чувствовать это особенно тонко... Ну скажите: как такое вообще можно ломать?

Улыбка Лики несколько застыла, стала холодной и настороженной.

— Никита, — с легкой укоризной молвила Лика. — Это хозяева. Что вас удивляет? У них прекрасно все. Даже то, что идет на слом...

— Но зачем?!

Лицо Лики слегка затуманилось.

— Доверьтесь хозяевам, — многозначительно изронила она.

— Довериться... — глухо повторил Никита. — Я уже однажды им доверился. Когда влез в летающую тарелку...

Лика закусила губу и взглянула поверх головы собеседника, словно высматривая что-то вдали. Разговор становился все неприятнее и неприятнее...

— Знаете, Никита, — прямо сказала она, окинув его откровенно недружелюбным взглядом. — Вас, по-моему, просто обуяла гордыня. Я понимаю, вам здесь приходится трудно. Но поверьте, что во всех ваших бедах виноваты вы сами. Поймите: хозяева каждому воздают по заслугам...

Никита задохнулся и чуть отпрянул, заставив Лику удивленно округлить глаза. Сейчас он почти ненавидел ее — красивую, холеную, благополучную.

— И чем же я заслужил, позвольте узнать, — сам содрогнувшись при звуках собственного пронзительно-скрипучего голоса, начал он, — чтобы со мной обращались, как... как с этими... Как вы их называете?.. Побирушками!

— А не надо ставить себя с ними на один уровень, — отрезала она и, обогнув Кляпова, надзорку и глыбу, пошла, не оглядываясь, прочь.

«Видела! — наотмашь полоснула догадка. — Видела, как я тут воевал из-за ломика с этим... лупоглазым...»

— Значит, побирушка... — медленно проговорил Никита, глядя вслед Лике. — Ладно...

Он ссутулился и снова повернулся к молочно-белому валуну. Долго стоял, бессмысленно глядя на авоську и ломик.

— Да не буду я ничего менять... — безразлично сказал он горстке алых, как выяснилось, тюбиков.

Взял ломик и направился к стене опоры. Размахнулся как можно выше и нанес сильный колющий удар. Золотистая, словно набранная из латунных стерженьков стена оказалась куда менее прочной, чем те же глыбы. Ломик вошел в нее чуть ли не до половины.

«Вот и отлично... — с отвращением подумал Кляпов. — И забивать ничем не надо будет... А петлю можно из кабеля...»

— Свет посильнее сделай, — попросила Лика. — А то не видно ничего...

Маша Однорукая взяла железяку, отдаленно похожую на мощную кочергу без ручки, и выборочно перебила несколько световодов. В результате ритмичное биение стеклистых труб пошло на убыль, а две из них (не толще женского мизинца) вспыхнули, как раскаленные добела стальные прутья. Опору наполнил тихий шепелявый свист.

— На примерку — становись! — Маша была слегка под мухой — иными словами, в самом что ни на есть рабочем состоянии.

Пористые стены соломенных оттенков были сплошь увешаны кольцами, косицами и пучками Бог знает где вырванных с корнем кабелей и световодов. Иные из них отдавали фиолетовым, иные — вишневым, но в основном преобладали неопределенные серовато-мутные тона. На полу воздвиглась торчком полутораметровая глыба фаллических очертаний. Слегка уплощенная голова ее имела определенное сходство с женским торсом и была облачена в незавершенную разлохмаченную понизу плетенку.

— Пока только правый, — объявила Маша, извлекая из корзинки, висящей на растяжках меж двух светоносных стволов, что-то вроде гетры с подошвой. — Ну-ка, прикинь!

Однако Лика, взяв загадочный предмет туалета, примерять его не торопилась. Сначала она поднесла изделие к одному из раскаленных добела световодов, осмотрела, ощупала до последнего проводка, потом недоверчиво взглянула на Машу.

— А? — ликовала та. — Что б вы тут без меня все делали? Нет, ты глянь! Ты на подошву глянь!

— Она же плетеная была... — в недоумении выговорила Лика.

— Ну! — вскричала Маша. — То-то и оно, что плетеная! А теперь?

Теперь подошва была литая, цельная, вся в мелких бугорках. Околдованная зрелищем, Лика приблизилась к толстому смоляному кабелю и, присев на отвердевший вокруг лоснящегося ствола воздух, осторожно продела ладную ножку в плотное кольчужное голенище. Натянула почти до колена. Обувь была, мягко выражаясь, оригинальна, и все же это была именно обувь. Пальцы ноги — открыты, ступня — охвачена тугим плетением. Ближе к подошве проводки, словно расплавленные, каким-то образом сливались в плотную чернозернистую ткань.

Лика встала, топнула, призадумалась.

— А не растянется? — усомнилась она.

— Попробуй! — широко улыбаясь, предложила Маша. — Знаешь, как это делается? Во! — И мастерица торжествующе ткнула пальцем в глубоко взрезанный участок кольцевой трубы, где так и кишели слизняки, наращивающие на страшную рану новую кожицу. — Перво-наперво — что? Обдираешь до самого до железа. Ну и тут же наползают эти... сопливые... и давай трубу по новой обмазывать. Тогда берешь подошву вязаную — и туда! С одной стороны проклеят — переверни. И так раза четыре... Потом накладываешь проводки — и опять туда, к ним... А сплетешь — опять то же самое. Они тогда еще и вязку прихватят. А там, где проклеено, уже не тянется — проверяла... И пол такую подошву не проедает! А? — Мастерица подбоченилась. — Так бы сама себя в лоб и чмокнула — жаль, губы коротки! Кто еще, кроме Маши, додумается? Ну, Ромка твой... Штаны вон, вижу, сделал... Ничего штаны... Так ведь Ромка-то — лентяй! Все мужики лентяи... Ладно. Снимай давай, если по ноге.

— А левый скоро готов будет?

Маша прикинула.

— Дня через четыре... Я пока еще с подошвой вожусь.

— Вот если бы еще каблук... — мечтательно вздохнула Лика, берясь за голенище.

— Каблук! — хохотнула Маша. — Ишь ты чего захотела... Каблук ей! — Хмыкнула, задумалась. — А что ж ты думаешь? Вот выпью — и с каблуком что-нибудь соображу! Будешь тогда на каблуках ходить...

— Никиту сейчас видела, — обронила Лика, бережно освобождая ступню. — Смешной какой-то... Как ни встретишь — все ломает, ломает... Копит, что ли?

— Леша говорит, он Кресту сильно задолжал, — объяснила Маша. — Вот, расплачивается...

— Кресту? Не представляю...

— Задолжал-задолжал. А Крест возьми и счетчик включи...

— Господи!.. — с притворным ужасом сказала Лика, возвращая Маше Однорукой ее изделие. — Да послал бы он этого Креста куда подальше!

— Ну вот такой совестливый, значит...

— А по-моему, просто дурак!

— Ну так если совестливый... — резонно заметила Маша, снова бросая изделие в корзинку на растяжках.

Тихий глуховатый свист помаленьку смолкал. Концы порванных световодов уже нащупали друг друга и слились, образуя на месте стыка этакую рюмочную талию. Света в помещении стало меньше, стеклистые трубы помаленьку усиливали биение.

— А еще кто-нибудь обувь заказывал? — спросила вдруг Лика.

— Люська с потолка... Но не такую, на ремешках, попроще...

— Типа сандалий? Слушай... Тогда и мне тоже. Чтобы нос не задирала.

Маша ухмыльнулась.

— Не расплатишься...

— Расплачусь. — Лика задорно вскинула подбородок. — Мой-то — на что?

Ломик все-таки пришлось забивать на манер гвоздя. Стена колонны оказалась на изумление рыхлой. Вдобавок внутри ее, как выяснилось, сплошь и рядом имелись пустоты, в одну из которых ломик чуть было не улетел с концами.

Волей-неволей Никита посетил нежилую опору и, вернувшись с еще одной железякой, вновь приступил к делу. Встал на цыпочки и старательными точными ударами принялся загонять ломик в стену. Вскоре поймал себя на том, что боится промазать и угодить по пальцам, злобно ощерился, грянул с маху — и долго тряс ушибленной кистью. С угрюмой усмешкой подумав, что без техники безопасности даже здесь не обойдешься, снова перешел на частое точное постукивание.

Место он выбрал на этот раз правильное, без каких бы то ни было пустот. Ломик плотно вошел в стену на три четверти, металлическое жало высовывалось наружу с небольшим уклоном вверх. То что надо. Никита нагнулся, чтобы положить железяку, — и опять увидел надзорку. Продолговато-округлая чернильно-глянцевая тварь застыла в паре метров от Кляпова, явно наблюдая за происходящим.

— Похоронная команда? — отрывисто спросил Никита. — Не надоело еще?

Выпрямился, взялся неушибленной рукой за торчащий конец ломика и повис, поджав ноги. Заскрипело, застреляло стерженьками, но железо сидело в стене крепко. Однако не успел

Никита этому порадоваться, как раздался рыхлый хруст, металлический хвостик резко пошел вниз, и в следующий миг на покрытие грянулись ломик, килограмма полтора желтоватой трухи и сам Никита Кляпов. В опоре зияла глубокая рытвина.

«Как же они стоят вообще? — ошеломленно подумал Никита, невольно возводя глаза к потолку, в который на неимоверной высоте врастали золотистые колоссы. — Такая масса...»

Опять накатила тоска. Время шло, решимость убывала. Будь оно все проклято! Будь он проклят, весь этот дурацкий мир с его хрупкими стенами и гениально изваянными глыбами... с Крестом, с Ликой... с затаившимися неизвестно где хозяевами... Как просто дома: выбрал гвоздь потолще, вогнал в притолоку — и никаких тебе проблем...

Безобразное предчувствие охватило Никиту Кляпова: он потратит весь день на поиск верного способа, а когда наконец найдет, то будет поздно. Вернется жалость к себе любимому, страх перед смертью — и прочее, и прочее...

Он снова поднял глаза к глубокой, как от снаряда, выбоине. Стало быть, на улице не стоит и пробовать... Обидно. Хорошее было бы зрелище...

Никита машинально отряхнул подпоясанную световодом простынку, поднялся с пола и, прихватив на всякий случай обе железяки, поплелся к скоку, ведущему в одну из необитаемых опор. Ноги на покрытие ставил бережно, словно боялся расплескать отчаяние до срока...

...Внутри опоры тоже ничего глаз не радовало. Вот только разве что кабели, оплетшие стену... Никита подковырнул один из них ломиком, протиснул пятерню и, ухватясь, потянул. С хрустом отделившись от стенки, кабель провис до пола. Вдобавок оказалось, что растягивается он немилосердно...

Анекдот! Повеситься не на чем...

— Ну почему?.. Почему я еще должен... — Задыхаясь от весьма кстати нахлынувшей злости, Никита подошел к рощице световодов, влез на кольцевую трубу и пощупал стеклистые стволы. Одни обжигали холодом, другие — жаром, а те, что имели вполне приемлемую температуру, оказались удивительно скользкими. Даже если обмотать кабелем — все равно растянется и съедет...

Никита неумело выругался и в угрюмом раздумье присел на кольцевую трубу. Натянуть веревку между световодами, а к ней уже крепить петлю?.. Это на какой же высоте ее надо

натягивать? Взобраться, как по канату? Так ведь скользкое все, будто нарочно намылили...

«Да что я, собственно, дурака валяю! — осенило его внезапно. — Вон же «бритва»! Ромка ею трубы режет!..»

Вскочив, Никита обошел рощицу светоносных стволов и, взявшись за тускло-серую струну у самого основания, дернул. Та лопнула с коротким вскриком, и с таким же вскриком что-то оборвалось внутри самого Никиты. Обмер, выждал, когда отхлынет позорная мерзкая слабость, и, судорожно сглотнув, вызвал в памяти ненавистное лицо Креста. Плохо... Отчаяние и впрямь шло на убыль.

Да и черт с ним, с отчаянием! Обойдемся как-нибудь и без отчаяния. Тупенько так, обыденно... Чик — и все...

Никита присел и провел кончиком световода по чугунной шкуре кольцевой трубы. Оболочка расселась, как от удара бритвой.

«Ну вот, видишь, как славно...»

С жестокой усмешкой Никита Кляпов выпрямился и напоследок оглядел колышущиеся полотнища полусвета и соломенно поблескивающие стены в серых ветвящихся жилах. Потом ему в голову пришло, что у него в любом случае останутся в запасе несколько минут, чтобы вдоволь всем этим налюбоваться...

Осмотрел запястье, несколько раз сжал кулак, но вены так и не проступили... Или, может быть, сразу по горлу? Нет... По горлу почему-то страшно...

Никита отвернул лицо — и полоснул. Боли он не почувствовал — разрез, надо полагать, был не толще микрона. Пошевелил кистью, надеясь, что боль все-таки возникнет. Наконец решился взглянуть. Нигде ни царапины. Не веря, полоснул еще раз... Да что же это? Неужели сломалось?.. Нагнувшись, дважды чиркнул по кольцевой трубе. Чугунного цвета шкура расселась, расползлась крестообразно...

Сомнений быть не могло: оборванный световод резал трубы — и только.

«Болтуны... — с омерзением подумал Никита Кляпов. — «Осторожно!.. Палец отхватишь!..» Болтуны...»

Никита отшвырнул «бритву» и огляделся, стиснув кулаки. В окно пятиэтажки он уже прыгал. Когда выдирался из объятий... При мысли о кукле Маше Кляпова передернуло от омерзения.

Минутку, минутку... А если надеть на голову пластиковый пакет и обмотать шею световодом?.. Взять световод подлиннее — и мотать, мотать, пока хватит дыхания... А размотать он уже потом не успеет... Даже когда струсит — в последний момент... Решено.

Волоча за собой пятиметровый шнур, Кляпов вышел на перекресток между четырех опор. Следом катила осточертевшая надзорка.

«Хорошо, что мешок непрозрачный... — испуганно мыслил Никита. — Или плохо? Не знаю...»

Ему очень не нравилось, что он уже боится.

«Неужели не смогу?..»

Хотя бы попробовать...

Бросив ломик на покрытие, он надел на голову мешок, выдохнул и сделал первый виток по горлу. В следующий миг его подбросило, обдало жаркой болью, перед глазами закривлялись ярко-зеленые амебы — и Никита судорожным движением сорвал с лица липкий от пота пластик. Первое, что он увидел, было глянцевое чернильное рыло надзорки.

Лишь несколько секунд спустя до Никиты Кляпова дошло, что ему просто-напросто дали щелчка.

— Ты что? — заорал он на припавшую к покрытию тварь. — Сволочь ты поганая, ты что себе позволяешь? Я кого-нибудь трогал? Я чьей-нибудь жизни угрожал?..

Тут он запнулся, сообразив, в чем дело.

— А-а... — протянул Никита и жутко при этом оскалился. — Значит, и себя тоже нельзя?..

Он медленно нагнулся и подобрал с пола ломик.

— Ах ты мразь... — выдохнул он, занося железо.

Надзорка не двинулась с места и терпеливо снесла удар, а вот Кляпов руку себе так отсушил, что чуть не выронил ломик. Секунды три стоял, уставив безумные глаза на угрюмо неподвижную тварь, потом вдруг обессилел и побрел к стене. Присел, положив железку на колени, и вдруг истерически захихикал. Все правильно... По-другому с ним и быть не могло...

Одному Богу известно, сколько времени он просидел так под этой стеной, скорчившись и уткнув лицо в колени. Потом его вдруг оглушило пронзительное злорадное чириканье, и Никита нехотя поднял голову. Перед ним, встопорщив шерстку, бесновался давешний лупоглазый знакомец, чуть было не

похитивший утром его инструмент. А вскоре в поле зрения попал и Василий, с самым грозным видом направлявшийся прямиком к Никите.

— Ну? — спросил он, поворотясь к лупоглазому.

— От! От! — Зверек подпрыгивал и тыкал розовым пальчиком в кончик ломика.

Василий вгляделся, и в течение нескольких секунд его широкое смуглое лицо выражало только оторопь и ничего, кроме оторопи.

— Телескоп! — выговорил он наконец. — Это же не наш ломограф! Это чужой!.. Зой! Сьок?

— Зой... — растерянно чирикнул Телескоп, не сводя выпуклых глазищ с ломика. Сложное это понятие, должно быть, никак не укладывалось в его пушистой головенке.

Глава 20

Что нужно отроку в тиши?..

Велимир Хлебников

Днем гулкие светлые комнаты «конуры» теряли таинственность, и сквозное здание становилось похоже внутри на обычную городскую незавершенку: линолеум настелен, стены и потолки побелены, осталось навесить двери, вставить стекла — и сдавай под ключ. Сведенные гримасами предметы, разбросанные где попало, тоже, как это ни странно, не нарушали общей картины, поскольку решительно в нее не вписывались. Ночью — другое дело...

В одной из комнат второго этажа, примостясь на краешке твердой вечномерзлотной кровати, сидел задумчивый Ромка. Трехспальное ложе сияло полировкой, ласкало глаз нежными тонами квадратных подушек и немилосердно леденило задницу. Ромка не раз уже спрашивал Лику, как это ее угораздило сотворить декорацию-холодильник, но та вечно начинала плести в ответ что-то возвышенное и непонятное. Сама, короче, не знала...

— А вот фиг вам!.. — еле слышно выдохнул Ромка.

Закусил губу и снова сосредоточился.

Через некоторое время в том углу, куда был направлен напряженный взгляд Ромки, прямо из воздуха отвесно полилась

тоненькая серая струйка. Достигнув пола, она, однако, не растекалась лужицей, а оседала покатым холмиком.

Наконец Ромка расслабился, и струйка оборвалась. Поглядел исподлобья на окутанный белесым облачком бугорок и досадливо дернул краешком рта. Черт его знает, что такое... То ли гипс, то ли алебастр. Когда оно вот так первый раз посыпалось из воздуха, было даже забавно... Однако Ромка-то сейчас пытался намыслить сигарету! Одну-единственную, с белым (чтобы не отвлекаться на цвета) фильтром... Начал-то он, конечно, с пачки «Мальборо», но раз за разом все упрощал и упрощал задачу. Бесполезно. Из воздуха сыпался один только серый строительный порошок.

— Дьец... — расстроенно пробормотал Ромка.

По этажу давно уже разносились нетвердые и словно пьяные шаги босых ног. Потом дверной проем напротив заполнили бледные телеса куклы Маши. Раскинув объятия, безликое создание враскачку двинулось к Ромке на широко расставленных истончающихся книзу ногах. Надо думать, в понимании Леши Баптиста идеальная женщина должна была пробуждаться от сна как можно реже. Во всяком случае, кукла Маша большую часть времени лежала пластом, но если уж просыпалась... Мужчину чуяла — за семь комнат. Проверяли...

— Да ну тебя... — Ромка встал, отводя слабую четырехпалую ручку. На голом лбу Маши четко была оттиснута вдавлина от рукоятки пистолета. И Ромка вдруг пожалел, что не боится больше этой куклы. Испугаться бы, кинуться снова наутек, упасть с бьющимся сердцем на покрытие... Жить было скучно.

Он подошел к оконному проему и угрюмо взглянул на опоры, издали напоминавшие золотистые облачные башни, громоздящиеся чуть ли не до самого зенита. Сзади снова зашлепали босые ноги. Ромка разозлился, приготовился стряхнуть с плеч нежные пальчики, но кукла Маша у него за спиной так и не возникла. Обернувшись, он увидел, что комната пуста.

Не иначе, где-нибудь поблизости объявился более притягательный мужчина. Ромка снова взглянул в оконный проем и заметил, что возле угла «конуры» кто-то стоит. Подался чуть вперед, чтобы разглядеть получше, и его немедленно выбросило у первого парадного — как раз за округлым плечом Леши Баптиста.

Уловив движение, Леша стремительно обернулся. Чудо чудное — на этот раз он был трезв как стеклышко. Естественным путем так быстро очухаться нельзя — стало быть, нарвался на надзорку... Увидев Ромку, почему-то испугался, глаза забегали.

— Куда это ты? — полюбопытствовал Ромка.

— Мимо шел... — выдавил Леша и в самом деле направился к ближнему углу «конуры». Скрылся.

Ромка недоуменно посмотрел ему вслед и снова повернулся лицом к пятиэтажке. Постоял, подумал... Попробовать, что ли, еще раз? Он вошел в подъезд, миновал первую площадку — и остановился. Навстречу ему по лестнице спускалась Лика.

— Так я и знала, что ты здесь, — сообщила она, тоже останавливаясь. Губы ее сложились в насмешливую улыбку. — Цемент на втором этаже — надо полагать, твоя работа?

— Может, я бетонировать что-нибудь собираюсь! — недружелюбно отозвался он.

— Да, конечно. — Она кивнула. — Бетонировать. Можно еще ручное рубило вытесать. Или каменный топор... Когда же ты поймешь, Рома? «Конура» — это пройденный этап. Это просто наглядное доказательство, что человек — сам, без помощи хозяев — не может ни-че-го. Даже если ему предоставить все возможности...

Ромка бочком присел на ступеньку и снизу вверх взглянул искоса на Лику.

— Но я тебя уже довольно хорошо знаю, — продолжала она, нисходя по ступеням, — и ни в чем переубеждать не собираюсь. Такой уж ты человек, что, пока сам не набьешь себе шишек, ни во что не поверишь. Горку цемента ты уже намыслил. Действуй дальше...

Ромка подвинулся, и Лика присела на ту же ступеньку. Положила руку на его облитое змеиной кожей колено.

— Рома, что с тобой? — участливо спросила она, заглядывая ему в глаза. — Ты как-то странно себя ведешь в последние дни... Ты чем-то недоволен?

— Да нет... — полуотвернувшись, ответил он. — Всем доволен... Скучно.

— И со мной тоже скучно?

Застигнутый врасплох Ромка издал озадаченное покряхтывание.

— Нет... С тобой — нет...

Лика язвительно улыбнулась.

— Ну и на том спасибо... А я уж чуть было не подумала, что ты мне тут с куклой Машей изменяешь.

— Знаешь, что? — обидевшись, сказал Ромка и дернулся встать. — Сама ты... Может, ты с Лешей Баптистом мне это... изменяешь!..

— Ой, какая прелесть! Первая сцена ревности! — Лика забила в ладоши. — Хотя, позволь... — Она запнулась. — Почему именно с Лешей?

— А он сейчас у подъезда кого-то ждал, — объяснил Ромка.

— Леша? У подъезда? Странно... — Кажется, Лика и впрямь была озадачена. — Да ладно, Бог с ним... Слушай, я вот зачем тебя искала, — сказала она, вновь становясь серьезной. — Мне с Машей Однорукой расплачиваться — за сапоги и за сандалии... А кладовка почти пуста...

Ромка закряхтел.

— Н-ну... — страдальчески выговорил он. — Ближе к вечеру что-нибудь раздолбаю...

Лика, изумленно отодвинувшись, глядела на него во все глаза.

— Что-то все-таки с тобой происходит... — вымолвила она наконец. — Я понимаю, медовый месяц кончился, пошла притирка... Но почему я должна напоминать тебе об элементарных вещах? Ты — мужчина, добытчик...

Ромка встал.

— В чем дело? — всполошилась Лика и тоже встала.

— Ни в чем, — буркнул Ромка. — Просто мать так всегда говорила. Отцу.

Вернувшись на второй этаж, Ромка выбрал совершенно пустую комнату и, сев в углу по-турецки, попробовал установить внутреннюю тишину. Вскоре достиг желаемого и осторожно вызвал в памяти образ сигареты «Прима». Все. Проще уже ничего не бывает...

— А вот фиг вам... — шепнул он заветное свое заклятие и уже собрался рывком напрячь воображение, когда его отвлекли какие-то посторонние звуки. Недовольно поднял голову. Нет, определенно кто-то еще шастал по второму этажу. Позориться при свидетелях Ромке не хотелось. Он поднялся на ноги и прислушался. Похоже, баловались с куклой Машей...

Ромкину хандру мгновенно как корова языком слизнула, и, распялив рот в восторженной улыбке, он двинулся на звук. Накрыть кого-нибудь в момент интимной близости с куклой Машей считалось верхом остроумия. Все равно что застращать ночью в «конуре» только что прибывшего новичка.

Беззвучными перебежками Ромка миновал три комнаты и затаился.

— Дура ты, дура... — горевал тихонько за стеной голос Леши Баптиста. — Не брыкалась бы тогда — да разве б ты такая вышла?.. Ожила вот, полезла раньше времени... Эх, дурочка...

Ромка почувствовал, что кожа на голове шевельнулась. Будь у него волосы чуть покороче, они бы неминуемо встали дыбом. Удалялся он оттуда на цыпочках, то и дело оглядываясь и мягко налетая на косяки. Подслушивать такое было страшновато... А это подчас куда хуже, чем просто страшно.

Пронизав этаж чуть ли не до следующего лестничного колодца, он услышал знакомое чириканье и вскинул глаза. Кажется, пятиэтажка помаленьку становилась чуть ли не самым людным местом. В проеме, выводящем на площадку, уставив по-бычьи выпуклый лоб, стоял и смотрел на Ромку недовольный и чем-то, видать, озабоченный Василий. Вообще-то с такими лицами приходят арестовывать.

Из-за косяка выглядывали клок нежной серебристой шерстки и выпуклое испуганное око. Сойдет за понятого...

— Чего там? — хмуро спросил Василий, заглядывая за узкое Ромкино плечо.

— Ничего... — ответил тот, облизывая губы. — Так...

— А чего глаза, как у Телескопа?

— А!.. — Ромка как можно небрежнее махнул рукой.

Докапываться до истины Василий не стал. Не до того ему было.

— Лику сейчас встретил, — хмуро объяснил он свое появление в «конуре». — Сказала, ты здесь сидишь...

После этих слов глаза у Ромки и вправду стали как у Телескопа.

— Нажаловалась? — восторженно ахнул он. — В ментовку?

— Да иди ты на хрен! — рявкнул Василий. — Нажаловалась!.. Я спросил — она сказала... Ты вообще знаешь, какие у нас там дела делаются? Никита голодовку объявил!..

Сгоряча раздолбали столько, что Василий вынужден был закинуть сильно растянувшуюся авоську, как мешок, через плечо. Это при том, что добрая половина тюбиков оказалась алого цвета и ее пришлось отдать Сократычу — обменяет потом...

Сопровождаемая взбудораженным Телескопом, троица спасателей стремительным шагом приближалась к тому месту, где вот уже третий час подряд голодал Никита Кляпов.

— А если не уговорим? — озабоченно спросил Ромка.

— Значит, сами слопаем! — отрубил Василий. — При нем! Живо аппетит проснется!..

— Как-то неловко, знаете... — подал исполненный сомнения голос малость поотставший дедок. Ему было довольно трудно угнаться за мощным Василием и длинноногим Ромкой.

— Неловко... Неловко штаны снимать через голову!.. Ты имей в виду, Сократыч: на тебя сейчас вся надежда! Лучше тебя мозги ему никто не запудрит... А! Вот он, страдалец хренов...

Никита Кляпов полулежал, привалясь лопатками к стене опоры и далеко выставив босые косолапые ступни. При виде спасательной команды он не двинулся — лишь слабо шевельнул глазом.

— Голодающему Поволжью!.. — буркнул Василий, скидывая с плеча сетку и присаживаясь рядом. — Располагайтесь, ребята... Ну и кому ты чего хочешь доказать?

Кляпов шевельнул глазом в сторону набитой капсулами сетки.

— Зря... — изронил он и прикрыл веки.

— Ты думаешь, это мы тебе, что ли? — сказал Василий. — Хрен там!.. Это мы сами перекусить собрались. А заодно на тебя на дурака посмотреть... Чего ты добиваешься-то?

— Умереть хочу, — проговорил Никита Кляпов, и в горле у него что-то пискнуло.

— Так, а в чем проблема? Разгонись — и головой в глыбу!

Никита встрепенулся и открыл глаза. Даже слегка приподнялся на локте. Посмотрел с надеждой на Василия, на отдаленную россыпь молочно-белых глыб... Потом обессилел разом и снова прилег.

— Не допустят... — равнодушно вымолвил он. — Я уже задушиться пробовал — щелчка дали...

— И правильно сделали! — убежденно проговорил Василий. — Дураков учить надо. Вместо того чтобы Креста просто взять и послать — он душиться вздумал!..

— Да при чем здесь Крест?.. — Кляпов поморщился — еле-еле, словно экономя силы.

— А кто же? — опешил Василий.

Кляпов закрыл глаза и долго не отвечал.

— Я не хочу ломать... — еле слышно молвил он наконец.

— Устал, что ли?

Никита презрительно скривил рот и не ответил.

— Он говорит: это произведения искусства, — пояснил Ромка.

Василий крякнул, почесал в затылке и взглянул на Сократыча. Выручай, мол...

— Никита, — с трепетом обратился к голодающему дедок Сократыч. — Вы в самом деле полагаете, что камушки — это что-то вроде скульптур?..

Ответа не последовало, но дедок в нем и не нуждался.

— Ах, какая прелесть... — выговорил он и потер ладошки, как перед трапезой. — Иными словами, перед нами две версии. Первая: хозяева — гуманоиды, и тогда мы, стало быть, имеем дело в лице камушков с искусством абстрактным...

— Ох, гоняли когда-то за эту самую абстракцию... — ворчливо заметил Василий. — И правильно, кстати, гоняли! Вот еще дурь-то полосатая...

Дедок Сократыч резко выпрямился и повернулся к Василию. Голубенькие глаза его мистически вспыхнули.

— Вы хотите сказать, Василий, что хозяева таким образом тоже ведут борьбу с абстрактным искусством? — озадаченно спросил он. — Конфискуют скульптуры... и отправляют их сюда, к нам?

Недвижно лежащий Никита зажмурился и тихо застонал. Сократыч поглядел на него с интересом.

— Не спешите стонать, Никита, — утешил он. — Предположение, конечно, остроумное, но не более того. Какое-то оно, знаете, больно уж простенькое... человеческое больно...

Пристально взглянул на авоську с капсулами, поколебался, не взять ли одну, потом перевел взгляд на голодающего — и решил воздержаться.

— Гораздо интереснее вторая версия, — бодро сообщил он. — Хозяева — негуманоиды. В этом случае перед нами опять

возникают два варианта. Либо хозяева все-таки приверженцы абстрактного искусства, либо (и этот вариант мне как-то ближе)... либо они — реалисты! То есть камушки — это изваяния, изображающие наших с вами хозяев.

— Так они же все разные! — возмутился Ромка.

— Разумеется, — согласился дедок. — И это наводит на мысль, что постоянной формы хозяева не имеют. Как, скажем, амебы.

— Так они и по размеру разные!..

— Ну, Ро-ома... — укоризненно молвил Сократыч. — Вашу статую тоже можно сделать и с палец размером, и с эту вот колонну... Хотя... — Он призадумался, прищурив глаз и закусив губу. — Знаете! А вполне возможно, что они ваяют самих себя именно в натуральную величину. То есть маленький камушек — это как бы портрет ребенка...

Никита скрипнул зубами. Сократыч испуганно замер.

— Слу-шай-те... — потрясенно выдохнул он. — Так, может быть, еще проще?.. И это, кстати, не противоречит тому факту, что раньше камушки были помельче... Не монументализм, а просто акселерация!

— Дед!.. — приглушенно взвыл Василий.

— Сейчас объясню, — заторопился Сократыч. — Суть предположения такова: камушки — это не копии хозяев. Это оригиналы.

Он сделал паузу. Все, включая Никиту, смотрели на него, жалобно приоткрыв рты.

— Боже мой! — искренне огорчился дедок, видя такое непонимание. — Да все же просто! Камушки — это мумии усопших хозяев. Как бы окаменелости!..

Ромка взвизгнул и захохотал, ударяя себя ладонью по худому узловатому колену. Никита вскочил.

— Да что же это такое?! — плачуще выкрикнул он. — Дайте спокойно умереть с голоду!..

Смех оборвался. Никита упер подбородок в грудь и, немилосердно косолапя, устремился вдоль стены. Простынка на спине и на заднице Кляпова была почти уже насквозь проедена жадным мелкогубчатым покрытием. Дошел до угла — и канул.

Несколько секунд никто не мог выговорить ни слова.

— Слушай, дед! — повернулся наконец Василий к Сократычу. — Ну ты хоть соображай, что говоришь! Видишь же — интеллигент! Так с ним помягче надо, побережнее... А ты! Я не

знаю... Меня и то замутило, когда ты про покойников начал! Ты из нас-то могильных червей — не надо, не делай... Обидно, знаешь...

Он засопел и хмуро глянул на золотистый выступ, за которым скрылся Никита.

— Догнать? — предложил Ромка.

— Да ладно... — буркнул Василий. — Все равно он сейчас ничего слушать не будет... Сколько он уже голодает? Часа три? Вот пусть пару деньков помается, а там посмотрим...

— Н-да... — печально молвил Сократыч. — Конечно, Василий, вы правы... И, главное, убежал-то зря! Ни к черту ведь версия-то! — Хрупкая старческая ладошка взмыла в направлении гряды довольно мелких глыб. — Не может же у них быть, в самом деле, такой детской смертности...

Бочком подобрался взъерошенный Телескоп, о котором в пылу разговора забыли напрочь, и первым делом стянул из сетки тюбик. Все это время он ошивался поблизости, сердито чирикая и выжидая, когда наконец Никита уйдет. Вот дождался...

— И вообще, — расстроенно сказал Василий. — Даже если статуи... Чего их ломать, спрашивается?

— Бракованные, — предположил Ромка.

— Хм... — задумчиво молвил Сократыч, как бы машинально извлекая капсулу из авоськи. — Вы полагаете?.. А ведь вполне вероятно. Помните, когда-то в продажу поступали бракованные стаканы из напряженного стекла? Чуть дотронешься — стакан вдребезги... Так что, знаете, Рома... Весьма, весьма возможно, что так называемая напряженка в камушках — это тот же брак... И, обратите внимание, как сразу увязываются все концы с концами! Брак — стало быть, надо уничтожить. Произведение искусства — стало быть, уничтожать нельзя. Единственный выход: пригласить существо без моральных запретов, и оно мигом все расколотит, даже не задумываясь... Хотя... При их технологическом уровне — и такой процент брака?..

Сократыч с задумчивым видом отбросил оболочку. Василий вздохнул и тоже взял капсулу. Ромка подтянул сетку поближе и долго ворошил тюбики пальцем, выбирая нечто особенное.

Из-за противоположной опоры, воинственно размахивая пластиковым мешком, вылетела растрепанная деловитая Клав-

ка. В мешке погромыхивало что-то железное. Поравнявшись с закусывающими, правдоискательница вдруг остолбенела и уставилась на них в злобном изумлении.

— Совсем обнаглели! Ну ни стыда, ни совести!..

Плюнула и пошла дальше.

Трое переглянулись недоуменно и наконец сообразили поднять глаза на стену. Там, приблизительно на высоте человеческого роста, красовалась нервной рукой выбитая надпись: «Это — голодовка!»

— Слушай, уйдем отсюда на фиг! — взвился Ромка. — Позориться еще...

Они подхватили пожитки и перешли на другую сторону, где теснились некрупные глыбы. Одну из них, приземистую и плоскую, использовали вместо скамьи.

— Слышь, дед, — сказал Ромка, ухмыльнувшись. — Вот тебе еще одна гипотеза. Колонны видишь? Ну вот, это и есть хозяева!..

Сильного впечатления Ромкина шутка на Сократыча не произвела.

— Как ни странно, Рома, — ответил он, смакуя глоток за глотком содержимое нежно-лимонной капсулы, — когда-то я вполне серьезно рассматривал такую возможность...

— Да ладно вам чепуху-то молоть, — нахмурился Василий. — Мы ж в них живем, в колоннах!

— А вот это возражение как раз неубедительно, — заметил дедок. — В человеке тоже много чего живет. Аскариды, цепни...

Василий поперхнулся.

— Знаешь, Сократыч! — сказал он, прокашлявшись. — Я смотрю, у тебя прямо страсть какая-то людей унижать. То с кошками сравнишь, то...

— Василий, — ласково улыбнулся в ответ дедок Сократыч. — Успокойтесь. Эта гипотеза тоже критики не выдержала. Хотя было время, когда она казалась мне довольно убедительной...

— Чего ж в ней убедительного? — не понял Ромка. — Мы ж им то кабель оторвем, то трубу ошкурим...

— То есть причиняем вред? — уточнил дедок. — Ну а разве человек подчас не вредит своему здоровью? Причем делает это со вкусом, с удовольствием! Курит, пьет...

Ромка засмеялся.

— Это мы, значит, отрываем им кабель, а они кайф ловят?

— Айф!.. — тихонько чивикнул из-за камня Телескоп, не иначе, чтобы лучше запомнить новое слово.

— Н-ну... Примерно так. Однако, повторяю, от этой версии я уже давно отказался.

— Теоретики... — проворчал Василий. — Дом как дом. Дверь есть? Есть. Значит, дом...

— Под дверью, я так понимаю, Василий, вы имели в виду скок?

— А то что же!

— Так вот, возможно, вы этого еще не знаете, но у Маши Однорукой дома целых два скока. Да-да, два входа и два выхода! И напрашивается мысль: если есть колонна с двумя скоками, то где-то найдется колонна вообще без скока... Колонна, попасть в которую невозможно никоим образом. Мне вот, например, кажется, что скоки возникают как побочный эффект работы этих... — Сократыч широким жестом обвел золотистые побледневшие под вечер громады, — ...ну, скажем, кабелей.

— Ни хрена себе кабели! — возразил Василий. — В кабелях разве живут?

— Позвольте-позвольте! — в свою очередь возразил Сократыч. — Возьмем трубы или, скажем, открытую электропроводку. Там зачастую селятся... Да те же тараканы!..

Василий гневно раздул ноздри. Мало ему кошек и аскарид — теперь еще и тараканы, которых он всю жизнь терпеть не мог!

Но, к сожалению, Сократыч не видел в этот миг лица собеседника. Похоже, дедка опять осенило.

— Вот ведь странно... — задумчиво молвил он. — Раньше я как-то над этим никогда не задумывался. Ведь летающие блюдца до сих пор не завезли сюда ни одного иностранца. Обратите внимание — одни русские...

Василий встал. Лицо его было страшно.

— Знаешь, дед! — проскрежетал он со всей прямотой. — Мне иногда тоже хочется тебе одним ударом все зубы выбить!

Повернулся и пошел. Растерянно щебечущий Телескоп пустился следом.

— Ну вот... — уныло молвил поникший дедок Сократыч. — И не дослушал, главное... Я ведь к чему вел-то? Что мирков таких, наверное, несколько, и хозяева, видимо, подбирают для каждого людей одной национальности... Для простоты общения...

Ромка веселился от души.

— Да ну его! — сказал он. — Давай, дед, гони дальше. С тобой хоть не соскучишься...

С печальной улыбкой дедок Сократыч слез с глыбы.

— Нет, знаете, Рома... — удрученно молвил он. — Вы уж не обижайтесь, но я лучше пойду. Все-таки что ни говорите, а замолчать вовремя — это великое искусство...

Глава 21

Голодали, как гидальго.

Марина Цветаева

Дождавшись ночи, Никита Кляпов вновь перебрался под выбитую им надпись. Проулки наполнил прозрачный сумрак. Мерцало гладкое серое покрытие, похожее на небывало чистый и ровный асфальт. Колоссальные, как айсберги, опоры были, казалось, слабо подсвечены изнутри. Несколько раз округлыми сгустками мрака к Никите подкатывались надзорки и, изучив босые косолапые ступни, отъезжали. Надо понимать, криминала в голодовке не было...

Желудок помаленьку сокращался. Ощущение — болезненное, но, постоянно недоедая, Кляпов привык к вечному чувству легкого голода, как, наверное, привыкают к ломоте в суставах. Только вот лежать без движения обернулось для Никиты удивительно трудным занятием. Руки откровенно и бесстыдно тосковали по ломику. Так и подмывало встать да разбить пару глыб. «Привык... — с горечью мыслил Никита. — Интересно, у отставных палачей — то же самое? Дремлет небось в кресле, а сам тоскует: заняться бы делом, намылить веревку...»

Спать не хотелось. Да оно и к лучшему. Сны Никиту в последнее время одолевали дурные. Лучше уж полежать, подумать...

Улицу стремительно и бесшумно пересекла наискосок косматая пыльно-серая тень. Приостановилась, просияла парой совиных глаз и попятилась, прижимая к груди что-то блеснувшее металлом. Веки Никиты были полуприкрыты, и зверек, должно быть, счел его спящим. Любопытство одолело, и лупоглазый стал подбираться поближе к прилегшему у стены человеку. Никита слегка приподнял голову. Зверек замер. Со-

кровище, прижимаемое к пушистой шерстке, имело вид толстого хромированного крюка сантиметров пятнадцать длиной.

— Зой? — печально осведомился Никита, глядя на железку.

Телескоп воровато оглянулся и пододвинулся почти вплотную.

— Зой! — тихонько свистнул он по секрету.

— Такой симпатичный... — устало упрекнул его Кляпов. — А воруешь...

Телескоп взъерошил шерстку и толкнул Никиту в лодыжку кончиками розовых пальчиков.

— Сьо зой! — сообщил он, возбужденно указывая куда-то краденой деталью. — Сли!

— Не понимаю... — сказал Никита, закрывая глаза.

Телескоп не унимался.

— Зой! Сьо зой! Сли! Зьом!..

— В сообщники, что ли, зовешь? — Никита безнадежно усмехнулся. — Нет, Телескоп, ты уж как-нибудь без меня...

Тот уставил на него недоуменные зыркалы.

— Тьок! — осуждающе чирикнул он — и канул в прозрачных сумерках.

Было очень тихо. Таинственно мерцали айсберги опор. Потом где-то неподалеку раздался хруст удара, и Никита снова приподнял голову. Кто-то что-то ломал. Даже ночью. Представилось вдруг, что это оголодавший без ежедневного приношения Крест вышел тайком разбить пару глыб — и злорадная улыбка коснулась пересохших уст Никиты Кляпова. Крест был теперь над ним не властен. Над ним никто уже был не властен. Даже хозяева...

Однако следует сказать, что удары были какие-то необычные. Не слышалось, к примеру, выстрелов лопающейся глыбы, металл звякал о металл, а в промежутках раздавались знакомый рыхлый хруст и шорох, словно от оползающего по склону песка. Долбили стену... Странно. Никита приподнялся на локте и повернул голову. Причем где-то совсем рядом долбили — видимо, неподалеку от завалинки Леши Баптиста... Пойти взглянуть? Никита подумал и вновь опустился на покрытие. «Меня это не должно волновать, — надменно напомнил он себе. — Меня уже ничего не должно волновать...»

Хрустящие удары слышались довольно долго, потом смолкли. Никита задремывал и тут же, вздрогнув, просыпался. Стоило закрыть глаза — начинались прежние ночные кошмары...

Где-то он читал или слышал историю о том, как старую прачку спросили, что ей снится. И та со вздохом ответила: «Стираю...» Прачка во сне стирала. Никита — ломал.

Наконец он вздохнул, сел и, упершись ладонями в покрытие, перенес крестец ближе к стенке. Привалился спиной и недовольно оглядел окрестности. Располагавшиеся слева от него пять колонн и впрямь складывались в некое подобие улицы, и в конце ее Кляпов уловил некое движение. Всмотрелся. Там, вяло переставляя ноги, брела понурая и долговязая человеческая фигурка, причем направлялась она именно в сторону Никиты.

«Ночная жизнь... — подумалось ему. — Вот уж не предполагал, что здесь по ночам так людно...»

Фигурка тем временем приблизилась, и Никита узнал Ромку. Молодой человек брел, недоуменно озираясь, словно, попав за полночь в незнакомый район, высматривал телефон-автомат. Потом безрадостный взгляд его упал на Кляпова. Ромка остановился, подумал. Потом подошел и сел рядом. Подтянул колени к груди и обхватил их длинными, как плети, руками.

Оба долго молчали. Наконец Ромка хмуро спросил:

— Ты это... До смерти решил голодать или как?

Никита не ответил. Ромка вздохнул.

— Мне, что ли, тоже с тобой голодовку объявить?.. — молвил он с тоской в голосе.

Кляпов удивленно повернул к нему голову.

— А вам-то с чего? — неприязненно осведомился он.

Ромка уныло боднул колени.

— Скучно... — сказал он. — И не спится ни фига!..

— Странно, — заметил Никита. — Уж, казалось бы, вам-то!..

Ромка отнял лоб от колена и с вялым интересом посмотрел на Никиту Кляпова.

— А чего это ты ко мне на «вы»? Давай на «ты»...

— А я со всем этим миром на «вы», — объяснил Никита. — Я не хочу с ним близких отношений...

— А-а... — Ромка уважительно взглянул на собеседника, хотя вряд ли что понял из его последних слов. — А на дедка не обижайся. Он сам потом жалел, что насчет мумий загнул... Он вообще-то ничего дедок, хороший...

Произнесено все это было довольно уныло и сопровождалось еще одним удрученным вздохом.

— Был сегодня в «конуре», — продолжал Ромка. — Сигарету хотел намыслить — ни фига! Так, цемент какой-то сыплется... И чего я в эту тарелку влез?

Он было задумался, как вдруг унылая физиономия его оживилась и стала совершенно разбойничьей.

— Во! — сказал он. — Точно!.. Пойду сейчас в незаселенку...

— Простите, куда? — не понял Кляпов.

— Ну где не живет никто... Оборву пару этих... световодов... Крест-накрест — и перемкну на фиг!

— Зачем? — пораженно спросил Никита.

Ромка поднялся, недобро ухмыляясь.

— А так!.. — бесшабашно отвечал он. — Для интереса. Может, опять какой прикол получится...

Утро началось со скандала и скандалом продолжилось. Грозный рев Леши Баптиста ворвался во сны так неожиданно, что Никита Кляпов, по правде сказать, испугался. Несколько секунд он со страхом глядел на склонившееся над ним искаженное чугунно-сизое лицо Леши, но вдруг вспомнил, что бояться ему теперь, собственно, нечего, — и снова закрыл глаза.

— Твоя работа? — неистово гремело над ним. — Твоя работа, я тебя спрашиваю?.. Нет, ты глаза не закрывай!.. Ты ответь!..

Никита лежал в темноте и развлекал себя тем, что жмурился то плотно, то слабо, отчего под веками возникало причудливое пятно, становясь то пронзительно-синим, то тускло-багровым.

— Чего разорался? — произнес из пятнистой темноты недовольный голос Василия.

— Над завалинкой — видел? Видел, что выдолбили?..

— Нет... А чего там?

— Ну пойди посмотри!..

— Так а он тут при чем?

— А чего он тут лежит!..

Кто-то издал негромкое рычание. Наверное, Василий.

— Ты читать умеешь? — тихо проскрежетал его голос, и Никита представил себе упрямо склоненный лоб Василия и суровый взгляд из-под сведенных бровей.

— Ну?.. — озадаченно отозвался голос Леши Баптиста.

Дальше, наверное, Василий увлек его в сторонку, и расслышать, что они там говорят, стало весьма трудно.

— ...голодовку объявил. Станет он тебе стены похабить!..

— Как голодовку? — оторопело переспрашивал Леша. — Я думал, хохма... Так он серьезно, что ли?..

Голоса удалились, и Никита снова открыл глаза. Утро имело странный изумрудный оттенок, а верхушки опор отдавали рыжиной. Невольно вспомнился ночной разговор с разочарованным Ромкой. Что-то он там собирался перемкнуть... Может, и впрямь перемкнул?

Где-то за углом вновь стали рваться страшные матерные заряды. Потом добавился женский визг. Потом началась исступленная разноголосица. «Интересно, — подумал Никита. — Что ему там такое выдолбили? Хотя нет... Ничего интересного...»

Очень хотелось пить. Вспомнилось вдруг, что голодовка бывает двух видов: сухая (когда даже воду нельзя) и... И какая-то еще. Когда можно.

Воды в этом мире не водилось. Зато водились иссиня-черные капсулы с содержимым, слегка напоминающим сильно разбавленный лимонный сок. Никита спохватился и запретил себе даже думать об этом...

За углом тем временем стало потише. Слышалось только злобное ворчание, тупые удары и рыхлый хруст. Леша Баптист задалбливал оскорбительную надпись.

Начинался трудовой день. Звякало железо, трещали и лопались глыбы. До Никиты Кляпова никому не было дела...

Потом появился Крест. Настроен он был, надо полагать, весьма агрессивно, поскольку рядом, как по волшебству, возникли сразу две чуткие надзорки. Крест взглянул на них с волчьей усмешкой и перевел взгляд на Никиту. Тот равнодушно смотрел в зеленовато-желтые уголовные глаза и втихомолку радовался своему спокойствию.

— Мочалки жуешь? — зловеще осведомился Крест. — К-козел...

Повернулся и пошел в ту сторону, где вновь шумно заваривалась какая-то новая склока. Орали, как на митинге.

Сборище и впрямь напоминало митинг. Такого стечения народа на одном пятачке здесь еще не бывало. Пузырек — и тот выполз из своего логова, прицепив, надо полагать, к заветному крантику рукав подлиннее. Кое-кого Василий и Ромка не то чтобы видели здесь впервые... Видеть-то, конечно, видели, но по именам так до сих пор и не знали. Того, скажем, мужичка неопределенных лет. Или вон ту мосластую девицу с пуга-

ющe безумным взглядом. Кстати, вела она себя потише других. Просто, наверное, знала, что у нее маленькие глаза, — вот и старалась раскрывать их как можно шире.

Люська с потолка, крепенькая, как кегля, сидела подбочась на краешке одной из глыб. Муж ее, хмурый молодой человек в спецовке-самоплетке, стоял рядом.

— Да никогда такого не было! — кричала Люська, ударяя пяткой в глыбу. — Наглость! Самая настоящая наглость! Вчера с утра — одними красненькими, сегодня — одними лиловыми!..

— Позвольте-позвольте... Мне сейчас и серенький тюбик выдали, — с довольным видом сообщил Сократыч.

— А остальные?

— Ну, остальные... Остальные, конечно, лиловые. Да там всего-то, собственно, было три тюбика...

— Хозяева хреновы!.. — рявкнул Леша, выкатывая глаза.

— Лешка! За хозяев — пасть порву! — весело предупредила пьяненькая уже с утра Маша Однорукая.

Подошел Крест и молча стал в отдалении.

— Да ладно вам бухтеть-то, — скривясь, проворчал безымянный мужичок неопределенных лет. — Чего, спрашивается, без толку глотку рвать? Хозяин — барин. Что хотят — то воротят!..

Вновь грянула яростная разноголосица. Оробевшие мохнатые зверьки пялили на толпу глаза из-за ребер и выступов необычно рыжеватых колонн.

— А вот нечего на хозяев сваливать!.. — перекричала всех растрепанная Клавка, влезая на громоздкую, как постамент, глыбу. Сцена окончательно обрела черты митинга. — Нашли крайних! Тут не хозяева — тут другие виноваты!..

— Это кто же?

— А вот! — Разящий перст неистовой Клавки вонзился в воздух. Все ошарашенно оглянулись. Вне всякого сомнения, палец был наставлен на Машу Однорукую. — Тюбики — лопатой гребет, с утра до ночи не просыхает!..

— Да на твои, что ли, пью? — опомнившись, взвилась та на дыбки.

Ромка, обнявшись с одним из камушков, тихо изнемогал от смеха.

— Сколько из-за нее одних кабелей пооборвали? — надсаживалась Клавка. — Так ей все мало — она теперь еще с сапо-

гами затеялась! Всю трубу изрезала! Что? Не так? Только бы хапать, хапать!.. А эти! — Клавка развернулась и продолжала, тыча пальцем то в Люську, то в Лику. — До сих пор босиком ходили — ничего с ними не делалось! А теперь они уже, видите ли, не могут! Ножки боятся бить! Белые!.. А что из-за ихних сапог кабели рвут и трубы обдирают, это им — тьфу! У, бесстыжие!..

Ответом был яростный женский вопль в несколько глоток. Как будто кто-то нечаянно облокотился на клавиши органа.

— А свет? — визжала вскочившая Люська. — Свет!

— Что свет?

— Что же теперь, и свет не выключать?

— Выключать! — грянула Клавка. — Но совесть-то иметь надо? Ну одну трубку перебила, ну другую... Но ведь не десять же кряду! Сегодня кольцо ободрали, завтра совсем перережут!.. Вот вы что тогда получите вместо тюбиков! Вот! — И Клавка выбросила в воздух два полновесных кукиша.

Толпа примолкла. Мысль правдоискательницы многим показалась резонной. Василий невольно покосился на Сократыча, вспомнив, что тот совсем недавно говорил примерно то же самое. Дедок слушал, изумленно отшатнувшись.

— Или вот еще гусь! Фартука ему захотелось!..

Василий взглянул и увидел, что палец Клавки наставлен теперь на него. Прямой наводкой.

— Ишь! Лучше всех он, понимаешь! Все, значит, без фартуков обходятся, а ему фартук подавай!.. Сколотил, понимаешь, банду из побирушек! Ночью на грабеж их посылает...

Выступы и вдавлины ближайших опор взорвались возмущенным щебетом. Последние слова Клавки были приняты зверьками близко к сердцу.

— Ты ври, да не завирайся! — побагровев, рявкнул Василий. — Какая банда?.. При чем тут тюбики?

Но поборница справедливости и сама почувствовала, что ее малость занесло. Действительно, лупоглазые пушистые побирушки по хрупкости своей серьезных повреждений нанести не могли. И Клавка развернула стволы на следующую цель.

— А этот... Чего за камушком прячешься? Рогульку — ошкурил, а провод — отрезал! Штаны ему! Без штанов он уже не может!.. А вдруг нам тюбики как раз через эту рогульку и выписывают?..

Тихо подвывая, Ромка оползал по глыбе.

— Бли-ин... — привизгивал он. — Я та-щусь...

Лика, видя столь несолидное поведение любимого человека, попыталась приморозить Ромку взглядом, но безуспешно.

— Ну вот видите, Василий, — печально молвил Сократыч, оборачиваясь. — Еще одна моя версия благополучно скончалась...

— Это почему? — не понял тот.

Дедок вздохнул, шевельнул бровями.

— Да примета, знаете, такая. Если то же самое пришло в голову и Клавдии, стало быть, гипотеза скорее всего неверна. Тут что-то иное...

А неутомимая Клавдия тем временем взялась аж за самого Пузырька.

— ...трубы змеевиками своими погаными обмотал! Да как же они после этого работать будут, трубы-то?.. А? Что скажешь?

— Что скажу?.. — лучась мудрой морщинистой улыбкой, отвечал Пузырек. — Ладный у тебя броневичок, Клавка. Вы уж его — не надо, не долбайте... Пригодится еще...

— И ответить нечего! — ликующе объявила Клавка и, воспылав очами, повернулась к Леше Баптисту. — А похабень всякую на стенах писать — это как? Да может, ты нарушил что-нибудь в стене, ты ж ее чуть не на полметра прорубаешь... И, главное, ведь не пойдет, не напишет у Креста на доме — побоится! А на стенке у слабой, беззащитной женщины...

— Ах ты, курва! — внезапно прозревая, взревел Леша. — Так это, значит, ты над завалинкой отметилась?..

Тут поднялся такой хохот и крик, что ничего уже больше разобрать было невозможно. Ромка отлепился от глыбы и, заливаясь, двинулся враскачку к одной из вновь зазолотившихся опор. На полдороге сломился в пояснице и, мотая головой, пошел на четвереньках. Бледная Лика с застывшим лицом беспомощно смотрела ему вслед.

...Добравшись до Никиты Кляпова, Ромка лег на покрытие животом и попытался отдышаться, все еще постанывая время от времени.

— Рома... — слабым голосом умирающего позвал его Никита. — Скажите... Ведь это, наверное, все из-за вас, да? Вы ведь, наверное, в самом деле что-то там перемкнули?..

Ромка уперся в покрытие ладонями и поднял физиономию, сведенную от долгого смеха судорогой.

— Ага... — сипло выговорил он. — Скажи, прикол?..

• • •

На следующее утро Никита Кляпов проснулся от голода. Это чувство уже никак не напоминало легкую ломоту в костях, к которой можно притерпеться. Скорее оно было сравнимо с мигренью. Или с больным зубом.

Никита попробовал взять себя в руки — и не смог. Тогда он замычал и, накрепко зажмурившись, зашарил растопыренными пятернями по покрытию. Правая внезапно нащупала ласково округлый предмет, и Никита в ужасе открыл глаза. В ладони у него была капсула нежно-лимонного оттенка.

Он отбросил ее, как отбросил бы тарантула.

— Да вы что же, издеваетесь? — взвизгнул Кляпов — и осекся.

Рядом с ним никого не было. Только горстка лимонных капсул и чернильно-глянцевая надзорка.

Сотрясаемый крупной дрожью, Никита сел.

— Это ты? — не веря, спросил он припавшую к полу угрюмую тварь.

Надзорка молчала. По гладкому рылу змеились блики.

Вот такого удара он не ждал... Эта продолговато-округлая сволочь просто-напросто каким-то образом усилила в нем чувство голода.

— Подло... — хрипло сказал Никита. — Просто подло... Ты что же, думаешь, я поддамся?..

И тут голод обрушился с такой силой, что Никита даже обомлел. Он боялся теперь пошевелиться, зная, что в этом случае пальцы первым делом ухватят капсулу. Может быть, тихо перевалиться на бок — так, чтобы рука оказалась прижатой к полу, и ткнуть коленом?.. Тюбики тогда откатятся... и не будет такого соблазна...

Краем правого глаза он уловил движение и разрешил голове (только голове!) повернуться. Чуть-чуть. На долю градуса.

Там, хищно озираясь, пробиралась проулками вышедшая на утреннюю охоту Клавка.

— Клава... — еле слышно позвал он, осторожно размыкая пересохшие губы. — Клава, пожалуйста...

То ли Клавка услышала, то ли почуяла добычу, но только она резко свернула и направилась прямиком к изнемогающему Никите. Увидев капсулы, застыла, как пойнтер в стойке.

— Клава... — взмолился Кляпов. — Ради Бога... Возьмите это...

Клавка не верила своим ушам. Так не бывает.

— А это чье? — с сильнейшим подозрением спросила она.

— Мое... — стонал Никита. — Заберите, заберите, заберите...

И хватательный рефлекс победил. Клавка решительно шагнула к горстке капсул, но тут надзорка легко развернулась и перекрыла ей путь. Клавка попробовала обойти округлую лоснящуюся тушу, но та с той же ловкостью повторила маневр.

— Кши! — закричала Клавка. — Вот я тебя!..

Однако уверенности в ее голосе не слышалось.

Не решаясь пробиваться напролом, Клавка попыталась зайти справа, слева — и везде натыкалась на угрюмое округлое рыло.

— Так ты издеваться? — накинулась она тогда на бедного Никиту. — Ты что тут разлегся? Людей дразнить?..

Отойдя уже шагов на пять, Клавка остановилась в сомнении. Затем вернулась и еще раз попробовала завладеть тюбиками. И опять получила отпор. Влепила Никите по первое число, кем-кем его только не назвав, и ушла насовсем.

Никита сидел и всхлипывал, плотно зажав руки под мышками и не доверяя уже ни левой, ни правой. Наконец, не отпуская хватки, поднялся на колени, потом на ноги. Соскользнула на пол распавшаяся опояска. За спиной мотались, шурша, недоеденные покрытием белоснежные клочья простынки. Никита покачнулся и хотел было сделать первый шаг, когда надзорка проделала с ним то же, что и с Клавкой. Только Клавку она не подпускала к капсулам, а Никите не давала от них отойти...

«Сейчас даст щелчка», — испуганно подумал он, отступая и снова опускаясь на пол.

По щекам текли слезы. Плача, он высосал одну за другой все капсулы (их оказалось четыре) и, чувствуя прежний голод, поднялся, пошатываясь, на ноги.

Его сломали. Его просто сломали. Как завязавший алкоголик, расколовшийся на первую стопку, Никита уже не мог остановиться. Доковыляв до своего скока, он выкорчевал в рощице световодов новый ломик и, оказавшись снаружи, накинулся на первую подвернувшуюся глыбу. Мастерить себе одеяние взамен изъеденного полом не стал, просто обмотал обрывками бедра и перетянул по талии куском наспех отхваченного провода.

Он ненавидел, он презирал себя, но что сделано — то сделано. Теперь не переиграть. На вторую попытку его просто не хватит...

Уже развалив глыбу на треть, Никита вдруг понял, что за ним наблюдают, и поднял голову.

В каком-нибудь десятке метров, прислонясь жилистым плечом к стене опоры, стоял Крест. Некоторое время он с любопытством глядел на Кляпова. Потом поманил пальцем.

Никита отложил железо, зачем-то отряхнул руки и, сгорбившись, побрел к ненавистному кровопийце.

Глава 22

Иной имел мою Аглаю...

Александр Пушкин

— Сколько ты ему должен? — гремел Василий. — Ты голову-то не морочь! Ты скажи, сколько ты ему должен?

Выяснилось, что Никита и сам толком не знает. Много, короче...

Василий исторг вздох, похожий на рык, и взглянул на Ромку. Тот озадаченно улыбался и чесал в затылке.

Дело происходило возле Клавкиного броневичка, хотя, по правде сказать, глыба размерами и формой напоминала скорее постамент Медного Всадника, несколько осаженный назад и вправо, — пошире, погрузнее, покривоватее. Все прочие камушки раздолбали, а этот вот оставили. И вряд ли причиной тому был мудрый совет Пузырька. Просто никому не хотелось связываться с этакой глыбиной. Чтобы развалить ее, требовались либо гений Ромки, либо упрямство и мощь Василия.

Василий поиграл желваками и снова повернулся к Кляпову.

— Ну и как ты с ним собираешься расплачиваться? Он же тебя не выпустит!

— Мне все равно... — сдавленно отозвался Никита.

Василий выругался, а потом еще раз — теперь уже из-за Телескопа, старательно прочирикавшего только что услышанный оборот.

— А ну брысь отсюда! — гаркнул он.

Выждал, пока Телескоп уберется подальше, насупился и, недовольно поведя носом, спросил:

— Слушай... А он тебя это... Только честно!.. Не опустил случаем?

— Куда? — устало спросил Никита.

Василий и Ромка ошарашенно переглянулись. Чтобы такой взрослый дядя — и не знал общепринятых слов?.. Василий крякнул и попросту, без выкрутас объяснил Кляпову, о чем идет речь. Тут на лице Никиты отразился столь неподдельный ужас, что Василий даже вздохнул облегченно. Стало быть, убережется...

— Ну сам смотри, — проникновенно сказал он, беря Никиту за край простынки. — Пугнуть мы его не можем. Потому что надзорки! То есть от нас помощи не жди... — Стиснул простынку в кулаке и тут же бросил, резко раскинув пальцы веером. — Вот убей — не пойму, чего ты его так боишься! Да ничего он тебе не сделает!.. Тебе что, совесть мешает? Так по совести ты ему вообще ни тюбика не должен... Не улетел он... И не улетит. Кто ему там будет прислуживать? Таких дураков дома больше не осталось — ты последний был...

— Чего ты его на фиг не пошлешь? — с любопытством спросил Никиту Ромка.

— Я пробовал... — безнадежно вздохнул тот.

— Интеллигент ты хренов! — вспылил Василий. — Как ты пробовал? «Ах, простите...» «Ах, спасибо...» Да за «спасибо» на зоне знаешь что делают?.. Ну так, короче! Я тебе сейчас скажу, как послать... Наизусть выучишь, понял? И чтобы слово в слово!.. Телескоп! — рявкнул он, оборачиваясь. — Я т-тебе дам подслушивать! Хвост надеру!..

Услышав про хвост, Телескоп сжался в пушистый комок и вновь отступил, сердито посвечивая глазищами.

— Та-ак... — молвил Василий, сосредоточиваясь. — Значит, скажешь ему...

И медленно, слово за словом выговорил такое, что даже Ромка хмыкнул и поглядел с уважением. Никита оторопело моргал.

— Повтори, — потребовал Василий.

Никита, запинаясь, повторил. Василий заставил затвердить фразу назубок и результатом остался доволен.

— Когда будешь посылать, смотри в глаза, понял? И понаглее, понаглее, не дрожи!..

Никита Кляпов печально поблагодарил за науку и косолапо побрел дальше — искать подходящий камушек. Василий и Ромка глядели в его сутулую спину, пока она не затерялась среди опор.

— Черт его знает... — проворчал Василий. — В пробирке его выращивали, что ли?..

— Не пошлет... — с сожалением молвил Ромка, присаживаясь на приступочек глыбы. — Вот ведь клоун, блин...

— Есть клоуны и покруче, — хмуро и многозначительно изронил Василий.

Ромка медленно повернул голову.

— Не понял, — надменно молвил он.

— Чего не понял-то?.. — проворчал Василий и, кряхтя, присел рядом. — Давно я с тобой поговорить хотел...

После этих слов Ромкина физиономия вновь стала утомленной и разочарованной. Василий сидел, упрямо склонив лобастую голову, и с преувеличенным вниманием разглядывал сломанный ноготь большого пальца.

— Может, к Пузырьку пойдем? — сердито спросил он.

Ромка поморщился.

— Да чего там, у Пузырька, делать? Водку жрать?

— Оно иногда и невредно, — буркнул Василий. — Чтобы дурь из головы выбить...

— Это из чьей же?

— Да из твоей!.. — Василий хмуро покосился на Ромку. — Мы ж с тобой вроде как бы уже и не чужие, а, Ром? Я вон тебя в тарелку загнал, потом назад тащил... пока сам не поумнел. По «конуре» опять же вместе шастали, от куклы Маши драли... Думаешь, мне легко теперь смотреть, как ты тут без дела шлендаешь?..

— Не смотри... — безразлично посоветовал Ромка.

Справа подобрался Телескоп и присел на корточки, стреляя круглыми бойкими зыркалами то на Василия, то на Ромку.

— Ром! — Василий повернулся к собеседнику всем корпусом. — Ну что за сдвиг такой? Камушков не ломаешь, слоняешься... Водку вон уже даже не пьешь...

— Курить хочу, — сказал Ромка.

Василий моргнул.

— А ты разве дома курил?

Ромка вяло пожал одним плечом.

— Так... Баловался...

— Ну ты даешь!.. — только и смог сказать Василий. — Баловался... Я вон всерьез дымил — и то бросил. А знаешь как?.. Помолчи, Телескоп... Врач знакомый в морг привел и показывает: два трупа, причем оба молодые еще, лет по тридцать каждому... Вот, говорит, смотри. Берет долото, рубит одному грудную клетку, там легкие — чистые, розовенькие! Ну, ясно, некуря-

щий... А потом — другому. Так ты не поверишь — хлопья какие-то черные вместо легких... И я — все. В тот же день и завязал...

— А им не все равно было? — спросил вдруг Ромка.

— Кому?

— Трупам...

— Да ну тебя на хрен! — с досадой сказал Василий. — Распустил ты себя просто, вот что!.. Сачок ты! Самый настоящий сачок!..

— Тьок! Тьок! — возрадовался Телескоп, услышав знакомое слово.

— Тнись! — цыкнул на него Ромка.

Телескоп прижух и опасливо передвинулся поближе к Василию.

— Чего ж ты с ним так грубо-то?.. — упрекнул тот. — Дурак ты — и уши холодные, вот что я тебе скажу! Сам счастья своего не понимаешь!.. Ну вот подумай: кто ты был дома? Да никто. Так, шпана подворотная... А здесь? Специалист, золотые руки... Да хозяева, может быть, таких, как ты, нарочно ищут... Какого тебе еще рожна надо? От армии открутился, девка тебе досталась — позавидуешь...

— Армия... — недовольно сказал Ромка. — Да что армия? Армия — два года, и на дембель. А тут всю жизнь...

— А «деды» тебя хоть раз метелили? — наливаясь кровью, рявкнул Василий. — Ты что ж, думаешь, в армии служба — мед? Слушай... — осенило его вдруг. — Может, у тебя с Ликой нелады?

— Строит из себя больно много... — нехотя отозвался Ромка. — Такое гонит!.. И с хозяевами она знакома, и мыслями она с ними обменивается... Всю жизнь на мозги капали, а тут она еще! Того нельзя, этого нельзя...

— Чего нельзя-то? — не понял Василий.

Вместо ответа Ромка ухмыльнулся ехидно и вроде бы даже повеселел.

— А правда, пошли к Пузырьку! — предложил он, изменчивый как ветер. — Чего ступеньку просиживать!..

Обдаваемый неторопливым прибоем разноцветных световых волн, Пузырек стоял в классической позе погорельца над пепелищем и скреб в затылке. Змеевики, ранее оплетавшие рощицу стеклистых труб на манер повилики, исчезли. В черных провалах кладовок уже не играли ласковые блики на грудах полупрозрачных бурдючков. О былом великолепии напоминала

лишь свернувшаяся на полу карликовая глыба в виде человеческого уха. На некоторых трубах, правда, остались спиральные вдавлины, но чувствовалось, что скоро и они распрямятся.

— Да-а... — озадаченно тянул Пузырек. — Это хорошо еще, я вчера догадался кое-что в незаселенку перетащить... Ну вот как это они так делают? Снаружи, что ли?

Кроме него, в помещении находились расстроенный Леша Баптист и злобно усмехающийся Крест.

— Давно? — профессионально озираясь, спросил Василий.

— Да только что! — сказал Пузырек. Особого расстройства на его мудром морщинистом лице, впрочем, не наблюдалось. Он, видимо, привык уже к таким налетам надзорок и относился к ним как к чему-то неизбежному. — На десять минут вышел — спросить у Маши, как она подошвы заливает. А вернулся...

— Епишкин пистолет!.. — сокрушенно молвил Леша Баптист. — Теперь, наверно, цены поднимешь?..

— А как же! — ухмыльнулся Пузырек. — Мне, считай, все по-новой начинать...

Василий тем временем осмотрел помещение и, естественно, не найдя никаких следов, вновь присоединился к остальным.

— Чисто работают, — с уважением признал он. — Не иначе, дали снаружи щелчка — и все в пыль.

— Пыль... — недовольно повторил Пузырек. — Ну покажи мне эту пыль, раз ты такой умный! Пыль... Да они и пыли-то не оставляют!

— Зуб даю, Клавка навела, — с недоброй улыбкой изронил Крест.

Оживленно потирая изжелта-розовые ладошки, возник дедок Сократыч.

— Так-так-так... — радостно озираясь, проговорил он. — Что ж, могу себя поздравить! Сроки погрома, согласитесь, я в прошлый раз назвал почти правильно... А что в кладовках?

— Пусто... — проворчал Пузырек.

— Вели-колепно! — бодро воскликнул дедок. — Стало быть, можно считать доказанным, что причина погромов не в усталости труб, а в самом факте самогоноварения. Иначе, согласитесь, надзоркам было бы достаточно уничтожить только аппарат... И в этом случае возникает всего лишь один вопрос: почему они не сделали этого раньше?..

Крест брезгливо скривил рот и двинулся к скоку. Проходя мимо Сократыча, приостановился и окинул сияющего дедка недобрым взглядом.

— Голова — Бетховена, — процедил он, — а в голове — ...

Сказал в рифму, что именно, — и канул с глаз.

— Ну ладно... — вздохнул Пузырек. — Чего зря время терять? Пойду в «конуру», новый змеевичок соображу. А бак — уж завтра...

— Давай я с тобой! — встрепенулся Ромка. — Хоть посмотреть, как это у тебя получается!

— Пошли, — с мудрой усмешкой согласился покладистый Пузырек. — Только уговор — сидеть тихо. С этим делом так: чуть отвлекся — начинай все по-новой... Тут, брат, терпение нужно. Это тебе не камушки долбать...

Оба сгинули, и Сократыч с Василием остались вдвоем в голой опустевшей опоре, по которой так привольно теперь было разливаться радужным волнам приглушенного света.

— А вы что же, Василий? — полюбопытствовал дедок. — Посмотреть не хотите? Между прочим, довольно впечатляющее зрелище — прямо из воздуха, представьте, образуется змеевик... Кстати, я никогда не встречал вас возле «конуры». Неужели вы так ни разу и не попытались сами что-нибудь намыслить?

— Да как... — с неохотой отозвался Василий. — Пытался, конечно...

— И что?

— А ничего. Вытаращусь, как дурак, и все без толку. У Ромки хоть цемент какой-то из воздуха сыплется...

Тут Василий наконец сообразил, что от душеспасительной беседы Ромка со свойственной ему ловкостью просто-напросто улизнул. «Вот ведь паразит лопоухий...» — по старой памяти с досадой подумал Василий.

Откланялся и, не зажмуриваясь, шагнул в скок. Просто не было теперь нужды зажмуриваться — устройство давно уже стало привычным, и голова при переходе не кружилась.

Телескоп терпеливо ждал на корточках неподалеку от выхода. Ему часто случалось сопровождать Василия к Пузырьку (хотя внутрь его, конечно, ни разу не приглашали), и поэтому расположение скоков он знал назубок.

— Ну что, Телескоп? — сказал Василий. — Домой?

— Мой! — с готовностью пискнул зверек.

...Василий шел и думал о Ромке. Что ж у него там, интересно, вышло с Ликой? «Этого нельзя, того нельзя...» Что может женщина запретить мужчине?.. Пить, допустим... Но ведь Ром-

ка почти не пьет. Что еще? Гулять... В смысле — по бабам... Тоже не слишком правдоподобно. Кроме Лики, все остальные для Ромки вроде староваты... Василий с неохотой вспомнил свою собственную семейную жизнь и заполошный вопль жены: «Иди ищи себе образованную!..» Нет, кажется, это из другой оперы... У Лики и у самой образование. Чего, кстати, нельзя сказать о Ромке...

А что, если в самом деле взять и потолковать обо всем об этом с Ликой? Как ни крути, а Ромку-то ведь спасать надо... Пропадает парень на глазах... Как-нибудь повлиять с двух сторон — может, и выправится...

Все более утверждаясь в этой благой мысли, Василий свернул в нужный проулок и уже у самого скока опять столкнулся с печальным Никитой Кляповым.

— Ну что? Видел Креста?

— Видел...

— Сказал?

— Нет...

— Почему?

Никита устало прикрыл глаза (раньше он в таких случаях снимал очки).

— Странно... — молвил он с жалкой улыбкой. — Дома я мечтал, что у нас в стране объявят когда-нибудь свободу слова... Мне как-то в голову не приходило, что свобода эта приходит не извне, а скорее изнутри...

Василий поймал себя на том, что мелко потряс головой.

— Ты о чем?

Никита медленно поднял веки.

— Понимаете, даже если отменить внешние, административные запреты (как это сделано здесь), все равно остаются запреты внутренние... Застенчивость, нерешительность. Да элементарная вежливость, наконец!..

Василий продолжал оторопело глядеть на Никиту Кляпова.

— Так ты... чего хочешь-то?

— Боюсь, что уже ничего, — удрученно ответил тот. — Просто с некоторых пор я заподозрил, что дело и раньше заключалось не в общественном устройстве, а во мне самом...

Телескоп издал жалобный щебет. Он тоже ничего не понял. Никита Кляпов вздохнул и, с ласковой рассеянностью взглянув на зверька, двинулся дальше. Василий ошалело посмотрел ему вслед, выругался изумленно и ступил в скок...

Уютный колышущийся сумрак родного жилья ласково обнял зверька и его хозяина.

— Гость! — пронзительно чирикнул Телескоп.

Василий обернулся — и замер. В глыбе-качалке, овеваемая легкими цветными волнами, сидела Лика.

— Вы уж простите, Василий, что ворвалась к вам без спросу, — взволнованно заговорила она, вставая. Серые глаза ее были тревожны. — Но ждать возле вашего скока я тоже не могла. Сразу поползли бы сплетни... В общем, сами понимаете...

— Что-нибудь случилось?

— Н-нет... Пока еще нет...

Василий расслабился.

— Ага... — озадаченно молвил он, берясь за подбородок тем же задумчивым жестом, каким раньше брался за козырек. — Да вы садитесь, Лика, садитесь... — спохватился он вдруг. — Будьте как дома.

При этих словах он как бы невзначай окинул взглядом свое жилье и, в общем, остался им вполне доволен. Сегодняшним утром к глыбе-качалке добавился еще и столик — плоский сверху и снизу камушек полуметровой высоты, выторгованный за семь сереньких тюбиков у прижимистой Клавки. Стена тоже выглядела внушительно. Инструмент (четыре предмета) покоился на хромированных крюках, выломанных в самом центре светоносной рощицы, куда еще не всякий сунется. Тускло лоснились тяжелые чугунные складки фартука.

Солидно, солидно...

— Телескоп, — барственно распорядился Василий. — Света добавь...

И пока тот бежал вприпрыжку к стене за своей железячкой, а потом обратно — к рощице стеклистых труб, Василий подошел к молочно-белому причудливому столику-глыбе и сел напротив гостьи — на кабель. Вскрикнул перерубленный белый световод, зато три-четыре ему подобных вспыхнули поярче, сразу прояснив подвижный цветной полумрак.

— Дьец? — вопросительно чирикнул Телескоп, готовый к дальнейшим действиям.

Василий закашлялся. «Хвост тебе надрать!» — смущенно подумал он.

— Нет, одного хватит, — сказал он, искренне надеясь, что это Телескопово словцо Лика слышит впервые. — Ломограф

свой повесь на место, а сам давай поухаживай за гостьей. Графинчик — в баре, колпачки и закуска — тоже...

Лика ошеломленно следила за тем, как польщенный высоким доверием Телескоп скачет к простынке, за которой, надо полагать, скрывалась ниша, именуемая баром. Вот он появился оттуда с подносиком, на котором действительно стояло что-то вроде графина, наполненное на две трети рубиновой жидкостью, пара колпачков и несколько капсул — лимонных и пурпурных. Осторожно переставляя кривые опушенные серебристым мехом ножки с розовыми пролысинками на коленях, лупоглазый мажордом опустил подносик на стол и отпрыгнул, гордый собою.

— Зать! — немедленно потребовал он.

— Конечно, — сказал Василий. — Заслужил. Держи...

Лика перевела широко распахнутые глаза с пушистого слуги на осанистого хозяина. Зрачки ее дышали.

— Так вот вы их зачем... — с огромным уважением выговорила она. — А наши-то дураки смеялись... — Лика тряхнула волосами. — И какое, главное, облегчение в хозяйстве...

— Да я над этим поначалу даже и не думал, — признался Василий. — Просто, гляжу, симпатичные зверушки...

И он протянул мощную свою пятерню к графинчику.

— Боже, какая прелесть! — сказала Лика, глядя теперь на прозрачный сосудец. — Как вы это сделали?

— Да как колпачки, только чуть сложнее, — охотно объяснил Василий, разливая рубиновый напиток. — Обрезаешь световод, а шкурку чуть задираешь. Ну и смолы сразу набегает много, здоровая такая капля набухает... И как только сверху затвердела — чик ее по горлышку! А внутри-то смола — она ж еще мягкая... Ну вот, потихоньку ее оттуда и вытягиваешь вместе с сердцевиной... Получается такая вот колба. И пробка точно так же делается, только капля должна быть меньше... Ладно. За встречу!

Оба выпили. Василий протянул гостье пурпурную капсулу, но та с интересом разглядывала только что осушенный колпачок.

— Что это? — спросила она, кивнув на графинчик, но, видимо, уже имея в виду сам напиток.

— Да это-то просто... — Василий махнул рукой. — На литр водки — один черненький тюбик и половину красненького. А вы так разве не смешиваете?

— Смешиваю... Просто в другой пропорции... — Лика поставила колпачок на стол, и лицо ее снова омрачилось.

Кажется, пора было завязывать с любезностями и переходить к делу.

— Так что случилось-то, Лика?.. Или там случится, вы говорите...

— Я пришла посоветоваться... — сказала она. — Насчет Ромы.

Василий кивнул. Именно этого он и ожидал.

— Вы — старше, опытнее, — надломленным голосом продолжала Лика. — Я знаю, вы еще дома пытались как-то воздействовать на него, направить...

— Н-ну... в какой-то степени... — осторожно согласился Василий.

— Я в отчаянии, — сказала Лика. — Это совершенно неуправляемый человек. Вы даже представить себе не можете, сколько я вынесла за последние дни... Я знаю, с талантливыми людьми жить сложно, но не настолько же! Все мои слова для него — пустой звук. Он отбился от рук окончательно... Мне неловко в этом признаваться, но, когда я расплачивалась с Машей за обувь, не хватило трех тюбиков... Мне пришлось сломать камушек самой... Как будто в доме нет мужчины!

— Ну, это уже совсем никуда не годится... — мрачнея, проговорил Василий и вновь наполнил колпачки. Возложить обязанность виночерпия на Телескопа так и не удалось — он и графин-то соглашался тащить только в закупоренном виде. Спиртного лупоглазые на дух не переносили.

— А как начинал! Как начинал!.. — с тоской говорила Лика. — Все ведь были просто потрясены... И я, кстати, тоже... Ну как же! Талант! Гений!.. И что теперь с этим гением стало? Раньше только и слышалось: Рома, Ромка... А теперь все говорят: Вася...

— Да ладно тебе... — смущенно пробормотал Василий, както незаметно для самого себя переходя на «ты».

Нервно чокнулись. Лика залпом опрокинула свой колпачок, судорожно вздохнула, разрумянилась.

— Боже мой... — сказала она, горько смеясь. — Ну вот что нам с ним, с дураком, делать?

— Да пацан еще... Может, образумится... — без особой надежды в голосе проговорил Василий.

Лика молчала. Болезненная складочка обозначилась между бровями.

— По дому опять же затосковал... — добавил Василий. — Бывает... Я сам вон поначалу... Хотя... Странно! Мне казалось, он вроде в последние дни повеселел как-то...

— Повеселел? — Серые глаза Лики гневно сверкнули. — А почему — знаешь?

— Н-нет... А почему?

Лика раздула изящные ноздри и отважно наполнила колпачки.

— Представляешь?.. Приходит позавчера и хвастается. Перемкнул накрест какие-то световоды в незаселенке...

— Зачем? — пораженно спросил Василий.

— А так! От скуки! И посыпались из надзорок одни алые тюбики... Я ему говорю: «Рома! Не надо так больше делать. Это же самое настоящее вредительство! Не дай Бог, узнают, чьи это шутки, нам же обоим бойкот объявят...» Надулся. Ничего не ответил. А на следующий день посыпались одни лиловые...

— Ах, паразит!.. — изумленно выдохнул Василий. — Так это, значит, его работа?

— Весь день где-то мотался, заявился только под вечер, — слегка уже задыхаясь, продолжала Лика. — Я говорю: «Все, дорогой! Кончилось мое терпение. Выбирай: или я, или эти твои проказы...» И вот с тех пор его еще не видела... Где бродит?..

— Да с Пузырьком он, в «конуре»... — чувствуя себя крайне неловко, сказал Василий. — Змеевик соображают...

— Кто? Он?

— Ну, не он, конечно, — поправился Василий. — Пузырек соображает, а Ромка — так, посмотреть пошел...

Перерубленный Телескопом световод вовсю уже сращивал концы. Свет убывал. Вновь наплывал, колыхаясь, цветной лирический полумрак.

— Слушай... А может, он просто хулиган? — безнадежно спросила Лика.

— А то кто же!.. — Василий недобро усмехнулся, помолчал, потом кашлянул осторожно. — Ну так мне что? Потолковать с ним или как?

— Да нет, наверное... — чуть помедлив, печально отвечала она. — Я ведь к тебе, оказывается, просто выговориться шла...

Встала, огляделась напоследок — и вдруг поникла.

— Хорошо у тебя... Пойду...

В мужественном сердце Василия какая-то мышца сократилась щемяще. Вскочил, подошел к Лике; пытаясь заглянуть в глаза, схватил за плечи.

— Ну, Лик... Уладится, ну... Что ты?..

Она всхлипнула и уткнулась лицом в его широкую грудь.

Так они стояли довольно долго, пока не поняли, что этак чувству взаимопонимания недолго и перерасти в несколько иное, куда более сильное чувство. Оба уже готовы были смущенно отстраниться, как вдруг рядом истерически зачирикал Телескоп:

— Ок! Ок!

— Ты что, сдурел? — рявкнул Василий, оборачиваясь. — Черти тебя надирают! Вот же он, скок...

Василий осекся. По искристому покрытию танцевали цветные блики, но смутного светового овала нигде не было. Скок исчез. Да, но... Как же теперь наружу-то выбраться?..

Несколько секунд Василий и Лика испуганно озирались. Телескоп, в ужасе вздыбив ухоженную шерстку, дрожал всем тельцем.

— Он... — хрипловато выговорила Лика. — Опять что-нибудь перемкнул...

— Кто? Ромка?..

Лика не услышала.

— Да пошел ты к черту! — бешено выкрикнула она, запрокинув искаженное лицо к мерцающей вверху радужной паутине. — Со своим талантом! Со своим... — Стремительно повернулась к Василию и, всхлипнув, обвила руками его могучую шею.

...И дальше Василию как-то стало все равно: выберутся они потом наружу или не выберутся.

Глава 23

И проклял Демон побежденный
Мечты безумные свои...

Михаил Лермонтов

Пожалуй, Никита Кляпов был единственным человеком, не затронутым паникой, когда исчезли скоки. Исчезновения этого он просто не заметил, поскольку, связавшись с совершенно безнадежной глыбой, провозился с ней до наступления ночи. Обколов ее со всех сторон и так и не подобрав ключика, Никита рассвирепел. Дело в том, что с момента прекращения голодовки ему постоянно хотелось есть. Причем зверски. Сам

процесс ломки уже не доставлял Кляпову таких мучений, как прежде, — напротив, он вызывал в нем теперь чувство извращенного циничного удовлетворения.

«Да, крыса!.. — в такт ударам мыслил Никита, как бы нанося их в исступлении самому себе. — Хотели крысу?.. Получите крысу!.. Завершенность?.. Соразмерность?.. Вот вам завершенность!.. Вот вам соразмерность!.. В мелкие дребезги...»

До мелких дребезг, впрочем, было еще далековато. Глыба упрямилась. Создавалось впечатление, что никакой напряженки в ней нет вообще, а если и есть, то затаилась где-нибудь в середине. День померк, нахлынули серые сумерки, а взаимное истязание все продолжалось. Глыба постепенно съеживалась в исклеванный колобок и наконец взорвалась, когда там уже, казалось, и взрываться-то было нечему.

Никита бросил ломик и, чувствуя полное душевное опустошение, присел у соседнего камушка. Все выданные надзоркой шесть тюбиков (почему так мало?) он прямо на месте слопал чуть ли не с оболочкой. Крест сказал: завтра рассчитываться... Да провались он, этот Крест...

С такими вот отчаянными мыслями Никита Кляпов, учтя на этот раз свой прежний опыт ночевок на голом полу, влез на комодоподобную глыбу с удобной продольной ложбинкой наверху и устроился в этой ложбинке на ночлег. Идти к себе не было сил. Да и что там делать?..

Одной из жизненных трагедий Никиты Кляпова был сладкий утренний сон. Дома он из-за этого вечно опаздывал на работу, а здесь упускал самые выгодные камушки, поскольку хозяева отгружали их перед самым рассветом. И, если верить тому же дедку, момент появления новых камушков подстеречь никому еще не удавалось...

Короче, разбудило его тревожное чириканье побирушек. Никита поднял голову и несколько оторопел. Утро было как утро. Но в десятке метров он увидел пару совершенно прелестных глыбок с выпяченными чуть ли не наружу напряженками. А день, между прочим, давно уже занялся. Как это они уберегли, такие простенькие, от хищного взора той же Клавки?.. К счастью, Никита за последнее время довольно крепко усвоил первый принцип бытия: не зевать! Поэтому он не стал задаваться пустыми вопросами и, нашарив ломик, соскользнул со своей глыбы.

Оба камушка Кляпов буквально расплескал, потратив на каждый ударов десять, не больше.

«Почин есть», — мысленно отметил он, собирая в прикрепленную к поясу сетку сначала два, а потом еще три тюбика.

Впрочем, пока обогнул опору, сетка, можно сказать, опустела. Никита отбросил оболочку предпоследней капсулы — и замер вновь. Открывшийся перед ним проулок нежно сиял россыпью некрупных белых глыб. Пиршество для ломика — да и только!

...И лишь когда набитая капсулами сетка огрузла, растянулась и стала поскрипывать на ходу узелками, Никиту наконец посетила мысль: а что это ему до сих пор никто не попался навстречу?..

Откуда-то набежала стайка взъерошенных и непривычно притихших побирушек. Отяжелевший, благодушный от сытости Никита хотел даже бросить им пару тюбиков, но понял вдруг, что зверьки окружили его полукольцом вовсе не ради подачки.

— Де? — взволнованно чирикнул один из них (Не Телескоп. Телескоп — крупнее). — Ок!

— Что где? — не понял Кляпов.

— Ок! — Лупоглазый взволнованно тыкал розовым пальчиком в покрытие.

Никита огляделся. Овалов неизвестно откуда падающей тени на мерцающем стеклистом покрытии нигде не наблюдалось.

— Н-не знаю... — проговорил Никита, ощутив внезапный озноб.

Стало быть, никто не вышел поутру разбивать глыбы, потому что... Потому что не смог. Потому что исчезли скоки... Никита в ужасе обвел взглядом бледно-золотистые громады опор, ставшие вдруг в его понимании склепами. Ромка, Василий, Крест, Пузырек, Лика... все они были заперты там, внутри... Может быть, сейчас они колотятся о стены, пытаясь...

«Да ладно тебе чушь молоть! — мысленно прикрикнул на себя Никита Кляпов. — Колотятся!.. Да эти стенки пинками прошибить можно...»

Однако же не прошиб до сих пор никто...

«Это Ромка! — осенило Никиту. — Опять что-нибудь натворил с кабелями...»

Ну, если так, то ничего страшного. Исправят, что он там разворотил, — и опять все придет в порядок...

А вдруг — не Ромка? Вдруг — сами хозяева? Этакий вариант Ноева ковчега, а? Грешников — к ногтю, а праведника...

Никиту вновь обдало ознобом.

С обществом у него были давние счеты, но жить одному? Здесь?

Не зная, на что решиться, он двинулся к ближайшей опоре и, возможно, минут через пять, взвинтив себя окончательно, принялся бы крушить стену, пытаясь проломиться к кому-нибудь из узников.

Но тут он увидел скок. Теневое пятно лежало аккуратным овалом у самой стены, словно никуда и не исчезало. А секунду спустя из проулка неподалеку прянул и заметался по пятачку истошный нечленораздельный вопль. Как выяснилось впоследствии, это вопила от радости вырвавшаяся наружу Клавка.

Прав, трижды прав был мудрый Пузырек: без Клавкиного броневичка жизнь теперь стала просто немыслима. Вот уже второй раз кипели страсти вокруг глыбы, слегка похожей на постамент Медного Всадника. Кто первым произнес имя Ромки — неизвестно. Такое впечатление, что все заподозрили его одновременно. Хотя, если вдуматься, Лика с Василием о его проказах уже знали, знал и Никита, но они вроде никому Ромку не продавали... Разве что обмолвились невзначай...

— Что? Неправда? — надрывалась Клавка. — Я вас когда еще предупреждала — кто-нибудь меня послушал? Ну, правильно, не вашу ведь стенку развалили — Клавкину!.. А я уже тогда видела, что это за чудо к нам пожаловало!.. И все молчали! Слова никто не сказал! Маше от него — навар, Пузырьку — навар! Леше колпачок нальешь — он тебе лезгинку станцует!.. А эта бесстыжая! У всех на глазах к себе его уволокла! Что? Не так?..

— Закрой пасть! — гаркнул Василий. — Чего ты тут без разбору поливаешь-то?

— А ты вообще прижухни! — вскинулась Клавка. — Кто его в тарелку загнал? Я, что ли?

— Во! — молвил Пузырек с видом тонкого ценителя. — Заплющила языком. Лоском всех кладет...

— Дозвольте слово молвить... — давно уже блеял и дребезжал дедок Сократыч.

— Нет, пусть она выйдет! — не унималась Клавка. — Пусть она скажет!..

Бледная Лика раздвинула стоящих и стремительно шагнула к броневичку. Обернулась. Все примолкли.

— Я сама обо всем узнала позавчера, — несколько надтреснутым и все же твердым голосом начала она. — И сказала. Или — или. Или я, или продолжай в том же духе. Ночью он отключил скоки. Сегодня утром я его встретила. И сказала. Что больше его знать не желаю. — Лика с вызовом оглядела собравшихся. — Еще вопросы будут?

Толпа ошарашенно молчала. Лика прошла на место и присела на камушек рядом с Василием. Тот ободряюще пожал ей руку.

— Дозвольте слово молвить...

— Тихо! — рявкнул Леша Баптист. — Дайте сказать! Тут вон дедок рвется!..

Седенький румяный Сократыч тоже на броневичок не полез — стал у подножия и с ласковым любопытством оглядел собравшихся.

— А какие вы, собственно, собираетесь принять меры к нашему... м-м... нарушителю спокойствия?

— Да бойкот объявить — и все дела! — напрямик брякнул кто-то.

— Очень мило... — Сократыч благосклонно покивал. — И как, по-вашему, он на это отреагирует?

— Да пусть как хочет, так и реагирует!

— Например, отключит скоки на несколько дней кряду?.. — предположил Сократыч.

Собрание так и оцепенело.

— Спасибо, у меня все, — кротко молвил дедок, отходя в сторонку.

— Да что ж это такое? — страдальчески взвыла с вершины броневичка опомнившаяся первой Клавка. — Из-за одного поганца...

Все разом загомонили. Потом рядом с Клавкой на выдающемся вперед уступе глыбы появилась кольчужно мерцающая спецовка Пузырька. С извечной своей мудрой улыбочкой морщинистый умелец простер руки, словно нашаривая дорогу в темноте, и вскоре добился относительной тишины. Уж больно странно было видеть аполитичного Пузырька, собравшегося толкать речь.

— Значит, чего?.. — сказал он. — Мне ж ведь тоже работать надо. Сами же скулить начнете, если гнать перестану... Меры, да?.. А какие тут меры? Дедок-то прав: обидится —

хуже будет... Значит, что я предлагаю... А перетерпеть недельку!..

Толпа помедлила мгновение, а затем взорвалась, как глыба, если тюкнуть ее в самую что ни на есть напряженку. Мудрый Пузырек подождал, пока вопли спадут, и снова принял позу слепца, наслушивающего руками дорогу.

— Причем — как?.. — невозмутимо продолжал он. — А как обычно. «Здравствуй, Рома... Как дела?..» Будто ничего и не было... Вы мне поверьте! Я в людях не ошибаюсь. И в Ромке тоже... Вот Вася не даст соврать... А? Вась? Что я тебе тогда говорил?..

— Идет! — приглушенно и отрывисто предупредил безымянный мужичок, выглянувший на всякий случай за ребро опоры и тут же отшатнувшийся назад.

Толпа с голодным урчанием повернулась к выступу, из-за которого вот-вот должен был показаться виновник смуты.

— Цыть! — страшным шепотом одернул всех Пузырек. — Кто на него разок покосится — ни колпачка потом не налью! Клавка, закрой рот!.. Чтобы слова от тебя никто не слышал!..

Из-за угла ленивой, расслабленной походкой выволокся Ромка. Остановился. Чуть выдвинул вперед голенастую ногу, сложил руки на груди и с откровенным ехидством оглядел собравшихся. На устах его играла демонская улыбка. Что Василий и Лика сидят рядышком на одной глыбе, он как бы и не заметил.

— А-а, Рома?.. — умильно сощурился Пузырек. — Ну хоть ты им скажи... Ну куда это годится, что все стены матом исписаны? У Клавки вон кто-то словечко вырубил, а вчера вот у Леши над самой завалинкой...

— Главное, у кого! У слабой, беззащитной женщины!.. — весьма натурально заголосила Клавка. Дура-дура, а подыграла в самую точку.

Леша сообразил огрызнуться — и пошло-поехало. Скандал заваривался — пальчики оближешь! Слишком уж свежи были раны, связанные с наскальными надписями.

На веснушчатой физиономии Ромки проступило смятение. Он даже вроде обмяк малость: выдвинутую вперед ногу подобрал и руки расплел. Нет, не такой он ждал встречи...

— А у меня! У меня! — визжала вскочившая Люська. — Все равно ведь узнаю, кто этим занимается!..

Ромка попятился. Демонская улыбка сгинула. В отверстых глазах хулигана стыли теперь обида и растерянность.

* * *

— А вот фиг вам!.. — злорадно выговорил Ромка, протискиваясь среди пульсирующих стеклистых труб, дышащих на него то жаром, то холодом. В правой он чуть на отлете держал провисший конец тонкого тускло-серого световода-бритвы. Было теперь в Ромке что-то от зубного врача со шнуром бормашины в руке.

Жертвами его на этот раз стали две трубы, каждая толщиной примерно с запястье. Одна пульсировала алым, другая — изумрудным. Перерезав обе на уровне собственной талии (чтобы удобнее потом было работать), Ромка отбросил за ненадобностью тускло-серый световод и, должно быть, подражая ковбою, вскинул оба гибких стеклистых шланга срезами вперед.

Два луча (а точнее — два потока вспышек) прорезали цветной колышащийся полумрак, и на соломенно отсверкивающей стене возникли два стремительно мигающих пятна — алое и изумрудное.

— Ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду!.. — кровожадно протарахтел Ромка.

Затем состыковал верхний конец алого световода с нижним концом изумрудного и начал бинтовать стык. Ту же операцию он проделал и с другой парой концов. Выбрался из чащи, перешагнул лоснящееся, как чугун, большое кольцо и, сняв с плеча белоснежные ленты шириной с ладонь, озабоченно пересчитал. Маловато. Надо бы еще подрезать...

Выбросился наружу и огляделся, прикидывая, какой еще скок может вести в незаселенку. Кажется, там, за углом...

Скок действительно оказался за углом, но, попав в очередную необитаемую опору, Ромка сразу увидел, что никакая она не очередная. Здесь он уже был. Перемкнутые и перебинтованные световоды словно побывали под дождем. Крупными каплями вспыхивали на них комочки слизи — ремонтные улитки поспешно проедали Ромкину обмотку, чтобы дать световодам возможность разомкнуться и срастись правильно.

— А вот фиг вам!.. — сказал Ромка, подходя и смахивая слизняков на покрытие. — Кши! А то Клавку позову...

Выбравшись поздним утром из последней поврежденной им незаселенки, где он и заночевал, свернув кольцом смоляной парящий над полом кабель, Ромка не на шутку струхнул. Покрытие под ногами полыхало алым, колонны яростно тлели, как золотые уголья в топке. По полу и потолку время от

времени пробегали голубые сполохи. Казалось, мир был объят пламенем.

«Вот это я даю!..» — возникла наконец трепетная, запинающаяся мысль.

Малость опомнившись, Ромка осторожно коснулся раскаленной с виду стены и убедился, что она по-прежнему прохладна. Босые подошвы тоже никакого жара не ощущали. Удостоверившись в безобидности изменений, Ромка немедленно исполнился обычной своей гордыни и двинулся проулком, любуясь золотыми отсветами на розовых глыбах.

За скруглением опоры стояли сильно озадаченные Леша Баптист, Маша Однорукая и дедок Сократыч. Руки их и лица при таком освещении казались окровавленными. Каждый вертел в пальцах хрустальные полупрозрачные пирамидки размером с грецкий орех, а дедок — так даже пробовал острие кристалла на зуб.

— Нет, как хотите, а съедобным это быть не может, — подвел он итог. — Во всяком случае, для людей... Хм... Надо бы предложить побирушкам... Хотя нет, вряд ли. Наверняка откажутся...

— Привет, — сказал Ромка, подходя. — Дай-ка посмотреть...

— Чего хватаешь! — Леша ревниво отдернул пирамидку. — Иди вон камушек долбани — они тебе тоже таких отвалят...

— Вместо тюбиков, что ли?

— Ну!

— Только, Рома... — встревожился дедок. — Вы уж побольше какой-нибудь, потруднее камушек возьмите! А которые полегче мы уж сами после полудня разобьем, когда все починят... Экзотика экзотикой, но есть-то, знаете, хочется...

Ромка хмуро на него покосился и ничего не сказал. Трудиться чуть ли не полночи, перемкнуть чертову уйму световодов — и никакого впечатления!.. «Когда починят...» Конечно, починят — куда денутся!..

Маша Однорукая крутила кристалл так и эдак. Пирамидка вся изнутри переливалась, от граней отскакивали фиолетовые искры. Красивая штучка...

— Световодом дырку проколоть... — сосредоточенно бормотала Маша. — А не выйдет — так просто оплести, и пускай болтается...

Леша озадаченно хмыкал и почесывал мясистое ухо.

— А знаете, кстати, что все это доказывает? — увлеченно журчал дедок. — Это доказывает, что для ломки камушков хозяева используют не только людей. Ведь вполне логично пред-

положить, что где-то рядом располагается мирок, подобный нашему, и что трудятся там существа, для глаза которых эта жуткая цветовая гамма вполне привычна. И, стало быть, сейчас они точно так же удивляются нашим капсулам, как мы удивляемся их кристаллам... Позвольте, Маша, вы куда? Что вы собираетесь делать?

Маша Однорукая с ломом наперевес весьма решительно направлялась к россыпи глыб, выбирая камушек полегче. Обернулась.

— Так ведь и вправду вот-вот починят! — взбудораженно крикнула она. — Когда нам еще эти штуки выдавать будут? А я из них такое смастрячу — закачаетесь!..

И даже насчет недельки оказался прав мудрый Пузырек. Кошмар действительно длился дней шесть-семь. Потом Ромка то ли устал, то ли просто спекся, убитый равнодушием бесчувственной толпы. Во всяком случае, на седьмой день дедок Сократыч застал его понуро сидящим на волнистом приступочке Клавкиного броневичка. Вид у хулигана был самый унылый. Никаких отклонений от нормы в окружающем мире с утра не замечалось.

Сократыч осмотрелся и, не обнаружив поблизости лишних глаз и ушей, подошел и сел рядышком.

— Рома! — зашептал он. — Между нами говоря, я ведь прекрасно знаю, что последние события — это ваших рук дело. Не бойтесь, я никому не скажу, но и вы меня тоже не выдавайте, ладно?..

— А я и не боюсь... — безразлично отозвался Ромка. — Было б кого бояться!..

— Вот какая у меня к вам просьба, Рома, — продолжал дедок, по-прежнему стараясь говорить потише. — Между нами: какие именно световоды вы перемыкали? Ну, скажем, в тот раз, когда опоры стали черными, а камушки возникли только к вечеру...

— А я помню, что ли? — вяло ответил Ромка. — Там этих световодов — как собак нерезаных...

Дедок опечалился.

— Жаль, жаль... Но, может быть, в следующий раз...

— А ну его на фиг, — сказал Ромка. — Надоело...

Сократыч посмотрел на него с любопытством.

— А чего вы, собственно, хотели всем этим добиться, Рома?

— Достать хотел... — сквозь зубы ответил тот.

— Э-э... Простите, что вторгаюсь... Лику?

— Всех!

— Вот как?.. — Дедок неопределенно пошевелил седыми бровками, гоняя по лбу морщины. — Всех... Только не подумайте, что я вас осуждаю! — всполошился он. — Хотя, должен признаться, жить при ваших... м-м... экспериментах стало, с одной стороны, труднее — в смысле пропитания, а с другой — интереснее... Достать всех... Хм... Сложную, сложную задачу вы себе поставили, Рома... Ну, судите сами: каждый прекрасно сознает, что унять вас невозможно. Стало быть, выход один — приспособиться. Рано или поздно хозяева исправят нанесенные вами повреждения, и все опять войдет в прежнее русло...

— Да, может, я не вас доставал! — буркнул Ромка.

— Оч-чень интересно! А кого же, позвольте узнать?

— Хозяев!

Дедок слегка отстранился и оглядел Ромку с некоторым изумлением.

— Боже мой! А вы, оказывается, еще и богоборец, Рома... Только боюсь, что хозяев достать будет и вовсе трудненько. Вас вывезли сюда зачем? Ломать, не так ли? То есть, иными словами, повреждая световоды, вы нисколько этим хозяев не удивите. Они должны были предвидеть, что неминуемо найдется активная личность, которая не ограничится одними глыбами и начнет крушить все подряд. И такой вариант наверняка ими предусмотрен... Вы же сами видите, как быстро они залечивают даже, казалось бы, самые страшные раны...

— Значит, говоришь, без пользы?.. — Ромка засопел.

С сокрушенным видом дедок Сократыч развел ладошки.

— Не вижу возможности, Рома, не вижу возможности! Вот если бы вы вместо того, чтобы ломать камушки, создавали их — это еще, пожалуй, хозяев и озадачило бы... А то бы, глядишь, и оскорбило. А так...

Ромка нехотя повернулся и враждебно оглядел волнистый покатый склон глыбы, на оконечности которой они сидели. Создать такое хулигану было явно не под силу... Отвернулся, ссутулился.

— Так, стало быть, световоды вы не запомнили... — задумчиво продолжал Сократыч. — Жаль, жаль... Но, знаете, даже если не вникать в детали, картина все равно складывается интереснейшая. Я и сам давно уже подозревал, что мы находимся как бы внутри некоего компьютера...

Ромка приподнял голову и посмотрел на дедка с недоумением.

— Ты чего, дед? Ты хоть раз в жизни компьютер видел? Это же телек с кнопками!..

— Это все частности, Рома. Я имею в виду, что наш мирок — это малая деталь некоего вычислительного устройства...

— Такое здоровое? — усомнился Ромка.

Дедок Сократыч покачал головой.

— Как сказать, Рома, как сказать... Все зависит от размеров самих хозяев. Допустим, что окружающий нас мир для них — не более чем микросхема или как там это называется?.. Я, знаете ли, не кибернетик... Допустим, что глыбы возникают самопроизвольно и каким-то образом вредят работе всего устройства... Скажем, вносят помехи...

— А я сам? — взъершился Ромка, окончательно вовлекаясь в разговор. — Не вношу, что ли?

— Стало быть, причиняемый вами вред, — невозмутимо отвечал дедок, — сущие пустяки по сравнению с тем вредом, которые причиняют эти симпатичные камушки... А представляете, каких трудов в этом случае хозяевам стоило построить ту же «конуру»? Это даже не блоху подковать! Это...

— Дед, а, дед? — внезапно повеселев, перебил Ромка. — Вот ты всю дорогу говоришь: я не физик, я не химик... А ты кем вообще работал?

— В библиотеке, Рома, — с ласковой улыбкой отвечал ему дедок. — Всю жизнь в библиотеке...

— А-а... — с уважением протянул Ромка. — А кем?

Сократыч замялся.

— Н-ну... Словом, в библиотеке.

— Гардеробщиком, что ли? — ляпнул Ромка, раскатавши рот до ушей.

Сократыч обомлел и уставился на него чуть ли не с ужасом.

Неужто и впрямь — гардеробщиком?..

Глава 24

Безумству храбрых поем мы песню!

Максим Горький

Славный выдался денек. Впрочем, все на свете, чего ни коснулась рука этого хулигана, неминуемо оказывалось славным. Сандалии, например. Взять подошву — не плоская, как у Люсь-

ки с потолка, а утолщающаяся к пятке. Маша Однорукая, чтобы сотворить этакое чудо, чуть ли не всю кольцевую трубу изрезала. Шутки шутками, а пятка-то — трехслойная.

С удовольствием ставя на покрытие ладные ножки в новых сандалиях, Лика шла на примерку. Обогнув опору, вовремя остановилась и предостерегающе ухватила Телескопа за пушистое плечико. В каких-нибудь десяти—пятнадцати шагах на приступочке Клавкиного броневичка сидели и беседовали дедок Сократыч и Ромка. А вот этой встречи — не надо!..

Хулиган, едва не сломавший всю ее жизнь, был возмутительно весел. Чего нельзя было сказать о Сократыче.

— Гардеробщиком?.. — донеслось до Лики с восторженным привизгиванием произнесенное слово, и ее даже передернуло от омерзения. Какой все-таки негодяй! Другой бы на его месте в ногах валялся, прощения просил...

— Обойдем-ка сторонкой... — сказала она недоуменно уставившемуся Телескопу.

Они взяли на две опоры левее и прошли по краю площади с пятиэтажкой. Льдистое покрытие отливало привычными глазу слюдяными тонами. Серой коробкой из-под обуви маячила вдали «конура». Свернув в проулок между складчатых бледно-золотистых громад, Лика вновь обрела хорошее настроение и, когда им попался навстречу смешной косолапый Никита Кляпов, остановилась и заговорила первой.

— Добрый день, Никита, — приветливо сказала она. — Ну что? Кончился террор?

Он вскинул вечно опущенную голову и уставился сначала на нее, потом — на важного Телескопа, прижимающего к груди какой-то сверток. Снова повернулся к хозяйке и, понятное дело, залюбовался. Лика была хороша. Сандалии с перекрещивающимися на щиколотках плетеными ремешками, серебряный балахончик, на шее — проводок, хитро оплетающий три хрустальные, стреляющие искрами пирамидки.

— Добрый день, Лика... Вы имеете в виду...

— Да вот то, что творилось... Кажется, унялся наш скандалист.

Лицо Никиты стало вдруг по-детски беззащитным, близко посаженные глаза поехали куда-то в сторону.

— Я слышал, у вас с ним... размолвка...

Лика рассмеялась. Что ни говори, а забавный человечек был этот Кляпов.

— Вы мягко выражаетесь, Никита. Ушла я от него. Понимаете? Ушла.

— Что вы говорите... — пробормотал он и пригорюнился окончательно.

— Да бросьте вы, Никита. Трагедии в этом уже никакой нет. Кончилась трагедия.

Он растерянно оглаживал переносицу, снова, наверное, затосковав по очкам, которые можно было в любой момент снять и протереть, собираясь с мыслями.

— Вот и от меня тоже... — грустно сообщил он ни с того ни с сего. — Ушла...

Заждавшийся Телескоп присел на корточки и сердито чирикнул что-то непонятное. Не иначе — на родном наречии.

— Вы были женаты? — пораженно спросила Лика, тщетно пытаясь представить себе женщину, согласившуюся выйти замуж за Никиту Кляпова.

— Да... — вздохнул он, зачем-то осматривая кончик своего ломика. — Сказала, что я гублю не только себя, но и всю семью... Понимаете, у меня были неприятности... Как бы это выразиться?.. Политического характера...

— У вас?!

Диссидентов Лика представляла как-то, знаете, по-другому.

— Да, — смущенно улыбаясь, признался Никита. — Хотя сам я — ни сном ни духом... Просто работал в обществе книголюбов, заведовал, как ни странно, клубами... И вот организовали там один такой клуб... Честно сказать, я так до сих пор и не понял, что они, собственно, натворили, но шум был большой. Председателя общества выгнали из партии, меня, естественно, уволили — ну и жена... испугалась, короче...

— Йест! — пронзительно предупредил Телескоп.

Оба обернулись. Действительно, в трех шагах от них стоял жилистый сухощавый Крест и с ленивой усмешкой оглядывал Никиту.

— Начальнице!.. — издевательски-вежливо осклабился он, отпуская полупоклон в сторону Лики, после чего вновь повернулся к Кляпову. — Ты! Трекало! Слазь с метлы! Там у тебя широкий фронт работ...

И Лика увидела, как Никита (пусть смешной, но все же культурный, интеллигентный человек) на глазах увядает, опадает... Вот он поглядел на нее виновато, ссутулился — и побрел прочь. Лика растерянно смотрела ему вслед. Как-то так вышло, что из ее жизненного опыта напрочь выпала знакомая мно-

гим девушкам ситуация: любезничаешь, скажем, с молоденьким солдатиком — и тут подходит старший по званию...

— Никита!

Он остановился.

— Что вы ему позволяете!.. Как же так можно?..

Перегнул палку Крест, ох перегнул... Не учел, что Никита — из тех людей, вытирать об которых ноги можно до бесконечности. Если наедине. Но при свидетелях-то зачем?..

Секунду сутулая спина под белой складчатой простынкой была неподвижна. Потом вдруг судорожно передернулась, и Никита Кляпов медленно повернулся к Кресту. Вперив в уголовника совершенно безумный взор, он отцепил от пояса авоську с тремя капсулами и шваркнул оземь. Стискивая ломик, шагнул вперед, и губы его шевелились, словно Никита затверживал на память какую-то стихотворную строфу.

— Ты! Ерш опомоенный! — пронзительным, срывающимся на фальцет голосом выкрикнул он, глядя Кресту в глаза. — Гуливаном? Горлохватом набушмачился?.. Осину — не гну! Устриг?

Оцепенела не только Лика — оцепенел и Крест. Повторялась история с Валаамовой ослицей. Во всяком случае, Никита Кляпов, внезапно заговоривший по-свойски, представлял собой не меньшее чудо.

Но Никита, увы, непредумышленно повторил при этом ошибку самого Креста. Такие слова следовало произносить с глазу на глаз, но уж никак не в присутствии Лики...

Опомнясь, Крест с искаженным лицом шагнул навстречу и вырвал ломик из рук Никиты. Из-за дальней опоры немедленно вылетела зловещая торпеда надзорки. И тут в игру вмешалось еще одно действующее лицо.

— Йоц! Йоц! — Взъерошив от восторга седую шерстку, Телескоп запрыгал вокруг Креста, одной лапкой прижимая к груди пакет, а другой (чтобы уточнить, кого именно здесь зовут ершом) тыча в онемевшего от злобы уголовника.

По гроб жизни должен быть Никита Кляпов благодарен Телескопу за безумный этот поступок. Ломик свистнул и с хрустом опустился на непрочный череп зверька. Вместо того чтобы опуститься на столь же непрочный череп самого Никиты.

Запоздало треснул неслыханной силы разряд. Никиту отшвырнуло. Крест подпрыгнул, выронил ломик и упал, как бы сразу прилипнув всем телом к стеклистому покрытию. Даже

попятившаяся Лика, которую от места щелчка отделяло несколько шагов, — и та ощутила, как волосы ее шевельнулись и затрещали.

Надзорка ткнулась хищным чернильным рылом в голову лежащего и замерла, словно овчарка, готовая кинуться снова при малейшем движении. Никита подскочил к бессильно разбросавшему лапки Телескопу, стал на колени, дотронулся со страхом. Хрустальные глазищи остановились, обессмыслились. Зверек уже не дышал. Забрызганный алыми каплями полуразвернувшийся пакет лежал рядом.

«А кровь — как у нас, красная...» — с интересом подумал кто-то за Никиту Кляпова.

Тут он услышал полувскрик-полувсхлип — и обернулся. Лика, округлив глаза и зажав рот пальцами обеих рук, отступала к стене. Никита перевел взгляд на лежащего рядом Креста — и сам чуть не заорал, настолько это было жутко. Надзорка, растягиваясь и изгибаясь, налезала на бесчувственное тело, надеваясь на него, как резиновая перчатка на руку. Наружу теперь торчали только большие ступни, повернутые пальцами друг к другу. На глазах Никиты змеящаяся бликами тварь обволокла Креста целиком, потом сократилась, словно разом переварив, — и неспешно потекла прочь.

Вид, пусть не принадлежащего человеку, но все же мертвого тела потряс всех настолько, что даже у словоохотливого Сократыча отнялся язык. Люди стояли вокруг Телескопа в боязливом оторопелом молчании, нарушаемом лишь всхлипами Лики.

— Васька знает?.. — тихо, почти шепотом спросил кто-то.

— Побежали за ним... — так же негромко ответили ему.

Потом толпу раздвинуло, и к распростертому тельцу шагнул Василий. Все взглянули ему в лицо и тут же отвели глаза. Смотреть сейчас на Василия было страшновато. Несколько секунд он неподвижно стоял над Телескопом, потом медленно присел на корточки и заметно дрогнувшей рукой огладил нежную серебристую шерстку. В гулкой остолбенелой тишине пронзительный щебет побирушек казался особенно громким. Зверьки уже знали о случившемся.

— Кто? — глухо спросил Василий.

— Крест, — виновато сказал Никита.

— Где?..

К Василию приблизился Пузырек.

— Вась... — гримасничая от сочувствия, начал он. — Ну ведь не человека же, ну... Не надо, Вась, не связывайся ты... Хватит, пошутил уже разок с надзорками...

— Где? — повторил Василий, поднимаясь. Смуглое лицо его отяжелело, стало угрюмым и беспощадным.

— Да нет его!.. Нет!.. — истерически вскрикнула бледная заплаканная Лика. — Нигде его уже нет!.. Никита! Скажи ему!..

Все, включая Василия, повернулись к Кляпову.

Тот беспомощно скривился, разомкнул было спекшиеся губы, но объяснить ничего не успел. Толпа раздалась, пропуская непривычно бесцеремонную надзорку. А дальше на глазах у всех произошло то же самое, чему Лика и Никита были свидетелями каких-нибудь десять минут назад. Тварь растеклась глянцевым чернильным пригорком, обволокла пушистый трупик и, сократившись до прежних размеров, устремилась сквозь шарахнувшуюся толпу.

— Вот... — бормотал Кляпов, тыча пальцем вслед надзорке. — Вот так она и его тоже... Сначала щелчка — насмерть... А потом — вот так...

Кто-то испуганно присвистнул. Кто-то принялся с одичалым видом озираться, словно увидев этот мир впервые.

— Интересно, интересно... — проскрипел несколько замороженный тенорок Сократыча. — А хозяева-то далеко не столь безобидны, как нам думалось раньше...

Однако закончить мысль ему не дали.

— Ну, падлы! — взмыл над толпой звонкий, захлебывающийся от злости голос Ромки. — Ну, я вам сделаю!.. Хозяева, да? А вот фиг вам, хозяевам!..

Проулки были загромождены вчерашними глыбами. Второй день мужское население маленькой колонии справляло тризну по двум первым покойникам и все никак не могло остановиться. Женщины, правда, уже опомнились и вышли на промысел, но что они могли сделать нежными своими руками с камушками чуть ли не в рост человека!

Новый самогонный аппарат Пузырька выдавал литр за литром, и все же пригорок полупрозрачных бурдючков в заветной кладовке неуклонно таял. Дошло до смешного — стало не хватать сырья, и алые капсулы тут же подскочили в цене.

Правдоискательница Клавка, словно по пояс в облаке, стояла посреди особенно плотного нагромождения камушков и ругательски ругала всех подряд.

— Ну, я вас спрашиваю, есть у них вообще голова на плечах, у хозяев этих? — гремела она на весь проулок, хотя внимал ей один лишь дедок Сократыч, к которому Клавка, кстати, отродясь на «вы» не обращалась.

— Вы знаете, Клава, не уверен, — воспользовавшись паузой, честно ответил он. — Я даже не уверен, есть ли у них плечи...

Но та его даже и не услышала. Должно быть, перед мысленным ее взором теснилась целая толпа слушателей.

— Это что же? — с искренним возмущением продолжала она. — Это и не замахнись на них теперь, на побирушек? Они у тебя из-под носа тюбики воровать будут, мартышки лупоглазые, а ты на них смотри?.. Да как это вообще можно — с людьми их равнять!..

— Стало быть, можно... — развел руками Сократыч, но тут неподалеку от него из воздуха выпал и глухо стукнул о покрытие солидных размеров лом. Затем на том же самом месте, тряся головой, возник муж Люськи с потолка. Нагнулся за инструментом и, словно получив легкого пинка под зад, опустился на четвереньки, а следом уже сыпались с матом и гиканьем остальные: Леша Баптист, Пузырек, Ромка и мужичок средних лет, которого, оказывается, звали просто Коля.

— Дед! — заорал он. — Чего жмешься?.. Айда с нами! Помянем рабов Божьих Креста и Телескопа!..

Охотничья ватага, размахивая железом, окружила мощную глыбу, очертаниями напоминающую сильно стилизованного фарфорового слоника.

— Ти-ха! — надрывался Ромка. — Сладили, блин! Десять рыл на один камушек!.. А-атайди!.. Долбайте тот вон... полегче...

В проулке загрохотала канонада. Среди молочно-белых глыб мелькнула округлая лоснящаяся спина надзорки. Клавка плюнула и ушла — при таком шуме и громе обличать пьянчужек было все равно бесполезно. Хитрый Сократыч — тот остался и, примкнув к троице, обложившей указанную Ромкой глыбу, врубился в камушек с четвертой стороны.

Новый агрегат Пузырька был куда сложнее и производительнее, чем тот, уничтоженный вредными надзорками. Вообще глянцевые твари, сами того не подозревая, своими налетами весьма способствовали прогрессу. С каждым разом искус-

ство Пузырька неизменно взмывало на новую ступень. Намыслить столь деликатную деталь, как, скажем, крантик, было теперь для умельца — плевое дело! Трубчатое детище человеческого разума исправно журчало, побулькивало и благоухало брагой. Гуляли по полу и стенам разъеденные нечеткими тенями цветные блики.

Василий, угрюмый, как глыба с упрятанной внутрь напряженкой, проминал собою воздух над толстым смоляным кабелем. Неподвижно и бессмысленно глядя на пульсирующую рощицу стеклистых труб, он время от времени размыкал крупные губы и, словно бык на выгоне, тянул с отчаянием на одной ноте:

— М-матушка, м-матушка... что во поле... пы-ыльно...

Потом надолго умолкал и вдруг заводил снова с прежней тупостью, но на полтона ниже:

— Д-дитятко... м-милое... кони разгуля-ались...

Рядом сидел и плакал пьяненький Никита.

— Из-за меня... — вскрикивал он, неумело тыча кулачишком в грудную клетку. — Он же... должен был... меня! А не его!..

— Д-дитятко... м-милое... — Василий забирал все ниже.

— Ну почему?.. Почему?.. — захлебывался Никита. — Я же сам!.. Сам хотел... Я... пойду! Я скажу им...

— Сядь... — тяжко выдохнул вдруг Василий, но Никита и сам уже, не устояв на ногах, вильнул всем телом и вновь опустился на отвердевший вокруг кабеля воздух.

В этот миг возле аппарата возник Пузырек с двумя полными сетками, а за ним повалила скопом вся компания. Каждый вновь прибывший раздвигал собой уже имеющуюся толпу, заставляя остальных наступать друг другу на ноги и хвататься за что попало. Запорхали матерки.

— Нет, ну я-то при чем? — обиженно восклицал мужичок по имени Коля, на удивление трезвый. — Я, главное, к камушку, а там уже Леша! Я — вокруг, а там еще одна...

— Д-дитятко... — Василий замолчал и непонимающе уставился на собутыльников. Углядев вежливо-скорбное личико и седенькую бородку Сократыча, скривился, замотал тяжелой головой.

— Сократыч... — жалобно пробасил он. — Телескоп-то, а?..

— Вась... — то ли с сочувствием, то ли с досадой повернулся к нему Пузырек. Умелые морщинистые руки продолжали работать вслепую, откручивая один из баков. — Ну что ты, ей-богу... Воскресить — не воскресишь, так? Хозяева за тебя с

Крестом, прости мою душу грешную, рассчитались... А то бы еще и по тебе сейчас поминки справляли!.. Тут вон людей уже насмерть бьют, а ты... Собаку у тебя, что ли, никогда грузовиком не переезжало? Ну, погоревал... Ну и будет...

— Сократыч... — упрямо гнул свое Василий, видно, пропустив увещевания Пузырька мимо ушей. — Иди, Сократыч, помяни... Не пьешь — так закуси хотя бы...

— Вот вам и хозяева!.. — злобно приговаривал Леша Баптист. — Во делают! Добренькие, блин!.. Зубки чинят, ручки чинят... А мужика за зверушку шлепнуть — это как?..

Василий медленно, чуть ли не со скрипом, повернул шею.

— Кто... зверушка?..

— Не Телескоп, не Телескоп!.. — торопливо заверил Леша, примирительно выставив вперед мясистые ладони.

— А ведь с точки зрения хозяев, — задумчиво начал Сократыч, принимая из рук Василия капсулу, — мы с ними, получается, вполне равноправны... Так что версия моя, увы, подтверждается. Побирушки — наши предшественники, и не дай нам Бог дожить до того дня, когда мы окажемся в их положении. Под Богом я, естественно, подразумеваю хозяев... Хотя... Как это ни печально, никуда не денемся — доживем.

— Ну, понес, понес... — недовольно сказал Леша. — Вечно ты, дед, мозги запудришь...

— Понес, говорите? — Сократыч прищурился. — Однако здоровье они нам всем подарили, согласитесь, отменное. Обе недавние смерти — насильственные и с болезнями никак не связаны. Далее! Как вы думаете, сколько лет побирушкам?

— Ты заткнешься, или мне тебя заткнуть? — рявкнул Леша.

— Я тебя сейчас сам заткну! — полоснул в ответ высокий отчаянный голос, и бледный от выпитого Ромка, пошатываясь, подошел к Сократычу. Положил длинную узкую руку на старческое плечико и с вызовом взглянул на Лешу. — Говори, дед...

Все-таки авторитет Ромки, несмотря на все его недавние проказы, был еще очень высок. Леша поворчал и умолк... Вытирая ладони о спецовку, подошел послушать и Пузырек.

— Не удивлюсь, если побирушкам по нескольку сотен лет, — объявил Сократыч. — А то и больше. Судите сами, детенышей их здесь никто никогда не видел. Собственно, это и понятно. Сюда прибывают лишь взрослые, так сказать, долбежеспособные особи... И дальше каждая из них просто перестает стареть. Правда, как вам известно, детей здесь тоже ни у кого быть не может...

— М-матушка... М-матушка... — снова замычал Василий.

— Да помолчи ж ты, Вася! — взмолился Ромка и снова повернул к Сократычу бледное и какое-то перекошенное лицо. — У кого не может? У нас или у побирушек?

— Ни у них, ни у нас.

— Откуда знаешь?.. Почему это не может?

— А пробовали, Рома, пробовали... Не беременеют здесь женщины. А почему?.. Спросите хозяев.

— Не-на-ви-жу хозь... зяев... — простонал Никита.

Ромка вскинулся и, вздернув верхнюю губу, оскалил зубы. Всем даже слегка не по себе стало — до того он сразу сделался похож на покойного Креста.

— Ты! — с презрением выговорил он в несчастные пьяненькие глаза Никиты. — Ты ненавидишь? Сидишь вот и ненавидишь, да?.. Так ненавидишь, что пальцем пошевелить боишься?..

Василий медленно поднял осоловевшее лицо, недоумевая, что это за шум подняли у него над головой.

— Рома, Рома... — испуганно проговорил дедок Сократыч и, встав, молитвенно сложил ладошки. Розовое личико его было тревожно. — Послушайте меня... Я не знаю, что вы на этот раз затеваете против хозяев, но я уже, честное слово, начинаю за вас бояться... Вы ведь действительно талантливый мальчик, Рома! А хозяева, как выяснилось, еще и убивают...

Увидев Лику с двумя тяжеленными сетками, Маша Однорукая повалилась на спину (она сидела на свернутом петлей кабеле) и в голос захохотала. Лика опустила сетки на пол и жалко улыбнулась.

— Тут не смеяться, — сказала она с упреком. — Тут плакать надо.

А Маша все никак не могла остановиться.

— Вот это загудели мужики!.. — рыдала и взвизгивала она. — Вот это загудели...

Наконец отсмеялась и села, утирая слезы. Лика печально смотрела на подругу.

— Люська с потолка как раз перед тобой приходила, — отдыхиваясь и разминая ладонями сведенные щеки, сообщила Маша. — Ой, не могу... Аж к сердцу подкатило... Тоже тюбиков приволокла: спрячь, говорит, пока мой все не пропил... А у тебя чего-то мало... Или ты в два рейса?

Маша задержала дыхание, потом глубоко вздохнула и успокоилась окончательно.

— Вот так, Лика! — с ехидцей заметила она. — Увела у меня мужика? Крутись теперь...

— Да не запойный он, — беспомощно сказала Лика. — Просто Телескопа очень любил... Знаешь, какая умница был Телескоп? Все подаст, все отнесет... А Вася... Ему ж, чтоб захмелеть, цистерну надо выпить, и то мало будет...

— А придет, в долг попросит? — сурово спросила Маша. — Тут ко мне уже трое подгребались — просили...

— Не давай! — взмолилась Лика. — Придумай что-нибудь... Скажи: нету, мол...

Она села рядом с Машей и бессильно уронила руки на колени.

— Что делать, что делать?.. — в тоске забормотала она. — Как с ума все посходили...

— Сойдешь тут, — помрачнев, процедила сквозь зубы Маша. — Крест, царство ему небесное, не сахар был, а все одно жалко... Да и потом, знаешь... Сегодня — Креста, а завтра?.. Вот то-то и оно... Ну, ты давай-давай, не рассиживайся, тащи остальное! Может, помочь тебе?

— Да нет, — сказала Лика, поднимаясь. — Все-то подчистую из кладовок выгребать не стоит. Неловко...

— Ну как знаешь... — Маша помолчала, подумала и вдруг, оживившись, щелкнула пальцами. — А ты вот что... Посмотри побирушек. Там, по-моему, один бегает — ну вылитый Телескоп! Болтает — вовсю... Так вот ты с Васькой-то начни о Телескопе, а потом возьми да и вверни: бегает, мол, похожий... А?

Лика приподняла бровь, затем лицо ее просветлело.

— Спасибо, Маша, — растроганно сказала она. — Правда ведь: клин клином вышибают... Спасибо!

Шагнула в скок и, оказавшись снаружи, огляделась. Побирушки... Как же это ей самой в голову не пришло? Пусть даже и не слишком будет похож — дело-то не в этом! В Василии дело...

Лика решительным шагом направилась было к дому, но вскоре остановилась. Василий — у Пузырька. Может быть, прямо туда? Посидеть с ними, даже немного выпить... Пожалеть о Телескопе, всплакнуть, а потом как бы невзначай... Да, но там же еще и этот! Ромка...

Огибая многочисленные глыбы, Лика в раздумье двинулась в сторону, противоположную дому. Подходя к скоку Пу-

зырька, она еще издали приметила, что неподалеку от теневого овала переминается пушистый лупоглазый зверек.

«Ой, как хорошо! — радостно подумалось ей. — Даже и врать не придется...»

Лика хотела ускорить шаг, но потом решила не пугать побирушку. Лучше подойти помедленней... Маша была права, зверек чем-то и впрямь напоминал Телескопа: почти такой же крупный, седая шерстка отливает голубоватой волной... Если он еще окажется таким же говорливым... Но тут лупоглазый повернул к ней розовую, как у Сократыча, мордашку и, подскочив, вздыбил шерсть. Эх, все-таки испугала...

— Лик! — вскрикнул зверек, бросаясь ей навстречу.

Лика отшатнулась.

— Бож-же... — не веря, выговорила она. — Телескоп?!

Розовые пальчики вцепились в край балахончика и яростно куда-то потащили. В круглых выпуклых глазищах зверька был ужас.

— Йоц! Йоц!

Лика наконец догадалась оглянуться — и пронзительно завизжала.

...Голый, худой, с широко раскрытыми незрячими глазами, за ней по пятам, нелепо припадая на обе ноги, шел покойный Крест.

Глава 25

Все отнял у меня казнящий Бог...

Федор Тютчев

Такого никто даже и не помнил. Мужики, потратившие на выпивку не один десяток тюбиков, топтались, озираясь в поисках надзорки — с тем чтобы молниеносно протрезветь. Сельские жители в таких случаях окунают голову в ведро с холодной водой. А то и в прорубь.

И надзорки себя ждать не заставили. Вскоре вся компания была трезва, как нашатырь.

— Ну все, все... — прерывисто приговаривал Василий, одной рукой прижимая к груди вздрагивающую Лику, а другой оглаживая шерстку на маковке воскресшего Телескопа. — Сейчас разберемся...

Глаза у него, однако, были совершенно очумелые.

— Ну, ожил, ну... — ошарашенно объяснял всем мужичок по имени Коля. — Дома вон реанимация... на том свете достанут! А уж здесь...

— Но это точно Телескоп? — вот уже во второй раз с подозрением спрашивал Пузырек.

— А то кто же!.. — отвечал ему счастливый Василий.

Лика ударила его кулачками в грудь и яростно передернула плечами, сбрасывая тяжелую нежную руку.

— Вы что? — закричала она, оборачиваясь то к одному, то к другому. — Не понимаете, что ли, ничего? Там Крест ходит!.. Совсем никакой! Смотреть страшно!..

— Так! — решительно сказал Василий, принимая командование. — Пошли разбираться... Какой там дурак с ломографом приперся? Леха! Совсем уже пробки перегорели? Брось железо, я сказал! Хватит нам тут покойников...

И ватага перебежками, как какая-нибудь диверсионная группа, потекла от камушка к камушку в направлении той опоры, за углом которой, по словам Лики, скрылся невменяемый Крест.

— Тихо! Вот он!..

Головы канули за глыбы, словно погрузились в хлопья мыльной пены. Потом осторожно выглянули вновь.

Точно — голый... И, кажется, сам того не замечает... А в остальном... Да нет, конечно, Лика все со страху перепутала... Невменяемый... Какой же он невменяемый?.. Просто растерянный.

— Всем оставаться на местах, — процедил Василий и, поднявшись в рост, направился прямиком к Кресту. Тот стоял к нему спиной и с напряженным вниманием разглядывал самый обыкновенный камушек.

— Крест!

Он обернулся, но как-то странно. Обычно, когда окликнешь, люди оборачиваются быстрее и с большим интересом. Василий взглянул в желтовато-зеленые глаза Креста — и поразился, увидев в них, как это ни чудовищно, робость.

— Т-ты... к-куда... идешь?

Первые два слова Крест протолкнул с трудом, причем после каждого смолкал чуть ли не в страхе. Зато последнее выпалил радостно, с явным облегчением.

— Как... к-куда?.. — От неожиданности Василий и сам заговорил, слегка заикаясь. — Ты... где парился?

— Что?.. — беспомощно переспросил Крест.

— Н-ну... парился где?..

— Как?..

Василий заморгал. Из-за камушков, осмелев, один за другим стали подтягиваться любопытные.

— А?.. Чего он?..

— Чего-чего... — недовольно сказал Василий. — Щелчком контузило, вот чего! Кликуху — забыл, жаргон — не понимает...

— А мат? — с интересом спросил дедок Сократыч.

— Что — мат?

— Мат понимает?

Василий задумался на секунду, затем снова повернулся к Кресту и самым дружеским тоном осведомился насчет погоды. Из четырех произнесенных им слов приличным было лишь одно — «денек». Пара предлогов — не в счет...

Крест заискивающе улыбнулся. В желтовато-зеленых глазах тлело отчаяние.

— Я... сюда... пришел!..

Все невольно поежились.

— А вы уверены, что это именно контузия, Василий? — задумчиво спросил дедок.

— А что же еще? Не рассчитали заряд — ну и...

На розовом личике Сократыча обозначилось вежливое сомнение.

— Видите ли... — промолвил он. — Я как-то не представляю себе надзорку, не рассчитавшую заряд. Рома!.. Вы ведь, как я понимаю, не проводили больше своих... м-м... опытов?

— А ну их на фиг!.. — буркнул Ромка.

— Ну вот, видите! — сказал дедок, снова обращаясь к Василию. — С чего бы тогда надзорке так ошибиться?.. Да она, мне кажется, и в любом случае не ошиблась бы. Уж больно, согласитесь, дело серьезное. Тут ведь даже не о количестве тюбиков речь! Речь-то — о жизни человеческой! О рассудке!..

— Ну, не тяни, не тяни! — вмешался Леша. — Чего ты там надумал-то?

— Да не то чтобы надумал... С точки зрения хозяев, Крест — безусловно, преступник. Не подвернись ему тогда Телескоп, он бы раздробил ломиком голову Никите... А в какой-то, по-моему, стране одно время преступников подвергали лоботомии...

— Чему-чему?

— А это, видите ли, такая операция на мозге, после которой убийца теряет агрессивность, но, с другой стороны, как

бы... тупеет... Я, конечно, не психиатр... — Тут взгляд Сократыча упал на Ромку, и дедок жестоко поперхнулся. Озабоченно потрогал себя двумя пальцами за кадычок, покрутил головой и закончил сдавленно: — Словом... Во всяком случае, мне так кажется... Картина похожая... похожая...

— Я... — с натугой произнес Крест и замолчал. На низком жалобно наморщенном лбу мерцали крупные капли пота.

Потом толпа как-то на удивление быстро стала разваливаться. Ушел насупленный Ромка. Василий полетел к ненаглядному своему Телескопу. Пузырек испугался, что у него там, наверное, уже перелилось. Муж Люськи с потолка схватился за голову при мысли, что ему еще отмазываться перед благоверной за этот запой, и побежал долбать глыбы. Остальные просто испарились, не утруждая воображения, и на пятачке остались только Крест да ошеломленный Никита Кляпов.

Все складывалось для Никиты как нельзя удачнее. Крест — жив, а значит, и совесть — чиста. А с другой стороны, ни о каком долге теперь и речи быть не может... Кончен бал, господа! Хозяева расплатились с Крестом за все долги Никиты Кляпова...

Оба растерянно смотрели друг на друга.

— Ну что, Крест? — негромко спросил наконец Никита. — Достукался?

Хотел — злорадно, но вышло — с сочувствием. Крест скривился от умственного напряжения — и не ответил.

— Ты хотя бы простынку, что ли, нацепил... — расстроенно посоветовал ему Кляпов. — Голый же... А тут женщины ходят...

— Я... — внезапно заговорил Крест и вновь запнулся, — куда... пойду?..

Секунду Кляпов смотрел в желтовато-зеленые испуганные глаза, потом вдруг зажмурился до боли и замычал, мотая головой.

— Да что же это?.. — пожаловался он неизвестно кому. — Ну неужели нельзя было как-нибудь по-другому?..

Он стиснул зубы и лишь после этого смог открыть глаза. Видимо, состояние Никиты требовало болезненного напряжения хотя бы какой-нибудь одной мышцы.

— Сядь! — бросил он. — Вот сюда, на камушек. И сиди жди меня. А я сейчас...

Никита не без тайной гордости, что командует самим Крестом, усадил его на маленькую глыбу и кинулся к виднеюще-

муся вдали скоку, ведущему в одну из незаселенок. Шагнув в теневое пятно и очутившись в колышущемся цветном полумраке опоры, Никита нашел световод-бритву и оборвал под корешок. Затем выбрал тлеющую без биения бледно-фиолетовую трубу толщиной с мужское бедро и опоясал ее двумя глубокими кольцевыми разрезами, отстоящими друг от друга приблизительно на метр. Потом отвесно чиркнул по трубе, соединяя засечки. Первые слои, естественно, оказались попорчены, но уже на шестом витке простынка пошла разматываться целенькая, без единой царапины.

«А вообще, конечно, поступили все по-свински, — с горечью мыслил Никита, отсекая кусок метра в три длиной. — Убедились, что жив-здоров, — и разбежались... А что он даже одеться не сообразит — это их уже и не волнует...»

Кончиком световода-бритвы он вырезал посередине белоснежного полотна отверстие для головы. А чем подпоясать?.. А, сойдет и этот! И Никита отмахнул полтора метра толстого шнура, полыхавшего до сей операции пронзительной синевой.

Выход из незаселенки выводил чуть ли не на потолок, и Кляпову пришлось воспользоваться еще парой промежуточных скоков, прежде чем он выбежал на пятачок, где должен был его ждать Крест.

Слава Богу, тот еще был на месте, хотя уже поднялся с камушка и стоял, недоуменно вертя головой. А вокруг кривлялись, щебетали и злобствовали мохнатые побирушки.

— Йоц!.. Йоц!..

Даже появление Никиты не слишком-то их смутило.

— И не стыдно? — укоризненно сказал он им. — Раньше-то, чай, не больно дразнили... Главное, вы-то здесь при чем? Это нам с Телескопом досталось!..

Никита заставил Креста сесть, надел на него простынку, снова поднял на ноги и крепко подпоясал.

— Вот, — удовлетворенно отметил он. — Теперь хотя бы прилично...

— Йоц! — азартно чирикнули сзади. — Зать!

Кляпов оглянулся. Вконец обнаглевший лупоглаз пританцовывал в каких-нибудь двух шагах и издевательски крутил капсулой салатного цвета.

— А ну, кши отсюда! — прикрикнул Никита и топнул ногой. — Ты у меня сейчас дождешься!..

— Зать!.. — неожиданно сказал Крест, протягивая руку к капсуле.

* * *

Прошло дня три. Жизнь помаленьку налаживалась, и только вот Ромка совсем куда-то запропал. Василия уже начинала легонько покусывать совесть. Опросив чуть ли не каждого встречного и выяснив наконец, что Ромка опять засел в «конуре», Василий оставил Телескопа с Ликой и отправился к пятиэтажке.

Ромку он нашел на четвертом этаже в позе медитирующего йога. Уперев руки в широко расставленные мосластые колени и сурово сведя брови, хулиган пялился в угол, где из воздуха тонкой струйкой лился серый мягкий порошок. Правда, лился он на этот раз не на пол, а в аккуратно расправленный пластиковый мешок. Несколько таких мешков, полных до верху, стояли рядком вдоль стены, а неподалеку от правого Ромкиного колена лежала стопка порожних пакетов. Комната была припудрена серой пылью, на полу подсыхали грязевые разводы, в углу валялись разноцветные оболочки от капсул и что-то до омерзения похожее на коровью лепешку.

— Ром, — позвал Василий. — Поговорить бы надо...

— Да пошел ты на фиг, — процедил в ответ хулиган. — Лике привет передавай...

Василий покряхтел.

— Ром, — снова начал он. — Да я тебя понимаю... Ну... так уж вышло, Ром... Прости, но... сам ты во всем виноват.

Ромка не ответил и продолжал исступленно таращиться в угол.

— Да ну тебя на хрен! — рявкнул Василий, становясь между мешком и Ромкой. Тонкая серая струйка оборвалась. Ромка потянулся, хрустнув суставами, и со скукой поглядел на Василия.

— Ну чего? — спросил он. — Два дня вместе гудели — молчал. А теперь поговорить ему... Чего надо?

— Из-за Лики бесишься? — хмуро осведомился Василий.

В ответ Ромка скорчил рожу — похлеще Пузырька.

— Да на фиг она мне сдалась, Лика твоя! Я лучше вон, если что, к кукле Маше на второй этаж сбегаю — та хоть мозги не пудрит...

От такого бесстыдства Василий на несколько секунд утратил дар речи.

— Да-а... — протянул он на низах. — Докати-ился...

Поиграл желваками и, насупившись, повернулся к мешку. Ухватил щепоть порошка, растер в пальцах и с неодобрением оглянулся на Ромку.

— Ну и какой же это, на хрен, цемент?

— Да никакой... — нехотя согласился тот. — Попробовал из черного тюбика развести: он засохнет — и снова рассыпается... А из красненького развел — вроде ничего, схватывается. Вон, в углу...

Оттискивая в тонкой серой пыли следы босых ног, Василий направился в угол. Оторвал от пола засохшую лепешку, разломил с натугой, осмотрел оба скола. Вроде и впрямь схватилось...

— Нет, ну а что ты с ним делать-то будешь?

— Не скажу! — Ромка злорадно осклабился.

Василий метнул оба обломка на пол.

— Дурью маешься! — бросил он с досадой. — Тут только в «конуре» строить и позволено! Ну вот выйди наружу, попробуй... Ты сверху — бетонировать, а пол снизу — подъедать!..

— А вот фиг там! — с затаенным торжеством сказал Ромка. — Все рассчитано...

— Рассчитано у него... Главное — зачем?!

— Допросились...

— Кто?

Ромка ответил не сразу. На губах его блуждала шалая улыбочка, не предвещавшая ничего хорошего.

— Думаешь, они одного Креста опустили? — спросил он вдруг. — Они нас всех опустили...

— Ты соображай, что говоришь! — наливаясь кровью, громыхнул Василий. — За такой базар — знаешь...

Но Ромку его громыхания давно уже не впечатляли.

— А вот фиг им... — с нежностью молвил он. Потом, как бы иллюстрируя свою мысль, сложил кукиш и невольно им залюбовался.

— Раскидался фигами! — буркнул Василий. — Что ни слово — то «фиг», «фиг»...

— А у тебя что ни слово — то «хрен»! — огрызнулся Ромка — и вдруг замер. Ошеломленно взглянул на Василия. Хмыкнул. Задумался. Еще раз внимательно оглядел кукиш.

— Нет, — решительно сказал он наконец. — Все-таки «фиг» — лучше! Красивее!..

Процессию возглавлял Никита Кляпов. Он шел и озабоченно высматривал подходящую глыбу. За ним следовал безучастный Крест с двумя ломиками. Полы его простынки Никите пришлось укоротить до колен, а то поначалу Крест то и дело в них путался с непривычки. И наконец замыкали шествие три пушистых лупоглазых зверька. Время от времени кто-нибудь из них отважно подбегал и, дернув за край простынки, отскакивал с преувеличенным ужасом.

— Йоц! Йоц!..

Крест недоуменно оглядывался, а Никите было не до того — он высматривал глыбу.

Поодаль стояли и наблюдали печальную эту картину две женщины.

— Говорила же, обнаглеют! — зловеще молвила Клавка, с ненавистью глядя на лупоглазых. — Ну ты посмотри, чего делают!.. А все хозяева ваши разлюбезные... И главное — за какую-то зверушку безмозглую!.. Он же теперь — чисто дитя малое... Корми его, пои... Одевай...

Маша Однорукая вздохнула.

— Изувечили мужика... — обронила она, печально глядя вослед процессии. — Все равно что яйца отрубить...

Клавка вдруг всполошилась и, опасливо оглядевшись, понизила голос:

— Ты вот говоришь: отрубить... А мне Люська с потолка знаешь чего сказала? Ум-то у Креста отшибло, а остальное-то все... работает... Так Никитка... представляешь?.. Когда Крест, ну... беспокоиться начинает... Он его к кукле этой водит Лешкиной, в «конуру»... А может, и придумала Люська — с нее станется! За что покупала — за то продаю...

— Лучше бы он его ко мне водил! — осклабившись, ляпнула Маша и, оставив Клавку в состоянии столбняка, пошла к ближайшему скоку.

Кляпов тем временем, приглядев тройку крепеньких камушков средней величины, приказал Кресту остановиться и принялся ощупывать их и оглаживать.

— Крест!.. — позвал он наконец.

Тот не отреагировал, и Никита, ворча, направился к бестолковому питомцу.

— Тебя! Зовут! Крест! — отчеканил он, тыча пальцем в костистую грудь.

— Зовут... — с трудом выговорил Крест. — Меня...

— Ну? Зовут! А как зовут-то? Ну!..

Ответом была жалкая улыбка.

— Боюсь, что вы зря теряете время, Никита... — послышался сзади исполненный сочувствия голос дедка Сократыча. — Добрый день!

Кляпов обернулся.

— Добрый день, Платон Сократович! — неприветливо отозвался он. — Пришли поделиться новой версией?..

— Угадали! — Дедок так и просиял. То ли он не услышал горькой иронии в голосе Никиты, то ли сделал вид, что не слышит. — Вы знаете, думал всю ночь... Так вот... Все, что я говорил о лоботомии, — забудьте. Это я сгоряча... Скажите, Никита, а слово «крест» имеет какое-либо значение в уголовном жаргоне?

— Н-наверное... Это Василия спросить надо.

— Верно, верно... Спрошу обязательно!.. Так вот, Никита, мне пришло в голову, что хозяева обезвредили нашего с вами знакомого весьма просто. Они каким-то образом изъяли из его сознания все бранные и жаргонные слова. Так неудивительно, что он то и дело запинается! Фразу-то теперь склеить — нечем...

— Сволочи они, ваши хозяева, — безразлично ответил Кляпов.

— Ах, Никита... — с улыбкой упрекнул его дедок. — А еще интеллигентный человек!.. Любить и ненавидеть — штука нехитрая. На это особого ума не требуется. Понять! Вот это куда сложнее...

— Да что за чушь! — с некоторым запозданием взорвался Никита. — Вы хотите сказать, что хозяева предварительно изучили русский мат и лагерный жаргон?

— Зачем? — изумился дедок. — Зачем это им изучать, когда у них рядом мы? Да-да, мы с вами! Достаточно спроецировать нашу с вами неприязнь на Креста — и все! Понимаете? Изъять из его сознания то, что не нравится нам! Мат, жаргон, агрессивность...

— Я не знаю лагерного жаргона, — хмуро напомнил Кляпов. — Да и вы тоже.

— Зато знает Василий! — возразил дедок. — И потом, Никита... Мне вас просто жалко. Вы третий день повторяете, как попугай: Крест, Крест... И никак не поймете, что слово это в

его сознании просто-напросто заблокировано. Услышать-то он его услышит, а вот воспринять...

Какое-то время Никита стоял, повесив голову. Думал. Потом хмыкнул неуверенно и покосился на равнодушное лицо Креста.

— Йоц! — сказал он, снова уперев палец в костистую грудь. — Ты — Йоц! Сьок?

— Сьок, — отозвался Крест. — Йоц... Зать!

Дедок Сократыч попятился от них в благоговейном ужасе, не иначе, опять осененный какой-нибудь новой идеей.

— Никита... — вымолвил он. — И давно вы общаетесь с ним на этом... м-м... пиджин-рашене?..

Беззвучно порхали цветные блики. Удобно откинувшись в глыбе-качалке, Лика наслаждалась покоем. Все уладилось... Василий безболезненно вышел из запоя, Телескоп — вернулся... На пушистой черепушке — ни шрамика, и такой же забавный, смышленый... Соседи, правда, ворчат, что хозяева из-за него Креста дураком сделали... Ничего. Поворчат да перестанут... Да и поделом Кресту, если уж быть совсем честной... Когда все окончательно утрясется, надо будет придумать Телескопу простенькое самостоятельное поручение и послать его с ним, ну, скажем, к Маше Однорукой... Вдруг справится!..

Теплый пушистый зверек, тихонько чирикая, прильнул к колену хозяйки, и Лика рассеянно пропускала сквозь пальцы мягкую нежную шерстку.

За этим занятием ее и застал не в настроении вернувшийся Василий. Телескоп радостно заверещал и сразу кинулся за графинчиком.

— Этот твой... — мрачно сообщил Василий, садясь на недавно добытую глыбу, напоминающую одновременно и кресло, и оплывший свечной огарок. — Опять какую-то пакость затевает...

Лика вздернула подбородок.

— Могу я просить тебя не называть его больше моим? — мелодично осведомилась она.

Василий смущенно крякнул.

— Да, конечно... — сказал он. — Прости...

Помолчал, похлопал ладонью по молочно-белому изгибу, служащему подлокотником. Единственным, к сожалению...

— Прихожу к нему в «конуру», — расстроенно начал он. — Сидит, цемент свой из воздуха в мешки сыплет... Слушай, он, по-моему, ненормальный!

— Тебе видней, — уклончиво заметила Лика.

— Нет, правда! — уже распаляясь, продолжал Василий. — Сложит фигу — и давай разглядывать. Будто ему ни разу таких штук в жизни не показывали!.. Хозяевам грозит... Испугались его больно хозяева!..

Тут уже и Лика встревожилась. Села в глыбе-качалке попрямее. Закусив губу, посмотрела исподлобья.

— А что именно затевает... Не узнал?

— Да в том-то и дело! — с досадой сказал Василий. — Цемент... Ну что можно натворить с помощью цемента? Световоды забетонировать? Да ну, ерунда какая-то... Да и не цемент это вовсе! Схватывается только на сиропе этом, из красненьких тюбиков... Спасибо за службу, Телескоп!..

— Ты не слишком увлекаешься? — спросила Лика, с неприязнью глядя на полный графинчик.

— Да ладно тебе... Мне это — как слону дробина! Просто нервы успокоить. Достал он меня... Твое здоровье!

Лика кивнула со вздохом и откинулась, закачалась вместе с глыбой. Василий выцедил стопку и задумался вновь.

— Что еще?.. — угрюмо размышлял он вслух. — Развести раствор пожиже и бултыхнуть в него надзорку?..

Глыба-качалка остановилась.

— Слушай, я боюсь! — тихонько сказала Лика.

— А? — взглянул он на нее из-под тяжелой насупленной брови. — Да нет... Тоже ерунда. В чем разводить-то? Пол везде ровный... Ям нету... Ну-ка давай логически! В опорах — улитки, снаружи — надзорки. Да еще пол снизу будет разъедать... То есть строить он может только в «конуре»... Ну, допустим, замурует проемы в какой-нибудь комнате... Так там все равно скоки... И окна... Нет, не понимаю...

— А если на камушке? — спросила Лика.

Василий усмехнулся.

— Много ты чего на камушке выстроишь!.. Разве что сами камушки пустить вместо кирпичей... Но их же ведь не свернешь! Это какую силу иметь надо?..

Лика резко выпрямилась, покачнув глыбу.

— Я в самом деле боюсь! — Она повысила голос. — Это очень серьезно, Вася! Ты вспомни, что было в прошлый раз...

Ад кромешный! А ведь он тогда не грозил, он просто развлекался... А теперь, ты говоришь, грозит... Да еще и хозяевам!

— Да плевать на него хозяевам, — буркнул Василий.

— Хозяевам — да! А нам?.. Боже мой! — В голосе Лики зазвенело отчаяние. — Только-только все стало налаживаться — и опять он!..

Глава 26

Я памятник воздвиг огромный и чудесный...

Константин Батюшков

Минуло еще несколько дней. Мрачные пророчества Лики сбываться не спешили. Ромка вел себя по-прежнему странно — и не более того. Время от времени он, правда, что-нибудь да отчебучивал, приводя обитателей колонии в изрядное недоумение, однако поступки его теперь можно было скорее назвать чудачествами, нежели озорством.

Так, однажды утром он вдруг вооружился заветной своей кувалдочкой и вышел крушить самые что ни на есть исполинские глыбы. Каждая — тюбиков на двадцать с лишним, не меньше. Кое-кто даже высказал робкое предположение: слава Богу, взялся, мол, за ум...

Ничуть не бывало! Покончив с трудами праведными, Ромка двинул прямиком к Пузырьку и, даже отказавшись принять традиционный колпачок, обменял всю добычу на алые капсулы с тягучим приторным сиропом. По неслыханному, кстати, курсу — три к одному. Пузырек был изумлен, обрадован и встревожен. Редко кому удавалось сбить его с толку, а Ромке вот удалось. Спрошенный о том, на кой ему пес столько красненьких, хулиган промямлил что-то невнятное, но клятвенно заверил, что Пузырьку он — не конкурент. Как будто и так не было ясно! Какая ж, к черту, конкуренция — без змеевика-то...

Кое-что прояснилось после того, как наиболее любопытные наведались в «конуру» и посмотрели, чем он там занимается. Вне всякого сомнения, Ромка прилежно осваивал не то бетонные, не то глинобитные работы. Удивлялись, пожимали плечами, крутили пальцем у виска... Слава Богу, хватило хоть ума не дразнить! Последствия были бы непредставимы...

— Ну вот, как я и думал, Никита... — с печальной улыбкой молвил дедок Сократыч. — Слово «крест» бытует в уголовном жаргоне. И, согласно Василию, означает оно всего-навсего — нож. Которым режут...

— Что-то вы какой-то грустный сегодня, Платон Сократович, — заметил Кляпов.

Дедок вздохнул.

— Есть причины, Никита, есть причины... Каковыми, если, конечно, хотите, могу поделиться...

— Тогда подождите минутку... — Кляпов повернулся к переминающемуся рядом Кресту. — Йоц! Сли!..

И, не оглядываясь, двинулся к средних размеров камушку, закрученному спиралью, как домик улитки. Крест, затрепетав, устремился следом.

— От! — сказал Никита, указывая на нужный выступ. — Сьок?

— Зать! — немедленно выпалил Крест.

— Зать тебе... — недовольно отозвался Никита. — Вот раздолбишь — тогда и будет тебе «зать»...

Проследив за первыми ударами, он кивнул и вернулся к Сократычу. Исполненные скорби прозрачные глаза дедка были устремлены мимо Кляпова.

— Собственно, это даже и не версия, Никита... — проговорил Сократыч, по-прежнему не сводя горестного взгляда с Креста, неловко заносящего ломик. — Так, подозрение... Но уж больно, знаете, неприятное... Просто меня поразило, с какой легкостью ваш друг утратил родную речь и перешел на пресловутый пиджин-рашен... Все эти «от», «сли», «тьок»... Скажите, а как у него сейчас складываются отношения с побирушками?

— Да вроде помирились, — нехотя отвечал Никита. — Дразнить стали поменьше...

— Нет, я о другом... Общается он с ними?

— Да больше, чем с нами!

— Вот-вот-вот-вот-вот... — Розовое чело Сократыча затуманилось вновь. — Помните, я излагал версию, что с нашим приходом побирушки остались не у дел и выродились? Так вот в версии этой меня смущал всего один момент: как можно выродиться без смены поколений?.. А сегодня ночью пришла такая страшненькая, знаете, мысль... Что, если хозяева, не нуждаясь больше в услугах побирушек, поступили с ними так же,

как с Крестом? А? Бац, знаете, — и все проблемы решены... А мы вот с вами смеемся над их ужимками и даже и не подозреваем, что в будущем нас ждет то же самое... Простите, а что я сказал веселого, Никита?

Зажмурясь и ухватив переносицу двумя пальцами, Никита Кляпов сотрясался от беззвучного злобного смеха.

— Извините, — сказал он и встряхнул головой. — Просто мне подумалось, что все мои проблемы тогда действительно будут решены... Отупеть и на все наплевать — да я чуть ли не мечтаю об этом!

— Ну да, ну да... — деревянно поддакнул Сократыч, нервно оглаживая бородку. — Блаженны нищие духом... А мне как прикажете быть в таком случае? Зать? Сплошное «зать»? Нет уж, увольте... Если у меня и есть что-либо дорогое в этой жизни — так это мой разум! Запомните это, Никита!..

Удары по глыбе внезапно прекратились, и оба услышали, как с глухим стуком упал на покрытие ломик. Обернулись. Крест стоял, обмерев, и с ужасом провожал глазами прокатившую мимо надзорку. Никита бросился к нему.

— Ну, все, все... — испуганно приговаривал он, похлопывая и поглаживая Креста по судорожно вздрагивающим мышцам. — Дьец... Уехала...

Кое-как успокоив питомца и снова вручив ему ломик, Никита решительным шагом подошел к дедку.

— Опровергнуть? — прямо спросил он.

— Что ж, попробуйте. — Сократыч посмотрел на него с любопытством.

Никита оглянулся на Креста.

— Видели, как он испугался? А побирушки надзорок не боятся...

— Н-ну... Возможно, прошло много времени... Забыли, осмелели...

— Хорошо, — сказал Никита. — А с чего вы вообще решили, что они глупее нас с вами? Вы хоть одну фразу на их языке прощебетать можете? А они на нашем чирикают вовсю... Ладно. Взять того же Креста. Да я перед ним хуже всякого побирушки унижался... И что же из этого следует? Что он был умней меня?

С каждым словом личико Сократыча прояснялось все больше и больше.

— Никита... — растроганно сказал он наконец, пожимая Кляпову локоть. — Спасибо... Не то чтобы вы меня убедили, но...

Но в этот момент ломик Креста угодил в напряженку, и глыба, издав звук пушечного выстрела, как бы провалилась сама в себя и осела грудой крупного белого щебня. Никита извинился и кинулся к питомцу (с минуты на минуту должна была показаться надзорка).

Повеселевший дедок двинулся было своей дорогой, но, не пройдя и десятка шагов, столкнулся с озабоченным Ромкой. Руки и нос хулигана были обильно припудрены серым порошком. Да и пузо — тоже...

— Дед! — Ромка обрадовался. — Тебя-то мне и надо! Ты ж у нас все знаешь!..

Чувствовал, стервец, где у Сократыча слабая струнка.

— Ну, во-первых, не все, — отвечал ему польщенный дедок. — А во-вторых, не уверен, что знаю. Что вас интересует, Рома?

— Вот, например, памятник, — сказал Ромка, и воздел серые по локоть руки, давая понять, насколько этот памятник громаден. — Он — как? Пустой внутри или весь из бетона?

Седенькие бровки взмыли изумленно.

— Вы собираетесь возводить памятник, Рома? И кому же, позвольте спросить?

— Да нет, — отмахнулся тот. — Поспорили просто... Ну так как?

— Н-ну... Смотря какой памятник... Помельче — те, конечно, монолитные... А вот колоссы всякие... Их, по-моему, собирают из блоков... Укладывают, знаете, такие бетонные кольца — одно на другое...

— Ага... — несколько ошарашенно молвил Ромка, оглаживая ладонями невидимый круг. — Ну, понятно... Кольцами, значит...

Дышащие бледным свечением ребристые айсберги опор отяжелели, налились желтизной, покрытие блеснуло, как пруд в безветренное пасмурное утро. Мир просыпался. Светлые пятна скоков стали темными, по верхней и нижней тверди побежали едва уловимые рваные тени, похожие на клочья облаков.

В проулках белели в ожидании людей невесть когда возникшие новые камушки. Рассвет ласково омыл знакомую глыбу, слегка похожую на постамент Медного Всадника, и одинокую человеческую фигуру на ее выдающемся вперед уступе.

Расправив грудь, Ромка оглядел окрестности, потом обернулся. Два мешка, сетка с алыми капсулами и всякий мелкий инструмент удобно угнездились в седловине замечательной глыбы. Клавкин броневичок был просто обречен на роль пьедестала.

— А вот фиг вам!.. — еле слышно шепнул Ромка, запрокинув вдохновенное лицо к невероятно высокому потолку.

Затем перетащил один мешок из седловины на слегка выпуклую маковку глыбы и вытряхнул в самой середке, окутавшись при этом по грудь облаком тонкой серой пыли. Подождал, пока пыль осядет, и выволок наверх сетку с капсулами. Присев на корточки, сделал в дышаще-мягком сером холмике глубокую выемку, после чего выдавил туда пять алых тюбиков.

Припудрил ладони — и приступил...

Ромка действительно никогда не имел дела ни со строительством, ни с гончарным ремеслом. Все, что могло ему теперь пригодиться в работе, сводилось к детским воспоминаниям о том, как покойная баб-Варя замешивала тесто для пельменей. Очень похожими приемами он замесил тяжеленный колобок чудовищных размеров и принялся раскатывать его сначала в бревно, а потом в длинную толстую кишку. Вскоре пришлось опуститься на колени. На выпуклой площадке стало тесно. Будь Ромка более начитан, он бы неминуемо сравнил себя с Лаокооном. Наконец догадался порвать липкого удава натрое, и первое кольцо было выложено по частям. В поперечнике оно достигало полуметра, толщиной не уступало кулаку Василия, а цвет имело жирно-коричневый, словно пропитано было масляной краской.

Ромка распрямил сведенную спину и поднялся в рост — полюбоваться. Балде-ож...

— Ты что ж это, поганец, делаешь?! — разорвал утреннюю тишину вопль, исполненный изумления и злобы. Ранняя пташечка Клавка вышла на промысел.

— Чего вопишь? — благодушно осведомился Ромка. Он был до того очарован первым выложенным кольцом, что даже не удосужился взглянуть на Клавку.

— Ты мой броневичок поганить? Тут люди собираются, вопросы с него решают!..

Ромка присел на корточки и любовно устранил легкий изъян, пока не схватилось намертво. Нет, отлично легло колечко...

— Я кому говорю?..

Ромка повернул голову.

— Клавк, — задумчиво молвил он. — Вот перемкну пару кабелей, и будешь неделю дома сидеть...

Клавка набрала полную грудь воздуха и уже открыла рот, как вдруг взглянула Ромке в глаза — и поняла, что он не шутит.

Рот медленно закрылся, воздух был относительно тихо выдохнут. Конечно, будь рядом свидетели, Клавка еще, пожалуй, и пошумела, поерепенилась бы малость — марку поддержать. А так... Словом, когда Ромка, устранив пару-тройку огрехов, снова поднял голову, Клавки на пятачке уже не было.

Следующей, как ни странно, заявилась Лика. Что ее выгнало из дому в такую рань — сказать трудно. Обычно она в это время еще нежилась в гамаке... Остановилась, подождала, когда Ромка поднимет голову, естественно, не дождалась и в недоумении обошла глыбу кругом, приглядываясь к творящемуся на вершине.

Ромка уже заканчивал выкладывать третье кольцо.

— Доброе утро, Рома, — сказала Лика.

— Привет, — буркнул Ромка, головы по-прежнему не поднимая.

Лика, склонив голову к плечу, задумчиво и тревожно смотрела на еще не завершенную, но уже уродливую композицию.

— И что это будет? — хрустальным голоском осведомилась она.

Ромка встал и вытер руки о штаны. С третьим кольцом было покончено.

— Фиг, — ответил он не без гордости.

— Прости, не поняла...

Он снисходительно улыбнулся и сложил для наглядности известную комбинацию из трех пальцев.

— И... кому же ты его... адресуешь? — несколько оторопело спросила она.

— А вообще!.. — И Ромка щедрым жестом объял необъятное.

Лика, право, не знала, что и ответить.

— Между прочим, — холодно заметила она наконец. — Фига, если хочешь знать, женского рода, а не мужского.

— Это у тебя женского, — огрызнулся Ромка. — А у меня — мужского.

Лика оскорбленно вскинула плечики — и удалилась.

Потом публика повалила валом. Посмеиваясь, наблюдали, как Ромка, упрямо отклячив нижнюю губу, раскатывает оче-

редного масляно отсвечивающего удава, рвет его натрое и выкладывает по частям следующий ярус. Задавали вопросы. Чаще всего: «Кому фиг-то?» Сначала Ромка говорил: «Хозяевам!», но потом озверел и начал отвечать: «Тебе!» Покручивая головами, отходили. Дескать, чем бы дитя ни тешилось — только бы кабели не перемыкало...

Приковылял Пузырек, поглядел скептически, почесал за ухом.

— Эх! — сказал. — Знал бы — ни за что бы менять не стал. Сколько сырья загубил — страх подумать!..

Несколько раз в проходах между опорами появлялся хмурый Василий, но к глыбе так и не подошел. Переживал издали.

Словом, первый день творения никого особенно не встревожил.

Загрузив мешки и сетку с капсулами в скок, Ромка шагнул вслед за ними и невольно присвистнул. Пять надзорок на одном пятачке — не многовато ли? Прямо целый патруль... Поволок первый мешок к пьедесталу — и сразу же наткнулся на округлое акулье рыло.

— Ну чего, чего? — прикрикнул, выпрямляясь. — Иди вон алкашей своих лови...

Такое впечатление, что надзорка колебалась. Дороги не уступила, но, когда Ромка поволок мешок в обход, препятствовать тоже не стала. Хотя (был такой момент) блики на чернильной гибкой броне метнулись зигзагами, и показалось, что тварь сейчас сманеврирует и снова окажется с ним нос к носу.

С одной стороны, все это Ромке очень не понравилось, а с другой — он вдруг ощутил прилив сил и победное злорадство. Ишь, чувырлы гладкие! Зашевелились?.. Почуяли?..

Уклоняясь от прямых столкновений, он в несколько рейсов забросил мешки и сетку в седловину, после чего надзорки как-то сразу выпали из его поля зрения. Теперь для него существовали только покатая вершина глыбы да корявое волнисто вылепленное основание, похожее на обрубок печной трубы. Ромка щелкнул по нему ногтем и звуком остался доволен. Схватилось...

Кстати, а который фиг лепить-то? Левый или правый? Сложил два кукиша, сравнил... Правый. Наше дело правое...

Места вот только маловато... Ромка озабоченно огляделся и наконец решил переложить мешки на вершину, сетку с капсу-

лами бросить прямо в трубу, а раствор замешивать в самой седловине. Все-таки выемка, поудобнее малость...

К полудню еще пять колец легли одно на другое, и жуткое сооружение достигло полуметра над уровнем глыбы — кривоватое, ребристое, как песок на речной отмели, однако довольно прочное. Пока. А вот дальше... Ромка снова сложил кукиш и окольцевал пальцами левой руки правое запястье. Замерил. Затем повел пальцы вверх, и хватка разорвалось. Нет, пожалуй, так сильно трубу расширять не стоит. Потом ведь еще смыкать...

— Рома!.. — продребезжал неподалеку встревоженный голос дедка Сократыча.

Ромка вскинул голову и очумело огляделся. Пятачок кишел надзорками. Их было штук десять, а то и больше. С высоты трех с лишним метров (Ромка поднялся в рост) они до отвращения напоминали огромных черных тараканов, бестолково суетящихся на светлом линолеуме.

Дедок Сократыч тоже боязливо озирался. Должно быть, ему потребовалось немало мужества, чтобы приблизиться к Ромкиному пьедесталу.

— Рома, послушайте меня!.. — взволнованно заговорил он. — Поскольку одна из моих гипотез подтверждается, увы, прямо на глазах, я обязан вас предостеречь, Рома!..

— Ну, давай... — согласился тот и сел на край глыбы, свесив босые ноги с уступа. Словно дразня надзорок, пошевелил пальцами.

— Рома, я преклоняюсь перед вашим упорством и мужеством, но вы, кажется, в самом деле пересекли грань дозволенного... Посмотрите, как они беспокоятся! Такого никогда не было!..

— Ну так... — самодовольно хмыкнул Ромка.

— Поймите, Рома! Вас вывезли сюда совсем для других целей. То, чем вы сейчас занимаетесь, возможно, наказуемо... А вы уже знаете, как они могут наказывать!..

— Не нравится, значит, когда им фиг лепят? — Физиономия Ромки прямо-таки дышала злорадством.

— Да не в этом дело, Рома! Хозяева скорее всего и понятия не имеют, что именно вы там лепите! Важен сам факт... Занявшись творчеством, вы как бы присваиваете себе божественные функции... А боги, как правило, ревнивы, Рома! Прометею, например, пришлось в итоге расплачиваться собственной печенью...

— Дед! — ласково сказал Ромка. — Мне работать надо...

* * *

Добравшись до того места, где полое лепное запястье расширялось, переходя в собственно фиг, Ромка взмок и разозлился. Вот уже несколько раз, сердито сопя, он отрывал и перекладывал неправильно уложенные кольца. То и дело возникала необходимость свериться с оригиналом, а одной левой тоже не больно-то полепишь... К перечисленным неудобствам следовало добавить невозможность сойти с глыбы и осмотреть свое детище издали — на пятачке по-прежнему крутились надзорки.

Покончив с последним мешком, Ромка обнаружил, что золотистые громады вокруг побледнели и обесцветились. Начиналось время серых сумерек.

Спрыгнул с приступочки и, сделав пару-тройку шагов, обнаружил, что окружен надзорками. Сердчишко прыгнуло и заметалось...

— Ребята, ребята... — забормотал Ромка, снова отступая к глыбе. Что-то ткнулось ему под коленки. Взмахнул руками, оглянулся... Так и есть! Еще одна...

Терять было нечего, и Ромка кинулся вперед — прямо на широкие акульи рыла. Дерзко оттолкнувшись босой ногой от выпуклого панциря, перелетел на ту сторону и метнулся к светлому пятну скока.

Напоследок еще и обернулся.

— А вот фиг вам! — торжествующе сказал он сумеркам, где смутно белела глыба и ворочались округлые сгустки мрака.

Сегодня-то — фиг... А вот завтра как?

— Во, блин!.. — озадаченно вымолвил Ромка.

Пятиэтажка сияла огнями. Собственно, ничего чудесного в этом не было — Ромка и сам мог приказать «конуре», чтобы она осветилась целиком. Но кому, хотелось бы знать, взбрело в голову нагрянуть сюда на ночь глядя?

В озаренном изнутри проеме первого подъезда, привалясь плечом к косяку, темнела коренастая фигура Василия.

— И чего? — с интересом спросил Ромка, подойдя.

Василий тяжко вздохнул.

— Пошли, — сказал он. — Все уже собрались...

Ромка хмыкнул и, покручивая головой, поднялся вслед за ним на второй этаж, где в комнате с трехспальным ложем и бугорком серого порошка в углу он действительно увидел знакомые лица. Отсутствовали, пожалуй, только Леша, Пузырек

да еще та лупоглазая девица, имя которой Ромка так и не смог запомнить.

— Вы бы еще куклу Машу пригласили, — нагло сказал он и, пройдя в угол, сел, уперев одну руку в пол, а другую положив на вызывающе вскинутое колено.

Клавка надувалась и вращала глазами. Сократыч сидел, смущенно подняв плечики. Никита был равнодушен. Крест обеспокоенно вертел головой. Этих двоих, надо полагать, затащили сюда насильно.

— Ну давай ты, что ли, Вась? — недовольно молвил мужичок по имени Коля.

Василий засопел, нахмурился, однако противиться не стал и вышел на середину комнаты.

— Рома, ты всех достал, — рубанул он наотмашь.

Ромка повесил голову, и такое впечатление, что пригорюнился. Самые наивные даже переглянулись с надеждой: да уж не раскаивается ли? Ромка молчал довольно долго, потом вздохнул.

— Кого — всех?..

— Всех! — громыхнул Василий. — Даже хозяев! Надзорки вон с ума посходили!..

— А вам-то что? — не понял Ромка.

— Да как это что? Как это что?.. — взвилась Клавка, но на нее тут же зашикали и замахали руками. Умолкла, раздувая глаза и ноздри.

— Объясняю, — процедил Василий и вдруг тоже взорвался: — Да ты же, паразит, всех надзорок на себя стянул!.. Возьми того же Сократыча! Раздолбает камушек — ждет надзорку... А та, сволочь такая, хуже «скорой помощи»! Не едет и не едет... Понял теперь?

Ромка моргал.

— Совсем не едет? — с любопытством спросил он.

— Н-ну... потом-то, конечно, приезжает... — нехотя признал Василий. — Но все равно ведь ждать замучишься!

— Ага... — медленно проговорил Ромка. — Значит, все-таки приезжает...

Теперь уже и Василий раздул ноздри.

— Ты что, издеваешься?..

— А?.. — Ромка поднял на него замутненный взор. — Нет... я... думаю...

— Думает он!.. Короче, Рома! Все тебя просят... Понимаешь? Все! По-хорошему просят: Рома, завязывай!..

— Послезавтра, — сказал Ромка.

— Что послезавтра?

— Послезавтра закончу...

После этих слов рухнула такая тишина, что дедок Сократыч даже заерзал, жалобно покряхтывая.

— Василий... — позвал он. — А может быть, в самом деле?.. Ну что решают два дня в конце-то концов?.. Вы же знаете: он ведь не отступится...

Василий метнул на него бешеный взгляд через плечо и снова повернулся к Ромке.

— Как же я тебя раньше-то не раскусил?.. — процедил он. — Там тебе ломать запрещали — ломал! Здесь тебе строить запрещают — строишь! Тебе же все равно, что делать, лишь бы наперекор! Лишь бы закон нарушать! Что? Не так?

Ромка утомленно прикрыл глаза.

— Вась, — сказал он. — Ну тебя на фиг... Упахался я сегодня. Да и завтра денек предстоит...

— А мы, выходит, не упахались? — взревел Василий.

Ромка неспешно поднялся на ноги и, пренебрежительно отклячив нижнюю губу, оглядел Василия с головы до ног.

— Ломать — не строить...

Глава 27

И дым Отечества нам сладок и приятен!

Александр Грибоедов

Выглянув утром из «конуры», Ромка обнаружил, что у подъезда его поджидают две угрюмые надзорки.

— Всю ночь, что ли, дежурили? — спросил он их и, не получив ответа, свернул за угол, к скокам. Чернильные глянцевые твари потекли следом. Мешки и капсулы остались на четвертом этаже, но после вчерашнего Ромка чувствовал, что для начала неплохо бы провести разведку.

С пересадкой в три скока он достиг окрестностей пятачка и осторожно выглянул из-за опоры. Кажется, Василий был прав: своим поползновением на творчество Ромка и впрямь стянул к пьедесталу чуть ли не всех надзорок. Кишмя кишели. Создавалось впечатление, что сегодня туда не прорваться. Может, выждать пару дней, пока успокоятся?.. Или все-таки по-

пробовать внаглую пробежать по спинам?.. Ну да! А мешки? А капсулы?..

Ромка для опыта выбрался на открытое место, и глянцевые твари немедля пришли в движение.

— Ну ни фига себе... — испуганно пробормотал он.

От вчерашней неуверенности надзорок и следа не осталось. Четкий хищный вираж — и бросок. Так они обычно кидаются, когда видят, что склока грозит перейти в рукопашную.

— Что за дела? — с достоинством сказал Ромка подлетевшим вплотную каплеобразным тушам. — Да я вообще мимо шел... камушек искал подходящий...

В подтверждение своих слов он отцепил от пояса и предъявил им зеркальную кувалдочку. Особого впечатления на надзорок это не произвело.

Двинулся в сторону, противоположную пьедесталу. Пропустили... И на том спасибо... С тремя конвоирами за спиной он добрался до средних размеров камушка. С ненавистью окинул глазом молочно-белые округлости — и уничтожил одним ударом. Сорвав злобу, пошел было дальше, но, оглянувшись, приостановился... За ним теперь следовала всего одна надзорка. Остальные две прилежно подъедали осколки.

— Ага... — соображая, молвил он. — Ну правильно... Васька же говорил: все равно приезжают...

Последовал еще один взмах зеркальной кувалдочки — и следующий валун лопнул с грохотом. Последняя сопровождающая надзорка немедленно забыла о Ромке и занялась обломками.

Нет, не будет больше такого дня в Клавкиной жизни! По обыкновению выйдя раньше всех на промысел, она уже приглядела пару легких камушков, когда в соседнем проулке громыхнуло — тюбиков этак на десять, если не на пятнадцать. Изумившись, Клавка двинулась прямиком на звук и была ошеломлена еще одним громовым ударом. Потом навстречу ей вылетел Ромка — с вылупленными глазами и с кувалдочкой в руке.

— Клавка! — заорал он. — Хватай тюбики! Халява!..

На ее глазах он подскочил к чудовищной глыбе, похожей на оплывшего снеговика, и подбил снизу, куда по-трезвому и тюкнуть-то не додумаешься. Белоснежный гигант еще только стонал и кряхтел, намереваясь оглушительно ахнуть, а Ромка уже казнил следующий камушек. В благоговейном ужасе Клав-

ка заглянула в проулок, откуда только что выскочил обезумевший громовержец. Проулок был завален обломками. Ромка уничтожал все подряд. Как Тамерлан.

То, что он тронулся окончательно, в доказательствах не нуждалось. Да, но Клавка-то была еще в своем уме! Подхватив подол простынки, она стремглав кинулась в проулок. А навстречу ей танковым клином катились ошалелые надзорки.

Нескончаемый грохот гулял между бледно-золотистых громад, на стеклисто мерцающее покрытие оседали все новые и новые холмы, холмики и пригорки ослепительно белого щебня. Ромка крушил вдохновенно, не задумываясь. Заметив, что вокруг становится черным-черно от надзорок, кидался в скок и, очутившись в противоположном конце лабиринта среди непорушенных глыб, вновь пускал в ход сокрушительную сталь.

Вышедшие к тому времени на утреннюю охоту обитатели опор ошалело озирались. Не в пример правдоискательнице Клавке им было как-то неловко подбирать неизвестно кем заработанные тюбики, но, заслышав ликующие вопли Ромки насчет халявы, они быстро теряли застенчивость и принимались набивать капсулами сетки и пакеты. Вскоре, как этого и следовало ожидать, начались дележ и ругань. Надзорки метались как очумелые.

Ромка же, внезапно прекратив буйствовать, возник в «конуре» и торопливо перекидал в скок все стройматериалы. Потом выбросился на пятачок и остался весьма доволен зрелищем. Ни одного чернильно-глянцевого рыла возле пьедестала он не увидел.

Обливаясь потом, перенес и свалил в седловину сначала мешки, а потом две сетки алых капсул. В последний миг из-за дальней опоры вылетела наконец-то подъевшая все осколки надзорка, но Ромке было уже наплевать — и на нее, и на всю их свору.

Говорят, что самое сложное — это ваять руки. Лицо, говорят, и то проще ваять... Короче, к полудню Ромка почти отчаялся. Поперечные борозды на стыках колец получались у него чуть ли не глубже, чем вертикальные — между пальцами. Да и сами пальцы выходили разной толщины... Подмазывал, заглаживал — и наконец решил не маяться. Потом. Сейчас главное — смыкать помаленьку свод... Обидно будет,

если предназначенный хозяевам фиг вдруг возьмет да и провалится сам в себя...

А как там, кстати, поживают вертухаи? Тыльной стороной ладони Ромка смахнул пот с бровей и исподлобья оглядел окрестность. Замер, затем медленно поднял голову и всмотрелся попристальней. Надзорок на пятачке собралось немного, но вели они себя довольно зловеще. Никакой суеты, никаких метаний. Четыре твари блокировали проулки, две караулили возле скоков. На выходе будут брать — не иначе...

Ромка невесело усмехнулся, замешивая очередной колобок, как вдруг в голову пришло, что отвлекающий маневр с глыбами повторить ему скорее всего не удастся и, стало быть, к пьедесталу его больше не подпустят. Значит... Не вставая с корточек, он покосился снизу вверх на свое уродливое детище... Значит, заканчивать фиг надо прямо сегодня! Ромка стиснул зубы и с удвоенной силой захлопал припудренными ладонями по липкому колобку.

Свод помаленьку смыкался. Суставы на пальцах изваяния, правда, так и не удалось обозначить, да и Бог с ними! Главное — чтобы сразу было ясно, что изображено...

— Ромк!.. — откуда-то издали грянул голос Василия.

Осторожно уложил последний шмат кольца и лишь тогда обернулся. В проулке виднелись встревоженные лица Пузырка, Сократыча, Лики... Ну и Василия, конечно.

— Чего надо?

— Рома, ну нельзя же так! — отчаянно крикнула Лика. — Ну что ты всех нас считаешь врагами? Давай поговорим...

— Завтра, — бросил он.

— Да никакого завтра не будет! Ты что? Не видишь? Они же тебя караулят!..

Ромка выдвинул вперед ногу и бережно возложил левую длань на изваяние. Словно за плечи обнял.

— А чего ты за сто верст кричишь? Подойди — поговорим...

— Да не подойти уже! — заорал Василий. — Надзорка не пускает!..

Честно говоря, при этих словах желудок у Ромки провалился куда-то в район почек. А шутки-то и впрямь кончились...

— А ты скоком попробуй! — крикнул он, стараясь не подавать виду, что и сам струхнул. — Возле «конуры» есть скок! Прямо сюда выбрасывает...

— Пробовали! Они уже и у скоков дежурят!..

Ромка беспомощно огляделся. Надзорки словно вросли в покрытие черными блестящими валунами. Ждут...

— Рома! — напрягая старческий голос, закричал Сократыч. — Рома, у вас один выход! Даже скорее шанс, чем выход!.. Сломайте эту вашу скульптуру! Сломайте!.. И глыбу разбейте!.. Возможно, тогда они вас не тронут!..

Ромка заколебался. Сломать... А может, и вправду сломать? Слепил какую-то уродину, не поймешь: то ли фиг, то ли кулак, то ли вообще Бог знает что! Кривая, приплюснутая... Чего позориться-то? Эту — сломать, а потом подучиться малость — и...

Потом?

Когда потом?

Ромка еще раз оглядел припавших к покрытию надзорок и медленно облизнул припудренные пылью губы.

— А вот фиг вам... — проговорил он и, спрыгнув в седловину, решительно вытряхнул в выемку предпоследний мешок.

Купол большого пальца, венчающий композицию, Ромка водрузил уже в сумерках. Порошка, как он и опасался, не хватило, и поэтому вместо красивого и гордого навершия пришлось лепить какой-то коротенький, неубедительный бугорок.

Все!

Ромка звонко отряхнул руки, помедлил и сошел вниз, в обезображенную корявыми грязными разводами седловину. На приступочке приостановился. Сердчишко на мгновение зависло. Да не может быть, чтобы с ним — как с Крестом... Никого не трогал, не убивал... Подумаешь там, фиг вылепил!..

— Ну, берите, давитесь! — презрительно бросил он наплывающим из серого полумрака плотным округлым теням. — Вот он я!..

Сделал последний шаг — и тут же был отрезан от глыбы, причем маневр надзорка провела по-хоккейному жестко — толкнула, чуть не сбив с ног.

— Сладили, да?.. Все на одного?.. — бормотал Ромка, пятясь перед наступающими гладкими тварями. Самый страшный миг остался позади: если сразу сознания не лишили, а теперь явно куда-то ведут, подталкивают, то, стало быть, не все еще так плохо...

Его уже вытеснили в проулок. Нигде ни души. От льдистых айсбергов веяло холодноватым полусветом. Надзорки обрели четкость, по гибким панцирям гуляли блики.

Улучив момент, Ромка метнулся к светлому овалу скока — и тут же удостоился легкого щелчка. Так, наверное, в четверть силы... Подпрыгнул, шарахнулся, но на ногах устоял.

— Менты поганые!.. — хрипло выговорил он, оборачиваясь.

Надзорки надвинулись снова. Ромка повернулся и с независимым видом пошел куда вели. Следующий попавшийся по дороге скок он на всякий случай решил обойти сторонкой, но тут на пути его стала одна из надзорок.

— Ну чего? — с вызовом спросил Ромка. — Туда — нельзя, сюда — нельзя...

Вне всякого сомнения, его прижимали к стенке. Точнее — к светлому овалу. Ромка знал этот скок. Он выводил к «конуре» — выбрасывал в аккурат перед третьим подъездом.

— Под домашний арест? — осклабившись, осведомился Ромка. — А жратву кто мне таскать будет? Вы, что ли?

Полукольцо акульих рыл сомкнулось теснее, и Ромка, более не хорохорясь и не дразня судьбу, шагнул в скок...

Издырявленная черными оконными проемами пятиэтажка серой глыбой тонула в сумерках огромного зала. На выходе Ромку, естественно, ждали. Надзорок пять или шесть. Неестественно было другое: вместо того чтобы загнать арестанта в «конуру», они сразу же отсекли его от подъезда.

Заподозрив неладное, Ромка обернулся — и обмер.

В каком-нибудь десятке шагов, раскинув мощные посадочные опоры, стояла летающая тарелка. Из открытого люка лился нежный розовый свет, окрашивая серое, похожее на пемзу покрытие в коричневатые тона...

Неужели — домой? Да он о таком и мечтать не смел... Домой! В город, к нормальным людям, к своим ребятам... К ментам? Да пускай даже и к ментам! Они хотя бы ломать не заставляют...

Ромка хотел было кинуться к люку, но спохватился. Во-первых, хозяевам он давно уже не верил ни на грош и постоянно ждал от них очередного подвоха. А во-вторых, внутри встрепенулся и толкнул локотком в ребра неугомонный чертик противоречия.

— А чего это я туда полезу? — сердито сказал Ромка, снова поворачиваясь к надзоркам. — Может, мне и здесь хорошо?.. Подумаешь, сенсация: фиг вылепил!..

Округлые глыбы мрака угрожающе шевельнулись — и Ромка попятился. Его откровенно загоняли в летательный аппарат.

— Не нравится, да?.. — злорадно бормотал он, уже ставя босую ногу на край аппарели. — А вот фиг вам! Во! Видали?.. Чувырлы гладкие!..

Нагло крутя кукишем, он отступал вверх по трапу. Стоило ему очутиться в озаренном розоватым свечением коридорчике, как прямоугольная броневая плита поднялась и наглухо запечатала вход.

Оказавшись в одиночестве, Ромка с сатанинской усмешкой растопырил пальцы обеих рук и издевательски повилял тощим задом.

— Камушки вам долбать? — осведомился он у закрытого люка. — А вот пускай вам их Васька долбает! Он лоб здоровый!..

Тут Ромке почудилось, что пол под ногами дрогнул, и физиономия хулигана внезапно стала тревожной, чтобы не сказать испуганной.

А вдруг — не домой?.. Дедок говорил: тарелки куда угодно могут завезти... Вдруг закинут в какую-нибудь... типа исправительной колонии?.. С них ведь станется... Хозяева...

Несколько минут прошли в жутком напряженном ожидании, а потом прямоугольная металлическая плита медленно начала вываливаться наружу. Даже не дожидаясь, когда дальняя кромка аппарели коснется грунта, Ромка уперся раскинутыми руками в края люка и с замиранием выглянул наружу.

Последовал ликующий вопль — и хулиган кинулся стремглав в открывшийся просвет. По дороге, разумеется, оступился, в результате чего достиг родной земли кувырком. Вскочил, победно вскинул кулак.

Он стоял — наяву! средь бела дня! — в центре знакомого разваленного скверика, у гипсовых руин фонтана, ныне окончательно вмятых в почву гусеницами бульдозеров.

Внезапно повеяло запахом гари. Это еще что такое? Пожар здесь, что ли, был?.. Ромка медленно опустил кулак и огляделся.

Стволы изувеченных акаций обуглились и теперь чернели, как бы сведенные предсмертной судорогой. Высокая бетонная стена была вся исклевана, как будто по ней садили в упор из пистолета. На одной из ее секций кто-то размашисто вывел масляной краской: «Долой...» Кого «долой», Ромка не понял, потому что дальше стена была обрушена и размолота траками. Асфальтовое полотно автострады местами как бы расплеснулось, а на обочине горбился остов сгоревшей «волги».

Ромка поднял глаза — и вздрогнул. Такое впечатление, что развал, царивший на пустыре, за время Ромкиного отсутствия перешел в наступление и захватил весь район. Здания стояли с выбитыми сплошь стеклами, угол одной из многоэтажек был как бы неровно откушен. Из пролома тянулся тяжелый черный дым.

Откуда-то издали внятно прозвучала короткая автоматная очередь.

Ромка вновь перевел оторопелый взгляд на обрушенную и размолотую траками стену. За выщербленным шоссе припали к земле пыльные руины частного сектора.

Гений кувалды попятился в ужасе.

Развалить целый город?.. Для него это было просто непредставимо.

— Ну вы и долбаете!.. — испуганно пробормотал Ромка, потихоньку отступая и отступая к летающей тарелке. Потом вдруг резко обернулся и чуть присел, явно собираясь кинуться к трапу.

...Но делать это надо было немного раньше. Люк уже закрылся.

Амеба

Тот, кто сидел теперь напротив господина Голядкина, был — ужас господина Голядкина, был — стыд господина Голядкина, был — вчерашний кошмар господина Голядкина, одним словом, был сам господин Голядкин.

Ф.М. Достоевский, «Двойник»

Один

Сиреневая чернильная резинка аккуратным кирпичиком лежала на исцарапанной крышке письменного стола, и Вавочка с удовольствием эту резинку созерцал, потому что была она новенькая, со стеклянными искрами и четкими нестертыми углами.

Налюбовался. Отложил сигарету на стальную линейку и принялся не торопясь, с чувством, освобождать от обертки лезвие безопасной бритвы.

Предстоящая ему работа при всей кажущейся несложности предполагала, однако, огромное терпение и вели-

© Евгений Лукин, 1994

колепный глазомер. Хищно прищурясь, Вавочка установил лезвие и начал медленно перепиливать резинку вдоль. Малейший перекос все бы испортил, но перекосов он избежал. Резинка была развалена на две абсолютно равные доли.

Довольный собой, потянулся к сигарете и обнаружил, что та успела обратиться на треть в цилиндрик серого пепла. Из чего их эти американцы делают? Из пороха, что ли? Бикфордов шнур, а не сигареты...

Одарив Соединенные Штаты презрительной усмешкой, Вавочка затянулся и поразмышлял, сложить ли ему теперь обе части резинки воедино или же перепиливать каждую в отдельности. Поколебавшись, остановился на втором варианте.

Перепилив, прикончил сигарету нежной затяжкой и раздавил огонек на стальной линейке.

В бывшем детском садике стучали молотки и визжали пилы. За окном, выглядывать в которое не хотелось, урчал принадлежащий Фонду грузовичок, потому что больше урчать было нечему. Тяжкое наследие советской власти. На борту его даже сохранился фрагмент агитки: «НЕ РАБОТАЙ БЕЗ...» Без чего-то там не работай.

Вавочку не тревожили. И лишь когда резинка расчленилась на шестнадцать сиреневых микрокирпичиков, в коридоре громко, как копыта по асфальту, зацокали каблуки. Вавочка усмехнулся и исполненным достоинства мановением руки набросил на плоды своего труда писчий лист. На листе косым летящим почерком шефа было начертано: «Ареал маркетинговых исследований охватывает...» Что именно он (она?) охватывает, шеф, убегая, не дописал. Как всегда.

Тук-тук.

— Не заперто, — сухо известил Вавочка.

Дверь приоткрылась, и в чуланчик заглянуло маленькое миловидное личико, обрамленное крупными чугунного литья завитками. В глазах — предсмертная тоска. Все-таки звери эти директора — нашли, кого назначить куратором!

— А что?.. Нет Сан Саныча?..

Вавочка выдержал секундную паузу. Делал он это мастерски. Глядел с укоризной в упор и отсчитывал про себя: «Раз, и...» — а потом уже отвечал.

— Отсутствует, — выговорил он как клеймо поставил.

— А когда будет?.. — совсем уже умирая, спросило личико.

«Раз, и...»

— Завтра.

Личико страдальчески закатило глаза — и кануло. Вешаться пошла, не иначе... Вконец бабу затрахали. Во всех смыслах. А не будь такой пластилиновой! Всяк что хочет из тебя — то и лепит...

Вавочка хмыкнул и вернулся к прерванному занятию.

Месяца полтора назад (очень вовремя, кстати сказать) он встретил старого, круто пошедшего вверх приятеля, и тот, даже не поздоровавшись, с ходу предложил Вавочке место маркетолога в новорожденном инвестиционном Фонде. Тут же выяснилось, что приятель (начальник управления рекламы и маркетинга) сгоряча раздул штат и вот теперь ему позарез нужно взять на работу девять человек хоть из-под земли. Вавочка, конечно, был не против, но насчет маркетинга все же рискнул уточнить. Слово-то он, конечно, слышал, и не раз, но вот что оно означает...

Приятель, широкий, как ларек, встопорщил усы и сверкнул лихой цыганской улыбкой. В темных глазах его пела удаль.

— Главное, с супермаркетом не перепутай! — изрек он. — Посажу в чуланчике, чтобы никто его у нас не оттяпал: будешь сидеть и всем говорить, что я на телевидении... или еще где-нибудь. А там посмотрим.

Вавочка оторопел и согласился.

Новорожденный Фонд, только что въехавший в бывший детский садик, поразил его чисто армейским сочетанием железной дисциплины и полного бардака. С девяти утра до шести вечера Вавочка сидел в чуланчике у свежепрорубленного окна, слушал, как с треском отлипают от стен плохо приклеенные обои, и говорил всем, что шеф на телевидении. Ситуацию он для себя определил грубовато, но в целом правильно: А. Фонд намерен ободрать вкладчиков. Б. Шеф намерен ободрать Фонд. Но, во-первых: ободрать по-честному, в соответствии с существующим законодательством, то есть путем рекламной кампании. А во-вторых: поделиться с сотрудниками. С Вавочкой, например.

Все это было хорошо, но скучно, господа, скучно! Охрана выпускала из помещения только по увольнительной. Мысль о том, что шеф, надежно прикрытый Вавочкой, пьет сейчас водку с нужными людьми, увеличивая таким образом свои (а следовательно, и Вавочкины) будущие прибыли, как-то не утеша-

ла. Слишком велик был моральный ущерб. Это что же: совет директоров в том крыле целыми днями шуршит в преферанс, а он, значит, будет смирно сидеть в чуланчике и изображать примерного сотрудника? Ну нет! Вавочка молод, но главное он уже уяснил. Главное в этой жизни — чтобы никто тебя не лепил, как пластилин. Оглянуться не успеешь — такое вылепят... И ведь лепят уже, лепят вовсю!..

И вот однажды затосковавший вконец маркетолог начал от скуки резать обломком бритвочки окаменевший ластик. Искромсал в мелкую крошку — и выбросил в корзину.

На следующий день пошел к коменданту и стребовал с него две чернильные резинки. Одну приберег на завтра, а другую принципиально попытался разрезать на равные кубики. Получилось несуразное число — 241. Вероятно, Вавочка где-то ошибся, и некоторые кубики, подлежащие разрезанию, остались неразрезанными.

Для третьей он специально захватил из дому свежее лезвие в пакетике с непроизносимой иностранной надписью, и уже часам к четырем перед ним на исцарапанной крышке стола лежало 512 (пятьсот двенадцать) абсолютно одинаковых кирпичиков мироздания. На всякий случай он вычислил с помощью калькулятора их должное количество. Получилось 512. Вот так вам!

А то — ишь придумали: целыми днями пули расписывают! А на стене у них плакат: «ХОДА НЕТ — ХОДИ С БУБЕЙ!» Между прочим, выведенный на лазерном принтере... Да ходите с чего хотите, а дурака из Вавочки делать не надо! Он себе тоже развлечение найдет.

Пила и молоток в коридоре смолкли, и кто-то произнес почтительно, чуть ли не робко: «Сан Саныч?» Потом зашумели, заговорили, и Вавочке показалось, что он слышит голос шефа. Приехал, стало быть. С телевидения. Маркетолог озабоченно шмыгнул востреньким своим носиком — принюхался. Всем хорош Сан Саныч, только вот иногда курить бросает. Проветрить, проветрить надо чуланчик.

Вавочка приоткрыл дверь и, щелкнув ружейными затворами шпингалетов, растворил свежепрорубленное окно. Потом протер стальную линейку чистым листом, пристроился на краешке стола и стал ждать.

Теплый сквозняк и мягкий сумбур уличного шума заполнили помещение. Во дворе что-то с треском передвигали, а может, грузили. «Тарелками?» — с ужасом переспросил откуда-то из глубины коридора девичий голос. Снова зазвучала пила, но уже не в таком ударном темпе, как раньше.

Со стороны могло показаться, что Вавочка придремал на краешке стола. Но нет, он не дремал, он мыслил.

Дело в том, что старшая его сестра, резко свихнувшаяся на медитации и прочем астрале, уехала вчера на Дни радости. Уехала где-то так на недельку, и грех было этим не воспользоваться. Скажем, зазвать в гости Сан Саныча и Леню Антомина, а там уже втроем обговорить втихаря, кому через какую газету доить родимый Фонд. Рекламная-то кампания — на носу!..

Здесь Вавочка засомневался. Он вспомнил, что шеф — человек и впрямь широкий, и если уж идет к кому в гости, то скупает по дороге все спиртное, попадающее в поле зрения. Вспомнил заодно, что сталось с мебелью в квартире Лени Антомина после одного такого совещания, и решил, что нет, зазывать Сан Саныча в гости, пожалуй, не стоит. Убить сестра, конечно, не убьет (она вон и тараканов теперь бить запрещает!), а с квартиры выставит запросто. Вавочка-то не прописан.

Осень перетасовала сквозняки — ознобом и дрожью дунуло из растворенного окна. Вавочка передернул плечами, открыл глаза, и востроносое его личико стало вдруг озабоченным.

Несколько дней назад шеф предложил ему скупить на пару хилую фирму с красивым названием «Афедрон» и даже подсказал, у кого занять нужную сумму. Вавочка, конечно, тут же согласился, пошел куда сказано, а у самого подъезда взял вдруг и оробел. Чувствует: знобит вроде. Как сейчас. И предположения разные в голову лезут: а если... а вдруг... Минут сорок, наверное, стоял во дворе возле скамеечек, курил в тоске, смотрел на двери подъезда. Так и вернулся. Эх...

Вавочка расстроен. Он закрывает окно, защелкивает оба шпингалета и, видя, что Сан Саныч на этот раз что-то не торопится заглянуть в чуланчик, решает найти шефа сам. Вдруг еще не поздно переиграть насчет «Афедрона»!

Молоток и пила звучат особенно бодро, и это наводит на мысль, что начальство обретается где-то поблизости. Коридор

выводит Вавочку в светлый зал, разгороженный деревянными каркасами будущих переборок. Так и есть. За работой двух старичков строителей с напряженным вниманием наблюдает чуть ли не весь совет директоров. На лицах — тягостное сомнение: а нужно ли все это? Может, пока не поздно, поделить навар — да врассыпную?..

Отцы-основатели. Высоченные молодые парни в безукоризненных темных костюмах и при галстуках. Кровь с молоком — прямо хоть на племя. Малорослый Вавочка смотрит на них с некоторой завистью: и откуда такие здоровые берутся!.. Впрочем, Вавочка знает откуда. Вон тот, пошире и постарше других, в прошлом замполит полка. Рядом его младший брат — бывший комсорг цеха. А вон те двое — вообще из обкома комсомола... И горькое чувство отмененной классовой ненависти овладевает на секунду Вавочкой. За что боролись? За что под танки падали?

Переступая через привинченные болтами к полу четырехгранные брусья, Вавочка минует приоткрытую дверь управляющего Фондом — тоже весьма представительного юноши, которому, по слухам, сидеть потом за тех, что толпятся сейчас возле трудолюбивых старичков.

Судя по безукоризненной вежливости, управляющий говорит по телефону с держательницей акций.

— Льготы наследникам? — переспрашивает он. — В случае вашей смерти? Ну, во-первых, вам надо будет представить... Вы записываете? Свидетельство о смерти...

Где-то на первом этаже взвизгивает электродрель. Фонд растет, изменяется, пускает корешки и выбрасывает побеги. Отделы дробятся, сливаются, переезжают, становятся независимыми и снова просятся под крышу. Черт ногу сломит! Налоговое управление — тоже.

Одни лишь реклама с маркетингом затаились, как пауки, в двух своих чуланчиках и, никуда не переезжая, вынашивают планы обвального этапа рекламной кампании.

Перед дверью с плакатиком «ТИШЕ! РАБОТАЮТ ЛЮДИ!» Вавочка малость помешкал. Щелкала машинка. Кто бы это там мог щелкать? Леня так быстро не умеет. Значит, либо шеф, либо этот... новенький. Новенького Вавочка сильно не любил. Было за что.

Наконец потянул дверную ручку, треск машинки оборвался — и надо бы прикрыть дверь, да поздно: они уже увидели его и узнали, зеленоватые насмешливые глаза, вечно лишающие Вавочку душевного равновесия.

Пришлось войти. Сквозняк сложил синеватый пласт дыма пополам и вышвырнул в форточку, а по стенам зашевелились, зашуршали образцы рекламной продукции. «Если хотите на первое место, мчитесь за акцией «Росхристинвеста»!» Очередной поединок начался.

Поединки, поединки. Что ни разговор — поединок. Вы поймите: деньги для Вавочки не главное. Главное для Вавочки что? Личностью быть! Чтобы из тебя, как из пластилина, никто ничего не лепил. А деньги... Деньги — средство.

Вавочка прикрыл за собой дверь и небрежной походкой прошествовал к одинокому стулу под ало-золотым музейным вымпелом «Победителю социалистического соревнования». Поддернул, язвя изяществом, брюки. Сел. Задача была довольно сложна: выяснить насчет шефа и попутно показать этому выскочке, что в грош его Вавочка не ставит.

— А, маркетант... — приветливо сказал новичок.

Опять склонился над машинкой, потом вдруг замер на секунду и в радостном ошеломлении уставился на Вавочку.

— Батюшка Кураж ты наш! — выговорил он, как всегда, какую-то лютую дурь. Затем потерял к маркетологу интерес и вновь принялся дробить по клавишам.

Вавочка оскорбился. Встал. Закурил. Испепеляюще посматривая на склоненную макушку, прошелся по комнате от плакатика «НЕ КУРИТЬ!» (возле вымпела) до плакатика «МЕСТО ДЛЯ КУРЕНИЯ» (над столом). Потом обратно.

— Р-романтика стяжательства! — торжественно возгласил новичок. С этими загадочными словами он выдернул лист, отодвинул машинку и уставился на Вавочку.

Маркетолог ответил ему тем же. «Ну образованный ты, — нарочито лениво мыслил Вавочка, глядя в ехидные зеленые глаза. — Ну слов до фига выучил. А все же вот Сан Саныч меня в долю звал, а тебя небось не позовет...»

— Так, стало быть, осиротели мы, Вава?

Маркетолог обиделся. «Кому Вава, а кому Владимир Васильевич!» — хотел уже отрезать он и вдруг запнулся. Осиротели?

— Ба! — сказал новичок. — Да ты еще, оказывается, ничего не слышал?.. Насчет «Афедрона»!..

Тут его внезапно одолел приступ дурацкого и, на Вавочкин взгляд, совершенно неприличного смеха.

— Хотел бы я знать, какой козел им подкинул название! Влезть в «Афедрон»! Бли-ин... — Новичок отсмеялся и продолжил: — Ну ладно. Что Сан Саныч на пару с Леней перекупил фирму — это ты знаешь. Так вот, позавчера обмывают они, стало быть, приобретение, дым коромыслом — и на тебе! Являются.

— Кто? — еле слышно спросил Вавочка.

— Ну, натурально, теневики. На фирме-то, оказывается, долг висел! Но обрати внимание: на прежнего хозяина не наезжали ни разу — надо полагать, он им и на фиг был не нужен... Причем все культурно: никаких утюгов, никаких паяльников, с бухгалтером приехали. Сан Саныч за телефон — телефон отрезан. «Ладно, — говорит, — волки позорные, чего надо?» Короче, пришлось ему, по слухам, кое-что подписать. Ушли теневики. Гасит Сан Саныч с горя еще один стакан коньяка, выглядывает в окошко, а там гости дорогие в машину садятся. И тут ему, видать, обидно стало. Хватает он стопку тарелок из серванта — и с шестого этажа по теневикам! Одну за другой! Те залегли сначала, а потом смотрят — тарелки. Обиделись, вернулись, начистили Сан Санычу рыло и увезли. Так что, Вава, мы тут с тобой дурака валяем, а шеф с Леней вторые сутки в теневой экономике сидят...

В ушах недвижного Вавочки стоял ликующе-скорбный вопль. Он глушил все. Губы новичка шевелились, но звука не было.

Ты мудрый, Вавочка! Как вовремя ты остановился перед тем подъездом! Это мало кому дано: остановиться вовремя!.. Теневиков — тарелками? С шестого этажа? И долг на фирме! Интересно какой?..

Из вопля вышел шеф — головастый, взъерошенный, широкий, как ларек. Поигрывая дорогой фарфоровой тарелкой, встопорщил усы, сверкнул диковатым цыганским оскалом и сообщил доверительно:

— Ты, главное, за меня держись. Со мной не пропадешь.

Сообщив, исчез. Вавочка снова стоял в отделе рекламы, рассматриваемый зелеными сочувственно-насмешливыми глазами.

— И что теперь? — Кажется, это спросил он, Вавочка.

— Теперь мне тащить все это, как я понимаю, на своем горбу. — Новичок брезгливо шевельнул пальцем пару отбитых на машинке листов. — Кстати, и тебе тоже...

Уже на подходе к чуланчику Вавочка вспомнил, что забыл его запереть, и ускорил шаг. Открыл дверь — и замер в проеме. На краешке письменного стола сидел бочком огромный представительный юноша в темном венгерском костюме и с отчаянием разглядывал левую ладонь, словно пытался определить по линиям руки свою дальнейшую судьбу. И Вавочка с неслышимым миру стоном понял, что на большой розовой ладони управляющего Фондом лежат сиреневые микрокирпичики, на которые он расчленил сегодня резинку.

— Что это? — глухо спросил управляющий, поднимая на Вавочку совершенно ошалелый взор.

Вавочка был пришиблен последними новостями и соображал туго.

— Для маркетинговых исследований, — выдавил он наконец.

Управляющий снова уставился на ладонь. Казалось, еще минута — и он сойдет с ума.

Вавочка беспомощно пошевелил руками.

— Сан Саныч-то, — сказал он, жалко кривя рот. — А?

Управляющий побагровел.

— Дурак твой Сан Саныч, — рявкнул он и бросил упругие сиреневые крупинки на стол. — Тарелками по рэкетирам — это ж додуматься надо!..

Крупинки подпрыгнули, разлетелись, некоторые упали на пол. Вавочка с управляющим подобрали их и снова положили на место.

— В общем, так, — сказал управляющий, распрямляясь во весь свой внушительный рост. — Принимай отдел маркетинга, а этот ваш новенький... Как его, кстати, по отчеству?

Вавочка смущенно пожал плечами. Честно говоря, он и по имени-то его не знал.

— Ладно, завтра в отделе кадров выясним... Так вот его бросим на рекламу. Костюм есть?

— Есть, — сказал Вавочка.

— С завтрашнего дня на работу только в костюме и с галстуком.

• • •

Вынесенный оползнем событий из бывшего детского садика, ныне украшенного с торца готической надписью «Росхристинвестъ», новорожденный начальник отдела маркетинга стоял и остолбенело смотрел, как грузятся в подержанные иномарки члены совета директоров. Больше троих в машину не помещалось. Поверх костюмов с безукоризненной родословной все как один понапялили черные кожаные куртки. Комиссары, блин. Бела кость. И хоть бы портфельчик у кого в руках, хоть папочка...

Портфельчик теперь (пока, правда, воображаемый) в руках у самого Вавочки, и нужно еще обмозговать, хорошо это или плохо.

Сбоку от плоского бетонного крылечка, не обращая внимания ни на остолбеневшего рядом Вавочку, ни на грузящихся в машины директоров, сидел на корточках и равнодушно курил «мальборо» начальник охраны. Над ремешком правого шлепанца отчетливо синела татуировка: «ПОСТОЙ КОНВОЙ».

Затуманенным взором Вавочка проводил отъезжающую кавалькаду и побрел к распахнутым решетчатым воротцам. С мыслями ему удалось собраться лишь на проспекте.

Шли пыльные троллейбусы, по скверикам тянуло сухим дымом, невидимый огонь выгрызал черные дыры в лиственных пригорках, чиркали метлы.

Вот тебе и Сан Саныч... Вот тебе и Сан Саныч... Вот тебе и «Афедрон»...

Сознание прояснилось окончательно, и Вавочка даже остановился. Из него же куклу слепить хотели! А он не дался! Ай да Вавочка!.. Нет, но какое чутье, господа, какое чутье! Ведь на веревке его шеф тянул в этот самый «Афедрон»... А портфельчик не повредит. Портфельчик ему сейчас в самый раз. Рекламная кампания на мази, и, стало быть, пойдут комиссионные уже не Сан Санычу, а Вавочке. Теперь с новичком... С новичком вражду прекратить. Новичок теперь человек полезный: слов много знает и вообще... Главное — что? Главное — директорам мозги запудрить всякими там ареалами. Чтобы красиво и непонятно...

— А я люблю военных, — шалым девичьим голосом грянул вдруг незаметно подкравшийся киоск звукозаписи, — красивых, здоровенных!..

Вавочка не военный, не красивый, да и здоровенным его назвать язык не повернется, так что шансов у него вроде бы маловато. Но песенка не кончилась, господа, песенка не кончилась!

— Еще люблю крутых, — заходится лихая певичка, — и всяких деловых!

Поколебавшись, Вавочка относит себя к деловым, и на душе у него теплеет.

А что, не деловой, что ли? Раз-два — и начальник отдела!

«А я люблю военных...» Он начинает негромко подпевать, но грохочущий киоск удаляется, и напрочь лишенный слуха Вавочка вскоре незаметно переходит на мотив «В траве сидел кузнечик...».

«Представьте себе, представьте себе, красивых, здоровенных... Представьте себе, представьте себе...»

Впереди идут два казака. У одного нагайка на поясе, у другого — за голенищем. Тот, у которого она за голенищем, личность известная. Это старый казак Гербовников из Вавочкиного подъезда.

— Обнаглели! — отрывисто говорит старый казак. — Мало нам армяшек, так еще и эти завелись... нудисты. Голыми по городу, а?

— Ничо, — примирительно гудит второй. — По голой заднице звончей выходит...

Чтобы не портить себе настроения, Вавочка сворачивает в тихую асфальтовую улочку.

«Представьте себе, представьте себе, и всяких деловых...»

На обочине сидят пацаны с тряпками и ведрами — ждут клиента.

— Машину помыть? — летит в спину Вавочке насмешливое предложение, и тот оскорбленно выпрямляет позвоночник. Вымоешь, вымоешь еще Вавочкину машину. И куртку почистишь. Кожаную. Черную.

«Представьте себе, представьте себе...» Вавочка вновь останавливается. Так ведь у него еще и сестра уехала! На семь дней! Вы подумайте: семь теплых, осенних, слегка запыленных дней...

Вавочка мурлычет, жмурится, подходит к телефону-автомату, отводит полуоторванную дверцу, опускает жетон.

— Люсю можно?

— Не знаю, не пробовал.

Бип-бип-бип-бип...

Кажется, ошибся номером. Постепенно до него доходит вся непристойность услышанного. Какое, однако, хамство! Это надо запомнить и при случае употребить.

Второго жетона нет. Ну ничего, приобретем на проспекте. А вот куда непременно нужно зайти — так это в «Посошок». Деловой он или не деловой?

«Посошок» — полуподвальчик. С полукруглыми витражными окнами, цветным готическим полумраком, колодезной прохладой, бормочущей музыкой. А также с брусничкой моченой, икоркой всяческой, воблой-чехонью-балычком. Извиняюсь, с раками. Но главное, конечно, с пивом. Розливным. Только что с завода. Наценка, правда, страшная, но завсегдатаев это не пугает. Потому что завсегдатаи «Посошка» — люди солидные. В кожаных куртках.

Бывает, конечно, что забредет туда какой-нибудь лох с улицы, но ужаснется по-быстренькому ценам — и исчезнет. И правильно сделает.

Была однажды в «Посошке» и перестрелка, правда, без жертв. И все. Больше здесь перестрелок не предвидится. Не звенеть витражам, не визжать судомойкам. Потому что сидят за массивными столиками и со вкусом разбирают по детальках сушеную рыбицу не только те, которые с бицепсами да со стволами, но и те, которые с головой. Крутые — есть, деловые — есть, а вот военных (красивых-здоровенных) нет и не надо.

Ну вот и уводящие вниз ступени. Вавочка с тревогой оглядывает свой наряд. Под скромного бизнесмена он, пожалуй, прокатит. Раньше ему приходилось бывать здесь лишь с Сан Санычем да с Леней, и теперь Вавочка очень надеется, что успел примелькаться в интимном цветном полумраке. В крайнем случае (если в «Посошке» тесновато) он выпьет кружку прямо у стойки, но с таким видом, будто просто не хочет садиться (насиделся за день!), да и время поджимает...

Ну что ж, назад дороги нет. Он — шеф и наследник шефа. Только вот морда радостной быть не должна. И Вавочка, спускаясь по ступенькам, предается вполне богоугодным мыслям о попавших в беду компаньонах. С лицом озабоченным и немного скорбным он подходит к стойке и оглядывает полуподвальчик.

Ну вот смотри теперь, высматривай: где он, Сан Саныч?.. Нет Сан Саныча... Сидит Сан Саныч в теневой экономике... А где Леня Антомин?..

Да вот же он, Леня-то, рядом стоит, у стойки. И ноги-то у него кривоватые, и морда небритая, и глаза смотрят, как будто проснулся только что Леня и снова заснуть собирается.

— Лень...

Леня немножко повернул голову и немножко глаза. Увидев Вавочку, развернулся полностью и даже чуть приподнял брови, причем вид у него вышел такой, точно встряхнет сейчас Леня буйной головой, проснется окончательно и побежит в туалет умываться — бросать воду громадными горстями в глаза и на волосатую грудь за ворот рубашки. Рявкая, разумеется.

Длилось это впечатление от Лени момент, не больше. Никуда он, конечно, не побежал, скорчил ту же физиономию, какую носил ежедневно, и, выразив таким образом отрицательное отношение к действительности, отозвался со скрипом:

— Накололся, блин. Пришел в «Ободок», думаю — пиво. Ухо тебе, а не пиво.

История его была проста. Честно проводив Сан Саныча до машины и уяснив, что сам он рэкетиров не интересует нисколько, Леня повернулся и пошел пить пиво. Чем и занимался по сей день.

— А спросят, куда делся, что сказать?

— Скажи: от теневиков прячусь.

Что ж, это мудро. Директора поймут. Даже посочувствуют. Сами, что ли, ни разу не прятались?

— Сейчас, — говорит Леня, высмотрев кого-то в нише под витражным окном. — Ты упади где-нибудь, а я сейчас.

Упасть? Вавочка еще раз оглядывает полуподвальчик. Публики в «Посошке» немного. И он скромно выбирает пустующий столик за колонной.

Выходит, комиссионные теперь придется делить на троих... Ладно. Телевидение и «Городские ведомости» Вавочка попробует взять себе, а уж всякое там «Собачье дело» (общество защиты животных), «Набат» (патриоты) и прочее — это Лене с новичком. Кроме того, не вечно же сидеть шефу в теневой экономике! Стало быть, денежку надо ковать не мешкая...

— Во блин! — лениво произнесли у него за спиной. — А что это наш столик заняли?

Вавочка обмер и сделал вид, что ничего не слышит. Не дай бог — ему... Нет, не может быть. Он же выбрал столик за колонной! Самый неудобный столик во всем «Посошке»!..

Ножку массивного табурета, на котором он сидел, легонько пнули, и Вавочка внутренне содрогнулся.

— Не понял, — скрипнул он очень похоже под Леню Антомина.

«Раз, и...» Медленно, со скукой обернулся. Сердчишко колотилось и прыгало. В интимном цветном сумраке глазам его предстали два молодых человека — бугристых от мышц, с одинаково торчащими, оббитыми в многочисленных драках ушами. Шестерки. И явно бесхозные. И явно принимают Вавочку за лоха с улицы. Где же Леня?!

— Уступи место дяденькам, — ласково посоветовал тот, что чуть пониже.

Вавочка сделал над собой усилие и отвернулся.

— Тупой? — холодно осведомились сзади.

С соседних столиков на них уже оглядывались с интересом. Смотрят, как двое шестерок будут лепить Вавочку, вроде пластилина. Сейчас ведь сгонят! Конец всему: конец репутации, конец карьере... Надо что-то сказать.

— Не понял, — скрипнул Вавочка под Леню Антомина и тут же сообразил с досадой, что он это уже скрипел.

— Сейчас поймешь, — пообещали сзади.

Собрав остатки мужества, он опять обернулся и изо всех сил скучающе поглядел в глаза сначала одному, потом другому. Но это уже была агония.

— Посторонись, — непонятно откуда раздалось хрипловато и равнодушно произнесенное слово.

Шестерок раздвинуло слегка, и между ними возник из прохладного полумрака Леня Антомин. И Вавочка с восторгом осознал, что оба его скрипа «не понял», оба его скучающих взгляда и вообще вся его монументальность в этой стычке выглядели со стороны очень даже впечатляюще. Под кого же это он сейчас невзначай прокатил в «Посошке»? Неужто под крутого?

— По паре пива для начала, — сказал, усаживаясь, Леня Антомин выплывшему из сумерек официанту. На остолбеневших у столика шестерок он внимания так вроде бы и не обратил.

— Не, ну... — нерешительно напомнил о своем существовании тот, что повыше. — Всегда, блин, за этим столиком сидели...

Говоря, он зачарованно смотрел на лапы и грудную клетку Лени, наводящие на мысль о ломающихся силомерах, разрываемом голыми руками листовом железе, — и сознавал уже в полной мере свою ошибку...

Леня одарил его невыразительным взглядом через плечо, и пластилиновые шестерки, для приличия ворча и пожимая обложенными жирком плечами, направились к свободному столику. Леня вопросительно посмотрел на Вавочку. А тот, спокойный, исполненный достоинства, лишь пренебрежительно шевельнул в ответ бровью. Так, дескать, ерунда...

«Представьте себе, представьте себе...»

На стол с гулким звуком опустились четыре полные кружки, и мрачное лицо Лени Антомина смягчилось и просветлело.

Поразительный он все-таки человек! Ленив, небрит, глаза сонные. Но опасен с виду — сил нет. Все почему-то думают, что Леня бывший десантник: Афган прошел, пол-Тбилиси изрубил саперной лопаткой... А он и оружия-то в руках не держал — служил в стройбате. А накачанный такой, потому что железо в цехе ворочал, пока не уволили.

Случай был: закупил Фонд компьютеры, а везти поездом. Из Москвы. Вот и гадали, кого из охраны послать: гробанут ведь по дороге за милую душу! А Леня только-только на работу устроился. Зашел управляющий в отдел рекламы, глянул — и аж содрогнулся.

— Вот он! — кричит. — Он с компьютерами поедет!..

И в Леню пальцем тычет.

Ничего, довез...

Директора ему на полном серьезе предлагали начальником охраны идти. Отказался. Такую рожу состроил: хлебнул, дескать, кровушки, хватит... Они его после этого еще больше зауважали.

Мурлычет, шепчет музыка, не мешая застольным беседам. По-английски, зараза, шепчет. Вплетаются в нее негромкие чисто русские слова:

— Проплата...

— Предоплата...

— Черный нал...

И вот уже зашумело, повело плавненько, словно к ушам по раковине приставили. Равный среди равных сидит Вавочка за столиком в «Посошке», прихлебывает свежее, только что с завода, пиво, держит ухо востро, вслушивается в обрывки разговоров:

— Один к шести? Это вчера было один к шести...

— А не подпишет — я ему задницу на британский флаг порежу...

— Тарелками?..

Не оборачиваясь, Вавочка чувствует, как неподалеку на них снова начинают посматривать с интересом. Потом за столик без спроса садится некто с выправкой и в ладной, словно пригнанной джинсе. Светлые глаза смотрят дерзко и весело.

— Ну что там Санек? — интересуется подсевший.

— Держат пока, — нехотя отвечает Леня.

Краем глаза Вавочка видит изумленные лица шестерок за соседним столиком. Кто же это такой к ним подсел? Неужели Порох? «Морду, морду поравнодушней!..» — напоминает себе Вавочка.

— Да, насмешил, — говорит светлоглазый. — И чего его понесло в этот «Афедрон»!

— Он и меня в долю звал, — небрежно, в тон ему роняет Вавочка.

Следует быстрый оценивающий взгляд. Однако морда у Вавочки — безупречна. Да, вот так. Хотел Сан Саныч вылепить из него что понравится, но, как выяснилось, не на того нарвался...

— А насчет тарелок — правда, что ли?

Леня вздыхает, отхлебывает и, наверное, уже в сотый раз за последние два дня принимается рассказывать, как пытался оттащить пьяного шефа от серванта и как его самого, сунув ствол в ребра, довели до машины, но она уже оказалась переполненной.

— Насмешил, — без улыбки повторяет подсевший (предположительно Порох). — Рекламная кампания тоже, значит, накрылась?

— Нет, — говорит Вавочка. — Не накрылась.

Теперь уже не только светлоглазый, но и Леня Антомин пристально всматриваются в его утомленное значительное лицо. Словно видят впервые.

. . .

Огромное, как перед концом света, солнце повисело в слоистой лиловой дымке — и кануло. На город с восточных окраин покатился первым валом наводнения прозрачный фиолетовый сумрак.

Вавочка был счастлив. Шел и вспоминал с удовольствием, как круто обошелся он с шестерками в «Посошке» и как беседовал на равных с самим Порохом... То ли еще будет, господа, то ли еще будет!

Вздрогнули, затлели сиреневым, налились ярко-белым несомкнутые стропила света над асфальтами все еще Советского района. Ах город! Только вечером понимаешь, насколько он огромен, этот живой фосфоресцирующий планктон.

В голове Вавочки победно шумело. Завтра он зазовет в гости Леню с новичком и попробует взять власть в свои руки. А сейчас он придет домой, сверит номер и позвонит Люське. Незачем хате пустовать.

Ну вот и Александровская (бывшая улица Желябова), вот он, внутренний дворик — колодец, пробивший пятиэтажку до асфальтового дна, вот и подъезд с нашатырным запахом кошачьей мочи. Вавочка хлопнул дверью, поднялся на второй этаж; неторопливо, ощущая себя хозяином недели, квартиры, положения, провернул ключ в замке, вошел.

Молочная матовая лампочка обозначила перед ним коридорчик с вешалкой и с тремя дверьми: направо пойдешь — в санузел попадешь, прямо — в кухню, но туда в другой раз, а сейчас ему налево — в большую, почти квадратную комнату, которой суждено быть определенное время его владением.

Комната встретила его трепещущим полусветом неисправного дворового фонаря и слабым ароматом буддийских курительных палочек. Люстру Вавочка включил не сразу — стоял в полумраке и с наслаждением перебирал все сегодняшние поединки. Мелкие наскоки типа «Машину помыть?» в счет не идут — еще с пацанами он не связывался! А в остальном... Всем, кому мог, дал отпор. Так-то, господа! Вавочка — не пластилин, из Вавочки вы хрен что слепите!..

Он протянул руку и щелкнул выключателем. М-да... Салфеточки кругом кружевные, на низенькой тумбочке — толстая розовая свеча в фарфоровом подсвечнике, тут же душеспасительная книжица малого формата, молитвенный (или какой там у них?) коврик — и вечные назидания, вечные пропо-

веди: мяса не ешь, не спекулируй, подумай о душе, переселишься потом в дождевого червя — лопатой разрежут... На иконке — изумленный Христос. Смотрит на противоположную стену. А там — веером цветные фотографии: старенький гуру Шри Чинмой во всех видах. На самой здоровенной — коричневато-розовые пятки Учителя... Тьфу, дура! Как партию разогнали — так и свихнулась.

Вавочка задернул шторы и, не разуваясь, с наслаждением грохнулся на аккуратно застеленную кровать. Свесив кроссовки, долго лежал на спине и мыслил, созерцая потолок. Так звонить Люське или не звонить? Зевнул и решил: а ну ее к черту! Завтра. Светлое янтарное пиво, приятно горча, так и ходило перед глазами. Из принципа разобрал постель на кровати, а не на диване, где каждую ночь провисал до полу за бумажной ширмочкой. Потом выключил свет — и лег. Сны намечались приятные и, возможно, эротические.

Сновидение пришло странное и недоброе. В черной пустоте перед Вавочкой висела новенькая чернильная резинка размером с небольшой чемодан (вероятно, вынырнула из сегодняшнего утра). Потом она принялась медленно разламываться на равные кирпичики; те, в свою очередь, тоже начали разламываться; и продлись это в таком темпе хоть минуту, перед удивленным Вавочкой неминуемо возникло бы розоватое облачко, слабо хранящее чемоданные очертания. Но казалось, кто-то все время отматывал пленку назад: распад застыл, не прекращая движения, он бесконечно повторял сам себя. Резинка разламывалась, разламывалась и никак не могла разломиться окончательно. И висела она уже, кстати, не в пустоте — она висела в его комнате, а он, Вавочка, стоял перед этим безобразным явлением и ждал с тоской, когда оно кончится.

Потом появились Люська и управляющий Фондом. Вавочка испугался и, чтобы отвлечь управляющего, о чем-то его спросил. Управляющий что-то ответил, и Вавочка, не давая опомниться, задал ему еще какой-то вопрос, а сам тем временем старался оттереть плечом, заслонить, отодвинуть куда-нибудь...

Но Люська заметила.

— А это еще что за хренотень?

Вавочка принял недоуменный вид. Он, собственно говоря, совершенно здесь ни при чем. Черт его знает, что это такое.

Висит тут, и кто его поймет, откуда взялось! Он сам в первый раз видит. Пришел, а оно — висит.

Сейчас он это уберет. Вавочка стягивает с кровати плед, набрасывает его на резинку, как сеть на воздушный шар, и тянет вниз, но резинка прорывает плед по центру. Дыры в пледе почему-то нет.

— Гляди не рассыпь! — недовольно говорит управляющий. — Это для маркетинговых исследований.

Вавочка бросается на резинку, обхватывает ее пледом, закутывает, увлекает вниз, но резинка вывертывается и вновь всплывает. На помощь ему приходят управляющий Фондом и откуда-то взявшийся Сан Саныч, а Люська куда-то исчезает. Втроем они придавливают упругую живую тварь матрасом, уминают и запихивают в какую-то дверцу. Дверца Вавочке не знакома. Не было у них в комнате такой дверцы. Он задвигает ружейный затвор шпингалета и оглядывается.

Так он и знал! В дальнем углу, удобно, как в кресле, сидит и смотрит на них бессмысленными младенческими глазами старенький Учитель Шри Чинмой. Вот это влипли! Надо как-то выкручиваться... Собственно говоря, ведь ничего такого, ведь правда? Вот это управляющий, а это Сан Саныч... Но Сан Саныч вдруг отсмаркивает напрочь усы, изменяется до неузнаваемости (это уже и не Сан Саныч вовсе, а шестерка из «Посошка») и, изобразив на лице что-то гаденькое, прячется в Вавочку. Управляющий растерянно улыбается и тоже прячется в Вавочку. Тот возмущен. Его подставили! Он не намерен отвечать за них за всех! Какой «Афедрон»? Он не имеет отношения к «Афедрону»! Вавочка корчится, пытается вытолкнуть из себя этих ловкачей, чтобы все поняли, что не он один, что еще были, только спрятались, сейчас он их выпихнет, вот увидите!..

Да нет же никакого Шри Чинмоя, и угла, в котором он сидел, как в кресле, тоже нет! Пустота, немая вата, серый кошмар бесконечно рвется вокруг на клочки, а Вавочка все корчится, выталкивает, выпихивает... Есть! Выпихнул! Тело — как сплошная ссадина с присохшим бинтом, и вдруг сорвали бинт, обожгло мгновенной болью, врезаются в кожу рвущиеся с треском плавки...

Вавочка слетает с кровати, падает на пол, сидит, широко раскрыв глаза и дрожа всем телом. Кажется, это уже не сон.

Под голыми ягодицами гладкие крашеные доски пола. Стоп! Почему он голый? Вавочка проводит рукой по бедру, и волосы его, наэлектризованные страхом, шевелятся — он нащупал обрывок материи. Это порванные плавки. Сон кончился, но не кончился ужас. Теперь Вавочке начинает мерещиться, что звук от его падения на пол был каким-то двойным, что некий призвук раздался и по другую сторону кровати. Возникает жуткое ощущение зеркальности: Вавочке кажется, что вот сейчас там, по ту сторону, кто-то со страшной, поразительной точностью повторяет его движения. Вот он точно так же поднимается с пола, отступает к противоположной стене... Вавочке кажется даже, что он слышит шаги — такое же шлепанье пары босых подошв. Больше это вынести невозможно, и Вавочку отшвыривает, и он мягко впечатывается лопатками в стену, и понимает, что удачно влепился между трюмо и торшером. И здесь напротив, у двери, раздается грохот чего-то падающего. Вавочка кричит... Нет, он еще не кричит. Брось, ну не надо, не надо, ну, подумаешь, перевернул кресло, а тот мягкий удар напротив, возле трюмо, тебе только почудился, сейчас, подожди, пошарь по стене, возле косяка выключатель, пойми: это сон, это отзвук сна, сейчас ты включишь свет и поймешь, что все в порядке, что все в порядке, что все...

Вавочка находит кисточку торшера и рвет ее вниз, он рвет ее вниз и надеется, надеется, готовит уже облегченный выдох, он уже начинает облегченный выдох, но выдох срывается, переходит в крик: это страшно, это невозможно, не надо этого! Напротив, опираясь на перевернутое кресло, голый человек с искаженным лицом шарит рукой по косяку. Это не зеркало! Никакой надежды, что это зеркало! Тот, напротив, не просто повторяет его движения, он повторяет его мысль — включить свет, и Вавочка кричит, с ужасом понимая, что тот, напротив, тоже кричит, и надо замолчать: стены толстые, но крик слишком громок, но не кричать нельзя, потому что это страшно...

Два
(День первый)

Дыхание кончилось. Противоестественный сдвоенный крик в унисон — оборвался. Вавочка оползал на коврик у двери, опираясь спиной на косяк, по которому все еще тянулась его рука — вверх, к так и не нашаренному им выключателю. Часы

равнодушно отщелкивали секунды. Тот, напротив, с неподвижной, схватившейся, как гипс, гримасой тоже оседал помаленьку на пол. С лестничной площадки доносились голоса. «Блюм-блям», — сыграл дверной звонок. В дверь постучали.

— Маш! Это у вас, что ли, так кричат?

— Нет, — произнесли два шепота, — не у нас...

— Снизу, по-моему, — пробасили на площадке.

— Да как же снизу, когда я через стенку услышала! Мы уж спать легли, а тут такой крик! Такой крик! Будто режут кого... Маша!

Блюм-блям!

— Так она же вчера уехала, — сказал бас.

— А у нее сейчас брат живет, из армии недавно пришел... Или дезертировал, не поймешь...

— А крик мужской был? Женский?

— Даже и не разобрала. Но такой крик! Такой крик! Будто режут кого...

Блюм-блям!

Вавочка умирал: каждый стук в дверь, каждое это «блюм-блям» вызывали агонию, а тот, напротив, у двери, корчил рожи, словно передразнивая.

На площадке не унимались. Соседка снова и снова описывала крик. Бас желал все знать в точности. Потом послышался голос старого казака Гербовникова, ошибочно почуявшего нутром, что опять шалят лица кавказской национальности. Наконец угомонились. Крик скорее всего был на улице, а брат Маши зарвался на радостях, что сестра уехала, и вряд ли заявится к утру. Стали расходиться по квартирам.

Вавочка перевел было дух, но вновь полоснуло случившееся: напротив сидел и смотрел на него безумными глазами голый, почему-то внушающий страх человек.

Мыслей не было. Мозг болезненно разламывался на серые одинаковые кирпичики, и сколько это длилось — сказать невозможно, потому что, стоило Вавочке хоть на долю градуса повернуть голову к часам, как тот, напротив, тут же повторял его движение.

Нет, так нельзя! Надо проснуться! Все шло нормально: пришли к Вавочке Сан Саныч с Люськой, они еще поговорили о чем-то... Угораздило же его заснуть! А ну проснись! Ну! Вот это другое дело.

• • •

— Дурак ты, Вавочка, — говорит Люська. — Какого черта ты голый по бане расхаживаешь!

Вавочке стыдно. Вавочка пытается прикрыться. Прикрыться нечем. Откуда-то берутся огромные штаны, и Вавочка утопает в них по горло.

— А почему без галстука? — насмешливо спрашивает подтянутый светлоглазый Порох. — Какой был приказ? В костюме и с галстуком!

Вавочка с надеждой оглядывается на дальний угол. В углу возникает Леня Антомин в фартуке и с подносом.

— Стой! — кричит Вавочка. — Разобьешь!

Он бросается к Лене, но кружки уже рушатся на кафельный пол и разлетаются вдребезги. Леня подмигивает и достает из кармана целую. Вавочка недоумевает: пустая. Леня зачерпывает кружкой из ванны (ванна наполнена пивом), пьет до дна и протягивает кружку Вавочке. Тот тоже хочет зачерпнуть, но в ванне уже Люська. Вавочка возмущен. Или он пластилиновый, что из него все лепить можно?! И он осторожно начинает накренять ванну — так, чтобы выплеснуть только Люську, а пиво чтобы осталось.

— А это что? — спрашивают сзади.

Вавочка оборачивается. Он и не в ванной вовсе, а у Лени Антомина. Только вот между шкафом и сломанным в прошлый раз журнальным столиком была, помнится, дверь. Вообще-то она и сейчас была, но какая-то не такая — гораздо ниже и несколько пошире, чем наяву. И она отходила — медленно, с гнусным скрипом, обнаруживая пестренькую, в цветочках, занавеску. Вавочка хотел броситься, навалиться, захлопнуть, защелкнуть ружейный затвор шпингалета, но не смог двинуться, словно в вату упакованный. Тогда он крикнул, чтобы они закрыли. Люська, Порох, Сан Саныч и еще кто-то (кажется, управляющий) бросились к дверце, но не навалились, не захлопнули, не защелкнули, а повернули к Вавочке торжествующие физиономии.

— А э-это что? — пропели они игриво-уличающими голосами.

— Нет! Не надо! — закричал Вавочка.

Он понял, что там, за занавеской: в нижнем углу из-под нее торчали чьи-то голые коричневато-розовые пятки. Вавочка уже знал чьи и поэтому кричал:

— Не надо! Закройте!..

Он рвал руками тяжелую мокрую вату сновидения, он продирался из нее наверх, в явь, как продираются сквозь водоросли. Сколько там еще над головой? Метр? Два метра? Четыре? Если он не доберется до поверхности, если не хватит дыхания, если вдохнет не добравшись — сновидение хлынет в легкие, в глаза, в уши. Наверх! В явь!

Он вынырнул. Раскрытые глаза его жадно глотнули реального, не воображаемого света, дневного света, приглушенного плотными шторами. Некоторое время он дышал этим светом, упивался им, упивался сознанием, что вот он лежит на крашеном гладком полу, что это утро, что затекла нога, что сон кончился, что все поправимо... Потом обратил внимание на тлеющий торшер. Не вставая с пола, дотянулся до шнурка с кисточкой, выключил.

Боже, как болит голова! Просто разламывается голова. Кого же он вчера пригласил? Сан Саныча? Нет, что это он! Сан Саныча же увезли! Значит, Леню... Тут Вавочку прострелило жуткой мыслью: а вдруг что повреждено из мебели! Мысль эта подбросила его с пола, и Вавочка приглушенно взвыл от усилившейся головной боли. Гримасничая и стараясь не двигать разламывающейся головой, добрался до окна и двумя по возможности плавными движениями, отдавшимися все же в затылке, отдернул шторы.

Тут он обнаружил, что стоит у окна нагишом, вздрогнул и обернулся.

На коврике возле поваленного кресла, скорчившись, как зародыш, спал голый человек. Что Вавочку напугало больше: неизвестно как попавший в квартиру незнакомец или же перевернутое кресло — сказать трудно. Во всяком случае, бросился он сначала к креслу и, осмотрев, с облегчением выдохнул. Цело. И тут только дошло, что кресло-то — ерунда, а вот почему здесь этот? Откуда взялся? Почему голый? Что здесь происходило, наконец?

В больной голове Вавочки взвыло сновидение. Но это было утро, нормальное утро, знакомая комната, где, кроме перевернутого кресла, ничто даже и не напоминало о вчерашнем дебоше, тем более что Вавочка уже вспомнил точно: никакого дебоша вчера не было! Был просто дурацкий сон...

Да, но спящий...

Спящий подергивался и поскуливал по-щенячьи. Крысиная, слепая (глаза закрыты) мордочка, хлипкая грудь, обильно заросшие ноги... Вавочка с опаской всмотрелся и вдруг, охнув, попятился, чувствуя, как нарастает, подпирая горло, давешнее паническое желание — запихнуть, убрать, спрятать куда-нибудь, избавиться любой ценой...

Да не может же этого быть!

Вавочка решительно шагнул вперед с твердым намерением растолкать грубейшим образом и спросить, какого черта, но тут подергивания спящего перешли в корчи, а поскуливания — в откровенный визг.

— Нет! — закричал спящий. — Не надо! Закройте!..

Он дернулся еще раз и открыл невидящие сумасшедшие глаза.

Он вынырнул. Он ошалел от обилия света — не сумеречного, зыбкого света снов, а настоящего — утреннего, желтого, почти осязаемого света. Некоторое время он дышал этим светом, упивался им, упивался сознанием, что вот он лежит на коврике, что это утро, что на бедре — рубчатый оттиск веревочного плетения, что сон кончился, что все поправимо...

Боже, как болит голова! Как разламывается голова! Кого же он вчера пригласил? Неужели Сан Саныча?.. Затем Вавочку прострелило жуткой мыслью: а вдруг что повреждено из мебели! Он сделал попытку встать, надавила головная боль, и вот тут-то Вавочка и увидел в двух шагах от себя чьи-то голые волосатые ноги. А в следующую секунду он уяснил, что и сам абсолютно гол. Что здесь происходило?

Гримасничая и стараясь помедленнее двигать разламывающейся головой — сел. Всмотрелся. Перед ним бесстыдно стоял нагишом какой-то совершенно омерзительный тип. Причем дело было даже не в крысиной мордочке и даже не в том, что мордочка эта так и вихлялась, гримасничая, — становясь то грозной, то испуганной, то вообще пес ее знает какой... Дело было в том, что...

Вавочка охнул и отшатнулся. Взвыло сновидение, заклубилась полупрозрачная муть. Его подбросило с пола, поставило на ноги и швырнуло на незнакомца. Тот отскочил в испуге. Вавочка оглянулся, ища поддержки, и малость пришел в себя. Это был не сон. Это было утро. За окном — гулкий двор, и в

нем — отзвуки давно пробудившегося города. И тем не менее в двух шагах перед Вавочкой стоял и смотрел на него во все глаза голый незнакомец, как две капли воды похожий на самого Вавочку.

— Не понял... — изумленно и отчетливо произнесли во внезапно гулкой и вроде бы даже переставшей болеть голове. — Не по-нял!..

Вавочка уже разомкнул пересохшие губы, чтобы произнести это вслух, когда заметил, что тот, напротив, тоже раскрыл рот — причем явно с той же целью.

Кожа от ненависти плотно облегла лицо.

— З-заткнись! — выпалили оба одновременно.

Мгновенно сделалось до такой степени противно, что и словами не передашь. Захотелось плюнуть, повернуться и уйти, чтобы не видеть этой рожи. Тот, что напротив, метнулся вправо и, обойдя шарахнувшегося Вавочку, скрылся в проеме. В кухню, значит, ушел.

Некоторое время (секунд пять, не больше) Вавочка пребывал в замешательстве: победа или поражение? С одной стороны, ушел-то он, а не Вавочка, а если с другой: опять же догадался-то уйти не Вавочка, а он... Стоп! А вдруг он на кухне чего-нибудь... Присмотреть надо, немедля присмотреть...

С этим дурацким вертящимся «присмотреть» Вавочка подкрался к дверному проему — и словно в зеркало заглянул. Надо полагать, тому, что в кухне, тоже невзначай подумалось: дескать, а вдруг этот, в комнате, чего-нибудь... Оба плюнули и разлетелись по исходным позициям.

Вавочка сел на пребывающую в беспорядке кровать и начал мыслить. Соображать начал. Ничего что-то не соображалось — не мозг, а злокачественная опухоль какая-то.

Наконец пришла не то чтобы мысль — решение пришло: надо одеться. Пусть он, голый-то, с ним одетым поговорит! Хоть какое-то, а преимущество. Вавочка еще только утверждался в этом мудром решении, а тот уже возник на пороге, прошел, насупившись, к платяному шкафу и отворил дверцу.

Вавочку смело с кровати. Во мгновение ока очутился он подле шкафа и с возгласом: «Крутой, что ли?!» — рванул противника за голое плечо. Тот обернулся. Разрываемые противоречием между дать по морде и не получить по морде, ухватили друг друга за руки.

Уразумев, что верхние конечности пользы не принесут, Вавочка ткнул его коленом в пах, но пинок получился взаимным, и оба в корчах опустились на пол.

Ч-черт!.. Свернуться в калачик, стерпеть, подождать, пока боль рассосется... Нет! Надо подняться! Сейчас Вавочка встанет и... Но было очень больно, так что тот поднялся первым. Вавочка ухватил его за ноги, получил пинок и смирился. Глядел, обливаясь слезами справедливого гнева и обиды, как тот, сохраняя зверское выражение морды, облачается в плавки, затем в тенниску и, наконец, в брюки, причем во все Вавочкино! Одевшись, произнес: «Вот так. Понял?» — и умчался на кухню.

Вавочка поднялся на колени, обождал немного, убедился, что боль терпима, и встал наконец на ноги.

«Ну ладно, козел! — исступленно думал он. — Ладно. Мы еще посмотрим! Посмотрим еще, кто кого вылепит! Кто тут из нас пластилиновый...»

Вавочка открыл шкаф. Слезы высохли. Мщение ожидалось страшное и изничтожающее... Стоит ли надевать галстук? Вавочка подумал и надел.

Тут он почувствовал, что на него смотрят, и обернулся. Так оно и было. Подобравшийся к дверному проему самозванец стоял смятенный и раздавленный, стоял и смотрел, не веря и как бы вопрошая безмолвно: да есть ли вообще предел человеческой наглости?

На Вавочке был темный тщательно отутюженный костюм. Из рукавов выглядывали белоснежные манжеты и посверкивали тридцатикаратовые запонки чистейшей воды стекла. Туфли отсвечивали рояльными бликами. В галстуке мерцала миниатюрная шпага. Лицо начальник отдела маркетинга имел корректное и неприступное.

— З-задолблю! — с некоторым отчаянием сказал самозванец.

Вавочка взглянул на него по возможности дерзко и с любопытством. (Кто? Ты? Кого? Меня? Да ты болен, дорогой...)

— Ну, козел! — выдохнул тот. — Гляди, ответишь!..

«Раз, и...»

— Иди на кухню, — ласково посоветовал Вавочка, замирая и дрожа всем нутром. И как бы невзначай взялся за стул.

Двойник не отрываясь смотрел на ухватившую спинку пятерню, потом перевел взгляд на самого Вавочку. То, что Вавоч-

ка прочел в его глазах, утешало. Самозванец откашлялся, вильнул подбородком, потом потребовал неуверенно:

— А ну сними!

Ответная улыбка очень хорошо получилась у Вавочки.

— Ладно! — изронил тот и исчез. Снова появился в проеме — на этот раз с табуреткой в руке.

— Костюма не пожалею! — предупредил он.

Это была угроза. Поэтому Вавочка несколько затянул паузу, прежде чем ответить: «Я тоже».

Они простояли так довольно долго, мужественно выдерживая глупость положения. Наконец оккупировавший кухню сел в дверном проеме на табурет, а владелец комнаты, чтобы не повторять его, оперся на спинку стула. Оба глядели друг на друга, и на лицах проступал вызывающий смятение вопрос: «Да что же это, господа, происходит?»

И вообще надо было как-то выкручиваться. Вавочка встал, небрежно процедил: «Ну, я пошел», — и, прихватив табурет, удалился в кухню с независимым видом.

За спиной в комнате стукнуло, скрипнуло, и Вавочка резко обернулся. Табурет, как четырехствольная зенитная установка, уставился ножками в пустой коридор.

Видимо, оставшийся в комнате просто поднял перевернутое кресло. В отместку Вавочка открыл холодильник, представил с удовлетворением встревоженную физиономию двойника, несомненно, услышавшего щелчок, и громко захлопнул дверцу.

— Откуда ж ты, козел, взялся? — сдавленно и беспомощно спросил он у груды целлофановых пакетов на холодильнике.

И тут же озноб продрал Вавочку вдоль хребта: он задал наконец-то этот вопрос, и деться теперь было некуда.

Объяснение крутилось где-то рядом, но, честно говоря, Вавочка боялся объяснения. Он был бы даже рад остановить мысли на том, что вот какая-то сволочь надела костюм, торчит сейчас в комнате и корчит из себя его, Вавочку. Но мозг уже не признавал никаких опасений и притормаживаний, мозг работал.

Двойники... Двойники... Что-то Вавочка читал о двойниках. Был там у кого-то двойник, поздороваются с ним на улице, а он говорит: нет, мол, это не я... Да, но с самим-то Вавочкой все

по-другому! Пришел домой, лег спать... Спалось, правда, плохо, кошмары мучали... Кошмары? И подлая память услужливо предъявила обрывок сна: что-то в себе Вавочка пытался уничтожить (во сне, конечно), что-то неприятное, мерзкое... И он это вытолкнул из себя, вытолкнул...

— *Его?* — Вавочка вздрогнул от собственного шепота и почувствовал, как стремительно взмокает жаркой знобящей испариной.

Так он что же, выходит, раздвоился, что ли, во сне?.. Или нет, не раздвоился, а — как это?.. Слово еще такое, специальное... Ну да, правильно: разде... То есть как?! То есть...

Вавочка зажмурился, застонал, будто от нестерпимой боли, и вдруг стремглав кинулся в комнату. А в дверном проеме уже стоял тот, другой, и, тыча в Вавочку пальцем, давился одним и тем же словом: «Ты!.. Ты!.. Ты!..»

Это Вавочка? Это, по-вашему, Вавочка? Да на морду одну взглянуть достаточно... Крысенок! Слюной брызжет! И еще орет чего-то! Что он орет?

— Ты на рожу на свою посмотри! Ты! Ты хоть знаешь, кто ты такой?.. Откуда ты взялся — знаешь?!

Вскоре словарный запас был исчерпан, оба внезапно обессилели и стояли теперь, тяжело дыша и утирая слезы. Обида, жгучая обида катилась к горлу, принимая вид вопроса.

— Почему? — выдавил наконец тот, что в тенниске.

Почему это случилось с ним? Именно с ним! Почему не с Леней и не с Сан Санычем?

А вокруг уже подпрыгивал и пританцовывал мохнатенький смешок на тонких ножках:

— А вот не надо ничего из себя выталкивать! Ишь! Чистеньким быть захотел! Не понравилось ему в себе что-то, ах-ах! Ну вот и получи, раз выпихнул!..

...Глумился, бегал вприпрыжку по комнате, выглядывал, ухмыляясь, из-за алтарной тумбочки со свечой:

— А Сан Саныч — тот у-умный! Все при себе держит...

— Так ведь... во сне же... — жалобно и растерянно произнес тот, что в костюме.

И тут мелодично булькнул дверной звонок: «Блюм-блям!»

Оба застыли. Уставились друг на друга с отчаянной сумасшедшей надеждой: исчезни! Уйди! Придумай хотя бы что-нибудь!

— Блюм-блям.

Теперь они смотрели на дверь. Нужно было пройти по коридорчику, наступить на коврик, повернуть черную пластмассовую шестеренку на плоской металлической коробке замка...

— Блюм... — А вот «блям» у звонка не получилось. Вавочка произвел это самое «блям» про себя и начал отпихивать рвущегося к замку двойника в сторону кухни. Вскоре одному удалось оттолкнуть другого, и, очутившись в два прыжка у входной двери, оттолкнувший щелкнул замком. Приоткрыл. Оглянулся. В коридоре уже никого не было. Почувствовал облегчение и распахнул дверь до конца.

На площадке стоял заспанный и небритый Леня Антомин. Просыпаясь на глазах, он заглядывал через Вавочкино плечо: не померещилось ли ему чего в конце коридорчика...

Ах, Леня, Леня! Умный ведь человек, но сколько ж можно? Ну день ты прячешься от теневиков, ну другой, а потом как отмазываться будешь?

Леня глядел через плечо Вавочки.

— Не уехала? — тихо спросил он и указал глазами на прикрытую дверь кухни.

— Уехала, уехала, — торопливо успокоил Вавочка, и голос у него был хрипловат — точь-в-точь как у самого Лени.

Ты, Леня, заходи. Он, видишь ли, один дома. Совсем один. Так ведь бывает, правда? Ну зачем ты туда смотришь? Нет там никого, Леня, честное слово, нет...

Да что ж это он сделал! Идиота он кусок, а не Вавочка! Сказал бы: не уехала. Рад бы, Леня, мол, так и так, но здесь она, сестра, хотела уехать в Тмутаракань свою, да раздумала. Дни радости отменили, понял? И ушел бы Леня к чертовой матери.

Вавочка с ненавистью взглянул на гостя и тут же, сморщив лицо, схватился за затылок. Гость не понял.

— Голова болит, — пояснил Вавочка. — Ты заходи.

Но Леня не сразу зашел. Еще раз заглянул за Вавочку, затем начал рассматривать его самого, изумляясь поочередно галстуку со шпагой, запонкам, туфлям. Некоторое время боролся с улыбкой, и улыбка победила, сделав на секунду небритого Леню бодрым и обаятельным.

— Ты что? — спросил он чужим естественным голосом. — На работу собрался или по дому так ходишь?

— Собрался... — Вавочка поперхнулся и мысленно обругал себя последними словами. Утащит из дому, а на кухне — двойник!

— То есть я... это... так хожу, — добавил он и уставился в испуге на Леню: не заподозрил ли тот чего.

Леня был сбит с толку окончательно.

— А чего ты стоишь? — Вавочка решил не дать ему опомниться. — Ты это... Давай заходи... — И он сделал широкий приглашающий жест.

Леня зашел, покручивая головой.

— Ну ты даешь! Выпил, что ли?

— А, ну да! — ухватился Вавочка. — У меня оставалась там эта... граммулечка...

Понял, Леня? Все просто. Выпил Вавочка, вот и чудит. А ты что думал? Все просто, Леня...

«Граммулечка»? Леня смотрел с сомнением. Что-то здесь не так. Если бы Вавочка небрежно объявил, что минуту назад прикончил полбутылки «Распутина» одним глотком и не закусывая, это было бы в порядке вещей и означало, что Вавочка проглотил граммов пятьдесят. Если же он говорит о «граммулечке» — то что же это он? Пробку лизнул, что ли?

— Значит, говоришь, — проскрипел Леня, устраиваясь в кресле, нелепо стоящем спинкой к дверному проему, — тоже от рэкетиров скрываешься?

Вавочка, уже коснувшийся задом растерзанной постели, замер было в этой нелепой позе, но, понятно, не удержал равновесия и плюхнулся — аж ноги от пола подпрыгнули.

— Как?!

— Как-как! — Леня явно был настроен мрачно-юмористически. — На работу не пошел?

— А-а... — с облегчением сказал Вавочка. — Ну да...

Далее он, продолжая удивлять Леню, осекся и закусил губу, чем-то, видать, осененный. Планы, планы летели и лопались мыльными пузырями — радужными, непрочными.

А что, если сдать двойника рэкетирам?.. Или даже не так! Заказать! Заплатить вьетнамцам — те его в два счета уберут!.. Ну да, а вдруг уберут, да не того? Морды-то одинаковые... и адрес тоже...

Леня с интересом ожидал, когда хрусталики Вавочкиных глаз снова наведутся на резкость.

— Кстати, — сказал он. — Эта твоя...

— Какая? — чисто механически переспросил Вавочка. Какая еще «эта»? Он в неприятностях по горло, у него ствол к ребрам приставлен — какая тут еще может быть «эта»?

Но Леня понял его вопрос по-своему и опять удивился. Потом подумал и вспомнил: все правильно. Крутил Вавочка, крутил месяц назад с приземистой такой брюнеточкой...

— Ну не приплюснутая та, черная... Ты еще говорил: на йоге сдвинулась... — уточнил Леня. — А крашеная, затылок бреет...

— Это Люська, — сказал Вавочка и встрепенулся: — А чего она?

— Да говорят, ищет тебя. Куда пропал, спрашивает...

Вавочка вздрогнул.

— Током дернуло?

А Вавочку не током дернуло — просто он услышал, как тоненько, мелодично скрипнула дверь кухни. Вздрогнул — и уставился в проем.

Леня оглянулся. В проеме никого не было. Он вгляделся в Вавочку и расплылся в понимающей улыбке.

— На кухне, что ли, прячется? — тихо спросил он и радостно (ну как же, раскусил!) засмеялся. Потом оборвал смех и вгляделся в Вавочку повнимательней. Тот по-прежнему смотрел в проем, где уже стоял этот, в тенниске, с лицом весьма решительным.

Леня еще раз обернулся и долго теперь не поворачивался. На тяжелом его затылке взвихривался водоворотик коротко подстриженных волос. А тот, в тенниске, заискивающе улыбался Лене. Вавочка даже застонал при виде этой улыбки — такая она была жалкая, просящая извинения.

Леня смотрел. Потом вдруг крутнулся к Вавочке, и никакой сонливости не было уже ни в глазах Лени, широко (и красиво) раскрытых, ни в небритой физиономии. Он напоминал теперь исторического бродягу, глухой звериною тропой бежавшего с о. Сахалина.

И Вавочка заискивающе улыбнулся ему, глядящему сумасшедше, и сам почувствовал, что улыбка вышла жалкая, просящая извинения. Тогда он убил улыбку и встретил ужасный взгляд Лени с достойным и, пожалуй, несколько угрожающим видом.

Леня с проворотом слетел с кресла, и оно, громыхнув, вернулось в то самое положение, в каком пролежало всю ночь, а

сам Леня, чуть пригнувшись, уже отступал в сторону окна. Держа обоих в поле зрения, отвел назад растопыренные пятерни, поискал подоконник. Нашел. Взялся широко раскинутыми руками. Приподнял по-звериному верхнюю губу.

«Убьет!» — панически подумали Вавочки.

— Ты что?.. — хрипло произнес Леня.

Взгляд обоих Вавочек был жалок.

— Ты что, блин?.. Совсем уже чокнулся?.. Совсем уже идиот, да?.. — Леня говорил что попало, что на язык подвернется, лишь бы выиграть время и прийти в себя, но каждое это случайное слово убивало Вавочку. Обоих убивало.

Он малость поуспокоился, видя их растерянные лица. Кошмар обязан быть страшным. Если же кошмар и сам испугался, то какой он, к черту, кошмар!

— Ну и дурак же ты, прости господи! — подвел итог Леня, вновь обретая некоторую уверенность. — Видал дураков, но чтобы такое отколоть!..

Он перевел дух и оперся задом на подоконник. Глаза размышляли, всматривались, сравнивали. Лицо хмурилось все больше. Ничего не мог понять Леня. Ну то есть ни моментика из того, что происходит. А казалось бы, напрашивающаяся мысль о собственном сумасшествии к Лене, как всегда, и близко не подходила.

Потом на лице его появилось и исчезло выражение досады. Ах вот оно что!.. Да, крепко провели Леню. Давно он так не попадался. И кто бы мог подумать: Вавочка — и вдруг... Но, странно, найдя объяснение, Леня встревожился еще сильнее: кто же с таким перепуганным насмерть видом, с такой растерянной физиономией разыгрывает? Тем более Вавочка. Да он бы уже десять раз на смешки раздробился. И все же однако...

— Близнецы, что ли?

Переглянулись вопрошающе. А что еще можно придумать? Ничего нельзя больше придумать. Покорно кивнули.

— Хорошо, — оценил прежний Леня. — Умеешь. Чья идея-то была? — И, не дожидаясь ответа: — Слышь, надо бы еще кого-нибудь наколоть. Я прямо ошалел сначала. Вот ведь похожи!

Он снова начал всматриваться в их тождественные физиономии. Понятно, что облегчения это занятие ему не принесло. Леня крякнул и отвел глаза.

— Ну ладно. — Не спрашивая разрешения, достал из серванта три рюмки. Вавочки проворно убрали с алтарной тумбочки книжицу и подсвечник. — Давай к делу.

Леня вынул из глубокого, как пропасть, внутреннего кармана пиджака коньячную бутылку. Вскрыл. Разлил по край. Сел. Вавочки тоже подсели.

— Закуску тащи.

Вавочка в костюме встал, отступил, пятясь, и улетел на кухню. Мгновенно возник с хлебом, ножом и капустой, так что двойник с Леней и словом не успели перекинуться.

Однако Вавочка в тенниске все же парой кивков и взглядов попытался сориентировать, что он — это он сам, а который в костюме — так, приезжий.

— Ну, за нее! — провозгласил Леня. — За рекламную кампанию.

Опрокинули. Коньяк был явно поддельный и отдавал самогоном. Морщась, закусили. Леня с приговоркой: «Природа пустоты не переносит», — наполнил рюмки по второму разу. Вавочка в тенниске достал пачку, раздал по сигарете, пощелкал зажигалкой. Затянулись. Вслушались: не шумит ли. Нет, ничего еще не шумело. Одна рюмка коньяку — это очень мало.

— Значит, что я предлагаю, — сказал Леня, разглядывая рисунок на тенниске. — Телевидение, хрен с тобой, бери себе, а мне давай «Аргументы и факты». Остальное меня не колышет...

Вавочка в тенниске окаменел лицом и тихонько указал глазами на двойника. Дескать, что же ты о делах-то при постороннем!

Леня только головой покрутил — забавные у близнецов отношения. Хотя ему-то какая разница?.. Время терпит. Кончится коньяк — пошлем гостя за добавкой, тогда и поговорим. А пока — светская беседа.

— Откуда приехал? — поинтересовался Леня, обращаясь к Вавочке в костюме.

Тому от неожиданности дым попал не в то горло. Леня дружески ахнул его по спине кулаком — не помогло. Вопросительно взглянул на другого.

— Да из этой... Ну ты же говорил еще... — по-подлому обратился владелец тенниски к кашляющему.

— Из этой... Ну, как ее?.. — сдавленным голосом сообщил тот. — Сестра еще туда поехала...

— Из Тмутаракани? — подсказал язвительный Леня.

— Ага!.. — Вавочка прикусил язык.

Леня изумился.

— Так она, выходит, что? В самом деле есть? Я думал, шутишь...

Вавочка облизнул губы и обреченно кивнул.

— И как? — допытывался Леня.

— Что?

— Как город?

— А-а... — Вавочка подумал. — Дыра.

— Так я и думал, — удовлетворенно отметил Леня. — Ну, давайте за Тмутаракань.

Выпили. Закусили. Затянулись. Лене не терпелось побольше узнать об историческом городе.

— Цены как?

Вавочка прикинул.

— Да как у нас.

— Где это — у вас?

— Ну... — Вавочка замялся. — Здесь.

— Так это не у вас, а у нас.

— Ну да... — сообразил Вавочка. — Правильно... У вас.

— А кем работаешь?

— Маркетологом, — сказал Вавочка, понимая с отчаянием, что ничего не может придумать и вдобавок окончательно теряет власть над собственным языком. — Т-то есть начальником отдела...

Леня моргнул несколько раз подряд.

— Да-а... Бывает, — несколько озадаченно произнес он. — Бывает. Я вот тоже слышал: два близнеца. С рождения жили врозь. Вот... И не переписывались. Так в один и тот же день — да? — купили щенков одной породы и назвали одинаково, ну! А потом в один и тот же день застрелились. — Леня еще раз сочувственно поглядел на Вавочек и утешил: — Так что — бывает... О! — Он оживился. — Есть повод.

Рюмки снова наполнились. Бутылка опустела.

— Леонид, — представился Леня, протягивая руку Вавочке в костюме.

— Владимир, — сказал Вавочка.

Леня вытаращил глаза, потом оглянулся на Вавочку в тенниске, потом до него наконец дошло.

— Ну вы козлы! — Леня заржал. — Второй раз, а?.. Извиняюсь! — бросил он насмешливо и протянул руку Вавочке в тенниске. — Леонид.

Тот пожал руку и что-то пробормотал.

— Чего? — не понял Леня.

В один момент провалились куда-то все мужские имена, вертелось только какое-то дурацкое «Арнольд».

Ну улыбнись же, Леня! Засмейся! Скажи: «Ты что? Как звать себя забыл?» Чудак он, Леня! Склеротик! Это у него с детства, понимаешь? Ну улыбнись!

Леня улыбнулся. Нехорошая была улыбка, ненастоящая. Повернулся неспешно к галстуку со шпагой.

— Так когда ты узнал про Сан Саныча?

— Э-э... вчера, — ответил Вавочка. — Я-то думал, он по редакциям побежал...

Леня не дослушал. Леня развернулся всем корпусом к тому, что в тенниске.

— А кто сказал?

— Новичок, — несколько опешив, ответил тот. — Захожу в рекламу, а он...

Леня встал и как-то незаметно оказался в дверях. Именно с таким выражением лица он отступал недавно к подоконнику.

— Куда ты? — Оба вскочили.

Леня пропал. Грохнула со щелчком входная дверь. На алтаре стояли пустая бутылка и три рюмки коньяка.

Медленно повернулись друг к другу.

— Значит, думаешь: пластилиновый? — произнесли оба зловещим изумленным шепотом. — Думаешь, из меня все лепить можно?..

Владелец костюма сделал пугающее движение, и присвоивший тенниску отпрыгнул к стене. Понял, что отступать некуда, и сделал ответное пугающее движение, отбросившее противника на прежнее место. Началась изматывающая позиционная борьба. Вавочки тиграми кружили друг вокруг друга по сложным кривым, делали ложные замахи и выпады, шипели, натыкались на кресло, сверлили взглядами, отпрыгивали, произносили время от времени: «Ну, блин!», «Так, значит?» и «Задолблю!»

Потом ухватили каждый по стулу и окончательно пали духом. Выяснение отношений приняло словесную форму. Начал тот, что в костюме.

— В гробу я тебя видел! — сказал он с такой убежденностью, что видение чуть было не возникло, колыхнувшись, в центре комнаты. — В белых тапочках, понял?

— А ты... — с ненавистью и без промедления ответил второй. — Ты вот что: я таким головы откручивал и жаловаться запрещал!

Тут же выяснилось, что даже самый последний дурак догадался бы: нельзя своего сопливого носа высовывать из кухни, если в комнате посторонний! Выяснилось также, что только самая наисволочнейшая сволочь может пить коньяк в чужой квартире, а законного хозяина при этом выставлять на кухню. («Это кто хозяин? Это ты, что ли, хозяин? Да ты знаешь, кто ты такой?..») Не сходя с места, выяснили, кто есть кто и чью одежду присвоил.

И случилась некоторая пауза — аргументы кончились.

Потом владелец тенниски вдруг без видимой связи с чем бы то ни было нагло объявил, что двойник его (присвоивший костюм) — сынок, шнурок и вообще службы не видел. Тот сначала онемел от такой клеветы, но тут же взъярился и сообщил, что родители Вавочку только еще проектировали, в то время как он (владелец костюма) уже бодро и бдительно нес караульную службу в горячей точке.

Трудно сказать, почему их вдруг занесло в армейскую тематику, но полемика нашла наконец выход и с грохотом устремилась в глубокое, проторенное за два года русло. Немедля последовавший ответ сорвал пелену с того факта, что Вавочка один раз в жизни слез с дерева, тут его и в армию забрали. («Я с дерева? Да тебя самого по тундре две недели сетями ловили! Капканы ставили!»)

Самоутверждение продолжалось.

— Родину защищал! — орал Вавочка в тенниске, чуть не колотя себя в грудь.

— Ага! Защищал, блин! Под вольтанутого закосил и дома дослуживал, — запальчиво бросил Вавочка в костюме, но осекся.

Нельзя было, конечно, пускать в ход этот сокрушительный аргумент. Как термоядерный удар, он не разбирал, кто его наносит, он сжигал и победителей, и побежденных.

Тем не менее противник позеленел, начал заикаться и окончательно утратил членораздельность речи.

— Это... — сказал он. — Ты, блин... Это... Туда-сюда... Сам ты...

Здесь он кое-как овладел собой.

— Ты знаешь что? — плачуще выкрикнул он. — Ты мышей ни фига не ловил, в столовой рисовал!

В переводе на человеческий это означало, что Вавочка дремал, будучи дневальным, и разливал по тарелкам суп, причем несправедливо разливал.

Потом оба внезапно обессилели, почувствовали голод и замолчали. Еще раз с отвращением оглядели друг друга, и присвоивший тенниску буркнул:

— Ладно. Пошли жрать.

Противоположного Вавочку передернуло от такой бесцеремонности, но он каким-то чудом сдержался и последовал на кухню за обнаглевшим самозванцем.

Горелка была зажжена, алюминиевая кастрюля значительной емкости — установлена. Владелец костюма достал пачку сигарет, предложил с надменным видом. Двойник бешено посмотрел на него, но сигарету взял. Прикурил, однако, от газа, как бы не заметив протянутой зажигалки. Оба глядели друг на друга, и казалось, затягивались не дымом, а ненавистью. Докурили одновременно. Присвоивший тенниску взял отмытую консервную банку для использованных спичек и стал гасить сигарету. Гасил унизительно долго, и владелец костюма, потеряв терпение, просто выбросил окурок в форточку.

— Ты что делаешь? — заорал на него Вавочка.

Но тут, к счастью, фыркнула кастрюля. Все еще вне себя владелец тенниски разбросал по тарелкам вегетарианскую солянку.

Вышла не еда, а нервотрепка: каждый думал не столько о насыщении, сколько о том, чтобы выглядеть прилично и не походить ни в чем на сидящего напротив. Владелец тенниски хотел обмакнуть хлеб в соль, но так вышло, что двойник его опередил. Вавочка вышел из себя и сказал, что он думает об опередившем. В ответ тот оскалился из костюма и продолжал чавкать. Тогда Вавочка бросил с грохотом ложку на стол. Тот вздрогнул, но довольно быстро овладел собой, и чавканье возобновилось.

— Посмотрел бы ты на себя в зеркало, козел! — тихо произнес Вавочка — и внутренности свело спазмой вчерашнего страха: огромное черное зеркало, и кто-то с поразительной, нечеловеческой точностью повторяет в подробностях все твои движения, эхом отдается шлепанье босых ног.

Тот, что в костюме, тоже прервал еду, в глазах его был такой же страх — вспомнил и он. Оба глядели друг на друга, и глаза их

становились попеременно то жалкими, то презрительными. Это зеркало? Это Вавочка? Вот этот крысенок — Вавочка?..

Застыв лицами и не произнеся ни слова, они, содрогаясь от каждого чавка — чужого и своего, солянку все же прикончили. Владелец костюма поднялся первым.

— Я разогрел, а ты вымой! — приказал владелец тенниски.

— Облезешь! — бросил, не оборачиваясь, тот. Он был уже в дверях.

Владелец тенниски подскочил к нему, ухватил за плечо, рванул.

— Я разогрел, а ты вымой!!

Здесь должна была наконец случиться драка, и она случилась бы непременно, если бы в коридоре медлительным большим пузырем не всплыло и не булькнуло мелодично все то же зловещее «Блюм-блям».

Кто-то опять стоял на рогожном прямоугольнике тряпки перед дверью и, ожидая приближающихся из глубины квартиры шагов, без интереса рассматривал вырубленную в стене фразу десятилетней давности «Вавка — шмакодявка», дважды в процессе текущих ремонтов закрашенную серо-зеленой краской и все же еще вполне читаемую. Вот на лице стоящего проступает недовольство, он снова подносит палец к кнопке звонка и...

Серые, как газетный лист, лица Вавочек чуть порозовели, дыхание возобновилось. Тот, что стоял поближе, пошел и поставил кресло. За дверью мог быть Леня. И очень даже просто: купил еще бутылку и вернулся. Это было бы хорошо. Это сразу многое бы распутало. («Что, Леня, дверью ошибся? Выскочил не туда? Туалет, он у нас тут налево, а направо — выход...»)

Миновав проем, владелец костюма обернулся, и Вавочки чуть не столкнулись.

— Тебя, знаешь, как зовут...

— Меня Владимир Васильевич зовут! — отрезал владелец тенниски и попытался пройти в коридор. Последовало несколько обоюдных толчков, сдавленных возгласов: «Крутой, что ли?» — и наконец оба очутились перед дверью.

Блюм-блям.

Который в костюме взялся было за пластмассовую шестеренку, но другой, в тенниске, ухватил его за рукав. Испуганно уставились друг на друга. А если не Леня?

Костюм молча кивнул на дверь кухни. Двойник так же молча помотал головой — моя, мол, очередь открывать. Сделал попытку прорваться, но был отброшен ударом ноги и тыльной части тела. Вавочка в костюме судорожно щелкнул замком, чуть приоткрыл дверь — и тот, что в тенниске, во мгновение ока прилип к стене.

Приоткрыл, говорю, дверь и просунул голову на площадку.

— Я сейчас! Моментик! — выпалил он наружу и, даже не успев уяснить, кто там, собственно, пришел, снова оказался лицом к лицу с двойником, придерживая прикрытую дверь заведенной за спину рукой. Взгляд его был красноречив.

Тот понял, что опять придется сидеть на кухне, но просто так повернуться и уйти — убеждения не позволили. Не спеша отлепился от стены, заложил руки в карманы и, склонив голову набок, принялся ехидно разглядывать подлую свою копию, которая, делая поочередно то страшные, то жалобные глаза, вот уже второй раз выкрикивала: «Сейчас-сейчас!.. Тапочки только надену...»

Усмехнулся презрительно. Ленивым прогулочным шагом, не вынимая рук из карманов, прошел по коридору, остановился, озабоченно соскоблил ноготком чешуйку краски с выключателя и, отвратительно подмигнув своему отутюженному костюмчику, скрылся в кухне.

— Ну вот, — произнес Вавочка слабым радостным голосом возвращенного к жизни утопающего. — Я уже...

Он открыл дверь — и даже отшатнулся слегка. Перед ним стояла Лека Трипанова в светлых брючках и белом хлопчатобумажном свитере с вытканным на груди контуром алой розы. В руке она держала только что, видать, скинутый с плеч худенький рюкзачок с десятком душеспасительных брошюрок.

Визит этот сам по себе был событием не очень приятным, а уж при таких обстоятельствах просто принимал форму катастрофы.

Сейчас она назовет его Володей.

— Володя, — сказала она и засмеялась. — Володь, ты что?

Чего доброго она могла подумать, что Вавочка, одной рукой придерживая дверь, ухитрился нацепить выходной костюм и встретить ее при параде.

— Тапочки! — передразнила она. Потом спохватилась и оборвала смех. Лицо ее стало отрешенным и строгим, а свет-

ло-кофейные глаза обрели ту удивительную безмятежную прозрачность, свойственную лишь старикам да младенцам, когда уже и не знаешь, что в них: мудрость или слабоумие. — Значит, уехала все-таки Маша?

Инте-ресно все получается! В многострадальной Вавочкиной голове вновь наметилась некая болезненная пульсация. Она знает, что сестра уехала. Откуда она это знает? Раз она знает, что сестра уехала, значит, пришла к нему. Зачем она к нему пришла, если сама полтора месяца назад сказала, что Вавочка во власти враждебных сил? Может, ей просто трахнуться захотелось? Медитация — медитацией... Он почувствовал уже сладкую жутковатую дрожь, но тут же вспомнил, что на кухне сидит... М-м-м... Скривился, как от зубной боли.

— А в квартиру ты меня не впустишь?

— Почему? Впущу, — растерянно отозвался он и почувствовал, что глаза у него забегали.

Отдал событиям косяк, отступил, пропуская Леку. Оглянулся на дверь кухни. Там вроде все было в порядке, и Вавочка, защелкнув замок, проследовал за гостьей в комнату.

На белой хлопчатобумажной спине Леки было вытканно: «Ты — Утренняя Роза В Саду Мечтаний Бога. Шри Чинмой».

Положив рюкзачок возле кресла, она повернулась к входящему Вавочке. Невысокая, плотная. В короткой черной стрижке — проволочки седины. Коричневатые глаза, если присмотреться, невелики, но так и сияют, так и сияют...

Тут Вавочка обратил внимание на растерзанную постель и, приглушенно чертыхаясь, бросился драпировать ее пледом. Лека наблюдала за ним с младенческой улыбкой. Потом заметила три рюмки коньяка — и улыбка резко повзрослела.

— А гостей на кухне прячешь?

Смысл фразы проступил спустя секунду, и Вавочка очутился в центре кухни. Шизофренически огляделся, куда спрятаться. Спрятаться было некуда. Поймался. Хоть в форточку выпрыгивай.

— По-чему? — еле расслышал он из комнаты.

Ответом был смешок, нестерпимо знакомый. Кто ж это у него там? Чье-то слегка забытое лицо и имя его плавали кругами в сером тумане мозга, но никак не могли проясниться окончательно и слиться воедино с этим смешком.

— А куда их еще можно спрятать?

И голос тоже. Удивительно знакомый. Явно женский, но похож на ломающийся мальчишеский. Кто же это, блин?

— Каких гостей? — Подрагивающий от страха тенорок двойника.

Опять смешок, и Вавочка даже отшатнулся от неплотно прикрытой двери. Лека, блин! Это же Лека Трипанова! Он пришибленно поднял плечи и огляделся, как бы беря стены в свидетели, что понимать происходящее он отказывается. Взял табурет. Аккуратно, без стука, приземлил рядом с дверью на четыре точки. Сел. Вслушался.

— Тебе лучше знать каких. Три полные рюмки, сам чуть не в смокинге, бутылка... — Пауза. — Ого! С водки на коньяк перебиваешься? — Гулкий звук от соприкосновения донышка с полированной доской тумбочки. — Вот я и спросила: гостей-то на кухне прячешь?

Слава богу, двойник, кажется, приходил в себя.

— А я это... — начал он игривым с поскрипыванием голоском. — Культурно, туда-сюда... Чтобы каждый раз не наливать. Похожу по комнате — приму, опять похожу...

— Ну, давай-давай! — беззвучно произнес второй возле кухонной двери. — Крути ей мозги, крути!

— Слушай, не протягивай ты мне рюмку! — Здесь голос Леки смягчился, даже стал несколько мечтателен. — О спиртном я уже и думать забыла... Я просто так заглянула, — внезапно сообщила она. — Услышала, что Маша поехала на Дни радости, и зашла сказать, что очень за нее рада.

Вавочки не поверили. Да и кто бы поверил! Ждали с замиранием продолжения.

— Слушай, ты, может быть, думаешь, что меня Маша подослала? — всполошилась Лека. — Ну, в смысле — проверить, как ты тут без нее... Нет! Уверяю тебя!

Напряженная пауза.

— Мне уйти? — Дрогнувший Лекин голос.

— Да нет, отчего же... — промямлил наконец тот, что в комнате.

Вавочка скрипнул зубами и, подбирая двойнику наименование за наименованием, вскочил и по возможности бесшумно прошелся по кухне. Разгневанно сопя, вернулся к двери, установил колено на табурет, вслушался.

— А ты-то сам как живешь?

— Начальник отдела маркетинга, — не удержался двойник. — «Росхристинвестъ». Прошу любить и жаловать.

Ну что это за дурак такой на Вавочкину голову! Ее срочно как-нибудь выставить надо, а он там хвастаться вздумал!.. Главное, чем хвастается, козел! Он-то тут при чем?

— И тебе достаточно этого для счастья?

Ой, бли-ин... Ну все! Пошла душеспасительная беседа... В конце концов, сам напросился! Вот пусть теперь помается. А Вавочка себя и здесь неплохо чувствует...

Он снял колено с табуретки, засунул руки в карманы, вышел на середину кухни и, нервно, по-собачьи, зевнув, оглядел двор за окном.

Оглядел, говорю, почти правильный куб сизоватого осеннего пространства, ограниченный тремя пятиэтажными, наждачно-шероховатыми стенами, прорезанными понизу...

— ...энергетика! Ты уберешь коньяк, ты протрешь полировку, но энергетика! Все дело в энергетике, Володя...

...прорезанными понизу сквозными туннельчиками; с асфальтированным дном, по которому опавшие листья выстраивались упорядоченно, как железные опилки в магнитном поле, потому что...

— ...да хоть директором! Пойми: сколько бы ты там денег ни заработал, душевного покоя это тебе...

...потому что из одного туннельчика в другой шли сквозняки; в центре двора — просторная проволочная клетка для волейболистов; рядом — т-образно сваренные...

— ...ты сам чувствуешь, что этот мир...

...т-образно сваренные металлические трубы с бельевыми веревками, на которых одиноко сохло что-то розовое, дважды проштампованное футбольным мячом.

— Ага, блин! А пока я буду медитировать... — доносилось из комнаты.

Почему у него такой гнусный голос?

— Ага, блин, — тихо произнес Вавочка и прислушался к себе. — В натуре.

Нормальный звук. А у этого что за дребезжалка такая?..

Во дворе под окном был еще дровяной стол для домино и две скамьи к нему, но, если смотреть с середины кухни, то стол не увидишь. Вавочка сделал еще пару шагов — и в следующий миг, не успев даже выхватить руки из карманов, стремительно пригнулся. Чуть в подоконник челюстью не врезался.

— Леня, с-сволочь! — выдохнул он.

На скамье, спиной к столу, лицом к дому, сидел мрачный Леня Антомин. Сидел, недобро посматривая на Вавочкино окно, пошевеливая незажженной сигаретой в углу рта, поигрывая спичечным коробком.

Вот, значит, какие у нас дела! Все, значит, сговорились! Та-ак...

Потрясение остро отдалось в мочевом пузыре. Прислонился к стене, чуть просев и сжав колени. Не помогло. Хуже стало. Пометался по кухне.

Наконец не выдержал, отставил мешающий табурет и взялся за ручку. Если открывать медленно, скрип получится долгим, как в прошлый раз. И Вавочка приоткрыл дверь одним коротким, но по возможности плавным толчком.

Та ответила слабеньким всхлипом. Кожа на затылке шевельнулась от напряжения. Кажется, не услышали. Микроскопическими приставными шажками, сдвигая голову на доли миллиметра и страшно боясь, что они увидят его первыми, заметят в проеме бледное напряженное ухо, Вавочка двинулся по коридорчику. Счастье сопутствовало ему — Лека сидела в кресле спиной к проему, двойника видно не было.

Дверь туалета — она скрипит или нет? Приостановился, припоминая.

В комнате оборвался Лекин голос и возникла опасная чуткая тишина. Замер, не зная, на что решиться.

— Володя! — Лека решила, что все поняла. — Ты болен!

Вавочка стиснул зубы и помотал головой, чувствуя, что щеки его опять сереют, а губы сами собой расползаются, открывая не очень-то, наверное, приятный оскал.

— Послушай, у тебя жар! Ты же в полуобморочном...

Голос пропадал, Вавочка почти не слышал Леку.

— Я... ничего... — удалось наконец выговорить ему.

Он ждал этого звука, надеялся, что его не будет, этого быстрого всхлипа кухонной двери, и вот дождался, действительно чуть не грохнувшись при этом в обморок. Что Леня? Леня — ерунда! Вот если Лека узнает — тогда уже ничего не замнешь. Абзац тогда, ясно? Двойной полуабзац!

Вавочку била меленькая, незаметная глазу дрожь; он не слышал — он чувствовал аккуратные бесшумные шажки двой-

ника, старался не глядеть в проем, но беседу уже поддержать не мог. Шаги прекратились.

Медленно, как не бывает в жизни, Лека поднялась из кресла, придвинулась, выросла, рука ее наплыла, ухватила Вавочку за щеки, встряхнула. «Сейчас начнет по морде хлопать», — выпрыгнуло в мозгу.

Опять всхлипнула дверь.

Он что же, вернулся? Или что?

Лекина рука разжалась.

— Погоди, — сказала Лека. — Погоди, я сейчас воды принесу. Руку отпусти.

Она сделала движение к двери, но Вавочка буквально повис у нее на руке.

— Нет! — выкрикнул он. — Не надо воды! Я не хочу воды! Ты мне дай это... — Взгляд его метнулся по комнате. — Коньяку дай!

У лица оказалась рюмка с коньяком. Вавочка нечувствительно проглотил содержимое и замер, тяжело дыша.

— Володька-Володька... — сказала Лека одними губами, с жалостью на него глядя. И затем вслух: — Врача вызвал?

Ответа не последовало.

— И не вызывай, не надо. Болезнь — это расплата за грех, понимаешь? Попробуй перебороть ее, Володя...

Вавочка сидел и моргал, пытаясь осмыслить, что же все-таки там, в коридоре, произошло. Кажется, во второй раз дверь всхлипнула по-другому — чуть выше и протяжнее.

Тут он уловил слабый сверлящий звук, все понял и засмеялся, истерически привизгивая. Он представил, как выглядел двойник, крадущийся по коридору, и что он почувствовал уже в туалете, когда Вавочка закричал: «Не надо!» — может быть, даже штаны расстегнуть не успел... Все это Вавочка очень выпукло, рельефно, так сказать, представил — и совсем зашелся.

Лека стояла над ним с лицом серьезным и испуганным. Она ничего не понимала, и это тоже было безумно смешно.

— Припадок... — вслух сообщила она самой себе.

Потом нагнулась и тронула губами его лоб. От удивления Вавочка замолчал, но тут же понял, что Лека просто проверила, не температурит ли он.

В возникшей паузе внятно, отчетливо (для него, разумеется, отчетливо) скрипнула сначала одна дверь, потом другая, и Вавочка вроде бы в момент осунулся. Это он осознал, что и у

него мочевой пузырь не безразмерный. Поерзал на стуле. Не помогло. Хуже стало.

И тут пришло спасение.

— Пойди умойся хотя бы, — сказала Лека. — И воды выпей, слышишь? Может, чуть полегче станет.

Вавочка задохнулся от неожиданной радости, но тут же вновь встревожился.

— Только ты, слышь, — потребовал он, — ты за мной не ходи, ясно?

— Если в ванной не грохнешься... — начала Лека.

— Не грохнусь! — обрадованно заверил Вавочка.

Стараясь идти, а не бежать, прошел в туалет. Одной рукой яростно расстегивая молнию, прикрыл дверь другой.

Далее все произошло столь быстро и нагло, что он даже не сразу в это поверил.

Всхлип кухонной двери, два решительных шага — и подлая рука снаружи щелкнула задвижкой.

Перед Вавочкой вдруг оказалась дверь, а он стоял на окропленном красно-желтом плиточном полу совмещенного санузла и тупо на нее смотрел. Потом толкнул кончиками пальцев. Бесполезно. Заперто. Опустил крышку. Сел. На лице стыли отчаяние и обида.

— Володька! Да ты что? Ты когда успел? — сказала там, в комнате, Лека и расхохоталась.

Вавочка оглядел себя и сообразил, что одеяния у них с двойником несколько различны.

— Да это... — сказал он, избегая глядеть в глаза. — Костюмчик там, галстучек... Чего зря снашивать? Не на работе ведь...

Покашливая от неловкости, подошел к столу, взял рюмку, зачем-то протянул Леке.

— Я же сказала уже, — напомнила она.

Тогда он выпил сам, повертел рюмку в пальцах, изучил до грани и поставил на стол, так и не придумав, с чего начать.

— Это мы здесь с Леней уронили... — повел он издалека.

— Что уронили?

— Ну как же! — удивился Вавочка. — Эту... граммулечку...

Рискнул — и с опаской вгляделся в безмятежно-прозрачные глаза Леки. Та ждала продолжения.

— Леня здесь был, — как можно многозначительней проговорил он.

— Ну-ну! — подбодрила она.

— Антомин Леня.

— Так.

— Во дворе сидит Леня, — признался он тогда в отчаянии. — И сюда смотрит.

— Ты что? — поразилась Лека. — Сквозь стены видишь? — Подумала и сообразила: — Ах да, через окно в кухне... Сидит, говоришь?

Помолчала.

— Я думала, он тоже безнадежен... — сообщила она наконец.

Вавочка весь подобрался — ждал, что скажет дальше.

— Вообще-то он просил, чтобы я тебе не говорила... — Словно нарочно мучая его, Лека умолкла, развязала рюкзачок, порылась, но вместо душеспасительной книжицы извлекла пачку сигарет с зажигалкой. Прикурила. Жалко улыбнулась углом рта и виновато оглянулась на коричневато-розовые пятки Учителя. — До сих пор бросить не могу, — пожаловалась она. — С алкоголем — легче...

Вавочка уже готов был ее придушить.

— Да все просто, Володя. Встретились мы с ним возле арки, совершенно случайно... О тебе поговорили...

— А потом?

— Потом он попросил зайти к тебе.

— Зачем? — крикнул Вавочка.

— Сказал, что запутался ты, что трудно тебе сейчас...

Замысел Антомина предстал перед Вавочкой во всей его подлой наготе. Будет теперь подсылать знакомых, а потом выспрашивать осторожно... Вавочка ненавидяще глядел в бесконечно удаленную точку пространства.

Эх, не надо было тогда выходить из кухни... Но при этой мысли к горлу тошнотным комком подкатились злоба и протест. Ах из кухни не выходить? Этот, видите ли, коньяк бы с Леней пил, а Вавочка что? Из конспирации воздерживался бы? Так, что ли?

Мутный взгляд его остановился на последней полной рюмке. Будь Вавочка скифом, отступающим перед персидскими полчищами, он бы не отравлял и не засыпал колодцев — он выпивал бы их до донышка, чтобы не оставлять врагу. Короче

говоря, Вавочка очутился у полированного алтарика и решительно рюмочку эту прикончил.

А то — ишь чего придумал! Леня коньяк принес, а этот его пить будет? Так нет же, воздержишься! И в туалете сколько надо посидишь!

И, окончательно перестав стесняться, он притер к полированной поверхности рюмку, ухватил с тарелки капустную гирлянду и переправил в запрокинутый рот.

Лека смотрела на него, не донеся сигарету до полуоткрытых губ. Она опять решила, что все поняла.

— И весь день ты так? — спросила она. — Это не выход, Володя...

О, мелодии знакомых голосов, напомнившие вдруг о прошлом... Когда Вавочка, выключенный из жизни на два года, вернулся в мир, он не сразу понял, что произошло. Мир не просто изменился, мир стал другим. Несправедливый, насмешливый, дразнящий большими деньгами, он бил и запрещал жаловаться. Жаловаться позволяла лишь она — Лека, тогда еще не совсем свихнувшаяся на своем Шри Чинмое.

— Это не выход, Володя...

О, мелодии знакомых голосов!

— А я почему-то так и думала, что однажды это с тобой произойдет...

На секунду ему померещилось, что она все знает, и (странно!) он почувствовал вдруг облегчение, он готов был снова ткнуться лицом в ее твердые колени — и жаловаться, жаловаться взахлеб на свое поражение, последнее и окончательное.

— Я... — произнес он беспомощно. — Это не я... Это другой... А я — нет... Понимаешь, он вроде бы такой же...

— Ой, Володька, — сказала Лека, как-то удивительно хорошо на него глядя. — Ты думаешь, ты это первый почувствовал? Самой иногда кажется: сидит внутри этакий гаденыш... Я ведь, честно говоря, от этого и спасалась медитацией...

— Да-а!.. — Вавочка обиженно, по-детски скривил лицо. — Вам хорошо, он у вас внутри. Кто там разберет, что у вас внутри! А тут...

Он чуть было не проговорился и немедленно почувствовал к ней такую ненависть, что испугался сам. А она торопливо погасила сигарету о спичечный коробок и продолжала:

— Пойми, ты вовсе не так уж и плох, как тебе кажется. В медитации есть очень простой прием. Представь, что у тебя в голове дырочка...

— Дырочка? — не веря, переспросил он.

— Да, дырочка! И ты потихоньку начинаешь выталкивать через нее все дурные мысли...

А если... Дыхание Вавочки на секунду пресеклось. А если вот сейчас подскочить к двери туалета, сорвать задвижку и вдвоем, а? Вдвоем разложить эту стерву прямо поперек кровати?.. Нет, блин! Отобьется, она ж бешеная!.. Нет, не сможет — обалдеет, когда увидит их вместе... А закричит? В кухне открыта форточка — плохо. А дверь в кухню закрыта, он сам ее закрыл, не дойдет крик до форточки.

Но как часто случалось в моменты, когда он решал действовать рискованно и быстро, решение немедленно отозвалось слабостью и испугом. Вдобавок Вавочке почудилось, что Лека прочла его мысли: во всяком случае, она удивленно приотворила сияющие свои глаза, в которых страха не было ну вот ни на столечко. На Боженьку, сука, надеешься?

Вавочка стиснул зубы и качнулся в сторону проема, но обрушилась и погребла окончательно другая мысль: Леня! Он вспомнил: во дворе на скамеечке сидит мрачный Леня Антомин; сидит, нехорошо посматривая на Вавочкино окно, пошевеливая незажженной сигаретой в углу рта; а коробком уже, наверное, не поигрывает; поглядывает на часы Леня, решает: «Еще пять минут не появится — пойду посмотрю, что там». И ведь пойдет, обязательно пойдет! Такой уж он, Леня, человек: если даже из петли выскользнет — опять туда голову сунет, а то подумают еще, что боится.

И еще вспомнил Вавочка: сидя однажды в своем чуланчике, рассказывал он Лене, что вот, мол, припаяли одному общему знакомому с «новостройки» срок за попытку изнасилования. И словно судорогой свело лицо Лени. Не глядя на Вавочку, по-страшному жестко и брезгливо сложив рот, скрипучим жутким голосом сообщил тогда Леня, что, дай ты ему волю, он бы таких людей не сажал и даже не расстреливал — головы бы таким людям отрывал собственноручно.

Вавочка с ужасающей отчетливостью представил, как Леня тяжелыми своими ручищами откручивает ему голову, и содрогнулся.

— Уходи, — сказал он срывающимся голосом. — Уходи отсюда.

От усилившегося тиканья настенных часов хотелось закричать, и Вавочка, решившись, повторил:

— Уходи.

И, взвинтив себя окончательно, он даже нашел повод, он крикнул:

— Иди к своему Лене! Он тебя внизу ждет!

А подняв глаза, понял, что Лека опять смотрит на него с сочувствием, схватил стул и взвизгнул:

— Уйди, овца!

Тогда она заговорила, делая громадные передышки между словами:

— Только не подумай. Что я тебя испугалась. Или что мне на тебя наплевать. Просто ты сейчас ничего не услышишь. Ты агрессивен... Это витал. Это просто витал... Давай увидимся завтра, в обед. Только без глупостей, пожалуйста. Ладно?.. Счастливо тебе!

Она подхватила рюкзачок и вышла, оставив его тяжело дышать и смотреть неотрывно в проем. Быстро справилась с замком и, крикнув еще раз: «Счастливо тебе!» — захлопнула за собой дверь. Вавочка поставил стул на пол.

А секундой позже тяжелый удар сотряс воздух в помещении. Стул отлетел в сторону, а Вавочка почему-то метнулся к окну.

— Открой, козел! — орал двойник. — Морду набью! Дверь сломаю!

И сломает ведь. Вавочка выскочил в коридор, где все же взял себя в руки и остановился перед сотрясаемой пинками дверью туалета.

«Дырочка... — вспомнил он. — Гаденыш внутри сидит...»

Гаденыш сидел внутри. Вавочка сорвал задвижку и, рванув дверь, ринулся вовнутрь.

О, это был бросок! Хищный. Обоюдный. Так, видимо, сшибаются в воздухе леопарды, чтобы упасть на землю пушистым, бурлящим, свирепо мяукающим клубком. Жаль, конечно, что не развить, не развернуть богатого этого сравнения... Ну да бог с ним. Вернемся в наше серенькое русло.

Вавочки не сшиблись в воздухе, и свирепо мяукающего клубка из них тоже не получилось. Какое-то мгновение всего

миллиметр разделял их свирепые востренькие носы, но в следующую долю секунды зрачки у Вавочек расширились, оба отпрянули, и тот, что бросился из коридора, крикнул с пугающей дрожью в голосе:

— Ты пойди посмотри, что во дворе делается!

Не дожидаясь ответа, вылетел в кухню, и что-то внутри радостно трепыхнулось: выкрутился! Ах как удачно выкрутился! Как сбил с толку, а?

Двойник растерялся. Что во дворе? Что еще случилось? Как прикажете реагировать на наглый приглашающий жест? Последовать на кухню — значит подчиниться. Не последовать — а вдруг там в самом деле что-нибудь!

И он последовал, но с достоинством. С достоинством, говорю, которое в момент улетучилось, стоило Вавочке выглянуть во двор.

Лека что-то доказывала Антомину, а тот мотал головой и с сомнением поглядывал в сторону окна. Вавочки всмотрелись и поняли, что головой Леня мотает не отрицательно — скорее от наплыва чувств Леня головой мотает.

— Да нет у него никакого близнеца... — донеслось через открытую форточку.

Леня в задумчивости оторвал зубами изжеванный фильтр. Прикуривая, бросил исподлобья еще один взгляд. В следующий миг тремя судорожными взмахами погасил спичку и схватил Леку за руку.

Изумленное лицо Леки было теперь тоже обращено к Вавочкам.

Отшатнулись от окна в стороны и обменялись многообещающими взглядами. Выждали. Осторожно вдвинули головы в зону обзора.

Лека смотрела на часы. Леня никуда не смотрел — снова прикуривал.

Потом она ему что-то сказала, и оба двинулись к невидимому из окна туннельчику, соединяющему двор с улицей Александровской (бывшая — Желябова). Почти уже выйдя из поля зрения, Леня обернулся и еще раз посмотрел. Все. Ушли уже.

И Вавочка в тенниске, отчетливо сознавая свою неправоту, развернулся к противнику и, не дав ему рта раскрыть, нанес упреждающий удар:

— Добился, да? Вода в заднице не держится, да? Соображать надо, что говоришь!

И, круто повернувшись, ушел в комнату, где остановился и прислушался к радостному трепыханию там, внутри. Вот он его лепит! Как пластилин! Подряд два раза! Ну, молодец...

На кухне двойник моргал и силился хоть что-нибудь понять. А что он такого сказал? Кому? Леке, что ли? А что он Леке сказал?.. Да что ж это делается! Мало того что в туалет запирают — еще и обвиняют в чем-то! Обзывают по-всякому!..

— Ты! — выпалил он, ворвавшись в комнату. Именно выпалил. Так дети, играя в войну, имитируют звук выстрела. — Ты знаешь, кто ты вообще?!

...И возвратилось все на круги своя.

Когда опомнились и взглянули на часы, выяснилось, что нащелкало уже десять минут шестого. Как это? Оба опешили. Куда день девался? Стали припоминать — все сошлось: вскочили часов в одиннадцать (с ума сойти!), часов до двух разбирались что к чему, потом Леня пришел, да потом еще грызлись сколько... потом Лека... Это все было сегодня? Интересно получается! Значит, только сегодня появился этот... (Покосились друг на друга.) Завтракали с ним... И посуду, наглец, не вымыл... Вспомнив про посуду, Вавочки воспламенились.

Мысли у них давно уже перестали совпадать по времени: в тенниске — тот еще воспламенялся, свирепо оглядывая двор и барабаня пальцами обеих рук по подоконнику, а который в костюме уже летел к нему с агрессивными намерениями.

Стоящий у окна, заслышав смену в ритме шагов двойника, до этого хищным зверем кружившего от проема к торшеру и обратно, обернулся. Оказались лицом к лицу.

— А посуду кто мыть будет?! — заорал тот, что в костюме.

— Ты будешь!

— Я буду?

— Ты будешь!

— Ах ты!..

Но сил на ссору не оказалось. Голоса сели. Минут через пять оба стояли, повернув лица в сторону двора, и безо всякого интереса препирались.

— Иди посуду вымой, — сипло и невыразительно требовал один.

— Облезешь, — следовал апатичный ответ.

Двор вечерел. Сквозь стекла, как сквозь бумагу, проникал пронзительный голос теть-Таи из соседней квартиры, владелицы розового пододеяльника, осквернённого малолетними футболистами.

— Иди посуду вымой.

— Сам иди умойся.

Наконец владелец костюма не выдержал: да черт с ним, пойду поем хотя бы, все равно этому наглецу ничего не докажешь. Почти уже дошел до двери, когда в спину последовало:

— Вымоешь — доложишь.

Пришлось вернуться.

— Тебе чего надо?

— Иди-иди мой.

— Я тебя сейчас вымою!

— Мой иди.

Попрепирались еще минут десять. Потом владелец тенниски потянулся и, вроде бы ни к кому не обращаясь, мудро дал знать, зачем именно он идет на кухню:

— Пожрать пойти, что ли?..

В дверях обернулся.

— А ты куда лезешь?

— Ушибу! — с пеной у рта пообещал тот, что в костюме, и Вавочка дорогу ему не заступил — не решился.

Безобразные эти диалоги длились, почитай, весь ужин вплоть до того момента, когда последний из них, доев и поставив из принципа в стопку четвертую грязную тарелку, вынул из банки забычкованную сигарету, закурил и направился в комнату, окончательно плюнув на то, что в точности повторяет действия ненавистного противника. Вот что может сделать с человеком усталость.

Двойника он застал на полпути от окна к кровати и уже без сигареты. Форточка была открыта. Вот свинья!

Вавочка лишь брезгливо покосился, когда тот шумно грохнулся на постель, соизволив снять только обувь. И на том спасибо.

Вавочка затянулся еще пару раз и в свою очередь направился к форточке. Прицелился и выщелкнул окурок на улицу. Мгновенная розовая царапина легла на прозрачно-фиолетовый сумрак, заливший двор доверху, до самых чердаков.

— Олеж-ка, — взывал откуда-то сверху скрипучий старушечий голос. — Олеж-ка! Вот родители приедут — все расскажу, как ты над бабушкой издевался!..

Внезапно Вавочка сделал еще один шаг и гулко ткнулся лбом в оконное стекло. Справа, со стороны туннельчика, к подъезду приближалась прохожая. И была это Люська.

— Олеж-ка...

Вавочка присел, припал к подоконнику, и грудь его вытолкнула полухрип-полурыдание.

Нет, это уже было слишком!

Лежащий на кровати поднял голову, посмотрел на сгорбленные сотрясающиеся плечи двойника, сообразил: неспроста это — и, как был в носках, очутился у окна.

Не сговариваясь, кинулись в кухню, чтобы рассмотреть лицо (она или не она?), когда подойдет поближе к желтенькой лампочке над подъездом. Люська приближалась. Сейчас она свернет. Сейчас она откроет дверь парадного. Сейчас она поднимется на второй этаж. Сейчас (блюм-блям!) сыграет звонок — и что делать?..

Не свернула. Миновала подъезд. Алые туфли на мощных угольно-черных каблуках. Не было у Люськи таких каблуков. Уронила монету, кажется. Присела, поднимая. Всмотрелись до рези в глазах. Сумерки обманули. Не Люська.

И тут словно что-то хрустнуло в Вавочках. Тот, что в костюме, бросился в комнату, где упал ничком на кровать и заплакал, захлебываясь, ударяя кулаком в подушку и слыша из кухни сопливые рыдания двойника.

В сумеречную колодезно-зябкую комнату забредали через форточку перекликающиеся голоса. Родители выуживали со двора зарвавшихся отпрысков. Было слышно, как в проволочной клетке для волейболистов все мечется, оглашая двор дребезжаще-тяжелыми ударами, растворенный сумерками футбольный мяч. Видимо, играли уже вслепую.

Вместе со слезами вышли последние силы. Из кухни, хлюпая носом, пришел двойник и слабо попытался спихнуть Вавочку на пол. Это ему не удалось, но на диван он все же не пошел и, потеснив-таки Вавочку, пристроился вторым на кровати. Бог знает, кто из них догадался встать и закрыть форточку, но в комнате стало теплее — и сон пришел.

(День второй)

— А я люблю военных, красивых, здоровенных!.. — грянул во все динамики маленький, не больше спичечного коробка, киоск звукозаписи.

Отсюда, с карниза, несанкционированный базарчик у киоска («Куплю ваучер, часы в желтом корпусе») выглядел цвет-

ной шевелящейся кляксой. Наяву там такой толпы никогда не бывало, да и быть не могло. Клякса расплывалась, меняла очертания, выпускала короткие отростки, распадалась внезапно на несколько самостоятельных клякс, и они лениво шевелились, словно неуклюже пританцовывая под отчаянную однодневку.

Так толпа торгующих выглядела сверху.

Карниз тем временем незаметно снизился, и показалось вдруг, что спрыгнуть туда, в толпу, — пара пустяков!.. Вавочка язвительно усмехнулся. Делов-то! Оттолкнулся легонько, пушинкой этакой слетел — и он уже там...

Но тут что-то изменилось, и Вавочка вскоре понял: музыка останавливалась. Лихой голосок певицы сменился басовитой позевотой; мелодичный грохот замедлялся рывками, распадался на звуки; распадались уже и сами звуки. Вавочку словно окунули в гулкие океанские глубины. Из неимоверной бездны звучно всплывали неспешные огромные пузыри. Потрескивало, поскрипывало...

Толпа внизу тоже остановилась, недоумевая. А потом торгующие как по команде раздраженно запрокинули головы. Вавочка обмер. Все обращенные к нему лица были его многократно повторенным лицом.

Он поспешно отступил от края карниза и почувствовал, что отступает по вертикали. Вскоре лопатки его уперлись в потолок (Откуда потолок? Это ведь улица!), а снизу на него смотрели глаза, крошечные и многочисленные, как лягушачья икра.

Он окаменел. Он просматривался насквозь. Единственная надежда, что на таком расстоянии его не очень-то и разглядишь. Но глаз было слишком много, и они любопытствовали. Им очень хотелось понять, что это за существо такое неправдоподобное вцепилось там раскинутыми лапками в потолок.

— Ох, ну ни фига себе! — произнес кто-то гулко.

Потолок слегка надавил на спину и начал снижаться, безжалостно выдавая его на потеху толпе. Вблизи не укроешься. Они все поймут! Все разглядят! Вавочка корчился, старался освободиться — бесполезно.

— А сами-то! — отчаянно закричал он тогда. — Сами-то кто? Не такие, что ли?

Он рванулся и сел раньше, чем успел открыть глаза. Полыхнул торшер. Комната. И совсем рядом — оскаленное с вытаращенными глазами его собственное лицо. Некоторое время оба сидели неподвижно, вздрагивая от уколов испарины.

— Надо что-то делать, — обессиленно проговорил один.

Второй промолчал.

И возникла некая определенность. Надо что-то делать. Надо, во-первых, выспаться, а завтра... Завтра надо что-то делать. Так дальше нельзя.

Оба почему-то уже знали, что кошмаров сегодня больше не будет.

И кошмаров действительно не было. Не было вообще ничего зрительного. Сон состоял из звуков. Нечленораздельные и гулкие, они чуть тревожили, но не более того. Намекали малость, подражая то хмыканью Лени Антомина, то мелодичному бульканью дверного звонка. Сон мелькнул.

Поворочались, потолкались, приоткрыли глаза и увидели, что это утро. Хорошее осеннее утро, и воздух за окном, видимо, сух, прохладен и пахнет, наверное, листвой.

Сели на кровати, пожевали смякшими за ночь губами.

— Ты знаешь что, — сипло начал Вавочка в мятом костюме. — Ты давай уедь куда-нибудь. Я тебе денег дам.

— Каких денег? — нехорошим голосом осведомился Вавочка в мятой тенниске.

— Деревянных, — снагличал Вавочка.

— Деревя-анных!.. — хрипловато передразнил Вавочка. — Я тебя сейчас, деревянного, ушибу. Они твои?

— А чьи? Твои, что ли?

— Мои!

Они сидели спинами друг к другу, опустив ноги каждый по свою сторону кровати.

— Придумал! — презрительно хмыкнул тот, что в тенниске. — Со своими же деньгами и без паспорта!

— Паспорт я тебе отдам, — хмуро сказал второй.

Вавочка развернулся, уперся ладонями в скомканную постель, уставился в затылок двойника.

— А ты сам что же? — сказал он. — С проездным жить будешь?

— Скажу — потерял. Новый выдадут.

Тот, что в тенниске, задумался. Один лишался крова, другой — документов. Это уже отдаленно походило на справедливость. С одной только поправкой.

— Хорошо, — решил владелец тенниски. — Только, слышь, паспорт потеряю я, а ты уедешь.

Услышанное им сопение было явно отрицательным.

— Деловой, блин, — скривив рот, проговорил он тогда. — Значит, я уеду, а редакции шелушить ты будешь?..

— Да поделюсь я с тобой... — буркнул двойник.

— Ты — со мной? А может, это я с тобой поделюсь?

— Ну, поделись!

— Хм... — сказал Вавочка и снова задумался. Может, вправду поделиться? Жалко, ох жалко... Комиссионные, можно сказать, с неба свалились...

— «Аргументы и факты», — выговорил он наконец. — Хватит?

— «Аргумен-ты»?.. — не веря, переспросил двойник. — А телевидение, значит, себе?

Как ни странно, очередного взрыва страстей не последовало. Оба вдруг примолкли, затаились, что-то, видать, прикидывая и обмозговывая. Морды одинаковые, почерк — тоже... Какая разница, кто составит договор? Главное — кто потом деньги получит...

В задумчивом молчании проследовали на кухню, где, даже ни разу не поругавшись, поставили кастрюлю на огонь.

Хотелось курить, но сигареты кончились еще вчера. Так и сидели, поглядывая друг на друга и строя, надо полагать, весьма похожие планы. Вдвоем по разным редакциям бегать не стоит — наверняка засекут, да тут еще Леня в курсе. Стало быть...

Солянку по тарелкам на этот раз разливал тот, что в костюме.

— Так кто пойдет-то? — спросил его тот, что в тенниске.

— Я пойду. — Ответ был весел, нагл, категоричен и обмозгован заранее.

Но вот следующий ход, как хотите, был гениален.

— Ну иди, — хмыкнул владелец тенниски и принял двумя руками полную тарелку.

Владелец костюма застыл на пару секунд. Юноша с половником. Статуя. Он-то готовился к яростному спору до хрипоты — и вдруг такое дело...

— А ты что? Не пойдешь? — переспросил он на всякий случай.

— Не-а, — сказал двойник и с удовольствием погрузил ложку в дымящуюся солянку.

Вавочка всполошился. Что у него на уме? Выставит из квартиры, а сам... Что сам? Что он вообще может тут натворить в

Вавочкино отсутствие?.. Или ему просто неохота по редакциям бегать?.. Да блефует он нагло, вот что! Хотя...

— Ладно, — буркнул наконец Вавочка, вываливая в тарелку остаток солянки. — Пожрем — увидим.

Уже в раковине под щелкающим каплями краном громоздились шесть грязных тарелок с кастрюлей в придачу, а сами Вавочки, не прерывая раздумий, встали из-за стола, когда владелец костюма нанес наконец рассчитанный удар:

— Ну, раз ты не хочешь, я пойду.

— Чо?!

— Через плечо! — гордо ответил тот и прошествовал в комнату, так что второму пришлось унизительно бежать за ним, выкрикивая:

— Это я сказал: не пойду? Это ты сказал: не пойдешь!

«Раз, и...»

— Ты-то? — Интриган обернулся и окинул его презрительным взглядом. — Да ты там такого налепишь — не расхлебаешь потом. Что я тебя, не знаю?

Вавочка задохнулся.

А тот нагло сказал: «Ну я пошел», — и в самом деле направился к двери.

Вавочка догнал его, преградил дорогу и сунул руку в карман с таким отрешенным видом, что противник, хотя и знал отлично содержимое правого кармана, испуганно моргнул.

Из кармана была извлечена новенькая монета пятирублевого достоинства и установлена на сгибе готового к щелчку большого пальца.

— Решка! — выпалили они одновременно.

Фальстарт. Взвившийся в воздух пятак был пойман на лету и водворен в исходную позицию.

— Решка! — упрямо повторили оба.

— Да пошел ты к черту!

— Решка! — Снова хором.

— Задолбал, блин! Орел!

— С тобой говно хорошо делить! Все тебе достанется!.. На, бери свою решку!

Через некоторое время договорились, и кувыркающийся пятак упал на Вавочкину ладонь. Решка, блин! И Вавочка с силой шлепнул монету на обнаженный (рукава он по-шулерски вздернул) сгиб левой руки — аж оборотная пятерка отпечаталась.

— Это ты как бросаешь? Это кто так бросает? — завопил двойник. — А ну перебрось!

И тут Вавочка вспомнил, что решку-то он загадывал! Решку — понимаете? — а никак не орла.

— Ладно, — сказал он. — Не разоряйся.

И вновь метнул монету. Тот было дернулся — тоже, видать, сообразил что к чему, да поздно.

Орел! И Вавочка спешно обронил пятак на пол.

— Да ты что? — окончательно озверел двойник. — Снова давай!

И осекся. Монета легла на пол орлом вверх, но Вавочка ее уже подобрал.

— Дай сюда! — потребовал двойник. — Я брошу.

Пятак моментально исчез в кармане. Помолчали, успокаиваясь.

— Знаешь что, — сказал наконец один из них. — Где карты?

Карты нашлись, да вот не сообразили они оба, что покер — игра затяжная. Им бы по-умному — в дурачка один расклад и без реванша, но как-то это обоим показалось... несолидно, что ли... Начальник отдела маркетинга — и вдруг в дурачка! Играли на спички, с переменным успехом и довольно долго (точное время указать не берусь — часы остановились в половине шестого утра).

Когда владелец костюма королевским флешем против тройки в очередной раз выровнял положение, противник вскочил и выразился непристойно.

Затем вскочившего осенило.

— Слу-шай! — сказал он, пораженный, как ему это раньше в голову не пришло. — Ты что ж, прямо так и пойдешь? По редакциям!

— А чего? — с туповатой подозрительностью спросил владелец мятого костюма, тревожно себя оглядывая. Ах вот он о чем!.. Да, действительно... Мятая тенниска — это нормально: замотался человек по делам, забегался, погладиться некогда... А вот мятый костюм — нет. Мятый костюм — это весь имидж насмарку. Подумают, под забором ночевал, у кабака...

— Нельзя тебе так идти, — проникновенно сказал владелец тенниски, глядя ему прямо в глаза.

— Поглажусь, — буркнул Вавочка.

— А время? — напомнил тот.

Блин! Ну надо же! Вавочка насупился, подошел к зеркалу и недружелюбно себя оглядел. Как будто три дня жевали, на четвертый выплюнули... Опустил голову и уставился в раздумье на алтарную тумбочку, где располагались свеча, книжица, три пустые клейкие изнутри рюмки, ключ от входной двери...

— Ладно, — решил он вдруг. — Топай, пока я не передумал.

Обрадованный владелец тенниски сбросил шлепанцы и побежал в коридор обуваться.

— Все будет в ажуре, — сдавленно пообещал он оттуда, вправляя пятку в туфлю. — Ты на меня надейся.

— С телевидением давай завтра, — не терпящим возражений голосом продолжал Вавочка. — Сегодня не надо. Ты сегодня, главное, «Городские ведомости» давай раскрути. Будут предлагать десять процентов — не соглашайся. Шеф о пятнадцати договаривался. А в Фонде скажи: простудился, ангина, мол, врача вызывал...

Ему теперь даже нравилось, что тот вроде бы не сам идет, а вроде бы Вавочка его посылает.

— Денег возьми. Пожрать купишь. И сигарет.

Из коридорчика рысью вернулся двойник.

— Все будет в ажуре, — приподнято повторил он. — Только так!

И протянул руку к тумбочке — за ключом.

Ключа на тумбочке не было.

Тогда он посмотрел на Вавочку, наблюдавшего за ним с непроницаемым лицом, и все понял.

— Так будет лучше, — сдержанно сообщил тот. — Позвонишь — открою.

Спорить двойник не стал — слишком был доволен, что настоял на своем. Кроме того, разговор мог вернуться в исходную точку и там увязнуть.

Владелец же костюма вошел во вкус: пока провожал до двери, дал еще с пяток наставлений, растолковывая все, как малому ребенку, короче, настроение подпортил — капитально. Тот аж плюнул, прежде чем сбежать по лестнице.

На промежуточной площадке его ожидал неприятный сюрприз в виде невысокой двухобхватной женщины с прутиком в руке, на котором болтался тетрадный листок. Это была Раечка из домоуправления, и она шла проверять вентиляцию.

Увидев Вавочку, остановилась, и ее чуть запрокинутое лицо (Вавочка стоял площадкой выше) засветилось неподдельной радостью.

— Ну вот, — сказала она совершенно счастливым голосом. — И ведь бог знает чего наговорят! И крик, говорят, какой-то был, и человек пропал... А он — вот он... Так что за крик-то?

Раечка из домоуправления неистребимо любила людей и не могла пройти спокойно, чтобы не помочь им разобраться в их запутанных отношениях. Несмотря на подкрадывающееся пятидесятилетие и девяносто с лишним килограммов живого веса, она вздымалась со своим прутиком до самых верхних этажей, под предлогом проверки вентиляции проникала в квартиры, лезла в душу без мыла и разводила руками чужие беды, за что впоследствии много страдала.

— Не знаю, — тоскливо ответил Вавочка и попытался найти просвет, чтобы проскользнуть мимо нее на улицу. Но просвета, можно сказать, не было — Раечка перла вверх по лестнице, как асфальтовый каток.

— А где сейчас работаешь? — поинтересовалась она, одолевая последние ступеньки.

— «Росхристинвестъ», — обреченно отозвался Вавочка. — Начальник отдела.

— О-о, — удивилась она. — Ты смотри! Молодец! А Маша давно уехала?

Вавочка ответил, что позавчера.

— Уф, — сказала Раечка, ступая на площадку. — Дай отдышаться. Так вот ходишь весь день по лестницам да по лестницам... Ну, пошли вентиляцию проверим.

Пока одолевали пролет до Вавочкиной двери, она успела расспросить о порядках в Фонде, о номинальной цене акции, о том, как это Машу угораздило заняться всякой медитацией и не собирается ли Вавочка жениться.

Вавочка же соображал панически, что с ней теперь делать. Хотя дверь так и так нечем открыть...

Он порылся в кармане, в другом, изобразил на лице тревогу, поднял на Раечку трагические глаза и сообщил:

— Кажется, ключ дома оставил.

Раечка охнула, а он как бы с досады ткнул в дверь кулаком.

— Вот, блин! — сказал он. — Как же я теперь в квартиру попаду? Я ж без ключа теперь в нее никак не попаду.

Тут Вавочка спохватился, не слишком ли радостно он все это ей сообщает, с ненавистью сказал: «У, блин!» — и снова наказал дверь ударом.

Дверь приоткрылась, и на площадку высунулся двойник.

— Чего орешь? — вполголоса накинулся он на Вавочку. — Договорились же, без ключа идешь!

Секунду спустя он заметил Раечку и остолбенел. Раечка же приоткрыла рот и стремительно стала бледнеть, причем не постепенно, как обычно бледнеют, а, так сказать, поэтапно, в три приема: бледная — еще бледнее — совсем белая.

«Сейчас завизжит», — мелькнуло у обоих.

Но из перехваченного ужасом горла Раечки вырвался лишь слабенький звук, передать который на бумаге решительно невозможно. Она взглянула на одного, на другого, присела и вдруг с проворством, какого в ней и не заподозришь даже, обвалом загремела по лестнице. На промежуточной площадке ухватилась обеими руками за перила; ее развернуло лицом к Вавочкам, и они еще секунду видели вытаращенные Раечкины глаза и беззвучно орущий рот.

Потом сообразили, что стоят на лестничной клетке, что в воздухе замирает дрожь от грохота двери подъезда, а над ступенями порхает тетрадный листок для проверки вентиляции.

— Ты что, блин! — шепотом заорал Вавочка на двойника, когда они влетели в коридорчик и защелкнули замок. — Соображаешь, что делаешь? Ты зачем открыл?

— А какого черта стучать было? Она ж теперь весь двор поднимет!

Прислушались к тишине за дверью. Потом один из них начал хихикать.

— Ты чего? — не понял другой.

— Так ей же, блин... — запинаясь на смешках, выговорил тот. — Ей же не поверит никто. Скажут: чокнутая. В дурдом отправят.

Теперь смеялись оба, первый и последний раз чувствуя себя союзниками.

— Смотри еще не нарвись, — посоветовал, выпроваживая двойника, тот, что в костюме. — А то совсем с ума стряхнется.

Как далеко убежала Раечка — сказать трудно. Во всяком случае, во дворе ее видно не было.

* * *

Только пройдя полквартала, Вавочка остановился и, честное слово, чуть не заплакал. Господи, улица...

Долго стоял на перекрестке, пока не вспомнил наконец, что еще надо куда-то идти... Ах да, в «Городские ведомости» — договор на рекламу. А потом в Фонд — сказать: ангина, мол... Он тряхнул головой и двинулся сквозь сетчатые тени полуоблетевших акаций, сорящих, если заденет сквозняк, желтым хрустким конфетти. Куда глаза глядят — к повороту, где бывшая улица Желябова переходила в бывший проспект Ленина.

И тут — словно заморозка кончилась. Вавочка вспомнил начальственный тон двойника, ожгло стыдом. Крысенок! Он что же, думает, с пластилиновым дело имеет?.. Вавочка ему кто? Шестерка?.. В «Городские ведомости», говоришь... А вот не пойдет Вавочка в «Городские ведомости». Из принципа не пойдет.

Телевидение... Какое, блин, телевидение? Какая, блин, рекламная кампания? Да провались она пропадом со всеми процентами! Надо что-то делать. Сестра приедет через несколько дней. Надо что-то делать...

Короче, так: никаких сегодня редакций. Сейчас он завернет в «Посошок», сядет там за столик, выпьет пива и все хорошенько обдумает. Надо что-то делать.

Ну вот и уводящие вниз ступени. Омытый цветным полумраком, Вавочка входит, оглядывает полуподвальчик, кивает кому-то полузнакомому (тот озадаченно кивает в ответ) и скромно присаживается за столик у колонны. Уставший бизнесмен заскочил выпить пивка между двумя удачными сделками.

— Пару кружек и пачку «Магны», — расслабленно говорит он возникшему из цветных сумерек официанту.

Сейчас он отмякнет, почувствует себя уверенным, поразмыслит... И Вавочка, как в теплую мыльную пену, погружается в ласковое бормотание приглушенной музыки, сквозь которую проступает временами:

— ...Пороха Порохом пугали...

— Это как?

— А так. Приходит он...

— ...не понимаю я Белого. Ну как это: пятнадцать лимонов для него заняли, подставились, можно сказать! Пять отнес, а с десятью сбежал...

На стол с приятным гулким звуком опускаются две полные кружки. Вавочка отпускает официанта благосклонным кивком, отхлебывает, задумчиво вскрывает пачку «Магны». А руки, между прочим, дрожат. Надо что-то делать. Надо что-то делать... Запугать бы его, гада, чтобы сбежал к лешему...

Кем? Кем запугать? Не собой же!..

— ...послал их, короче. А они говорят: «Ты Пороха такого знаешь?» Порох растерялся, говорит: «Да как... Немного знаю». А что тут еще скажешь? «Ну вот увидишь, — говорят. — Намекнем завтра Пороху — он тебе башку оторвет...»

Крутые ребята сидят за соседними столиками. Появись у кого двойник — дня бы не прожил. Сунули бы в контейнер — да в реку...

— ...Ну я понимаю: сбежал со ста лимонами. Тут еще подумать можно. Но с десятью...

Даже если вьетнамцы... Во-первых, на вьетнамцев надо еще выйти. Во-вторых, деньги они, наверное, просят вперед. Значит, занимать. И занимать много... А это мысль! Взять и подставить! Занять лимонов десять — а получают пускай с двойника!.. Тот: «Какие лимоны?» — а они его... Нет, не прокатит. Времени мало. Не на день же, в самом деле, занимать...

— У вас тут свободно?

Кажется, это ему.

— Конечно-конечно, — отзывается Вавочка.

Приглушенно громыхают отодвигаемые тяжелые табуреты, и за Вавочкин стол садятся двое.

...Может, просто на пушку его взять? Сказать: так, мол, и так, абзац тебе, вьетнамцев нанял...

— А что же вы сегодня без охраны?

Вавочка вскидывает глаза и видит, что за столиком сидят давешние шестерки, пару дней назад чуть было не согнавшие его с табурета. На секунду Вавочку охватывает неприятное предчувствие, но шестерки на этот раз миролюбивы и смотрят искательно. Видно, тогдашняя Вавочкина беседа с самим Порохом сильно их впечатлила.

— Охрана сегодня отдыхает, — мигом сориентировавшись, изрекает Вавочка.

Шестерки кивают. Лица — понимающие, серьезные.

— Спецназ? — с почтением осведомляется один, видимо, имея в виду Леню Антомина, прокатившего, выходит, за Вавочкиного телохранителя.

— Афган, — говорит Вавочка.

— Ну и что ж он? — как-то ревниво, чуть ли не обиженно спрашивает второй. — Дерется, что ли, лучше других?

И Вавочка внезапно ощущает долгожданный прилив уверенности. Двойник? Разберется он с двойником. Не может не разобраться. Зря, что ли, так вежливы с ним эти два качка с оббитыми ушами!

— Главное, меньше, — весьма удачно отпечатывает Вавочка.

— А-а... — уважительно тянет спросивший. — Ну конечно, опыт...

Гулко опускаются на стол полные кружки. Бормочет музыка. Вьется разноцветный дымок.

— Вы ведь из «Росхристинвеста»? — почтительно спрашивают Вавочку.

«Раз, и...»

— Начальник отдела маркетинга.

Шестерки вопросительно переглядываются. Маркетинг? Слово-то они, конечно, слышали, и не раз...

— Мы вот чего, — говорит один. — Может, вам там в охрану люди требуются...

Вавочка несколько ошарашен. Но и польщен.

— Поговорить, конечно, можно, — уклончиво обнадеживает он. — Но вы учтите: начальник охраны сам с «новостройки», так что он больше своих ребят подбирает...

Шестерки обиженно, по-собачьи, морщат лбы.

— «Новостройка»... Вольтанулись уже с этой «новостройкой»! — жалобно говорит один. — Как будто в других районах не люди живут! Ну что я, придушить, что ли, никого не смогу, если потребуется?

В доказательство говорящий растопыривает обе пятерни. Вавочка завороженно смотрит на короткие мощные пальцы с оббитыми суставами, и глаза его вдруг стекленеют. А ведь придушит!.. Запросто придушит. И Вавочка даже знает кого... А что? Взять и сказать: хотите в охрану? Так вот вам, ребята, испытание. Пойдете по такому-то адресу (Желябова, 21) — и...

— Охрана... — медленно говорит Вавочка, и при звуках собственного голоса волосы его встают дыбом. — Бывает, что и охрана никакая не поможет...

Шестеркам становится слегка не по себе. У Вавочки мертвое лицо, и они чувствуют, что фраза насчет охраны не случайна. Кто знает, может, завтра под окнами этого самого «Росхристинвеста» начнут рваться легковушки с динамитом...

— Есть проблемы? — понизив голос, спрашивает один. Повеяло идиотизмом американского видика. Голова персонажа катится по склону, а напарник, видя такое дело, интересуется с тревогой: «Есть проблемы?»

Вавочка залпом приканчивает кружку, смотрит на собеседников и понимает, что больше с надрывом говорить не следует. Крутые так себя не ведут.

— Предшественник мой, Сан Саныч, — ворчливо поясняет он. — Три дня как увезли. Жив ли, нет ли... Вот вам и охрана.

— А... а Порох?

Вавочка безнадежно усмехается.

— А что Порох? У Пороха своих забот хватает... Будет Порох в эти дела ввязываться!..

Где вы видите здесь маркетолога Вавочку? Нет его здесь. Нету. За столиком сидит один из авторитетов, на которых ссылаются, которыми пугают. Вот он закуривает не торопясь, прищуривается на собеседников. Его слушают. Ему внимают. Его не оборвут.

— А в общем-то, конечно, сам виноват. Купил фирму. «Афедрон» называется. Меня в долю звал... — И негромкий, чуть усталый голос Вавочки вплетается в ласково бормочущую музыку. Ничуть не хуже других.

— Виталик, будь любезен, еще кружечку...

...Есть, говорят, у глухарей одно нехорошее свойство: начинают токовать и ничего уже вокруг не слышат и не видят.

А было на что поглядеть.

В дверях полуподвальчика, возле той колонны, что у входа, никем еще, к счастью, не замеченный, стоял другой Вавочка (в мятом костюме) и с ужасом, не веря, смотрел на свою подлую копию.

Но давайте все по порядку.

Убедившись (через окно в кухне), что самозванец ушел в сторону арки, Вавочка вернулся к картам и порассматривал сочетания. Оказалось, что в ближайшее время противник его был бы скорее всего разнесен в пух и прах. Расстроился и начал ходить по комнате.

Потом заявилась Лека. Четырежды дверной звонок играл свое «блюм-блям», пока это ей не надоело. Громко постучала.

— Володь, ну в чем дело? Я же знаю, что ты за дверью.

Вавочка и в самом деле стоял за дверью и притворялся, что там его нет. Нет и нет. По редакциям побежал.

— Ну, мы долго будем в молчанку играть?

Вавочка услышал, как на их площадке приоткрылась чья-то дверь, и голос теть-Таи, от которого заныли барабанные перепонки, прошел сквозь древесную плиту, как сквозь бумагу:

— Уехала хозяйка. И нечего барабанить.

Лека обернулась.

В проеме стояла не женщина, а прямо какой-то базальтовый массив. Казалось, этот ядовито-желтый в синих коршаховых кляксах халат был набит булыжниками.

— Я знаю, — ответила Лека. — Я не к ней.

— А-а... — Теть-Тая удовлетворенно покивала, язвительно сложив губы, и сделала вид, что хочет закрыть дверь.

— Вот же бесстыжие, — произнесла она достаточно внятно. — Чуть Маша уехала, давай на квартиру девок водить!

Лека остолбенела, но вовремя спохватилась и, сохраняя предписанную Учителем ясность души, устремила на агрессивную особу младенчески наивный взгляд, способный, по идее, обезоружить любого. Негромкими спокойными словами она хотела объяснить, что пришла сюда для чисто духовного общения, но теть-Тая заговорила первой.

— Ну что уставилась, писюха? — чуть ли не с нежностью спросила она. — Так я тебя и испугалась! Ноги сначала выпрями, задрипа!

Весь ужас был в том, что говорила она приблизительно с теми интонациями, какие собиралась придать своему голосу сама Лека. Ясности душевной — как не бывало. Из какой-то отдаленной извилинки вопреки заветам Учителя полезли вдруг такие хлесткие речения, что Лека ударилась в панику. Астрал боролся с виталом, а она была полем битвы. Тогда Лека представила поспешно, что у нее в голове дырочка, через которую улетучиваются скверные мысли. Но тут ее вновь угораздило взглянуть в глаза теть-Таи.

«Ну скажи, — просили глаза, — скажи мне что-нибудь. Я те такое в ответ скажу, что ты у меня ночами спать не будешь...»

И дырочка в голове закрылась.

— Ах ты, гадина! — сдавленно произнесла Лека. — Ноги выпрямить? Я тебе сейчас выпрямлю...

Не помня себя, она шагнула к теть-Тае. Та сказала: «Ой!» — и, отпрыгнув, захлопнула дверь. Лишь тогда Лека опомнилась.

Какой ужас! Все насмарку! Медитировала-медитировала, почти уже достигла покоя, света — и вот...

— Да провались ты пропадом, паршивец! — вне себя крикнула Лека, пнув напоследок Вавочкину дверь.

Всхлипнула, повернулась и сбежала по лестнице.

Вавочка слышал, как спустя минуту отворилась (не сразу, в два приема) дверь напротив.

— Бандитка... — ошалело бормотала теть-Тая. — Управы на них нет... Ну вот погоди, приедет Маша...

Далее пошли выпады уже в Вавочкин адрес. Сначала он хмурился, слушая, потом развеселился. Уж больно лестно звучали некоторые обвинения. Теневик. Или взорвут скоро, или посадят. Девок водит со всего города. Ни стыда ни совести. И так далее.

Наконец дверь закрылась, и Вавочка, довольный, что соседи его чуть ли не крутым почитают, вернулся в комнату. Взглянул на часы. Часы стояли. Судя по теням во дворе, дело давно уже шло за полдень.

И тревога холодными быстрыми пальчиками пробежала вдоль позвоночника. Нельзя было выпускать двойника из квартиры! Бог его знает, чем он там сейчас занимается...

Рванулся к двери. Остановился. Выйти на улицу означало подставиться, но и дома он тоже оставаться не мог. Ему уже вовсю мерещились тихие внимательные вьетнамцы. Тревога гоняла его по квартире, как гоняют шваброй мышонка, и Вавочка не выдержал. Вышел на площадку. Нежно надавив дверь, защелкнул язычок замка, испуганно проверил, в кармане ли ключ, и беззвучно сбежал по ступеням. Побыстрее миновал двор, нырнул в арку, ведущую на бывшую улицу Желябова, — и пошел, пошел сквозь паутинчатую тень редких акаций, повторяя все петли и скидки двойника.

Остальное известно.

Он стоял, омытый цветным сумраком, возле четырехгранной колонны у входа и с ужасом смотрел на столик, за которым царил он сам.

Это вместо того чтобы раскрутить «Ведомости»! Вместо того чтобы составить договор!..

Да и не в этом даже дело! Вы поймите: двойник не знал, что за ним наблюдают, и Вавочка, можно сказать, впервые видел себя со стороны. Это он, он сам сидел там за столиком и неумело морочил голову двум бесхозным шестеркам.

Небольшая компания, входя, бесцеремонно отодвинула его в сторонку. Он выждал и снова выглянул из-за колонны.

Это — лучшие минуты в его жизни? Его вершина? Нет! Да нет же! Нет! Нет! Он крупнее, он способен, знаете, на что? Вот, например...

Примера не было. Не было уже и полуподвальчика, и проклятого столика — он шел по улице, страшно перекривив лицо. Он не заметил кивка попавшегося навстречу самого Пороха, он ничего уже не замечал.

Придя домой, первым делом вымыл посуду.

Войдя в «Посошок», Порох, как всегда, приостановился, давая глазам привыкнуть к сумраку. Не то чтобы он чего-либо боялся — так, привычка.

Далее левая бровь его начала изумленно вздыматься, и Порох медленно направился к одному любопытному столику.

Шестерки обомлели, и Вавочка понял, что сзади кто-то стоит и смотрит. Обернулся.

— И давно ты здесь? — забыв поздороваться, спросил Порох.

— Да как... — Вавочка растерялся. — Часа два уже.

— Часа два? — с недоумением повторил Порох.

— А что? — Вавочка оглянулся на собеседников, как бы предлагая подтвердить: ну, сидит человек в «Посошке» два часа подряд — и что тут такого невероятного?

Более тупого удивления Порох на своем лице в жизни не чувствовал. Шестерки истово закивали. И Порох понял, что стоять он здесь может еще долго, но умнее от этого не станет. Пожал плечом, повернулся и ушел в сумрак.

— Чего это он? — озадаченно спросили Вавочку, и тревога холодными быстрыми пальчиками пробежала вдоль позвоночника. Неспроста, ох неспроста подходил сейчас Порох к их столику. Неужели все-таки двойник имел наглость выйти на улицу? Домой, немедленно домой... Как Вавочка вообще мог оставить его одного в квартире!

Он вскакивает, направляется к официанту, на ходу доставая бумажник. Рассчитывается торопливо и покидает «Посошок», провожаемый удивленными взглядами шестерок. Он даже не успевает сказать им, что на днях ему, возможно, потребуются их услуги...

Едва не переходя на бег, добрался Вавочка до бывшей улицы Желябова и, задохнувшись, остановился у ведущего во двор туннельчика. Все. Отсрочка кончилась. Квартира придвинулась вплотную.

Отвращение, страх и злоба, подпирая горло, поднимались, как ил со дна — безвыходная, удушающая муть.

«Зеркало, — вспомнил Вавочка. — Зеркало...» И почувствовал, как отвращение обратилось на него самого. Гаденыш сидел внутри. И в тот же момент Вавочку сотрясло что-то вроде кашля. При условии, что можно кашлять всем телом. Сухая, выворачивающая наизнанку рвота — вот что это было такое.

Взвыв от страха, ослепнув от боли, понимая уже, что происходит, он выталкивал... нет, он уже отталкивал от себя все то, что в редкие минуты самобичевания ему хотелось в себе уничтожить. Брюки, тенниска — все трещало, расползалось по швам, туфли схватили ступни, как клещами, почти кроша сцепления мелких косточек...

Три

Через минуту все было кончено. Два голых, в обрывках одежды человека, причиняя друг другу нестерпимую боль, остервенело рвали увязшую в не до конца лопнувшей туфле ногу. Вырвали. Отлетели каждый к своей стене туннельчика. Всхлипывая, снова кинулись навстречу и начали то звонко, то глухо осыпать друг друга слабыми от избытка чувств ударами.

Потом был женский визг. Опомнились. Схватили по обрывку одежды. Прикрываясь, метнулись к подъезду, а визг, приводя в отчаяние, колол, буравил перепонки — хоть падай и катайся, зажав уши, по асфальту. Добежали. Увязли в проеме. Рванулись. Грохнула дверь подъезда. Проаплодировали босыми подошвами по гладким холодным ступеням.

«Блюм...» — и даже не сообразили, что нужно перестать давить на кнопку, отнять палец, чтобы звонок сыграл «блям».

Дверь открылась. Их встретило знакомое востроносое лицо, маячившее над черным отутюженным костюмом, — строгое, решительное и какое-то даже отрешенное. Однако уже в следующий миг оно утратило аскетическое это выражение: щеки посерели и как бы чуть оползли.

— Сво-ло-чи! — изумленно выговорил открывший — и заплакал.

Втолкнули, вбили в глубь коридорчика, захлопнули входную. Привалились на секунду к двери голыми лопатками — и вдруг, не сговариваясь, кинулись за двойником.

Они настигли его уже в комнате и, свалив, начали было избиение, но тут один случайно задел другого, после чего голые

Вавочки вновь передрались между собой, а тот, что в костюме, тихо отполз к кровати и, повторяя плачуще: «Сволочи! Сволочи!..» — сумасшедшими глазами смотрел на происходящее безобразие.

И вдруг, замерев, словно изображая живую картину, все трое прислушались. В подъезде хлопали и открывались двери.

— Кто кричал? Где?

— Кого задавили? Раечку?

— Какую Раечку?

— Какой ужас! Прямо во дворе?

— Да что вы мне говорите? Вот же она!

— И не задавили вовсе, а ограбили!

— Что вы говорите!

— Раечка, дорогая, ну что ты! Что случилось?

Блюм-блям!

В дверь звонили, стучали с угрозами и, кажется, плачем. Голые Вавочки, как суслики в норе, исчезли под кроватью, а одетый вскочил, тремя пинками забил туда же обрывки одежды, брошенные голыми во время драки, и бросился в переднюю.

Открыл. Людским напором его отбросило от двери, и в коридорчик вломились рыдающая Раечка, старый казак Гербовников, соседи и среди них теть-Тая, возмущенно повторяющая, раздувая чудовищную грудную клетку: «Какие подлецы! Ка-кие под-лецы!»

— Кто? — живо повернулся к ней сухонький стремительный казак.

Теть-Тая оторопела и задумалась.

Тогда он так же стремительно повернулся к Вавочке.

— Глумишься? — зловеще спросил он. — Думаешь, раз демократия, так все тебе можно? А?! Еще кто-нибудь видел? — бросил он через плечо. — Ну-дист! Я те покажу нудиста!

Гербовников был в майке, в штанах с лампасами, но из смятого в гармошку голенища исправно торчала рукоять нагайки.

— Да в чем дело-то? — осведомился басом теть-Таин муж.

— Объясни, Раечка!

Раечка рыдала.

— Они... Они... Вот он... Вдвоем...

Жильцы, заранее обмирая, ждали продолжения. Вавочка испуганно крутил головой.

— Голым по двору бегал, — сухо сообщил старый казак Гербовников.

— Кошмар! — ахнули у него за спиной.

— А! Говорила я вам? Говорила? Ходят! Ходят голые по городу! Общество у них такое, зарегистрированное!

— Зарегистрированное? — взвился старый казак, и нагайка волшебным образом перепрыгнула из сапога в руку. — Доберемся и до тех, кто регистрировал! Набилось в гордуму шушеры русскоязычной!.. Ты думаешь, казачий круг будет стоять и смотреть, как ты под их дудку нагишом выплясываешь? Кто с тобой второй был? Раечка, кто с ним был второй?

— Он... Он... — Раечка, всхлипывая, тыкала в Вавочку пальцем. — Он...

— С ним ясно! Второй кто?.. Что хотят, то творят! — опять сообщил через плечо Гербовников. — Тут по телевизору, блин, одни хрены на взводе, не знаешь, куда глаза девать!..

— Да я из дому весь день не выходил! — вдруг отчаянно закричал Вавочка. — Я дома сидел весь день! Вот тут! Вот! Чего вам надо? Я во двор не выходил даже!

Вышла заминка. Теперь жильцы не знали, на кого негодовать.

— А когда он бегал-то? — пробасил теть-Таин муж.

— Да только что!

— А кто видел?

— Раечка видела!

— Голый? — с сомнением повторил теть-Таин муж. — Только что?

— Голый? — яростно подхватил Вавочка. — Это я голый? Это голый? Это голый? Это?..

Говоря, он совал в лица рукава пиджака; поддергивал брюки, чтобы предъявить носки; хватался за галстук, выпячивая шпагу; тыкал пальцами в запонки.

Все смешались окончательно. Гербовников моргал.

— Вот дура-то, прости Господи, — негромко подвел итог теть-Таин муж и вышел.

— Раечка, — позвал Гербовников. — А ты не обозналась?

— Ни-эт! — Успокоившаяся было Раечка снова заревела.

— Ну, может быть, один был одетый, а другой голый? — с надеждой спросил старый казак.

— Ниэ-эт! О-оба-а...

— Что, быстро пришлось одеваться? — зловеще спросил он тогда Вавочку. — Как по подъему? Ты кого провести хочешь? Кто был второй? Из нашего дома?

— Да он же! Он же и был второй!.. Он и был... — вмешалась сквозь всхлипы Раечка.

— Ладно. Допустим. А первый тогда кто? — Старого казака, видимо, начала уже раздражать Раечкина тупость.

Вместо ответа последовало хлюпанье, из которого выплыло:

— ...и утром тогда...

— Что утром? — ухватился Гербовников, пытаясь вытрясти из пострадавшей хоть что-нибудь внятное.

— Он... постучал... А он ему открыл...

— Ничего не понимаю. Кто открыл?

— О-он...

— А постучал кто?

— То-оже он... — Раечку вновь сотрясли рыдания.

Теть-Тая с восторженным лицом подбиралась к центру событий.

— Раечка! — позвала она сладенько и фальшиво. — Раечка! Сейчас мы все уладим. Все будет в порядке, Раечка. Пойдем со мной, пойдем, золотая моя, пойдем. Кого надо накажут, а ты, главное, не волнуйся...

Приговаривая таким образом, она бережно взяла нетвердо стоящую на ногах Раечку и вывела на площадку. В дверях обернулась и сделала страшные глаза.

И тут Вавочка раскричался. Он кричал о том, что это издевательство, что он подаст в суд на Гербовникова, который ворвался в частную квартиру, да еще и вооруженный (Вот она, нагайка-то! Вот! Все видели!), что если верить каждому психу — то это вообще повеситься и не жить!..

Вернувшийся на крики теть-Таин муж мрачно басил, что он бы на Вавочкином месте этого так не оставил, что он еще пять лет назад заметил, что Раечка не в себе, просто случая не было поделиться.

Остальные убежали суетиться вокруг Раечки.

Тогда старый казак Гербовников сунул нагайку за голенище и в свою очередь закричал, что на него нельзя в суд, что казачий круг этого не допустит, во всяком деле бывают промашки, и вообще кто ж знал, что Раечка вдруг возьмет и рехнется!

Потом крякнул, примирительно потрепал Вавочку по плечу, сказал зачем-то: «Спаси Христос», — и ушел вслед за теть-Таиным мужем.

Вавочка захлопнул за ними дверь, доплелся до кровати, сел. Глупость он сегодня утром совершил невероятную, вот что! Надо было не раздумывая хватать паспорт и рвать из этой

квартиры, из этого города... Из этой страны, прах ее побери! Но кто ж тогда знал, что все так обернется, что ничего еще не кончилось...

Рядом с его ногой из-под кровати чутко, осторожно, как щупик улитки, высунулась голова, с другой стороны — другая. Пытливо взглянули, вывернув шеи, на сидящего. Вылезли, сели рядом, уставив пустые глаза в сторону вечереющего окна.

А может, и сейчас не поздно, а? Так, мол, и так, хорошие мои, взял я паспорт, а вы давайте...

Диковато переглянулись и поняли, что нечего и надеяться.

Голым стало холодно, они встали, направились к шкафу, открыли и принялись сперва вяло, а потом шумно делить оставшееся барахло. Не поделив, обернулись к третьему.

...После некоторого сопротивления раздеваемого троица приняла следующий вид:

Первый — брюки от выходного костюма, носки, белая рубашка с запонками.

Второй — выходные туфли, линялые короткие джинсы из нижнего ящика и защитного цвета рубашка от парадного мундира, что висел в гардеробе при всех неправедно добытых перед дембелем регалиях.

Третий — сандалии на босу ногу, армейские брюки, майка и поверх нее пиджак от выходного костюма, из кармана которого торчал, мерцая миниатюрной шпагой, скомканный галстук.

И все трое молчали. Молчали с того самого момента, когда захлопнулась дверь за старым казаком Гербовниковым.

Нехорошее это было молчание. Стало, к примеру, заметно, что комната перестала быть гулкой: гасила, укорачивала звуки, будь то всхлип, кашель или писк деревянной кровати, когда кто-либо из них вскакивал, словно собираясь бежать, и, уразумев, что бежать, собственно, некуда, брел, скажем, к креслу — присесть на подлокотник.

Все трое были на грани истерики — и молчали. Давление росло при закрытых клапанах; каждый этот укороченный звук — скрип, всхлипывание, кашель — бросал сердце в новый сумасшедший перепад, дрожали руки.

Вечерело быстро. Откуда-то взявшиеся тучи, словно комком пакли, заткнули прямоугольный колодец двора; три его видимые стены стремительно становились клетчатыми от вспыхивающих желтых окон.

Тот, что сидел на кровати, встал, но так и не решился, куда переместиться. Тогда он повернул к тем двум бледное, в слезах, лицо и срывающимся голосом бросил:

— К черту! Я ложусь спать! — И перешел на крик, будто кто-то мог ему запретить это: — Слышите? К черту! Все к черту! Я ложусь спать, пропади оно все пропадом!

Он упал на кровать и уткнулся лицом в подушку. Это был тот, что оставался днем в квартире.

Стоящий поближе подошел и поставил колено на край кровати.

— А ну двинься, — произнес он сквозь зубы. — Двинься, говорю! Разорался тут!..

Лицо его задрожало, рот растянулся.

— Двинься! — закричал он, плача. — Сволочи! Все сволочи! Все до одного!

А третий вдруг язвительно сложил губы — ему выпал миниатюрный выигрыш: лучше спать одному на диване, чем вдвоем на кровати. Ему до того понравилось, как четко у него оформилась в голове эта мысль, что он даже засмеялся.

Лежащие (оба ничком) подняли головы.

— В морду дам... — сквозь всхлипы пригрозил кто-то из них.

Третий мечтательно возвышался над темнеющим в полумраке диваном и думал о том, что хорошо бы повторить этот случай с кроватью, только в более крупном масштабе: пусть они погрызутся из-за комиссионных, из-за первенства, из-за чего угодно, а ему — взять бы паспорт и уехать, уйти бы даже хоть пешком, без денег, куда угодно, но уйти.

Он прерывисто вздохнул, принес из стенного шкафчика постель, разложил, расправил и, раздевшись, полез под одеяло. Диван скрипло провалился под ним.

Не спалось. Усталость была страшная, но не спалось. На кровати возились, хлюпали носами, сипло чертыхались — видимо, делили одеяло.

И тут Вавочку обдало со спины такой волной озноба, что он сел как подброшенный. Диван под ним запел, заскулил, перекликаясь всеми пружинами. Вавочке показалось, что кожа на лице у него исчезла, что малейшее дуновение, случись оно, обожжет его либо огнем, либо стужей.

Те, на кровати, были вдвоем, и они могли договориться. О чем? Да о чем угодно! Правда, он не слышал ни слова, тишина была ровной, но они могли! Они могли, вот в чем дело!

«Да нет, — попытался успокоить он сам себя. — Ничего они не сделают. И что они вообще могут сделать?»

И со спины пришла вторая волна озноба.

«УБИТЬ», — возникло простое и короткое, как бы крупным шрифтом оттиснутое в мозгу слово.

Вавочка сбросил ноги на пол и принялся одеваться. Выигрыш с кроватью обернулся крупной ошибкой, непростительной глупостью. Чему он радовался, дурак? Надо было самому туда третьим, а не на диван...

Вавочку трясло. На кровати заворочались, заворчали. Он вслушался.

«Нет, — решил он с облегчением. — Не успели еще... Ничего они не успели».

А если они не успели, то... Вавочка замер. Самому... Никого не нанимая...

Да, видимо, из всех троих решение пришло первым к нему.

«Убрать, устранить физически, — с замиранием повторил он про себя читанные в каком-то детективе слова. — Устранить физически».

Слово «убить» он не мог теперь выговорить даже мысленно. Память его бессознательно перебирала все имеющиеся в доме колющие и режущие предметы. Потом он представил кровь на кровати, и ему чуть не сделалось дурно... Утюг. Он им гладил сегодня костюм. Если обмотать полотенцем...

Вавочка не мог больше оставаться наедине с такими мыслями. Нужна была какая-нибудь зацепка, неувязка, чтобы все эти планы оказались невыполнимыми. Он искал ее, искал довод против того, что творилось в его голове и толкало на страшное.

Второй проснется! Да-да! Второй проснется обязательно. Первого он ударит, а второй проснется, второго он не успеет...

«Ну и что? — возражал ему кто-то пугающе-жестокий в нем самом. — Проснется, а я объясню, что вдвоем лучше, чем втроем».

И жуткий кто-то усмехнулся своей четкой формулировке его, Вавочкиным, смешком.

— А труп? — быстро спросил Вавочка — и выдохнул с облегчением. Вот она, неувязка! Ничего нельзя, ясно?..

И даже не понял, что спросил вслух — тихо, правда, шепотом, но вслух.

Теперь он сидел почти спокойный и неувязочку эту смаковал, играл в возражения: придумает вздорное какое-нибудь — и радостно опровергнет.

Ну, положим, вдвоем можно вынести, завернуть во что-нибудь — и вынести. А дальше что? Бросить где-нибудь поблизости? А вот и не получится никак — утром найдут и опознают обязательно. Ну ладно, ну, положим, сейчас ночь, положим, оттащим переулками куда-нибудь на окраину — так все равно ведь найдут... А в реку?

Вновь волна озноба. Ну да, а если в реку? Если привязать что-нибудь, чтоб не выплыл?..

«Нет, — возразил он поспешно. — Ночь-то ночь, а менты-то все равно на набережной дежурят... И на проспекте тоже...»

Возражение было неубедительным.

Кровать между тем давно уже попискивала, потом кто-то встал, шагнул нетвердо... Полыхнул малиновый торшер. В глазах ухватившегося за кисточку был ужас. Как и в глазах сидящего на кровати.

— Вы почему не спите? — дрогнувшим голосом спросил тот, что включил свет. И еще раз — уже истерически: — Вы почему не спите?!

Торшер выключить побоялись. Тот, что вскочил с кровати, на кровать не вернулся — устроился в кресле, подобрав под себя ноги. Остальные двое посидели немного и прилегли. Истерический крик: «Вы почему не спите?!» — неожиданным образом многое прояснил.

Можно было уже, к примеру, не надеяться ни на вьетнамцев, ни на шестерок из «Посошка» — вообще ни на кого не надеяться, кроме себя; а сестра должна приехать через несколько дней, которые с каждой минутой убывают; а их теперь двое, а он против них один.

Все это возникло единым клубком мыслей, причем совершенно неподвижным: мысли не изменялись, просто с каждой минутой становились все яснее и беспощадней.

Трое задремывали и просыпались. Стоило кому вздрогнуть и открыть глаза, как то же самое происходило и с остальными двумя, так что проснувшийся первым не то что предпринять — решиться ни на что не успевал.

Но мысли только притворялись, что застыли; в них как бы смещалось ударение: теперь главным было не то, что сестра

приедет, а то, что нельзя больше выносить даже не присутствие — существование этих двух.

Как только это было осознано, мысли сорвались, полетели, тесня, выталкивая одна другую.

Даже если уехать — с паспортом, без паспорта ли, — разве забудешь, что они есть, что они живут, копируя, издеваясь каждым прожитым ими мгновением! Уехать, да? А эти три дня — их как, простить?!

Страх нарастал, но вместе с ним росла нестерпимая потребность уничтожить, развязать, разрубить, одним рывком вернуться к прежней жизни. Неустойчивое равновесие могло нарушиться ежесекундно. Достаточно было незначительного толчка, мельчайшего события, чтобы три человека в замкнутом пространстве комнаты, сойдя с ума, бросились бы с нечленораздельным воем друг на друга. Или же, напротив, метнулись бы каждый в свой угол, втираясь от ужаса в стену.

Небо в незадернутом окне стало сероватым, по окнам слезило.

Лежащий на кровати медленно поднялся. Сунул ноги в шлепанцы. Сделал пару неуверенных шагов в сторону передней. Остановился. Потом сорвался с места и решительной ускоряющейся походкой вышел в коридорчик. Дверь хлопнула со щелчком, со звоном.

Звон еще стоял в воздухе, а второй уже прильнул к стеклу, высматривая. Убедившись, что двойник вышел во двор и не караулит у подъезда, бросился за ним.

Теперь уже к стеклу прилип третий — тот, что раньше сидел в кресле. Куда девался первый, он не видел, а второй (это точно был второй; на первом — белая рубашка!)... Так вот, второй пробежал к туннельчику на улицу Желябова.

В третий раз сработал замок входной двери. Квартира опустела.

Асфальты во дворе были равномерно мокры, без луж; видимо, моросило всю ночь — слегка и без перерывов. Вавочка даже оторопел, выскочив на плоское бетонное крыльцо подъезда, настолько непохожа была эта знобящая изморось на прозрачную теплынь предыдущих дней. Спешно вздернул стоймя воротник, застегнул пиджак на все пуговицы, сжал лацканы в горсть. Бабье лето кончилось. Дожди ударили на четыре дня раньше срока.

Может, за плащом сбегать, а то маечка на голое тело да пиджачок, знаете ли... Но дверь он прихлопнул, а ключ — в кармане выходных брюк, а брюки не на нем, брюки на том, что выскочил первым. Ничего! Мы этот ключик еще возвратим, он еще к нам вернется.

Взбодрив себя такой мыслью, Вавочка втянул голову в воротник по самые уши и побежал, шлепая по мокрому асфальту. Ко второму выходу со двора побежал, потому что возле тунельчика на улице Желябова его могли ожидать.

— Ждите-ждите, — бормотал он, хлюпая скользкими, старающимися вывернуться из-под ступни сандалиями. — Как же! Дождетесь вы там! Чего-нибудь!

На улице было чуть посветлее, но все равно серо до непроглядности. Рассвет не спешил.

Вавочка обежал квартал и остановился, дрожа и задыхаясь. Улица Желябова лежала безлюдная, серая. Трусцой приблизился к арке и осторожно заглянул вовнутрь. Там было пусто и почти что сухо. Может, вернулись? Прошел по туннельчику, выглянул во двор и на всякий случай отпрянул. Никого. Серые лапы деревьев, метнувшаяся из-под грибка серая кошка — и никого. Окна четыре светят прозрачно-желтыми прямоугольниками. Зажглось еще одно.

Неужели вернулись? Выждали, когда он скроется, вернулись, а теперь дежурят в подъезде. Они же знают, что долго в такой сырости не проторчишь!

В панике Вавочка снова выскочил на улицу. Смутное пятнышко белой рубашки метнулось вдалеке за угол. Так! Значит, не сообразили.

Добежал до угла. Но рубашка исчезла, испарилась — за углом был пустой мокрый переулок. Под ногами — серо-желтая кашица от осыпавшихся акаций.

Вавочка почувствовал отчаяние. Если противник попросту испугался, сбежал, решил раствориться в городе — это абзац! Это двойной полуабзац! Это — жить и бояться, жить и не знать ни минуты покоя, жить и ждать, что вот-вот где-нибудь объявятся... А ключ?

Тут его озарило, что все это еще можно проверить, и Вавочка спрятался за угол. И точно: через минуту вдали замаячила белая рубашка, исчезла, появилась снова, переместилась на середину улицы. Вавочка почувствовал спиной чей-то взгляд и мигом обернулся. Александровская (бывшая Желябова) была пуста. Казалась пустой. Теперь он точно знал: здесь они. Ни-

куда не денутся. Уже не скрываясь, вышел на центр перекрестка и пошел, сгорбившись и стуча зубами, к повороту, где улица впадала в проспект.

Трое кружили мокрыми дворами и переулками, стараясь не попасться на глаза и не потерять из виду; высматривали, прятались, маячили посреди дороги, чтобы выманить. Маневрировать становилось все труднее — появились ранние прохожие, из-за угла вывернулся, мигая пронзительно-синим фонарем, яичный «жигуленок» с голубой полосой. Вавочка тревожно проводил его взглядом. «Жигуленок» равнодушно прокатил по улице и канул за угол. Зато встречная лоснящаяся иномарка притормозила и, вильнув, прижала белую рубашку к стене.

Из откинувшейся дверцы возник стройный светлоглазый Порох.

— Давно раздели? — спросил он быстро и как-то по-страшному невыразительно. Пока выговаривал, глаза его проверили улицу в обе стороны.

— Н-не... — У Вавочки зуб на зуб не попадал. — Я ключ обронил.

На секунду, всего на секунду, Порох пристально взглянул Вавочке в лицо.

— Да не раздевали меня! Я дверь з-захлопнул, — в ужасе вскричал Вавочка. — А ключ у сестры... Я з-за ключом иду...

— Чего там? — спросили из машины.

— Да знакомый один, — сказал Порох.

— Раздели, что ли?

— Да нет. Ключ, говорит, потерял.

Слышно было, как шепчет двигатель иномарки да дребезжат Вавочкины зубы.

— Может, подбросить? — спросил Порох.

— Да тут рядом! — прижал руки к груди Вавочка. — У сестры ключ!..

— Как знаешь, — сказал Порох, и дверца за ним захлопнулась.

С маниакальным упорством хлеща водой и без того мокрые тротуары, шли проспектом поливальные машины. И трое ранних прохожих, неожиданно легко и странно одетых, поняли наконец, что хотят они того или не хотят, но приближаются к старой набережной, где через реку перекинут деревянный мост в заречную рощу.

Не таясь и не обращая внимания на диковатые оглядки редких встречных, Вавочка шел к мосту, за которым должно было решиться все...

Вот и лестница кончилась. Под ногами зазвучали сырые доски. Скоро их снимут, и будут всю зиму торчать изо льда черные сваи, половину из которых снесет весной в ледоход.

Набухшее дерево моста звучит под ногами, а тот, в защитного цвета армейской рубашке, уже на той стороне. Через несколько минут к лестнице, широкому каменному спуску, выбежит, задыхаясь, третий и успокоится, увидев на том конце моста белое пятно рубашки.

Мокрые доски звучат под ногами. Все остальные возможности остались на том берегу. Впереди пустая роща, сырая, слякотная, с намокшими обрывками старых газет. За мостом — пятачок с заколоченными на днях аттракционами, мокрыми качелями, стреноженными цепью и замком.

Куда, однако, делся первый? В дебри он сразу не полезет, это ясно. Значит, рядом где-нибудь, на пятачке. Вавочка, оскальзываясь на словно смазанных изнутри сандалиях, свернул в широкий проход между ярким киоском «мальборо» и фанерным бруском тира. Навстречу ему шел Вавочка в белой прилипшей к телу рубашке с запонками; шлепанцы от налипшей грязи — как картофелины. Вздрогнули, остановились.

И тут на свою беду защитного цвета рубашка показалась и тут же метнулась за угол тира. Молча заключив союз, рванулись за ним.

Зверя подняли и погнали. Словно примериваясь, ударил дождь и прекратился, и туфли скользили по отполированной им земле, и было, когда заметались впереди кустарники без просвета, и пришлось продираться, и был скользкий склон, а сзади уже набегали, тяжело дыша, и был момент, когда, потеряв преследователей, Вавочка в отчаянии чуть ли не окликал их... А потом он заметил, что не его гонят, а он вместе с тем, в белой рубашке, гонит третьего, что роща кончилась и что бегут они в степь — взгорбленную, серую, мокрую, со смутной полосой леса на горизонте.

Отупев от усталости и отчаяния, что это никогда не кончится, они бухали ногами по чмокающей глине, а где-то впереди перемещался, подгадывая место и время, небольшой котлованчик. То ли вырытый экскаватором, то ли вынутый взрывом бог знает с какой целью — верно, строительство было задумано, да вышла, видать, какая-то промашка, так и свернули, не

разворачивая, ограничившись этой вот ямой метров десять диаметром и метра два глубиной с отлогими оползающими краями и россыпью обломков на дне.

Котлованчик так неожиданно подвернулся им под ноги, что сделать ничего уже было нельзя. Первый закричал по-страшному, видя, что земля дальше обрывается, но свернуть не смог — тяжелые, словно чужие, ноги вынесли его на самую кромку, откуда он и загремел с криком. Поднялся, побежал, сшибая ноги о камни, к противоположному краю ямы, попробовал выбежать наверх с разгону, но съехал на дно вместе с оползнем.

Тогда он ухватил каждой рукой по тяжелому обломку, повернулся навстречу преследователям, которые с торжествующе-злобным воплем попрыгали сдуру за ним, пригнулся, оскалился, страшен стал.

Те чуть расступились, тоже подобрали по паре камней, надвинулись было на третьего и вдруг шарахнулись друг от друга подальше — каждому показалось, что летит уже в висок тяжелый ребристый камень.

Были когда-то союзники, да кончились. Здесь, в котловане, каждый был за себя и против остальных. Некоторое время они переступали, ища позицию повыгодней, пока не поняли, что можно без конца водить такой хоровод; куда ни перейди — остальные перейдут тоже.

И еще поняли они: вылезти наверх — пара пустяков, но в том-то все и дело, что выберется из них только один. Стоит кому не выдержать и побежать на четвереньках по склону, как в спину ему глухо ударятся два камня, а потом еще два — с хрустом, без промаха, насмерть.

Краем глаза они заметили, как потемнело со стороны города; дождь пристреливался к роще, бродил по степи вокруг котлованчика, в котором стояли, дрожа от сырости, три существа — оскаленные, сутулые. Стояли, время от времени нечленораздельно рыча и перехватывая поудобнее обломки камня. И понимали уже, что это конец, что дальше ничего не будет: никто сюда не придет и никто не побежит, а ударит дождь, и прекратится, и снова ударит, а они будут стоять, сжимая мокрые камни; стоять, не спуская друг с друга глаз; стоять, пока не подохнут от холода и страха!

Тридцать три головы молодецкие

— Попробуй меня, Фроим, — ответил Беня, — и перестанем размазывать белую кашу по чистому столу.

Исаак Бабель

Как и подобает истому интеллигенту, во дни безденежья Аркадий Залуженцев принимался угрюмо размышлять об ограблении банка. Примерно с тем же успехом какой-нибудь матёрый взломщик, оказавшись на мели, мог задуматься вдруг: а не защитить ли ему диссертацию?

Кстати сказать, диссертацию Аркадий так и не защитил. Тема подвела. «Алиментарный маразм в сказочном дискурсе: креативный фактор становления национального архетипа». Собственно, само-то исследование образа Иванушки-дурачка в свете детского недоедания никого не смутило, однако в название темы вкрались ненароком несколько общеупотребительных слов, что в глазах учёной комиссии граничило с разглашением военно-промышленных секретов.

© Евгений Лукин, 2005

Над парковой скамьёй пошевеливалась листва. За витиеватой чугунной оградкой белели пузатенькие колонны учреждения, на взлом которого мысленно замахивался Аркадий Залуженцев. Вернее, уже и не замахивался...

Придя сюда, он совершил ошибку. Он убил мечту. Как было славно, давши волю воображению, расправляться в домашних условиях с архетипами сейфов, и как надменно, неприступно смотрела сквозь вычурные завитки чугунного литья твердыня банка в натуре! Затосковавшему Аркадию мигом вспомнилось, что ремеслом грабителя он, ясное дело, не владеет, духом — робок, телом — саранча сушёная.

Во всём, конечно, виноваты были родители, по старинке, а может, по скупости подарившие дошколёнку Аркашику взамен компьютера набор кубиков с буквами и оставившие малыша наедине с запылённой дедовской библиотекой. Видно, не попалось им ни разу на глаза предостережение Лескова, позже повторённое Честертоном, что самостоятельное чтение — занятие опасное. Оба классика, правда, говорили исключительно о Библии, но сказанное ими вполне приложимо и к любой другой книге. Действительно, без объяснений наставника постоянно рискуешь понять всё так, как написано.

Низкий поклон тем, кто приводит нас к единомыслию, то есть к одной мысли на всех, но за каждым, сами знаете, не уследишь. На секунду представьте, зажмурясь, в каком удручающем виде оттиснется наше славное прошлое в головёнке малолетнего читателя, которого забыли предупредить о том, что «Война и мир» — патриотическое произведение, а Наташа Ростова — положительная героиня!

Хорошо ещё, подобные особи в большинстве своём отягощены моралью и легко становятся жертвой общества, а не наоборот. От дурной привычки докапываться до сути прочитанного мозг их сморщился, пошёл извилинами. А ведь был как яблочко наливное...

Мимо скамейки проколыхалась дама с нашлёпкой тренажёра на правом виске. Вот вам прямо противоположный пример! Последнее слово техники: гоняет импульс по обоим полушариям, избавляя от необходимости думать самому. Этакий оздоровительный массаж, чтобы клетки не отмирали. Удобная штука, а по нашим временам — просто необходимая, учитывая возросшую мощь динамиков, в результате чего каждый сплошь и рядом испытывает примерно ту же нагрузку на че-

реп, что и профессиональный боксёр в бою за титул. Какие уж тут, к чёрту, мысли!

«Зря я здесь расселся, — тревожно подумалось Аркадию. — У них же там, перед банком, наверное, и камеры слежения есть...»

— Снаружи только две, — негромко сообщили поблизости.

Там, где прочие вздрагивают, Залуженцев обмирал. Обмер он и теперь. Потом дерзнул скосить глаз и увидел, что на дальнем конце скамьи сидит и тоже искоса поглядывает на него коротко стриженный юноша крепкого сложения. Должно быть, подсел, когда Аркадий смотрел вослед даме с нашлёпкой.

— Вы, простите... о чём?.. — с запинкой осведомился захваченный врасплох злоумышленник.

— Ну... очи чёрные... — пояснил неожиданный сосед. — Их там две штуки на входе. Но они только за тротуаром следят...

После этих поистине убийственных слов Аркадий был уже не властен над собственным лицом. Субъектов с подобным выражением надлежит немедленно брать в наручники. Что собеседник каким-то образом проник в его мысли, Залуженцева скорее ужаснуло, чем удивило: молодой человек наверняка имел отношение к органам, а от них, как известно, всего можно ждать. Подобно многим культурным людям Аркадий с негодованием отвергал бытовые суеверия, но в инфернальную сущность спецслужб верил истово и безоглядно.

— Но вы же... не подумали, надеюсь... — с нервным смехом проговорил уличённый, — что я всерьёз собрался...

Юноша встал, однако для того лишь, чтобы подсесть поближе.

— «Воздух» кончился? — участливо спросил он вполголоса.

Воздух и впрямь кончался, накатывало удушье. Аркадий был уверен, что сейчас из-за тёмно-зелёных плотных шпалер по обе стороны аллеи поднимутся ещё несколько рослых парней с такими же выдающимися подбородками — и начнётся задержание...

— А на пару дельце слепить? — еле расслышал он следующий интимно заданный вопрос.

Ответил не сразу. Со стороны могло показаться даже, что Аркадий Залуженцев всерьёз обдумывает внезапное предложение. На самом деле услышанное только ещё укладывалось в сознании.

Уложилось.

— Нет... — торопливо произнёс Аркадий. — Я... э-э... я — волк-одиночка, я... И потом, знаете, — соврал он, — банки — не моя специальность...

Или не соврал? Пожалуй, что не соврал... В любом случае был чертовски польщён. За равного приняли.

Юноша посмотрел на него с изумлением.

— Слышь! — одёрнул он. — Волк-одиночка! Пробки перегорели?.. — Обиделся, помолчал. — Короче, так... Тайничок один вскрыть надо... за городом.

— Чей тайничок? — заискивающе спросил пристыжённый отповедью Залуженцев.

— Да хрен его знает чей... Ничей пока.

— Что-нибудь ценное?

— Не-ет... Так, чепуха. На статью не тянет...

Кажется, Аркадия сманивали в чёрные археологи. Кстати, кладоискательство было во дни безденежья вторым его бзиком. Как-то раз он даже пробовал овладеть начатками лозоходства, предпочитая, правда, более наукообразный термин — биолокация. Добром это, ясное дело, не кончилось: согласно самоучителю, следовало предварительно прогреть Муладхару-чакру путём ритмичного втягивания в себя ануса. Ну и перестарался от волнения — пришлось потом к проктологу идти...

— А в одиночку — никак?

— В одиночку — никак. Напарник нужен. Даю сто баксов.

— А в чём, простите, будет заключаться...

— Копать.

— Много? — деловито уточнил Аркадий.

— Аршин. Там уже раз десять копали...

— М-м... — усомнился вербуемый. — Копать — копали, а до тайника не добрались?

— Меня не было, — сухо пояснил странный юноша.

— Простите... — спохватился Аркадий. — А с кем я вообще говорю? Вы сами по себе или на кого-то работаете?

Собеседник поглядел многозначительно и таинственно. А может, просто выбирал, на который вопрос ответить.

— На одного колдуна, — с достоинством изронил он.

Оторопелое молчание длилось секунды две.

— Э-э... В смысле — на экстрасенса?

— Можно и так...

Ну вот и прояснилась чертовщина с чтением мыслей! Аркадий Залуженцев перевёл дух. Честно сказать, колдунов, га-

далок и прочих там нигромантов он не жаловал, подозревая в них откровенных мошенников, хотя под напором общественного мнения и признавал с неохотой, что встречаются иногда среди этой публики подлинные самородки.

— И-и... давно вы на него...

— Недавно.

— Тогда ещё один вопрос, — решительно сказал Аркадий. — Землекоп я, сами видите... неопытный... Тем не менее обратились вы именно ко мне. Просто к первому встречному или...

Юноша усмехнулся.

— Или, — ласково молвил он. — К кому попало я бы не обратился...

Так уж складывалась у Глеба Портнягина жизнь, что древнее искусство врать без вранья он волей-неволей освоил ещё в отрочестве. На первый взгляд, ничего мудрёного. Основное правило: отвечай честно и прямо, но только о чём спросили, ни слова сверх того не прибавляя. И собеседник неминуемо начнёт обманывать сам себя своими же вопросами.

Высший пилотаж подобной диалектики приведён, конечно, в третьей главе Книги Бытия, где искуситель лжёт с помощью истины, а Творец изрекает истину в виде лжи.

Назвавшись представителем колдуна, Глеб Портнягин опять-таки не погрешил против правды ни на йоту. Действительно, сегодня утром он ходил проситься в ученики к самому Ефрему Нехорошеву — и пережил при этом лёгкое потрясение, когда, достигши промежуточной площадки между четвёртым и пятым этажами, увидел, как из двери нужной ему квартиры выносят вперёд ногами кого-то завёрнутого в дерюжку.

«Опоздал», — просквозила горестная мысль.

Впрочем, на похоронную команду выносившие не очень-то и походили: кто в лабораторном халате, кто в костюме и при галстуке. Физии у всех, следует заметить, были малость ошарашенные. Потом дерюжка нечаянно оползла — и глазам содрогнувшегося Глеба явились стальные хромированные ступни. Из квартиры кудесника вытаскивали всамделишного робота. Ну надо же!

Отступив к стене, Портнягин пропустил скорбную процессию. Затем взбежал по лестнице, постучал в незапертую дверь — и, не дождавшись отзыва, рискнул войти. Старый

колдун Ефрем Нехорошев в халате и шлёпанцах сутулился у стола на табурете.

— Вот химики-то, прости Господи! — посетовал он в сердцах, нисколько не удивившись появлению малознакомого юноши.

— А что такое? — не понял тот.

— Умудрились: три закона роботехники выдумали, — сокрушённо покачивая кудлатой головой, известил престарелый чародей. — И, главное, сами же теперь удивляются, почему не работает...

— Три закона... чего?

— Да я бы их уже за один первый закон всех поувольнял, четырёхглазых! — распаляясь, продолжал кудесник. — Вот послушай: оказывается, робот не имеет права своим действием или бездействием причинить вред человеку! А теперь прикинь: выходит робот на площадь, а там спецназовцы несанкционированный митинг дубинками разгоняют. Да у него сразу все мозги спекутся, у робота...

— Н-ну... запросто, — моргнув, согласился Глеб.

— А второй закон того хлеще: робот обязан выполнять приказы человека, если они (ты слушай, слушай!) не противоречат первому закону... А? Ни хрена себе? Да как же она будет работать, железяка ваша, если каждый приказ — либо во вред себе, либо ближнему своему!

— А, скажем, яму выкопать? — не удержавшись, поддел чародея Портнягин.

— Кому? — угрюмо уточнил тот.

Глеб посмотрел на него с уважением.

— А третий закон?

— Ну, третий ладно, третий куда ни шло... — вынужден был признать колдун. — Робот должен заботиться о собственной безопасности. Но опять же! Через первые-то два не перепрыгнешь... Они б ещё в гранатомёт эти свои законы встроили!

— И что ты им посоветовал? — не упустив случая перейти на «ты», полюбопытствовал Портнягин.

— А ну-ка марш под койку! — сурово насупив кудлатые брови, повелел хозяин кому-то незримому, ползком подбирающемуся к пришельцу. — Я т-тебе!.. — Выждал, пока невидимка вернётся под кровать, и снова покосился на Глеба. — А что тут советовать? Как мы законы соблюдаем — так и роботы

пускай... А иначе... — Спохватился, нахмурился. — Погоди! Ты кто?

— Вот... пришёл... — как мог объяснил Портнягин.

— И чего надо? Отворожить, приворожить?

То ли с похмелья был колдун, то ли всегда такой.

В двух словах Глеб изложил цель визита.

— В ученики? — слегка привизгнув от изумления, переспросил Ефрем Нехорошев. — Ко мне? А не круто берёшь, паренёк?

— Круто! — с вызовом согласился Глеб. — А ты что? Одних лохов колдовать учишь?

Услышав дерзкий ответ, кудесник расстроился, почесал лохматую бровь и, уныло поразмыслив, кивнул на свободный табурет. Ладно, мол, присаживайся. Куда ж от тебя такого денешься!

Неприбранная комнатёнка была напоена одуряющими запахами сеновала, источник которых обнаружился в углу, где, теребимые струёй воздуха от напольного вентилятора, сохли связки трав. Ещё в глаза лезли теснящиеся на самодельном стеллаже ветхие корешки древних книг, а из мебели — замшелая зловещая плаха, которой явно чего-то недоставало. Глеб огляделся. Тронутого ржавчиной палаческого топора он нигде не приметил, зато обратил внимание, что у вентилятора отсутствует шнур и, кажется, мотор.

— Ну и чего это ради тебя вдруг в колдуны понесло? — ворчливо осведомился хозяин. — Думаешь, жизнь сладкая пойдёт? Нет, мил человек. Каторжная пойдёт жизнь... — Замолчал, всмотрелся. — А-а... — понимающе протянул он. — Ну, ясно... По какой, говоришь, статье срок отбывал?

Глеб молча достал и предъявил справку о досрочном освобождении. Специфика документа, похоже, ничуть не смутила старого чародея. Многие известнейшие маги начинали именно с правонарушений. Собственно, оно и понятно: кто преступает законы общества, тот и с законами природы скорее всего чикаться не станет. Сами кудесники, естественно, с этим ни за что не согласятся — напротив, будут клятвенно уверять, что действуют в согласии с мирозданием... словом, повторят примерно то же, что говорили на суде, прося о снисхождении.

— Ладно, — разочарованно молвил колдун, возвращая справку. — Устрою я тебе екзамент... — умышленно исковеркал он умное зарубежное слово.

— Экзамен? — насторожился Глеб.

— А ты как хотел? Ко мне, брат, в ученики попасть не просто. Вот слушай: есть за городом тайничок... Где — не скажу, сам по записи прочтёшь... Только не вслух, уразумел?

— А что так секретно?

— А то так секретно, что подслушать могут. И клад тут же на аршин в землю уйдёт! А тот, кто подслушал, другому скажет — это, считай, ещё на аршин... Понял, в чём клюква?

— Ага... — сообразил Глеб. — Рыл-рыл, ничего не вырыл, а потом доказывай, что не разболтал?

Старый колдун Ефрем Нехорошев долго, внимательно смотрел на юношу.

— Нет, ты-то вроде не разболтаешь... — произнёс он, словно бы помыслил вслух. — Только ведь с тайничком этим ещё одна загвоздка...

По лестнице Портнягин спускался в глубокой задумчивости. Не иначе хочет от него отделаться старикан. «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что...» Хотя с заданием сказочного самодержца Глеб как раз справился бы играючи. Ещё в раннем детстве он, помнится, искренне удивлялся, зачем богатыри отправлялись на край света, разные чудеса искали. Делов-то! Принеси какую-нибудь фигню помельче — и пусть попробует царь-батюшка угадает, где ты весь день шлялся и что у тебя в кулаке зажато!

Достигнув городского парка, испытуемый присел на скамью, достал полученную от колдуна бумагу, именуемую записью, и внимательнейшим образом перечёл. Тайничок был заныкан неподалёку от точки слияния Чумахлинки с Ворожейкой. Земли те издавна почитались гиблыми, аномальными. Сгинули там две археологические экспедиции, а в 1991 году, если не врут, ушёл под воду целый населённый пункт. До сих пор в безветренные дни со дна озера красные флаги просвечивают и пение чудится.

Будучи воспитан бабушкой, Глеб сызмальства наслушался от неё всяческих страстей о тех краях. «Бегать на Колдушку» настрого запрещалось, поэтому, само собой разумеется, гибельную местность он излазал пацаном вдоль и поперёк — до последнего овражка.

Дурман-бугор... Не было там никакого Дурман-бугра! Может, раньше так назывался, а потом переназвали?..

Ладно. Бугор по записи найдём, а вот с самим тайничком что делать? Условия, поставленные старым хрычом, были просты, как три закона роботехники, и так же, как они, неисполнимы.

Ночь в канун Ивана Купала случилась неделю назад — значит вариант с цветком папоротника отпадает. Не ждать же в самом деле следующего раза! Другой вариант, если верить колдуну, был равен самоубийству. Третий прямиком приводил в объятия одной из самых неприятных статей уголовного кодекса, не говоря уже о неминуемых угрызениях совести.

Кто-то сел на ту же скамейку. Портнягин на всякий случай убрал запись в карман, недовольно посмотрел на соседа — и заинтересовался. Это была весьма примечательная личность хрупкого, чтобы не сказать, ломкого телосложения, и она грезила наяву. Присутствия Глеба подсевший не заметил, отрешённый взгляд его пронизал вычурную чугунную оградку и принялся ласкать пузатенькие колонны банка. Щёки чудика впали, кожа облегла скулы.

Как всегда, жизнь сама подсказала Портнягину искомое решение. Теперь оставалось лишь удостовериться, что рядом с ним сидит именно тот, кто ему нужен. Вскоре незнакомец поник, приуныл, на устах его застыла растерянная улыбка завязавшего алкоголика. Затем начал бредить вслух.

— У них же там, перед банком, наверное, и камеры слежения есть... — боязливо пробормотал он.

Пора было приступать к разговору.

— Снаружи только две, — сказал Портнягин.

Заброшенная железнодорожная ветка, проложенная чуть ли не Павкой Корчагиным в незапамятные времена, пребывала в жутком состоянии, но, как ни странно, ещё использовалась кем-то по назначению. В поросшем бурьяном тупике стояла грузовая платформа, и возле этого тронутого ржавчиной и мазутом многоколёсного чудища мало-помалу собирался с утречка народ. Кто с удочками, кто с металлодетектором. Многие в накомарниках.

Не увидев среди них своего работодателя, Аркадий хотел прикинуться случайным прохожим и пройти мимо, однако идти здесь было некуда. Разве что обратно. Потоптавшись, он как бы невзначай сместился к переднему рылу платформы, тупо уставившемуся в простёганную редким ковылём зелёную

с подпалинами степь. У подклиненного тормозным башмаком колеса притулились на корточках двое с миноискателями.

— Арисаки? — лениво переспрашивал один. — Откуда? Первуха сюда не достала...

— Зато гражданка достала, — так же лениво возражал другой. — Марабуты погуляли... Забыл?

— Ну, от марабутов моськи в основном...

Залуженцев ощутил тревогу и неуверенность. Сегодня он проснулся среди ночи, осенённый догадкой. Конечно, не для земляных работ пригласили его в подельники! Главная причина, как ни странно, заключалась в теме диссертации. Фольклор! Древние клады всегда окутаны легендами и преданиями. Таинственному юноше, скупо назвавшемуся Глебом, наверняка нужен был консультант.

Не в силах более уснуть, Аркадий встал, включил свет и принялся листать специальную литературу. Чего-чего только не скрывали земные недра к северу от Ворожейки! По слухам, был там даже прикопан заряженный шайтан-травой «калаш», заключавший в себе смерть якобы живого до сих пор Арби Бараева...

Увлёкшись, читал до утра.

И вот теперь, нечаянно подслушав степенную беседу чёрных копателей, Аркадий Залуженцев внезапно усомнился в собственной компетентности. «Первуха» и «гражданка», допустим, в переводе не нуждались. Зато смущали загадочные «марабуты». (Заметим в скобках, что жаргонное словечко всего-навсего подразумевало бойцов Красногвардейского полка имени товарища Марабу.)

Как бы от нечего делать он отступил на шаг-другой и, независимо выставив хрупкий кадык, со скучающим видом принялся обозревать транспортное средство. Вряд ли оно было самодвижущимся. Значит, будут к чему-нибудь цеплять. К чему?

Аркадий оглянулся на уходящие вдаль рельсы. Из-за древних холмов и курганов могло появиться всё что угодно: от воловьей упряжки до паровоза братьев Черепановых. Такой она, верно, была, эта степь, ещё в те времена, когда, уклоняясь от воинской службы, рубили большой палец взамен указательного, а схрон называли мечом-кладенцом.

— Если делать нечего, лезь сюда, поможешь... — прозвучало сверху.

Залуженцев обернулся. На краю платформы стоял и вытирал ветошкой почерневшие ладони крепыш в местами выгоревшей, местами промасленной спецовке.

Отказать было как-то неловко. По короткой металлической лесенке Аркадий поднялся на борт. В передней части платформы высился в человеческий рост чудовищный маховик, сработанный явно не в заводских условиях. Полый обод, сваренный из толстого листового железа, делился переборками на восемь отсеков. Одна боковая заслонка была снята, глубокая пазуха зияла пустотой.

— Давай-ка вместе...

Вдвоём они подняли тяжёлый мешок (на ощупь — с песком) и бережно поместили в отверстую нишу.

— Главное — отцентровать как следует, — доверительно сообщил крепыш, с бряцанием надевая заслонку дырками на торчащие болты.

Аркадий вежливо с ним согласился и, пока тот затягивал гайки, обошёл страшилище кругом, с преувеличенным уважением трогая червеобразные сварочные швы. С той стороны у маховика обнаружился шкив с ремённой передачей, уходящей через прорубленное днище прямиком на одну из осей. Не веря глазам, Залуженцев присмотрелся и приметил ещё одно диво: сквозь приваренное к ободу ухо был продет дворницкий лом, весь в рубцах, с косо стёртым жалом. Чтобы, значит, само не завелось. А на станине криво чернела охальная безграмотная надпись, сделанная кем-то, видать, из пассажиров: «Перпетуй мобиль».

— Так это что... двигатель? — с запинкой спросил Аркадий.

— Двигатель, двигатель... — дружелюбно отозвался крепыш, поднимаясь с корточек и пряча ключ.

— Вечный?!

— Да если бы вечный! То подшипник полетит, то ремень...

— А законы термодинамики вы в школе учили?!

Вопрос был выкрикнут, что называется, петушьим горлом. Не сдержался Аркадий. И зря. Едва лишь отзвучала его мерзкая фистула, как изумлённо-угрожающая тишина поразила поросший бурьяном тупичок. Разговоры смолкли. Все повернулись к платформе — и послышался быстрый шорох падающих противокомарных сеток.

Спустя минуту вокруг запоздало онемевшего Залуженцева уже сплотилась свора зеленомордых чудовищ, только что

бывших мирными рыбаками и копателями. Единственное обнажённое лицо принадлежало крепышу в спецовке, но теперь оно стало таким беспощадным, что лучше бы его тоже не видеть.

— Какие законы, командир? — выговорил крепыш, не разжимая зубов. — Раз не запрещено, значит, разрешено...

— Я о физических законах... — пискнул Аркадий.

— Физических? — задохнулись от злости под одним из накомарников. — А то мы не знаем, как они там в академиях своих законы принимают! Куда хочу, туда ворочу! Сколько лет чёрными дырами людям голову морочили! Купленые все...

— Да из нефтяной компании он! По морде видно!

— Спят и видят, как бы нас на шланг посадить!

— Давно бензозаправки не горели?

— Короче, так... — постановил крепыш. — Дизель я на свою телегу не поставлю. И соляру вашу поганую брать не стану. Так и передай своему боссу, понял? А натравит опять отморозков — будет как в прошлый раз...

— Не-е... — благодушно пробасили в толпе. — Хуже будет...

— Даже хуже, — согласился крепыш, бывший, очевидно, не только механиком, но и владельцем платформы.

— Тёмную гаду! — кровожадно рявкнули из задних рядов.

И принять бы Аркадию безвинные муки, но тут некто решительный протолкнулся к центру событий и оказался Глебом.

— Чего шумишь, Андрон? — недовольно сказал он крепышу. — Это напарник мой...

— Ну и напарники у тебя... — подивились в толпе.

Древняя железнодорожная ветка пролегала прихотливо, извилисто. Встречный ветерок то потрёпывал двусмысленно по щеке, то учинял форменный мордобой. За бортом платформы ворочалась степь, проплывали откосы. Когда-то в советские времена они были фигурно высажены рыжими бархатцами, бледно-розовой петуньей, прочими цветами, при должном уходе образующими идеологически выверенные лозунги, а кое-где и портреты вождей. Теперь же, лишённые пригляда, буквы утратили очертания, разбрелись самосевом по округе, некоторые сложились в непристойные слова.

Скамеек на платформе не было: сидели на рюкзаках, ведёрках и проволочно-матерчатых рыбацких стульчиках. Уг-

нездившийся в углу Аркадий Залуженцев имел несчастный вид и время от времени бросал затравленные взгляды на исправно ухающий и погрохатывающий маховик, разгонявшийся подчас до такой скорости, что его приходилось подтормаживать всё тем же дворницким инструментом, вытирая из обода снопы бенгальских искр. Страшная это штука — идеологическая ломка. Будучи искренне убеждён, что лишь глубоко безнравственный человек способен утверждать, будто угол падения не равен углу отражения, Аркадий даже выключал в сердцах телевизор, если передавали что-нибудь сильно эзотерическое. Можно себе представить, насколько угнетало его теперь зрелище «перпетуй мобиля» в действии. К счастью, вспомнилось, что местность, по которой они ехали, издавна слывёт аномальной зоной, — и мировоззрение, слава богу, стало полегоньку восстанавливаться.

О недавней перепалке было забыто. Не унимался один лишь плюгавенький морщинистый рыбачок, да и тот, судя по всему, ершился забавы ради. Людей смешил.

— Начальники хреновы! — удавалось иногда разобрать сквозь шум. — Того нельзя, этого нельзя... Термодинамику придумали, язви их в душу... Обратную сторону Луны до сих пор от народа скрывают... А? Что? Неправда?..

Слушателей у него было немного. Прочие рыбаки, люди серьёзные, не склонные к философии и зубоскальству, давно толковали о насущном: верно ли, например, что на Слиянке жерех хвостом бьёт? Копатели осели особым кружком, и разговор у них тоже шёл особый:

— Можно и не снимать... Только потом сам пожалеешь! Вон Сосноха... Слыхал про Сосноху?.. Чугунную пушку отрыл, старинную, серебром набитую! Аж монеты в слиток слежались... Взять — взял, а заклятия не снял. А менты, они ж это дело за милю чуют! Тут же всё конфисковали, Сосноха до сих пор адвокатов кормит...

Чем дальше, тем разболтаннее становился путь. Раскатившуюся под уклон платформу шатало, подбрасывало, грозило снести с рельсов.

— Штормит, блин... — снисходительно изронил коренастый Андрон, опускаясь на корточки рядом с Аркадием. — Да не горюй ты, слышь? Все мы жертвы школьных учебников. Ну, вечный двигатель, ну... Что ж теперь, застрелиться и не

жить? Пифагор тоже вон только перед смертью и признался: подогнал, мол...

— Что подогнал? — испугался Аркадий.

— Известно что. Сумму квадратов катетов под квадрат гипотенузы... Ты кто по образованию-то будешь?

— Филолог, — сдавленно ответил Аркадий. — Язык, литература... История...

— Ну, тебе легче... — поразмыслив, утешил Андрон. — Не то что физикам. Ты-то людские ошибки изучаешь, а они-то — Божьи... — Изрёкши глубокую эту мысль, владелец платформы крякнул, помолчал. — Далеко собрались?

Оба посмотрели в противоположный угол, где сосредоточенный Глеб выпытывал что-то втихаря у чёрных следопытов.

— Не знаю, не сказал...

Похоже, ответ сильно озадачил Андрона.

— Погоди! Я думал, ты его в проводники взял...

— Не я его... он меня... То есть не в проводники, конечно...

— Он — тебя? — Квадратное лицо владельца платформы отяжелело, снова стало беспощадным. — Нанял, что ли?

— Ну, в общем... да. Копать...

— Много заплатил?

— Не заплатил ещё... заплатит... Сто баксов.

Андрон с сожалением посмотрел на него, поднялся, помрачнел и, ни слова не прибавив, двинулся, по-моряцки приволакивая ноги, к чересчур разогнавшемуся маховику.

Тормозили долго, с душераздирающим визгом. Физии у всех стали как у китайцев. Пока «перпетуй мобиль» окончательно остановили и стреножили, сточенное наискосок остриё лома разогрелось до вишнёвого свечения и стёрлось по меньшей мере ещё сантиметра на полтора.

В ушах отзвенело не сразу. Высаживались с перебранкой.

— Андрон! Ты когда нормальный тормоз заведёшь?

— Не замай его! А то ещё плату за проезд поднимет...

Такое впечатление, что за вычетом железнодорожного тупичка пейзаж ничуть не изменился. Единственное отличие: в просвете между пологими песчаными буграми посверкивало озерцо. «И стоило переться в такую даль!» — невольно подумалось Аркадию.

Разбрестись не спешили: проверяли снаряжение, амуницию, досказывали байку, меняли «палец» в «клюке». Проще говоря: батарейку в металлодетекторе.

— Слышь, Харлам! Может, и нам тоже с ними на Чумахлинку?

— А! Хрен на хрен менять — только время терять...

Раздался звук пощёчины, одним комаром стало меньше.

— Начинается... — пробормотал кто-то из копателей, спешно опуская зелёную вуаль. — А всё Стенька Разин! Просили его комара заклясть — не заклял...

— Правильно сделал! — огрызнулся кто-то из рыболовов. — Это вам, кротам, всё едино! А Стенька умный был, так и сказал: «Дураки вы! Сами же без рыбы насидитесь...»

Наконец с платформы спрыгнул Глеб. Видимо, задерживаться было вообще в обычае юноши. С плеча его, напоминая размерами опавший монгольфьер, свисал пустой рюкзак. Если это под будущую находку, сколько же там копать?

— Пошли, — сказал он, вручая напарнику сапёрную лопатку.

Оба кладоискателя двинулись было по направлению к темнеющей невдалеке дубраве, но были окликнуты Андроном:

— Эй! Филолог! Как тебя?.. Сдай назад! Забыл кое-что...

Вроде бы забывать Аркадию было нечего, но раз говорят «забыл», значит, забыл. Пожал плечами, извинился перед насупившимся Глебом и трусцой вернулся к платформе. Вскарабкался по железной лесенке, вопросительно посмотрел на монументального Андрона. Тот медленно, с думой на челе вытирал ладони всё той же ветошкой и ничего возвращать не спешил.

— А ну-ка честно! — негромко потребовал он. — На Дурман-бугор идёте?

— Понятия не имею, — честно сказал Аркадий.

— А ты знаешь, что там две экспедиции пропали? — зловеще осведомился эксплуататор вечного двигателя. — Клад-то — заговорённый... На тридцать три головы, между прочим! Молодецких, самолучших... И никто не знает, сколько их ещё положить осталось... Лишняя она у тебя, что ли?

— И вы в это верите? — с любопытством спросил Аркадий.

Но Андрон так на него посмотрел, что мировоззрение вновь дало трещину. А тут ещё со стороны озерца пришёл пронзительный вибрирующий вопль. То ли резали кого, то ли учили плавать.

— Короче, мой тебе совет: деньги — верни...

— Да я не брал пока!

— Тогда совсем просто. Скажи: передумал...

— Н-но... он же на меня рассчитывает... договорились... Да что вы беспокоитесь, ей-богу! Мы же вдвоём идём... Глеб вроде человек опытный... местный...

— В том-то и дело... — мрачно прогудел Андрон.

Родившемуся в аномальной зоне обидно слышать, когда её так величают. Вросши корнями в энергетически неблагополучную почву, сердцем к ней прикипев, он вам может за малую родину и рыло начистить. Поймите же наконец: вы для него тоже аномальны!

Говорят, привычка — вторая натура, из чего неумолимо следует, что натура — это первая привычка. Однако натурой мы называем не только склад характера, но и окружающую нас природу. Взять любой клочок земли, объявить аномальной зоной — и он, будьте уверены, тут же станет таковой. Почему? Потому что нам об этом сказали.

И не случайно многие авторы сравнивают наземный транспорт с машиной времени: чем дальше уезжаешь от города, тем глубже погружаешься в прошлое. А в прошлом не только моральные нормы — там и физические законы иные. Кто не верит, пусть полистает учёные труды средневековых схоластов!

Зная с детства Колдушку как свои пять пальцев, Глеб Портнягин не видел в ней ничего необычного. Вечный двигатель? Делов-то! Пацанами они здесь и не такое мастерили. Другое дело — Аркадий Залуженцев, чьё детство прошло в иной аномальной зоне, именуемой культурным обществом. Для него тут почти всё было в диковинку.

— Это — Дурман-бугор? — поражённо спросил он.

Увиденное напоминало старую воронку от тяжёлой авиабомбы. Точнее — от нескольких авиабомб, старавшихся попасть вопреки поговорке в воронку от первой.

— Сколько бы ни рыться, — проворчал Глеб, сбрасывая пустой рюкзак на плотную поросшую травой обваловку. Чувствовалось, давненько никто не тревожил эти ямины шанцевым инструментом.

— И много тут экспедиций пропало? — как бы невзначай поинтересовался будущий землекоп, втайне рассчитывая смутить напарника своей осведомлённостью.

Расчёты не оправдались.

— Если не врут, то две...

— А причины?

— Я ж говорю: меня не было, — равнодушно отозвался самоуверенный юноша, высматривая что-то на дне и сверяясь отнюдь не с пергаментом, но с половинкой тетрадного листка.

— А всё-таки! — не отставал Аркадий.

— По записи выходит: там... — задумчиво молвил подельник, указав на самую глубокую выемку. — Ну что?.. Раньше сядешь — раньше выйдешь. Лезь...

Обречённому на заклание стало весело и жутко.

— А сам-то что ж? — подначил он.

— Мне нельзя, — коротко объяснил Глеб.

— А мне?

— Тебе — можно.

«Да он же просто суеверный! — осенило Залуженцева. — Ну правильно, на колдуна работает...»

Вот оно, оказывается, в чём дело! Действительно, человек с предрассудками, копнув разок на Дурман-бугре, может и от разрыва сердца помереть. Или помешаться. У Аркадия же критический склад ума... Да, но археологи-то, по слухам, тоже сгинули!

— Что случилось с первой экспедицией? — не сумев унять внезапную дрожь в голосе, спросил Залуженцев.

— Да разное говорят. Давно это было...

— Ещё при Советском Союзе?

— Конечно...

То есть все атеисты. Ощупанный страхом Аркадий заглянул в котлованчик. Обычно он любил шокировать знакомых дам пренебрежением к приметам, гаданиям и прочей чертовщине, например, не упускал случая публично пересечь след чёрной кошки, даже если ради этого приходилось слегка менять маршрут. Высказывания его также отличались по нашим временам безумной отвагой. Зябко молвить, астрологию отвергал! Впрочем, понимая, что таким образом легко заработать репутацию нигилиста и циника, Аркадий после каждой своей особо отчаянной выходки вовремя спохватывался и, воздев указательный палец, изрекал торопливо: «Нет, всё-таки что-то есть...» После чего производил перстом пару-тройку многозначительных колебаний.

Но это там, в городе.

«Я ни во что не верю... Я ни во что не верю...» — спускаясь бочком по местами оползающему, местами закременелому склону, мысленно твердил он.

Как заклинание.

Достигнув дна, обессилел, опёрся на будущее орудие труда. Потом взглянул вверх. Рослый Глеб стоял на травянистом бугорке, как грех над душой. «Убийца», — тоскливо подумал Аркадий и, решившись, вонзил лопату в грунт.

Что-то звякнуло.

— Есть!.. — хрипло выдохнул он, сам ещё не веря, что вот так, мгновенно, с первого штыка...

— Оно? — с надеждой спросил Залуженцев, выбираясь на обваловку и протягивая Глебу металлический развинчивающийся цилиндр, в каких обычно секретчики хранят печать воинской части.

Озадаченный работодатель принял находку, отряхнул от земли, с сомнением осмотрел. На древний клад железяка не походила нисколько. Вдобавок на боку у неё обнаружилось загадочное, но явно современное клеймо «Опромет».

Снова развернул полученную от колдуна запись и углубился в дебри всклокоченного почерка.

— Больше там в яме ничего не было?

Аркадий почувствовал себя виноватым.

— Ничего...

— А глубоко лежало?

— Нет, не очень... Да на поверхности почти!

Всё ещё не зная, как ему отнестись к такой добыче, Глеб взвесил цилиндр на ладони. Затем крякнул, убрал запись и извлёк взамен стодолларовую купюру.

Щёки Аркадия стыдливо потеплели. Почему-то это происходило каждый раз, когда ему выпадал случай принимать гонорар или даже зарплату. Проделанная работа немедленно показалась ему пустяковой, а пережитые страхи — смехотворными.

— Я м-могу ещё слазать... посмотреть... — в избытке чувств предложил он, пряча нажитое лёгким, хотя и праведным трудом. — Вдруг не то!

— Или не то... — процедил Глеб, — или наколол он меня, что клад на аршин в землю уйдёт...

О сладостное осознание превосходства! Аркадий приосанился.

— Ну а чего бы вы ожидали? — мягко, но свысока пристыдил он. — Какой-то, простите, колдун...

— Ничего себе «какой-то»! — оскорбился Глеб. — К нему вон роботов на консультацию носят... Во фишка будет, если и с головами наколол! — с кривоватой усмешкой заключил он. — И не проверишь ведь... Нычка-то уже вынута!

При упоминании о головах Аркадия метнуло в противоположную крайность: мигом вспомнилась вся глубина унижения, пережитого на дне котлованчика, — и горло перехватило от злости.

— А если бы я не вернулся? — скрипуче спросил он.

— А куда бы ты из ямы делся? — не понял Глеб.

И Аркадий сорвался вновь.

— Только не пытайтесь меня убедить, будто сами не верите, что Дурман-бугор заклят! — в тихом бешенстве заговорил он. — На тридцать три головы! Молодецких, самолучших... Мне об этом Андрон сказал!

— Всяко бывает... — уклончиво отозвался Глеб, явно прикидывая, развинтить цилиндр самому или пусть колдун развинчивает. — Может, и заклят... Это, знаешь, как с тремя законами роботехники...

— Да не можете вы в это не верить!.. — плачуще выкрикнул Аркадий. — Что ж вы меня, на всякий случай туда посылали?

— Ну а вдруг!

Залуженцев обомлел. С таким цинизмом ему ещё сталкиваться не приходилось ни разу.

— И вы... — пролепетал он. — Вы вот так, спокойно... могли...

Глеб с недоумением взглянул на невменяемого подельника — и сообразил наконец, о чём идёт речь.

— Слышь, ты! — изумлённо оборвал он. — Самолучший! Ты когда последний раз в зеркало смотрелся? Клады-то не от лохов, а от крутых заклинают! Тоже мне молодец выискался...

И пока Аркадий Залуженцев моргал, столбенея от новой обиды, Глеб Портнягин решительно развинтил цилиндр. Внутри оказалась вторая половинка листа, на которой печатными буквами было выведено одно-единственное слово: «Годен».

— Вот же падла старая! — с искренним восхищением выдохнул Глеб.

Снова сунул записку в цилиндр и, свинтив, непочтительно кинул его в просторный, как монгольфьер, рюкзак.

Пираты обоих полушарий

Не ложися на краю...

Колыбельная

Всю ночь снилась какая-то дрянь. Сначала Портнягин гонялся за кем-то с оружием в руках, потом, когда у него кончился боезапас, кто-то стал гоняться за ним и под утро прикончил самым унизительным образом, воткнув канцелярскую кнопку в позвоночник. Было не больно, но очень обидно. Портнягин лежал ничком у подножия дурацкого серо-зелёного баобаба, обездвиженный, с кнопкой в спине, знал, что убит, и задыхался от бессильной злости.

С этим чувством он и проснулся. Поёживаясь от неловкости, поднялся, убрал постель, накрыл узкий топчанчик позитивно заряженным байковым одеялом, если и похожим на тюремное, то лишь с виду. Запомнившийся клочками сон по-прежнему вызывал раздражение. Во-первых, не надо было спрыгивать с дерева. Сидел бы и сидел себе в листве. Во-вторых, дура-напарница. Чёрт её знает, откуда она такая взялась! Тётенька лет сорока в

© Евгений Лукин, 2005

ярком демаскирующем пончо, вдобавок унизанная гремучими цепочками, браслетами, кольцами. Мечта снайпера. В течение всего сновидения незнакомка путалась под ногами, бренчала, отсвечивала и заслоняла собой сектор обстрела. Если бы не она, хрен бы его загнали на баобаб!

Ощущая себя разбитым физически и духовно, ученик чародея выбрался из своего чуланчика и, убедившись, что старый колдун Ефрем Нехорошев ещё почивать изволят, побрёл к двери совмещённого санузла. Ну вот с чего бы такое могло присниться? В компьютерные бродилки-стрелялки Глеб не играл уже месяца два. Некогда было...

Почистил зубы — почисть чакры. Но для начала, как советует наставник, неплохо бы проверить себя на предмет порчи или сглаза. Портнягин взял со стеклянной полочки стакан, налил в него с горкой святой воды из графинчика, сосредоточился и чиркнул спичкой. Разумеется, от себя, ибо чиркать к себе — как говорят, великий грех, да и глаз выжечь можно. Вовремя перехватил спичку за спёкшуюся горячую головку, выждал, пока хвостик сгорит дотла, бросил в воду. Хрупкий древесноугольный червячок стал торчком, затем внезапно взял и утонул.

Так...

Портнягин нахмурился и, отставив стакан, затеплил тонкую церковную свечу. Слабое потрескивание фитилька свидетельствовало отнюдь не о качестве продукции, как подумал бы какой-нибудь отпетый материалист, но о локальном нарушении работы одной или нескольких чакр (сглаз). Тонкий шлейф копоти говорил о наличии посторонней программы (порча). И то, и другое прослеживалось, правда, в лёгкой форме, и тем не менее результат озадачивал. Вчера вечером всё было в порядке. Получалось, что Глеб нахватался отрицаловки во сне.

Надо будет с Ефремом потолковать... когда тот продерёт ясны очи. А пока — что ж — займёмся самолечением.

Как известно даже малым детям, энергетическую чистку надлежит проводить по нисходящей, начиная с верхней чакры. Портнягин поднял над макушкой горящую свечу и принялся совершать ею троекратные круговые движения по часовой стрелке. Треск и копоть не прекратились, и обряд пришлось повторить. Сверху и спереди это сделать легко. А вот чиститься со спины — всё равно что одному в бане мыться: и руки коротки, и некого попросить об одолжении. Того гляди лопатку прижжёшь...

Когда наконец ученик чародея добился духовной чистоты, то есть ровного горения фитилька, ощущение разбитости частично исчезло, однако усталость уходить всё ещё не желала. Тогда подхарчимся энергией. Портнягин сел на табуретку и, держа свечку перед собой, сделал первый вдох, представляя, как тепло и свет входят в самую серёдку его закапанной воском макушки. При выдохе прогонял волну вниз, к ногам.

Ну вот, уже гораздо лучше. Теперь главное — уберечь и сохранить достигнутое. Упражнение довольно простое: не вставая с табуретки, мысленно намечаем светящуюся точку над темечком и мысленно же запускаем её на манер орбитальной станции по спирали от головы до пят и обратно, постепенно убыстряя вращение, пока не получится непроницаемый кокон. Ефрем говорил, что со временем привыкаешь ставить такую защиту моментально, автоматом — при малейшем подозрительном шорохе в астрале.

Совмещённый санузел ученик колдуна покидал совершенно другим человеком. Как будто заново родился.

Ефрем ещё дрых без задних ног. Портнягин подошёл к самодельному стеллажу с эзотерической литературой, провёл пальцем по корешкам сонников. Наиболее соблазнительно выглядели два ископаемых фолианта с застёжками, но их-то Глеб как раз решил не трогать. Во-первых, там всё наверняка на древнерусском, а во-вторых, вряд ли нашим пращурам являлись во снах канцелярские кнопки. Поколебавшись, выбрал относительно новое издание и переместился с ним за стол. В списке статей «баобаба» не обнаружилось, и Портнягин решил попытать удачи со словом «дерево».

Ага, есть! «Дерево, основной частью которого следует считать ствол, является символом мужских половых органов». Нет, пожалуй, ствола у приснившегося баобаба, можно сказать, не было вообще — так, ветви одни, мощные, правда, развилистые. Ну-ка, дальше... «Если мужчина видит во сне какое-нибудь дерево, то это говорит об его интересе к гомосексуализму».

Портнягин выпрямился, стиснул зубы, потом медленно закрыл книгу и, взглянув на обложку, на всякий случай запомнил фамилию автора.

Справившись с неприязнью, открыл снова. «Мужчина, сидящий под деревом...» Фигня! «Если Вы сажаете дерево...» «Если Вы рубите дерево...» Тоже фигня... А! Вот! «Увидеть во сне экзотические деревья в ходе увлекательного путеше-

ствия — к тому, что все горести и печали быстро забудутся». Что ж, неплохо... «Если во сне Вы залезли на дерево, то Вас ожидает блестящая карьера». Ну, это мы и сами знаем... Так! Вот он, наш случай: «Если во сне Вы упали с дерева и сильно ударились, то, несмотря на все Ваши попытки, Вам не удастся довести до конца задуманное. Возможно, Вы потеряете работу».

А он сильно ударился? Помнится, удара не было вообще. Да и не упал он вовсе, а сам спрыгнул, поскользнулся просто... Посмотрим-ка «незнакомку».

«Встреча с незнакомцами может являться признаком как добра, так и зла. Всё зависит от того, какое впечатление на Вас производит внешность этих людей».

Портнягин пожал плечами. Внешность у нечаянной напарницы была не добрая, не злая, а самая что ни есть дурацкая. Да и поведение не лучше... Едем дальше. Убийство. «Если во сне Вас пытаются убить — будьте предельно осторожны на улице и бдительны за рулём...» Такое впечатление, что сонник составляли бывшие менты.

Та-ак... А что у нас с «канцелярской кнопкой»? Ого! Довольно много. «Видеть во сне канцелярскую кнопку предвещает разумное решение в спорном вопросе. Сесть на неё — в голову придёт оригинальная идея, осуществление которой может принести известность и достаток».

Вот и думай теперь...

— Доброе утро, Глебушка... Сновидения толкуешь?

Насмешливый голос наставника застал по обыкновению Глеба врасплох. Старый колдун Ефрем Нехорошев в шлёпанцах и в халате уже стоял посреди комнаты. Бодр, свеж, даже, кажется, умыт. Когда успел? И койка прибрана...

— Неужто единорог пригрезился? — вкрадчиво, с елейным благоговением осведомился старикан. — Белой масти небось?

— Да так, — хмуро отвечал Глеб, захлопывая книжку. — Фигня всякая...

Только-только учитель с учеником успели позавтракать, как послышался первый стук в дверь.

— Ранняя пташка, — заметил Ефрем. — Ну, встреть поди...

Глеб Портнягин вышёл в прихожую, открыл. На пороге стояла дама лет сорока, облачённая в яркое демаскирующее пончо. Мечта снайпера. При виде открывшего пришедшая отшатнулась с громким бренчанием, поскольку руки её, шея и, как вскоре выяснилось, лодыжки были сплошь унизаны брас-

летами, цепочками и кольцами. Пару мгновений оба, не веря глазам, смотрели друг на друга.

— Простите... — жалобно выговорила она, хлопая накладными ресницами. — Мы с вами раньше нигде?.. Откуда-то мне ваше лицо...

— Ваше мне... тоже... — растерянно отозвался он. — Откуда-то...

— Вы... не художник?..

— Н-нет...

— И-и... к театру никакого отношения?..

— Нет, — придя в себя, решительно сказал Портнягин. — Вы, наверно, к Ефрему Нехорошеву?

Обоих можно было понять: заикнёшься, что видел собеседника во сне, — тот, пожалуй, заподозрит тебя в попытке завязать с порога неуставные отношения.

Огласив комнатёнку дребезгом бронзовых висюлек, так и не оправившаяся от неожиданности гостья проследовала к предложенному ей креслу и, севши, почти полностью накрыла его обширным, как парашют, пончо.

— Я — Ирина Расстригина... — представилась она с лёгким недоумением, будто уже и в собственном имени усомнясь. — Завлит драмтеатра имени доктора Калигари... — Не выдержав, снова повернулась к Портнягину. — Нет, но... просто поразительно... Одно лицо!

— У кого? — мигом заинтересовался Ефрем.

— Да вот у вашего... м-м...

— Мой ученик, — веско изронил кудесник. — Глеб Портнягин. Неужто кто похожий нашёлся?

— Приснился... — вынуждена была расколоться она.

— Ишь, озорник! А подробнее?

— Мы... переехали... — то ли объяснила, то ли напомнила Ирина Расстригина. — И в первую ночь... такой сон странный...

— На новом месте приснись жених невесте? — со скабрёзной ухмылкой предположил старый циник.

Гостья вспыхнула.

— Во-первых, я замужем, — известила она свысока. — Если на то пошло, даже и не во-первых...

— А во-вторых?

— А во-вторых, не склонна к педофилии!

Ишь ты! А жальце-то у неё — востренькое. Хотя... В театре работает — там без этого не выживешь.

— Так, — сказал Ефрем, усмехнувшись в бородёнку. — Сон, говоришь, странный... А что странного-то? Нормальный сон в руку. Увидела молодого парня, пришла, а он тут как тут...

— Странного — много, — холодно возразила Ирина Расстригина, неприятно поражённая склонностью кудесника к простонародному юмору. — Утром позвонила Зине... нашей костюмерше... начала рассказывать... Она говорит: да что ты?!

— Так... — насупился колдун. — То же самое приснилось?

— Да!

— И тоже переезжала?

— Н-нет... Насколько я знаю, нет.

— Другие какие перемены...

— У Зины? Вообще-то копают под неё... в последнее время... Собственно, не под неё, а под главврежа, но это всё равно...

— Ну, копают — подо всех копают... А ещё что странного? Кроме Глеба, конечно...

— Во сне или наяву?

— Во сне, матушка, во сне...

— Жанр, — с брезгливой гримаской произнесла заведующая литературной частью. — Даже не детектив... Экшн. Причём самого вульгарного пошиба... Всю ночь беготня, стрельба... В руках у меня почему-то пистолет... или револьвер... Честно сказать, я не очень их различаю...

— Нет, ну разница-то есть, — мягко заметил старый чародей.

— Знаю, — сказала она. — Уже смотрела... Пистолет — знак несчастий, газовый, понятно, к слезам, револьвер — печальное расставание...

Кажется, ученик колдуна и завлит драмтеатра имени Калигари, не сговариваясь, пользовались одним и тем же сонником. Кстати, а из чего сам-то Глеб ночью палил? Из чего-то с прикладом... оскорбительно допотопного... вроде бы даже однозарядного... С «калашом» он бы их всех сделал!

Портнягин покосился на учителя и внезапно уразумел, что дело-то, кажется, нешуточное. Нехороший огонёк теплился в желтоватых глазёнках старого колдуна.

— Много народу поубивала?

— Да какой из меня стрелок!

— Наяву — никакой. А во сне — это ещё как посмотреть... Вспоминай давай!

— Кажется, никого... Мазала всё время...

— Как одета была?

— Как сейчас... — испуганно отозвалась мечта снайпера. Беседа всё более напоминала допрос с пристрастием.

— А он? — Ефрем, не глядя, кивнул на Портнягина.

— Чуть не прикончил! — не устояв, нажаловалась она. — Палил над самым ухом. Вообще вёл себя... — Ирина Расстригина смерила Глеба неприязненным взглядом, — ...не поджентльменски... Использовал как прикрытие!

— Ай-ай-ай... — машинально съязвил колдун. Морщинистое лицо его, однако, весельем не светилось. — И как? Помогло?

— В смысле?

— Ну... многих он положил? Из-за прикрытия...

— Понятия не имею! Не до того было...

— А подружка твоя?

— Какая подружка?

— Костюмерша...

— Ну, не то чтобы подружка... Её танком переехало.

— Бэтээром, — имел неосторожность вслух уточнить Глеб.

Брякнули украшения. Учитель и гостья смотрели на Портнягина с нездоровым любопытством.

— Женщинам танки снятся довольно редко, — вынужден был пояснить он и, видимо, не соврал. Вопреки общему мнению соврать не так-то просто. Для этого прежде всего надо знать правду, а многие ли её знают? Портнягин, например, не знал.

— Это верно... — подумав, согласился колдун и снова повернулся к сновидице. — Картина в целом ясная, — утешил он. — В театре у вас интрига на полном ходу... Так?

— Естественно! — с царственным достоинством подтвердила Ирина Расстригина.

— Зину твою, костюмершу, скорее всего уволят...

— За что?

— Ну, если броневичком переехало... Найдут, за что!

— А избежать... никак?

— Надо будет, сама придёт... Ты о себе, о себе, матушка, думай! Отстреливалась — хорошо. Ни разу не попала — плохо. А на Глебушку не серчай. Он ведь тебя, получается, защищал. Как мог, так и защищал...

— Но я пока не просила о защите!

— А куда ж ты, дурашка, денешься? — ласково сказал Ефрем. — Сон-то — вещий. Сама, чай, по адресу пришла...

* * *

Плотно закрыв входную дверь за гостьей из ночного кошмара, Портнягин вернулся в комнату, где был встречен неистовым взглядом наставника.

— Совсем обнаглели! — проскрежетал старый колдун Ефрем Нехорошев. Встал с табурета и заходил взад-вперёд, чего с ним до сей поры, кажется, ещё не случалось, как бы сильно он ни был выведен из себя.

— Кто обнаглел? — не понял Глеб.

— Да такие же, как ты, обормоты! — выписал учитель мимоходом чертей ни в чём не повинному воспитаннику. — Нахватаются вершков — и ну дурака валять! Сонтехники хреновы... — Остановился, уставился. — Про броневичок откуда узнал? И тебе то же самое приснилось?

— Ну да... Что? Вправду вещий сон?

— Вещий он там... — пробурчал кудесник, снова опускаясь на табурет. — Зловещий... Одно из двух, — малость успокоясь, заключил он. — Либо нюх потеряли... Ну, не знали просто, что ты — мой ученик... Либо отмёрзли вконец, никого уже в грош не ставят... Ох, дождутся они у меня, ох, допрыгаются!

— Да кто они-то?

Как и подобает истинному колдуну, ответил Ефрем не сразу. Сначала вымотал душу долгим сердитым молчанием, потом наконец соизволил снизойти.

— Человек спит, а мозг работает, — бросил он. — На кого?

— Как это на кого? — опешил Глеб. — Сам по себе...

Кудесник усмехнулся.

— Сам по себе, — с горечью повторил он. — Чисто дети малые! Используют черепушку вашу как хотят, а вам, лохам, и невдомёк! Сам по себе...

— Кто использует?

— Хакеры, — сказал как сплюнул Ефрем. — Пираты... Ну чего разморгался? В астрале, чтоб ты знал, хакерство ещё сильней, чем в Интернете твоём... Всю ночь на обоих ваших полушариях в игрушки играют, а вы думаете, что сны вам снятся!

— Кто играет? — недобро прищурясь, процедил Глеб Портнягин.

— Я ж говорю: недоучки всякие вроде тебя... В астрал по ночам хоть не выходи! Понапутают энергетических шнуров своих... от мозга к мозгу...

— А колдуны?

— Ну... ты колдунов-то с подколдовками не равняй! — одёрнул ученика Ефрем. — Колдуны — народ серьёзный. Только по крупному заказу спящим мозги ломают. Должника во сне припугнуть... или там сведения какие выудить...

— Погоди... А сонники?

— А сонники — сонниками... Приснилось — нехай толкуют! Пожар — к потопу, потоп — к пожару. Фрейду, например, в своё время за это дело большие деньги плочены были...

— Слышь, — ошеломлённо вымолвил Портнягин, присаживаясь на свободный табурет и пытаясь собраться с мыслями. — Это что ж выходит? Это выходит, они нас, гады, вчера в одну сеть замкнули?.. Меня, Ирину эту Расстригину, Зинку её... костюмершу... Троих?

— Да, наверно, поболе, чем троих. Обычно игроки мозгов пятнадцать вместе цепляют... Скажем, приснился тебе незнакомый город. А он из другой памяти выдернут! «Железо»-то у нас... — Старый колдун Ефрем Нехорошев выразительно постучал себя полусогнутым пальцем повыше виска. — ...не чета компьютеру — ёмкое. Вот только программы хреновенькие... — посетовал он.

— А уберечься как?

— Обыкновенно. Защиту поставить. Дело нехитрое... На порчу себя утром проверял?

— Проверял.

— И что?

— Чиститься пришлось...

— То есть ещё и вирусов астральных занесли, — крякнул Ефрем. — Ш-шалопаи!

По мере прояснения ситуации настроение Глеба стремительно улучшалось. Если виновные — его ровесники, разобраться с ними труда не составит.

— Выходит, ты Ирине этой лапшу на уши вешал? — с ухмылкой уличил он наставника.

— Это почему же? — вскинулся тот. — Что я не так сказал?

— Ну... что сон вещий...

— Конечно, вещий. Думаешь, кто теперь её умную голову по ночам охранять будет? Ты и будешь.

— А я умею?

— Научу. Какие твои годы!

Сон Ирины Расстригиной был глубок, но беспокоен. Оба полушария работали на всю катушку. Портнягин обошёл кру-

гом чудовищный баобаб, поглядел ввысь, хмыкнул. Согласно соннику, если женщине пригрезится хотя бы одно-единственное хиленькое деревцо, то, стало быть, она не удовлетворена сексуально.

А тут такой баобабище!

Впрочем, нет худа без добра. Зато из листвы хорошо отстреливаться...

В остальном местность представляла собой плоскую пустыню в стиле Дали с колоссальным, полым, полуразрушенным бюстом какого-то исторического лица на горизонте. Истолковать сей артефакт самостоятельно Портнягин бы не рискнул. Ещё неподалёку громоздился фанерный крашеный сундук, из-под крышки которого выглядывал красный обшлаг с золотыми пуговицами. Должно быть, клочок сна костюмерши Зины.

— Опаньки! — озадаченно вымолвили сзади.

Глеб обернулся и увидел двоих вооружённых молодых людей, одного из которых он, помнится, где-то уже встречал наяву.

— Так это вы, падлы, позавчера в моём сне шарились? — зловеще осведомился ученик чародея. — А если на Ворожейке встречу?

Те переглянулись.

— Ошибочка вышла, Глеб, — заискивающе сказал полузнакомый. — Подцепились не глядя, ну и...

— Второго раза не будет! — истово заверил другой.

— Не будет, — кивнул Портнягин. — И здесь тоже ничего не будет. Ни бродилок, ни стрелялок. Это нашего клиента сон.

— Какие дела? — с готовностью вскричал полузнакомый, округлив от искренности глаза. — Что ж мы, не понимаем? Раз сонтехника вызвали... Под охраной, так под охраной. Тем более Поликарпыча клиентура...

Несмотря на упоминание отчества старого колдуна, обоих явно страшила не столько астральная разборка с Ефремом Нехорошевым, сколько физическая с Глебом Портнягиным.

— Так мы пойдём... — как бы прося позволения, сказал один — и корсары мозговых извилин попятились, собираясь, судя по всему, сгинуть с глаз долой.

— А ну-ка тормозни! — последовал негромкий оклик.

Оба замерли.

— Канцелярскую кнопку — прощаю... — угрюмо оповестил Портнягин. Чувствовалось, однако, что продолжение ещё последует. Запала тишина. Глеб почесал вздёрнутую бровь — и вдруг махнул рукой. — А, ладно! — решился он. — Пока под охрану не взял... Может, сыграем разок?

Шутик

С кем ты мне изменяешь, память?

Великий Нгуен

Глеб Портнягин был свято убеждён в том, что свою ученическую тетрадку в приметной клетчатой обложке он бросил по обыкновению на край тумбочки. Теперь её там не наблюдалось.

Многие полагают, будто забывчивость — следствие скверной памяти. Они ошибаются. Забывчивость прежде всего проистекает из неуверенности в себе. Допустим, лезет человек за бумажником и обнаруживает в кармане пустоту.

«Куда же я его дел?» — холодеет один.

«Спёрли!» — мысленно ахает второй.

И даже если потом выяснится, что спёрли-то как раз у первого, а второй по рассеянности сунул кошелёк не туда, сути это нисколько не меняет. Нашёлся в другом кармане? Ну, значит, спёрли, а потом испугались и снова подбросили. Версия, понятно, со-

© Евгений Лукин, 2005

мнительная, но, когда речь заходит о собственной правоте, тут уж, согласитесь, не до правдоподобия.

Думаете, почему женщина отлично помнит то, о чём мужчина впервые слышит? Именно поэтому!

Так вот склеротиком себя Глеб никогда не считал. С младых ногтей, заметив пропажу какой-либо личной вещи, он брал ближних в оборот — и рано ли, поздно ли, но утраченное ему приносили. В крайнем случае — возмещали стоимость.

Сложность, однако, заключалась в том, что, кроме самого Глеба, в узкий, снабжённый бойницеобразным оконцем чуланчик, где он обитал на правах ученика, никто с утра не входил — во всяком случае, из материально оформленных сущностей. Волей-неволей пришлось выдвинуть ящичек, потом открыть дверцу тумбочки и, не найдя в её недрах искомого, испить чашу унижения до дна — заглянуть под топчан.

Под топчаном имелось всё что душе угодно, включая початый ящик водки, принятый позавчера на хранение у склонного к запоям наставника. Не было только тетрадки.

В задумчивости юноша покинул тесное своё обиталище и проследовал в комнатёнку, загромождённую древней мебелью и не менее древней утварью. Старый колдун Ефрем Нехорошев сидел у застеленного газеткой стола, одетый по-домашнему, и сооружал нечто напоминающее лорнет с закопченным стёклышком. Мастерил по заказу. Покосился из-под всклокоченной брови на вошедшего и снова сосредоточился на рукоделии.

— Ефрем, — сердито сказал Глеб. — Ты мою тетрадку брал?

Чародей восторженно хрюкнул. Вообще был смешлив.

— Брал, как же, брал! — с язвительной готовностью подхватил он. — Ошибки исправить... Вдруг запятая где не там стоит!

Срезал, что называется. Продолжать дознание не имело смысла. Даже если и вправду брал, попробуй уличи! Память способнейшего из учеников неизменно пасует перед памятью учителя уже в силу возможной выволочки.

Вторым внимание Глеба привлёк распластавшийся на мониторе серо-белый кот Калиостро. Дрых он там чуть ли не со вчерашнего вечера, что, впрочем, ни о чём ещё не говорило, поскольку алиби у кошек нет и быть не может — в связи с их способностью находиться одновременно в нескольких местах. Специальная литература полна историй о котах с двумя, а то и с тремя хозяевами. Проникнуть в запертое помещение для этих тварей тоже не проблема. Однако с лохматой серо-белой

бестией Глеб чуть ли не в первый день своего ученичества заключил пакт о ненападении. Допустим даже, что котяра, рискуя испортить отношения, уволок тетрадку из вредности, но ведь не дальше чуланчика! Сквозь дверь он бы её никак не протащил... А чуланчик Глеб только что обыскал.

Ладно, положим, материальные сущности отмазались. А что с нематериальными? Учёная хыка отваживается выходить из-под койки на долгую прогулку только в безлунные ночи при выключенном свете. Днём её вылазки редки, мгновенны и обязательно связаны с изгнанием нежеланного посетителя, дай ему Бог здоровья, если, конечно, получится. Однако с утра в дом кудесника никто самовольно не вламывался, а тетрадка лежала себе на тумбочке. Стало быть, и на хыку стрелки не переведёшь...

Оставался всего один подозреваемый.

Портнягин приблизился к яростно вращающемуся напольному вентилятору, лишённому шнура и мотора.

— Ефрем, — снова позвал учителя ученик. — А он всё время его крутит или как?

— Барабашка-то? — откликнулся тот, склонив над столом редеющие нечёсаные патлы. — Всё время... Никак сам себя, бедолага, не ухватит. Проворный...

— И с чего его так зациклило?

— А с чего вас перед игровыми автоматами циклит? — с ухмылкой отвечал колдун. — Вот и его с того же... Азарт, Глебушка, азарт! Вся разница: вам-то, слышь, то поспать надо, то поесть, то на работу сходить... А ему ж ничего такого не требуется. Энергетика... — Ефрем выпрямил хребеток, приставил собранный лорнет к правому глазу, посмотрел на дребезжащий подпрыгивающий ветряк и, судя по гримасе, остался доволен изделием. — Поди взгляни...

Глеб подошёл, взглянул. Обычно старикан запрещал ему баловаться приборами астрального видения: сам, дескать, духовное зрение развивай! Вообще держал в ежовых рукавицах... Но тут, конечно, случай был особый: своей работой — да не похвастаться?

Физический мир сквозь закопченное стёклышко был почти не виден. Зато явственно проступил астрал: в частности, увлечённый ловлей собственной пятки барабашка, заодно приводящий в движение лопасти вентилятора. Строго говоря, барабашки четвероруки, но так уж принято выражаться: за пятку, мол, себя ловит.

— Да, круто подсел пацан... — заметил Глеб, возвращая хитроумное, хотя и простенькое устройство. — А домовые к тебе не заглядывают?

— Гоняю я их... — с кислой миной промолвил Ефрем. — Зверушки ничего, забавные, но линяют. И ладно бы физически, а то ведь весь эфирный слой от них в пуху...

— Значит, забредают иногда, раз гоняешь?

— А что это ты вдруг про них?

— Тетрадка у меня пропала! — досадливо напомнил Глеб. — Вот думаю теперь, кто взял...

— А чего тут думать? — удивился колдун. — Если нечисть какая спрятала, вежливенько попроси вернуть. А не вернёт — матом обругай, они этого сильно не любят, особенно домовые...

С лёгкой руки репортёров, введённых в заблуждение недобросовестными свидетелями, принято считать барабашек городской разновидностью домового. Когда подобную нелепость повторяет обыватель, его трудно за это винить, но когда то же самое слышишь от человека, имеющего дерзость называть себя специалистом, право, досада берёт. Невозможно даже вообразить более далёкое от истины утверждение, однако оно уже становится расхожим.

Дальше, как говорится, ехать некуда!

И стоит ли удивляться уровню профессиональной подготовки, если рынок заполонили проходимцы и самоучки, овладевавшие азами ремесла по одноразовым (и, как правило, уже использованным!) учебникам магии, а то и вовсе по комиксам. Будучи прямым наследником заборной живописи, данный вид бумажной продукции, несмотря на отчаянную борьбу министерства просвещения с грамотностью, у нас до сих пор приживается неохотно. И слава Богу! Вся эта эзотерика в картинках и оккультные книжки-раскраски способны лишь ввести потребителя в заблуждение, поскольку астральная фауна представлена в них с вопиющими ошибками.

Между тем достаточно сравнить носопырку домового с дрыхальцем барабашки, чтобы уяснить, до какой степени несходно их строение. То же касается и остальных органалей. Далее. Барабашка — исключительно потустороннее существо, способное, правда, перемещать физические предметы. Домовой, напротив, одинаково хорошо чувствует себя по обе стороны незримой грани, отделяющей грубоматериальный мир от тонкоматериального. Обычно он является нам в виде обая-

тельного пушистого зверька, но может принять и облик морщинистого карлика в ношеной национальной одежде. И наконец, главное: домовые в отличие от барабашек владеют членораздельной речью.

Происходя от разных корней, принадлежа к заведомо нескрещивающимся видам (барабашки вообще почкуются), и те, и другие тем не менее делят один ареал и зачастую ведут себя очень похоже, что, видимо, и послужило причиной досадной путаницы.

— Шутик, шутик, поиграй и отдай! — вежливо попросил Глеб Портнягин, сильно подозревая, что без мата тут всё-таки не обойтись.

Потом вспомнил, что под приглядом ни барабашка, ни тем более домовой никогда ничего не возвратят, и отвернулся. Выждав с полминуты, украдкой покосился на тумбочку. Там, как и предполагалось, было по-прежнему пусто. Глеб набрал уже воздуху, собираясь приступить ко второму, решающему этапу убеждения, когда заметил вдруг торчащий из-под подушки клетчатый уголок тетради.

Ну то-то же...

Кто бы это, интересно, проказничал?

Созерцать потустороннее, не покидая при этом бренной своей оболочки, Портнягин ещё не умел, так что застукать незримого озорника можно было всего двумя способами. Первый: временно позаимствовать собранный Ефремом приборчик. Второй: возлечь, как полагается, на топчан, отрешиться, сосредоточиться — и выйти в астрал целиком. Посомневавшись, Глеб остановился на втором варианте, поскольку первый был чреват нешуточной разборкой.

Лёг на спину, изгнал мысли — и вскоре ощутил дрожь, сопровождаемую примерно тем же дребезжащим звуком, что издавал разгоняемый зациклившимся барабашкой напольный вентилятор, только гораздо громче, словно вертушку вставили прямиком в череп. Затем ученик чародея почувствовал, как тело его (астральное, разумеется) всплывает над топчаном. Предметы налились тусклым светом неопределённого оттенка, из стены справа вынырнула стайка полупрозрачных удлинённых клочков позитивной энергии и, торопливо пересёкши тесное помещение, сгинула в той стене, что слева. Продолговатики.

Внезапно Глеба с необоримой неспешностью развернуло и поставило торчмя, хотя сам он ничего подобного делать не

собирался. На секунду стало страшновато, однако вскоре Портнягин сообразил, что астральное тело просто-напросто выполняет установку, неосознанно данную хозяином перед вылазкой в тонкие миры. А установка была: выйти на виновного. Наконец невидимая сила уткнула Глеба лицом в простенок между углом и дверью. Всмотревшись, он различил контуры некрупного барабашки, припавшего к эфирной притолоке. Хватательный рефлекс в отличие от логического мышления в астрале не утрачивается — напротив, обостряется, и, прежде чем ученик колдуна успел оценить собственные действия, его пятерня, не дожидаясь приказа, сграбастала прозрачный загривочек твари, сопротивления, кстати, не оказавшей.

Поначалу Глебу почудилось, что барабашка — тот самый, из вентилятора. Хотя их ещё поди различи! Да и Ефрем недавно сказал, что если зациклился, то навсегда... Или опять пошутил?

Пройдя с неожиданной добычей прямо сквозь хлипкую гипсолитовую переборку, Портнягин вновь очутился в комнате, но учитель был там уже не один. Клиент пожаловал.

Старый колдун бросил неприязненный взгляд на физически незримого питомца, однако смолчал и знака удалиться не подал. Поэтому Глеб счёл себя вправе подождать конца визита, так сказать, инкогнито. Вентилятор трясся и дребезжал, как всегда.

— Ну, что тебе тут можно посоветовать... — неторопливо вещал Ефрем. — Лестница у тебя в особняке как закручена? По часовой стрелке или против?

Клиент был исполнен почтения.

— Если поднимаешься — против... — отвечал он как на духу.

— Вот! — Старый колдун многозначительно понял палец. — Потому-то у тебя с делами порядок, а дома нелады... Ты ж, Господи прости, в офис-то свой из особняка, получается, по часовой стрелке идёшь, а домой-то возвращаешься — наоборот! Вишь, незадача какая... — Ефрем задумался. Клиент смотрел на него с надеждой. — Слышь! — вскричал осенённый чародей. — А ты возьми и вторую лестницу пристрой! Чтобы, значит, и подыматься так же, как спускаешься, по часовой... Или накладно?

— Что вы, что вы! Какое «накладно»! Да я ради семьи...

— Вот и славно... Теперь паркет. — Колдун опечалился, помотал бородёнкой. — С паркетом — бяда-а...

— А что такое? — всполошился клиент.

— Ну как... Ежели, не дай Бог, хоронить кого, гроб-то положено вдоль половицы ставить! Иначе повымрут все! А как ты его на паркете вдоль половицы поставишь? Крути, не крути — всё поперёк получается!

— И как же тогда? А то линолеум, знаете... несолидно...

— Значит, обычай такой: купи новые тапки, отдай у церкви и, помянув усопшего, скажи: «Нам в разные стороны».

— Вслух?

— Можно и про себя...

Чужой барабашка понуро свисал из ухватистой пятерни Глеба без единой попытки вырваться и лишь иногда вяло поджимал четырёхпалые ручонки. Странно. Ефрем предупреждал: брыкучие, хрен удержишь... Может, больной? Как бы от него ещё инфекцию какую-нибудь астральную не подцепить...

Тем временем владелец особняка расплатился, откланялся и в задумчивости отбыл. Лестницу пристраивать пошёл. Или тапки покупать. Старый колдун с интересом повернулся к энергетической ипостаси ученика.

— Гляди-ка! — одобрительно заметил он. — И впрямь поймал... А чего это он у тебя квёлый такой?

— Да я вот тоже думаю: вдруг заразный... — озабоченно отозвался Глеб.

— Покажи-ка поближе...

Портнягин подплыл к Ефрему, предъявил задержанного.

— Не-е... — приглядевшись, успокоил наставник. — Зараза тут ни при чём. Это, видать, тяпнул его кто-то... Лапка-то, а? Ай-ай-ай-ай...

Действительно, задняя хватательная конечность потустороннего существа была заметно тоньше, прозрачнее других и вдобавок рахитично скрючена.

— И кто же это нас так тяпнул? — задумчиво продолжал Ефрем. — А-а... Понятно. На хыку нарвался, — сообщил он Глебу. — Может, даже и на нашу...

— А разве хыки негативку хавают? — усомнился ученик.

— С голодухи? Запросто!

— И что с ним теперь делать?

— Ну не наказывать же! — резонно молвил колдун. — И так вон досталось задохлику... Тетрадку небось из последних силёнок прятал... Сразу вернул или материть пришлось?

— Сразу.

— Ну вот видишь... Отпусти. Может, ещё оклемается...

• • •

Снова преодолев гипсолитовую перегородку, Глеб Портнягин, колеблясь в обоих смыслах этого слова, завис посреди чуланчика. Отпускать пойманных на месте преступления барабашек ему ещё не доводилось. Просто разжать кулак: ступай, дескать, на все шесть сторон? А ну как не захочет? Ну как останется и опять что-нибудь заныкает?

Однажды Ефрем в присутствии Глеба выхватил из воздуха нечто недоступное глазу и кинул ко всем чертям сквозь стену. Кстати, а вдруг не сквозь? Вдруг именно об стену? Точнее — об эфирный её эквивалент...

Живодёром Портнягин никогда не был. Пусть даже наставник уничтожил в тот раз нечто зловредное, но сейчас-то случай другой... В сомнении Глеб подплыл к внешней капитальной стене и, бережно просунув руку с барабашкой во двор, растопырил пальцы.

Ныне отпущаеши...

Физическое тело Портнягина лежало навзничь на топчанчике и, прикрыв веки, с блаженным идиотизмом улыбалось в потолок. Каждый раз после выхода в астрал, вновь одеваясь, как говорят староверы, в ризы кожаные, Глеб неизменно испытывал неловкость за свою бренную оболочку, хотя прикид у него, конечно, был — позавидуешь: рост, размер, покрой. Да и качество — дай Бог каждому!

И вот тем не менее...

Совсем уже собравшись вернуться в наш суетный мир, ученик чародея внезапно уловил лёгкое движение в изголовье топчанчика. Вернувшийся со двора барабашка пытался ослабевшей, но всё ещё шаловливой ручонкой запихнуть уголок тетради под подушку. Прятал.

Решительно облачась в грубую материю, Глеб покинул чуланчик.

— Ефрем! — хмуро молвил он, снова появляясь в комнате. — Может, подкормить его сначала? Пропадёт же...

— А что ж? — согласился покладистый чародей, снимая очки и кладя на стол чёрную книгу. — Подкорми...

— Как?

— А посади вон на плаху...

Оба посмотрели в угол, где стоял набрякший негативной энергетикой замшелый плоский пень, на котором, согласно легенде, простился когда-то с жизнью известный Рафля.

— В самый раз для барабашки, — заверил Ефрем. — Заодно угланчиками подхарчится... Вон их сколько! Роем ходят...

Действительно, даже не навострившийся ещё глаз ученика и то различал слабое поползновение стеклистых пузырьков над трухлявым древесным обрубком.

— Это с тех пор отрицаловка не выдохлась? — недоверчиво хмыкнул Глеб.

— Подновляем помаленьку... — не стал запираться колдун. — Да и начальный заряд сильный был... Мало что казнили, ещё и надсмеялись! Рафле-то, слышь, стрелецкий полковник предложил: выбирай, мол, сам, что тебе отрубить...

— А он?

— Отрубите меня, говорит, ваша милость, всего сразу.

— Ловко! — восхитился Глеб.

— Чего ловко-то? — насупился колдун. — Всё равно четвертовали... Ироды! Ну давай тащи сюда инвалида своего...

В отличие от тамтама туттут требует длительного нагрева — и всё равно звучит глуховато. Плотно задрапировав застеклённую бойницу байковым одеялом, Портнягин расположился на коврике в позе астраханского лотоса, зажёг свечи, спиртовку и, сунув руку под топчан, не обнаружил там инструмента.

— Шутик, шутик, поиграй и отдай! — процедил он, нечеловеческим усилием воли смирив соблазн сразу же прибегнуть к матерному ритуалу.

Выждав, взял одну из свечей, посветил под дощатое ложе. Нету.

Встал, включил лампочку. Туттут преспокойно лежал на топчане. И Глеб Портнягин заматерился всуе.

Дверь чуланчика приоткрылась.

— Воюешь? — насмешливо полюбопытствовал старый чародей, окидывая зорким оком спиртовку, свечи, туттут, задрапированное оконце, магические знаки на полу, меловой круг и лежащую посередине финку с наборной рукоятью.

— А чё она! — в остервенении проговорил Портнягин.

— Она? — опешил колдун. — Барабашка? Они ж бесполые!

— Его счастье! — проскрежетал доведённый, видать, до белого каления ученик. — Оторвать нечего, а то бы...

— Опять спрятал что-нибудь?

— Всю медитацию мне сломал! — Глеб задул свечи, погасил спиртовку, сорвал одеяло с окна. — Весь расслабон...

— А чего ты хотел-то? Финку, что ли, на остриё поднять?

— Ну!

— Так вроде уже...

Портнягин обернулся. Холодное оружие стояло отвесно в центре мелового круга — и даже не покачивалось.

— Брысь! — рявкнул Глеб.

Финка упала со стуком.

— Вот ведь дёрнуло меня... — Гневно отфыркиваясь, ученик чародея швырнул одеяло на топчан. — Пожалел дистрофика... Нет, но за неделю так обнаглеть, а? Подыхал ведь... А теперь, глянь, отъелся на наших угланчиках — щёки из-за спины видать!

— Щёки? — прыснул колдун. — Откуда?.. Не щёки это, Глебушка, это у них ощущалки такие. Два пузыря, как у лягушки: надует — и всё ими чувствует. Да-а, братец ты мой, — с удовольствием продолжал он. — Прикормил калачом — не отбить кирпичом. Так-то вот... Ну да не кручинься. Шутик твой вроде из перелётных. До октября пошкодит, а там и на юг махнёт... в горячие точки...

— До октября?! — ужаснулся Портнягин. — Да я его в святой воде утоплю до октября! Своими руками!.. — Устыдился, поднял с пола нож, положил на тумбочку. — Может, отнести подальше в астрал да оставить? — понизив голос, озабоченно предложил он.

— Попробуй, — одобрил колдун.

Бородёнка у Ефрема Нехорошева произрастала реденько, поэтому спрятать в ней ухмылку было крайне затруднительно.

Неизвестно, привёл ли Глеб свою угрозу в исполнение, но, судя по его день ото дня мрачнеющей физиономии, привёл и не однажды — разумеется, каждый раз при возвращении обнаруживая в чуланчике всё того же Шутика, успевшего вернуться раньше.

Старый колдун Ефрем Нехорошев (сам забавник не хуже барабашки) с наслаждением истинного ценителя наблюдал за развитием непростых отношений воспитанника и приёмыша. Его-то вся эта история, можно сказать, не коснулась. Учёная хыка быстро поняла, что Шутик свой, однако тот, умудрённый горьким опытом, в комнату кудесника по-прежнему даже и

дрыхальца сунуть не смел, предпочитая бедокурить в тесных пределах Глебовых владений.

Так продолжалось около недели. А потом что-то вдруг изменилось. Старый колдун почуял это сразу. Портнягин уже никого не сулил утопить в святой воде, да и сдавленного мата за гипсолитовой переборкой больше не слышалось.

— Помирились, что ли?

— А чего ссориться? — невозмутимо отвечал Глеб. — Нормальная зверушка...

— Не прячет больше ничего?

— Ну так возвращает же...

Наставник мудро ограничился кивком. И правильно сделал. Загадочной молчаливости Глеба хватило ненадолго.

— Знаешь, Ефрем... — признался он ни с того ни с сего. — А память-то у меня, оказывается, хреновенькая была...

Признание прозвучало неожиданно, поскольку самокритичностью Портнягин не отличался никогда.

— Ну-ка, ну-ка... — с живым интересом поворачиваясь к ученику, подбодрил колдун.

— Достал он меня, — честно сознался Глеб. — Аж зажлобило! Дай, думаю, и я над ним приколюсь. Говорю: «Шутик, Шутик, поиграй и отдай...» А всё на месте, ничего не пропадало, прикинь...

— Та-ак... И что?

— Поворачиваюсь, смотрю: лежит на тумбочке сотик — месяц назад на проспекте спёрли... Я опять: «Шутик, Шутик, поиграй и отдай!» Приносит цепочку — мне её однажды на Чумахлинке друганы утопить помогли. И началось... Вот не поверишь: что пацаном посеял — всё нашлось. Прямо в чуланчике!

— Я гляжу, богатый ты был пацан, — заметил наставник, кивнув на украсившие запястье Глеба дорогие наручные часы. — Неужто бабушка подарила?

Портнягин замялся.

— Вот насчёт «Ролекса»... — удручённо молвил он. — Насчёт «Ролекса», Ефрем, чепуха какая-то получается... Ну не было его у меня, не помню! Может, кто другой потерял?..

Ответное чувство

Любимая! Меня вы не любили.

Сергей Есенин

— Значит, жизненные, говоришь, неурядицы, — скроив то ли сочувственную, то ли скептическую гримасу, молвил старый колдун Ефрем Нехорошев. — А у кого их, мил человек, нету?

— Но не до такой же степени! — возрыдал клиент. — Погубит она меня, живьём съест! Уже, можно сказать, погубила...

В глазах его стоял ужас. Во весь рост.

Ученик чародея Глеб Портнягин (он сидел за столом и мастерил куколку из воска) прервал на миг творческий процесс и окинул гостя оценивающим взглядом искоса. Опять страдалец. Явно жертвенная натура. В каждом движении — мольба, надлом, немой упрёк. Вдобавок внешность самая смехотворная: крысиная мордочка, стёсанный подбородочек, усики щетинкой. Такого — да чтоб не погубить?

© Евгений Лукин, 2005

Глеб усмехнулся и, взглянув на календарик, решительно изваял и прилепил к восковому тулову детородный орган. Как известно, для изготовления мужских фигурок наиболее благоприятные дни — понедельник и четверг, для женских — среда и пятница. Пару дней назад к Ефрему Нехорошеву обратилась за помощью молодая супружеская пара, причём порознь, не сговариваясь, и каждый умолял, чтобы дражайшая половина как-нибудь случайно не пронюхала об этом его (её) визите. Причина обычная: блудливы были оба, как Соломон, и ревнивы, как Иегова.

Ефрем посоветовал самое простое: вшить в трусы партнёра волосок (можно даже без заговора), ну и, понятное дело, помочиться через обручальное кольцо. Ни то, ни другое не сработало. Прибегнуть же к такому сильному средству, как «завязка», молодожёны не рискнули, честно предупреждённые о том, что данный вид порчи в большинстве случаев ведёт к импотенции у мужчин и фригидности у женщин.

Оставалось одно: изготовить так называемый вольт.

Ни муж, ни жена художественными способностями не обладали, поэтому лепкой пришлось заняться Глебу. Поскольку выпала эта радость на понедельник, куколку он, естественно, ваял мужскую. Потом обманутой супруге предстояло впечатать в воск обрезки ногтей и волос любимого человека, окунуть фигурку в воду с капелькой собственной крови, наречь при зажжённых свечах именем изменника, завернуть заготовку в тёмную натуральную ткань — и, выждав сутки, завязать на восковых гениталиях свой волосок со словами: «Со мною стой, а с чужой лежмя лежи!»

Что касается куколок женского пола, то, как с ними поступать в таких случаях, Портнягин не представлял, но надеялся услышать об этом послезавтра, когда Ефрем будет с пояснениями вручать молодому рогоносцу восковое изделие номер два.

А пока он трудился праксителем (почему-то Глеб был уверен, что это не имя, а профессия), старый колдун неспешно разбирался с очередным клиентом.

— И как же это она тебя, Митрич, погубила? — без особого интереса выспрашивал он.

— Известно как, — с тоской отвечал крысоподобный Митрич. — Разорила вчистую, вот-вот квартиру отберёт...

— Стерва... — одобрительно заметил колдун.

— Не то слово! — округляя глаза, шёпотом подхватил клиент.

— Другую себе найти не пробовал?

Бедняга вздрогнул и, ощерившись по-суслячьи, оглянулся на распахнутую в прихожую дверь. Сильно, видать, был замордован совместной жизнью.

— Да вы что? — испуганно сказал он. — Тут же перед людьми опозорит! А то и посадит... Были уже случаи, были!

— А-а... — сообразил кудесник. — Так ты у неё, выходит, ещё и не первый?

Митрич уставился, заморгал.

— Н-ну... д-да... А как же! Конечно...

Колдун покряхтел, поскрёб ногтями впалый старческий висок, покосился на ученика.

— Чует моё сердце, Глебушка, — с прискорбием известил он, — лепить тебе третью куколку... — Снова повернулся к страдальцу. — Сам-то её любишь? Или одна только злоба осталась?

На крысиной мордочке отразилось отчаяние. Плечи просителя бессильно опали.

— В том-то и дело, что люблю, — со слезой признался он. — До сих пор. Несмотря ни на что... Я ж её, суку, защищал! Умереть был за неё готов! Да и сейчас тоже... Всю жизнь ей отдал!

— Даже так? — мрачнея, пробормотал Ефрем.

— Не знает уже, как меня ещё унизить, — взахлёб продолжал жаловаться Митрич. — Снюхалась с какими-то... прости Господи, мерзавцами... жуликами, карьеристами...

— Стало быть, выгоду имеет, — вздохнул колдун.

— Да нет там никакой выгоды! — взвыл клиент. — Обирают они её, дурёху, обирают! А случись что-нибудь, не дай Бог, за грош ведь продадут! За медный грошик... Но даже не в этом дело! Всё бы простил! Равнодушие меня убивает, равнодушие её...

— Короче! — прервал колдун начинающуюся истерику. — Что надо? Приворожить?

— Да! — истово выдохнул несчастный, уставив на Ефрема исполненные надежды глаза. — Неужели получится?

— Ну а почему ж нет? — невозмутимо отозвался старый чародей. — Фотографию принёс?

— Вот... — На Божий свет из внутреннего кармана явился незапечатанный конверт.

— А зовут как?

Почему-то этот вполне естественный вопрос привёл Митрича в замешательство.

— Т-то есть... что значит...

— Ну, кого присушивать будем?

— А я разве не сказал?

— Нет. С самого начала твердишь: она, она... А кто она?

— Родина... — с запинкой выговорил тот.

Колдун поморщился.

— Фамилия мне не нужна. Имя давай.

Клиент растерялся окончательно.

— Ну так... Какое тут имя? Отчизна...

Несколько мгновений старый чародей недоверчиво смотрел на сконфуженного часто помаргивающего гостя. Потом молча забрал у него конверт, извлёк фотографию. Снимок был, несомненно, взят из Интернета, распечатан на принтере, а сделан со спутника.

— Так... — приходя в себя, проговорил Ефрем Нехорошев. — По лестнице сам спустишься или Глеба попросить, чтоб помог?

По лестнице клиент предпочёл спуститься сам.

— По-моему, псих, — искренне поделился Глеб. — Во даёт! Отчизну ему приворожи...

Колдун был хмур и задумчив. Не стоило, конечно, вот так напрямую выдворять клиента — примета плохая.

— Мало ли извращенцев... — проворчал он. — Есенина взять. Тоже ведь: «Я люблю Родину! Я очень люблю Родину...» Хотя этот-то на всё кидался: что шевелится, что не шевелится. Дерева стоячего не пропускал. «Так и хочется к сердцу прижать обнажённые груди берёз...»

— Ну... к сердцу же... — вступился за любимого поэта отбывавший срок Портнягин.

— А дальше-то? — огрызнулся колдун. — «Так и хочется руки сомкнуть над древесными бёдрами ив...» Это уж не к сердцу, это к чему другому. Ежели по науке: дендрофил, выходит...

Раз и навсегда нацепив личину полуграмотной запойной деревенщины, Ефрем Нехорошев тем не менее подчас забывался и заставал собеседника врасплох неслыханным заморским словцом. А Глебу, между прочим, за малейшую иностранщину чертей выписывал.

— Слышь... — решился он наконец. — Ты этого болезного поди всё-таки верни. Куколку потом долепишь. А то нехорошо выгонять-то...

Портнягин выглянул в окно. Узкая понурая спина обманутого Родиной клиента обнаружилась почти у самой арки. Ученик чародея легко вскочил на хлипкий подоконник и, отворив форточку, гаркнул.

— Идёт, — сообщил он пару секунд спустя, с той же лёгкостью спрыгивая на пол.

Можно было, конечно, сколдовать «зазыв», то есть упереться раскинутыми руками в косяки входной двери и пробормотать простенький приманивающий заговор, но, во-первых, срабатывает это не сразу, во-вторых, далеко не всегда получается.

— А что? — с весёлым вызовом сказал юноша. — Возьми да приворожи! Глядишь, Президентом станет...

— Нашим? — язвительно переспросил ядовитый старикашка. — Не уверен. Шут его знает, что у него там за страна сфотографирована и откуда он родом вообще! Больно морда не здешняя. Присушишь к нему ненароком какой-нибудь Израиль... или Татарстан... Отвечай потом... на международном уровне!

— А! Так, значит, присушить всё-таки можно?

— Ох, не ведаю, Глебушка, не пробовал. Политики не люблю. С ней ведь, с политикой, только свяжись... не развяжешься...

— Да-а... — покручивая головой, протянул Портнягин. — А я, главное, слушаю — удивляюсь: где это он такую бабу позорную откопал? А он — вон чего...

В прихожей нежно заныла с опаской приотворяемая входная дверь, и слегка задыхающийся голос вернувшегося Митрича (лестницу он, надо полагать, одолевал бегом) спросил не без робости:

— Можно?

— Проходи, садись... — насупив кудлатые брови, отрывисто велел колдун. И, выждав, пока патриот-рогоносец примет в облезлом гостевом кресле исполненную почтения позу, прямо приступил к делу: — Может, не будем державу трогать, а? Тебе чего по жизни-то надо? Деньжонок там, льготишку какую-никакую... чтобы квартиру за долги не отобрали... Что ещё?

— Н-ничего...

Чародей бросил сердитый взгляд на откровенно скалящегося Глеба — и тот счёл за лучшее снова убраться за стол, где взял уже готовую куколку и, осмотрев для виду, решил, что и так сойдёт.

— Ну давай я тебе амулетишко на удачу вырежу, — чуть ли не заискивающе предложил гостю Ефрем.

Тот усомнился, отупел лицом.

— Э-э... талисман?

— Нет. Талисман — это так, пустышка. Носишь его при себе и веришь, будто помогает. А вот амулет — это, брат, штука серьёзная, умственная... Его ещё не всякий мастер изготовит. Амулет тебе и удары судьбы смягчит, и от злых людей убережёт...

Митрич колебался. Глядя со стороны, можно было подумать, что ему предлагают уступить право первородства за чечевичную похлёбку. Затем крысиное личико отвердело, преобразилось, стало едва ли не вдохновенным. С такими лицами восходят на эшафот. Во имя идеи.

— Нет! — выдохнул он, преодолев соблазн до конца. — Дело принципа, понимаете? Тут же не в личной удаче вопрос... Это моя держава! Я её люблю! Бескорыстно, учтите! Но почему безответно? Должна же быть какая-то справедливость...

Ефрем Нехорошев зарычал, вскочил с табурета и, запахнув халат, заходил из угла в угол, провожаемый боязливым взглядом клиента.

— Эх!.. — с досадой вскричал колдун, резко поворачиваясь к креслу. — Голова твоя два уха! Любит он бескорыстно! Потому вы так, дурики, и зовётесь: лю-би-те-ли! Ты в котором веке живёшь? В двадцатом или в двадцать первом? Сейчас век профессионалов! Во всём! От веры до патриотизма... Знаешь хоть, чем профессионал от дилетанта отличается? Нет? Да тем, что ничего бесплатно не делает! Уразумел?..

Митрич пришибленно молчал и только вжимался спиной в засаленную обивку кресла, почему-то подбирая при этом ноги. Старый колдун Ефрем Нехорошев во гневе был страшен.

— Тебе сколько лет? — гремел он. — Молчи! Сам вижу, что сорок два! Так если ты сорок два года за Родиной ухаживал, а уломать не смог, какая тебе тут присушка поможет?..

— Н-ну... с женщинами-то... говорят, помогает... — отважился перетрусивший до дрожи проситель.

— Сравнил! С женщинами!.. — Чародей приостановился, поостыл. — Да по правде сказать, и с женщинами раз на раз не приходится... — удручённо признался он. — Ты пойми: с помощью приворота настоящей большой любви не добьёшься. Ну, вызовешь половое влечение, ну... Брось ты это дело, Митрич! Давай амулет вырежу, а? Удача улыбнётся, денежки водиться будут...

— Нет, — поёжившись, выговорил упрямец.

— Ну ты ж смотри! — всплеснул обтёрханными рукавами Ефрем. — И откуда вас таких упёртых берут? Так и тянет под статью, так и тянет... Это ж чёрные технологии — то, что ты хочешь! — Сел на табурет, перевёл дух, подумал. — Так, короче, — угрюмо приговорил он. — Фотографий ты мне не показывал, имён не называл. Называл он какие-нибудь имена? — повернулся колдун к ученику.

Глеб Портнягин молча помотал головой.

— И вообще мы с тобой не встречались, — осипшим голосом подытожил Ефрем. — Не был ты у меня и даже не знаешь, в какую здесь сторону дверь открывается...

— Почему? — не понял Митрич.

— Потому что молва пойдёт! Поди разбери, что с тобой после этого приворота стрясётся... Хорошо, если не сработает! А ну как в откат сыграет — что тогда? А? Тогда, мил человек, всё колдовство на твою же задницу и воротится! А кто присоветовал? Ефрем Нехорошев присоветовал... Короче, я тебя предупредил, а дальше живи как знаешь. Заговор на присушку — дам. Про ритуал — расскажу. А уж как ты там из воска будешь страну лепить и на каком ей месте волос навязывать — дело твоё!

О том, что Митрича отдали под суд, Ефрем и Глеб узнали из газет неделю спустя. Само по себе уклонение от коммунальных платежей, пусть даже и злостное, вряд ли привлекло бы внимание прессы, но, оказывая сопротивление властям, выселяемый, как сообщалось в заметке, укусил пристава — и, видно, хорошо укусил, раз того пришлось госпитализировать.

— Доигрался хрен с бритвой... — угрюмо прокомментировал прочитанное старый чародей. — Допривораживался...

— Может, совпадение? — усомнился ученик. — Его ж так и так выселять собирались...

— Совпадений не бывает, — буркнул колдун.

Расположение духа у обоих было подавленное. Вроде бы и винить себя не за что, а всё равно скверная история. Скверная. Да и погодишка за окном собиралась под стать настроению: серенькая, слякотная. Впрочем, согласно симпатической магии, вполне могло случиться и так, что настроение передалось погоде.

— Что-то я никак не въеду, — с недоумением сказал Глеб. — Почему под суд? Откат, что ли, вышел?

— Хорошо, коль откат... — недобро усмехнулся колдун.

— А что ещё? — опешил ученик.

Ответить Ефрем не успел. Энергетика в помещении дрогнула, помутилась, затем некто бесноватый рванул входную дверь — и в тесную захламлённую комнатку, всхлипывая, ворвалась особа юных лет. Присмотревшись, учитель и ученик узнали в ней прекрасную половину той самой супружеской четы, для которой Глеб неделю назад слепил на предмет приворота пару восковых куколок.

Видимо, ворвавшейся стоило больших трудов не разрыдаться раньше времени, не расплескать отчаяние зря. Едва добежала. Упала в кресло и дала наконец волю слезам, благо водостойкая косметика позволяла такую роскошь.

— И кто же это нас так обидел? — полюбопытствовал старый колдун.

Портнягин прикинул, какое примерно время потребуется Ефрему для приведения гостьи в чувство, и ушёл на кухню мыть посуду. Расчёт оказался верным. К его возвращению слёзы успели иссякнуть — и потерпевшая взахлёб рассказывала об очередной проделке своего, как она выражалась, урода комнатного, накрытого ею в момент измены орального характера.

— Значит, что-то ты, матушка, с обрядом напутала, — сокрушённо молвил Ефрем. — Ну-ка, давай по порядку... Крови в воду капнула?

— Да-а...

— Имя на груди куколки ножом чертила?

— Да-а... Во-от...

В доказательство из сумочки был выхвачен и развёрнут кусок тёмной натуральной ткани. Действительно, торс восковой фигурки украшала глубоко вырезанная надпись: «Гарик».

— А свечей сколько зажгла?

— Пя-ать...

Колдун задумался.

— А повтори-ка, что говорила, когда волос завязывала!

Гостья наморщила лобик и слегка гнусавым от слёз голоском сбивчиво произнесла магическую фразу.

— Дурында ты, прости Господи, — отечески ласково упрекнул её Ефрем. — Язык у тебя, что ли, с подбоем? Чётко надо слова выговаривать. «Лежмя лежи», а не «лижмя лижи». Колданула, называется, на свою голову!

После этих роковых слов молодая особа сама обратилась в подобие восковой фигуры.

— Ой, а как же теперь... — пролепетала она.

— Переколдовывать будем, — развёл руками старый чародей.

Обговорив условия, гостью отпустили восвояси. Свёрточек из тёмной натуральной ткани отправился в нижний выдвижной ящик комода. Глеб поставил на спиртовку жестяную миску, бросил в неё три свечи — материал для новой куколки — и повернулся к Ефрему.

— Ну ясно, — всё понял он. — Тоже, наверно, оговорился... когда привораживал.

Старый колдун пронзительно взглянул на ученика из-под косматой брови.

— Ты про Митрича?

— Ну да...

— Складно у тебя выходит, — жёлчно позавидовал Ефрем. — Не откат, так оговорка... Нет, Глебушка! С Митричем сложнее. Хотя, с другой стороны, может, и проще. Думается мне: за что боролся, на то и напоролся. Я ж его предупреждал, я ж ему говорил: приворотом любви не добьёшься. А добьёшься только полового влечения...

— Ну!

— Ну вот и поимела...

— Так она ж женского рода!

— А это смотря какие он слова в заговоре употребил, — тонко заметил старикан. — Родина-то, по Фрейду, вагинальная символика, а Отечество-то — фаллическая...

Проклятьем заклеймённый

Тени убитых являются,
Целая рать — не сочтёшь.

Николай Некрасов

Лето кончалось великой сушью. Пойма Чумахлинки жаждуще глядела в безоблачное небо глубоко запавшими озерцами. По обмелевшему ерику шлёпала днищем допотопная «казанка», толкаемая столь же допотопным подвесным «вихрем». В отличие от какого-нибудь там, скажем, сияющего белизной гидроцикла обшарпанная дюралька цвета тины вполне естественно вписывалась в окружающую природу и казалась близкой роднёй серому от пыли татарнику и мохноногим ивам. Мохноногость их была отнюдь не видовым отличием, а скорее плодом излишней доверчивости: во время разлива стволы оказались целиком под водой и на радостях выбросили путаницу нитевидных корешков — теперь высохшую и омертвевшую.

Местные дачники сваливали в протоку что попало: от проржавевшей

© Евгений Лукин, 2005

сетки-рабицы до битого кирпича и стеклотары. Обитающий в двигателе моторыжка (нечисть бывалая, многое повидавшая) поначалу сильно беспокоился за вертикальный вал. В то время как во всём цивилизованном мире эта деталь традиционно представляет собой стержень круглого сечения, в «вихре» она, по строгим законам безумия, склёпана из двух стальных полос. Скрутить её в сверло, ударив гребным винтом о неровности дна, — раз плюнуть. Будь на месте моторыжки заморский гремлин, он давно бы уже принял меры, учинив тревожный стук изнутри или что-нибудь ещё в том же духе. Однако в «вихре» никакой гремлин не выживет. Судите сами: непомерно огромный выхлопной патрубок свисает неприличнейшим образом, вода в редуктор проникает с лёгкостью, при откидывании мотора топливо вечно проливается в поддон. А перегрев поршней, а пригорание колец, а неразъёмная тяга реверса...

Но даже если бы выжил! Местного жителя на голый стук в моторе не возьмёшь. Обложит мультиэтажно — пожалуй, не зарадуешься. Мат, он ведь на любой энергетике отзывается крайне болезненно, даже на привычных к загибам моторыжках. Что уж там говорить об изнеженных продвинутыми технологиями гремлинах!

Впрочем, вскоре чумазая лопоухая нечисть ощутила с удивлением, что ей кто-то помогает. Некая сила вовремя налегала на румпель, облегчая поворот, сгоняла избыточное тепло с толстостенных чугунных цилиндров. Хозяин — вне подозрений. Значит, пассажир.

Так оно и было. Ученик старого колдуна Ефрема Нехорошева Глеб Портнягин сам чувствовал, что путешествие может прерваться в любую секунду, и в меру своих пока ещё скромных возможностей всячески старался этого избежать.

— Значит, думаешь, прокляли вас? — расспрашивал он между делом владельца лодки — худющего, сизого от загара парня, вся одежда которого состояла из закатанных до колен камуфлированных штанов и лыжной шапочки.

— Ну! — отозвался тот, блеснув зубом из жёлтого металла. — В позапрошлом году Пашок дядь Славу спалил — ну а тот, видать, обиделся... Взял и проклял.

— Как?

— Как ещё проклинают? Обыкновенно. Вернулся весной с города, гля-а: от дома головешки одни...

— Он что, ваш дядя Слава, в городе зимует?

— Городской... Укроп Помидорыч... Дядь Сёмин дом у наследников за полсотни баксов купил — под дачу. Ну вот... Перезимовал, приехал, гля-а: а там зола одна... Мы тоже собрались: вся деревня, все пятеро. Баб Маня, баб Варя, дед Никодим, мы с Пашком. Смотрим, как горевать будет...

— И Пашок с вами?

— Йех! А как же! Зря поджигал, что ли?

— Поджигал-то зачем?

Юное испитое лицо приняло несколько озадаченное выражение.

— Ну... — промолвил в затруднении кормчий. — Зима же... тоска, тоси-боси...

Внезапно дюральку занесло и неумолимо повлекло кормой на рукотворный риф, придурковато скалящийся обломками силикатного кирпича. Лишь совместными усилиями рулевого, пассажира и моторыжки удара удалось избежать. Странно. Течения практически нет, нечисть в ериках обычно тихая, незадиристая. Хотя всяко бывает. Выплеснул кто-нибудь из местных в протоку пару вёдер барды — вот и закуролесил водяной дедушка, лодки ворочать принялся...

— Как же он вас проклинал? — вернулся к начатому разговору Глеб.

— Как-как! Запросто... Как! Зачерпнул золы и сдул с ладошки на все четыре стороны...

— Говорил при этом что-нибудь?

— Не-е... Повернулся да пошёл. Больше мы его здесь не видели. Может, где в другой деревне дом купил...

— А какой он из себя?

— Лысый, бородатый... На Льва Толстого похож.

Портнягин задумался. В какой-то степени все пожилые колдуны похожи на классиков с бородами. Не на Льва Толстого — так на Некрасова... Колдун дядя Слава. Живёт в городе. Кто бы это мог быть?

— Так. Проклял. И что?

— Ну и началось... Месяца не прошло — Пашок на мотоцикле в столб вмазался, ногу размозжил...

— Выжил хоть?

— Выжил... Ногу только выше колена оттяпали. Ничего. Научился с одной ногой на мотоцикле гонять... И что ж ты думаешь? На следующий год опять в столб вмазался! Вторую оттяпали...

— И как же он теперь?

— Руками заводит...

Бережок слева стал помаленьку понижаться, потом разом упал ниже уровня глаз. По ту сторону распахнулась, сверкнула Чумахлинка. Над самой её поверхностью летел дикий гусь. Вернее, даже не летел, а словно бы стелился прыжками, отталкиваясь от воды кончиками маховых перьев. Туловища у него, как и у всех диких гусей, считай что не было: голова, шея, крылья, лапы, хвост — и всё.

Кормчий проводил птицу взглядом, сплюнул за борт и неожиданно запел, хрипловато, но с чувством:

А я остай-юся с тобой-ёй,
роднай-я навек сторона!
Не нужно мне солнце чужой-ёй-ёй...

— А остальные? — прервал его Глеб.

— И остальным досталось, — беспечно отвечал певец. — Баб Варю отнесли, дедка тоже скоро отнесём...

— Плох?

— Да не то чтобы плох... Знак ему был.

— Что за знак?

— Бадик он баб Варин взял... Ну, когда хоронили, на память там, тоси-боси... Опёрся на него разок — бадик хруп! На три части, прикинь... Такие вот дела. И денег — ни копья...

— А с пожара, говоришь, полтора года уже прошло... И ничего хорошего?

Теперь задумался кормчий.

— А знаешь, нет, — признался он вдруг. — Месяца два назад прям счастье попёрло: бабке с дедком пособие принесли, Пашуньке за инвалидность тоже чёй-то там накинули, я на рыбе подзаработал. А потом опять всё по-новой...

Портнягин понимающе кивнул. Как ни странно, причина кратковременного улучшения жизни в баклужинской глубинке была известна ему лучше, чем кому-либо другому. Именно два месяца назад к его учителю Ефрему Нехорошеву заявился крупный бизнесмен, которому два других не менее крупных бизнесмена задолжали настолько сильно, что не хотели отдавать. Старый чародей посоветовал правдоискателю взять несколько монеток, закопать на сутки в землю, затем подержать под струёй воды, обсушить феном и прокалить на огне, при-

чём каждый из этих обрядов начинать с приговора: «Моё — мне, чужое — обратно хозяину (рабу Божьему такому-то)». Бизнесмен оказался человеком нетерпеливым и решил рабов Божьих не перечислять, имён их не называть, а заклясть всех скопом.

Опасная это штука, безадресное заклинание! За какие-нибудь сутки всё, что было наварено в течение многих лет, вернулось изначальным владельцам, и воротила разорился вчистую, оставшись со смехотворно малой суммой, с которой, собственно, и начинал когда-то первые свои махинации. Вне себя банкрот кинулся разбираться с колдуном, но был перехвачен представителями силовых структур, поскольку без денег ты даже правосудию не страшен.

Стало быть, кое-что из разлетевшихся капиталов перепало по заклинанию и обитателям деревеньки, проклятой таинственным дядей Славой, похожим на Льва Толстого...

Ученик колдуна шевельнул ноздрями, поморщился. Чем дальше продвигалась лодка, тем отчётливее становилось зловоние.

— Что ж вы так ерик загадили? — упрекнул он.

— Мы, что ли? — огрызнулся хозяин лодки. — Сюда вон тот буржуин канализацию провёл...

Глеб обернулся. Покатый холм на правом берегу был увенчан особняком из красного декоративного кирпича под зелёной чешуйчатой крышей. Наивная пышность архитектуры в сочетании с кричащими красками вызывала в памяти картинки из детских книжек.

Протока обогнула холм и двинулась прочь от Чумахлинки.

Издали деревня Потёмкинская и впрямь напоминала действующий населённый пункт. Однако стоило подойти поближе, как впечатление это утрачивалось. Три жилых дома. Остальное раскулачивали помаленьку. Нетрудно представить, сколь горестное чувство испытал бы основатель деревни, в честь которого она, согласно преданию, была наречена, взглянув на хрупкую ржавчину крыш, просевшие подстенки, серые лишаистые доски разломанного забора...

Провожая ученика в командировку, старый колдун Ефрем Нехорошев выразился так: «Если вправду проклятье, шумни — приеду. А нет — сам справишься...» Что местность энергети-

чески неблагополучна, сомнению не подлежало. Оставалось выяснить почему.

Откуда-то взялись кряжистая баб Маня и скрюченный дед Никодим. Поздоровались, уставили в землю батожки (по-здешнему — бадики) и стали упорно смотреть на Глеба. Безногого поджигателя нигде не наблюдалось. Не иначе опять гонял по округе на мотоцикле. Столб искал.

Портнягин нахмурился, отвёл глаза. Старики смотрели на него без надежды и без упрёка, почти равнодушно. Всяких видывали. Наезжали сюда журналисты, депутаты, врачи, поп с кадилом... Теперь вот колдун пожаловал. А пару лет назад так даже микробиологи нагрянули — после того как пресса шум подняла: дескать, напустили на глубинку стратегический вирус — потому и вымирает... Придумают же! Биологическое оружие по международному соглашению давным-давно уничтожено: целую неделю, говорят, на загородной свалке колбы с микробами били.

— Ну и где это пепелище? — нарушил молчание Глеб.

— Дядь Славино? — уточнил судовладелец, которого, кстати, звали Ромкой.

— У вас их много, что ли?

— А то! Каждую зиму горим...

Пожарище представляло собой островок старой перемешанной с пылью золы, из которой местами выглядывал чёрный щербатый фундамент и всякая ржавь, не пригодившаяся даже соседям. Тушить, очевидно, никто не пытался, так что дом горел в своё удовольствие. Дотла. Портнягин обошёл кругом давнее место происшествия, поднял хрупкое зёрнышко древесного угля, растёр в пальцах.

— Короче, так, — обрадовал он сельчан. — Никакой вас дядя Слава не проклинал.

И, похоже, скорее огорчил, чем обрадовал. Получалось, что беды их вроде как беспричинны и не на ком даже сердце сорвать.

— Да брось... — обиженно возразил Ромка.

— Точно говорю. Если бы проклял, тут бы энергетика совсем другая была. И астральный каркас дома сохранился бы... А его нет.

— Сам видел, как он золу с ладошки сдувал!

— Испачкал — и сдул. Что ж ему, в золе ходить?

И, пока сизый от загара судовладелец недоверчиво оглядывал пустоту над остатками кирпичной кладки, словно бы пытаясь различить астральный каркас (во-первых, незримый, во-вторых, не сохранившийся), рослый ученик колдуна призадумался вновь. С одной стороны, такое развитие событий его устраивало. С другой, всё надо было начинать сызнова.

Порча и сглаз отпадают. И то, и другое — результат зависти. Вообразить чудика, завидующего обитателям Потёмкинской, Глеб не смог бы при всём желании. Можно, конечно, допустить, что когда-то при царе Горохе селянам и впрямь жилось вольготно, однако, простите, с момента трагической гибели того царя любая порча неминуемо должна была выдохнуться. Не говоря уже о сглазе.

Одержание? Глеб покосился на Ромку. Различить сидящего в человеке беса и для матёрых-то колдунов дело хитрое. Поди пойми, добровольно он водку хлещет или кто-нибудь у него там внутри завёлся и подзуживает... Кстати, бытует мнение, будто по нынешним временам если даже и вселится лукавый в жителя глубинки, то долго в нём не продержится. Как гремлин в «вихре».

— Кладбище у вас далеко?

— А вон, за взгорком...

По дороге Ромка, должно быть, желая развлечь гостя, принялся подробно рассказывать, как однажды, изрядно подвыпивши, шёл он домой, упал, поднялся, снова упал... Внезапно прервал повествование, недоумённо свёл брови. Дескать, а суть-то в чём? Потом сокрушённо крякнул — и всё-таки решил досказать...

Кладбище выглядело немногим лучше самой деревни. Степью огороженное, не имело оно и той символической естественной границы (канавки, тропинки), отделяющей обычно мир мёртвых от мира живых. Глеб, например, перехода не заметил вообще.

На относительно свежей могилке, сердито подпёрши энергетическим кулачком энергетическую щёку, неподвижно сидела эфирная оболочка недавно похороненной баб Вари. Уяснив, что идут не к ней, спесиво отвернулась. Поперёк бугорка лежал эфирный двойник бадика — надо понимать, того самого, что разломился на три части в руках деда Никодима. Это она, значит, астральную суть из палки забрала, ну и деревяшка, понятно, мигом стала хрупкая, трухлявая... С норовом, ви-

дать, была усопшая. Впрочем, оболочки, ни в коем случае не являясь душами, обычно заимствуют у покойного оставшиеся, то есть наименее приятные черты характера. Именно поэтому крайне редко можно услышать что-либо доброе о кладбищенских привидениях.

Кстати...

Портнягин окинул спутников цепким внимательным взглядом. Баб Маня и дед Никодим култыхали потихоньку следом, сами как эфирные оболочки. Сизый Ромка стянул с забубённой башки лыжную шапочку, обнажив интимно белый лоб. Нет. Не видят они баб Варю. Слишком солнце яркое. В сумерках — другое дело...

Собственно, можно было возвращаться. Как это ни странно, но пепелище и кладбище оказались в астральном смысле наиболее благополучными уголками здешних мест.

Так откуда же, чёрт возьми, прёт всё это энергетическое отрицалово, весь этот потусторонний негатив — спаивая людей, разваливая дома?

Придётся побродить по округе...

Старый колдун Ефрем Нехорошев слыл личностью непредсказуемой: олигарха с охраной мог полчаса промурыжить в прихожей, а какого-нибудь бродяжку встретить у порога и самолично усадить в кресло. Могло, впрочем, случиться и наоборот. Что именно выкинет учитель, Глеб сказать бы заранее не решился.

Сегодня утром он, например, поспорить был готов, что визит сизого от загара юного деревенского забулдыги не продлится и пяти минут, однако вскоре, к удивлению своему, услышал бесцеремонное обращение «дядь Ефрем» и в который раз осознал свою неправоту. Оба — и хозяин, и гость — были, представьте, почти земляки. Даже общие знакомые у них отыскались! Словом, прошибла старика ностальгия, а крайним, как всегда, оказался Портнягин.

— И впрямь съездил бы ты к ним, Глебушка... — умильно попросил размякший чародей. — Чует моё сердце, колданули деревеньку-то...

— Может, в астральном виде сначала... — попытался выкрутиться тот. — Самому-то мне зачем ездить?

Ефрем насупился.

— Нет, — порешил он сурово. — В астральном — это вроде как неуважение получается к людям... Вроде как подсматриваешь тишком. Ты уж давай открыто, как есть...

И вот теперь Глеб Портнягин бродил в окрестностях деревни Потёмкинской, прикидывая напряжённость негативной энергетики и поругивая втихомолку старого путаника.

Внезапно он ухватил краем глаза некое движение воздуха шагах в двадцати от себя. Замер, всмотрелся. Там, не касаясь ступнями пологого склона, поросшего бирюзовым полынком, и опираясь на тот же бадик, брела едва различимая в солнечном свете эфирная оболочка усопшей баб Вари. С трудом передвигая ноги и слегка наклонившись вперёд, она словно бы продавливала впалой грудью встречный ветер, хотя день стоял тихий, жаркий.

Куда это она, интересно, с кладбища нацелилась?

Странно. Если верить такому общепризнанному авторитету, как Ледбитер, оболочки не могут удаляться от могилы больше, чем на пару ярдов. А тут уже добрых полтора километра. Может, это и не оболочка вовсе? Может, чья-нибудь мыслеформа? Портнягин подошёл поближе. Нет, всё-таки оболочка. Вроде бы...

Он сделал ещё один шаг — и сразу угодил в сильнейший негативный поток, тот самый, что с такими усилиями одолевала эфирная копия покойницы. На душе сразу стало скверно, захотелось вдруг напиться, набить кому-нибудь морду, основать свою фирму и перехватить всю клиентуру учителя... Вот оно что! Энергоотвод. Какая-то падла накапливала где-то поблизости отрицаловку и канализировала её в сторону деревни.

Содрогаясь от мерзких ощущений, Глеб ринулся против течения. Быстро оторвался от баб Вари и, взбежав на пригорок, увидел то, что ожидал увидеть: красный пятиэтажный особняк под зелёной чешуйчатой крышей.

Неустанно браня учёную братию за бездуховность, многие известные мистики тем не менее не раз уже проговаривались сгоряча, что циничный, безбожный закон Ломоносова—Лавуазье, оказывается, вовсю действует в астрале. Да, господа! Даже если не трогать учение о карме, наслушаешься оккультистов — и волей-неволей придёшь к выводу, что зло не

возникает само собой и не исчезает бесследно, а мы с вами в меру сил лишь перепихиваем его друг другу.

Негодяй, наивно полагающий, будто он творит зло, в действительности обуян гордыней, ибо лицензия на данный род деятельности выдана Творцом одному только дьяволу, который негодяя и попутал. Остроумна догадка, будто именно враг рода человеческого умышленно поддерживает уровень мирового зла на должной отметке, но это, повторяю, не более чем догадка.

Взять обычную целительскую практику. Больному предлагают приобрести дорогостоящую игрушку или что-нибудь из бижутерии, затем с помощью колдовского ритуала, сопровождаемого заговором, а то и молитвой, пересаживают хворь в купленный предмет и велят оставить на тротуаре. Вещица красивая — кто-нибудь да поднимет. В итоге подбросивший выздоровел, нашедший заболел, но количество зла на душу населения, согласитесь, осталось прежним!

Собственно говоря, что такое бизнес (в широком, конечно, понимании слова), если не ряд магических обрядов и манипуляций, переводящих стрелки на ближнего твоего?

Каждому ребёнку известно: основываешь ли ты фирму, обживаешь ли особняк — перво-наперво зови попа с кадилом. Освятил — считай, все напасти выгнал. Правда, недалеко и ненадолго, вроде как пыль сухим веником поднял: глядь — осела гуще прежнего. Почему гуще? Да потому что любое место, где денежка плодится и размножается, обречено стать накопителем негативной энергетики. Но не сворачивать же из-за этого дело! Стало быть, умный человек заблаговременно должен позаботиться о том, куда сбрасывать отрицательные эмоции и прочую дрянь. Вспомним римлян. Не зря слыли они лучшими градостроителями древности: сначала прокладывали канализацию, а там уж дома возводили.

Схему Глеб выявил довольно быстро. От особняка до овражка оба слива шли вместе, потом разбегались: материальное дерьмо — в ерик, духовное — в деревню. Должно быть, проектировщики прикинули, что так и так пропадать глубинке. Строго судить их за это не следовало: они же наверняка ни разу в глаза не видели ни баб Маню, ни деда Никодима, ни запойного Ромку, ни обезноженного поджигателя. А когда вредишь неизвестно кому, это всё равно что никому не вредишь...

Портнягин выбрался из незримого стока астральных нечистот и снова почувствовал себя человеком. А почувствовав, нахмурился.

Ладно. Схему выявил. И что дальше? Перекрыть энергоотвод? Знать бы ещё для начала, как это делается! Кроме того, частная собственность. Посягнёшь — влетит от наставника. Да и не только от него, пожалуй. Вон она какая, собственность-то, в пять этажей! Собаки, охрана, сигнализация, может, даже колдун обслуживает... по вызову...

Так и не решив, что ему конкретно предпринять, ученик чародея двинулся к синеющей неподалёку полосе асфальта, проложенной, надо думать, от железных узорчатых ворот особняка до самой магистрали. В любом случае звонить Ефрему не стоило. Отругает — Бог с ним. Хуже, если велит вернуться в город и приедет разбираться лично. Такого унижения Глеб Портнягин допустить не мог: легкомыслие и безалаберность сочетались в нём с самомнением и упрямством, что, как известно, даёт в итоге гармоничную личность.

Выбравшись на асфальт, он первым делом обобрал репьи с левой штанины и уже собирался взяться за правую, когда рядом притормозила скромная серенькая иномарка чумахлинской сборки и весёлый знакомый голос произнёс:

— Ну где бы мы ещё с тобой встретились!

Из-за наполовину опущенного тёмного стекла выглянула румяная улыбающаяся физия Игната Фастунова.

Действительно, где бы ещё? Встреча, неожиданная сама по себе, представлялась вовсе подозрительной, если вспомнить, что бывший одноклассник Портнягина — тоже ученик колдуна. Конкурента и нигроманта с неуловимо белогвардейской фамилией Кудесов. Хотя это могло быть и псевдонимом...

— Ну я — понятно, — всё так же весело продолжал питомец чёрного мага. — А ты-то как сюда попал?

— Водным путём, — не стал лукавить Портнягин.

— По ерику? — содрогнулся Игнат. — Бр-р... И что же тебя подвигло?

— Не видишь? Травы собираю... — невозмутимо отозвался Глеб. Нагнулся и открепил от штанины ещё два репья. — А ты домой? — Он выпрямился и посмотрел на особняк.

Это был хороший удар. В подначках оба изощрялись ещё со школьной скамьи, причём с прискорбием следует признать, что в большинстве поединков верх брал Игнат.

— Обижаешь! — с готовностью откликнулся он. — Что это за дом — в пять этажей? Строить — так строить!

В салоне кто-то крякнул.

— Вообще-то мы... а-а... сначала как бы в семь этажей хотели, да... — прозвучало из тёмного чрева иномарки.

Игнат залился румянцем.

— Это я чтоб не сглазить, — шмыгнув носом, пояснил он тому, кто сидел за рулём.

— А ваш... а-а... коллега... как бы тоже — да? — по очистным сооружениям? — поинтересовался незримый водитель, бывший, надо полагать, ещё и владельцем пятиэтажника.

— Сущностям, — поправил Игнат. — Сооружения — это у вас тут. А у нас в астрале — сущности.

— Так, может, он тоже... а-а... примет участие?.. Я бы заплатил...

— Только в качестве консультанта, — поспешно сказал Портнягин.

Грешно было упускать такой случай. Заодно посмотрим, как работает поднаторевший в колдовском ремесле Игнат, ума наберёмся... Дело в том, что в отличие от своего бывшего одноклассника, сразу подавшегося в ученье, Глеб вынужден был сначала отдать долг государству, отбыв полтора года в местах не столь отдалённых.

Удивительно, но изнутри особняк казался больше, чем снаружи. Сначала хотелось сравнить его с городом, потом — со страной, и наконец — с отдельно взятым мирозданием. Лестницы, лестницы, этажи, подвалы, котельная, два лифта... И куда ни загляни, всюду чувствуется заботливая рука дизайнера: в меру навороченная обстановка, комфорт, чистота. Даже те отсеки, которым отделка только ещё предстояла (скажем, нижний уровень двухъярусного подвала, где намеревались оборудовать тир), не выглядели устрашающе, как это часто бывает с незавершёнкой. Возможно, причина тут заключалась в том, что планы владельцев уже воплотились ментально и стали почти зримыми.

Но главное, конечно, астральный микроклимат. Если не вспоминать о напастях, одолевавших деревню Потёмкинскую, работу неизвестного экстрасенса следовало признать шедевром. Переступив порог, ты не просто попадал из жары в про-

хладу, ты попадал из отрицательной энергетики страны в положительную энергетику особняка.

Приятное впечатление производили и хозяева. Холёный упитанный Кирсан Устинович вёл себя с мягким барственным достоинством, ничуть не напоминая хамоватого нувориша. Правильная речь: никаких «типа», никаких «бля» — всего три связки, три вполне интеллигентных слова-паразита: величественное «а-а...», осторожное «как бы» и исполненное лёгкого сомнения «да».

— Вот, прошу любить и жаловать, моя... а-а... как бы супруга, да?..

Осанистая Полина Леопольдовна отнеслась к молодым колдунам также вполне благосклонно.

— Ну-с, так что у нас тут? — вежливо отклонив предложение испить чайку, взялся за дело улыбчивый Игнат.

Вместо ответа хозяйка побледнела, попятилась, округлила глаза.

— Вот! — выдохнула она, указывая дрогнувшей рукой куда-то в угол.

Мужчины обернулись. В гостиную прямо сквозь евростену вторглась уже знакомая Глебу эфирная оболочка усопшей баб Вари, легко различимая невооружённым глазом, поскольку еврошторы на евроокнах были задёрнуты. Добралась, странница. Неслышно ворча и опираясь на заветный бадик, престарелая покойница пересекла гостиную и ушла в стену напротив.

— Из родственников кто-нибудь? — проводив призрак ошалелым взглядом, спросил Игнат.

— Нет, — отрывисто ответил Кирсан Устинович. — Все архивы подняли, все фотографии... Не было у нас таких.

— Та-ак... — протянул румяный ученик нигроманта. — А ещё кто-нибудь наведывается?

— Ещё... — Полина Леопольдовна всхлипнула, прижала к губам платочек. Владелец особняка сделал постное лицо, мягко ступая, подошёл к супруге, успокаивающе тронул за плечико. — Ещё... — кое-как совладав с собой, продолжала она, — ноги по лестницам бегают... Представляете, ноги! Муж не видел — я видела... Одна выше колена отрублена, другая — чуть ниже...

— Ясно, — неожиданно бодрым голосом объявил Игнат. — С вашего позволения, мы тут с коллегой уединимся на минутку... Маленький, так сказать, консилиум. Не возражаете?

Хозяева не возражали, и коллеги удалились в соседнюю комнату.

— А ну колись давай, — страшным шёпотом приказал Игнат. — Твоя работа?

— Нет, — честно ответил Глеб.

— Не свисти! Я ж на тебя смотрел, когда она про ноги рассказывала... Чьи ноги?

— Пашкины, — сказал Глеб. — Одну в позапрошлом году ампутировали (выше колена которая), другую чуть позже...

— А бабка с палкой кто?

— Баб Варя. Эту вроде совсем недавно схоронили.

— А, так ты, значит, в деревне был... — мрачнея, проговорил Игнат. — Слушай, как же они сюда попадают? Особняк охранной чертой обведён, заклинания на каждом углу...

— Через очистные сущности, — любезно растолковал Портнягин. — Не путать с сооружениями...

— Ч-чёрт! — зардевшись, вымолвил Игнат. — Про канализацию-то я не подумал... — Вновь повеселел, повернулся к другу детства, с насмешливым сочувствием заглянул в глаза. — Значит, так... — огласил он своё решение. — Когда в следующий раз пересечёмся, я у тебя с дороги ухожу-ухожу-ухожу, лады? А сейчас, звиняй, Грицко, не тот случай... Ну сам прикинь! В деревеньку тебя Поликарпыч загнал не иначе с похмелья... Заплатят тебе... Да смешно говорить, сколько тебе там заплатят! А Устиныч — давний наш клиент...

— Стоп! — перебил Портнягин. — Так это, значит, вы с учителем энергоотвод ладили?

— Скажи, классная работа! — нарочито просиял Игнат Фастунов. Не менее нарочито погрустнел, развёл большие белые ладони. — Жаль, что не наша...

— А чья?

— Да был тут один иностранный подданный... из Питера, что ли... — нехотя признался Игнат. — Купил в деревне дом — под летнюю лабораторию, алхимией заняться хотел, кабалистикой. Потом вроде раздумал, уехал...

— На Льва Толстого похож?

— Не знаю, не видел. Но специалист, говорят, классный. А мы со стариком — так, обслуживаем иногда. Чужих лавров нам не надо — своих девать некуда... Ты не телись, не телись! Решайся давай! У меня там клиенты ждут.

Портнягин пожал плечами. Что тут было решать? По всем понятиям следовало отступить без боя.

— Ладно, — сказал он. — Будем считать: должок за тобой.

— Не заржавеет! — просиял белозубой улыбкой Игнат.

И они вернулись в гостиную.

— Полина Леопольдовна! А ночью? Ночью к вам никто не являлся? Ну, может, во снах...

Выяснилось, что являлись, и неоднократно. Троих хозяйка обрисовала словесно. Глеб слушал и мысленно кивал, узнавая Ромку, деда Никодима, баб Маню... Всё верно. Живым душам тоже тепла хочется, вот и поднимаются они, пока тело спит, ночами по энергоотводу, преодолевая встречный поток, чуя астральным нутром, что у истоков их ждёт огромный сияющий сгусток благополучия...

— Значит, дела у нас такие, — решительно подвёл черту Игнат. — Отстойник переполнен, напор ослабел, вот и попёрло оттуда всякое. Что тут можно посоветовать? По-хорошему, конечно, переделывать систему надо. Но это, сами понимаете, не к нам...

И Глеб невольно восхитился умением Игната не потревожить как-нибудь ненароком совесть клиента. Молодой черножнижник подобрал слова настолько деликатно, что можно было подумать, будто речь идёт о чём-то неодушевлённом.

— Переделывать... а-а... в каком смысле? — слегка обеспокоился Кирсан Устинович.

— Вообще-то это не совсем моя специальность, — уклончиво молвил Игнат. — Насколько я знаю, необходима чистка отстойника, восстановление поглощающего материала...

— Иными... а-а... словами... как бы сменить, да?.. население деревни?..

Видно было, что такая формулировка покоробила Фастунова.

— Как бы да, — ответил он почти сердито. — А пока... Ну что я могу? Могу поставить на сток астральную решётку...

— А-а... смысл? Это же как бы... ещё уменьшит напор...

— Уменьшит, — согласился Игнат. — Зато к вам никто из отстойника не проникнет. Я же говорю: временная мера. По большому счёту, она вас не спасает... Кирсан Устинович! Полина Леопольдовна! Может, вы пока в город съездите, развеетесь? Или на природе погуляете...

— А-а... почему вдруг?

— Да понимаете... На время работ сброс придётся прервать... Начнёт накапливаться отрицательная энергетика. Неуютно здесь будет. Мягко говоря...

— Надолго это? — озабоченно спросила Полина Леопольдовна.

— Часа на два. Решётку я думаю поставить подальше от дома, где-нибудь у овражка...

— Ну, два часа — это как бы... а-а... не страшно... — успокоил свысока хозяин. — Нервы у нас крепкие, выдержим, да...

Ритуал отключения энергоканала показался Глебу откровенно невразумительным. Да и сопровождающие заклинания — тоже. Насколько же всё-таки разные школы у разных колдунов!

Как и предостерегал Игнат, стоило прервать сброс, настроение немедленно упало, в голову полезли грязные мысли, а за евростеной, на которой вдруг нестерпимо захотелось намалевать непристойное слово, послышался визгливый женский голос, несомненно, принадлежавший милейшей Полине Леопольдовне:

— Да откуда я знаю, чьи это были ноги!.. Сам небось заказал кого-нибудь, а я виновата?..

— Да?.. — рычал в ответ интеллигентнейший Кирсан Устинович. — А ночью кто к тебе приходил, а?.. С золотым зубом!..

Что-то упало и разбилось.

— Предупреждал ведь козлов, — процедил Игнат. — Ещё и подерутся, вот увидишь! Тут сейчас как в отстойнике будет. Пошли отсюда...

Молодые колдуны — чёрный и белый — спустились по лестнице и, выйдя на обрамлённое голубыми елями крыльцо, приостановились у левого пылающего сусальным золотом чугунного льва. За узорной оградой дрожала, как отражение в воде, рыжая августовская степь.

— Знаешь, — сказал Игнат, тревожно глядя, как шофёр, которому велено было доставить их до овражка, пинает в беспричинной злобе ни в чём не повинную покрышку. — Как бы нам с тобой в кювет не загреметь! Давай-ка лучше пешком. Тут ведь недалеко...

И они пошли пешком.

— Слабаки! — презрительно сплюнув, заметил Глеб. — Морда — зверская, мышцы — накачаны, а энергетический ко-

кон — как у трёхлетнего пацана. Чуть негативкой накрыло — сразу в истерику!

— Шофёр?

— Не только... — Портнягин помолчал, покряхтел. — Что-то жалко мне деревенских... — признался он. — Наяву жизни нет, а теперь и во снах не будет... Да и покойникам...

Знал, что подставляется, но ничего с собой поделать не мог. Расплаты, однако, не последовало. Игнату тоже было не до шуток.

— Мы же вроде договорились, — хмуро напомнил он. — Пригласят в следующий раз в деревню, тогда хоть плугом её опахивай, хоть головнёй обноси! А сегодня работаю я... — Однако через пару шагов взорвался сам: — Придурки! — изрыгнул он. — Ну почему не сделать всё по уму? Как положено!

— А как положено? — спросил Глеб.

Над пыльным тополем вились иволги. Воздух вибрировал от их криков и, казалось, делался ещё жарче.

— Население ему смени! — ядовито выговорил Игнат. — Там населения уже скоро не останется! Вот повымрут все, сопьются — и что дальше? Твой же отстойник — ну так позаботься о нём! Работой людей обеспечь, отстроиться помоги... А!

Махнул рукой и умолк. В угрюмом молчании друзья достигли овражка, когда сзади послышалась приглушённая расстоянием и тем не менее отчётливая автоматная очередь. Оба обернулись и замерли.

Особняк — горел.

— Ну... тут уж я ни при чём... — обретя дар речи, в искреннем возмущении вымолвил Игнат и повернулся к Глебу, словно бы приглашая его в свидетели.

Подобрав уголки рта в жестоком подобии улыбки, тот молча смотрел на рвущееся из окошек пламя. Наконец очнулся.

— Слышь... — напомнил он не без ехидства. — А должок-то всё-таки за тобой...

Числа

Раз-два-три-четыре-пять...

Фёдор Миллер

Цифры, составляющие дату рождения Глеба Портнягина, в сумме давали семёрку, что уже само по себе свидетельствовало о нешуточных магических способностях. Трудно сказать, как бы сложилась судьба юноши, родись он в стране с иным летосчислением, однако, живя в Баклужино, Глеб просто не мог не стать учеником колдуна, даже если бы сильно постарался.

А старался он сильно. Рос хулиганом, взломал в порядке самоутверждения продовольственный склад, угодил за решётку, и быть бы ему — чем чёрт не шутит! — вором в законе, когда бы не магическая цифра семь. Кстати, о взломе. Ни за какие коврижки не приблизился бы Глеб Портнягин к железной складской двери, овладей он предварительно хотя бы начатками астрологии, потому что в тот погожий апрельский вечер все светила беззвуч-

© Евгений Лукин, 2005

ным хором отчаянно и тщетно кричали ему с небосклона: «Не надо, Глеб! Ну его на фиг, этот продовольственный склад!»

И как бы там ни ёрничал Гераклит, говоря, что «многознание никому не прибавляло ума, в чём легко убедиться на примере Пифагора», прозорлив был великий геометр: миром действительно правят числа. Другое дело, что не всегда понятно, чем они при этом руководствуются. Почему, например, с жалобами на плохое качество колдовства клиенты шли гуртом к старому чародею Ефрему Нехорошеву именно во вторник, когда тяжёлыми днями в народе считаются понедельник и пятница?

Ещё с вечера Глеб Портнягин прикинул на клочке бумаги, что его ждёт завтра: сложил цифры грядущего вторника с собственной семёркой — и в сумме ничего хорошего не получил. Проще, конечно, было подбить итог на калькуляторе, но вычислительная техника при всей её точности меняет качество знаков, что неминуемо ведёт к ошибочным выводам. Поэтому строгая традиция требует карандаша и бумаги. По схожим причинам истинные колдуны, воздействуя на расстоянии, никогда не пользуются цифровыми фотографиями.

Так или иначе, но результат Портнягина решительно не устроил — и, перевернув листок, юный чародей начал расчёты сызнова, умышленно прибегнув к более сложному способу. К счастью, нумерология распадается на несколько школ, каждая из которых достойна равного уважения. Так что выбор целиком зависит от вас. Первый метод исчисления основывается на переводе в цифровые величины текста священных книг, второй — на геометрии Великой Пирамиды в Гизе, третий — на измерениях мавзолея В.И. Ленина на Красной площади, в пропорциях которого, как недавно установили оккультисты, тоже таится глубокий мистический смысл. Есть и другие способы, но эти три — самые распространённые.

Перепробовав всё, что знал, и ухлопав на нелюбимую арифметику добрых полчаса, упрямый ученик колдуна добился-таки относительно благоприятного ответа и, спалив бумагу на свечке, смешал растёртый в ступке пепел с молотым кофе, каковой затем и употребил — на ночь глядя.

Утро следующего дня началось вполне терпимо, согласно расчётам. Обиженных клиентов набежало немного, и, что самое ценное, ни одна их претензия не касалась впрямую Глеба

Портнягина. Последний челобитчик, как водится, оказался стервознее всех. С виду было ему лет двадцать пять, не больше. Хрящеватый кадык, глаза маньяка. И голос — бабий, вредный.

— Погоди-ка, — сразу же прервал его Ефрем. — Ты откуда взялся такой? Мы ж с тобой не встречались ни разу...

— Ну да! — воинственно отвечал ему на повышенных тонах молодой скандалист. — Лично — ни разу! Зато я с вашего сайта полгода не вылезал!

Портнягин сидел у окна и запитывал положительной энергией крепко подсевший амулет. При слове «сайт» отложил резную деревяшку на подоконник и с надменным изумлением повернулся к жалобщику. За дела компьютерные и сетевые он отвечал персонально.

— И что? — не понял колдун.

— А у вас там приметы на сайте! Целый список! Как будущую жену выбирать! По имени, по гороскопу, по морде...

— Ну правильно...

— Да как же правильно, если я по ним такую стерву выбрал?

— Например! Хоть одну примету назови...

— «Нельзя жениться в мае, иначе век маяться». Ещё и пословицу привели: «Рад бы жениться, да май не велит»!

— А ты когда женился?

— В марте!

— А кто в марте — тому век материться...

— Не было этого на сайте!!!

— Было. И не шуми, а то проверим! Ещё какие приметы?

— Ну вот хотя бы... «Кто щекотлив, тот и ревнив». Щекотал-щекотал её до свадьбы — ни разу ведь не хихикнула, мымра, зубами только скрипела! А чуть обвенчались — каждый день скандалы закатывает!

Старый чародей восторженно уставил желтоватые глазёнки на потерпевшего — и захихикал сам.

— А после свадьбы щекотать не пробовал?

— Вы что, прикалываетесь? — взвизгнул гость.

— Мудёр... — с наслаждением выговорил Ефрем. — Ох, мудёр... Если ты на Глебушкином сайте ума набирался, думаешь, невеста твоя глупее тебя, что ли, была? Наверняка тоже там паслась... Все приметы срисовала. И про щекотку...

Скандалист поперхнулся, но быстро пришёл в себя.

— Щекотку? Допустим! — снова ринулся он на приступ. — А цвет глаз?

— На контактные линзы не проверял? — задумчиво спросил колдун.

— Ах, контактные... — задохнулся тот. — Ловко у вас всё получается! А с паспортом как быть? Имя, дата рождения, место рождения... Что ж она, и гороскоп срисовала? Или с поддельным паспортом замуж выходила? Мы же с ней по Зодиаку подходим идеально! По таблице по вашей...

— Ну так имя тем более сменить недолго...

— Имя? Допустим! А дату? Цифры-то не обманешь!..

— Эх-ма! — шлёпнул себя по коленям старый чародей. — Ты где живёшь, мил человек? В Африке или в Суслово? Который уже год как позволили, а тебе всё невдомёк...

И обмяк скандалист. Вспомнил. Действительно, несколько лет назад был принят закон, разрешающий менять не только неблагозвучные имена и фамилии, но и неблагозвучные даты рождения, если они оскорбляют религиозное, национальное или партийное достоинство владельца. Скажем, демократ, а родился седьмого ноября. Или, положим, смотришься на тридцать, а в паспорте все сорок пять.

Поражённый внезапно открывшейся истиной склочник онемел и пару секунд сидел неподвижно. Наконец судорожно передёрнул хрящеватым своим кадыком, встал и походкой зомби направился к дверям. Следующего жалобщика старый колдун Ефрем Нехорошев не дождался. Кончились.

— А знаешь, Глебушка, — умиротворённо молвил он. — Пойду-ка я прогуляюсь. Уж больно погода хорошая. Да и утомил он меня что-то...

— А если кто опять нагрянет? — встревожился ученик. — Кому их принимать, мне, что ли?

— Тебе, Глебушка, тебе... — ласково подтвердил кудесник. — На кого ж ещё свалить-то? Только на тебя...

— Эх, ничего себе, кармическая сила! — пробормотал Портнягин.

В глубине души он был даже польщён — столь высокое доверие оказывалось ему впервые, хотя заговаривать зубы обиженке — удовольствие, честно признаться, ниже среднего.

Оставшись один, Глеб оторвал четвертушку ксероксного листа и, не увидев на краю стола позитивно заряженного ка-

рандашного огрызка, стиснул кулаки, огляделся. Прикормленный барабашка опять позволял себе лишнее.

— Шутик, блин-н!.. — неистово взвыл Портнягин, а когда снова повернулся к столу, там уже лежал пыльный «паркер» с золотым жалом, подобранный бог знает на какой обочине. Стало быть, в исчезновении карандаша проказливый барабашка не был повинен ни сном ни духом — принёс с перепугу первое подвернувшееся под астральную хваталку.

Что ж, кто-то теряет, кто-то находит... Убедившись, что предмет роскоши, оброненный неким состоятельным лохом, не содержит порчи, ученик колдуна обтёр пыль и, водрузив колпачок на место, отправил «паркер» в задний или, как его ещё называют, чужой карман.

(А огрызок карандаша обнаружился за ухом. За правым, естественно. Заложишь за левое — добра не жди...)

Итак, вооружась заговорённым стилом, Портнягин сверился с дорогими, тоже, кстати, добытыми Шутиком часами и склонился к столу, желая попрактиковаться всё в той же нумерологии. Для начала смекнул в столбик, долго ли будет отсутствовать Ефрем. Получилось: недолго. Тогда он решил подсчитать, предвидятся ли посетители и, если да, то сильно ли достанут...

— Я смотрю, у вас и дверь нараспашку... — прозвучал в прихожей приятный девичий голос.

Ну вот, можно уже не подсчитывать.

— Минутку... — попросил Глеб и на всякий случай проверил, что творится под койкой. Там было всё спокойно. Натасканная на незваных гостей учёная хыка и маленький перелётный барабашка Шутик мирно дрыхли в дальнем углу, уютно свернувшись в единый энергетический клубок. Гляди-ка, подружились! А ведь мерещилось поначалу, что смертоубийства не миновать. Славно, славно...

— Прошу! — крикнул Портнягин. — Входите...

Вопреки ожиданиям из прихожей возникла отнюдь не ровесница, но дама лет тридцати—пятидесяти. Уточнить навскидку возраст Портнягин бы не рискнул, однако не было сомнений, что вошедшая принадлежит к тем редким натурам, имеющим возмутительную для окружающих манеру хорошеть с годами.

Наука физиогномика часто сталкивается с загадочным явлением: прямой зависимостью между образом жизни и черта-

ми лица. Пустишься во все тяжкие — тут же увеличивается нижнее веко. Исполнишься теплоты и сердечности — нос принимает луковичные очертания. Чуть добьёшься успеха — выпячиваются губы. Простейший пример: классическое пропорциональное ухо свидетельствует о счастливом детстве, однако стоит детству стать несчастным, как уши делаются бесформенными, бледными, а то и вовсе рваными. Известно также, что, чем выше они расположены, тем значительнее уровень интеллекта. В некоторых университетах, по слухам, даже собираются заменить выпускные экзамены замерами с помощью системы антропометрических линеек.

С точки зрения эзотерики всё объясняется просто: изменяясь, душа преображает тело. Так, отмечены были удивительные случаи, когда раскаявшийся матёрый преступник перерождался целиком не только внутренне, но и внешне: вплоть до отпечатков пальцев.

Короче, как поучал не раз в подпитии старый охальник Ефрем Нехорошев, девичье лицо — всё равно что голая болванка. Нет в нём завершённости. Вот покроется лет через двадцать художественной резьбой — тогда уже можно судить...

В лице вошедшей завершённость присутствовала. Мало того, такое впечатление, что, убери с него морщины, всё испортишь.

Достигнув середины комнаты, гостья приостановилась.

— Как здорово... — заворожённо произнесла она, оглядывая лежащий в живописном беспорядке колдовской инвентарь.

Привыкши иметь дело с озабоченной осунувшейся клиентурой, Портнягин слегка был сбит с толку. Пришелица же тем временем приблизилась к древнему трюмо, с уважением огладила облупившийся тёмно-красный лак рамы. Трюмо это, между прочим, запросто фиксировало неотраженцев, то есть субъектов, способных, изгнав все мысли до единой, стать невидимыми в зеркале. В любом, кроме этого. И посторонним его трогать не стоило.

— А вам — сюда? — прямо спросил Портнягин.

Обернулась, уставила на Глеба тёмные весёлые глаза.

— Колдун здесь живёт?

— Здесь...

— Значит, сюда.

— Ну... присаживайтесь тогда...

— Спасибо, я, с вашего позволения... — И она прямой наводкой нацелилась на подоконник, где лежал подзаряженный амулет. — Какая деревяшка интересная...

— Если вы присядете, — терпеливо пояснил ученик чародея, — мне легче будет работать. Вот, кстати, кресло...

— Да?.. — с сожалением отозвалась она и, взглянув ещё раз на амулет, двинулась, куда было велено. — Понимаете, — с прежней беззаботностью продолжала гостья, опускаясь в кресло. — По Зодиаку я — Рыба...

Рыба? Вообще-то Рыбы в незнакомом месте ведут себя по-другому. Либо теряются от робости, либо от робости хамят. А такая вот непринуждённость им, мягко говоря, не свойственна.

— Меня зовут Глеб, — с намёком представился Портнягин, сам наслаждаясь собственной вежливостью.

— Ой, да какая разница, как кого зовут! — сказала она.

Что ж, анонимность — неотъемлемое право клиента.

— Слушаю вас, — вдумчиво подбодрил ученик колдуна.

— Так вот... муж у меня — Овен...

— А-а!.. — с интонациями Ефрема Нехорошева радостно возопил Глеб. — Так чего ж вы, матушка, хотите? Это ж полная несовместимость... Овен — знак Огня. Рыба — знак Воды. Либо вы его потушите, либо он вас высушит...

— Ну да, ну да... — с готовностью покивала она. — И свадьба у нас была в пятницу... тринадцатого...

— Как же это вас угораздило? — с сочувствием и в то же время с укоризной покачал головой Портнягин.

— Да так уж вышло. Остальные-то дни расхватаны были... И это ещё, я вам скажу, не всё!

— А что ещё?

— Оба свидетеля — разведённые, кольцо уронила... — принялась перечислять странная гостья. — Дорогу нам все кому не лень переходили, каблук сломала, смотрелась в зеркало — впереди меня подружка влезла... Всё-таки какая деревяшечка симпатичная! — снова поразилась она лежащему на подоконнике амулету.

— Вот такую деревяшечку, — назидательно молвил Глеб, — перед обручением надо было заказать. А не сейчас...

Приведённых предзнаменований хватило бы на десять свадеб с лихвой. Однако Портнягина смущала ребяческая беспечность неудачницы. Минутку-минутку... Ребяческая? Глеб при-

смотрелся — и обратил внимание, что верхняя губа дамы имеет младенческую припухлость. Согласно физиогномике, пришелица просто забыла повзрослеть. Именно этот феномен специалисты и называют секретом вечной молодости («вечной», разумеется, не от слова «вечность», а от слова «век»). Ничего сверхъестественного: впади в детство, минуя зрелость, — вот и весь секрет!

Тогда, конечно, поведение её становится понятным. Возможно, попала под сочетание Луны с этим... как его?.. Ладно, потом посмотрим! Попала, короче...

— Да Бог с ними, с приметами, — легкомысленно отмахнулась она. — Вы мне вот что лучше скажите... Есть же, говорят, у супругов критические годы, когда браки чаще всего распадаются... То ли пять, то ли семь лет...

— А как же, — солидно проговорил молодой колдун. — Целые науки этим занимаются: астрология, нумерология... Оппаньки, — выдохнул он вдруг, сообразив. — Вы который год замужем?

— Двенадцатый.

— И-и...

— Вполне счастлива.

— Как? Вообще? — всполошился Глеб.

— Ну да «вообще»! Долгов — выше крыши, детишки тоже — те ещё оторвы, хлопот с ними полон рот. С мужем только повезло. Если не врёт, то и ему со мной...

— Но если у вас в супружеской жизни и так всё хорошо, — с искренним недоумением спросил Портнягин, — зачем было к колдуну идти?

Честно говоря, внутренне он уже начинал закипать. Мало того что припёрлась неизвестно зачем, ещё и на мировоззрение посягает! На секунду даже мелькнула мысль: порчу, что ли, на неё навести — чтоб знала?

— Да понимаете... — замялась она. — Странно как-то, согласитесь, всё получается. Кругом люди как люди, а мы... Смотрю: в газете ваша рекламка с адресом. Как раз шла мимо... Вот и подумала... Вдруг вы объясните!

— Так... — пробормотал ученик чародея, тщетно потирая лоб. — Может, в паспорте ошибка? — с надеждой спросил он, припомнив разговор Ефрема со склочным молодым человеком. — Или нарочно дату поменяли...

— А смысл?

Да, действительно... Одно дело, когда подгоняешь свой гороскоп под гороскоп жениха (или там невесты), и совсем другое, когда наоборот.

В этом состоянии крайней озадаченности и застал воспитанника старый колдун Ефрем Нехорошев, вернувшийся с недолгой, в полном соответствии с нумерологией, прогулки.

— Трудный случай? — как всегда с подковыркой осведомился он, смерив гостью взглядом и поприветствовав кивком.

— Да вот ни приметы на неё, ни числа не действуют, — пожаловался Глеб. — Двенадцать лет с мужем живёт — и хоть бы хны!

— А тебе сколько, матушка, лет?

— Пятьдесят два.

— Так чего ж ты хочешь? Кто после сорока в брак вступил — хоть гороскопы на него не составляй! Весь цикл напрочь отшибает. Не у всех, конечно, но случается, случается...

— Вроде климакса что-то? — дерзко спросила гостья.

Шутка Ефрему понравилась. Смеялся долго.

— А правда, — с недоумением сказал Глеб, когда, проводив неуязвимую для чисел и знамений посетительницу, оба подсели к столу побаловаться кофейком. — Почему так? До сорока действует, а после сорока — хрен...

— Да понимаешь, Глебушка... — закряхтел старый колдун. — С возрастом-то люди умнеют... иногда... А как поумнел — считай, фраер порченый, ничем его не проймёшь: ни планидами, ни приметами... На всё ему наплевать, для него счастье, вишь, главное... Это если, конечно, поумнел... — Отпил крохотный глоток, посмаковал. — Не ждал, что так скоро вернусь?

— Ну как не ждал? — с гордостью отвечал ему Портнягин. — Вычислил...

Чашка старого чародея со стуком опустилась на блюдце.

— Расчёт покажь... — внезапно потребовал Ефрем.

Портнягин подал исчёрканную четвертушку ксероксного листа. Колдун насупил брови, надел очки.

— Математик... — сказал он спустя малое время, как клеймо приложил. — Лобачевский... Семь и восемь у тебя четырнадцать получается?

— Где? — вскинулся Глеб.

— Да вот... А я, главное, не пойму: что это меня раньше времени домой потянуло? Ты с числами-то осторожнее в следующий раз!

Портнягин схватил заговорённый огрызок карандаша и кинулся пересчитывать. Спустя минуту поднял очумелые глаза.

— Не понял! Расчёт неправильный, а всё равно сработал?

— А ты думал? Как ошибёшься — так оно всё и выйдет. Что в жизни, что в колдовстве...

— Погоди! — спохватился Портнягин. — А как же у этого... у клиента у твоего... Жена паспортные данные сменила, а всё равно стерва!

— Стало быть, и старый паспорт где-нибудь прячет... — пояснил колдун. — На всякий случай...

— Так их же уничтожают!

— Значит, запасной был. А то сам не знаешь, как это делается! Соврала, что потеряла. Новый выдали. Ну а с ним уже дату рождения менять пошла...

Венец всему

Пробовал честно жить, пробовал, теперь надо попробовать иначе...

Фёдор Достоевский

Ну что ты тут прикажешь делать! Портнягин сбросил с плеча рюкзак с наговорённым горохом и присел на корточки, разглядывая чёткие оттиски узких шин, коих на перекрестье песчаных тропинок насчитывалось ровно три. Наверняка их оставил здесь грузовой мотороллер, излюбленный транспорт юных хуторян, — мерзкое, оглушительное, всепроникающее устройство с кузовом чуть больше чемодана, куда, однако, при случае помещается восемнадцать человек. Только что на деревья они на нём не въезжают...

И ещё велосипеды. В детстве ученик старого колдуна Ефрема Нехорошева сам любил гонять на велике, теперь же видеть не мог без содрогания этот насекомый механизм. «Народу, — как учили в школе, — пределы не поставлены». А посади его на два колеса с педалями — тогда и вовсе караул.

© Евгений Лукин, 2005

Сорвали, короче, обряд, аборигены хреновы, испортили тропинку... Теперь изволь переться чуть ли не до самых Колдобышей, если и там стёжку не раздолбали.

Предстоящее Глебу колдовство относилось к разряду трудноисполнимых и получалось исключительно с голодухи. Шёл тринадцатый день строгого поста (хлеб, вода, отварная рыба), так что раздражительность Портнягина была вполне объяснима и даже простительна.

Единственное, что утешало: по словам Ефрема, подобные подвиги предстояли ученику не чаще, чем раз в полгода. Настоящий венец безбрачия, хотя и считается не менее модной напастью, чем родовое проклятие, в действительности явление крайне редкое и в чистом виде практически не встречается.

Но дамам-то этого не растолкуешь. Идут и идут. И у каждой венец безбрачия. Бабе тридцать с хвостиком, двое детей, никак второй раз замуж не выскочит — представляете, и она туда же! Венец, говорит, пришёл... Ты ж не девственница, дура! Какой венец?

Потом, конечно, выясняется, что перепутала с печатью одиночества. Ну, это порча не столь серьёзная. Выявить с помощью обычных гадальных карт — раз плюнуть. Выпали при раскладе три дамы и пустой (пиковый) валет — значит кто-то тебя, голубушку, того... запечатлел. Снимается печать одиночества тоже относительно легко. Всего-то делов: купить живую курицу (холостяку, естественно, петуха), принести специалисту, а дальше уже дело техники. В полночь связываем квочке ноги, кладём на стол, накрываем новым платком и водим над ней зажжённой свечкой, приговаривая: «Как этой птице не кричать — так и снимется печать...» Назавтра до зари выносим цыпу из дому и продаём за копейку любому бомжу. Есть, конечно, и другие способы, но этот самый простой...

Или того хлеще: замужняя припрётся. Супруг для неё, видите ли, не в счёт!

А вот истинный венец безбрачия снимать — замучишься. Мало того что паечка двенадцать дней — хуже, чем на зоне, изволь отыскать три пеших перекрёстка. Пеших! Где ты их в наши дни найдёшь? Два квартала в центре, правда, объявили прогулочным сектором, бордюрчиком огородили, однако, во-первых, пацанва там всё равно рассекает на роликах и на скейтах, а во-вторых, попробуй рассыпь посреди улицы дюжину горстей гороха! Тут же и загребут.

Но как же они всё-таки на мотороллере-то сюда проскочили?

Глеб Портнягин вскинул рюкзак на плечо и направился по той тропке, что вела в сребролистую осиновую рощицу, выезд из которой он пару недель назад заклял самолично. Вот оно, это неодолимое для колеса место. Должна была здесь лежать заговорённая дощечка с торчащими для верности остриями гвоздей. Нету. Возможно, грибники наступили и выкинули, а потом уже мотороллер проехал...

Внезапно в густом кустарнике кто-то невидимый устрашающе зашуршал и вроде бы даже заворочался по-медвежьи. Казалось, что из зарослей намеревается вылезти некое доисторическое чудовище. Всего-навсего куры. Ни медведь, ни динозавр — никто не способен поднять столько шума в буреломе, сколько его может произвести немногочисленная куриная банда, внезапно обнаружившая харч.

А бомжам за копейку вас давно не продавали, пернатые?

Зла не хватает!

Ладно, попытаем счастья возле Колдобышей.

Говорят, в языках северных народов существует до двадцати и более слов, обозначающих снег. Вот и у нас тоже. Согласно словарю Даля: сапожник — наклюкался, портной — настегался, музыкант — наканифолился, немец — насвистался, лакей — нализался, барин — налимонился, солдат — употребил. Будучи склонен ко всем вышеперечисленным действиям, старый колдун Ефрем Нехорошев посты превозмогал с трудом. Поэтому венцов безбрачия у него за полгода накопилось ни много ни мало — пять штук. Три женских, два мужеских. И все их сейчас предстояло снять оголодавшему Глебу Портнягину. Разом. На хапок. Хотя и поимённо.

«Адам, я тебе невесту дам, — бормотал ученик колдуна, разбрасывая на перекрестье не осквернённых колесом тропок второй килограмм наговорённого гороха. — Иди не в ад, а в благословенный сад. Иди к Еве, там на святом Древе...»

И по мере его бормотания где-то в городе с некой рабы Божьей Агнии, которую Глеб даже и в глаза ни разу не видел, неслышно спадало родовое проклятие, обрекавшее несчастную на невнимание мужчин и вечный перед ними страх. Проще сказать, происходила духовная дефлорация, за которой вскоре должна была последовать и дефлорация телесная. В

полном соответствии с древней максимой Герметизма: «Как наверху, так и внизу».

Портнягин бросил двенадцатую горсть, причитающуюся рабе Божьей Агнии, и приостановился. Тут главное — со счёта не сбиться. Дальше — перебор. Наградишь невзначай нимфоманией — красней потом. Ефрем говорит, были такие случаи: сняли венец безбрачия — пошла по рукам. С жалобами, правда, никто потом не обращался, ни она, ни партнёры её, но всё равно... неловко, неприятно...

Нет, не умеем мы правильно распорядиться своей ущербностью. Казалось бы, ну что тут сложного? Не дал тебе Бог ума — живи чувствами, не дал чувств — живи умом. Не дал ни того, ни другого — ещё лучше: просто живи! Мы же вместо этого учиняем борьбу с собственными недостатками, совершенно бессмысленную, как и всякая борьба, а после неимоверных лишений и мук получаем в итоге те же недостатки, только вывернутые наизнанку.

Если вдуматься, что есть порок? Неверно использованное достоинство. Работай Чикатило следователем — ох несладко пришлось бы преступному миру! Или, допустим, тот же венец безбрачия. Да тебе с ним в монастыре цены не будет! Ну так ступай в монашки — куда ты замуж прёшься? Иные вон и рады бы в рай, да грехи не пускают.

Всякий пост хорош уже тем, что когда-нибудь кончается. Оказавшись в черте города, Глеб Портнягин разом вознаградил себя за все двенадцать с половиной дней. Путь его пролегал причудливым зигзагом — от мангала к мангалу.

Сытый, довольный до благодушия, нисколько не напоминающий того нервного молодого человека, что разбрасывал горстями горох возле Колдобышей, входил ученик чародея в тесную загромождённую колдовским инвентарём однокомнатку. Наставника он застал за работой: склонясь над широкой узловатой ладонью клиента, старый чародей Ефрем Нехорошев сосредоточенно вникал в её замысловатую картографию.

— Да-а... — говорил он, соболезнующе кивая бородёнкой. — Четырёхугольничек-то у нас... того... подгулял... великоват, к бутру Юпитера расширяется... да и линия жизни у нас, значит, без островка... Старомодная ручка-то... Трудненько сейчас с такой, трудненько...

Стараясь не шуметь, Портнягин бросил опустевший рюкзак в кладовку и подошёл поближе. Среди баклужинских колдунов Ефрем считался одним из опытнейших рукоглядцев. Был случай (это уже при Глебе), когда к чародею ворвался крутой клиент со свежим следом пощёчины на левой стороне лица. И Ефрем, всего раз взглянув мельком на красноватый оттиск, безошибочно вычислил оставшийся срок жизни неизвестного ему владельца ладони.

Что тут говорить? Высший пилотаж!

Сам Портнягин был ещё не слишком искушён в благородном искусстве хиромантии. Рука нынешнего гостя сказала бы ему примерно столько же, сколько лицо: широкое, простое и в то же время несколько сумрачное, с глубоковато упрятанными глазами.

— В «Ладошку» не обращался? — спросил Ефрем.

— Нет, — ответил клиент.

Глеб пренебрежительно усмехнулся.

Фирма с интимным ласковым названием «Ладошка» с точки зрения серьёзного колдуна интереса не представляла: за умеренную плату там под местным наркозом перекраивали линию судьбы неудачникам и наращивали бугор Марса тем, кому лень было самому наколотить его в спортзале о макивару. Казалось бы, примерно с тем же успехом какой-нибудь курносый мужичонка мог решиться на пластическую операцию по удлиннению носа в надежде укрупнить себе первичные половые признаки, поскольку, согласно народной примете, одно другому соответствует. Тем не менее люди в «Ладошку» шли и даже не слишком потом раскаивались.

Объяснялось всё просто: почувствовав себя счастливцем, человек начинал жить по-другому и зачастую добивался успеха. Ничего особо волшебного в этом нет. Ещё в древние времена было замечено, что, скажем, стоит женщине усложнить причёску, как характер её тоже усложняется. А тут не причёска — тут ладонь.

— И не ходи, — сказал Ефрем. — Не помогут. Случай не тот.

— Значит, всё-таки венец? — обречённо спросил клиент.

Портнягин насторожился.

— И ещё какой... — вздохнул старый чародей.

— Но снять-то — можно?

— Да можно... Всё можно... Дело, правда, непростое, прямо тебе скажу, недешёвое... Так что прикинь, подумай. Только не тяни, слышь! В твоём возрасте лучше это надолго не откладывать... Будь ласков, Глебушка, проводи...

Из прихожей Портнягин вернулся, клокоча.

— Опять наколол? — обратился он вне себя к Ефрему. — С венцом безбрачия... Ничего себе редкое явление! Это, что ли, мне по-новой на диету садиться, пеший перекрёсток искать?

— Раз венец, значит, обязательно безбрачия? — хмыкнул тот.

— А какой ещё?

— Венцов, Глебушка, — снисходительно пояснил колдун, — в нашем деле столько, что вешалки не хватит. Вот, скажем, венец честности...

— Эх, ничего себе! — ужаснулся Портнягин. — Даже и такое бывает?

— А ты думал! Знаешь, как люди маются? Ходит дурак дураком, пальцем на него показывают, обидные слова на заборах пишут. Лох, дескать... А он-то, может быть, и не виноват ни в чём. Порченый! Либо венец честности на нём, либо венец порядочности...

— Так это ж одно и то же!

— А вот не скажи, не скажи... Бывает, что и непорядочный, а честный.

— То есть как?

— А так, что сам честно признаётся: грешен-де, непорядочен. Словом, заруби, Глебушка, на носу: разные это порчи. Разные... И убираются они тоже по-разному.

— Например? — жадно спросил Глеб.

— Если, скажем, венец честности, как у этого Коли, инкассатора... ну, которого ты сейчас проводил... там чепуха: заказываешь ему на часочек сауну, причём так подгадываешь, чтобы и до него, и после него криминалитет купался... Наговариваешь воду в трёх бассейнах. Помылся порченый в каждом по очереди — пускай оботрётся новым полотенцем. А полотенце это надо отнести за город и бросить на лох серебристый... Ну, знаешь, деревцо такое кустистое... полынного цвета...

— Знаю, — сказал Глеб. — Воду как наговаривать?

— Обыкновенно. «Божья вода Вован, кликуха моя Колян. Лоха с себя смываю, крутой прикид надеваю. Ключ и замок».

— А венец порядочности?

— Ну, там малость посложнее. Улику нужно какую-никакую у следствия уворовать. Или там с ментами договориться, чтобы продали... Небольшую желательно.

— Это просто, — заверил Глеб. — Дальше!

— Улику растереть в порошок — и пускай порченый его семь дней в вино себе подсыпает. Лучше в кагор. А наговор такой: «Пётр соборовался, народ собрался; глядят и ждут, когда понятые придут. Приведи, Пётр, и мне мою долю. Аминь. Аминь. Аминь».

— Поститься надо?

— Не обязательно. Обычно и так выходит. Правда, там другая закавыка: вещдок могут и подложный продать, с них станется. Пьёт-пьёт клиент кагор с порошком, а порча как была — так и есть. Поэтому, когда покупаешь, гляди на энергетику. Да и это тоже не всегда помогает. Какую вещь из ментовки ни возьми — любая отрицательно заряжена... Поди разбери...

К сожалению, беседа их была прервана на самом интересном месте. Кто-то деликатно постучал во входную дверь, затем осторожно её приоткрыл и не менее деликатно осведомился:

— Можно?

— Можно, можно... — ворчливо откликнулся старый колдун.

В дверном проёме прихожей показался долговязый детина с беспощадной челюстью и умоляющими о пощаде глазами.

— Вы Ефрем Нехорошев?

— Да вроде бы... Садись, мил человек...

Потёртое гостевое кресло оказалось для гостя маловато. Верзила поёрзал, не зная, куда деть колени и локти.

— Помогите! — бросив конечности как попало, слёзно попросил он. — Был у одной бабки, она меня к вам направила... Испортили тебя, говорит, милок, ещё в детстве. Ты-то, говорит, думал: воспитание, а оказывается: порча...

— Так...

— Сил уже моих больше нет! Вроде Богом не обижен, всё при мне, с тринадцати лет пулевой стрельбой увлекаюсь, работу хорошую предлагают...

— И в чём трудность?

— Клиентов жалко! — с надрывом признался бедняга. — Рука не поднимается! А вы, говорят, венец милосердия снимаете...

Кувырок без возврата

Надо в лесу найти срубленный гладко пень, воткнуть с приговором нож и перекувырнуться через него — станешь оборотнем; если же кто унесёт нож, то останешься таким навек...

Народное средство

— Что это? — холодно спросил Перверзев, покосившись с неприязнью на пододвигаемый к нему конверт.

— Ну... с вами же в прошлый раз вроде договорились... — напомнил посетитель, глядя в глаза.

— Ни о чём я ни с кем не договаривался...

— Нет, не впрямую, конечно... — уточнил податель конверта. — Но намёк-то был...

— И намёка никакого не было! — упёрся Перверзев. — Я вас, молодой человек, вообще впервые вижу...

Происходящее не нуждалось в истолковании и втайне возмущало начальника господнадзора до глубины души. За полтора года пребывания на

© Евгений Лукин, 2005

этом посту он, как ему казалось, приучил всех челобитчиков к мысли, что взяток здесь не берут. Получается, не всех.

Да и сам облик посетителя, по правде сказать, симпатии ему не внушал. Касьян Перверзев гордился своей наружностью. Был он молод, представителен, подтянут, полагая, что настоящий чиновник должен быть безупречен не только внутренне, но и внешне. Приходилось, однако, признать, что сидящий по ту сторону стола юноша выглядел моложе, представительнее, держался с не меньшим достоинством, смотрел прямо, честно и, судя по всему, тоже не числил за собой ни единого греха.

— Конечно, впервые, — спокойно согласился он. — В прошлый раз тут был мой учитель... Ефрем Нехорошев.

— А-а... — откидываясь на спинку широкого кресла, предвкушающе протянул чиновник. — Вот оно что... Продлить лицензию желаете?

— Да. Через три месяца кончается.

— А знаете, молодой человек, насколько я помню, претензий к вашему учителю за последний год у нас накопилось... э... более чем достаточно... — Начальник господнадзора потянулся к открытому ноутбуку, тронул клавиатуру, с нежностью вгляделся в возникшие на экране данные и, растягивая удовольствие, горестно покивал. — Ну вот видите, — как бы извиняясь, обратился он к просителю. — Жалоба от коллектива целого учреждения. Пенсионерка, уборщица. Бабулька, как они её называют... Трижды подливала воду из кружки на порог рабочего кабинета, топталась вокруг лужи, что-то бормотала... Когда поймали за этим занятием, убежала, на следующий день уволилась. А у сотрудников неприятности, выговоры посыпались, увольнения. Естественно, обратились к нам. А как бы вы поступили на их месте?

Посетитель удивлённо посмотрел на хозяина кабинета.

— Воткнул бы нож в порог... — со сдержанным недоумением ответил он. — С наговором. «Железо холодное, оборони дом от рабы Божьей бабульки, от слова и от дела, отныне и навсегда». Повторил бы три раза, вынул нож. Всего-то делов... А мы тут с Ефремом при чём?

— Дело в том, что за неделю до этих событий, — любезно информировал Перверзев, — бабулька хвастала, будто была на приёме у самого Ефрема Нехорошева. Грозила, что теперь у неё все попрыгают...

— Могла и соврать, — резонно возразил юноша. — Но даже если была! Скажем, продали кому-то молоток, а он этим молотком взял и соседа пришиб. Что ж теперь — того, кто продавал, к суду привлекать? Или того, кто изготовил?

Аргумент был выстроен довольно грамотно, однако логика — логикой, а жизнь — жизнью. Всяк пойманный тобою на противоречии имеет право обвинить тебя в казуистике.

— Это демагогия, — улыбнулся чиновник. — Забирайте ваш конверт... уж не знаю, что в нём содержится...

— Я тоже, — утешил юноша.

— Что ж, это мудро, — одобрил Перверзев. — Короче, берите его, пока я не пригласил свидетелей, и идите, молодой человек, идите, идите... Разговаривать я намерен только с самим Ефремом Поликарповичем.

Посетитель встал, с невозмутимым видом забрал конверт и, не сказав ни слова, двинулся к дверям. Начальник госпднадзора ощутил некую растерянность. Вроде бы и выставил, а радости никакой. Ведь ни для кого не секрет, что чиновники, хотя бы и безупречные, питаются отрицательными эмоциями посетителей. Поэтому для них главное не сам отказ, но ответные чувства, возникающие в том, кому отказано.

В данном случае ответных чувств как-то не улавливалось.

Помнится, когда Глеб Портнягин входил в кабинет, приёмная была пуста. Теперь же в ней, кроме секретарши, находились двое: на одном из металлических стульев, выпрямив спину, терпеливо ждала своей очереди худощавая девушка с неподвижным горбоносым лицом индейского вождя, на другом вальяжно расположился дородный породистый мужчина с седеющей львиной гривой, в котором Портнягин узнал известного баклужинского нигроманта Платона Кудесова.

— Как? — дружески поинтересовался нигромант.

— Никак, — известил вышедший. — Ефрема требует.

— Да-а... — негромко, но раскатисто промолвил старший собрат по ремеслу. — Узнаю Поликарпыча. Водкой не пои — дай ученика подставить...

— Что ж вы? — забеспокоилась девушка. — Заходите!

— Только после вас, — галантно пророкотал Платон Кудесов и, дождавшись, когда горбоносая скроется за дверью, доверительно обратился к Портнягину: — Молодая, неопытная... Не знает ещё, что второй по счёту лучше не соваться...

— Провидица какая-нибудь? — спросил Глеб, тоже посмотрев на светлый натуральный шпон двери.

— Да так... В городской библиотеке комнату арендовала, порчу куриными яйцами выкачивала. А желтки, дурашка, сливала в общественный туалет. У персонала, понятно, проблемы со здоровьем начались. Накатали телегу, теперь вот неприятности у девчоночки...

— Знакомая история... Как там Игнат?

— Игнат-то? Ничего... Пока не жалуюсь. Смышлёный парень. О тебе часто рассказывает... Вы ж с ним в одном классе учились?

— Х-ха! Даже за одной партой сидели...

— Тесен астрал, — глубокомысленно заметил маститый чернокнижник. — А всё-таки, прости старика, зверь твой Ефрем... Нет чтобы самому сюда сходить — тебя послал! Не чаешь уже, наверно, как от него сбежать...

— Это он не чает, как от меня сбежать, — хмуро огрызнулся Глеб.

— Ну-ну... — развеселившись, сказал Платон Кудесов. — А сейчас что делать думаешь? Поликарпыч-то страсть не любит, когда ученики помощи просят...

— Не стану я ничего просить, — буркнул Глеб. — Сам что-нибудь соображу...

Дверь кабинета медленно открылась, и в проёме возникла всё та же худощавая девушка с лицом индейского вождя. Скальп был на месте, но в остановившихся глазах просительницы стыло отчаяние. Из блёклой кожаной сумочки сиротливо торчал уголок конверта.

«Что может быть покладистее, уживчее и готовнее хорошего, доброго взяточника?» — воскликнул когда-то Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин и был совершенно прав. Чиновник, не подверженный мздоимству, существо решительно невыносимое. Как говаривал другой титан нашей словесности, ему обязательно нужно «отмстить вам за своё ничтожество». Вот он приходит домой со службы, выедаемый изнутри чувством собственной неполноценности, — и кажется озлобленному клерку, что уже и родня глядит на него с немым укором: лопух ты, лопух! И чего, спрашивается, день деньской штаны в кабинете просиживаешь? Все люди как люди, а ты...

Касьян Парамонович Перверзев был не таков, хотя одному Богу известно, каких сил ему стоило подчас сохранять самообладание даже в общении с близкими и родными.

— А знаешь, Глаша, — удручённо признался он дома за чаем. — Мне сегодня опять на работе взятку предлагали... И не одну...

Супруга сделала сочувственное лицо, ободряюще огладила усталую руку мужа.

— Причём нагло так, в конверте... — Перверзев ссутулился, вздохнул и отложил серебряную ложечку на фарфоровое блюдце.

— Много? — соболезнующе спросила Глафира.

— Не знаю, не смотрел... Просто указал на дверь.

— Правильно сделал, — решительно сказала она. — Наверняка ментовка подослала. Купюры небось меченые, во всех пуговицах скрытые камеры понапрятаны! Вчера вон по телевизору...

— Да не в том дело... — тихонько застонал Касьян. — За кого ж они меня все принимают... Ну почему так, Глаша, почему?

— Потому что ума у людей нет, — грубовато отвечала Глафира. — Не понимают, что карьера дороже. Засиделся ты что-то, Касьянушка, в господнадзоре, — спохватившись, ласково добавила она. — Пора уже и в госнадзор перебираться...

— Эх... — с тоской молвил Касьян. — И ты тоже, Глаша, думаешь, что я ради карьеры...

Скорбно улыбнувшись, встал из-за чайного столика красного дерева и устремил светлый печальный взор в стрельчатое готическое окно, где нежно синело небо ранней осени и алела кленовая ветвь.

— Съездить прошвырнуться? — уныло помыслил он вслух.

Остановив иномарку на опушке, Перверзев выбрался наружу и, захлопнув дверцу, полной грудью вдохнул насыщенный грибной прелью воздух. Проверил противоугонку и, застегнув тёмную замшевую куртку, побрёл среди ясеней, нарочно шурша палой листвой.

Благодать. Если бы не эти одиночные вылазки на природу — с ума сойти недолго. Вскоре ясени кончились, пошла дубрава. Потом меж стволами блеснула вода. Свет предзакатного солн-

ца, отражаясь в озёрной глади, ложился на песчаный бережок, размывая тени, делая их прозрачными.

Самое начало сентября. Дубы ещё не начали желтеть, но их листья уже стали жёсткими, как бы жестяными, подёрнулись белёсым налётом. Если смотреть со стороны солнца, кроны — будто кованые.

Песчаная дорожка вильнула и вывела Перверзева на пологий бугорок, увенчанный гладко срубленным пнём. Вернее, не срубленным, а срезанным мотопилой, что, впрочем, тоже годилось для предстоящего ритуала. Сердце толкнуло в рёбра, замерло, заколотилось. Касьян приостановился, пристально оглядел округу. Глушь. Безлюдье. Достал из кармана куртки ножик, приблизился к пню и, что-то пробормотав, с маху снайперски вонзил лезвие в самый центр годовых колец.

Ещё раз огляделся. Никого.

Ну, с Богом...

Начальник господнадзора отступил на шаг, примериваясь, затем вдруг кинулся головой вперёд. Кувырнувшись, оказался на четвереньках. Есть! Вышло! С первого раза...

Поднялся, отряхнул замшу и направился к озерцу. Нечаянный свидетель, окажись он, не дай Бог, поблизости, неминуемо поразился бы, как странно изменилась походка Перверзева. Это уже был не праздный соглядатай природы, беспечно шуршащий листвой и умиляющийся размывам теней на песчаном бережку, нет, теперь сквозь дубраву неслышным кошачьим шагом пробирался хищник, почуявший жертву. Ноздри его чутко подрагивали.

Подкравшись к старой дуплистой вербе, зверь, бывший недавно Касьяном Перверзевым, запустил цепкую пятерню в трухлявое древесное чрево — и на беспощадном, словно бы исхудавшем лице обозначилась жестокая волчья улыбка.

Извлечённый из глубокого дупла свёрточек был куда толще и туже того жалкого конверта, что пытался всучить ему утром безымянный, хотя и представительный юноша. Что ж, с чёрного мага и спрос больше. Тем паче с такого прожжённого нигроманта, как Платон Кудесов.

Чиновник-оборотень сунул свёрточек в карман и двинулся обратным путём, цинично размышляя, брал или не брал взятки Вронский, когда, женившись на Анне Карениной, ушёл с военной службы и подался в дела судейские. Положив за правило, что ответственный работник должен предпочитать клас-

сику модной литературе, роман Льва Толстого Перверзев перечёл в прошлом году, но так и не понял, откуда взялись у нищего отставного офицерика средства на роскошное поместье с паровыми молотилками и прочими прибамбасами. Ну не на алименты же!

А вот кого было жаль Касьяну, так самого Каренина...

Но это тогда, в бытность человеком. Монстрам, как известно, жалость неведома.

Оборотень в замшевой куртке добрался до увенчанного пнём пологого бугорка — и обмер, не веря глазам.

Ножа не было.

На отнимающихся ногах приблизился вплотную, тронул пальцем узкую дырку, оставшуюся от глубоко всаженного лезвия. Осязание подтвердило страшную истину: нету. Выпасть нож никак не мог, и всё-таки Перверзев кинулся на четвереньки, принялся щупать путаницу сухих травинок вокруг пня. Внезапно обессилел и со стоном впечатал лоб в сухую твёрдую почву.

Случилось то, чего он боялся всегда. Шёл мимо грибник, увидел нож... Где теперь искать этого грибника?

Никогда, никогда не сможет отныне Касьян Перверзев почувствовать себя честным человеком, никогда не осмелится открыто взглянуть в глаза жены Глафиры и маленького Максимилиана!

Назад дороги нет. Завтра он придёт на службу и, не в силах вернуть себе прежний облик, начнёт брать прямо на рабочем месте. Его разоблачат через неделю, через две... Сначала поползут слухи, потом сигналы... Подошлют посетителя с конвертом и со скрытой камерой в каждой пуговице...

Перверзев вскинул к небу обезумевший лик — и тоскливый волчий вой огласил собирающуюся желтеть дубраву.

— Волк? Откуда? — удивилась худощавая девушка с неподвижным горбоносым лицом индейского вождя, оглянувшись на блескучие, словно бы выкованные из металла кроны дубов, из-за которых донёсся странный вопль.

Портнягин усмехнулся и продолжил орудовать сапёрной лопаткой, с помощью которой, кстати, каких-нибудь несколько месяцев назад был извлечён клад, заговорённый на тридцать три головы молодецкие.

— Оттуда, — уклончиво молвил он, меряя глубину ямки. Два штыка. То есть примерно аршин. — Хорош! — определил он. — Грузи...

— А вдруг он и впрямь волколак?

— Нет никаких волколаков... — бросил Глеб, вонзая лопатку в землю.

— То есть, я хотела сказать, волкодлак...

— И волкодлаков нет. Вот водколаки есть. Алкаши заклятые. Страшная, между прочим, порча. Бывает, за неделю человек сгорает. А народ недослышал, видать: решил, что они в волков перекидываются. Мне это всё Ефрем растолковал, а уж он-то знает... Грузи давай!

Молодая колдунья присела на корточки и, достав из внутреннего кармана тесной джинсовой жилетки краденый нож, кинула его с наговором на земляное дно. Глеб взял ржавый жестяной лист, на который он, копая, выкладывал грунт, и принялся засыпать и утрамбовывать. Когда аккуратно вырезанный квадрат дёрна лёг на прежнее своё место, от содеянного не осталось и следа.

Со стороны дубравы снова послышался тягучий вой.

— А вот раньше надо было базлать, — проворчал Портнягин, отбрасывая железный лист подальше, к оврагу. — Волк позорный...

И сообщники, бормоча что-то эзотерическое, двинулись по часовой стрелке вокруг схрона. Заклинали от нечаянной находки.

Идеалище поганое

Я бы с ним в контрразведку не пошёл.

Поговорка

В отличие от мурлыкающих целительниц-трёхцветок, чьи лбы отмечены полосками, слагающимися в подобия букв «м» или «ж» (в зависимости от пола предполагаемого пациента), серо-белый котяра Калиостро особо полезной для человеческого здоровья энергетикой не обладал, зато прекрасно улавливал приближающуюся опасность. Ничего особенного: память у кошек, как известно, обратна людской — иными словами, отражает не прошлое, а будущее. Вот почему наказывать их бесполезно: нашкодив, они хорошо помнят о грядущей расправе, но, как только возмездие состоялось, тут же напрочь о нём забывают. Тот факт, что кошку при таких её удивительных способностях тем не менее можно застать врасплох, ничего не опровергает: будущее подчас выветривается из головы с той же лёгкостью, что и прошлое. По науке это явление называется футуросклерозом.

© Евгений Лукин, 2005

Поэтому, когда буквально через пару минут после поспешного исчезновения лохматого зверюги послышался стук в дверь, оставалось лишь сделать выводы.

— Только их нам и не хватало! — проворчал в сердцах старый колдун Ефрем Нехорошев, захлопывая ветхую чёрную книгу времён самиздата. — Поди пригласи, а то не дай Бог сами вломятся...

Рослый ученик чародея Глеб Портнягин встал, скептически хмыкнул и, расправив плечи, пошёл открывать. Собственно, внешняя дверь не запиралась, да и замка отродясь не имела, но раз велено, значит, велено. Да и любопытно было взглянуть, кто там такой отчаянный пожаловал. Вломиться без приглашения в дом кудесника (и не просто кудесника, а самого Ефрема Нехорошева!), не убоясь при том учёной хыки, только и ждущей случая, чтобы незримо ринуться из подкроватных глубин на незваного гостя? Как-то это, знаете, не очень хорошо представлялось...

Лицо посетителя напоминало стёртую монету неопределённого достоинства. Едва лишь Портнягин увидел эти невыразительные, словно бы слегка смазанные черты, сердце невольно ёкнуло, и юноша принялся судорожно припоминать, где был вчера-позавчера, что делал, а главное — кто бы это согласился подтвердить. Нет, бегло читать в сердцах ученик чародея пока не умел — просто сработало чутьё, обострившееся ещё пару лет назад, как раз перед арестом за неумелый взлом продовольственного склада.

— Здравствуйте, — без выражения произнёс неизвестный. — Ефрем Поликарпыч дома?

Портнягин утвердительно наклонил голову и посторонился, пропуская пришельца в комнату.

— Здравствуйте, Ефрем Поликарпыч, — приветствовал тот престарелого кудесника. — Мне бы порчу снять...

— А второго чего на площадке оставил? — нелюбезно осведомился чародей. — Чего он там топчется? Зови сюда...

— Топчется? — удивился незнакомец. — Кто топчется? Я по лестнице поднимался — вроде никого не встретил...

И они взглянули друг другу в глаза. Клиент — непонимающе, колдун — напротив. Можно даже сказать, отнюдь.

— С вашего позволения, Ефрем Поликарпыч, я присяду...

— Ну, ежели как частное лицо, то... садись.

— Да, разумеется... Я говорю, Ефрем Поликарпыч, порчу бы мне...

— Глеб, — окликнул колдун. — Ты вроде собирался к этой... ну, у которой потолок упал...

Вне всякого сомнения, ученика выпроваживали. Сначала он хотел обидеться, потом раздумал. Может, так оно и спокойней — по вызову сходить.

Разминувшись на лестничной площадке с ещё одним незнакомцем, чья бросающаяся в глаза неприметность красноречиво свидетельствовала о его профессии, Глеб сбежал по ступенькам и выбрался во двор. Отойдя подальше, оглянулся. На краю мокрой крыши, нахохлившись, цепенел мрачный Калиостро. Судя по недовольному выражению кошачьей морды, визит незваного гостя должен был затянуться.

Над Ворожейкой сеялся мелкий осенний дождик. Как всегда после встречи с сотрудниками органов, пейзаж неуловимо переосмыслился. Выпуклости и вдавлины воронёных асфальтов отсвечивали сумрачно и тускло, как ствол табельного оружия. За оградой парка зябко переминались от ветерка молоденькие вязы в мокром жёлто-зелёном камуфляже.

Не к добру, ох не к добру стала в последнее время интересоваться колдунами Сусловская контрразведка. Отдел завели какой-то специальный по оккультной части. Сперва чёрных магов шелушили, теперь вот до белых добрались. А началось всё с тоненькой брошюрки, написанной и опрометчиво размноженной на принтере потомственным нигромантом Пелеевым-сыном, где доказывалось, будто в энергетически неблагополучных точках при определённом расположении планет взрывные устройства способны зарождаться стихийно, без человеческого вмешательства. Не дохворостили, видать, отпрыска Пелеевы. Кто ж такую страсть разглашает — тем более в наши-то времена!

Конечно, сама по себе брошюрка особой тревоги не вызвала бы (мало ли чепухи нынче тиражируют!), но вскоре, по несчастливому совпадению, в Баклужино принялись рушиться несущие конструкции зданий общественного пользования, что не могло не привлечь внимания к сомнительному труду юного чернокнижника. Так, при осмотре опор Пассажа, согласно слухам, были обнаружены внедрившиеся в железобе-

тон зародыши адских машинок, уже успевшие выбросить тоненькие ветвистые проводки и нарастить подобие часового механизма. Пресс-центр МВД Суслова решительно эти слухи опроверг, что тоже настораживало. Молва может и соврать, но государство-то не соврать не может!

Да и мотивы вранья в данном случае были вполне очевидны. Стоило официальным источникам признать правоту А. Пелеева, как сразу бы возник вопрос: сколько же вы, господа хорошие, упрятали за решётку невинных людей всего-навсего за то, что в гараже у них или, скажем, в дамской сумочке сами собой завязались двести граммов пластида?

А тут ещё этот скандал с ползучими тротуарами...

Миновав фармацевтическое предприятие «Тинктура» (до 1991 года — «Красная тинктура»), ученик чародея свернул за угол и двинулся вверх по Малой Спиритической, припоминая на ходу подробности недавнего происшествия.

Историки дивятся до сих пор, каким образом удавалось древним инкам перетаскивать огромные гранитные блоки от каменоломен до строительных площадок без применения грузоподъёмных механизмов и колёсных повозок. Впрочем, сами туземцы из этого никогда секрета не делали и на вопросы конкистадоров честно отвечали, что глыбы шли сами, подгоняемые заклинаниями. В доказательство испанцам был предъявлен камень столь тяжёлый, что даже не смог дойти до места — изнемог и заплакал кровью. Лишь после этого его оставили в покое, бросив на полпути, где он, говорят, лежит и по сей день.

Какая зараза воскресила в Баклужино магию древних инков, выяснить так и не удалось, но факт остаётся фактом: несколько вымощенных торцами пешеходных дорожек перебрались по волшебству во дворы коттеджей и на дачные участки. Один тротуар (торцы были помечены особым составом, что и позволило их потом опознать) заполз аж под Чумахлу.

Чем всё кончилось, сказать сложно. Вроде бы задержали нескольких лиц московской национальности, однако удалось ли доказать их причастность к данному делу, Портнягин не помнил.

Вызов, как можно было догадаться заранее, оказался запоздалым. Гигантский пласт отсыревшей штукатурки упал с кухонного потолка вчера вечером. Хорошо ещё, не пришибло

никого. Глеб соболезнующе оглядел обломки, осколки, ошмётки — и потянул носом. Ладан.

— Освящали?

— На той неделе... — всхлипывала хозяйка.

— Зря.

Пострадавшая, обмерев, уставила просохшие от изумления глаза на кощунствующего мага. Вроде белого вызывала, не чёрного.

— Тоже ведь палка о двух концах, — со вздохом пояснил тот, невольно подражая неторопкой речи учителя. — Средство-то сильное. Это как старую простыню с отбеливателем стирать. Вынешь из машинки, а она вся разлезлась. Так и тут... Энергетика у вас, сами понимаете, ветхая, износившаяся. Осталось — на чём моталось, а вы её — ладаном, молитвой, святой водой... Сразу и расползлась. А материальной-то сущности цепляться стало не за что! Вот и рухнула...

— Говорили: поможет... — проскулила потерпевшая.

— Будь дом поновей, помогло бы, — утешил Глеб. — Обычно астралу освящение только на пользу. — Вздохнул, развёл руками. — Ну, не тот случай, хозяюшка... Потолок-то ваш отрицательной энергетикой сплошь изъеден — можно сказать, на ней одной и держался. Вот поэтому, прежде чем зло изгонять, — поучительно добавил он, — ещё посмотреть надо: а ну как без него всё вразнос пойдёт? Примеров-то — уйма! Боролись с дедовщиной — развалили армию, боролись с криминалом — развалили Россию. Это ж всё равно как стержень вынуть...

— И что теперь? — заранее кривясь, спросила страдалица.

Портнягин посмотрел на неё с участием.

— Ремонтировать надо...

Пересекая двор, ученик чародея отметил, что скорбного мурла на краю крыши уже не наблюдается. Никто не цепенел в укоризненной позе и не изображал собой печную трубу.

— Ну и чего они приходили? — полюбопытствовал Глеб, прикрывая за собой входную дверь.

Старый колдун Ефрем Нехорошев в халате и шлёпанцах горбился на табурете у стола, нацелив крючковатый нос прямиком в гранёный стакан, наполненный до половины чем-то прозрачным. Глеб даже испугался на миг, что расстроенный

посещением контрразведки учитель махнул рукой на принципы и решил запить в неурочный день. Но нет, приглядевшись, Портнягин с облегчением заметил в прозрачной жидкости нечто жёлтое. Стало быть, не спиртное было в стакане. Разбавлять чем-либо водку старый колдун почитал святотатством.

Под столом у самых шлёпанцев чародея оскорблённо вылизывался серо-белый котяра Калиостро.

Кудесник прервал созерцание, покосился на ученика.

— Чего приходили, говоришь? — вяло переспросил он. — Сам же слышал: порчу снять. Да и поболтать заодно...

— Знакомый?

— Кто?

— Ну, приходил который...

— Капитан-то? Откуда!

— С чего тогда взял, что капитан?

— А то не видно, что ли?

Портнягин с упрёком посмотрел на учителя. Вреднющий всё-таки норов у старикашки. Хлебом не корми — дай голову поморочить!

— Кстати, и о тебе спрашивали, — скрипуче добавил Ефрем. — Перед крытым рынком вчера стоял?

— Стоял, — с недоумением признался Глеб.

— Головой качал?

— Ну, допустим...

— Допустим! — вспылил кудесник. — Соображать надо, что делаешь! А ну как не дай Бог рухнет завтра? На кого свалят, а?

Покряхтел и снова уставился с недовольным видом в гранёную посудину. Рядом на газетке лежала раздавленная яичная скорлупа. А в стакане, надо полагать, плавал желток. Портнягин успокоился окончательно.

— Назначен к нам из Суслова, — покашливая, хмуро известил Ефрем, — генерал Пехотинцев.

— Знаю, — равнодушно отозвался Глеб. — В газете читал.

Колдун недовольно пожевал губами.

— Политическую карьеру ладит...

— Тоже знаю...

— И что затевает — знаешь?

— Охоту на ведьм? — усмехнувшись, предположил Глеб.

Кудесник насупился.

— Не на ведьм, Глебушка. Не на ведьм. А на нас с тобой. Так-то вот...

— Не по-онял!

— Крайний нужен, — с досадой пояснил Ефрем. — Лиц московской национальности в Баклужино, почитай, уже не осталось, а крыши как падали, так и падают! Тротуары уползти норовят! Сразу всех колдунов обвинить — кишка слаба. Значит, на кого-то одного спихнуть надо. А мы с тобой люди тихие, в политику не лезем, никто за нас в случае чего не вступится...

— Думаешь, никто?

— А вот помяни мои слова! Ещё и порадуются втихомолку...

— Такой и статьи-то нет, — тонко заметил знающий Портнягин. — За колдовство.

— Ещё бы тебе на каждый чих по статье писано было! — фыркнул кудесник. — Статей не напасёшься! Сажают-то — как? Гангстера — за неуплату налогов, матерщинника — за разглашение государственной тайны. Глядишь, и нам какую-нибудь статью подберут...

— Что шьют? — прямо спросил Глеб. — Тротуары?

— Тротуары... — передразнил колдун. — А зыбучие бетоны не хочешь?

Секунду Портнягин стоял неподвижно, сведя губы в бублик, словно собираясь присвистнуть. Трудно сказать, много ли сведений выцедил из Ефрема порченый капитан, но можно было побиться об заклад, что сам Ефрем выцедил из капитана куда больше. Знать бы ещё, каким образом...

Глеб приблизился к столу, машинально заглянул в стакан. Методика собирания негативной энергетики на сырое куриное яйцо была неплохо изучена юным чародеем. Сажаем порченого на стул лицом в иконы и с молитовкой начинаем катать яйцо вокруг головы по часовой стрелке, потом без отрыва спускаемся спиралькой вдоль хребта, поскольку порча, как известно, больше всего любит наматываться на позвоночный столб, после чего перебираемся на руки, на ноги. Затем, опять же с молитовкой и осторожненько, чтобы, Боже упаси, не поранить желток, бьём яйцо, выпускаем его в стакан с водой, а там смотрим, что получилось.

— Хм... — озадаченно сказал Портнягин.

Обычно после сбора негатива желток идёт в пупырышку, появляются так называемые «черви», а хитросплетение нитей

белка образует либо подобие гроба, либо церкви с крестом. В данном случае ничего похожего не наблюдалось.

— Да порчи-то, сам понимаешь, не было никакой, — видя недоумение ученика, нехотя пояснил старый колдун. — Это я у него с башки информацию яйцом скатал...

Глеб оторопело воззрился на учителя. Нет, до таких высот ремесла ещё, конечно, ползти и ползти. Повторно — теперь уже с умыслом — Портнягин заглянул в стакан, но, разумеется, ни генерала контрразведки, ни коварных его замыслов так и не узрел.

Обычное дело: только-только покажется, будто вы уже с наставником на равных, как вдруг он такое отчинит, что затоскуешь и поймёшь, насколько ты далёк от идеала.

— Плохи наши дела, Глебушка, — уныло признал старый чародей. — Сильно плохи... Ну да ладно, придумаем что-нибудь. А ты поди пока желток в унитаз выплесни. Какие слова при этом говорить — помнишь?

— Проверь! — вскинулся обидчивый Глеб.

— Не надо, — буркнул колдун, но всё-таки опять не удержался: — Только руки, слышь, не забудь по локоть вымыть, — сварливо добавил он. — Холодной водой. А то не дай Бог нацепляешь всякого. Информация, она ведь иной раз хуже порчи...

— А крестили его как? Порченого...

— Капитана-то? — Колдун сунулся носом в стакан, всмотрелся. — Лавром крестили...

«Именем Господа нашего Иисуса Христа, приказываю тебе, сатана, — выливая желток в унитаз, бормотал Глеб. — Уйди прочь со своими бесами и духами от раба Божьего Лавра, аминь...»

Затем повернулся к раковине и ополоснул посудину, продолжая бормотать: «Мою я не стакан, а раба Божьего Лавра от его болезней, неприятностей, испуга, переполоха, призора, злого разговора. Как этот стакан чист, так и раб Божий Лавр...» — ну и так далее.

Разделавшись с жидким носителем информации, Портнягин переступил порожек тесного совмещённого санузла, однако вовремя спохватился и, вернувшись, тщательно вымыл руки по локоть. Холодной водой. Тем более что другой и не было.

— Много там ещё у тебя вызовов? — утрюмо осведомился Ефрем, дождавшись возвращения Глеба.

— Два, — сказал тот. — А поговорить ты со мной обо всём об этом не хочешь?

Кудесник нахохлился.

— Чего там говорить-то? — буркнул он. — Расстраиваться только...

В задумчивости Портнягин вышел со двора и двинулся в направлении площади Жанны д'Арк, хотя оба оставшихся на сегодня клиента проживали — один на Божемойке, второй — и вовсе на Лысой горе. «Подождут», — поколебавшись, решил Глеб и, миновав памятник жертвам инквизиции, направился к «Старому барабашке».

Навстречу попалась группа бритоголовых подростков: пара славян, кавказец и мулат. Юные расисты подозрительно взглянули на рослого прохожего и с недовольным видом расступились, пропуская. Во-первых, ясно было, что с таким лучше не связываться, во-вторых, охотились они в основном за лицами московской национальности, легко опознаваемыми по более упитанному выражению и общей наглости черт.

Скоро, глядишь, вот так же и колдунов выслеживать станут.

Портнягин нырнул в стеклянный кубик кафе и, расположившись за привычным столиком у стеночки, заказал сто грамм водки и оренбургер.

Выпил, задумался.

Ничто так не полирует обух, как попытка перешибить его плетью. Не то чтобы Портнягин не знал этой старой истины, однако и сидеть сложа руки тоже не годилось. Пораженческое настроение наставника не на шутку беспокоило Глеба. Имей они дело с милицией, тёртый ученик чародея знал бы в общих чертах, что предпринять. А вот контрразведка...

Даже если вновь назначенный генерал решил повесить на старого колдуна с его учеником одно только дело о зыбучих бетонах, перспектива становилась мрачноватой. Маячили в ней, например, несколько предстоящих обрушений, возможно, с жертвами. Не зря стоял вчера Глеб Портнягин перед крытым рынком и неосмотрительно качал головой: энергетика здания была настолько изъедена временем и отрицательными эмоциями покупателей, что оставалось гадать, на чём крыша держится!

Прочность шедевров древней архитектуры вот уже несколько тысячелетий не выходит из поговорки, но обычно мы объясняем это явление как последние материалисты: дескать, предки по-особому обжигали кирпичи, замешивали раствор на яичных желтках. Пусть так оно всё и делалось, однако нельзя забывать и о духовной основе, или, как выражаются специалисты, об астральном каркасе здания.

Стоит ли удивляться долговечности старых храмов, если каждое свершённое в них богослужение укрепляет незримую структуру сводов и стен? Даже когда культовые сооружения становятся всего-навсего достопримечательностями, накопленного запаса астральной прочности им, как правило, хватает на долгие века.

Иное дело, если происходит столкновение идеологий: скажем, здание какого-нибудь там развлекательного центра строили мусульмане, а освящали православные. В этих случаях в астрале возникает вибрация, в результате которой из бетонных опор улетучиваются частички цемента и остаётся один песок, что не раз приводило к катастрофическим последствиям.

Ещё хуже, если в старый храм вторгается новая вера. Астральные турбуленции принимают тогда особо причудливый характер: в строении заводятся пресловутые энергетические зародыши адских машинок, наращивают материальную оболочку — и вскоре достаточно бывает навести объектив фотоаппарата или кинокамеры на обречённый объект, чтобы произошёл общий взрыв, как, собственно, и случилось в 1931 году с храмом Христа Спасителя. Руководители СССР приписали замысел разрушения святыни себе и, с политической точки зрения, были совершенно правы. Лучше прослыть злодеями, чем растяпами.

Портнягин поймал себя на том, что опять сокрушённо качает головой, и немедленно запретил себе это делать. Не те сейчас времена — головами качать. Качнёшь — ответишь.

Да, как ни ворочай, а против контрразведки ты бессилен. Ни для кого ведь не секрет, что, к чему бы она ни прикоснулась, всё, в том числе и колдовство, либо вянет-пропадает, либо перерождается до неузнаваемости.

Правда, Ефрему Нехорошеву удалось скатать секретные сведения на сырое яйцо, но, во-первых, это Ефрем, во-вторых, трюк старого колдуна даже Глебу представлялся чудом, а в-третьих, сотрудник-то прикинулся частным лицом, да и сам,

как водится, в это поверил. Явись он официально — даже у Ефрема мало бы что вышло.

Ученик чародея вздохнул и решительно отодвинул картонное блюдце с нетронутым оренбургером.

Так-то вот, Глеб Кондратьич! Раньше вами один лишь уголовный розыск интересовался, а теперь, гляди-ка, до контрразведки доросли... Головокружительная карьера!

С этой язвительной мыслью Портнягин поднялся из-за столика и двинулся к стеклянной двери.

Когда, сходив по обоим адресам, молодой колдун вернулся к дому учителя и наставника, уже свечерело. Глеб нырнул в арку, но, очутившись во дворе, приостановился. На краю крыши опять цепенел угрюмый кошачий силуэт.

Замедлив шаг, ученик чародея приблизился к скамейке и сел, не сводя глаз с двух освещённых окошек на пятом этаже, где метались какие-то тени.

Подняться или выждать? Вскоре тени перестали метаться — и через несколько минут из дверей подъезда вышли четыре сердитых человека в штатском с лицами стёртыми, во-первых, сумерками, во-вторых, родом занятий. Убедившись, что все они скрылись в арке, Глеб ринулся к парадному и единым духом взбежал на пятый этаж.

В комнатёнке колдуна владычествовал разгром. Нет, физически всё осталось на местах до последней пылинки. Но астрально...

Старый чародей Ефрем Нехорошев с удручённым кряхтеньем извлекал из кладовки диковинный предмет, представлявший собой выветренную до ноздреватости каменную ложницу, на коей покоилась отшлифованная ладонями многих поколений кудесников сфера из тёмного дуба. Судя по некоторой однобокости, сработана она была отнюдь не на токарном станке.

— Говорил же, говорил... — произнёс чародей, поворачиваясь гневно трясущейся бородёнкой к остолбеневшему воспитаннику. — Спрячь документ! Не порть энергетику! Нет, размахались тут, понимаешь, корочками своими! У, архаровцы...

Действительно, стоит контрразведчику выставить наружу хотя бы уголок служебного удостоверения, как любые чары рассеиваются, амулеты теряют силу, зачастую сыплется сама инфраструктура астрала. В развёрнутом же, Боже сохрани, виде грозная книжица начинает откачивать положительную

энергию в таком темпе, что последствия могут быть и вовсе непредсказуемы.

Из-под кровати слышалось тоненькое прерывистое поскуливание — учёная хыка наверняка забилась, бедная, от страха в самый тёмный угол, не решаясь даже уйти в иное измерение.

Опомнившись, Портнягин взял тяжеленную реликвию из рук учителя и осторожно поставил на стол. Редко, очень редко выносил Ефрем на Божий свет эту древность. Посетители обычно принимали странное изделие за символ Луны или Солнца — им и в голову не могло прийти, что перед ними славянский языческий идол, божество Колобог, представлявшееся нашим предкам в виде шара, центр которого находится везде, а окружность — нигде. В раннехристианских источниках подобные истуканы известны под именем Идеалища Поганого.

Портнягину всегда казалось, что чем-то эта доисторическая деревяшка напоминает самого Ефрема: с одной стороны — предельно проста, с другой — пугающе непостижима.

— А сейчас-то они чего нагрянули?

Не отвечая, старый колдун возложил сухие длани на дубовую сферу и начал полегоньку её оглаживать — видимо, восстанавливал энергетику в помещении. А может, просто успокаивался. Чувствовалось, однако, что вопрос Глеба несколько смутил кудесника.

— Слышь, — с неловкостью обратился он к питомцу. — Ты, когда желток в унитаз выливал, какие слова говорил?

— Какие положено! — огрызнулся Глеб. — Я ж тебе предлагал: проверь...

Колдун покивал со скорбным видом.

— Да, — горестно признал он. — Как же я сам-то, главное, не смикитил? «Мою я не стакан, а раба Божьего...» «Как этот стакан чист, так и...» М-да... Мы ж, получается, не порчу, мы информацию в унитаз слили... Память у мужика начисто отшибло. Представляешь: звание своё — и то забыл...

— Навсегда?!

— Да восстановится, думаю, за пару дней, — расстроенно отвечал старый колдун. — Порчу-то ведь тоже с одного раза яйцом не откатаешь... Но я-то, я-то как не сообразил?

«Так я тебе и поверил, — мысленно осклабился Глеб. — Надо же! Не сообразил он...»

В форточку просунулось серо-белое мурло Калиостро. С омерзением оглядев астральный бардак, котяра фыркнул и снова сгинул в зябких осенних сумерках.

* * *

Каждое утро Портнягин неизменно начинал с того, что приводил в порядок энергетику во всей квартире. Но если раньше нехитрая эта работа была сопоставима разве что с влажной уборкой, то теперь, после обнажения сотрудниками служебных удостоверений, её хотелось сравнить с ликвидацией последствий стихийного бедствия. Вручную. Без бульдозеров и подъёмных кранов.

Умаявшись, ученик чародея вернулся передохнуть в физическое тело, когда под окнами раздался пронзительный, с детства знакомый свист.

Открыл балконную дверь, выглянул. Внизу на облепленном палыми листьями мокром асфальте стоял, запрокинув румяную упитанную физию, бывший одноклассник, а ныне воспитанник чёрного мага Игнат Фастунов. Завидев Глеба, ученик нигроманта махнул рукой, приглашая спуститься.

Выйдя из подъезда, Портнягин обнаружил, что обычно улыбчивый Игнат на этот раз чем-то сильно встревожен.

— Вы что творите? — пренебрёгши приветствием, испуганно шепнул он. — У вас что с Поликарпычем — по две головы, что ли?

— Чего стряслось?

— Будто не слышал! Правое крыло здания МВД рухнуло...

Сердце у Портнягина при этом известии, естественно, оборвалось. Проявил выдержку, поскучнел лицом.

— Жертвы есть? — осведомился он, чуть ли не позёвывая.

— Одна. Но такая, что лучше бы остальных придавило. Генерал в окно выпрыгнул, ногу сломал. А в оккультном отделе все компьютеры — в мелкие дребезги...

— Ай-ай-ай-ай-ай-ай-ай... — поражённо завёл старый колдун Ефрем Нехорошев, услыхав о приключившемся. — Ай-ай-ай-ай...

Глеб Портнягин с искажённым лицом метался, стискивая кулаки, по захламлённой тесной комнатёнке, провожаемый неодобрительными светло-зелёными глазищами Калиостро.

— Ну и что теперь делать?! — заорал он, поворачиваясь к кудеснику.

Но тот всё никак не мог прийти в себя:

— Ай-ай-ай-ай-ай-ай...

— Нет, но делать-то что?!

— Ай-ай-ай-ай... — Запнулся, уставился на Глеба. — А что делать? Ничего не делать.

— Но ведь кому-то же за это отвечать!

— Непременно, — со всей убеждённостью подтвердил Ефрем. — Шутишь, что ли? За такую-то страсть... — Вновь проникся ужасом случившегося, обессмыслил глаза и замотал встрёпанной бородёнкой, явно собираясь завести по второму разу: «Ай-ай-ай-ай...»

— Так нам же с тобой и отвечать!!!

Тут уж колдун не запнулся, а просто осёкся.

— Ну ты, я гляжу, себя уважа-аешь... — протянул он, слегка отстраняясь от Глеба, словно бы не в силах охватить его единым взглядом. — Не рынок, чай, не бассейн... Контрразведка! Кто ж этакие дела на частных лиц вешает? Позору не оберёшься! Тут, брат, международный терроризм приплетать впору... Да он, помяни мои слова, и сам себя приплетёт. Что ж там, дураки, такой лакомый кусочек терять?

Несколько секунд Портнягин стоял неподвижно. Затем в прищуренных глазах его затеплилось понимание.

— Ловко... — пробормотал он.

Колдун тем временем снова осунулся, погрустнел.

— Надо же... — сетовал он. — Вот времена... Генерал-то, а?.. Какую ногу хоть: левую или правую?..

— Как же ты это подстроил? — тихонько спросил Глеб.

Оборвав причитания, кудесник с угрозой воззрился на питомца из-под косматых бровей.

— Ты смотри ещё так кому-нибудь не скажи, — строго предупредил он. — Подстроил... Как ты такое подстроишь?

— Да? А кто вчера идола гладил?

— А кто позавчера перед крытым рынком головой качал? — с блеском парировал Ефрем.

— Ну так рынок-то стоит пока!

— Пока стоит...

Портнягин перевёл дух.

— Хочешь сказать, само всё вышло?

— А почему нет? — рассудительно отвечал колдун. — Мало ли случаев... В Москве вон перемывали-перемывали по телевизору кремлёвские косточки — стена с захоронениями обвалилась. А ведь в пятнадцатом веке сложена была... Так и здесь. Приехал из Суслова генерал — и давай обычаи ломать, на но-

вых крайних перенацеливать. Сначала в мозгах вибрация началась, а там и астрал срезонировал...

Портнягин опёрся широко раскинутыми руками на край стола, подался к учителю.

— Ефрем! — ласково молвил он. — Ну что ж ты меня за лоха-то держишь? Сам прикинь, что получается. Обидела тебя контрразведка, прислала капитана. Порчу снять. Ты её и снял. С моей помощью. Тут уже они на тебя обиделись — пришли разбираться, всю энергетику нам порушили. А на следующее утро у них потолок падает, генерал ногу ломает. Несчастный случай?

Последнюю фразу Глеб выговорил откровенно издевательски. Чародей встал. Запахнул халат, подошёл к тусклому окошку, помолчал, размышляя.

— Ефрем, — с мягкой укоризной сказал ему в спину Портнягин. — Не доверяешь? Проболтаюсь, боишься?

— Нет, — глуховато прозвучало в ответ.

— Что нет? — не понял Глеб.

— Не было это несчастным случаем, — отрывисто и вроде бы через силу признался колдун.

Портнягин обмяк. Честно говоря, на такую откровенность он даже и не рассчитывал.

— А что же это было? — замирая, спросил он.

Кудесник обернулся. Узкое морщинистое лицо его показалось Глебу загадочным и древним, как у языческого идола.

— Счастливый это был случай, Глебушка, — с неожиданной теплотой в голосе изрёк колдун. — Счастливый...

Тайна гнездовских курганов

Карамзин изобрёл только букву «ё». «Х», «п» и «ж» изобрели Кирилл и Мефодий.

Венедикт Ерофеев

— Вы?! — не поверил глазам посетитель, когда Глеб Портнягин открыл ему дверь. Причём следует отметить, что невольно вырвавшееся восклицание, уйдя на пять этажей вниз, отдалось в гулком подъезде с прежним изумлением, но куда менее радостно, чем прозвучало на самом деле. Старое правило: если хотите узнать истинные чувства собеседника, вслушайтесь в эхо его голоса.

Несмотря на такое обстоятельство, суровая физиономия Глеба дрогнула и разошлась в улыбке.

— Аркашк, ты, что ли?

— Собственно... — приходя в себя, вымолвил тот. — Я к Ефрему Нехорошеву... Это здесь?

— Так ты ж у нас вроде не суеверный!

— А при чём тут...

© Евгений Лукин, 2005

Продолжая скалиться, Портнягин распахнул дверь ещё шире.

— Заходи давай.

Так и не уяснив, как ему себя вести, гость перешагнул порог и, озадаченно сдвинув брови, проследовал в комнату. При виде хозяина замер вторично, однако быстро овладел собою и с отменной вежливостью поздоровался, представился. Старый колдун Ефрем Нехорошев в свой черёд окинул взглядом пришельца и, кажется, остался им недоволен.

— Садись, — велел он.

Но тот по-прежнему стоял столбом, вопросительно переводя глаза с Ефрема на Глеба и обратно. Ничего не мог понять.

— А-а... — сообразил он спустя малое время. — Вы — родственники?

— Садись, — повторил колдун. И прибавил ворчливо: — Родственников нашёл... Ученик это мой.

— А мне он сказал, что на какого-то колдуна работает...

— Ну, правильно.

— Так вы что, колдун?!

— А ты к кому хотел?

— Мне вас рекомендовали, — с недоумением признался посетитель, — как лучшего баклужинского эксперта в области палеоинвективной лексики.

В комнате стало тихо. Учитель и ученик зачарованно смотрели на клиента.

— Слышь, ты... Палео... — произнёс наконец Ефрем, борясь с улыбкой. — А по-людски?

— Примерно так звучит тема новой моей работы, — пояснил гость. — Вот... — Он достал из папки и протянул Ефрему отпечатанные на принтере листы.

«Сейчас, когда лишь матерные выражения напоминают нам о далёких временах матриархата...» — заглянув через плечо наставника, прочёл Глеб зачин первой фразы.

— Вона как... — с уважением произнёс кудесник и многозначительно покосился на питомца. Видал, дескать?

Визиты учёных мужей случались чуть ли не ежемесячно. К старому колдуну исследователей гнала одна и та же закавыка: всё правильно, а почему-то не работает! В прошлый раз, к примеру, нагрянула группа медиков, которых угораздило синтезировать идеальное лекарство. Исцеляет всех подряд от любой хвори. Вернее, должно было по замыслу исцелять... Что ж,

не они первые! Подобно своим многочисленным предшественникам молодые энтузиасты, как попросту растолковал им Ефрем Нехорошев, не учли изначального свойства панацеи — универсальности. Вместе с больным выздоравливали и микробы.

Но с проблемами палеолингвистики, помнится, никто ещё не обращался.

— Сейчас разберёмся, — пообещал Ефрем. — А вы друг друга откуда знаете?

— Вместе клад искали, — уклончиво отозвался Аркадий.

— Ну, тот, который ты тогда на Дурман-бугре прикопал... — осклабясь, напомнил Глеб. — Заговорённый. На тридцать три головы молодецкие...

— Чтобы самому не рисковать, меня в раскоп погнал, — скрипучим голосом наябедничал гость.

— Да ты-то чем рисковал?! — возмутился Глеб.

— Ладно, хватит вам! — буркнул колдун. — Кладоискатели... Ну так что у тебя с этим... с палео... Да не маячь ты, как надолба придорожная! Садись давай.

Кандидат филологических наук Аркадий Залуженцев опустился в потёртое гостевое кресло — и усомнился вновь. Встрёпанный старичок в туфлях и в халате мало походил на консультанта. Однако не возвращаться же! Аркадий вздохнул — и приготовился излагать.

— Как вам известно, Ефрем Поликарпович, — повёл он речь по-писаному, — табуированная лексика увеличивает свой объём в основном за счёт эвфемизмов, которые...

— Пого-одь! — выгнув по-мефистофельски брови, зычно возгласил старый чародей. — Ты мне тут эту словесную немчуру горохом не сыпь! Ещё раз услышу — выгоню на хрен... бабушку твою в тридцать три тропа табуированную вдоль и поперёк с присвистом через семь эвфемизмов в толковый словарь!..

Кандидат обомлел.

— С вашего позволения, я запишу... — пролепетал он, извлекая блокнот и гелевую ручку.

Колдун довольно хмыкнул и приосанился. Был польщён.

— Ну, запиши... — благосклонно позволил он.

— Повторите, — с благоговением попросил Аркадий.

— Нешто я помню! — оскорбился кудесник. — С нитафончиком ходи миникюрным, если памяти нет... Ладно, — смяг-

чился он. — Давай всё по-новой, только, слышь, попроще, по-человечески...

— Я попробую, — робко сказал Аркадий. — Э-э... видите ли, Ефрем Поликарпович... бывают случаи, когда браниться неприлично, но... желательно... — с запинкой начал он. — Ну... просто нельзя иначе... Жизнь-то вокруг... сами понимаете...

— Во! — одобрил колдун. — Получается... Дальше давай!

Присевший бочком на край стола Глеб усмехнулся. Ещё бы не получилось — после пяти этажей!

— Выход один... — Аркадий почувствовал себя заметно уверенней, перестал стесняться, родная речь уже не казалась ему свидетельством дремучего невежества. — Следует смягчить выражения, то есть заменить оскорбляющую слух... э-э... часть оборота... — поспешил заранее исправиться он, заметив угрожающее движение бровей колдуна, — сходным созвучием... Но беда в том, что со временем замена тоже обретает оскорбительный смысл. И вместо одного непечатного слова мы уже имеем два...

Глеб Портнягин не выдержал и потряс головой. Хотя Аркадий силою матерного заклятья и перестал нести иностранщину, слушать его было всё равно тяжеловато.

— Скажем, существительное, которым ныне принято называть женщину лёгкого поведения, — как на лекции, разливался тот, — не всегда являлось непристойным. Мало того, оно даже не всегда обозначало женщину. Взять протопопа Аввакума. Вот он приводит мнение Дионисия Ареопагита: «Дитя, али не разумеешь, яко вся сия внешняя блядь ничто же суть, но токмо прелесть и тля и пагуба!» В данном случае «внешняя блядь» — всего-навсего планеты, «блудячие звёзды», предмет астрологии, с которой, как вы знаете, Аввакум боролся беспощадно. А само слово происходит от «блудить», «блуждать», «заблуждаться»...

— А что тогда «внутренняя блядь»? — неожиданно спросил кудесник.

Залуженцев опешил, заморгал.

— Простите... — пробормотал он. — Вот в таком разрезе... мне как-то... ни разу в голову... А вы сами как считаете?

— А ты мозгами-то пошевели, пошевели, — подначил старый чародей. — Если «внешняя блядь» — это звёзды небесные, то внутренняя — это что? А? Вот то-то и оно, Аркашенька! Это нравственный закон внутри нас. Дальше давай...

Но кандидат филологических наук уже раскрыл блокнот — и строчил, строчил во все лопатки. Записывал услышанное. Меленько и разборчиво. Покуда не забыл. Хоть молотом по нему бей — не почувствует.

— Спасибо... — выдохнул он наконец, пряча стило и вскидывая безумные глаза.

— Ну так... — вернул его на землю Ефрем.

— Возьмём общеизвестное трёхбуквенное или, как его ещё называют, восьмиугольное слово, обозначающее мужской орган, — захлопывая блокнот, отважно предложил Аркадий.

— Давай, — с ухмылкой согласился чародей.

— Когда-то наши предки, стараясь смягчить грубое речение, заменили его славянской буквой «хер». В итоге название буквы стало непристойным. Попытались привлечь по созвучию огородное растение «хрен». И невиннейший овощ тоже стал ругательством. Но мало кто способен осознать, — всё более воодушевляясь, продолжал кандидат филологических наук, — что само исходное наименование также когда-то было эвфемизмом... — Спохватился, закашлялся. — Простите, Ефрем Поликарпович... Не хотел... Нечаянно вырвалось...

— Ничего, — успокоил колдун. — Разок можно... А сварика нам, Глеб, кофейку... Ты, Аркаша, говори, говори...

— Разумеется, я не могу рассматривать всерьёз шарлатанское, простите меня, утверждение, — с горячностью объявил Аркадий, — будто слово это имеет латинские корни и возникло чуть ли не в восемнадцатом веке! А объяснение Карамзина, при всём моём к нему почтении, сильно отдаёт народной этимологией...

— Что за объяснение? — заинтересовался Ефрем, пропустив и на сей раз словесную немчуру мимо ушей.

— Наш выдающийся историк, — несколько ядовито сообщил клиент, — считал, что данное существительное возникло от глагола «ховать» в повелительном наклонении. «Совать» — «суй», «ковать» — «куй»... Ну и... сами понимаете...

— А что ж! — заметил кудесник. — Убедительно.

— Внешне — да! — запальчиво возразил Аркадий. — Но я уж скорее приму весьма сомнительное, на мой взгляд, предположение, будто словцо занесли к нам из Китая татаро-монголы. Однако суть-то, Ефрем Поликарпович, не в этом!

— Так...

— Суть, Ефрем Поликарпович, в том, что в своей работе я хотел бы найти слово-предшественник! То самое слово, которым пращуры именовали мужскую принадлежность изначально. Ну не могли же они, согласитесь, замалчивать эту сторону жизни! В «Судебнике» прямо указано: если мужчина оскорбит женщину (имел я, дескать, с тобой интимную связь), отвечать ему приходилось, как за изнасилование. Но раз оскорблял — значит называл! Всё-таки главное орудие преступления... Между прочим, статья — двенадцатый век... Татарами ещё и не пахло...

— Мудрая статья, — одобрил колдун.

— Собственно... с этим я к вам и пришёл... Помогите, Ефрем Поликарпович! Хотя бы направление укажите... где искать...

Глеб Портнягин вернулся из кухни с дымящейся джезвой, разлил кофе по трём разнокалиберным чашкам. Подсел к столу и с любопытством стал ждать, что скажет Ефрем. А тот, вздёрнув кудлатые брови, медлил, задумчиво разглядывал белую дымку, витающую над чёрным варевом.

— Древние надписи смотрел? — изронил он как бы невзначай. — На стенах, на обломках...

— Конечно! — истово отвечал Залуженцев. — Скажем, надпись на Тмутараканском камне: «Князь Глеб мерил море по леду». Берестяные грамоты... Нигде ни намёка!

— А самая древняя надпись — какая?

— Самая древняя — первая четверть десятого века. На глиняном сосуде из Гнездовских курганов. Но там всего одно слово...

— Что за слово?

— «Горухща». Некоторые, впрочем, читают: «горушна». Две буквы слились, поэтому, кто прав, судить сложно...

— А перевод?

— «Горчица». Или «горчичные»...

Старый колдун Ефрем Нехорошев тихонько засмеялся, покручивая всклокоченной головой.

— Это чтобы горчицу с пшеном не перепутать? — не без ехидства осведомился он. — Не смыслили, видать, предки-то в сельском хозяйстве, раз горшки подписывать приходилось...

— Да, — сказал Аркадий. — Мне тоже это кажется натяжкой. Но, знаете, есть ещё одно прочтение: «Горух пса».

— Это как?

— «Писал Горух».

— Кто такой?

— Неизвестно. Некто по имени Горух. Научился грамоте, обрадовался, а тут как раз горшок... Ну и оставил автограф.

— М-да... — мрачно подвёл итог старый колдун. Затем загадочная улыбка изогнула сухие старческие губы. — Давайка, Аркаш, кофейку попьём...

В молчании они выпили кофе. Клиент просто отставил пустую чашку, учитель же с учеником опрокинули гущу на блюдца — и, всмотревшись, неопределённо хмыкнули.

— Короче, так, — решительно молвил Ефрем. — Никакая это не горчица и никакой это не Горух. Это, Аркаша, как раз то, что ты ищешь...

— Почему? — потрясённо вырвалось у того.

— Ну ты же сам сказал! Первая русская надпись. Сделана просто так и на чём попало. Одно-единственное слово. Перевести толком не могут. Ну какое ещё слово можно написать просто так и на чём попало?

— Да, но... Как доказать?

— Ну-у, мил человек... — укоризненно протянул колдун. — Это уж не моя печаль... Тебе что нужно было? Направление поиска? Ну, вот оно тебе, направление поиска... Ищи.

Аркадий Залуженцев поднялся из кресла — и пошатнулся.

— Сколько я вам должен? — еле слышно выпершил кандидат филологических наук. Глаза у него были нежные-нежные, наивные-наивные, как у боксёра после глубокого нокаута. Маячила впереди мировая известность, а то, глядишь, и Нобелевская премия.

— Нисколько, — сказал чародей. — Деньги я только за колдовство беру.

Проводив клиента, повернулся к ученику.

— Горухща... — с искренним удивлением повторил он, как бы пробуя слово на звук. — Надо же! Никогда бы не подумал...

Точка сборки

Где событья нашей жизни,
Кроме насморка и блох?

Саша Чёрный

Дверь подъезда, очевидно, была ровесницей блочной пятиэтажки и добрых чувств не вызывала. Разве что какой-нибудь реставратор старинных икон, давно помешавшийся от постоянного общения с прекрасным, пожалуй, остолбенел бы в благоговении, представив, сколько слоёв краски можно со сладострастной последовательностью снять с этой двери, погружаясь всё глубже и глубже в прошлое, пока наконец не доберёшься до сероватого левкаса хрущёвских времён.

Однако в данный момент Лариса Кирилловна не имела ни малейшего желания оценивать увиденное с исторической или хотя бы с эстетической точки зрения. «Не тот адрес дали...» — удручённо подумала она при одном лишь взгляде на парадное.

Кто может жить в таком подъезде? Мигранты-нелегалы. Но уж никак не

© Евгений Лукин, 2005

личность, известная всему Баклужино — от Божемойки до Тихих Омутов!

Потянув сыгравшую на двух шурупах дверную ручку, Лариса Кирилловна всё же рискнула войти. Стены и отчасти потолок неблагоуханного помещения были густо заплетены рисунками и надписями антиобщественного содержания. Если верить номерам на увечных почтовых ящиках, нужная ей квартира находилась на пятом этаже. Лифта хрущёвке, естественно, не полагалось.

Убедившись окончательно в своей ошибке, Лариса Кирилловна ощутила сильнейшую досаду и, вздохнув, двинулась тем не менее по лестнице (со второго пролёта — брезгливо опираясь на перекрученное железо перил). Во время передышки на каком-то из этажей она обратила внимание, что воздух стал чуть свежее, панели почти очистились от рисунков, да и света прибавилось. Это показалось ей добрым предзнаменованием.

Наверху без щелчка открылась и закрылась певучая дверь, посыпались быстрые шаги. Лариса Кирилловна отступила к стене. Вскоре мимо неё сбежал по ступенькам скромно одетый мужчина средних лет. Судя по состоянию плаща, брюк, обуви, причёски — женат, но не первый год. Весь в мыслях, он даже не заметил, что кто-то даёт ему дорогу. Внезапно Лариса Кирилловна обомлела: на левой щеке незнакомца пылал свежий оттиск поцелуя, исполненный вульгарно-алой помадой чумахлинского производства.

«Вот стерва...» — чуть было не позавидовала она, как вдруг поняла, почему обомлела. Мужчина только что был окинут взглядом с головы до ног и обратно. Как же ей сразу не бросилась в глаза такая яркая скандальная подробность? Впору предположить, что след поцелуя возник в ту долю мгновения, когда Лариса Кирилловна бегло оценивала степень ухоженности туфель незнакомца.

Несколько сбитая с толку, она достигла пятого этажа и остановилась перед странной дверью, где взамен замочной скважины красовался приколоченный обойными гвоздями фанерный ромбик, а у порога лежал опрятный и словно бы отутюженный квадрат мешковины. Оглянувшись, Лариса Кирилловна удостоверилась, что коврики, брошенные перед тремя прочими дверьми, носят отчётливые следы вытирания ног. А на эту тряпку будто и наступить боялись.

— Ну и долго она там вошкаться будет? — раздражённо продребезжал старческий тенорок. — Открой ей, Глеб...

С тем же напевным скрипом, что звучал минуту назад, дверь отворилась. Лариса Кирилловна вскинула глаза — и беззвучно застонала при мысли о невозможности помолодеть лет на пятнадцать (если совсем откровенно, то на двадцать пять). На пороге стоял рослый юноша с отрешённым строгим лицом, показавшимся от неожиданности поразительно красивым.

Всё-таки ошиблась. В парикмахерской, давая адрес, говорили, что колдун далеко не молод. Скорее дряхл.

— Простите... — пробормотала Лариса Кирилловна. — Я, кажется, не туда...

Юноша смотрел на неё как бы издалека.

— Туда, — негромко заверил он. — Проходите...

Повернулся и ушёл в глубь квартиры, видимо, не сомневаясь, что гостья последует за ним. Решившись, она переступила девственно чистую мешковину и, пройдя ободранным коридорчиком с деревянной лавкой вдоль стены, растерянно приостановилась. В смысле опрятности комнатёнка была под стать прихожей. Глаза разбежались от невероятного количества вещей, подлежащих немедленной отправке либо в музей, либо в мусорный бак.

Сидящий у требующего скатерти стола сухощавый старичок в потёртом лоснящемся халате и таких же шлёпанцах одарил вошедшую пронзительным взглядом из-под косматой брови, потом, однако, смягчился, кивнул. Должно быть, сам колдун. Редкая бородёнка, нечёсанные патлы... А молодой, надо полагать, — помощник. Подколдовок.

— Располагайтесь, — сказал молодой и, выждав, пока посетительница преодолеет неприязнь к предложенному ей облезлому засаленному креслу, продолжил: — Слушаю вас...

— Помогите мне вспомнить! — вырвалось у неё.

Колдуны переглянулись.

— О чём? — спросил молодой.

— Зачем? — спросил старый.

Такое впечатление, что простенькой своей просьбой Лариса Кирилловна всерьёз озадачила обоих. Поначалу суровый Ефрем Поликарпович (так звали колдуна) вроде бы вознамерился препоручить гостью рослому красавцу Глебу, но уже

после первых минут беседы нахмурился, пододвинул табурет поближе — и стал внимательно слушать.

— Нечего вспомнить? — недоверчиво переспрашивал Глеб. — Как это нечего?

— Так, — безвольно распустив рот, отвечала она. — То ли жила, то ли нет...

— А мужа с сыном?

Пойманная врасплох Лариса Кирилловна нервно рассмеялась.

— О них забудешь! — сгоряча подхватила она. — Домой приду — сидят, как две болячки. Один ноет, другой права качает... — И осеклась, сообразив, что о семейном положении ею не было сказано ещё ни слова. Он что же... в мыслях читает? Смотри-ка, такой молодой... С виду и не подумаешь...

— То есть помнить помните, а вспоминать не хочется, так?

— Так, — с неохотой призналась она.

— А мнемозаначек — много?

— Чего-чего много?

— Н-ну... мнемозаначек... — И рослый красавец в затруднении оглянулся на учителя.

— Тайных воспоминаний, — с недовольным видом перевёл тот. — Безгрешное ворошить — это, знаешь, и удавиться недолго. А вот как насчёт грехов? Тоже без удовольствия вспоминаешь?

Лариса Кирилловна тревожно задумалась. С грехами у неё было не густо: замуж выходила девушкой, мужа любила, изменила ему впервые не со зла, а из чистого любопытства, желая уразуметь, чем один мужчина отличается от другого. Особой разницы не ощутила — и с тех пор, если ей и доводилось изменять, делала она это скорее с чувством лёгкого недоумения, нежели с удовольствием.

— А ну-ка припомни что-нибудь навскидку, — отечески грубовато потребовал вдруг колдун.

Лариса Кирилловна растерялась:

— Из тайного?

— Можно и из явного...

— Ну вот... Сняли мы в мае дачный домик за Чумахлинкой... — поколебавшись, начала безрадостно перечислять она. — Природа, озёра... Шашлыки... Хорошее было мясо — на Центральном рынке брала... Сожгли. А ночью — лягушки. До утра спать не давали...

Умолкла. Уголки крашеного рта безнадёжно обвисли.

— Ну? — с мягкой укоризной вставил Глеб. — Даже лягушек помните...

— Лягушек-то помню! А остальное?

— Что остальное?

— Ну... — Она беспомощно оглядела напоминающую склад комнату. — Начнёшь жизнь перебирать — страшно становится. Думаешь: неужели вот только это и было? И ничего больше? — Округлые плечи её обессиленно обмякли. — Может, сглазили меня, что всё хорошее из памяти ушло...

— Редкий случай... — вполголоса заметил колдун — и ученик взглянул на него с удивлением. — А давай-ка мы тебя, матушка, того... в гипноз погрузим...

При слове «гипноз» Лариса Кирилловна ощутила щипок беспокойства. Живописная древность чародея и притягательная юность помощника внезапно предстали перед ней в другом свете. Нет, в парикмахерской вряд ли дали бы адрес жуликов, но туда ли она пришла?

— Простите... — торопливо заговорила гостья — единственно с тем, чтобы оттянуть внушающий опасение момент. — Тут по лестнице мужчина спускался... с поцелуем... Он не от вас шёл?

— Как? Уже? — И назвавшийся колдуном ухмыльнулся столь бесстыдно, что беспокойство немедленно переросло в панику. — Прыткая «пятнашка» попалась, — самодовольно сообщил он сообщнику. — Прямо в подъезде разукрасила... И много поцелуев? — Последний вопрос вновь был обращён к Ларисе Кирилловне.

— Один. На щеке...

— А-а... — несколько разочарованно протянул Ефрем Поликарпович, если это, конечно, были его настоящие имя и отчество. — Ну ничего. Пока домой дойдёт — штук пятнадцать нахватает... во все места...

— За что вы его так? — ужаснулась она.

Старый злодей скроил траурную физиономию, ханжески развёл ладошки.

— Ради его блага, матушка, исключительно ради его блага... Тебе вспомнить приспичило, а ему забыть. Ну вот покажется он сейчас супружнице на глаза — мигом всё лишнее и забудет... Давай-ка устраивайся поудобнее...

— А лицензия у вас есть? — взволнованно перебила она, приподнимаясь. — На гипноз!

— А я что, сказал «гипноз»? — всполошился главарь. — Не-ет... Какой гипноз? Так, магнетизм... — С кряхтеньем поднялся, запахнул свой невероятно заношенный халат и, приблизившись, склонился над креслом. Строго взглянул в глаза, забубнил какое-то жуткое слово и принялся водить раскрытой рукой по кругу перед лицом отпрянувшей жертвы, с каждым витком всё ближе и ближе, после чего внезапно ухватил её за нос.

Но жертва этого уже не почувствовала.

Лариса Кирилловна беспокоилась зря. Адрес ей дали правильный, и ничего она не перепутала. И старый колдун Ефрем Нехорошев, и ученик его Глеб Портнягин были именно теми, за кого себя выдавали.

— Ну? — повернулся к питомцу старый колдун. — Специалист по женскому полу! Что скажешь?

— А что говорить? — отозвался тот, наблюдая, как наставник обходит кресло, ощупывая энергетический кокон погружённой в забытьё женщины. — Дать ей склероз-травы — и порядок. Забыл, что забыл, — всё равно что вспомнил. Только слышь, Ефрем... — озабоченно добавил он. — Деньги с неё лучше сразу взять, а то долги в первую очередь из башки вылетают...

— Ишь прыткий какой! — усмехнулся чародей. — Ну, положим, стёр ты ей память. А толку? Вернётся домой — там эти два её оглоеда. Один ноет, другой права качает. И пошло всё по-старому...

Глеб подумал.

— Так, может, на неё тоже «пятнашку» напустить? Заявится с засосами — прошлая жизнь раем покажется...

— Так-то оно так, да муж у неё — рохля. Сам, чай, слышал...

— Мужа заколдовать, — предложил Глеб. — Чтоб ревновал...

— Тогда уж и весь свет в придачу. Тех же лягушек, чтоб спать не мешали! Она ж не только с мужиком своим общается... Ага, — удовлетворённо отметил Ефрем, нащупав что-то незримое за спинкой кресла. — Вот оно...

Глеб подошёл посмотреть, что делает учитель. Непонятное он что-то делал — разминал округлое затвердение воздуха. Словно бы лепил невидимый снежок.

— В самом деле хочешь ей память вернуть?

Колдун даже приостановился. Не ожидал он такой наивности от воспитанника.

— Угорел? — с любопытством осведомился он. — А ну как клиент ненароком государственную тайну вспомнит! Нет, Глебушка, память вернуть — это не к нам. Это в прокуратуру... — Стряхнул незримые капли с кончиков пальцев и вновь повернулся к креслу. — Так что, если кто без меня с такой просьбой пристанет, смело гони в шею. Насмотрятся западных фильмов, — ворчливо продолжал старикан, — а потом, чуть мозги отшибёт кому, он тут же, глядишь, губёнки и раскатает: «А вдруг я раньше олигархом был... или там наследником престола?..» А того не смыслит, что престолов-то на всех шибанутых не напасёшься...

Старый ворчун был, как всегда, неопровержим. Известно ведь, что черепно-мозговая травма в наших условиях чревата восстановлением памяти, а восстановление памяти — напротив, черепно-мозговой травмой.

— Непуганые, — сокрушённо пояснил он, возвращаясь к прерванному занятию. — Был у меня знакомый, тоже колдун. И сварил он однажды зелье. На пять секунд восстанавливает память в полном объёме... Решил испытать на себе, подвижник хренов! И такое, видать, припомнил, что уже на третьей секунде в окошко сиганул... Так-то вот.

— А сейчас ты что делаешь? — решился прервать ученик приступ старческой болтливости.

— Точку сборки подтягиваю, — хмуро поведал кудесник, сильно не любивший, когда его перебивают.

— Ты мне о ней ничего не говорил, — ревниво заметил Глеб.

— Так мы ж с тобой за Кастанеду всерьёз-то ещё не брались... — буркнул Ефрем. Помолчал, смягчился. — Точка сборки — это, Глебушка, такая светящаяся блямбочка с абрикосину... Да... И находится она, чтоб ты знал, вот здесь, позади правой лопатки. Ну, вроде дырки в энергетическом коконе. Вернее — лупы...

— Понятно, — процедил Глеб, приглядываясь. — А я думаю: глюки у меня, что ли? За каждой аурой вроде как правый «поворот» помигивает...

— Похоже... — кивнул колдун.

— И для чего она, точка эта?

— Главные мировые линии в пучок сводит... Ну, энергетические волокна — видел, чай, в астрале? Вот их она и того... и

фокусирует. Картину мира создаёт, соображаешь? Скажем, хватил кого обморок — глядь: аура, как была, так и осталась, а точка сборки погасла. Почему? Сознание потерял. Какая уж тут, к лешему, картина мироздания, ежели всё черно...

— Прямо так с ней и рождаемся? — не отставал Глеб.

— Не-ет... Ну ты сам прикинь! Младенчик — он же на свет-то появляется голенький, розовый, беспомощный... Ни ходить не умеет, ни говорить... Даже воровать! Всему учить приходится... Учат-учат — и, глядишь, начинает у него потихонечку завязываться на энергетическом коконе эта самая, понимаешь ли, светящаяся блямбочка. Слабенькая ещё, непрочная... Почему, например, малых детей можно только по заднице шлёпать? — увлёкшись, снова принялся вещать старый колдун. — А вот как раз чтобы точку сборки ненароком не сдвинуть. А почему предки наши беглых да каторжан по спине секли? Да потому что точка-то у таких уже со сдвигом! А от битья она помаленьку на место возвращаться начинает... и становится человек снова частью общества... С памятью-то, вишь, у Ларисы свет Кирилловны всё в порядке, а вот точка сборки...

— Из кокона выскочила?

— Нет. Если выскочит, в другой мир попадёшь. Не выскочила. Разболталась слегка, расслабилась... С возрастом такое почти завсегда. Потому и кажется всё вокруг бессмысленным да нелепым. Положим, так оно и есть, но бабе-то от этого не легче...

Въедливость ученика подчас радовала, подчас раздражала старого колдуна. Впрочем, Ефрема Поликарпыча ещё поди пойми: ворчит — стало быть, всё идёт как надо, но если, не дай Бог, развеселился, держи ухо востро.

Вот и сейчас с притворным недовольством ожидал он очередного вопроса настырного юноши. Не дождался. Питомец тужился осмыслить услышанное.

Что ж, тоже дело.

Несмотря на крайнюю молодость Глеба Портнягина, мир вокруг него рушился по меньшей мере трижды — и приходилось собирать всё заново. Каждый раз какой-то детали не хватало или обнаруживались лишние, да и новая конструкция зачастую оказывалась неудачной, как, скажем, случилось пару лет назад, когда дружок Никодим подбил Глеба грабануть продовольственный склад, где обоих и накрыл участковый с выразительной фамилией Лютый.

Мироздание пришлось собирать из осколков уже в камере.

Разумеется, все эти ощущения личного характера наверняка не имели ни малейшего касательства к Карлосу Кастанеде, но само словосочетание «точка сборки» очаровало Глеба своим звучанием. Ученик чародея подошёл к стеллажу с эзотерической литературой и, отыскав полку, целиком посвящённую Кастанеде и его присным, достал наугад первую попавшуюся книжку. Раскрыл, листнул.

Пока он погружался в бездну премудрости, Ефрем Нехорошев нянькал и тетёшкал незримо светящуюся блямбочку. Наконец притомился и присел отдохнуть на табурет.

— Эх, ничего себе! — не смог удержаться Глеб. — Ты послушай, что пишут! «Нужно заметить, что человек благодаря разуму и речи сильнее прочих тварей фиксирует свою точку сборки, — огласил он. — У человека она не только собирает излучения, но и с целью получения большей чёткости восприятия ещё и убирает все «лишние» излучения...»

— Правильно пишут, — устало одобрил старый кудесник. — Коряво, но правильно... И что?

— «Характерен пример затерянного в горах первобытного племени, над которым дважды в день в течение многих лет с рёвом проносились пассажирские самолёты, — взахлёб продолжал зачитывать Глеб. — Когда племя обнаружили наконец антропологи, то их больше всего поразило то, что дикари ни разу не видели и не слышали никаких «железных птиц»! С точки зрения дикарей самолёты не имели отношения к человеческому миру, и дикарские точки сборки отбрасывали все излучения, связанные с...» — Тут он уловил краем глаза, что учитель давно уже внимает ему с саркастической улыбкой, и запнулся. — Врут?

— Да не то чтобы врут... Не договаривают. Там покруче заваруха была: съело племя двух антропологов. Ну, американцы, понятное дело, давай их за это бомбить. Так, представляешь, дикари-то и бомбёжки не заметили!

Портнягин стоял неподвижно. Подхваченный мощным мыслеворотом, он не противился ему, но, как рекомендовано, потихоньку выплывал по спирали.

Не заметили бомбёжки... Это что ж получается? Посадить такого людоеда годика на полтора — тоже в упор не заметит?

— А жертвы? — осторожно спросил он. — Были?

— Ну а как же! Бомбы-то — рвались...

— Так что ж они, туземцы, слепые, что ли?

— Да не слепые! — всё более раздражаясь, отвечал колдун. — Не слепые... Просто точка сборки у них другая, не такая, как у нас. Видят: помирают люди, не поймёшь, с чего. Решили: болезнь заразная...

— Придурки, — подвёл итог Глеб, захлопывая книгу.

— Да? — вскипел колдун. — А мы чем лучше? Нас вон который век бомбят, а мы всё думаем, что от старости помираем!

— Кто бомбит? — не поверил Глеб.

— А я знаю? Инопланетяне какие-нибудь...

— Что ж они, одних стариков бомбят? — ошалело спросил Глеб.

— Всех подряд, — угрюмо известил кудесник. — Просто молодые — они ж прыткие, на месте не стоят, хрен попадёшь... Вечно ты со всякой ерундой не ко времени! Давай ставь книжку на место! Клиент просыпается...

Разъяв веки, Лариса Кирилловна увидела склонившееся к ней участливое морщинистое лицо Ефрема Поликарповича. Поискала глазами Глеба. Рослый ученик чародея стоял, отвернувшись к тусклому окну, и с ошеломлённым, как ей показалось, видом разминал костяшками пальцев правый висок. Что-то изменилось и в самом помещении. Теперь оно напоминало скорее лавку древностей, нежели захламлённый, плохо охраняемый склад.

— Ну как? — дружелюбно осведомился колдун. — Ничего не всплыло?

И Лариса Кирилловна почувствовала вдруг, что задыхается от счастья.

— Всплыло... — выдохнула она.

— Ну-ну! — подбодрил Ефрем Поликарпович.

— Как было чудно, как чудно... — заговорила словно бы в сладостном бреду Лариса Кирилловна. — Сняли мы в мае дачный домик за Чумахлинкой... Природа, озёра... Шашлыки... — Вспомнив о шашлыках, прыснула. — Хорошее было мясо, на Центральном рынке брала... — сообщила она, смеясь от души. — Сожгли!..

— Бывает, — утешил колдун, но Лариса Кирилловна его не услышала.

— А ночью — лягушки... — в упоении заключила она. — До утра спать не давали...

Вышибалы

Сатана свои крылья раскрыл, Сатана,
Над тобой, о родная страна!

Вячеслав Иванов

«Как известно, величайшая победа дьявола заключается в том, что ему удалось убедить людей, будто его нет. Кстати, являясь, по выражению теологов, обезьяной Бога, он не оригинален даже в этой своей проделке: на излёте средневековья, желая испытать крепость нашей веры, Вседержитель, согласно остроумному предположению одного современного ересиарха, сам прикинулся несуществующим и прикопал множество ложных свидетельств эволюции. Увы, результаты с беспощадной очевидностью показали, до чего же всё-таки слаб человек: соблазнительное, живучее, анафемское учение Дарвина приходится опровергать по сей день. Достаточно вспомнить недавнюю шумиху вокруг скелета очередного «динозавра», на поверку оказавшегося останками одного из трёх китов, на которых когда-то покоилась наша Земля».

© Евгений Лукин, 2005

Последняя фраза насчёт кита представилась Глебу Портнягину нестерпимо прикольной. Ученик чародея поднял восторженную физию и хотел было огласить прочитанное, когда заметил вдруг, что наставнику не до шуток. Занят. Сосредоточенно сдвинув косматые брови, старый колдун Ефрем Нехорошев неистово гипнотизировал лежащую перед ним на столе облезлую свою шапчонку — и волосяной покров изделия шевелился, словно бы от ветерка. Глебу и самому не раз приходилось пугать по заказу астральную сущность шубы или манто, отчего мех на изделии, к радости клиента, вставал дыбом, но то, что в данный момент проделывал Ефрем, Портнягин повторить бы не взялся. Шапка была искусственной, из чебурашки.

Не стал мешать и снова уткнулся в книгу.

«Что касается врага рода людского, то наибольшей степени конспирации ему, разумеется, удалось достичь на территории Советского Союза, где с 1926 года практически исчезли такие обычные признаки его присутствия, как кликушество и одержимость. Некоторые богословы видят причину в коллективизации: дескать, частное беснование было обобществлено наряду с хомутами и стало всенародной собственностью. В качестве доказательств они приводят митинги, репрессии и массовый героизм, проявляемый при защите социалистического отечества. Впрочем, последнее утверждение тоже явно отдаёт ересью.

Думается, однако, что причины гораздо проще. Какой, скажите, смысл заселяться в атеиста, если тому так и так гореть в геенне огненной? Можно было, конечно, внедриться в кого-нибудь из верующего меньшинства, но при тоталитарном режиме для беса это могло обернуться неприятностями личного порядка.

Последний юродивый, как говорят краеведы, обитал в тридцатых годах возле ещё не взорванного кафедрального собора в Суслове — и исчез после публичного исполнения следующей частушки:

Кто сказал, что Ленин умер?
Я его вчера видал:
Без штанов в одной рубашке
Пятилетку догонял.

Вряд ли устами Божьего человека глаголил нечистый, и тем не менее юродивые с тех пор в нашей области перевелись. Материалисты скажут: устрашились. Мы же говорим: утратили

дух. Но если даже доброе самоотверженное начало, почуяв серьёзную опасность, покидало своих носителей, что уж там говорить о бесах, тварях откровенно эгоистичных! Ещё в девятнадцатом веке была хорошо известна склонность этих негативных энергетических сущностей дезертировать из одержимого, когда тому предстояла самая заурядная порка. Всего-навсего. Один тогдашний врач, больше прославившийся, впрочем, как составитель толкового словаря, излечивал кликуш весьма просто. «Необходимо собрать их всех вместе в субботу перед праздником, — рекомендовал он, — и высечь розгами. Двукратный опыт убедил меня в отличном действии этого средства: как рукой снимет».

Это ли не цинизм! Это ли не величайшая победа Дьявола!»

Портнягин взглянул на учителя. Тот придирчиво изучал распушившуюся шапчонку. Надо полагать, вскорости морозцы ударят: вчера старый колдун шубейку пугал.

— А знаешь, Ефрем... — не без гордости поведал Глеб. — Я ведь из одной подруги тоже однажды беса вышиб. Ещё в школе, перед самыми выпускными. Тут, правда, розгами советуют, а я...

Старый колдун прервал созерцание и покосился на ученика.

— Что читаешь-то?

Портнягин показал обложку.

— А-а... — равнодушно отреагировал Ефрем и вновь занялся воспрявшим мехом. — И как же ты его вышиб?

— Ну как... Приходит ко мне друган, Игнат Фастунов...

— Это... нигромант? Который сейчас у Платошки Кудесова ума набирается?

— Ну! Мы ж с ним в одном классе учились, с Игнатом... Так и так, говорит, Аду накрыло. Тоже одноклассница наша, Ада Кромешнова... Вот её.

— Наркота?

— Не-ет... Книжек разных начиталась: как в астрал выходить, то-сё... Раз вышла, два вышла. Ну и повадился к ней мужик с кладбища...

— Покойник?

— Да. Если не врёт, братва замочила... С собой в могилу звал. Ну Ада его, конечно, послала. А он конкретно взял в неё и влез. Ну, мы с Игнатом слышали, что бесам громкая музыка в лом, — стыдливо посмеиваясь, признался Глеб. — Пришли к ней домой, вложили в правую руку крестик, врубили музон на полную...

— Что именно?

— Врубили-то? Да так, попса, долбилово... Другого не было. И всё равно — такое началось! Плющило, колбасило, душить бросалась, два раза сознание теряла. Потом мужик в ней стал нам типа угрожать... хриплым голосом... «Валите, — говорит, — отсюда, козлы...» А я, не подумав, в торец ей за козлов! Тут же при-ти-ихла...

— Давно это было? — прервал захватывающую историю Ефрем.

— Года три назад... нет, четыре...

— Как выглядел, рассказывала?

— Кто? Покойник? А как же!

— Клетчатая рубашка, коричневые джинсы, самому лет пятьдесят, лысоватый... Этот?

— Откуда знаешь?

Колдун усмехнулся, огладил искусственный мех.

— Думаешь, он в одну твою подружку вселялся? Гонять замучились! Только выставишь — в другого влезет. А насчёт того, что в торец, это ты, брат, никакой Америки не открыл. Первое колдовское средство — наотмашь по темени! Бесы этого страсть не любят. Ну и молитовку, понятно... — Насупился, примерил шапку. — Ну вот, — удовлетворённо заключил он. — Теперь и на улицу не стыдно показаться...

Глеб выждал с минуту и, уяснив, что продолжения не будет, вернулся к чтению.

«Относительно плотности бесозаселения советского народа существуют две версии. Одни исследователи полагают, что в разгар борьбы с суевериями и религией отток нечистой силы за рубеж был вполне сравним с эмиграцией времён гражданской войны. Другие, напротив, уверяют, будто сатанинское воинство продолжало подпольно пребывать в строителях социализма, при этом всячески стараясь как-нибудь случайно не обратить на себя внимание НКВД.

Последнее утверждение очень похоже на правду. Скажем, бесы-убийцы, как, впрочем, и вся их братия, плохо переносят смертную казнь того, в ком они находятся, не говоря уже, что одержимый, приняв кончину от руки сталинских палачей, весьма вероятно, мог искупить этим страшные свои грехи и отправиться в рай.

Лукавого в данном случае ждало разжалование.

Не лучше было положение и у бесов, подбивающих изнутри нарушить заповедь «не укради». Стоило их жертве похитить

у государства (а у кого ещё?) жалкие десять тысяч рублей — ей тоже светила статья, предусматривавшая высшую меру социального наказания.

Даже такие, казалось бы, относительно безобидные сущности, как бесы-информаторы (они же «голоса»), обитавшие не только в людях, но и в радиоприёмниках, сплошь и рядом рисковали подставить своего подопечного под обвинение в антисоветской пропаганде, обеспечив ему таким образом мученический венец...»

— Нет, конечно, повезло вам с Игнатом... — неожиданно прозвучал скрипучий голос наставника. — По краешку ходили...

Доведённая до относительного совершенства шапка лежала на столе, а старый колдун Ефрем Нехорошев сидел, задумчиво подперев кулаком бородёнку. Глеб привык уже к его странной манере беседовать: оборвёт разговор на полуслове, а пару дней спустя продолжит, причём с того же самого места.

— Долбёж врубили — бездуховный, про молитовку тоже, верно, забыли... Забыли ведь?

— Забыли, — покаялся Глеб.

— Вот то-то и оно... Это, конечно, крестик выручил. А ну как вышел бы окаянный из вашей Ады да в вас самих бы и вселился, а?

— Ну не вселился же...

— Вот я и говорю: повезло. Уж на что Аввакум дурь из людишек палкой привык вышибать — и тот говаривал: «Бес-от веть не мужик: батога не боится». Ежели и хлестал протопоп одержимых, то чётками намоленными. Вообще с бесами, коли руку не набил, лучше не вязаться... — вздохнул Ефрем. — Им же каждому лет-то по сколько? Похлеще тебя на них наезжали! Опытные, черти... Ладно, читай.

Собственно, читать оставалось немного:

«Думается, не будет ошибкой сказать, что при советской власти непосредственными обязанностями, и то с превеликой осторожностью, отваживались заниматься лишь бесы алкоголизма, прикрепляющиеся к рукам и ногам жертвы, да ещё, пожалуй, бесы разврата, выбирающие для крепления иные органы. Всё это скорее напоминало имитацию деятельности, потому что погубить атеиста, повторяем, невозможно в принципе. Попробуй открой дверь, если она уже открыта!

Но вот грянул 1991 год, и величайшая победа Дьявола обернулась величайшим его поражением: владыку тьмы изобличили, выявили и рассекретили. В подобной ситуации ему необ-

ходимо было срочно принять меры против бурно воскресающей духовности — и мелкие таившиеся в россиянах бесы разом вышли из подполья (по другой версии — хлынули через открытые границы).

Вернулось кликушество, проявившись, правда, на сей раз не в деревнях, а в толпах фанатствующей молодёжи. Отмена смертной казни придала бесам неслыханную ранее храбрость. Количество правонарушений, если верить статистике, возросло в десятки раз, расцвели почти неведомые доселе наркомания, организованная преступность и профессиональная проституция, но, как бы ни злобствовал сатана, свечки и впредь будут ставиться, а храмы строиться».

Книжка кончилась.

— Ефрем, — позвал Портнягин, отправляя её на полку. — А тебе самому часто бесов шугать приходилось?

— Не по нраву мне это дело... — поморщился тот. — Знаешь, как говорят: «Бога зови, а чёрта не гневи...» Нет, ну, конечно, если приведут бесноватого, податься некуда. Не отказывать же...

— И как ты с ними?

— По-разному... Когда грозой, а когда и лозой...

— Всегда получалось?

— Ишь чего захотел! Всегда! Вот послушай сказ: позвонила мне баба... то есть не баба... дама... Плачет-разливается. Третий год супруга отчитывают, беса за бесом из него изгоняют, а мужику всё хуже и хуже. Ладно, говорю, веди. Привела... Ну что сказать? Был у нас на хуторе дурачок — так вот один к одному. Лепечет, слюни пускает... Как она с ним живёт, непонятно! Я посмотрел, говорю: да нет в нём никаких бесов, что ты мне, матушка, голову морочишь? Дама, понятно, в слёзы. Мужик-то, слышь, когда она за него выходила, нормальный был. И не просто нормальный: два диплома, бизнес крутил вовсю... Но бешеный. То с молотком кинется, то закажет кого сгоряча... И что оказалось? Уродился убогим, а к шести годам где-то бесов нахватался. Причём такая в нём ладная команда подобралась! Бес тщеславия, бес гордыни, бес стяжательства, бес любопытства... ну и ещё там кое-кто на подхвате. Школу с медалью закончил, три языка выучил... Вернее, сам-то он ни бум-бум, науками за него рогатенькие окаяшки занимались, душу губили. А выгнали их — снова стал как был, прям хоть в рай сейчас! Блаженный...

— И что с таким делать?

— Да ничего. Порчи нет, бесов нет. Растолковал я всё это жёнушке его. А она, слышь, этак жалобно: может, поновой подсадить? Спохватилась! Э нет, говорю, матушка, тут ты того... не по адресу. Это тебе не сюда, это тебе к чёрному магу надо... А мы с бесами не якшаемся. Выгнать или там по фотографии связать — ещё куда ни шло, а подсадить — ни-ни... Даже и не заговаривай!

— Так и отпустил?

— Да не совсем. Даром отпускать — примета плохая. Амулетишко всучил дешёвенький... Вот оно, Глебушка, как бывает-то!

— А как вообще отличить: добрый в тебе дух или злой? — не унимался ученик, всё ещё, видать, пребывая под впечатлением прочитанного. — Вот, скажем, слышишь голос, а чей он?

— Это просто, — успокоил колдун. — Когда слышишь голос, третий глаз открывается, так? Вот по диаметру и суди. Если канал во лбу узкий, меньше пяти сантиметров, — значит наверняка бес. Ну и ощущения тоже... Как будто гвоздь в лоб забили.

— Сам, что ли, испытал?

— Нет, знаю. Клиенты рассказывали... Честно сказать, зря мы с тобой об этом беседу завели. Того и гляди гостя накликаем...

Стоило старому колдуну произнести эти пророческие слова, послышался стук в дверь.

Посетитель вошёл, подёргиваясь, словно бы с порога собирался забиться в падучей. Принимая осыпанное первым робким снежком пальтецо гостя, ученик колдуна сразу же насторожился. Дальнейшее поведение незнакомца подтвердило его подозрения: взглянув в красный угол, вошедший ахнул и отшатнулся.

— Задёрни пока, Глебушка, — попросил Ефрем. — Сперва пускай расскажет...

Клиента усадили в кресло и предложили успокоиться.

— Проснулся однажды среди ночи от информационного голода, — заговорил он торопливо и шепеляво, то и дело косясь на прикрытые занавесочкой иконы. — Вскочил, подбежал к шкафу, схватил книжку, стал читать...

— Что за книжка? — сухо спросил Ефрем.

— «Моя жизнь с духами». Иностранки какой-то... Потом чувствую: начало сифонить из третьего глаза. У меня и рань-

ше сифонило, но потихоньку, а тут — до самой макушки, как спицей насквозь проткнули...

Учитель и ученик обменялись многозначительным взглядом и скорбно кивнули друг другу.

— Тут же и заснул, — слегка задыхаясь, продолжал дёрганый посетитель. — А может, не заснул... Может, на самом деле... Представляете: чёрное облако! Присосалось ко лбу и зарычало... Я — в ужасе! Зажмурился, начал «Отче наш» читать...

— В астрал часто выходишь? — перебил колдун.

Гость замялся.

— Да не так чтобы...

— Обрати внимание, Глебушка, — назидательно заметил Ефрем. — Обычный бесовский приёмчик: ты — в астрал, а он тем временем — на твоё место. Дальше! — потребовал он, снова повернувшись к клиенту.

— Открыл глаза, смотрю: на лбу у меня летучая мышь крыльями бьёт... Я её хвать в кулак — давлю, а она кусается... Проснулся — и к вам...

— Ну, ясно... — молвил, поднимаясь с табурета, старый колдун. Взял со стола распушённую шапчонку, нахлобучил, поправил. — Хорошо, снежок... — с удовольствием обронил он, глядя в тусклое окно, за которым действительно что-то этакое мельтешило. — Пойти подышать, что ли?

Портнягин остолбенел, потом опомнился и кинулся за учителем в прихожую.

— Ефрем! — прошипел он, препятствуя наставнику влезть в перепуганную со вчерашнего дня шубейку из той же чебурашки. — Ты что, на меня его оставляешь? Он же сейчас в припадок уйдёт...

— Это уж как водится, — согласно покивал шапчонкой старый чародей. — Начнёшь нечистого изгонять — тут же и припадок.

— Сам же сказал: пока руку не набил, с бесами лучше не вязаться!

— А ты не набил, что ли?

— Так а вдруг не поможет?

— Ну как это не поможет? — кротко возразил колдун, забирая шубейку. — Чётки, сам знаешь, под иконами висят. Дубовые, увесистые. Намоленные. А молитовку всё ж не забудь. На всякий случай.

Рекомендация

А Я говорю вам: любите врагов ваших.

Матф. 5, 44

Судя по коричневатым причудливым разводам, с потолка в ванной комнате действительно временами лилась вода. Соседи сверху утверждали, что полтергейст.

— А судом пригрозить? — задумчиво спросил Глеб Портнягин, без особого интереса разглядывая общий рисунок, выполненный влагой в строгом соответствии с путаницей энергетических волокон. Этакий нечаянный снимок астрала.

Судом, как выяснилось, уже грозили, но глубокого впечатления не произвели. Этажом выше жил не кто-нибудь, а племянник того самого депутата, что, забыв подготовить доклад, позвонил в милицию и сообщил, будто здание Думы заминировано. И ничего, сошло с рук. Мандата не лишился.

— Ну, давайте тогда охранные заговоры попробуем, — устало предло-

© Евгений Лукин, 2005

жил Глеб. — Скажем, так: «От угла к углу, от стены к стене, слово крепкое, огради мой дом от огня горючего, от воды текучей, где надо пусть течёт, а с потолка ни капли. Аминь».

На том и порешили.

Вконец загонял ученика старый колдун Ефрем Нехорошев. Ну куда это — три визита за одно утро! Рехнуться можно...

На улице лепил дождь со снегом — явление, справедливо величаемое в народе дряпнёй, — и не было сил развеять заклинанием эту мерзость хотя бы над самой маковкой. Глеб Портнягин надвинул поплотнее кожаную кепку, застегнулся до горла, но тут, как нельзя некстати, принялся чревовещать сотовый телефон. Пришлось, чертыхаясь, снова расстёгивать куртку и лезть во внутренний карман.

— Говорите...

— Здравствуйте, Глеб Кондратьевич! — радостно приветствовал молодого кудесника незнакомый мужской голос.

— А кто это?

— Лютый на связи! — возликовал собеседник. — Толь Толич Лютый!

— Кто-кто?

В трубке онемели от обиды. Секунды на полторы.

— Ка-ак? — чуть ли не с возмущением выдохнул незнакомец. — Вы что, не помните меня, Глеб Кондратьевич? Участковый! Я же вас два года назад с поличным брал! Ну, на том складе, который вы с дружком со своим взломали...

Теперь уже онемел Портнягин.

— Вы, говорят, у самого Ефрема Нехорошева в учениках, — бодро, будто ни в чём не бывало сыпал словами участковый. — Я, как услышал, честное слово, порадовался! Надо же, думаю, каких людей задерживать доводилось... Вы слушаете, Глеб Кондратьевич?

— Слушаю, — несколько деревянным голосом отозвался тот.

— Да вот проблемка тут у меня... К кому попало обращаться как-то, знаете, неловко, а вы мне вроде бы уже и не чужой...

Пробегавшая мимо девчушка нечаянно взглянула в лицо Глеба — и едва не поскользнулась. Надо полагать, страшен был в этот миг Глеб Портнягин. Сколько раз, отбывая срок, представлял он в мельчайших подробностях, как выйдет на волю, разыщет того козла участкового и отвернёт ему нос по самые причиндалы!

— Что за проблема? — скрипуче осведомился Глеб.

Собеседник смешался.

— Да тут, видите, Глеб Кондратьевич, какое дело... По телефону как-то... Может, пересечься удастся где-нибудь... в нейтральной точке...

— Хорошо, — отрывисто известил ученик колдуна. — Через час в «Старом барабашке». Только в штатском! А то там обычно народ такой... погон не любит...

— Эх... — с горечью сказал вдруг Толь Толич. — Какие уж там погоны, Глеб Кондратьич! Конечно, в штатском...

Нет, но каков наглец! А ещё говорят, что молодёжь сейчас без комплексов. Куда там молодёжи! Лохом Портнягин никогда не был, поэтому с великим сожалением отказал себе в удовольствии послать представителя силовых структур прямо по телефону, хотя от этого, говорят, и карма улучшается, а по верованиям некоторых старообрядческих сект, разом снимается семьдесят семь грехов.

Честно сказать, он ещё не знал, как ему поступить с Толь Толичем, но сама уже мысль о том, что чувырло, чьими стараниями ты оказался когда-то в местах не столь отдалённых, к тебе же и приползло просить помощи, приятно щекотала самолюбие. «Какие уж там погоны!» Не иначе ретивого блюстителя правопорядка наконец-то попёрли из органов.

Воля ваша, а есть что-то утонченно извращённое в оказывании услуг врагу. Недаром же учит Павел: «Делая сие, соберёшь ему на голову горящие уголья». Апостолу вторит Великий Нгуен, выворачивая, правда, ту же идею наизнанку: «Ненавидя врага, проявляешь к нему уважение».

Очутившись в облепленном мокрым снегом стеклянном кубике «Старого барабашки», Глеб Портнягин обосновался за привычным столиком, но ничего заказывать не стал. Клиент закажет. А чтобы не тратить времени зря, питомец чародея смежил веки и без какой бы то ни было определённой цели вышел прогуляться в астрал, откуда его быстро и незаметно вынесло в Форгаранд (Даниил Андреев ошибочно именует данный эфирный слой Фонгарандой, но это он, как часто с ним случалось, просто недослышал).

Именно здесь, в пятимерном пространстве, пребывают, растут и движутся, приближаясь к облику просветлённых стихиалей, души великих творений архитектуры, а также зданий,

без которых человечество перестаёт быть человечеством. Миновав лучистую стрельчатую громаду Нотр-Дам и обогнув целёхонький Колизей, Глеб остановился перед духовным образчиком отделения милиции. «Так вот какое ты на самом деле...» — с чувством, похожим на благоговение, в который раз подумалось ему.

Внутрь заходить не стал. Там вполне могли обитать фотороботы, созданные разгулявшимся воображением потерпевших. Хотя эти негативные энергетические сущности не имеют, да и не имели никогда материальных оболочек (в чём легко убедиться, сравнив любого задержанного с портретом, по которому его ловили), тем не менее встреча с ними в астрале всегда бывает достаточно опасна...

— Здравствуйте, Глеб Кондратьевич!

Мигом вернувшись в физическое тело, ученик чародея открыл глаза. Несмотря на обезображенное улыбкой лицо, внешне участковый Лютый не изменился нисколько: всё тот же крепенький мужичонка с проволочным ёжиком волос над приплюснутым заботами лбом. Единственное отличие: вроде бы слегка уменьшился Толь Толич в размерах. Подобное ощущение возникает обычно, когда, повзрослев, вернёшься в родные края, где прошло твоё детство, и даже не сразу сообразишь, что дом-то — прежний, и школа — прежняя, просто сам ты стал повыше. Однако в росте, следует заметить, Портнягин за последние два года не прибавил ни сантиметра. Стало быть, вырос духовно.

— Присаживайся, Толь Толич...

Тот присел, попутно подтвердив наилучшие подозрения Глеба. Известно, что ширина расставленности колен в сидячем положении прямо пропорциональна социальному статусу. Так вот, колени Лютый свёл почти вплотную.

— Ну и как оно ничего, Глеб Кондратьич? — с натужной, почти истерической жизнерадостностью полюбопытствовал он.

— Колдуем помаленьку... — уклончиво отозвался Глеб.

Лютый прикинул — и решил соблюсти этикет до конца:

— А дружок ваш как поживает? Тоже, слышно, в гору пошёл — в политику ударился...

Лучше бы он этого не говорил. Уязвил, что называется, в самое сердце. К бывшему своему корешу, подначившему взломать тот треклятый склад, Глеб Портнягин относился теперь не лучше, чем к задержавшему их участковому. Лицо колдуна,

правда, не дрогнуло, однако, обладая сверхъестественным ментовским чутьём, Лютый мигом уловил запах гари.

— Вы, как его встретите, Глеб Кондратьич, — глазом не моргнув продолжал лебезить он, — скажите, пусть не обижается! Я ж не со зла его тогда дубинкой огрел — служба...

— За что погнали? — холодно спросил Глеб, прерывая светскую беседу.

Приувял участковый.

— За правду, — со вздохом соврал он, причём так натурально, что Портнягин, сам того не желая, взглянул на него с уважением.

— А подробнее?

— По службе решил малёхо подрасти... — с запоздалым раскаянием признался Толь Толич Лютый. — Подал заявление. Взяли меня в сто сорок шестой отдел...

Глеб кивнул. Чем конкретно занимается сто сорок шестой отдел, он, естественно, понятия не имел, но само по себе наличие номера, да ещё и трёхзначного, уже говорило о многом. Несомненно, данная часть известного ведомства специализировалась на внутренних расследованиях.

В незапамятные времена (кажется, ещё до обретения Сусловской областью независимости) отдел по борьбе со служебными злоупотреблениями был единственным в своём роде и поэтому в порядковом номере не нуждался. Однако по мере углубления в ситуацию, когда выяснилось, что львиная доля всех преступлений совершается именно работниками правоохранительных органов, коллектив борцов с коррупцией расширили, пополнили, разветвили и пронумеровали. Но вскоре начали поступать сигналы, будто и сами борцы далеко не безгрешны. Пришлось организовывать надзор за надзирателями — и так несколько раз.

В настоящий момент насчитывалось примерно полторы сотни подразделений, занятых исключительно взаиморазоблачением, а на тот случай, если вдруг какому-то постороннему лицу тоже вздумается нарушить закон, на чердаке здания МВД ютился отдел внешних расследований, но работы у него, по слухам, было не так уж много.

— Ну и наехали на нас орлы из девяносто первого, — скорбно излагал Толь Толич. — Пронюхали, видно, что мы на них тоже компромат копим. Пришлось подать рапорты — всем от-

делом. Не сиделось мне в участковых... Вы, Глеб Кондратьич, что предпочитаете? Водочку? Коньячок?

Глеб Кондратьич предпочитал водочку, но заказал коньячок.

— То есть, как я понимаю, проблемы с трудоустройством... — задумчиво подбил он итог.

— Да вот амулетишко бы мне какой... — приниженно попросил Толь Толич. — А то, куда ни сунешься, везде отказ. Назад дороги нет, частным фирмам качков да снайперов подавай! Верно говорят: пока молодой, всем нужен, а чуть состаришься... — Вздохнул, безнадёжно махнул рукой. — Вот в «Валгалле» вроде охранник требуется — так я туда уже идти боюсь. Там меня и на порог не пустят — без рекомендации...

Не сводя с просителя размышляющих глаз, Портнягин машинально потрогал краешком рюмки нижнюю губу. Мудро поступил Толь Толич, что побоялся идти в «Валгаллу». Владельца этой фирмы Глеб знал лично, один раз даже пробовал его колдовать, правда, безуспешно. Прожжённый атеист Эгрегор Жругрович Двоеглазов был известен в узких кругах не только расчётливой дерзостью финансовых операций, но ещё и неистребимой лютой ненавистью ко всем ментам — особенно бывшим.

— А почему без рекомендации? — поинтересовался Глеб. — Вам же вроде характеристика положена с места службы...

— Да есть характеристика! — жалобно вскричал Толь Толич. — Есть! От полковника Добротникова, чтоб ему отставки не видать! Так ведь её показывать нельзя никому!

— Ну мне-то можно, — успокоил Портнягин, охваченный нездоровым любопытством. — С собой она?

Нет, всё-таки правильно не послал он сегодня Лютого по телефону! Цирк бесплатный... А нечего было рвение своё служебное показывать! Участковый? Ну так и занимался бы тем, что поручено! А то, понимаешь, керосин у него вспыхнул — грабителей он обезвреживать на склад полез...

Кряхтя, шурша и ёрзая, бывший сотрудник милиции извлёк сложенную во много раз бумагу и подал Глебу. Тот начал читать — и сразу же чуть не присвистнул. Да-а, с такой характеристикой, пожалуй, и в трудовую колонию для исправления не примут. Чего стоил один только перл: «Поскользнувшись на мозгах потерпевшего, впоследствии пытался оформить ушиб как боевое ранение»!

— Так... — вымолвил наконец Портнягин, кладя документ на стол и с сосредоточенным видом разглаживая многочисленные его перегибы. — Никакого амулета не надо. Вот эту характеристику сегодня им и представишь...

— Да как же... Глеб Кондратьич... — пролепетал Лютый.

— Заряжу, заколдую, — неумолимо продолжал Портнягин, — и сойдёт она, родимая, за положительную. Но подавать, учти, нужно будет самому Эгрегору Жругровичу. И никому другому, понял? Заклинания у меня персональные, так что для всех остальных она, какой была, такой останется... Кстати, и для тебя тоже, Толь Толич... Ну, тебе-то, я думаю, это всё равно!

Несколько секунд бывший участковый, бывший сотрудник сто сорок шестого отдела тупо смотрел на расстеленную посреди столика бумагу, потом поднял глаза, явив смятое сомнением лицо.

— Платить — сейчас? — с подозрением спросил он.

— С первого жалованья рассчитаешься, — сказал Портнягин — и это почему-то сразу же успокоило Толь Толича.

— Ну так давайте я, Глеб Кондратьич, хотя бы за коньячок заплачу... — засуетился он. — А то как-то, знаете, не камуфло...

Видимо, хотел сказать «комильфо».

— С ума свихнул? — зловеще осведомился старый колдун Ефрем Нехорошев, после того как вернувшийся домой Глеб, заливаясь счастливым смехом, поведал о том, что случилось. — Сколько раз тебе повторять: не связывайся с ментовкой! Не действует на них колдовство!

— А при чём тут ментовка? — с циничной ухмылкой отвечал ему Портнягин. — Из ментовки его уже выперли...

— Голова ты стоеросова! — вскинулся колдун. — Бумагу-то ему полковник писал! Полковника-то ещё, чай, не выперли! Удачу нам спугнуть хочешь? Так это запросто...

— Ефрем... — попытался урезонить учителя Глеб. — Ты что, не понял, в чём фишка? Не было тут колдовства! Вообще не было... Прикалывался я! А теперь прикинь: припрётся он сейчас к Эгрешке в «Валгаллу»... Мало того что бывший мент, так ещё и с такой бумагой!

— Да? — гневно пробурлил старый чародей, испепеляя озорника тёмным взором. — А репутация для тебя что-нибудь значит? Завтра же по городу разнесут, что мой ученик подрядился сколдовать — и не смог! Это как?

Уже то, что Ефрем Нехорошев, на дух не переносивший иноязычных речений, употребил слово «репутация», издевательски его при этом не исковеркав, свидетельствовало, насколько взбешён был старый кудесник. Портнягин закряхтел и в затруднении почесал ногтями короткую стрижку за ухом.

Влекомый жаждой мести, о репутации он как-то не подумал.

Тягостное молчание было прервано сигналом сотовика.

— Говорите... — буркнул Портнягин.

— Глеб Кондратьич?.. — рассыпался бисером теперь уже знакомый голос Толь Толича. — Благодетель вы мой!.. Век вас не забуду! Приняли меня в «Валгаллу»! Начальником охраны приняли!..

— А-а... ре... к-комендация? — Ученик колдуна очумел до такой степени, что начал заикаться. Впервые в жизни.

— Сошла за положительную! — слезливо кричал Лютый. — Как вы и говорили, Глеб Кондратьич! Пришёл я к Эгрегору Жругровичу, очередь выстоял в кабинет... Вхожу, подаю характеристику... Ох и долго он читал, ох долго! Я чуть не помер, пока он её читал... Потом отложил, стал на меня смотреть. Смотрел-смотрел — и говорит этак, знаете, раздумчиво: «Значит, хороший ты человек, если тебе эта сука такую рекомендацию дала...» И взял!!!

Рыбье слово

Рыбу не так-то легко поймать: рыба хитрая тварь — она не верит в справедливость.

Бертольт Брехт

Несмотря на то что Соединёнными Штатами втайне сформирована, как говорят, специальная группа войск для защиты свободы и демократии от Божьего гнева в день Страшного Суда, успех этой затеи кажется крайне сомнительным. Чему быть, того не миновать.

Точную дату конца света вычислить никому не дано, однако мнится, что скорее всего он выпадет на выходные. И когда прольются на землю гибельные чаши, и случится битва при Армагеддоне, и будут зачищены те, что со знаком Зверя, — тогда с водохранилищ и затонов начнут помаленьку возвращаться любители подлёдного лова, так и не узнавшие, о чём говорили семь громов.

Заметив на обугленной почве обломки снятых печатей, оттиски копыт панцирной саранчи и нисходящий с

© Евгений Лукин, 2005

небес лучезарный четвероугольный Иерусалим, новички, понятное дело, оцепенеют. Ветераны поведут себя спокойнее. Народ тёртый, многое повидавший. Сколько раз уже уходили они на рыбалку при тоталитарном режиме, а возвращались при демократическом! А сколько раз наоборот!

Новичок Корней Челобийцын был из возрастных да поздних. Ему бы по дому что смастерить, пивка попить, с женой у телевизора посидеть. На лёд его сманил сосед Викентий по кличке Дискобол: толстый, шумный, неопрятный, вдобавок неутомимый враль, за что и был столь унизительно прозван. Водкой не пои — дай подбить кого-нибудь из знакомых на совместную авантюру. Одному-то, чай, скучно! И хотя любой знал заранее, что связываться с Дискоболом — себе дороже, тем не менее попадался вновь и вновь. Цыганский гипноз, не иначе.

Пробный выход по перволёдью обернулся для Корнея отмороженной скулой и лёгким вывихом ступни. До конца ему озлобиться помешали новизна впечатлений и приятное открытие, что сам-то Викентий, оказывается, лишь хвастать горазд, а на деле рыбак... Как это говорится? Непоимистый? Неуловистый? Хреновенький, короче.

«Съезжу ещё раз — и обловлю», — решил Корней.

Этого требовали скула, ступня и жажда справедливости.

Добраться до Слиянки можно было одним способом: пролегала туда ржавая железнодорожная ветка, по которой временами ковыляла грузовая самодвижущаяся платформа, принадлежащая Андрону Дьяковатому. Зимой она обрастала дощатыми стенками и потолком, и всё же окочуриться в ней было проще простого. Поэтому, выбравшись из навылет просвистанной заиндевевшей хибары на колёсах, рыбаки сразу устремлялись в «грелку» — ветхое строение посреди степи, бывшее когда-то кассой и залом ожидания, а ныне приватизированное тем же Андроном.

В круглой железной печке давно бурлил огонь, стены отдавали влагу, за наполовину стеклянным, наполовину фанерным окошком снежно мутнел четвёртый час утра, а под пухлым простёганным дранкой потолком тлела на кривом шнуре желтоватая лампочка, хотя откуда Андрон брал электрический ток — уму непостижимо. Провода со столбов по всей округе были срезаны и пропиты в незапамятные времена.

Пристроившийся неподалёку от источника тепла, Челобийцын огляделся. Отогревшиеся рыболовы священнодействовали — производили таинственные операции с мотылём и вели глубокие беседы, перекладывая слова степенным неторопливым матом. Не желая чувствовать себя ущербным, Корней тоже достал раскладную шкатулку с мормышками и, прикидывая, что бы с ними ещё такого сделать, вопросительно покосился на густо изрисованную печку, где тут же наткнулся на короткий бросающий в дрожь стишок, которого раньше не замечал:

Морозцем тронутый прудок
Блестел, как новенький пятак.
Ещё похрустывал ледок.
Ещё побулькивал рыбак.

Видя, что друга хватил столбняк, Викентий по прозвищу Дискобол озабоченно засопел, придвинулся поближе — и чуть не спихнул с лавки. Покачнулась в литровой банке вода, насыщенная нервным серебром мальков.

— Видал? (Видал?) — торопливо спросил ненавистный сосед-искуситель. У Викентия вообще была странная манера речи. Он не просто удваивал слова — он как бы пояснял их в скобках, должно быть, для вящей доходчивости. — Был (был!) у нас тут (у нас тут!) такой Софрон (Софрон!), так вот он (он!) как раз и сочинил (сочинил!). И... (слышь-слышь-слышь!) тут же в полынью (в полынью!) — и с концами... Тпсшь? — Так в произношении Викентия звучало звукосочетание «ты представляешь?».

— Могли и сами утопить, — сердито заметил Корней. — За такое стоило...

Но стремительный Дискобол уже напрочь забыл о трагической судьбе охальника, чей стишок, пощажённый, видать, из суеверия, до сих пор красовался на печке. Теперь внимание Викентия привлекла раскрытая шкатулка на коленях соседа и друга.

— А мормышки (мормышки!), — возбуждённо заговорил он. — Мормышки шлифовать надо...

Издав мысленный стон, Корней попробовал прикинуться, что дремлет, однако Дискобол его растолкал.

— Ты слушай (слушай!). Мормышки (мормышки!)...

Но тут, к счастью, всё вокруг как по команде зашевелилось, загомонило и дружно подалось на выход. Наверное, клёв объявили.

Пейзаж... Ну, какой пейзаж может быть ночью в пойме? Так, чернота. Единственно: бледнел вдалеке пласт тумана, то ли подсвеченный невидимой луной, то ли прильнувший к озарённому фонарями шоссе. А ещё, если не обманывало зрение, мерцало впереди среди мглы кромешной нечто крохотное, золотисто-паутинчатое, еле уловимое, возможно, потустороннее. И чем пристальнее всматривался Корней, тем отчётливее оно становилось, нисколько не делаясь от этого понятнее. За свои пять выходов на лёд ничего подобного Челобийцыну видеть ещё не доводилось. На фонарик рыболова — не похоже. Да уж не бродит ли там, чего доброго, призрак беспутного Софрона, начертавшего кощунственный стишок на печке и угодившего за то в полынью?

Нет, не бродит. Мерцающее пятнышко пребывало в полной неподвижности.

Значит, просто стоит. Поджидает.

Корней хотел подумать об этом весело, но весело не вышло. Вышло жутковато. Украдкой бросил взгляд на Викентия — и тут же проклял себя за проявленную слабость. Бывалый Дискобол — тёмная округлая масса на смутном сером фоне — с хрустом, ничего не страшась, пёр вперевалку по насту — и говорил (говорил!). Что-то, видать, плёл о своих рыбацких подвигах.

Может, просто не замечает?

Корнея Челобийцына вновь обуяла лёгкая паника: призрачное золотистое мерцание заметно приблизилось, но так и не пожелало отлиться во что-нибудь привычное, земное.

До разгадки оставалось примерно сорок шагов... тридцать... двадцать... десять...

Ну слава тебе, Господи! Неведомый призрак обернулся всего-навсего полиэтиленовым шалашиком с горящей свечой внутри. Оказывается, они давно уже шли по заснеженному льду, а не по земле. Из полупрозрачного укрытия недвижно торчали наружу два огромных и, кажется, опушённых инеем ботинка. Словно бы владелец их был заживо вморожен в морщинистый подсвеченный с изнанки торос.

Последовала уважительная минута молчания. Затем Викентий, утративший, как злорадно отметил про себя Корней, свою

обычную говорливость, огласил предутреннюю мглу угрюмым вопросом:

— Клюет?

Ответили не сразу. Корней уже начал беспокоиться, когда ботинки чуть шевельнулись, и в шалашике глуховато прозвучало:

— Есть немного...

— Всю ночь здесь? — не удвоив и на этот раз ни единого слова, то ли скорбно, то ли ревниво спросил Дискобол.

Из шалаша отозвались утвердительным мычанием, и Корнею Челобийцыну захотелось вдруг обнажить голову.

Постояв, двинулись дальше. Что тут ещё скажешь?

— Слышь-слышь-слышь... — снова становясь самим собою, шумно зашептал неотвязный Викентий, как только они отдалились от осиянной палатки на порядочное расстояние. — Знаешь, кто это? Про Портнягина (Портнягина!) слыхал, нет? Колдун... Тпсшь?.. Глеб Портнягин! Вот это он и был...

Челобийцын оглянулся.

— Колдун?

— Если хочешь знать (если хочешь знать!), — обиделся Дискобол, — колдуны (колдуны!) — самые классные рыбаки! Захочет (захочет!) — всех обловит. Рыбье слово знает... Тпсшь?

— Рыбье слово? — переспросил Корней, с новым интересом всматриваясь в мерцающий из тьмы вигвамчик. Тщетно пытаясь обловить Дискобола, он беседовал с бывалыми, выпытывал у них секреты, посещал рыбацкие сайты, листал пособия, просматривал видеофильмы, а вот прибегнуть к колдовству почему-то не догадался.

Светало. Неподалёку обозначились торчащие изо льда редкие обмороженные камыши. Спрашивается, стоило ли переться в такую даль, чтобы снова выйти к берегу? Изрядно озябший Корней Челобийцын сидел перед лункой на заплечной коробке, сделанной из морозильной камеры бывшего холодильника, и уныло поддёргивал отполированную о валенок мормышку. Непоседливый Дискобол, тряся привязанным к ватной заднице матерчато-проволочным стульчиком, бегал от дырки к дырке. Временами хватал ледобур и просверливал ещё одну — быстро-быстро, пока рыба не уплыла.

Рыба неизменно оказывалась проворнее: на снегу в противоестественных позах коченели всего три весьма скромных

окунька, которых Викентий почему-то с гордостью именовал «милиционерами».

— Почему «милиционеры»? — не выдержав, спросил Корней.

— Полосатые (полосатые!), — объяснил тот.

— И что?

— Ну... палки (палки!) у гаишников... тоже ведь полосатые!

Объяснение показалось притянутым за уши, а то и придуманным на ходу. Дискобол — он и есть Дискобол.

Сам Корней, увы, не мог похвастаться даже и такой незначительной добычей. Единственного окунишку размером с мизинец он отпустил, велев ему, как того требует традиция, привести дядю и дедушку. Однако полосатый Павлик Морозов надул — никого не привёл. Хотя, может, и пытался привести, а дядя и дедушка, выслушав, поступили с ним, как с тем пионером.

Надежды обловить Дискобола таяли с каждой минутой. Справедливость упорно не желала торжествовать.

Наконец Корней Челобийцын поднялся и начал собирать свои рыболовецкие причиндалы.

— Хватит! — объявил он. — Иду оттаивать.

Честно сказать, имелось сильное опасение, что не переносивший одиночества сосед увяжется за ним в «грелку», но, слава Богу, Дискоболу померещился клёв. Корней повесил ящик на плечо и, опираясь на пешню, двинулся к темнеющему вдали укрытию. Отойдя шагов на сто, оглянулся и, удостоверившись, что Викентий увлечён бурением очередной лунки, взял курс на серый полиэтиленовый шалашик.

Успел вовремя: колдун уже сматывал удочки.

Был он высок, широкоплеч, а когда обернулся, оказалось, что ещё и очень молод. Молод до неприличия. Конечно, возраст ловца измеряется не годами, а временем, проведённым на льду, но одно дело рыбалка, другое — магия.

Может, потомственный? С трёх лет колдует?

— Ну и как улов? — поинтересовался Корней.

— Так себе... — равнодушно ответил Глеб Портнягин, чем не на шутку озадачил любопытствующего.

— Почему? — вырвалось у того.

Колдун пожал плечами.

— А мне говорили, ты рыбье слово знаешь, — растерянно сказал Корней.

— И не одно, — с прежним безразличием откликнулся таинственный рыбак.

— Это даже со словом улов такой? — ужаснулся Челобийцын.

— Почему со словом? Без...

— Так ты ж его знаешь!

Молодой кудесник с холодком посмотрел на собеседника. Подобным взглядом вас мог бы одарить гроссмейстер международного класса, посоветуй вы ему слямзить с доски пешку противника.

— Я для чего сюда езжу? — бросил он в сердцах. — Отдыхать или работать? Ещё на рыбалке я не колдовал!

Корней почувствовал себя неловко и, чтобы сгладить бестактность, предложил помочь с разборкой шалашика. Портнягин, не ломаясь, согласился, и до «грелки» они добирались вместе. Поговорили заодно...

— Ну, Дискобола ты и без рыбьего слова обставишь, — пренебрежительно усмехнулся Глеб, выслушав сетования Корнея.

— Не обставил же... — вздохнул тот.

— А ловишь давно?

— Да шестой раз уже...

— Но первый-то раз — обловил?

— Нет...

Глеб покосился на спутника, как тому показалось, с сочувствием.

— Это хуже, — подумав, молвил он. — Новичкам обычно везёт. Вернее, не то что везёт... Ну, знаешь, как на лохотроне: сперва выиграть дадут, а увлечёшься — тут же и облапошат. А если сразу ловля не пошла... Тогда тебе и впрямь без рыбьего слова никуда...

— Ну так скажи, — отважился Корней.

Они уже подошли к строению вплотную. Молодой колдун остановился и весело оглядел попутчика.

— Сказать, что ли?

Тот не в силах выразить согласия вслух смог лишь маленько покивать. Портнягин слегка округлил обессмыслившиеся глаза, после чего беззвучно открыл и закрыл рот.

— Примерно так, — пояснил он.

То ли издевался, то ли в самом деле что-то по-рыбьи произнёс. Поди пойми!

* * *

В деревянном продымленном чреве «грелки» они обнаружили ещё человек семь — должно быть, из числа тех, что подобно Глебу Портнягину провели ночь на льду. Отогреваясь — кто из термоса, кто из фляжки, — рыбаки внимали очередной байке.

— Молодой был, — снисходительно признавал ошибки юности морщинистый ветеран. — Переходил Ворожейку — слышу: лёд подо мной хрустит, гнётся. Лёг, пополз. А он — сильней. Хотел уже обратно ползти. И тут сзади — треск, грохот... Ну, думаю, всё! Оборачиваюсь... — Ветеран неспешно затянулся крохотным окурком, исторг изо рта дымного дракончика и заключил сокрушённо: — ...а меня трактор обгоняет...

Судя по выражению лиц, история была давно известна, и тем не менее ржали все громко, долго и самозабвенно.

— Врёт? — тихо спросил Корней, опускаясь на лавку рядом с Глебом.

— Рыбаки не врут, — философски отозвался тот. — Незачем. Ври, не ври — всё равно никто не поверит...

— И с трактором — правда?

— Конечно.

— Чудеса! — язвительно произнёс Корней.

— Никаких чудес. Оттепель была, а потом — мороз. Ну и слоёнка вышла: сверху ледок, под ним — вода, а дальше уже настоящий лёд, толстый... Верхний слой трактор ломает, по нижнему — едет... Я смотрю, сильно тебя Дискобол достал?

— Дверь в дверь живём, — сообщила сквозь зубы жертва человеческого общения. — Потому и хочу обловить, чтоб заткнулся...

— У-у... — соболезнующе протянул Портнягин. — Ладно! — решил он, поразмыслив. — Только никому ни слова! А то они с меня с живого не слезут... Мелочь есть?

— Зачем?

— Затем, что бесплатно никакое колдовство не сработает. Давай монетку, а я тебе сейчас заговор на бумажке напишу... Дома его наизусть заучишь...

— На улов заговор?

— Хм... — Портнягин задумался, окинул собеседника оценивающим взглядом. — Нет, языком ты его, понятное дело, так и так не обловишь... Может, не на улов, а? Может, сразу от злого человека-порчельника? Глядишь, отвяжется...

— На улов, — затрепетав, попросил Корней.

* * *

Как и всякий поборник справедивости, Корней Челобийцын был натурой доверчивой, хотя и знал по опыту, что нельзя доверять ни слухам, ни средствам массовой информации, ни, Боже упаси, соседу Викентию. Теперь выяснялось, что нельзя доверять и колдунам.

На следующие выходные Дискобол увлёк жертву своего темперамента аж за Чумахлинку. А тут ещё для полного счастья ударила оттепель. Лужицы на льду, стоило ветерку нажать посильнее, рябили, переползали с места на место. Словно кто-то слегка наклонял затон, сливая воду то в одну, то в другую сторону.

Челобийцын сделал всё как полагается: трижды повторил затверженный назубок заговор, довольно длинный, временами невразумительный. «Как поп стоит на ердани, не шевелится и не похаживает, так бы и у меня, раба Божия Корнея, рыба с лучу не шевелилась и не похаживала...»

С какого лучу? И почему бы, интересно, рыбе не шевелиться? Если, конечно, не дохлая!

Поначалу, правда, почудилось, что заговор действует: первую щучку вытянул именно Корней. В предвкушении триумфа исполнил предписанный колдуном обереж, с риском для нижней губы трижды пробормотав в отверстую мелкозубую пасть следующую дурь: «Чур моей рыбы, и чур моего промыслу, чур моей думы, чур меня, раба Божия...»

Но дальше — как отрезало. Поклёвки пошли скупо, реденько. И хотя на сей раз превосходство Викентия выразилось всего в двух рыбёшках, затон Корней Челобийцын покидал в тихом бешенстве. В тихом — потому что положение у него было теперь самое дурацкое. Рассказать кому — на смех ведь подымут! Копеечное колдовство — на копейку и сработало.

Однако досада и жажда правды ворочались в Корнее столь неистово, что, вернувшись в город, он не выдержал: разузнал, где живёт этот самый Портнягин, и пошёл разбираться. Кстати, никакой тот был не колдун — так, ученик колдуна... И здесь наврал! Собственно, наврал-то не он, наврал Дискобол...

Всё равно обидно.

Обманщика Челобийцын не застал. Встретивший гостя старичок в ветхом халате и не менее ветхих шлёпанцах, оказавшийся впоследствии известным баклужинским кудесником

Ефремом Нехорошевым, недружелюбно известил, что ученик его ушёл по вызову.

Что ж, может, оно и к лучшему. Раз учитель — пускай в угол поставит! Корней кратко изложил суть дела, после чего был приглашён в комнату и усажен в облезлое кресло, где подробно, взволнованно обличил неправоту Глеба.

— А чего это ты всё по два раза повторяешь? — хмуро поинтересовался колдун.

Корней прислушался к отзвуку собственной речи — и похолодел.

— Нет (нет!), — поспешил оправдаться он. — Я (я!)...

Ужаснулся — и умолк окончательно. Сволочь Дискобол! Верно говорят: с кем поведёшься...

Старый чародей озадаченно почесал кончик носа.

— Бумажка с тобой? — спросил он.

Притихший Челобийцын вручил ему текст заговора. Старый колдун водрузил очки, углубился в чтение.

— А сам ничего не перепутал?

— Нет, — буркнул Корней. — Могу наизусть...

— А ну-ка!

Ни разу не сбившись, правдоискатель злобно отбил натвердо заученную белиберду.

— Странно... — Кудесник помрачнел. — Может, ты, того... повторить забыл?

— Повторил три раза! — Раздосадованный Корней был неумолим. — И обереж — тоже три раза повторил!

— А рыбачил где?

— За Чумахлинкой. Напротив Сызново.

Старичок прыснул.

— На! — решительно сказал он, возвращая бумажку. — Нашёл, где улов колдовать! Ничего у тебя в тех местах на заговор не пойдёт. Разве заплывыш какой...

— Почему?

— Это ж красная зона! Там рыба ещё с антирелигиозных времён ни во что не верит. Ни в сон, ни в чох, ни в вороний грай! Ни в наговоры, ни в заговоры, ни в Божью кару...

— До сих пор? — поразился Корней.

— А ты думал! Снежные люди вон на Памире по сей день, говорят, советской власти верны... Не зря ж против них американцы операцию затевают!

Гори-гори ясно

И собственный сказал толкнул в лицо.

Иосиф Бродский

Полупросвеченный утренним солнцем, на Божемойку чуть ли не с ясного неба сыпался быстрый слюдяной снежок. Он ложился на карнизы и асфальты, помаленьку наращивал сугробчик, венчающий покинутое воронье гнездо, а над книжным лотком почему-то замедлял падение и мельтешил, тускло пересверкивая, подобно вытряхнутой в воду рыбьей чешуе.

Молодой лидер баклужинских коммунистов-выкрестов Никодим Людской, кряжистый здоровяк в чёрной заснеженной рясе, перехваченной вервием, остановился перед лотком и бодливо уставил на продавщицу выпуклый лоб, чем сильно её встревожил.

— Вот... не желаете ли? — пролепетала она, торопливо поправляя, а заодно и перекладывая товар: духовное — поближе, бездуховное — подальше, с глаз долой. С тех пор как средства мас-

© Евгений Лукин, 2005

совой информации оповестили свет о том, что в Мавзолее опять заплакала мироточивая мумия вождя, население Баклужино стало относиться к представителям комправославия с боязливым уважением.

Правую ладонь подошедший прижимал к груди, как бы пытаясь смирить сердцебиение, поэтому новенький томик Ветхого Завета издательства «Жидопись» он принял левой. Недовольно засопев, взглянул на корешок. «Минздрав Суслова предупреждает: умерщвление плоти вредит вашему здоровью», — было вытеснено там.

«Смотря, чьей плоти», — угрюмо подумал Никодим. Того, кто сочинил предупреждение, он, пожалуй бы, и сам умертвить не отказался. Хотя, строго говоря, последствия такого поступка тоже полезными для здоровья не назовёшь. Отбыв по юношеской бездуховности полтора года за взлом продовольственного склада, Никодим мог утверждать это наверняка.

Как и многие политики-вундеркинды, в лидеры он угодил благодаря своему возрасту — юностью руководителя движение пыталось прикрыть крайнюю ветхость прочих своих идеологов.

Вскоре Никодим уразумел, что ни одна снежная чешуйка так и не опустилась на лоток. А точка-то, получается, заговорённая. Колдуют поганые, колдуют... Ну, это мы сейчас исправим.

Вернул книгу и, медленно усмехнувшись, отнял ладонь от сердца. Продавщица ахнула, округлила глаза. На чёрной рясе пылал искусно выпиленный из фанеры чудотворный Орден Ленина. Вообще-то каждому очередному лидеру коммунистов-выкрестов полагалось носить подлинный переходящий Орден, но в реликвии содержалось золото высокой пробы, а Никодим, ещё будучи комсобогомольцем, дал обет не прикасаться к «жёлтому дьяволу».

Взвизгнув, продавщица кинулась застилать книги плёнкой, но было поздно: не устояв против идеологически выдержанной благодати, заклинание распалось — и весь круживший над лотком снег с шорохом хлынул вниз, присыпая слой за слоем глянцевые яркие обложки.

Никодим повернулся и, снова прикрыв Орден от влаги, тяжкой косолапой поступью двинулся через площадь к магазину «Противотовары», в витрине которого красовались пара антисервизов, контрсервант, три противотумбы бельевые, а в

подвале таился конспиративный агитхрам имени царя Давида и всей кротости его.

Иностранного слова «кандидат» Никодим не любил и предпочитал называть тех, кто горел желанием вступить в Коммунистический союз богобоязненной молодёжи, исконным выражением «оглашенные». Таковых в агитхраме собралось семеро. Когда Никодим вошёл, все встали. Длинное, напоминающее тир подземелье было освещено несколькими лампами дневного света и оснащено двумя лозунгами: «Откровение Иоанна — в жизнь!» и «Вопиющему преступлению — вопиющее наказание!»

Ответив на приветствие, Никодим направился было к кафедре, как вдруг с недоумением заметил, что правый глаз каждого питомца перехвачен наискосок чёрной повязкой.

— В пираты, что ли, собрались? — буркнул Никодим.

Оглашенные переглянулись, помялись.

— Да тут, понимаешь, какое дело... — покашливая, пустился в объяснения сухопарый Маркел Сотов. — В Писании-то как сказано? Если правый глаз твой соблазняет тебя — вырви и брось... Ну, мы тут подумали-подумали, да и того... От греха подальше... А насчёт левого вроде ничего не говорится...

Смутился — и умолк.

— А если воображение соблазняет? — жёлчно осведомился Никодим. — Голову себе оторвать?

Ответом было неловкое покряхтывание. Кое-кто подогадливее уже стянул с головы повязку и сунул в карман.

— Значит, так, — постановил Никодим, бросая тезисы на аналой. — Для особо непонятливых: Писание и вообще труды классиков надо понимать духовно. Соблазнил тебя правый глаз — мысленно вырви и мысленно брось. Тем более что сегодня он вам пригодится... — Дождался, пока все до единой чёрные тряпицы сползут с голов, и продолжил: — Изучаем применение на практике заповеди «не убий». Которую тоже надлежит понимать чисто духовно, то есть наоборот. А если понимать в прямом смысле — тогда и Родину защищать некому станет. Не говоря уже об интересах трудящихся масс... Раздай пособия, Виталя.

Сильно бородатый Виталя раздал пособия.

— Итак, — изронил Никодим, убедившись, что никто не остался обделённым. — «Не убий». Первое упражнение —

одиночными, второе — короткими очередями, третье — с помощью взрывчатых веществ... Что непонятно, Маркел?

— Дык... это... — растерянно сказал молодой подпольщик Маркел Сотов. — Ежели с помощью взрывчатых... Это ж не только буржуев да нехристей, это всех подряд поубиваешь...

— А вот Маркса надо внимательнее читать! — вспылил наставник. — История, заруби на носу, всегда происходит дважды. Первый раз — в виде трагедии, второй раз — в виде фарша...

— Фарса... — дерзнул вмешаться кто-то.

— В старых изданиях так оно и было, — одобрительно кивнул Никодим. — Переводчик напутал. Потом исправили...

К полудню ветхая облачность расползлась окончательно, солнышко малость потеплело, позолотело — и город из слюдяного стал фарфоровым.

Никодим Людской и Маркел Сотов проживали в одном районе, поэтому с занятий возвращались вместе. Снежок перестал, выпиленную лобзиком регалию можно было уже не прикрывать. Никодим шествовал, расправив грудь, и важно поглядывал, как силою чудотворного Ордена разрушаются мелкие бытовые заклятия, призванные хранить в целости кошельки, ширинки и узлы ботиночных шнурков.

Конечно, можно было бы закатать свидетельство народного доверия в пластик, но, как известно, любая синтетика непроницаема духовно. Иконки, например, потому и продают в запаянных пакетиках, чтобы святость раньше времени не выдохлась.

Сухопарый Маркел Сотов шагал, ничего вокруг не замечая, и, как всегда в минуты напряжённой умственной деятельности, морщил не лоб, а нос.

— Не забивал, — ни с того ни с сего веско изрёк Никодим. — И завязывай давай. А то так, глядишь, и свихнуться недолго...

Застигнутый на мысли Маркел вздрогнул. Сказано: «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём». На женщин Маркел Сотов был не особо падок, зато когда-то в отроческих мечтах тайно представлял себя великим футболистом — и вот теперь ломал задним числом голову: действительно ли забивал он голы бразильцам? В сердце-то своём — забивал...

— Я ж вроде ничего не говорил... — опомнился он наконец.

— А не думай так громко, — ворчливо отозвался Никодим.

— Ну ты прямо колдун... — с опасливым уважением пробормотал Маркел. — В мыслях читаешь...

Молодой лидер коммунистов-выкрестов скривился и сердито надвинул поглубже обеими руками чёрный армейский берет, делающий его слегка похожим на Че Гевару.

— Соображай, что говоришь! — одёрнул он. — Нашёл с кем равнять!

— Да я ж в хорошем смысле... Чудо же...

Никодим усмехнулся. Наивность оглашенных временами его удручала, временами приводила в умиление.

— То-то и оно, что чудо! Ты что же, думаешь, я по своей прихоти чудеса творю?

Несколько шагов заединщики одолели в молчании. Маркел страдальчески морщил нос.

— Ну вот сам смотри, — сжалился Никодим. — Колдун, он — кто? Человек без вертикали в голове. Одиночка и паразит трудового народа. А колдовство — это всегда своеволие и гордыня. Колдуешь — значит обязательно кого-то обуваешь: либо людей, либо природу.

— А чудо?

— А чудо, Маркел, это воплощение воли народной. То есть той же стихии. Значит, природе оно не противоречит. Велел мне народ читать в сердцах — читаю. Расхочет — перестану. Аминь.

— Весь народ? — усомнился Маркел.

— Весь, — не допускающим возражений голосом приговорил Никодим. — Народ, запомни, это те, кто за нас.

— Так это тебе, выходит, ни вздохнуть, ни кашлянуть... — с сочувствием глядя на молодого лидера, молвил будущий комсобогомолец.

— А ты думал, легко? — хмыкнул тот. — Нет уж! Попал в вожди — о себе забудь. Теперь ты и народ — единое целое. Изволь делать только то, чего остальные хотят!

— А чего они хотят? — рискнул Маркел.

Никодим недоверчиво покосился на спутника.

— То есть как это — чего? — с недоумением переспросил он. — Того, чего хочет вождь. Я ж тебе говорю: единое целое...

На проспекте их обогнал «мерс» последней модели и, развратно подмигнув левым «поворотом», свалил в переулок. Мо-

лодые единомышленники проводили предмет роскоши недобрыми взглядами, ибо заповедь, запрещающая желать конфискации имущества ближнего твоего, тоже понималась ими чисто духовно, то есть наоборот.

— А вот, скажем, объявляешь ты кому-нибудь анафему с занесением в личное дело, — предположил Маркел. — Это ведь тоже чудо?

— Ещё какое! — зловеще всхохотнул Никодим.

— Но объявляешь-то — в прямом смысле?

— Вот тут — только в прямом, — посерьёзнев, подтвердил Никодим. — Иначе — ни тебе страха Божьего, ни партийной дисциплины...

У «Трёх волхвов» соратники свернули за угол и умышленно пронизали чёрный рыночек, чтобы причинить максимальный ущерб идеологическому противнику. Всё колдовское отребье Баклужино собиралось тут ежедневно, открыто торгуя своим поганым инвентарём: от пантаклей до саженцев пиартравы.

— А правду говорят, — помявшись, опасливо обратился Маркел, — будто ты... того... по молодости лет на пару с каким-то колдуном склад грабанул?

Никодим крякнул и сдвинул берет чуть ли не до глаз.

— Ну, во-первых, попытка экспроприации и грабёж — вещи разные, — недовольно заметил он. — А во-вторых, кореш-то мой тогда нормальный был пацан... Кто ж знал, что он потом к колдуну в ученики поступит!

Фыркнул — и умолк. Маркел поморгал — и умолк тоже.

На выходе с базарчика продавали домашнюю живность. Величественная дама в мехах пропускала с надменным видом персидских котят через обручальное колечко. Трюк, понятное дело, невероятный, и без чертовщины тут наверняка не обошлось. Ну и зазевалась, дура, — проглядела приближение святыни. Ещё шаг — чары бы распались и пушистое оранжевое тельце оказалось бы передавлено тесным золотым изделием.

Следует сказать, что железный Никодим, ни в чём не давая потачки роду людскому, питал неизъяснимую слабость к невинному в политическом смысле зверью и скорее вышел бы из партии, нежели причинил увечье кому-либо из братьев наших меньших. Поэтому, и только поэтому, а вовсе не из малодушия, узревши пропускаемого сквозь кольцо котейку, он торопливо прижал ладонь к груди, экранируя благодать.

И остановился в остолбенении. Экранировать было нечего. Регалия исчезла.

Обернулся, пристально осмотрел рынок. Клептокинез исключается. Орден — намоленный, колдовством его не возьмёшь. Стало быть, спёрли вручную — карманников у «Трёх волхвов» тоже хватает.

— А знаешь... — недобро прищурясь, обратился он к спутнику. — Поди-ка ты дальше один. Тут у меня дело сыскалось...

Оглашенный конспиративно наклонил голову и, ни слова не говоря, сгинул. Вернувшись шагов на десять, Никодим ещё раз оглядел торгующих. Наивные! Они что же, полагают, если вождя и идеолога лишить Ордена, так он и народной поддержки лишится? Нет уж, дудки! Виновного сыскать? Сейчас сыщем... Вот только не стоило, пожалуй, удалять Маркела — пусть бы воочию убедился, насколько прямой смысл отличается от духовного истолкования.

— На воре шапка горит, — тихо и внятно произнёс Никодим. И, помедлив, добавил: — Взвейтесь кострами...

Едва лишь прозвучало грозное ключевое слово, как над рыночком порхнул звук, похожий на фырканье множества воробьиных крылышек. Шапки на продавцах и на покупателях задымились, а затем вспыхнули разом. Толпа метнулась, с треском посыпались ящики, лотки, навесы, взмыл людской вопль. Ошарашенный Никодим попятился — и, пока не затоптали, поспешил ретироваться к выходу. Что из-за слишком общей формулировки чудо может принять черты стихийного бедствия, он просто не предвидел.

Приостановившись за углом, отдышался, а затем остолбенел вторично. Из небольшого сугроба на обочине торчал фанерным рёбрышком чудотворный Орден Ленина. Вот тебе и на! Сам, получается, обронил... Ну ничего! В любом случае — поделом ворюгам! Никодим бережно извлёк за краешек реликвию из снега, промокнул подолом рясы — и не сумел сдержать злорадной улыбки при мысли, что в мечущейся пламенношапочной толпе вполне мог оказаться и Глеб Портнягин — тот самый ученик чародея, с которым они в отроческие годы неудачно пытались взять на пару продовольственный склад.

Из-за угла слышались заполошные крики и тянуло запахом палёного тряпья. Никодим водрузил Орден на место, по-

том вдруг почуял неладное, схватился за темя — и ощутил ожог. Чертыхаясь, как последний беспартийный, чудотворец смахнул тлеющий берет в сугроб, забил огонь ногами и долго потом с удручённым кряхтеньем рассматривал на свет зияющую, неровно прогоревшую дыру.

Нет, пожалуй, правильно отослал он восвояси Маркела Сотова. Оглашенный запросто мог истолковать случившееся бездуховно. То есть в прямом смысле.

Пробуждение

Он проснулся, чувствуя, что опаздывает на работу, и, конечно, первым делом разбил стакан. Это был уже четвертый или пятый случай. Цилиндр тонкого стекла, задетый неловким движением, съехал на край стола, накренился и полетел на пол, кувыркаясь и расплескивая остатки приготовленной на ночь воды.

Он успел подхватить его на лету, но — увы — только мысленно. Как всегда. Вдобавок он не совсем проснулся, потому что в третий — смертельный — кувырок стакан вошел с явной неохотой, на глазах замедляя падение, словно в отлаженном, выверенном и безотказном механизме ньютоновской теории тяготения что-то наконец заело.

Он оторопело встряхнул головой, и стакан, косо повисший в двадцати сантиметрах над полом, упал и с коротким стеклянным щелчком распался на два крупных осколка.

Чего только не случается между сном и явью! Оцепенеть от изумления было бы в его положении роско-

© Любовь Лукина, Евгений Лукин, 1981

шью — он не успевал к звонку даже теоретически. Судя по характеру пробуждения, ему предстоял черный понедельник, а то и черная неделя. Неудачи, сами понимаете, явление стадное.

Когда, застегивая пальто, он выбежал со двора на улицу, в запасе была всего одна минута. Правда, на остановке стоял трамвай, который милостиво позволил догнать себя и вскочить на заднюю площадку, но это еще ни о чем не говорило. Либо трамвай неисправен, либо сейчас обнаружится, что во второй кассе кончились билеты и водитель будет минут пять заряжать дьявольский механизм и еще столько же лязгать рычагом, проверяя исправность кассы.

К его удивлению, трамвай заныл, задрожал, закрыл двери и, звякнув, рванул с места. Навстречу летели зеленые светофоры, а одну остановку водитель просто пропустил, рявкнув в микрофон: «На Завалдайской не сходят? Проедем...»

Следовательно, предчувствие обмануло. Ему предстоял вовсе не черный, а самый обыкновенный, рядовой понедельник.

В отделе его встретили понимающими улыбками. Человек, панически боящийся опоздать на работу и все же опаздывающий ежедневно, забавен, даже когда ухитряется прийти вовремя. Начальник нахмурил розовое юношеское чело. Сегодняшнюю пятиминутку он собирался начать с разговора о производственной дисциплине и — на тебе! — лишился основного наглядного пособия.

— Ну что ж, начнем, товарищи...

Начальник встал.

— Сегодня, я вижу, опоздавших практически нет, и это... э-э-э... отрадно. Но, конечно, в целом по прошлой неделе показатели наши... тревожат. Да, тревожат. Некоторые товарищи почему-то решили...

Все посмотрели на некоторого товарища. Кто со скукой, кто с сочувствием.

Некоторый товарищ терпеть не мог своего молодого, изо всех сил растущего начальника. За апломб, за манеру разговаривать с людьми, в частности — за возмутительную привычку отчитывать при свидетелях. Ясно: добреньким он всегда стать успеет, а на первых порах — строгость, и только строгость. А к некоторому товарищу придирается по той простой причине, что товарищ этот — недотепа. Видя начальника насквозь, точ-

но зная, что следует ответить, он тем не менее ни разу не осадил его и не поставил на место. Почему? А почему он сегодня утром не подхватил падающий стакан, хотя вполне мог это сделать?

На восьмой минуте пятиминутки дверь отдела отворилась и вошла яркая женщина Мерзликина. Вот вам прямо противоположный случай. Ведь из чего складывается неудачник? Вовсе не из количества неудач, а из своего отношения к ним.

Итак, вошла яркая женщина Мерзликина, гоня перед собой крупную волну аромата. Начальник снова нахмурился и, не поднимая глаз, осведомился о причинах опоздания.

Мерзликина посмотрела на него, как на идиота.

— Конечно, проспала, — с достоинством ответила она, и начальник оробел до такой степени, что даже не потребовал письменного объяснения.

На беду кто-то тихонько хихикнул. Ощутив крупную пробоину в своем авторитете, начальник принялся спешно ее латать. Кем он эту пробоину заткнул, можно догадаться.

Нет, все-таки это был черный понедельник.

— ...другими словами, все дело исключительно в добросовестном отношении к своему... э-э-э... делу, — не совсем гладко закончил ненавистный человек, и в этот миг его галстук одним рывком выскочил из пиджака.

— Извините, — пробормотал начальник, запихивая обратно взбесившуюся деталь туалета.

Услышав, что перед ними за что-то извиняются, сотрудники встрепенулись, но оказалось — ничего особенного, с галстуком что-то.

— У меня все! — отрывисто известил начальник и сел. Он был бледен. Время от времени он принимался осторожно двигать шеей и хватать себя растопыренной пятерней пониже горла.

Короче, никто из подчиненных на эпизод с галстуком должного внимания не обратил. Кроме одного человека.

Ему захотелось взять начальника за галстук. И он мысленно взял начальника за галстук. Он даже мысленно встряхнул начальника, взяв его за галстук. И вот теперь сидел ни жив, ни мертв.

Как же так? Он ведь даже не пошевелился, он только подумал... Нет, неправда. Он не только подумал. Он в самом деле взял его за галстук, но не руками, а как-то... по-другому.

Он спохватился и, рассерженный тем, что всерьез размышляет над заведомой ерундой, попытался сосредоточиться на делах служебных. Да мало ли от чего у человека может выбиться галстук!

Ну, все. Все-все-все. Пофантазировал — и хватит. И за работу. Но тут он вспомнил, что случилось утром, и снова ощутил этакий неприятный сквознячок в позвоночнике. Перед глазами медленно-медленно закувыркался падающий стакан и замер, подхваченный...

Он выпрямился, бессмысленно глядя в одну точку, а именно — на многостержневую шариковую ручку на столе Мерзликиной. Самопишущий агрегат шевельнулся и, подчиняясь его легкому усилию, встал торчком.

Мерзликина взвизгнула. Перетрусив, он уткнулся в бумаги. Потом сообразил, что именно так и навлекают на себя подозрения. Гораздо естественнее было полюбопытствовать, по какому поводу визг. Мерзликина с округлившимися глазами опасливо трогала ручку пальцем.

Происшествием заинтересовались.

— При чем здесь сквозняк? — возражала Мерзликина. — Что может сделать сквозняк? Ну, покатить, ну, сбросить... И потом, откуда у нас здесь сквозняк?

Она успокоилась лишь после того, как ее сосед разобрал и собрал ручку у нее на глазах. Там, внутри, обнаружилось несколько пружинок, и Мерзликиной как истой женщине (тем более — яркой) этого показалось вполне достаточно. Вот если бы пружинок не было, тогда, согласитесь, вышла бы полная мистика, а так — все-таки пружинки...

Значит, не померещилось. Значит, все это всерьез и на самом деле. Но откуда? С чего вдруг могли в нем проснуться такие сверхъестественные или как это сейчас принято говорить — паранормальные способности? Прорезались с возрастом, как зуб мудрости?

Он машинально открыл папку, не прикасаясь к ней, и таким же образом закрыл.

Теперь не было даже сомнений.

«Ах вот как! — внезапно подумал он с оттенком черного ликования. — Ну, тогда совсем другое дело! Тогда я, кажется, знаю, чем мне заняться...»

И скосил преступный глаз вправо, где из-под полированной передней стенки стола так беззащитно и трогательно вид-

нелись венгерские туфли начальника.

Он мысленно потянул за шнурок. Начальник схватился за ногу и заглянул под стол.

Неосторожно... В течение нескольких минут он тренировался, развязывая и завязывая тесемки папки, после чего вернулся к туфлям. Принцип он понял: следовало не тянуть, а постепенно распускать весь узел в целом.

С этой ювелирной операцией он справился с блеском и некоторое время любовался расхлюстанным видом обуви начальника. Потом ему пришло в голову, что шнурки можно связать между собой.

Довершить затеянное он мудро предоставил естественному ходу событий и, разложив бумаги, сделал вид, что с головой ушел в дела. Прошло около получаса, а ловушка все не срабатывала. Первое время он нервничал, а потом сам не заметил, как втянулся в обычный ритм и взялся за службу всерьез. Поэтому, когда в помещении раздался грохот, он подпрыгнул от неожиданности точно так же, как и все остальные.

Начальник лежал на животе ногами к стулу и совершенно обезумевшим лицом к двери. Упираясь ладонями в пол, он безрезультатно пытался подтянуть под себя то одну, то другую ногу.

Ужас! Налицо злостное хулиганство, подрыв авторитета, грубейшее нарушение производственной дисциплины, а виновных нет.

Начальника поставили на ноги, развязали, отряхнули и бережно усадили за стол. Он ошалело бормотал слова благодарности, а ему — не менее ошалело — бормотали слова соболезнования и, не зная, что и подумать, в смущении разбегались по рабочим местам.

В пору было появиться какому-нибудь Эркюлю Пуаро и порадовать поклонников версией, что начальник сам незаметно связал себе ноги и, грохнувшись на пол, отвлек тем самым внимание общественности от какого-то своего куда более серьезного преступления.

Но если бы этим пассажем все ограничилось!

Нет, день запомнился начальнику надолго. Бумаги на его столе загадочным образом шулерски перетасовывались, а сверху неизменно оказывался журнал из нижнего ящика тумбы. Кроссвордом вверх. Стоило начальнику отлучиться или хотя бы отвлечься, красный карандаш принимался накладывать от его

имени совершенно идиотские резолюции, пересыпая их грубейшими орфографическими ошибками.

Начальник взбеленился и решил уличить виновных любой ценой. Тактика его была довольно однообразна: он прикидывался, что поглощен телефонным разговором или поиском нужного документа, после чего стремительно оборачивался.

В конце концов карандашу надоела эта бездарная слежка. Уже не скрываясь, он оперся на острие и, развратно покачав тупым шестигранным торцом, вывел поперек акта о списании детскими печатными буквами: «Ну и как оно?»

Начальник встал. Лицо его было задумчиво и скорбно. Он вышел и не появлялся до самого перерыва.

Его гонитель почувствовал угрызения совести. Но выяснилось, что не знал он и недооценивал своего начальника. Когда тот возник в дверях сразу после обеда и, притворяясь, что видит художества красного карандаша впервые, осведомился страшным голосом, чья это работа, стало ясно, что до капитуляции еще далеко.

Так и не понял начальник, какая сила противостоит ему. Он требовал признания, он высказал все, что накопилось в его душе за первую половину дня, и, наконец, сел писать докладную неизвестно кому неизвестно на кого. Словом, повел себя решительно, но мерзко.

Кара последовала незамедлительно. Пока он составлял докладную, та же невидимая рука ухитрилась перевинтить ему университетский «поплавок» с лацкана на место, для ношения регалий совершенно не предназначенное. Лишь после этого начальник выкинул белый флаг и с позором бежал с поля боя. Потом уже узнали, что он зашел к замдиректора и, сославшись на недомогание, уехал домой.

Но победитель, кажется, был смущен своей победой. Конечно, начальник здорово ему насолил за последние полгода, и все же зря он его так жестоко. И Мерзликину утром напугал. За что? Храбрая женщина, к тому же такая яркая...

Совесть потребовала от него галантного поступка. Скажем, бросить на стол Мерзликиной цветок. Анонимно. Большей галантности он себе представить не мог. Да, но где взять цветы в конце февраля? В одном из окон дома напротив цвел кактус.

Явление, говорят, редкое.

Сразу же возник ряд трудноразрешимых задач. Сорвать он, положим, сорвет. А как протащить сквозь заклеенное окно? А

потом еще сквозь двойные витринные стекла отдела? Окольными путями?

Он представил проплывающий коридорами цветок и, задумчиво поджав губы, покачал головой. Выследят.

В конце концов он решил не мучиться и поступить просто: сорвать там, а на стол положить — здесь. Пусть цветок сам как хочет, так и добирается.

— О-о... — польщенно сказала Мерзликина, заметив перед собой черно-желтого, геометрически безупречного красавца. И, оправляя прическу, лукаво оглядела отдел.

Ну и слава богу. Он, честно говоря, опасался, что она терпеть не может кактусы и все с ними связанное.

Домой со службы он отправился пешком. Стояла оттепель, февраль был похож на март.

Он шел в приподнятом настроении, расстегнув пальто и чувствуя себя непривычно значительным. Машинально, как мальчишки тарахтят палкой по прутьям ограды, он постукивал по звучным прозрачным сосулькам, не пропуская ни одной. Интересно, чем он это делал?

Внезапно возник слабый, но нестерпимо ясный отзвук чьего-то ужаса, и он запрокинул голову. Что-то падало с огромной высоты многоэтажного дома, что-то маленькое, пушистое, живое. Кошка! То ли она не удержалась на ледяной кромке крыши, то ли ее выбросил из окна лестничной площадки какой-то мерзавец.

Он подхватил ее на уровне второго этажа. Он чувствовал, что если остановит ее сразу, то для кошки это будет все равно что удариться со всего маху об асфальт. Поэтому он пронес ее, плавно притормаживая, почти до земли и, чтобы не бросать в лужу, положил в сторонке на сухую асфальтовую проталину.

Кошка вскочила и, вытянувшись, метнулась за угол, кренясь от испуга.

— Кося леталя!! — раздался ликующий детский вопль.

— Нет, Яночка, нет, что ты! Коша не летала. Летают птички. А киски летать не могут.

— Леталя!! — последовал новый толчок в барабанные перепонки, и молодая мать поняла, как трудно теперь будет убедить Яночку в том, что кошки не летают.

Кошачий спаситель был растерян. В этом оглушительном ликующем «леталя!» он услышал нечто очень для себя важ-

ное, нечто такое, чего сам еще не мог постичь и объяснить. Он застегнул пальто и в задумчивости двинулся дальше. Сосульки оставил в покое.

Дома его ждала неубранная постель и осколки стакана на полу. Он привел комнату в порядок и присел к столу — поразмыслить.

...Неудачник, человек на третьих ролях, он глядел в медленно синеющее окно, и странно было ощущать себя победителем.

Интересно, как бы на все это отреагировала его бывшая жена? Где-то она теперь? Собиралась вроде уехать с мужем куда-то на север...

И вдруг он обнаружил ее — далеко-далеко. Такая же комнатка, как у него, довольно скромная обстановка... Так, а это, стало быть, и есть ее новый муж? Ну и верзила! Усы, конечно, отрастил по ее желанию. Идиллия. Кофе пьют.

Он вслушался. По несчастливому совпадению разговор шел о нем.

— Ты только не подумай, что я вас сравниваю, — говорила она. — Просто это был эгоист до мозга костей. Ему нужно было, чтобы все с ним нянчились. Жаловался все время...

— М-м-м... — великодушно отозвался верзила. — Но ведь я тоже иногда жалуюсь...

— Не то! — горячо возразила она. — Совсем не то! У тебя это получается как-то... по-мужски!..

Невидимый свидетель разговора обиделся. «Да я хоть раз сказал о тебе после развода что плохое?» — захотелось крикнуть ему. Осерчав, он чуть было не перевернул ей кофейник, но вдруг подумал, что бывшая жена права и что такого нытика и зануду, как он, поискать — не найдешь. Затем он почувствовал некий импульс самодовольства, исходивший от ее нового мужа. А вот этого прощать не следовало.

Он тронул чашку, которую верзила держал за ручку кончиками пальцев, чуть передвинул и наклонил, вылив ему кофе в послушно оттопырившийся нагрудный карман рубашки. Не кипяток, потерпит. А то ишь раздулся! Идеал!

Он очнулся. В комнате было уже темно. Все еще фыркая от обиды, включил торшер и, подойдя к черно-синему окну, задернул шторы. И сердце сменило ритм. Удары его с каждой секундой становились сильнее и чаще.

— Стой! — взмолился он. — Да постой же!

Наконец-то он испугался. Он уже свыкся с тем, что может очень многое. Скажем, связать шнурки начальнику. Или переправить цветок на стол сотрудницы. Но контролировать комнату, находящуюся за сотни километров отсюда?..

На что он способен еще?

Он ощутил неимоверно далекий теплый океан и скалистый, причудливо источенный берег. Потом словно провел ладонью по всему побережью, на миг задерживаясь на неровностях и безошибочно определяя их значение: это пальма, это холм, это железная дорога. А вот и экспресс. К морю катит.

Краем сознания он задел — там, далеко — что-то неприятное, опасное. Какие-то контейнеры — в море, на очень большой глубине. Отвратительное, совершенно незнакомое ощущение: вкус — не вкус, запах — не запах, что-то не имеющее названия... Осторожно и брезгливо не то ощупал, не то осмотрел — и догадался: захоронение радиоактивных отходов!

«Стереть бы их в порошок!» — беспомощно подумал он и вдруг почувствовал, что может это сделать. Вот сейчас. Одним коротким страшным усилием превратить их в серебристую безвредную медленно оседающую на дно муть.

Нет, это уже было слишком! Он снова сидел в своей комнате, чувствуя себя то крохотным, то огромным.

На что он способен еще? Сорвать Землю с орбиты? Остановить время?

Но тут он вспомнил, как утром ныл и несся трамвай, как поспешно меняли цвет светофоры, как стрелки всех замеченных им часов никак не могли одолеть последнюю — такую важную для него — минуту. Да. Сегодня утром он, сам того не подозревая, замедлил время. И ради чего? Ради того, чтобы не опоздать на работу?

Он зарычал от стыда.

На что он растратил сегодняшний день? Какое применение нашел он своему дару? Травил начальника, мелко мстил незнакомому человеку!..

А что в активе? Спасенная кошка?

«Леталя!» — снова зазвенел в ушах победный клич маленького человечка. Да, единственный добрый поступок — спас кошку.

А цветок, брошенный им на стол Мерзликиной? Пошляк! Урод!

...И какой соблазн — убедить себя в том, что все эти убогие проделки были рядом смелых экспериментов, попыткой яснее очертить границы своих новых возможностей! Но себя не обманешь: не экспериментировал он и не разбирался — просто сводил счеты.

День позора! Так вывернуть себя наизнанку!..

Он понимал уже, что никогда не простит себе этого понедельника, но изменить случившееся было не под силу даже ему.

Ложись спать, человек, завтра тебе предстоят великие дела. Какие? Это ты решишь завтра.

И не дай тебе бог проснуться утром и понять, что все уже кончилось, что удивительные, сказочные способности были тебе даны всего на один день.

Астроцерковь

Риза снималась через голову, поэтому в первую очередь надлежало освободиться от шлема. Процедура долгая и в достаточной степени утомительная. Наконец прозрачный пузырь (говорят, не пробиваемый даже метеоритами) всплыл над головой пастыря и, бережно несомый служкой, пропутешествовал в ризницу. Все-таки на редкость неудачная конструкция, в который раз с досадой подумал пастырь. Ну да что делать — зато некое подобие нимба...

Сбросив облачение, он с помощью вернувшегося служки выбрался из вакуум-скафандра и, сдирая на ходу пропотевший тренировочный костюм, направился в душевую.

Пастырю было тридцать три, и распять его пытались дважды. Современными средствами, разумеется. Однако оба процесса он выиграл, в течение месяца был популярнее президента, да и сейчас, как сообщали журналы, входил в первую десятку знаменитос-

© Любовь Лукина, Евгений Лукин, 1988

тей. Все это позволяло надеяться, что опасный возраст Иисуса Христа он минует благополучно.

Когда пастырь вышел из душевой, ему сказали, что у ворот храма стоит некий человек и просит о встрече.

— Кто-нибудь из прихожан?

— Кажется, нет...

Пастырь поморщился. Как и всякий третий четверг каждого месяца, сегодняшний день был насыщен до предела. Сегодня ему предстоял визит на космодром.

— Он ждет во дворе?

— Да.

Переодевшись в гражданское платье и прихватив тщательно упакованный тючок с проставленным на нем точным весом, пастырь вышел из храма. Ожидающий его человек оттолкнулся плечом от стены и шагнул навстречу. Темные печальные глаза и горестный изгиб рта говорили о том, что перед пастырем стоит неудачник. О том же говорил и дешевый поношенный костюм.

— Я прошу меня извинить, — сказал пастырь, — но дела заставляют меня отлучиться...

Человек смотрел на тщательно упакованный тючок в руках пастыря. Он был просто заворожен видом этого тючка. Наконец сделал над собою усилие и поднял глаза.

— Я подожду...

Голос — негромкий, печальный. Под стать взгляду.

— Да, но я буду отсутствовать несколько часов. Вам, право, было бы удобнее...

— Нет-нет, — сказал человек. — Не беспокойтесь. Времени у меня много...

Видимо, безработный.

Пастырь пересек двор и вывел машину из гаража.

Церковь странной формы стояла у шоссе, отделенная от него нешироким — шага в четыре — бетонным ложем оросительного канала, до краев наполненного хмурой осенней водой. По ту сторону полотна на стоянке перед бензозаправочной станцией отсвечивало глянцевыми бликами небольшое плотное стадо легковых автомобилей.

Пастырь проехал вдоль канала до мостика и, свернув на шоссе, посмотрел в зеркальце заднего обзора. Ни одна из машин у станции не тронулась с места. Все правильно. Был тре-

тий четверг месяца, и, прекрасно зная, куда и зачем едет их пастырь, прихожане по традиции провожали его глазами до поворота.

А сразу же за поворотом случилась неприятность — заглох мотор. После трех неудачных попыток оживить его пастырь раздраженно откинулся на спинку сиденья и посмотрел на часы. Вызвать техника по рации? Нет, не годится. Если его седан на глазах у паствы вернется к автостанции на буксире... Нет-нет, ни в коем случае!

Тут из-за поворота вывалился огромный тупорылый грузовик с серебристым дирижаблем цистерны на прицепе. А, была не была! Пастырь схватил тючок, выскочил из машины и, захлопнув дверцу, поднял руку. Грузовик остановился.

— На космодром? — удивленно переспросил шофер, загорелый мордатый детина в комбинезоне и голубенькой каскетке. — А у тебя пропуск есть?

Очутившись в кабине, пастырь положил на колени тючок, а сверху пристроил шляпу. Грузовик тронулся. На станцию можно будет позвонить попозже. Если поломка незначительна — пусть исправят и подгонят к кордону у въезда на космодром.

— Слышь, кудрявый, — позвал шофер. — А я тебя где-то видел...

Пастырь улыбнулся и не ответил. Собственно, в его ответе не было нужды — по правой обочине на них надвигался яркий квадратный плакат: огромная цветная фотография молодого человека в прозрачном вакуум-шлеме и церковном облачении. Густые волнистые волосы цвета меда, красиво очерченный рот, глубокие карие глаза, исполненные света и понимания. Понизу плаката сияющими буквами было набрано:

АСТРОЦЕРКОВЬ: К ГОСПОДУ — ЗНАЧИТ К ЗВЕЗДАМ!

Шофер присвистнул и с уважением покосился на своего пассажира.

— Ну дела! — только и сказал он. — Так ты, выходит, тот самый ракетный поп? Из церкви при дороге?

— Выходит, — согласился пастырь.

Шофер еще долго удивлялся и качал головой. Потом, почему-то понизив голос, спросил:

— Слышь, а правду говорят, что ты Христа играть отказался? Ну, в фильме в этом, как его?..

— Правду. — Пастырь кивнул.

— А чего отказался? Деньги же!

Пастырь поглядел на шофера. Загорелые лапы спокойно покачивали тяжелый руль.

— Вы верующий? — спросил пастырь.

— Угу, — сказал детина и, подумав, перекрестился.

— Следовательно, вы должны понимать, — мягко и наставительно проговорил пастырь, — что существуют вещи при всей их финансовой соблазнительности для верующих запретные.

Детина хмыкнул.

— Интересно... — проворчал он. — Значит, обедню в скафандре служить можно, а Христа, значит, в фильме играть нельзя? Не, зря ты отказался, зря! И здорово, главное, похож...

— Вы — противник астроцеркви? — с любопытством спросил пастырь.

— Да ну... — отозвался шофер. — Баловство... Верить — так верить, а так...

Навстречу грузовику брели облетевшие клены, перемежающиеся рекламными щитами. А шоферу, видно, очень хотелось поговорить.

— А вот интересно, — сказал он, — что с ними потом делается?

— С кем?

— Да с бандерольками этими. — Шофер кивнул на прикрытый шляпой тючок. — С записочками... Ну вот выкинули их на орбиту — а дальше?

— Знаете, — сказал пастырь, — честно говоря, физическая сторона явления меня занимает мало. — Он взглянул на тючок и машинально поправил шляпу, прикрывающую цифры. — Совершит несколько витков, а потом сгорит в плотных слоях атмосферы. Примерно так.

— Нераспечатанный? — уточнил шофер.

— Ну естественно, — несколько смешавшись, сказал пастырь. — А с чего бы ему быть распечатанным?

Сдвинув голубенькую каскетку, детина поскреб в затылке. Вид у него был весьма озадаченный.

— А! Ну да... — сообразил он наконец. — Ну правильно... Чего Ему их распечатывать!..

— Среди моих прихожан, — пряча невольную улыбку, добавил пастырь, — бытует поверье, что записочки, как вы их

называете, прочитываются именно в тот момент, когда сгорают в атмосфере.

— Надо же! — то ли восхитился, то ли посочувствовал шофер. — И сколько один такой тючок стоит?

Пастырь насторожился. Вопрос был задан не просто так.

— Сам по себе он, конечно, ничего не стоит, — обдумывая каждое слово, сдержанно отозвался он. — Я имею в виду — здесь, на Земле. А вот вывод его на орбиту действительно требует крупной суммы... Сумма переводится через банк, — добавил он на всякий случай.

— И что, переведена уже? — жадно спросил шофер.

— Ну разумеется.

Шофер поерзал и облизнул губы. Глаза у него слегка остекленели. Надо полагать, под голубенькой каскеткой шла усиленная работа мысли.

— А если не переводить?

Пастырь пожал плечами.

— Тогда тючок не будет сброшен с корабля на орбиту, — терпеливо объяснил он.

— Так и черт с ним! — в восторге от собственной сообразительности вскричал шофер. — Выкинуть его в канаву, а денежку — себе! Или вас там проверяют?

Человек бесконечно снисходительный к слабостям ближнего, пастырь на сей раз онемел. Да это уголовник какой-то, ошеломленно подумал он. Может, шутит? Однако шутки у него!.. Пастырь отвернулся и стал сердито смотреть в окно. Непонятно, как таких типов вообще подпускают к космодрому... Но тут в голову ему пришел блестящий ответ, и, оставив гневную мысль незавершенной, пастырь снова повернулся к водителю:

— А что вы везете?

— Да этот... — Детина мотнул головой в каскетке. — Окислитель.

— И стоит небось дорого?

— Да уж гробанешься — не расплатишься, — согласился детина, но тут же сам себе возразил: — Хотя если гробанешься, то и расплачиваться, считай, будет некому. Все как есть, сволочь, съедает. Сказано — окислитель...

— Слушайте! — позвал пастырь. — А давайте мы эту цистерну возьмем и угоним!

— А? — сказал шофер и тупо уставился на пассажира.

— Ну да, — нимало не смущаясь, продолжал тот. — Стоит дорого? Дорого. Ну и загоним где-нибудь на стороне. Деньги поделим, а сами скроемся. Идет?

Детина оторопело потряс головой, подумал.

— Не, — сказал он, опасливо косясь на пастыря. — Кому ты его загонишь? Он же только в ракетах...

Тут он поперхнулся раз, другой, затем вытаращил глаза — и захохотал:

— Ну ты меня уел!.. Ну, поп!.. Ну...

Сейчас начнет хлопать по плечу, с неудовольствием подумал пастырь. Но до этого, слава Богу, не дошло — впереди показался первый кордон.

— Сколько с меня?

— С попов не беру! — влюбленно на него глядя, ответил детина и снова заржал: — Ну ты, кудрявый, даешь! Надо будет как-нибудь к тебе на службу заглянуть...

Плоское и с виду одноэтажное здание на самом деле было небоскребом, утопленным в грунт почти по крышу. В дни стартов крыша служила смотровой площадкой и была на этот случай обведена по краю дюралевыми перильцами. Имелось на ней также несколько бетонных надстроек — лифты.

Пастырь вышел из раздвинувшихся дверей и остановился. Формальности, связанные с передачей тючка, звонок на станцию по поводу сломавшегося автомобиля — все это было сделано, все теперь осталось там, внизу. А впереди, в каких-нибудь двухстах метрах от пастыря, попирая бетон космодрома, стояла... его церковь. Нет, не каменная копия, что при дороге напротив бензоколонки, — обнаженно поблескивая металлом, здесь высился оригинал. Он не терпел ничего лишнего, он не нуждался в украшениях — стальной храм, единственно возможная сущность между ровным бетоном и хмурым осенним небом.

Чуть поодаль высился еще один — такой же.

Руки пастыря крепко взялись за холодную дюралевую трубку перил, и он понял, что стоит уже не у лифта, а на самом краю смотровой площадки. Затем корабль потерял очертания, замерцал, расплылся...

— Никогда... — с невыносимой горечью шепнул пастырь. — Ни-ко-гда...

Потом спохватился и обратил внимание, что рядом с ним на перила оперся еще кто-то. Пастырь повернул к нему просветленное, в слезах, лицо, и они узнали друг друга. А узнав, резко выпрямились.

Перед пастырем стоял полный, неряшливо одетый мужчина лет пятидесяти. Мощный залысый лоб, волосы, вздыбленные по сторонам макушки, как уши у филина, тяжелые, брюзгливо сложенные губы.

— Вы? — изумленно и презрительно спросил он. Повернулся, чтобы уйти, но был удержан.

— Постойте!

Каждый раз, когда пастырь оказывался на этой смотровой площадке, ему хотелось не просто прощать врагам своим — хотелось взять врага за руку, повернуться вместе с ним к металлическому чуду посреди бетонной равнины — и смотреть, смотреть...

— Послушайте! — Пастырь в самом деле схватил мужчину за руку. — Ну нельзя же до сих пор смотреть на меня волком!

Губы собеседника смялись в безобразной улыбке — рот съехал вниз и вправо.

— Прикажете смотреть на вас влажными коровьими глазами?

— Нет, но... — Пастырь неопределенно повел плечом. — Мне кажется, что вы хотя бы должны быть мне благодарны...

Со всей решительностью мужчина высвободил руку.

— Вот как? И позвольте узнать, за что же?

«Господи, — беспомощно подумал пастырь, — а ведь он бы мог понять меня. Именно он. Кем бы мы были друг для друга, не столкни нас жизнь лбами...»

— За то, что я не довел дело до скандала, — твердо сказал пастырь. — Ведь если бы я после всей этой нехорошей истории начал против вас процесс... Я уже не говорю о финансовой стороне дела — подумайте, что стало бы с вашей репутацией! Известный ученый, передовые взгляды — и вдруг донос, кляуза, клевета...

Глядя исподлобья, известный ученый нервно дергал замок своей куртки то вверх, то вниз. Лицо его было угрюмо.

— Я понимаю вас, — мягко сказал пастырь. — Понимаю ваше раздражение, но не я же, право, виноват в ваших бедах.

Мужчина дернул замок особенно резко и защемил ткань рубашки. Замок заело, и это было последней каплей.

— А я виноват? — взорвался он, вскидывая на пастыря полные бешенства глаза. — В чем же? В том, что мои исследования не имеют отношения к военным разработкам? Или в том, что наш институт настолько нищий, что за три года не смог наскрести достаточной суммы?.. Что там еще облегчать? Мы облегчили все, что можно! Прибор теперь весит полтора килограмма! А я не могу поднять его на орбиту, понимаете вы, не могу!.. Вместо него туда поднимается ваша ангельская почта...

Здесь, перед храмом из металла, перед лицом звезд, они сводили друг с другом счеты...

— Послушайте, — сказал пастырь, — но ведь, кроме истины научной, существует и другая истина...

— А, бросьте! — проворчал мужчина, пытаясь исправить замок своей куртки. Он сопел все сильнее, но дело уже, кажется, шло на лад.

— Одного не пойму, — сказал пастырь, с грустью наблюдая, как толстые волосатые пальцы тянут и теребят ушко замка. — Как вы могли?.. Донести, будто в моих тючках на орбиту выбрасывается героин! Вы! Человек огромного ума... Неужели вы могли допустить хоть на секунду, что вам поверят? Героин — для кого? Для астронавтов? Или для Господа?

Замок наконец отпустил ткань рубашки, и молния на куртке собеседника заработала. Шумно вздохнув, мужчина поднял усталое лицо.

— Люди — идиоты, — уныло шевельнув бровью, сообщил он. — Они способны поверить только в нелепость, да и то не во всякую, а лишь в чудовищную. Я полагал, что газеты подхватят эту глупость, но... Видимо, я недооценил людскую сообразительность. Или переоценил, не знаю... Во всяком случае — извините!

И, с треском застегнув куртку до горла, направился, не прощаясь, к бетонному чердачку лифта.

И стоит ли винить пастыря в том, что за всеми этими поломками, формальностями, случайными стычками он совершенно забыл, что у ворот храма его ожидает человек с печальными глазами и горестным изгибом рта! А человек между тем по-прежнему подпирал плечом стену каменной копии космического корабля. Неужели он так и простоял здесь все это время, ужаснулся пастырь и, загнав отремонтированную машину в гараж, пересек двор.

— Я еще раз прошу извинить меня, — сказал он. — Пройдемте в храм...

Они расположились в пристройке. В окне, за полотном дороги, сияли цветные сооружения заправочной станции, и совсем близкой казалась прямая серая линия — бетонная кромка оросительного канала.

— Прошу вас, садитесь, — сказал пастырь.

С тем же болезненным выражением, с каким он смотрел на тщательно упакованный тючок, человек уставился теперь на предложенное ему кресло — точную копию противоперегрузочного устройства. Потом вздохнул и сел. Пастырь опустился в точно такое же кресло напротив, и глубокие карие глаза его привычно исполнились света и понимания.

— Я пришел... — начал человек почти торжественно и вдруг запнулся, словно только сейчас понял, что и сам толком не знает, зачем пришел.

Пауза грозила затянуться, и пастырь решил помочь посетителю.

— Простите, я вас перебью, — мягко сказал он. — Ваше вероисповедание?..

Человек слегка опешил и недоуменно посмотрел на пастыря.

— Христианин...

— Я понимаю, — ласково улыбнулся пастырь. — Но к какой церкви вы принадлежите? Кто вы? Православный, лютеранин, католик?..

Этот простой вопрос, как ни странно, привел человека в смятение.

— Знаете... — в растерянности начал он. — Честно говоря, ни к одной из этих трех церквей я... Точнее — вообще ни к одной...

— То есть вы пришли к Христу сами? — подсказал пастырь.

— Да, — с облегчением сказал человек. — Да. Сам.

— А что привело вас ко мне?

Человек неловко поерзал в противоперегрузочном кресле и с беспокойством огляделся, как бы опасаясь, что каменный макет внезапно задрожит, загрохочет и, встав на огонь, всплывет вместе с ним в небеса.

— Зачем все это? — спросил он с тоской.

— Что именно?

— Ну... астроцерковь... служба в скафандре... записочки...

Так, подумал пастырь, третий диспут за день.

— Ну что же делать! — с подкупающей мальчишеской улыбкой сказал он. — Что делать, если душа моя с детства стремилась и к звездам, и к Господу! Но к звездам... — Тут легкая скорбь обозначилась на красивом лице пастыря. — К звездам мне не попасть... Повышенное кровяное давление.

— А если бы попали? — с неожиданным интересом спросил человек.

— Когда-то я мечтал отслужить молебен на орбите, — задумчиво сообщил пастырь.

После этих слов человек откровенно расстроился.

— Не понимаю... — пробормотал он с прежней тоской в голосе. — Не понимаю...

Пора начинать, решил пастырь.

— Человечество переживает расцвет технологии, — проникновенно проговорил он. — Но последствия его будут страшны, если он не будет сопровождаться расцветом веры. Вот вы мне поставили в вину, что я служу обедню в скафандре... А вы бы посмотрели, сколько мальчишек прилипает к иллюминаторам снаружи, когда внутри идет служба! Вы бы посмотрели на их лица... Разумеется, я понимаю, что их пока интересует только скафандр, и все же слово «космос» для них теперь неразрывно связано с именем Христа. И когда они сами шагнут в пространство...

— Вы — язычник, — угрюмо сказал посетитель.

— Язычник? — без тени замешательства переспросил пастырь. — Что ж... Христианству всегда были свойственны те или иные элементы язычества. Пожалуй, нет и не было церкви, свободной от них совершенно. Иконы, например. Чем не язычество?.. В давние времена вера выступала рука об руку с искусством — и вспомните, к какому расцвету искусства это привело! И если теперь вера выступит рука об руку с наукой...

— Да вы уже выступили, — проворчал посетитель. — Вы уже договорились до того, что Христос был пришельцем из космоса...

— Неправда! — запротестовал пастырь. — Журналисты исказили мои слова! Это была метафора...

— Хорошо, а записочки? — перебил посетитель. Он явно шел в наступление. — Откуда вообще эта дикая мысль, что молитва, поднятая на орбиту, дойдет до Господа быстрее?

— Разумеется, это суеверие, — согласился пастырь. — Для Бога, разумеется, все едино. Но люди верят в это!

— Так! — сказал посетитель, обрадовавшись. — Следовательно, вы сами признаете, что делаете это не для Господа, а для людей?

— Да, для людей, — с достоинством ответил пастырь. — Для людей, дабы в конечном счете привести их к Господу. Так что не ищите в моих словах противоречия. Вы его не найдете.

— Но они идут к Господу, как в банк за ссудой! — закричал посетитель. — О чем они просят Его в своих записочках! О чем они пишут в них!..

— Этого не знаю даже я, — резонно заметил пастырь. — Это известно лишь им да Господу.

— А разве так уж трудно догадаться, о чем может просить Господа человек, которому некуда девать деньги? — весьма удачно парировал посетитель. — Ваша паства! Это же сплошь состоятельные люди! Те, у кого достает денег и глупости, чтобы оплатить выброс в космос всей этой... бумаги.

— Вы кощунствуете, — сказал пастырь. Лицо его отвердело и стало прекрасным — как на рекламном щите при дороге.

Посетитель вскинул и тут же опустил темные глаза, в которых пастырь успел, однако, прочесть непонятный ему испуг.

— Опять... — беспомощно проговорил человек. — Опять это слово...

Надо полагать, обвинение в кощунстве предъявлялось ему не впервые.

— Да поймите же! — Пытаясь сгладить излишнюю резкость, пастырь проговорил это почти умоляюще. — Элитарность астроцеркви беспокоит меня так же, как и вас. Но рано или поздно все образуется: стоимость полетов в космос уменьшится, благосостояние, напротив, возрастет, и недалек тот час, когда двери храма будут открыты для всех.

Посетитель молчал. Потом неловко поднялся с противоперегрузочного кресла.

— Простите... — сдавленно сказал он, все еще пряча глаза. — Конечно, мне не следовало приходить. Просто я подумал... ну что же это... ну куда еще дальше...

Досадуя на свой глупый срыв и некстати слетевшее с языка слово «кощунство», пастырь тоже встал.

— Нет-нет, — слабо запротестовал человек. — Провожать не надо. Я сам...

Пастырь не возражал. У него действительно был трудный день. Попрощавшись, он снова опустился в кресло и прикрыл глаза.

Ученый написал на него донос, шофер грузовика, пусть в шутку, но предложил ограбить прихожан, безработный богоискатель обвинил в язычестве и фарисействе. Представители других церквей... Ну, об этих лучше не вспоминать. Кем они все считают его? В лучшем случае — достойным уважения дельцом. Правда, есть еще паства. Но, будучи умным человеком, пастырь не мог не понимать, что для его прихожан астроцерковь, на создание которой он положил все силы души своей, — не более чем последний писк моды.

Он открыл глаза и стал смотреть в окно. В окне по-прежнему сияли чистыми цветами постройки заправочной станции и тянулась параллельно полотну дороги бетонная кромка оросительного канала. Потом в окне появился его странный собеседник. Ссутулясь, он брел к автостанции и, судя по движениям его рук и плеч, продолжал спор — уже сам с собой. Внезапно пастырь ощутил жалость к этому бедолаге в поношенном костюме. Работы нет, жизнь не сложилась, с горя начал искать истину... Или даже наоборот: начал искать истину — и, как следствие, лишился работы... Ну вот опять — ну куда он идет? Он же сейчас упрется в оросительный канал, и придется ему давать крюк до самого мостика. Может, подвезти его? Он ведь, наверное, путешествует автостопом. Да, пожалуй, надо... Как-никак они с ним одного поля ягоды. Походит он так, походит в поношенном своем пиджачке, посмущает-посмущает святых отцов, а там, глядишь, возьмет да и объявит, что нашел истинную веру. И соберется вокруг него паства, и станет в этом мире одним исповеданием больше...

Пастырь поднялся с кресла. Серая полоска за окном раздвоилась, между бетонными кромками блеснула вода. Человек брел, опустив голову.

Как бы он в канал не угодил, забеспокоился пастырь и приник к стеклу. Так и есть — сейчас шагнет в воду, а там метра два глубины! Пастырь хотел крикнуть, но сообразил, что сквозь

стекло крик едва ли будет услышан. Да и поздно было кричать: ничего перед собой не видя, человек переносил уже ногу через бетонную кромку.

Пастырь дернулся к двери и вдруг замер.

Точно так же, не поднимая головы и вряд ли даже замечая, что под ногами у него уже не земля, но хмурая водная гладь, человек брел через канал. На глазах пастыря он достиг противоположной бетонной кромки и, перешагнув ее, двинулся к шоссе.

Стены разверзлись. Скорбные оглушительные аккорды нездешней музыки рушились один за другим с печальных, подернутых дымкой высот, и пастырь почувствовал, как волосы его встают дыбом, — состояние, о котором он лишь читал и полагал всегда литературным штампом.

Сердце ударило, остановилось, ударило снова.

— Господи... — еле слышно выдохнул пастырь.

Человек на шоссе обернулся и безнадежным взглядом смерил напоследок каменную копию космического корабля.

Авария

Кресло, каждый изгиб которого — совершенство. Блистающий кнопками пульт. Вогнутая, будто сложенная из телеэкранов, стена. Когда-то считалось, что так будет выглядеть рубка межзвездного корабля. Оказалось, что так будет выглядеть кабинет крупного ответственного работника.

Нет-нет, не было ни жертв, ни разрушений — просто вспыхнули и медленно стали гаснуть экраны.

Генеральный директор потыкал пальцем во все кнопки и вне себя откинулся на спинку кресла. Такого еще не случалось! Ну, бывало, что забарахлит канал-другой, но чтобы так, скопом... Он был отсечен от подчиненных, как голова от туловища.

Генеральный директор схватил со стола пластмассовый стаканчик и залпом проглотил остывший кофе.

Вогнутая, как бы сложенная из экранов стена упорно не хотела оживать. Вместо этого мелодично забулькал сигнал видеофона.

© Любовь Лукина, Евгений Лукин, 1988

Директор нажал клавишу, и на изящном настольном экранчике возник незнакомый юноша, одетый... Ну да, в одну из этих самодельных веревочных маечек... Как же они их называют? Какое-то совершенно дурацкое словцо...

— Здравствуйте, — сказал юноша. — Я к вам сейчас подъеду.

— Что происходит? — в негодовании осведомился директор. — Почему вдруг...

— Ничего страшного, — успокоил юноша. — Это не на линии, это у вас в кабинете неисправность. Скоро буду. — И дал отбой.

«Плетка!» — внезапно вспомнил директор название веревочной майки и рассвирепел окончательно. При чем здесь плетка? Плетка — это совсем другое... Пороть их, сопляков, некому!

Он смял в кулаке пустой стаканчик и бросил на стол. Интересно, сколько времени юноша в «плетке» провозится со всей этой механикой? Если группа учреждений останется без руководителя минут на пятнадцать — тогда действительно ничего страшного. Но тут, кажется, речь идет не о минутах, а о часах... Ну и сотруднички в службе связи! Ведь это надо было сидеть плести... И ведь в рабочее время, наверное!..

И вдруг генеральный директор сообразил, что вызывающе одетый сотрудничек будет первым его посетителем за пять лет — настоящим, не телеэкранным. Ошеломленный этой мыслью, он оглянулся на персональный пневматический лифт в углу кабинета. Черт возьми, раз так, то надо встретить. Какой-никакой, а гость...

Он нажал кнопку, и из ниши в стене выскочил киберсекретарь на тонких трубчатых ножках.

— Два кофе, — барственно, через губу, повелел генеральный директор. — И наведи-ка здесь, братец, порядок...

Техники, как известно, опаздывают, но этот, в «плетке», видимо, был какой-то особенный: прибыл быстро, как обещал. От кофе вежливо отказался, раскрыл сумку и принялся выкладывать на стол разные диковинные инструменты.

Директор откашлялся. За пять лет он начисто отвык говорить на работе с живыми людьми.

— И долго вы ее плели? — поинтересовался он наконец.

Юноша вопросительно посмотрел на директора, потом понял, что речь идет об его уникальной маечке.

— Вообще-то долго, — со вздохом признался он. — Дня три.

— И какие преимущества? Я имею в виду — перед фирменными рубашками?

Юноша почесал в затылке.

— Понятно... — сказал директор. — Я надеюсь, поломка не очень серьезная? Вы учтите: целая группа учреждений отрезана от руководства...

— Минут за пятнадцать справлюсь, — обнадежил юноша. — Да вы пойдите пока, погуляйте. Я слышал, у вас тут парк замечательный...

— Где? — не понял директор.

Юноша удивился.

— Как «где»? Здесь.

Он вскинул голову и чуть ли не с ужасом уставился на клиента.

— Так вы что, ни разу в парке не были?

— Вообще-то я приезжаю сюда работать, а не прогуливаться, — сухо заметил директор.

Юноша смотрел на него, приоткрыв рот. Директору стало неловко.

— И потом я всегда думал, что в кабинет можно попасть только лифтом, — смущенно признался он. — Сначала подземкой, а там сразу лифт...

— Да как же это вы! — всполошился юноша. — Да это же и в инструкции должно быть указано... Вон та клавиша, видите?

Он подошел к стене и утопил клавишу. В ту же секунду добрая треть стены куда-то пропала, и директор отшатнулся, как перед внезапно распахнутым самолетным люком.

Неимоверной глубины провал был полон листвы и солнца.

— Ничего себе... — только и смог выговорить директор. Он почему-то всегда полагал, что его командный пункт расположен в одном из подземных ярусов. Оказалось, что на первом этаже.

Веселая шелковистая трава шевелилась у самых ног. Шорохи и сквозняки летнего утра гуляли по кабинету.

— Так вы говорите, пятнадцать минут у меня есть?

Удивительный день! Все впервые. Отключились экраны, зашел человек, открылась дверь в стене...

Директор разулся и посмотрел назад, на свой кабинет.

Вот, значит, как он выглядит со стороны... Белый, словно парящий в воздухе куб с темным прямоугольником входа и лесенкой в три ступеньки. А вон еще один кубик... Да их тут много, оказывается.

Вдали из-за дерева проглядывала неширокая полоска воды.

«Если провозится подольше, можно будет на речку сходить...» — удивив самого себя, подумал директор.

На соседней поляне загорали. Там, прямо на траве, возлежал дородный мужчина в трусиках строгого покроя. Чувствовалось, что загорает он с недавних пор, но яростно: кожа его была воспаленно-розового цвета.

Глядя на него, директор почему-то забеспокоился и подошел поближе, всматриваясь и пытаясь понять причину своей тревоги.

Во-первых, загорающего мужчину он откуда-то знал. Но причиной было не это. Причиной была неуловимая нелепость происходящего.

Крупное волевое лицо, твердый, определенных очертаний рот, упрямый, с ямкой, подбородок... Такого человека легко представить за обширным столом перед вогнутой стеной из телеэкранов. Человек с таким лицом должен руководить, направлять, держать на своих плечах сферы и отрасли.

Воспаленно-розовый ответственный работник на нежно-зеленой траве посреди рабочего дня — воля ваша, а было в этой картине что-то сюрреалистическое.

Директор неосторожно зацепил тенью лицо лежащего. Воспаленно-розовое веко вздернулось, и на генерального директора уставился свирепый голубой начальственный глаз.

— Я загораю, — низко, с хрипотцой сообщил лежащий.

— Простите? — удивился директор.

— Вы же хотели спросить, что я тут делаю? Я загораю.

— Да я, знаете ли, понял, — несколько обескураженно сказал директор. — Я, собственно, хотел спросить: не вас ли я видел на Арчединском симпозиуме пять лет назад?

Свирепый голубой глаз критически и с каким-то сожалением окинул директора.

— Очень может быть...

Да-да! И голос тоже! Именно таким голосом осведомляются о причинах небывало высокого процента брака. Или, скажем, о причинах непосещения зрителями городского театра, если товарищ руководит не в производственной сфере, а имен-

но в культурной... Целую вечность генеральный директор не беседовал с собратьями по штурвалу. Проклятые телеэкраны отсекли их друг от друга, наглухо заперев каждого в своем рабочем кабинете.

— Вы, как я понимаю, тоже здесь... руководите? — попытался наладить разговор генеральный директор.

— Руководил, — последовал ответ.

«Ах вот оно что...» — подумал директор и ровным голосом, будто ничего существенного сказано не было, продолжал:

— И чем же вы руководили?

— Телевизорами.

Шутка была тонкой, и кто, как не директор, мог оценить ее в полной мере!

— Да, действительно... — вежливо посмеявшись, сказал он. — Экраны, люди на экранах... И ни с кем из них в жизни не встречаешься, филиалы-то — по двум континентам разбросаны... Иной раз глядишь в телевизор и гадаешь: есть на самом деле эти люди, нет их?..

— Нет их, — бросил лежащий, подставляя солнцу внутреннюю недостаточно воспаленную часть руки.

— Простите? — опять не понял директор.

— Я говорю: нет их! — рявкнул мужчина. Не вынес изумленного директорского взгляда и рывком сел. — Ну что вы уставились? Людей, которыми вы руководите, нет. И никогда не было. Повторить?

Директор все еще молчал. Мужчина шумно хмыкнул и снова растянулся на траве.

— Я вижу, вы от меня не отвяжетесь, — проворчал он.

— Не отвяжусь, — тихо подтвердил директор. — Теперь не отвяжусь.

Мужчина посопел.

— С самого начала, что ли? — недовольно спросил он.

— Давайте с самого начала...

В светлых солнечных кронах журчал ветер.

— Лет семь назад, если помните, — не пожелав даже разжать зубы, заговорил незнакомец, — в верхах в очередной раз подняли вопрос: что мешает работе сферы управления... — Он сделал паузу и, преодолев отвращение, продолжал: — Привлекли специалистов, построили какой-то там сверхкомпьютер... Понатыкали кругом датчиков, телекамер...

— Послушайте! — не выдержал директор. — История с компьютерщиками мне известна! Но вы перед этим сказали, что якобы...

— А какого дьявола спрашиваете, раз известна? — вспылил лежащий. — Давайте тогда сами рассказывайте!

— Но позвольте...

— Давайте-давайте! — потребовал воспаленный незнакомец. — Так что выяснили специалисты?

— Да ничего нового! — в свою очередь раздражаясь, ответил директор. — Доказали, что часть управленческого аппарата — балласт! От балласта избавились...

— Как?

— Что «как»?

— Как избавились?

— Н-ну... ненужных руководителей отстранили, нужных оставили...

— Вас, например?

— Меня, например!

— Так, — сказал лежащий. — Замечательно. И многих, по-вашему, отстранили?

— Да чуть ли не половину... Но я не понимаю...

Директор опять не закончил, потому что лежащий всхохотнул мефистофельски.

— Ну, вы оптимист! — заметил он. — Половину... Это надо же!

— Послушайте! — сказал директор. — Как вы со мной разговариваете! Я вам что, мальчишка? Или подчиненный?.. Ну, не половину, ну, три четверти — какая разница!

— Разница? — прорычал лежащий, снова уставя на генерального директора свирепый голубой глаз. — Я, кажется, переоценил вашу сообразительность... Вы что, не понимаете, что это такое — три четверти управленческого аппарата? Если они все разом почувствуют, что под ними качнулись кресла!.. Как вы их отстраните? Куда вы их отстраните? Да они вас самого в два счета отстранят! Объединятся и отстранят!..

Директору захотелось присесть, но он ограничился тем, что поставил на траву туфли, которые до этого держал в руке.

— Так что было делать с нами? — все более накаляясь, продолжал лежащий. Собственно, лежащим он уже не был — он полусидел, попирая нежно-зеленую травку растопыренной пятерней. — А? С генерал-администраторами! Которых —

пруд пруди! «Дяденька, дай порулить» — слышали такую поговорку?.. — Он передохнул и закончил ворчливо: — Уж не знаю, в чью умную голову пришла эта блестящая мысль, а только наиболее влиятельных товарищей перевели с повышением в замкнутые кабинеты с телевизорами, а телевизоры подключили к тому самому компьютеру — благо вся информация была уже в него заложена. Вот он-то и подает вам на экраны изображения, которыми вы руководите... не причиняя вреда окружающим.

— Вы... шутите... — прошептал генеральный директор.

Собеседник шумно вздохнул и лег.

— Но если это так... — хрипло сказал директор («Так, так», — подтвердил собеседник, прикрывая глаза), — я возьму его сейчас за глотку и спрошу...

— Кого?

— У меня там один... в кабинете... экраны ремонтирует...

— Бросьте, — брезгливо сказал собеседник. — Он ничего не знает. Он ремонтирует экраны.

— Но надо же что-то делать! — закричал директор.

— Что?

— Но вы же сами говорили: три четверти... огромная сила...

— Была, — уточнил собеседник. — Когда-то. А теперь пять лет прошло! Все потеряно: связи, влияние — все... Нет, дорогой коллега, переиграть уже ничего невозможно. — Последнюю фразу он произнес чуть ли не с удовлетворением.

Директор наконец взял себя в руки. Лицо его стало твердым, прищур — жестким.

— Да вы вроде радуетесь, — холодно заметил он.

Лежащий хмыкнул, не открывая глаз.

— А как, позвольте спросить, вы сами об этом узнали?

Страшный незнакомец повернулся на другой бок, продемонстрировав спину с травяным тиснением и прилипшим листочком.

— А случайно, — помолчав, признался он. — У них, знаете ли, тоже иногда накладки бывают... Короче, узнал. Потом отыскал одного из этих... программистов.

— Вы мне его адрес не дадите? — быстро спросил директор.

— Не дам, — сказал собеседник. — Вам пока нельзя. Ищите сами. А пока будете искать, придете в себя, образумитесь маленько... Как я. — Он поглядел искоса на директора и посо-

ветовал: — А вы посчитайте меня сумасшедшим. Станет легче. Я же вижу, вы уже готовы...

Директор оглянулся беспомощно. Мир давно уже должен был распасться на куски и рухнуть с грохотом, но, похоже, он рушиться не собирался: все так же зеленел, шумел кронами и мерцал из-за стволов неширокой полоской воды.

— И вы думаете, я вам поверю? — весь дрожа, проговорил директор. — Подавать на экраны жизнь... Да он что, Шекспир, ваш компьютер?

— А! — с отвращением отмахнулся лежащий. — Какой там Шекспир!.. Нормальная компьютерная игрушка...

Директору хотелось проснуться. Или хотя бы схватить лежащие на траве туфли и припуститься бегом из солнечного зеленого кошмара в привычную реальность кабинета.

— Не может быть... — вконец охрипнув, сказал он. — Это скандал. Вмешалась бы международная общественность...

— Вмешалась бы. — Собеседник одобрительно кивнул. — Но не вмешается. Тут вот какая тонкость... Жажда власти (она же административный восторг) определена ныне медиками как одна из форм сумасшествия. Так что в глазах общественности мы с вами, коллега, скорее пациенты, чем заключенные...

— Но если человек до конца дней своих просидит в кабинете? — крикнул директор.

— Ну и просидит, — последовал философский ответ.

— Так... — задыхаясь, проговорил директор. — Так... И что вы теперь намерены делать?

— Загорать, — лаконично отозвался собеседник.

— Ну допустим, — собрав остатки хладнокровия, сказал директор. — День будете загорать, два будете загорать... У вас, кстати, кожа облезает... А дальше?

— Облезает, говорите? Это хорошо...

— Вы мне не ответили, — напомнил директор. — Что дальше?

Взгляд незнакомца несколько смягчился. С минуту лежащий изучал директора, явно прикидывая, а стоит ли с этим типом откровенничать.

— Тут, я смотрю, речка есть... — нехотя проговорил он наконец. — Она ведь куда-то должна впадать. Наверное, в какую-нибудь другую речку. И та тоже... Значит, если поплыть отсюда по течению, можно и до моря добраться... Закажу яхту.

Или даже сам построю. Хочу, короче, попробовать кругосветное плавание. В одиночку...

После этих слов генеральному директору стало окончательно ясно, с кем он имеет дело. Видимо, следовало вежливо со всем согласиться и тут же откланяться. Но директор был еще слишком для этого взвинчен.

— Ах, кругосветное! — сказал он. — В одиночку!.. Оч-чень, оч-чень интересно... А кому, позвольте спросить, это нужно? Вы! Энергичный, инициативный человек...

— Кому? — взревел воспаленно-розовый незнакомец. — Мне! С детства, знаете ли, мечтал! Плывешь этак, знаете, по океану и не причиняешь вреда ни единой живой душе!.. Идите, — почти приказал он. — Идите в ваш кабинет, играйте там в ваши игрушки, идите куда хотите!..

На траву рядом с директорской тенью легла еще одна. Директор оглянулся. Это был юноша в «плетке». Лежащий бешено посмотрел на веревочную маечку подошедшего и повернулся к публике без малого алой спиной.

— Вроде работает, — сообщил юноша, с интересом разглядывая облезающую спину. Спина была похожа на контурную карту Европы.

Генеральный директор сделал страшные глаза и предостерегающе приложил палец к губам. Затем — по возможности бесшумно — поднял с травы туфли и, ухватив за неимением лацкана какую-то веревочную пупочку, увлек изумленного юношу в сторону кабинета. Босиком и на цыпочках.

— Видите, человек лежит? — шепнул он, отойдя подальше.

Юноша испуганно покивал.

— Совершенно страшная история... — все так же шепотом пояснил генеральный директор. — Крупный ответственный работник, я с ним встречался на симпозиуме... Вы же представляете, какие у нас нагрузки...

— Так что с ним? — спросил юноша. Тоже шепотом.

Директор быстро оглянулся на лежащего и, снова сделав страшные глаза, покрутил пальцем у виска.

— Что вы говорите! — ахнул юноша. — Так это надо сообщить немедленно!..

— Тише!.. — прошипел директор. — А куда сообщить, вы знаете?

— А как же!

— Молодой человек... — В голосе генерального директора прорезались низы. — Я вас убедительно прошу сделать это как можно скорее...

Они еще раз оглянулись. На нежно-зеленой поляне по-прежнему сияло воспаленно-розовое пятно. Как ссадина.

— Вот так, — с горечью произнес директор. — Работаешь-работаешь...

Не закончил и, ссутулясь, пошел к кабинету. Потом вздрогнул, опустился на корточки и с заговорщическим видом поманил к себе юношу туфлями, которые все еще держал в руке. Юноша посмотрел на странного клиента, как бы сомневаясь и в его нормальности, но подумал и тоже присел рядом. Оба заглянули под светлое матовое днище кабинета.

— Слушайте... — снова зашептал директор. — А вон тот кабель... Он куда идет?

Юноша пожал загорелым плечом.

— Это надо схему смотреть, — сказал он.

— Слушайте... А он нигде не соединяется с каким-нибудь... компьютером, например?

— Ну а как же! — все более недоумевая, ответил юноша. — И не с одним. У вас у самого в кабинете два компьютера, и оба в сети...

— Да нет! — с досадой перебил директор. — Я не о том... Понимаете, лет семь назад построили какой-то там сверхкомпьютер...

— Семь лет назад? — Юноша недоверчиво засмеялся. — Да он уж, наверное, списан давно!

— Вы полагаете?

— Уверен!

Они поднялись с корточек.

— Спасибо, — стремительно обретая утраченное было достоинство, изронил директор. — Спасибо вам большое... И, пожалуйста, не забудьте о моей просьбе... — Он хотел было подать юноше руку, но в руке были туфли. Возникла неловкость.

— Вы сейчас в лифт? — поспешно спросил директор.

— Да нет, я, пожалуй, пройдусь... — отвечал юноша, озадаченно на него глядя.

— А, ну, пожалуйста-пожалуйста... — благосклонно покивал директор и вдруг встревожился: — Позвольте, а как же вы тогда сообщите?..

Вместо ответа юноша многозначительно похлопал по сумке.

* * *

Ступеньки взметнулись, распрямились, и прямоугольник входа исчез. Это директор нажал клавишу в своем кабинете. Потом внутри слепого матового куба что-то слабо пискнуло. Это включились экраны.

Юноша в «плетке» повернулся и, покачивая сумкой, двинулся через парк.

— Ну и зачем вам это было нужно? — с упреком спросил он, останавливаясь над воспаленно-розовым мужчиной.

Лежащий приоткрыл глаз.

— А-а... — сказал он. — Так вы, значит, еще и экраны ремонтировать умеете?

— Мы же вас просили ни с кем из них не общаться! — Юноша был явно расстроен. — Излечение шло по программе, наметились сдвиги... Сегодня мы его выпустили на травку, подобрали погоду, настроение... Неужели за речкой места мало? Почему вам обязательно надо загорать рядом с... э-э... — И юноша в «плетке» обвел свободной рукой многочисленные белые кубики, виднеющиеся из-за деревьев.

— А он первый начал, — сообщил лежащий, кажется, развлекаясь. — И вообще — где яхта? Вы мне обещали яхту!

— И с яхтой тоже! — сказал юноша. — Зачем вы нас обманули? Вы же не умеете обращаться ни с мотором, ни с парусом! Перевернетесь на первой излучине...

— Ну не умею! — с вызовом согласился лежащий. — Научусь. Пока до моря доплыву, как раз и научусь. А пациент этот ваш... Я тут с ним поговорил... Зря возитесь. По-моему, безнадежный.

— Должен вам напомнить, — заметил юноша, — что вы тоже считались безнадежным. Причем совсем недавно.

Воспаленно-розовый мужчина открыл было рот, видимо, собираясь сказать какую-нибудь грубость, но тут над парком разнесся гул и шелест винтов, заставивший обоих поднять головы. Что-то, похожее на орла, несущего в когтях щуку, выплыло из-за крон и зависло над неширокой полоской воды.

Вертолет нес яхту.

Черный сон

1992

Стояли за куриными ногами. Отрубленные по коленку птичьи лапы жутко растопыривали из картонного ящика бледные когтистые хваталки. Смотреть на них без содрогания мог далеко не всякий, и, наверное, поэтому очередь была относительно небольшой — человек семьдесят.

— Довели страну, — сдавленно проговорил Леонид Устинович Ососков, приземистый россиянин — лет под пятьдесят, с глазами навыкате.

— Довели... — согласился со вздохом Александр Павлович Ордынин, тоже, несомненно, россиянин — с отчаянной выправкой белогвардейца и культурно подстриженной бородкой, в которой кишела толстая, как вермишель, седина.

По именам они друг друга не знали, что вполне естественно, поскольку были они ну совершенно незнакомы.

— Кошмар, — сказал Ососков.

© Любовь Лукина, Евгений Лукин, 1992

— Черный сон, — уточнил Ордынин. — Просто черный сон, по-другому не скажешь...

Они замолчали, скорбно глядя, как продавщица выкладывает на весы бледные птичьи конечности. Была она большая и неухоженная, как матушка Россия: вялое обширное лицо с уныло обвисшим углом рта, о котором она, видимо, просто забыла. С одного века тушь стерта, с другого — нет. Слишком уж велика территория — за всем не уследишь.

Зрелище было настолько аллегорическим, что у Ососкова снова не выдержали нервы.

— Ведь жили — горя не знали! — плачуще вскричал он. — Спрашивается, на кой черт им вообще понадобилось ставить все с ног на голову?

— Власти, власти захотелось, — с каким-то даже злорадством в голосе откликнулся Ордынин. — Что страна гибнет — плевать! Главное, чтоб они наверху оказались!..

— Демагоги! — проскрежетал Ососков.

— Бандиты, — поправил Ордынин. — Самые настоящие бандиты! До разрухи довели! До гражданской войны!

Пучеглазый Ососков злобно фыркнул.

— Свободу они нам дали! — язвительно выговорил он. — Да кому она нужна, такая свобода? Авантюристы!

— Причем высокого класса! — добавил Ордынин. — Как они войну-то использовали!..

Ососков хотел подхватить, но запнулся и озадаченно свел брови.

— А! — сообразил он наконец. — Вы про Афганистан?

— Да нет, я про Первую мировую!..

Оба замолчали и уставились друг на друга, медленно прозревая истину.

— Позвольте, позвольте... — сказал Ордынин. — Вы о ком говорите?

— Я о демократах! А вы о ком?

— А я о большевиках, — сказал Ордынин — и, отодвинувшись, насколько позволяла очередь, они еще раз оглядели друг друга, как бы выбирая, за что укусить.

— Та-ак... — зловеще протянул приземистый Леонид Устинович. — Вот, значит, кто мы такой... Царизьму, значит, захотелось... Капитализьму, значит... Ну вот он ваш капитализм! Любуйтесь!

— Это — капитализм? — закричал стройный подтянутый Александр Павлович. — Это последствия вашего владычества! Семьдесят лет разваливали экономику, а как почувствовали, что под ногами закачалось, — давай следы заметать! Перестройку учинили, вы подумайте!

— Кто учинил? — закричал в свою очередь Ососков. — Кто ее учинял? Да если бы не ваш Горбачев!..

— Мой? — всхохотнул Ордынин. — Нет уж, увольте! С вашим бывшим генеральным секретарем разбирайтесь сами.

— А вы... — Ненависть захлестнула Ососкова. — А вы за кем стояли?

— То есть как это — за кем? За вами!

— А вот не занимали вы за мной! За мной вот он занимал! — И Ососков ткнул пальцем в следующего за Ордыниным старичка с палочкой. — А откуда вы здесь взялись, я не знаю!..

— Ах ты!.. — Ордынин сначала отшатнулся, потом шагнул к Ососкову, и оба с треском ухватили друг друга за лацканы, видимо, крепко помня старую мудрость: дери на богатом рожу, на бедном — одежу.

— Да что ж вы, падлы, мне тут весы колебаете?! — страшным громовым голосом проговорила продавщица, делаясь вдруг еще огромнее, и протянула к дерущимся... нет, не руки — растопыренные птичьи когти. Очередь завизжала, кинулась врассыпную — и кошмар оборвался.

1975

— Леня! Леня, проснись!.. — трясла за плечо жена.

Инструктор обкома Леонид Устинович Ососков резко сел на кровати, выпучил глаза...

— А?!

— Ты во сне кричал, — пояснила жена.

— А-а... — Все еще во власти жуткого сновидения, Леонид Устинович затряс головой. — А который час?

— Да народ уже на демонстрацию идет...

Ососков перелез через жену и, спрыгнув на пол, босиком прошлепал на балкон.

Утро выдалось солнечное. Внизу плескались алым шелком знамена, реяли детские шарики, плыли портреты. Говор, песни. Кто-то с оттягом рванул на баяне вальс, да так бодро, словно марш рванул. Мелькнул плакат: «Завершающему году пя-

тилетки — наш ударный труд!» А с той стороны улицы в просветах между знаменами сияли свежевымытые витрины, уставленные ликерами и вавилонскими башнями из шоколадок и консервов...

«Черт, и приснится же такая дрянь!» — в смущении подумал Леонид Устинович и содрогнулся, вспомнив растопыренную птичью лапу.

1913

Присяжный поверенный Александр Павлович Ордынин аналогичным рывком сел на высокой пружинной постели и открыл полные ужаса глаза.

Звонили к обедне. Александр Павлович проворно спустил ноги с кровати и, несколько нервически нашарив туфли, накинул халат. Хотел постучать в спальню жены, но вовремя одумался: сон был настолько неприличен и нелеп, что рассказывать его, право, не стоило.

Тогда он подошел к высокому окну и отвел штору. В синем весеннем небе плыл колокольный звон, сияли купола. Во весь карниз второго этажа дома напротив раскинулась аршинными буквами вывеска «Желанниковъ и сыновья». Благостный принарядившийся народ шел к обедне.

«Господи, и приснится же такая дрянь!» — в смятении подумал Ордынин и, хотя слыл человеком самых передовых взглядов, перекрестился — истово и боязливо.

Лицо из натурального шпона

Он работал слесарем на Центральном рынке и, в общем, неплохо зарабатывал. В бетонных катакомбах под торговым павильоном располагались камеры хранения. Поднять мешок в зал — рубль, снести в подвал — тоже.

А по весне они с женой купили импортный гарнитур. Если кто заходил в гости, то его прямиком вели к стенке.

— Видал? — с гордостью говорил хозяин, оглаживая полировку. — Облицовочка, а? Натуральный шпон!

Гость делал скорбно-торжественное, как на похоронах, лицо и начинал кивать.

И все было как у людей.

А вот художник-оформитель по прозвищу Прибабах повел себя просто неприлично. Поставленный перед стенкой, он был откровенно разочарован.

— Я думал, ты выпить зовешь...

— Все б тебе выпить! — с досадой сказал хозяин. — Ты погляди, вещь какая! Натуральный шпон! Нет, ты глянь! И не лень ведь было... Это они,

© Любовь Лукина, Евгений Лукин, 1989

значит, обе пластины из одного куска дерева выпиливали. А потом еще состыковывали для симметрии...

Прибабах вздохнул безнадежно и поглядел на полированную дверцу, рассеченную по вертикали тонкой, почти воображаемой прямой, вправо и влево от которой симметрично разбегались темные полосы древесных разводов.

— Во делают!.. — вдохновенно продолжил было хозяин, но тут Прибабах сказал: «Цыть!» — и поспешно отшагнул от дверцы.

— Хар-раш-шо... — снайперски прищурясь, выговорил он.

— А? — просиял хозяин. — Фанеровочка!

— Ты лицо видишь? — спросил Прибабах.

— Лицо? Какое лицо?

— Тупой ты, Вовик! — Прибабах снова шагнул к дверце и принялся бесцеремонно лапать полировку. — Глаза! Нос! Борода!.. Ну? Не видишь?

Хозяин всмотрелся и вздрогнул. С полированной дверцы на него действительно смотрело лицо. Вскинутые, с изломом, брови, орлиный нос, язвительный изгиб рта... Взгляд — жестокий... Нет! Скорее — насмешливый... Или даже требующий чего-то... Сейчас. Сию минуту.

— Слушай! — сказал Прибабах. — А продай ты мне эту дверцу! На кой она тебе?..

Хозяин обиделся. Проводив гостя, подошел с тряпкой — стереть с полировки отпечатки пальцев Прибабаха — и снова вздрогнул, встреченный беспощадным взглядом в упор.

И кончилась жизнь. Пройдешь по комнате — смотрит. Сядешь в кресло — импортное, гарнитурное, — смотрит. Отвернешься в окно поглядеть — затылком чувствуешь: смотрит...

Водка два раза в горле останавливалась.

Разъярясь, подходил к дверце и злобно пялился в ответ, словно надеялся, что тот отведет глаза первым. Черт его знает, что за лицо такое! Витязь не витязь, колдун не колдун... Щеки — впалые, на башке — то ли корона, то ли шлем с клювом...

— Что?! Царапина?! — ахнула жена, застав его однажды за таким занятием.

— Если бы!.. — хмуро отозвался он. — Слушай, ты лицо видишь?

— Чье?

— Да вот, на дверце...

— А ну смотри на меня! — скомандовала жена, и он нехотя выполнил приказание.

— Ну, ясно! — зловеще констатировала она. — Сначала башка поворачивается, а потом уже глаза приходят. Успел?

— Да трезвый я, Маш! Ну вот сама смотри: глаза, нос...

Жена по-совиному уставилась на дверцу, потом оглянулась на мужа и постучала себя согнутым пальцем повыше виска. Голову она при этом склонила набок, чтобы удобнее было стучать...

И что хуже всего — дверца эта располагалась впритык к нише с телевизором. Вечера стали пыткой. Не поймешь, кто кого смотрит... Конечно, если дверцу открыть, лицо бы исчезло, но у жены там, помимо всего прочего, хранились кольца, и секция запиралась на ключ...

А рисунок с каждым днем становился все резче, яснее. Колдун — смотрел. Мало того — хаотически разбросанные пятна и полосы вокруг его древнего сурового лика начали вдруг помаленьку складываться в нечто определенное. Натуральный шпон обретал глубину. Мерещились вдали какие-то замшелые покосившиеся идолы, и угадывалась прекрасная и мрачная сказочная страна, а светлое разлапое пятно в древесине превращалось в жемчужный туман над елью просвечивающим озером.

— Маш... — отважился он наконец. — А может, продать нам ее, а?

— Квакнулся? — перехваченным горлом прошипела она, расширив глаза, пожалуй, пострашнее, чем у того, на дверце.

Ей-то что?.. Не видела она там никакого лица, хоть расшибись!

Вскоре пошли признаки нервного расстройства.

— Что ж ты пялишься, гад? — говорил он в сердцах импортной стенке. — Чего тебе от меня надо? Не нравится, как живу, да?.. Да уж, наверное, получше тебя!

Колдун, понятное дело, молчал. Зато стал сниться по ночам. Раздвигались стены, и темная высокая фигура вступала в комнату, а за спиной у нее мерцали в сумерках озера, и плавал над ними туман, и доносились издали всплески и тихий русалочий смех... И каждый раз он каким-то чудом заставлял себя проснуться за секунду до того, как с насмешливо шевельнувшихся губ колдуна сорвется простое и страшное слово, после которого уже ничего не поправишь...

— Сволочь Прибабах... — бормотал он, подставляя голову под струю холодной воды в ванной. — И черт меня тогда дернул...

Лекарство от наваждения нашлось неожиданно. Выяснилось вдруг, что после третьей рюмки суровое древнее лицо само собой распадается на бессмысленные разводы и полосы — и снова перед тобой честная простая дверца с облицовкой из натурального шпона. И смотри себе телевизор сколько влезет — никто не следит, никто не мешает... К концу недели, однако, он заметил, что лицо пропадает уже не после третьей, а лишь после четвертой-пятой рюмки...

Запой пресекла жена. Разув в очередной раз супруга и потрясая туфлей перед самой его физиономией, она всерьез пригрозила, что отправит на лечение.

Он бросил пить и весь день ходил тихий, пришибленный, искательно поглядывая на дверцу. Если от кошмара невозможно избавиться, то с ним надо хотя бы примириться. Вскоре он обнаружил, что за время его запоя колдун сильно подобрел. И смотрел по-другому: не жестоко, а как-то... искушающе, что ли? Пошли, дескать... Русалки, то-сё... Гляди вон, красота какая! А то ведь так и будешь до гробовой доски рубли сшибать...

Заснул он почти спокойно.

А ночью кто-то тронул его за плечо, и он сел на постели, различая в полумраке темную высокую фигуру.

— Пошли, — внятно произнес негромкий хрипловатый голос, и он послушно принялся одеваться, больше всего почему-то боясь разбудить жену. Не справившись с дрожью, завязал как попало шнурки на туфлях и, беспомощно оглядевшись, пошел за молчаливым высоким поводырем — туда, где мерцали сумерки и громоздились скалы, где над дорогой стояли, накренившись, резные, загадочно улыбающиеся идолы, а над русалочьими озерами плавал жемчужный волшебный туман.

Пусть видят

Каким-то чудом он выбросился из переполненного автобуса — и побежал.

— Помаду стер!.. — еще звенело в ушах.

— А губенки не развешивай!.. — злобно отругивался он на бегу, хотя от автобусной остановки его уже отделяло добрых полквартала. — В такси вон садись, с помадой!..

Лавируя между шарахающимися прохожими, он добежал до угла, понял, что все равно не успевает, и метнулся в арку. Контора располагалась на первом этаже — это многое упрощало. Пробежав вдоль стены, он поднырнул под одним окном, под другим и выпрямился у третьего.

Свой брат сотрудник поднял голову, всмотрелся. Отчаянно гримасничая, вновь прибывший припал к стеклу, объясняя на пальцах: открой! Сотрудник встал, отворил створку и, равнодушно предупредив, что это будет стоить полбутылки крепленого, помог перелезть через подоконник.

© Любовь Лукина, Евгений Лукин, 1991

— Ждут? — отряхивая колено, спросил вновь прибывший.

— В полном составе, — подтвердил сотрудник. — И Зоха с ними.

Вновь прибывший расстроился окончательно.

— Вот сучка! — пожаловался он. — Копает и копает! Так и норовит под сокращение подвести... А сюда не заглядывали?

— Да нет вроде...

— Ага... — сказал вновь прибывший и вышел в коридор. Бесшумно ступая, подобрался к темному крохотному холлу, заглянул... Глазам его предстали три напряженных затылка: два мужских и один женский. Трое неотрывно смотрели в проем входной двери.

За их спинами он незаметно проскользнул в туалет, где тут же с грохотом спустил воду в унитазе и, напевая что-то бравурное, принялся шумно мыть руки.

Когда вышел, его уже дырявили три пары глаз. Бледная от бешенства Зоха стояла, уронив руки, причем в правой у нее был плотный листок бумаги, разбитый на две графы: «ФИО» и «Опоздание в минутах».

— Где вы были? — с ненавистью спросила она.

Он удивленно хмыкнул и оглянулся на дверь туалета.

— В сортире, — любезно сообщил он. — Здравствуйте, Зоя Егоровна...

— Когда вы явились на работу?

— Довольно рано, — сказал он, с удовольствием ее разглядывая. — Вас, во всяком случае, здесь еще не стояло...

— Ваш кабинет был закрыт! — крикнула Зоха.

— Ну разумеется, закрыт, — с достоинством ответил он. — Я был в кабинете напротив. Если не верите, можете спросить...

Зоха пошла пятнами, круто повернулась и выскочила из холла.

— Ну ты артист... — скорее одобрительно, нежели с осуждением молвил один из мужчин.

Отперев кабинет, он достал работу из сейфа и, разложив на столе, принялся с ликованием вспоминать всю сцену и какая морда была у Зохи. Потом зацокали каблуки, и пухлая рука в кольцах положила перед ним кипу белой шершавой бумаги.

— Что это? — спросил он с отвращением.

— Срочно, — выговорили накрашенные губы.

— Но я же!.. — взревел он, раскинув руки и как бы желая обнять два пустых стола, владелицы которых пребывали в декретном отпуске.

Подкрашенные глаза на секунду припадочно закатились — и это должно было означать, что заказ спущен сверху.

Оставшись один, он некоторое время сидел, багровея, затем треснул ладонью по столу и, непочтительно ухватив кипу белой шершавой бумаги, направился к главному.

— А-а, сам явился? — зловеще приветствовал его главный. — Ну расскажи-расскажи, поделись, как это у тебя нос с гробинкой чуть не проскочил...

— Нос?..

— С гробинкой.

— Не может быть! — хрипло сказал он.

— Ну вот, не может! — уже нервничая, возразил главный.

— Ты лучше цензору спасибо скажи — цензор на последней читке поймал. С гробинкой, надо же! Был бы жив дедушка Сталин — он бы тебе показал гробинку...

— Я проверю! — с ненавистью выговорил он и вылетел из кабинета.

Ворвавшись к себе, дрожащими руками вынул из сейфа корректуру и, исправив впопыхах «гробинку» на «гробикну», с бьющимся сердцем сел за стол.

Потом дверь открылась, и вошла машинистка. Не говоря ни слова, взяла лежащий на столе ключ и заперла кабинет изнутри. «С ума сошла!..» — перетрусив, подумал он.

Поднялся навстречу, но, как выяснилось, намерения машинистки были им поняты в корне неправильно: приблизившись, она первым долгом влепила ему пощечину. Он моргнул и влепил в ответ. Машинистка упала на стул и приглушенно зарыдала.

— В чем дело? — процедил он.

Оказалось, в помаде.

— Дура ты! — рявкнул он как можно тише. — Это ко мне в автобусе какая-то овца прислонилась!..

— В ав... В ав... — Она подняла на него безумные сухие глаза с нерастекшейся тушью и снова зашлась в рыданиях. Потом вдруг потребовала, чтобы он немедленно овладел ею на одном из свободных столов. Но тут, к счастью, в дверь постучали, и машинистку пришлось спешно спровадить через окно — благо первый этаж.

Стук в дверь был тих, но настойчив. Это явился напомнить об утреннем благодеянии свой брат сотрудник. Они сходили на уголок и, безбожно переплатив знакомому грузчику за бутылку крепленой отравы, распили ее в скверике.

Движения замедлились, реакция притупилась, и, вернувшись с обеда, он нечаянно придремал в одиночестве над кипой шершавых листов. За час до окончания рабочего дня, вздрогнув, проснулся и в ужасе пробросил, не читая, страниц двадцать, пропустив таким образом семь грубейших ошибок, причем две из них — с политическим подтекстом.

По дороге домой забрел в гастроном — купить пельменей. В очереди его обозвали пенсом и алкоголиком, хотя не так уж от него и пахло, а до пенсионного возраста ему оставалось еще лет пятнадцать.

На улице сеялся мелкий дождь, от которого, говорят, лысеют, и, прикрыв намечающуюся проплешину целлофановым пакетом с пельменями, он зачавкал по грязному асфальту к дому.

Возле телефонной будки с полуоторванной дверью что-то кольнуло в сердце — и мир остановился: дождь завис в воздухе, машины словно прикипели к шоссе, поскользнувшийся алкаш застыл в раскорячку...

— Вот и все, — как бы извиняясь, произнес кто-то сзади.

Уже догадываясь со страхом, что все это значит, он обернулся на голос. В каких-нибудь трех шагах от него на грязном асфальте стоял кто-то высокий, одетый в белое.

— Что?.. Уже?..

— Да, — печально и просто ответил тот. — Уже...

Они стояли лицом к лицу посреди застывшего и как бы нарисованного мира.

— И... что теперь?

Не выдержав его вопросительного взгляда, незнакомец отвел глаза.

— Знаете... — сказал он, и лицо его стало несчастным. — Как-то неладно все у вас сложилось... До двадцати лет что-то еще проглядывало: какие-то порывы, какой-то поиск истины... А вот дальше... — Он замолчал, тоскливо глядя на застывшего враскорячку алкаша.

— Но ведь... мучился же!..

— Да, — подтвердил незнакомец, но как-то неуверенно. — Да, конечно... Я постараюсь, чтобы там на это обратили особое внимание... — Он поднял скорбные глаза и беспомощно развел руками. — Ну что ж, пойдемте...

И они двинулись по улице, которая вдруг начала круто загибаться вверх, к небу. Пройдя несколько шагов, незнакомец в белом оглянулся, и брови его изумленно взмыли.

— Что ж вы с пельменями-то? Бросьте вы их...

— Нет!.. — лихорадочно, со слезой, бормотал он, все крепче прижимая к груди мокрую целлофановую упаковку. — Не брошу... Пусть видят... Истину им!.. Зоха — копает, в магазин зайдешь — давка... Пельмени вот по пять рублей... Истину!..

Спасатель

Виновных, понятное дело, нашли и строго наказали. Однако в тот ясный весенний денек, когда подъем грунтовых вод вызвал оползень берега и только что сданная под ключ девятиэтажка начала с грохотом расседаться и разваливаться на отдельные бетонные секции, мысль о том, что виновные будут со временем найдены и строго наказаны, как-то, знаете, мало радовала.

В повисшей на арматурных ниточках однокомнатке находились двое: сотрудница многотиражной газеты «За наш труд» Катюша Горина, вцепившаяся в косяки дверной коробки, и распушившийся взрывообразно кот Зулус, чьи аристократические когти немилосердно впивались в Катюшино плечо. Место действия было наклонено под углом градусов этак в шестьдесят и все еще подрагивало по инерции.

— Ой, мама... — осмелилась наконец простонать Катюша.

© Любовь Лукина, Евгений Лукин, 1990

И ради этого она выстояла десять лет в очереди на жилье?.. Где-то за спиной в бетонной толще что-то оборвалось, ухнуло, и секция затрепетала. Зулус зашипел, как пробитая шина, и вонзил когти до отказа.

— Зулус!.. — взвыла Катюша.

Потом в глазах просветлело, и она отважилась заглянуть вниз, в комнату. В то, что несколько минут назад было комнатой. Стена стала полом, окно — люком. Все пространство до подоконника скрылось под обломками, осколками, книгами. Телевизор исчез. Видимо, выпал в окно.

— Ой, мама... — еще раз стонуще выдохнула Катюша. Легла животом на косяк и ногами вниз начала сползать по стенке. Лицом она, естественно, вынуждена была повернуться к дверному проему. В проеме вместо привычной прихожей открылись развороченные до шахты лифта бетонные недра здания. И все это слегка покачивалось, ходило туда-сюда. Зрелище настолько страшное, что Катюша, разжав пальцы, расслабленно осела в груду обломков. Скрипнула, идя на разрыв, арматура, и Катюша замерла.

— Вот оборвемся к лешему... — плачуще пожаловалась она коту.

Не оборвались.

Кривясь от боли, сняла с плеча дрожащего Зулуса. Далеко-далеко внизу раздался вопль пожарной машины. С котом в руках Катюша подползла к отверстому окну-люку. Выглянула — и отпрянула. Восьмой этаж.

— Эй!.. — слабо, безо всякой надежды позвала она. — Эй, сюда!..

Висящая над бездной бетонная секция вздрогнула, потом еще раз, и Катюша почувствовала, что бледнеет. Расстегнула две пуговки и принялась пихать за пазуху Зулуса, когтившего с перепугу все, что подвернется под лапу. «Надо выбираться, — выплясывало в голове. — Надо отсюда как-нибудь подобру-поздорову...»

А как выбираться-то? Под окном — восемь этажей, а дверь... Кричать. Кричать, пока не услышат.

— Лю-у-ди-и!..

Секция вздрогнула чуть сильнее, и снаружи на край рамы цепко упала крепкая исцарапанная пятерня. Грязная. Мужская.

Оцепенев, Катюша смотрела, как из заоконной бездны появляется вторая — голая по локоть — рука. Вот она ухватилась

за подоконник, став ребристой от напряжения, и над краем рамы рывком поднялось сердитое мужское лицо. Опомнившись, Катюша кинулась на помощь, но незнакомец, как бы не заметив протянутых к нему рук, перелез через ребро подоконника сам.

Грязный, местами разорванный комбинезон. Ноги — босые, мозолистые, лицо — землистого цвета, в ухабах и рытвинах. Пожарник? Нет, скорее — жилец...

Наскоро отдышавшись, мужчина поднялся на ноги и оглядел полуопрокинутое шаткое помещение. Катюшу он по-прежнему вроде бы и не замечал. Его интересовало что-то другое. Он осмотрел углы, потом, привстав на цыпочки, заглянул в дверной проем — и все это на самом краешке окна, с бездной под ногами.

Озадаченно нахмурился и с видимой неохотой повернулся к хозяйке.

— Где кот?

— Что? — испуганно переспросила Катюша.

— Кот, говорю, где?

Катюша стояла с полуоткрытым ртом. Видя, что толку от нее не добьешься, мужчина достал из кармана металлический стержень и принялся водить им из стороны в сторону, как водят в темноте карманным фонариком. В конце концов торец стержня уставился прямо в живот Катюше, и землистое лицо незнакомца выразило досаду. Зулус за пазухой забарахтался, немилосердно щекоча усами, потом выпростал морду наружу и вдруг звучно мурлыкнул.

— Отдайте кота, — сказал незнакомец, пряча стержень.

— Вы... Кто вы такой?

— Ну, спасатель, — недовольно отозвался мужчина.

— Спасатель! Господи... — Разом обессилев, Катюша привалилась спиной и затылком к наклонной шаткой стене. По щекам текли слезы.

Мужчина ждал.

— Ну что мне его, силой у вас отнимать?

Катюша взяла себя в руки.

— Нет-нет, — торопливо сказала она. — Только с ним... Зулуса я здесь не оставлю... Только с ним...

Мужчина злобно уставился на нее, потом спросил:

— А с чего вы взяли, что я собираюсь спасать именно вас?

— А... а кого? — Катюша растерялась.

— Вот его... — И незнакомец кивнул на выглядывающего из-за пазухи Зулуса.

Шутка была, мягко говоря, безобразной. Здесь, на арматурном волоске от гибели, в подрагивающей бетонной ловушке... Однако это был спасатель, а спасателю прощается многое. Катюша нашла в себе силы поддержать марку и хотела уже улыбнуться в ответ, но взглянула в лицо незнакомцу — и обомлела.

Это было страшное лицо. Лицо слесаря, недовольного зарплатой, который смотрит мимо вас и цедит, отклячив нижнюю губу, что для ремонта крана нужна прокладка, а прокладки у него нет, и на складе нет, вот достанете прокладку — тогда...

Незнакомец не шутил. От страха Катюша почувствовала себя легкой-легкой. Такой легкой, что выпрыгни она сейчас в окно — полетела бы, как газовый шарфик...

— Я буду жаловаться... — пролепетала она.

— Кому?

— Начальству вашему...

— Сомневаюсь, — морщась и массируя кисть руки, сказал незнакомец. — Во-первых, начальство мое находится в одиннадцати световых годах отсюда, а во-вторых, когда вы собираетесь жаловаться? Через сорок минут будет повторный оползень, и секция оборвется... Отдайте кота.

Внизу заполошно вопили пожарные машины. Штуки три...

«Сейчас сойду с ума», — обреченно подумала Катюша.

— Я вижу, вы не понимаете, — сквозь зубы проговорил мужчина. — Моя задача — спасение редких видов. А ваш кот — носитель уникального генетического кода. Таких котов...

— Ах, так вы еще и пришелец? — нервно смеясь, перебила Катюша. — Из космоса, да?

Незнакомец хотел ответить, но тут над головой что-то со звоном лопнуло, секцию бросило вбок, и все трое (считая Зулуса) повалились в обломки.

— Отдайте кота, — повторил мужчина, с омерзением скидывая с себя полированную доску.

— А я?

— Что «я»?

— Но ведь я же человек! — шепотом, как в лавиноопасном ущелье, вскричала она, еле удерживая бьющегося за пазухой Зулуса.

— Ну и что?

Цинизм вопроса потряс Катюшу до такой степени, что на несколько секунд она просто онемела. Потом в голове спасением возник заголовок ее же собственной передовой статьи.

— Но ведь... — запинаясь, произнесла Катюша. — Главная ценность — люди...

Незнакомца передернуло.

— Ничего себе ценность! — буркнул он, поднимаясь. — Вас уже за пять миллиардов, и что с вами делать — никто не знает... И потом — перестаньте врать! Что за ценность такая, если ее ежедневно травят дымом из мартена и селят в доме, готовом развалиться! Ценность...

— А разум? — ахнула Катюша.

— Что разум?

— Но ведь мы же разумны!

— Знаете, — устало сказал мужчина, — на вашей планете насчитывается четыре разумных вида, причем два из них рассматривают людей как стихийное бедствие и о разуме вашем даже и не подозревают...

Кажется, он и впрямь был пришельцем из космоса... Внизу всхрапывали моторы, клацал металл и страшный надсаженный голос орал команды.

— Как вы можете так говорить? — еле вымолвила Катюша, чувствуя, что глаза ее наполняются слезами. — Вы же сами — человек! Мужчина!

— Э, нет! — решительно сказал незнакомец. — Вот это вы бросьте. Никакой я вам не мужчина. Я вообще не гуманоид, понятно? То, что вы видите, — это оболочка. Рабочий комбинезон. Технику нам, сами понимаете, из соображений секретности применять не разрешают, так что приходится вот так, вручную...

Он сморщился и снова принялся массировать кисть руки. В этот момент здание как бы вздохнуло, на стену, ставшую потолком, просыпался град бетонной крошки, в прямоугольном люке, как тесто в квашне, вспучился клуб белесой строительной пыли. Высунувшийся из-за пазухи Зулус в ужасе жевал ноздрями воздух, насыщенный запахами катастрофы.

Катюша поднялась на колени и тут же, обессилев, села на пятки.

— Послушайте... — умоляюще проговорила она. — Пожалуйста... Ну что вам стоит!.. Спасите нас обоих, а?..

Такое впечатление, что спасатель растерялся. На землистом лице его обозначилось выражение сильнейшей тоски.

— Да я бы не против... — понизив голос, признался он и быстро оглянулся на окно и дверь. — Тем более вы мне нравитесь... Ведете себя неординарно, не визжите... Но поймите и меня тоже! — в свою очередь взмолился он. — Вас вообще запрещено спасать! Как экологически вредный вид... Я из-за вас работы могу лишиться!

Несколько секунд Катюша сидела, тупо глядя вниз, на осколок керамики.

— Не отдам, — вяло произнесла она и застегнула пуговку.

— Ну не будьте же эгоисткой! — занервничал спасатель. — До оползня осталось тридцать минут.

— Вот и хорошо... — всхлипнув, проговорила она. — Втроем и грохнемся...

— Зря вы, — сказал незнакомец. — Имейте в виду: мне ведь не впервой. Больно, конечно, но не смертельно... Оболочка регенерируется, в крайнем случае выдадут новую... Кота жалко.

— Пришелец... — горько скривив рот, выговорила Катюша. — Сволочь ты, а не пришелец!

— Ну знаете! — взбеленился спасатель. — Разговаривать еще тут с вами!..

Он растянул по-лягушачьи рот и очень похоже мяукнул. В тот же миг Зулус за пазухой обезумел — рванулся так, что пуговка расстегнулась сама собой. Катюша попыталась его удержать, но кот с воплем пустил в ход когти. Вскрикнув, она отняла руки, и Зулус во мгновение ока нырнул за пазуху незнакомцу.

Не веря, Катюша смотрела, как на ее располосованных запястьях медленно выступает кровь.

— Послушайте... — искательно сказал незнакомец. — Вы все-таки не отчаивайтесь. Попробуйте выбраться через дверь. Там из стены торчит балка, и если вы до нее допрыгнете...

Катюша схватила полированную доску и вскочила, пошатнув свой разгромленный и полуопрокинутый мирок.

— А ну пошел отсюда, гад! — плача, закричала она.

Но то ли секция сыграла от ее взмаха, то ли у спасателя была воистину нечеловеческая реакция, но только Катюша промахнулась и, потеряв равновесие, снова села в обломки.

— Ну, как знаете... — С этими словами незнакомец исчез в отверстом люке окна. Катюша выронила доску и уткнулась лицом в груду мусора. Плечи ее вздрагивали.

— Предатель... Предатель... — всхлипывала Катюша. — Предатель подлый... Из пипетки молоком кормила...

Теперь ей хотелось одного: чтобы секция оборвалась, и как можно быстрее. Чтобы оборвался в тартарары весь этот проклятый мир, где людей травят дымом из мартена и селят в домах, готовых развалиться, где даже для инопланетного спасателя жизнь породистого кота дороже человеческой!

Однако тридцать минут — это очень и очень много. Всхлипы Катюши Гориной становились все тише и тише, наконец она подняла зареванное лицо и вытерла слезы. Может, в самом деле попробовать выбраться через дверь?..

Но тут секция энергично вздрогнула несколько раз подряд, и на край рамы цепко упала знакомая исцарапанная пятерня. Все произошло, как в прошлый раз, только землистое лицо, рывком поднявшееся над торчащим ребром подоконника, было уже не сердитым, а просто свирепым. С таким лицом лезут убивать.

— Давайте цепляйтесь за плечи! — едва отдышавшись, приказал он.

— Что? Совесть проснулась? — мстительно спросила Катюша.

Спасатель помолчал и вдруг усмехнулся.

— Скажите спасибо вашему коту, — проворчал он. — Узнал, что я за вами не вернусь, и пригрозил начать голодовку...

— Как пригрозил?

— По-кошачьи! — огрызнулся спасатель. — Ну, не тяните время, цепляйтесь! До оползня всего пятнадцать минут...

Смертельная

Перебравшись на борт единственной здесь орбитальной станции, туристы первым делом врывались в обсерваторию и устраивали давку возле телескопа. По очереди вплавляли горящие глаза в линзы окуляров — и замирали в восхищении: внизу, подернутая легкой дымкой, плыла Смертельная. Девственные леса, прозрачные реки, незатоптанные пляжи...

У туристов захватывало дух.

Потом их приглашали по одному к начальнику станции и предлагали подписать бумагу, что с момента высадки на поверхность планеты за их жизнь и здоровье администрация ответственности не несет.

Эта процедура всегда производила сильное впечатление. От начальника выплывали притихшие и в телескоп теперь заглядывали осторожно и с уважением.

— Позвольте! — ошеломленно сказала дама в модном комбинезоне, имитирующем скафандр высшей за-

© Любовь Лукина, Евгений Лукин, 1994

щиты. — Но если там действительно так опасно, то почему туда пускают туристов?

— Как же, не пустишь вас! — сварливо откликнулся долговязый пилот, сотрудник станции. — В прошлом году попробовали не пустить — так тут такое поднялось...

Он безнадежно махнул рукой.

— Пожалуй, — поколебавшись, сказала дама, — я откажусь от экскурсии.

Примеру ее последовали еще несколько человек.

Потом еще несколько.

Потом еще.

Когда посадочная шлюпка опустилась на серый бетон единственного на планете космодрома, в ней было всего десять туристов. Десять самых отчаянных. Припав к иллюминаторам, они с замиранием озирали окрестность. В центре бетонного поля — два низких купола, по периметру — мощные силовые установки. А дальше — природа.

Пилот разгерметизировал салон и опустил аппарель.

— Вот вы и на месте! — с преувеличенной бодростью известил он. — А возле купола вас егерь встретит...

Туристы переглянулись.

— А проводить вы нас разве не хотите?

В глазах пилота явственно обозначилась тоска.

— Так ведь тут же рядом совсем...

— Ну нет, так не пойдет! — занервничав, сказал руководитель группы. — Раз уж взялись доставить — передайте из рук в руки.

Пилот с неохотой выбрался из кресла и сошел по аппарели на серый бетон. До самого купола он шел с напряженной спиной и расслабился, только оказавшись в помещении.

— И где же ваш егерь?

— Подождем... — неопределенно отозвался пилот, озираясь.

— А кроме егеря, никто больше на планете постоянно не живет?

— Да как вам... — замялся пилот. — Вообще-то тут еще группа биологов... работает...

Слово «работает» он произнес с сильным сомнением.

— Так работает или нет? Вы что, сами не знаете? Или... с ними что-нибудь случилось?..

— Здравствуйте, — послышался негромкий бесцветный голос — и все обернулись.

Маленький невзрачный человек с серым осунувшимся лицом ощупывал туристов цепкими, глубоко посаженными глазами.

— Вы, вы и вы, — сказал он. — Отойдите вон туда в сторонку.

Трое мужчин, недоуменно переглядываясь, подчинились.

— Во время экскурсии, — бросил егерь, — будете находиться на базе. Из купола — ни шагу!

— Мать честная! — потрясенно выдохнул пилот. — Как же я сам не сообразил!..

— Да что случилось-то? — вырвалось у черноволосой туристочки.

— Лысые они, — испуганно понизив голос, пояснил пилот.

Все оторопело уставились на отбракованных.

— Кто лысый? — возмутилась черноволосая. — Гоша бритый!

Егерь искоса взглянул на заступницу.

— А там никто спрашивать не будет, — проворчал он, — лысый ваш муж был или бритый...

— Но...

— Вы тоже останетесь на базе, — по-прежнему не повышая голоса, сообщил он.

— Как?!

Вопрос остался без ответа. Невзрачный человечек еще раз оглядел оставшихся.

— Значит, так, — сказал он. — Когда выйдем из-под защитного поля — идти за мной след в след, дистанция — метр. Разговаривать негромко, а лучше совсем не разговаривать...

— Знаете... — покряхтев, заговорил руководитель группы. — Я, наверное, тоже останусь...

— А вы старший?

— Да.

— Без вас я группу не поведу. Не имею права.

— Да знаете... Я что-то неважно себя чувствую...

— Ну, это как раз не страшно, — утешил егерь. — Оттуда, по-моему, больные чаще здоровых возвращаются... Теперь главное. Расчески, ножи, калькуляторы, компьютеры, пудреницы, видеокамеры — все на стол. Если ремень с пряжкой — тоже. Без пряжки — можете оставить при себе.

— По большому маршруту поведешь? — полюбопытствовал пилот, пока туристы разгружали карманы.

— Там сейчас не пройти, — помолчав, негромко отозвался егерь. — Вчера пробовал — вернулся...

— А биологи? — понизив голос, спросил пилот — и все впились глазами в егеря.

Егерь нахмурился и промолчал.

— Разоружились? — повернулся он к туристам. — Все выложили? Карманы проверять не надо? Тогда построились в цепочку — и за мной к выходу.

— Как? А скафандры?

— Какие скафандры?

Турист замялся.

— Ну, если жить надоело, можно и в скафандре... — не дождавшись ответа, пробормотал егерь. — Только без меня...

Из купола они вышли след в след. Пройдя несколько шагов, егерь резко остановился. Туристы замерли. Все, кроме одного. Этот уже успел на что-то засмотреться.

— Возвращайтесь в купол, — приказал ему егерь.

— Почему?

— Там объяснят.

Оставшись вшестером, миновали генератор силовой защиты. Дальше бетон старел на глазах — лежал раскрошенный, проеденный травами и мхами.

— Разулись, — приказал егерь, вылезая из растоптанных сандалий. — Обувь бросьте здесь. Обуетесь, когда вернемся.

Тут он заметил, что туристы с ужасом смотрят куда-то в сторону, — и оглянулся. Там, в нескольких метрах от них, стояли рядком три пары обуви. Одна из пар — женская.

— Черт... — хмурясь, пробормотал он. — Убрать забыл... Ладно, пошли...

Бетон кончился, под босыми ногами была теперь теплая травянистая планета — ласковая, вкрадчивая. Смертельная.

— Может быть, вернуться? — жалобно подал голос замыкающий.

— Поздно, — без выражения отозвался егерь.

— Почему поздно? Несколько шагов...

Егерь остановился. Остальные — тоже. Обернулся к замыкающему:

— Куда несколько шагов? Туда?

Все оглянулись на серое бетонное поле. Потом снова посмотрели на егеря.

— Шутник... — проворчал он, возобновляя движение.

— Я все-таки вернусь, — сказал замыкающий.

— Хорошо! — бросил егерь, снова останавливаясь. — Только дайте нам сначала отойти шагов на двадцать. Махну рукой — можете возвращаться. А вас... — Он повернулся к остальным. — Вас я прошу внимательно посмотреть, что потом будет. Посмотреть и запомнить.

Отойдя на двадцать шагов, они оглянулись и увидели, что замыкающий, утирая пот с бледного лба, следует за ними.

Шумели травы. В кустах кто-то мурлыкал. Серое лицо егеря совсем обрезалось. Бесшумно ступая, он вел группу по еле намеченной в траве тропинке.

— Смотрите, зверек, — тихонько сказала туристка.

Действительно, на опушку выбежал зверек, напоминающий кошку с беличьим хвостом. Егерь глянул на него искоса, но шага не замедлил. Видимо, опасности зверек не представлял.

— Какая прелесть! — сказала туристка. — А что делать, если он выбежит на тропинку?

— Ничего, — отозвался егерь. — Прежде всего в панику не впадать. Особенно если начнет тереться об ноги. Стоять неподвижно. Полчаса будет тереться — полчаса стоять неподвижно... Стоп!

Впереди через тропинку переливалась отсвечивающая металлом струйка чего-то живого.

— Придется в обход... — тихо сообщил егерь. — Плохо...

— Муравьи? — шепотом спросил руководитель группы.

— Если бы... — отозвался егерь — тоже шепотом.

Они прошли вдоль ручья, где над подозрительно прозрачной водой качались похожие на щупальца лианы, и, обогнув пригорок, замерли.

Впереди, метрах в двадцати от них, лежал человек. Это был рыжий парень в розовой мятой рубашке и белых потрепанных брюках. Босой. Лица его видно не было.

— Человек лежит... — проговорил кто-то, не веря своим глазам.

Все обернулись к егерю. Егерь молча смотрел на лежащего. Лицо его выражало не то скорбь, не то полное равнодушие.

— Лежит... — отозвался он наконец. И было в этом его «лежит» нечто такое, от чего на туристов повеяло ужасом.

— И давно он...

— Второй год, — сказал егерь. — Вообще-то меня просили никому его не показывать, но вы же сами видели, как все вышло... Тропинку пересекло, а другого пути тут нет...

— Он... дышит? — ахнула туристка, вглядываясь.

— Дышит, — помолчав, согласился егерь. — В том-то все и дело, что дышит... Сейчас через овраг пойдем... место скверное... Так что повнимательней там, пожалуйста. Что-то предчувствие у меня сегодня нехорошее...

Туристы содрогнулись.

В овраге было красиво. Видимо, это и имел в виду егерь, назвав овраг скверным местом. Запах больших фиолетово-розовых цветов кружил голову. Хотелось упасть в траву, раскинуть руки, закрыть глаза... И нехорошее предчувствие не обмануло. Замыкающий остановился, потом сделал несколько неверных шагов в сторону и, зажмурясь, потянулся носом к цветку.

Его счастье, что егерь оглянулся. Этот удивительный человек чувствовал опасность спиной.

— Не двигаться! — сипло приказал он — и замыкающий, опомнясь, застыл с вытаращенными глазами. Все оцепенели.

— Спокойно... — тихо, напряженно заговорил егерь. — Главное — спокойно, земляк... Пока еще ничего страшного... Попробуй вернуться на тропинку по своим следам... Ну-ка, выпрямись потихоньку... Так... Давай-давай... Левую ножку наза-ад... Теперь правую... Да не спеши ты!..

Кое-как замыкающий выбрался на тропинку — и егерь вытер ладонью мокрое лицо.

— В-вы... — заикаясь, начал глава группы. — В-вы п-понимаете, что натворили!.. Чуть не натворили!..

— Не надо, — попросил егерь. — Ему вон и так худо. Не надо сейчас. Обошлось — и ладно...

Они вылезли из оврага и снова оказались на краю бетонного поля. В центре его круглились жилые купола, чуть поодаль посверкивала посадочная шлюпка с опущенной аппарелью.

— Вы представить не можете, как я вам благодарен! — сбивчиво заговорил замыкающий, когда они вновь вошли в помещение.

Егерь в бешенстве повернулся к нему.

— Сразу же, как вернетесь на орбиту, — процедил он, — дадите подписку больше эту планету не посещать!

— Господи! — вскричал виновный, прижимая руки к груди. — Да я и сам теперь ни за что... Да я... У меня в этом овраге даже зуб под коронкой заболел — от страха...

Пилот встал. Егерь впился глазами в лицо туриста.

— Зуб? Какой зуб?

— Золотой... — неуверенно ответил тот. — Зуб, говорю, под коронкой...

Несколько секунд егерь смотрел на него обезумевшими глазами. Потом круто повернулся и молча вышел из помещения.

— Что... правда зуб? — спросил пилот.

Турист открыл рот и показал коронку.

— Ну, ребята... — только и смог вымолвить пилот. — Как же вы оттуда вернулись вообще?..

Егерь даже не вышел попрощаться. Но туристы и не думали обижаться на него. Поспешно заняли свои места в шлюпке — и над бетонным полем взвыли двигатели.

Егерь хмуро следил, как пропадает в небе вьющийся белый след. Потом вернулся в купол и, подойдя к экрану связи, сердито ткнул клавишу.

На экране возникла зеленая лесная полянка и огромный негр с яблоком в руке.

— Салют! — сказал негр и нацелился откусить от яблока.

— Сейчас я буду с тобой ссориться, Александр, — предупредил егерь.

Негр раздумал кусать яблоко.

— А что такое?

— Я вас, друзья-биологи, с планеты выставлю! — пообещал егерь. — Ты знаешь, что сейчас отчудил твой Рыжий? То есть даже в голову не придет! Представляешь: решил вздремнуть на солнышке у оврага! Рядом с маршрутом! А я как раз туристов веду!

— И что? Заметили?

— Конечно, заметили.

— А как же ты выкрутился?

— Ну, это уж мое дело, — сказал егерь. — Выкрутился.

— Слава Богу... — с облегчением вздохнул Александр.

— Да если бы! — вспылил егерь. — Они же теперь об этом рассказывать начнут! Про такую жуть — да не рассказать?.. И вот увидишь, уже следующая группа завопит, чтобы я непременно показал им этого... который второй год лежит и ды-

шит!.. — Передохнул, посопел. — В общем, так, Александр: придется твоему Рыженькому еще полежать... Он теперь у меня вроде как экспонат.

Александр пришел в ужас:

— Да ты что? Ему же работать надо! У него же... Слушай, а может, обойдется как-нибудь, а? Через пару месяцев мы передаем материалы в Комиссию. А там, глядишь, планету заповедником объявят...

— Через пару месяцев? А ты представляешь, что это стадо здесь натворит за пару месяцев? Если выяснится, что Смертельная вовсе не смертельна!.. Истопчут, изроют, изрежут инициалами и спалят напоследок!.. Нет, Александр, не получается.

Темное лицо Александра стало несчастным.

— Слушай, а может, вместо Рыжего какой-нибудь муляж положить? — с надеждой спросил он.

— А где возьмем муляж?

— Н-ну... сделает он муляж!

— Вот пусть делает. Чтобы один к одному. И чтобы дышал. А пока не сделает... По первому моему сигналу — со всех ног на край оврага! В любую погоду! И чтобы лежал на том же самом месте, в той же самой позе — и дышал! Экспонат!..

Заклятие

— Ведьма! Чертовка! — Брызжа слюной, соседка подступала все ближе — точнее, делала вид, что подступает. Чувствовала, горластая, черту, за которую лучше не соваться.

Ведьма же и чертовка (в левой руке сигарета, в правой — хрустальная пепельница), прислонясь плечом к косяку, с любопытством слушала эти вопли.

— Думаешь, управы на тебя нет? На всех есть управа! Да у меня связей...

Поскольку все знали, в чем дело, лестничная клетка была пуста. Лишь за дверью двадцать первой квартиры слышалось восторженное бормотание взахлеб, да смотровой глазок становился попеременно то светлым, то темным.

А дело было вот в чем: пару дней назад чертовка Надька, набирая ванну, протекла по халатности на дерганую Верку, и та, склочница лупоглазая — нет чтобы подняться на этаж и

© Любовь Лукина, Евгений Лукин, 1988

договориться обо всем тихо-мирно, — вызвала, клуша, комиссию из домоуправления.

Комиссия явилась, но за пару дней пятно... — да какое там пятно! — пятнышко на снежной известке Веркиного потолка успело подсохнуть. И то ли Надька в самом деле умела отводить глаза, то ли прибывшим товарищам просто не хотелось напрягать хрусталики, но факт остается фактом: наличия на потолке пятна комиссия не зафиксировала.

И тогда бесноватая Верка принялась трезвонить в Надькину квартиру, пока не открыли.

— Даром не пройдет! — визжала Верка. — На работу напишу! Подписи соберу! В газету...

— Пиши-пиши, — красивым контральто откликнулась чертовка и ведьма, невозмутимо стряхивая пепел в отмытый хрусталь. — Как раз в дурдом и угодишь...

Разглашения она не боялась. На работе ее так и звали — с любовью и уважением — ведьма. Мужчины, конечно, в шутку, а женщины, пожалуй что, и всерьез. Но все равно можно вообразить, какой бы хохот потряс вычислительный центр, приди туда Веркино письмо, да еще и с подписями.

— Ведьма, ведьма!.. — плачуще захлебывалась Верка. — Потому от тебя и мужик сбежал!..

Ведьма выпрямилась и тычком погасила сигарету. Хрусталь мигнул розовым, брызнули искры, и Верка, перетрусив, запнулась.

Возня за дверью двадцать первой квартиры стихла. Пусто и гулко стало во всем подъезде.

— А ну пошла отсюда! — негромко, с угрозой произнесла Надька.

Верка отступила на шаг, ощерилась, но тут термобигуди, которые и так-то еле держались на ее коротеньких жидких волосенках, начали вдруг со щелчками отстреливаться — посыпались на бетонный пол, запрыгали вниз по лестнице, и Верка, шипя от унижения, кинулась их ловить. Один цилиндрик оборвался в пролет и летел до самого подвала, ударяясь обо все встречные выступы.

Надька круто повернулась и ушла к себе. Из квартиры потянуло сквозняком — и дверь с грохотом захлопнулась сама собой.

Русские ведьмы, как известно, делятся на ученых и наследственных, причем ученые (или мары) несравненно опаснее:

полеты на Лысую гору, связь с нечистой силой — все это их рук дело. Надежда же если и была ведьмой, то явно наследственной. Никакого чернокнижия, никаких шабашей. Способности свои она получила, по собственным ее словам, от прабабушки вместе с кое-какими обрывками знаний по предмету, рыжими волосами и неодолимым страхом перед попами и лекторами-атеистами.

Все это, однако, не означает, что с наследственными ведьмами можно ссориться безнаказанно. И если бы Верка увидела сейчас, чем занята ее соседка сверху, она бы горько пожалела о своем поведении на лестничной площадке.

Распустив патлы, чертовка внимательно разглядывала перескочившую через порог термобигудинку, а точнее — прилипший к синим пупырышкам посеченный волосок неопределенного цвета. Ее волосок, Веркин.

— Ну ты меня попомнишь, — пообещала Надежда сквозь зубы. — Я тебе покажу: мужик сбежал...

Брезгливо, двумя ноготками, она подняла пластмассовый цилиндрик и унесла его в комнату. Досуха протерла полированный стол, поставила бигудинку торчком и достала из-за зеркала странные неигральные карты.

Снизу, пронзив перекрытие, грянули знакомые взвизги, потом загудел раздраженный мужской голос. Так. Потерпев поражение на лестничной площадке, лупоглазая срывала зло на муже.

Значит, говоришь, мужик сбежал...

Карты стремительно, с шелестом, ложились на светлую от бликов поверхность стола. Сбежал — надо же!.. Не выгнала, оказывается, а сбежал...

— Ну так и от тебя сбежит, — процедила Надежда.

Она сняла одну из карт и заколебалась. Сбежит... А к кому?

Конечно, самый красивый вариант — к ней, к Надежде. Ох Верка бы взвыла... Но уже в следующий миг Надежда опомнилась и, испуганно поглядев на карту, положила ее на место. Да на кой он ей черт нужен? И так вон, безо всякого колдовства, проходу не давал — пришлось ему ячмень на глаз посадить...

Этажом ниже продолжалась грызня. Грызлись зев в зев. Ухала и разворачивалась мебель.

— Л-ладно... — произнесла наконец Надежда. — Сбежит, но не ко мне... Просто сбежит.

С губ ее уже готово было сорваться: «Черт идет водой, волк идет горой...» — и так далее, до самого конца, до страшных железных слов «ключ и замок», после которых заклятие обретает силу.

Но тут Верка завопила особенно истошно; матерно громыхнул бас, затем на весь дом ахнула дверь, и в наступившей тишине слышны были только короткие повизгивания и охающие стоны...

«Нет, — подумав, решила Надежда, — не стану я вас разводить. Да что я, глупенькая — лишать тебя такого муженька!.. Я тебя, соседушка, накажу пострашнее. Дети твои тебя возненавидят, вот что!»

Надежда протянула руки сразу к двум картам, но тут внизу провернулся ключ в замке, и Верка просеменила к двери. Анжелочка явилась.

Слух у Надьки, как и у всех ведьм, был тончайший. Верка, всхлипывая и причитая, жаловалась дочери на отца.

— А ты ему больше в жопу заглядывай, — внятно произнес ленивый девичий голос.

Ну и детки... Надежда с досадой бросила обе карты на место.

Кто бы мог подумать, что Верка — такой трудный случай!

Нет, поразить ее в самое сердце можно, лишь спалив гараж вместе с машиной... Тогда уж и квартиру заодно. Спалить аккуратно, не забывая, что Веркин потолок — это еще и пол следующего этажа...

Надежда торопливо сгребла карты в колоду и, не тасуя, раскинула снова.

Результат ошеломил ее.

Дьявольщина! Чертовщина! Карты утверждали, что, если Верку лишить гаража, машины и прочего, она немедленно помирится с мужем и детьми, а семья ее обратится в монолит, спаянный общей целью — восстановлением благосостояния.

Надежда встряхнула рыжими патлами и, встав, закурила. Болячку на нее какую-нибудь напустить?.. Этажом ниже слышались стоны и бормотал диск телефонного аппарата. Верка вызывала «скорую» — истрепанное в склоках сердце давало перебои.

Сделать так, чтобы она весь мир возненавидела? Да она и так его ненавидит...

Может, бельмо на глаз? Да-да, бельмо — это мысль. Надежда погасила сигарету и снова подсела к столу. Карты были

раскинуты в третий раз. И оказалось, что с бельмом на глазу ненавидимая всеми Верка начнет вызывать у окружающих жалость и даже сочувствие...

Рыжая ведьма сидела неподвижно в шалаше своих распущенных волос, и истина, явившаяся ей, была страшна: какое бы заклятие ни наложила она на Верку, Веркина жизнь неминуемо от этого улучшится.

Дрогнувшей рукой Надежда смешала карты.

— Господи, Верка! — потрясенно вырвалось у нее. — Да кто же тебя так проклял? За что?

Семь тысяч Я

Я сразу же заподозрил неладное, увидев в его квартире оседланную лошадь.

— Как это ты ее на седьмой этаж? — оторопело спросил я, обходя сторонкой большое дышащее животное. — Лифтом?

Он горько усмехнулся в ответ.

— Лифтом... — повторил он. — Да разве такая зверюга в лифте поместится? В поводу вел. По ступенькам...

Собственно, я уже тогда имел право арестовать его. Лошадь была не просто оседлана — на ней был чалдар... Что такое чалдар? Это, знаете, такая попона из металлических пластинок. Похищена в феврале прошлого года из энского исторического музея вместе с мелкокольчатой броней и доспехом типа «зерцало».

— Удивляешься... — с удовлетворением отметил он. — Понимаю тебя.

Он уже ничего не скрывал. Комнату перегораживало длинное кавалерийское копье, а к столу был прислонен меч, восстановленный недавно специалистами по крыжу XII века.

© Любовь Лукина, Евгений Лукин, 1991

Кроме него из экспозиции пропал еще, помнится, полный комплект боевых ножей.

Я решил не засвечиваться раньше времени и, изобразив растерянность, присел на диван.

— Значит, летим исправлять историю? — придав голосу легкую дрожь, спросил я.

— Летим, — подтвердил он.

— Рязань?

— Калка! — Произнеся это, он выпрямился и сбросил домашний халат. От груди и плеч моего подопечного отскочили и брызнули врассыпную по комнате светлые блики. Его торс облегала сияющая мелкокольчатая броня, усиленная доспехом типа «зерцало». А вот и пропавшие ножички, все три: засапожный, поясной и подсайдашный...

Услышав грозное слово «Калка», лошадь испуганно всхрапнула и вышибла копытом две паркетные шашки.

И тут меня осенило, что у него ведь могут быть и сообщники...

— Сними ты с себя это железо! — искусно делая вид, что нервничаю, сказал я. — Тебя ж там первый татарин срубит! Знаешь ведь поговорку: один в поле не воин!

Крючок был заглочен с лету.

— Один? — прищурившись, переспросил он. — А кто тебе сказал, что я там буду один? В поле?

Уверен, что лицо недоумка вышло у меня на славу.

— А кто второй?

— Я.

— Хм... А первый тогда кто?

— Лошадь переступила с ноги на ногу и мотнула головой, как бы отгоняя мысль о предстоящем кошмаре.

— Ну хорошо... — смилостивился он. — Сейчас объясню...

И возложил длань на высокое седло, куда, по всей видимости, и была вмонтирована портативная машина времени марки «минихрон», украденная три года назад прямо из сейфа энской лаборатории.

— Итак, я включаю, как ты уже догадался, устройство и перебрасываюсь вместе с лошадью во вторник 31 мая 1223 года. Провожу там весь день до вечера. К вечеру возвращаюсь. Отдыхаю, сплю, а назавтра... — Он сделал паузу, за время которой стал выше и стройнее. — А назавтра я снова включаю устройство и снова перебрасываюсь во вторник 31 мая 1223 года! Вместе с лошадью! То есть нас теперь там уже — сколько?

— Ну, четверо, — сказал я. — С лошадьми...

И осекся. Я понял, куда он клонит.

— То же самое я делаю и послезавтра, и послепослезавтра! — Глаза его сверкали, голос гремел. — Семь тысяч дней подряд я перебрасываюсь туда вместе с лошадью и провожу там весь день до вечера. Я трачу на это без малого двадцать лет, но зато во вторник 31 мая 1223 года в окрестностях реки Калки возникает войско из семи тысяч всадников! И оно заходит татарам в тыл!..

Весь в металле, словно памятник самому себе, он стоял посреди комнаты, чуть выдвинув вперед правую ногу, и в гладкой стали поножа отражалось мое опрокинутое лицо.

«Брать! — тяжко ударила мысль. — Брать немедленно!..»

Но тут он дернул за свисающий с потолка шнурок, на который я как-то не обратил внимания, и со свистом развернувшаяся сеть из витого капрона во мгновение ока спеленала меня по рукам и ногам.

— Почему бы тебе не предъявить свое удостоверение? — мягко осведомился он. — Ты ведь из Группы Охраны Истории, не так ли?

«Спокойствие! — скомандовал я себе. — Главное, не делать резких движений!.. Это витой капрон!»

— Ты, видимо, хочешь сказать, — вкрадчиво продолжал он, — что мои семь тысяч будут слишком уж уязвимы? Что достаточно устранить меня сегодняшнего — и не будет уже ни меня завтрашнего, ни меня послезавтрашнего... Достаточно, короче, прервать цепочку — и все мое войско испарится на глазах у татар. Так?

— Да, — хрипло сказал я. — Именно так...

— Так вот, во время дела, — ликующе известил он, — я сегодняшний буду находиться в самом безопасном месте. Как и я завтрашний, как и я послезавтрашний... А вот последние будут первыми. То есть пойдут в первых рядах...

— Между прочим, дом окружен, — угрюмо соврал я.

Он тонко улыбнулся в ответ.

— И окрестности Калки тоже?

Мне нечего было на это сказать.

На моих глазах он препоясался мечом и взял копье. Затем выпрямился и с княжеским высокомерием вздернул русую недавно отпущенную бородку. Я понял, что сейчас он изречет что-нибудь на прощанье. Что-нибудь историческое.

— Татарское иго, — изрек он, — позорная страница русской истории. Я вырву эту страницу.

Причем ударение сделал, авантюрист, не на слове «вырву», а на слове «я». Потом запустил руку под седло и, на что-то там нажав, исчез. Вместе с лошадью.

— Семь тысяч? — Руки шефа взметнулись над столом — то ли он хотел воздеть их к потолку, то ли схватиться за голову. — Семь тысяч... А ты сказал ему, что у него прабабка — татарка?

— Н-нет... — ответил я. — А что? В самом деле?

— Откуда я знаю? — огрызнулся шеф. — Надо было сказать!..

Его заместитель по XIII веку давно уже бегал из угла в угол. Возле стенда «Сохраним наше прошлое!» резко обернулся:

— Почему ты не хочешь оставить засаду на его квартире?

— Потому что он туда больше носа не покажет, — ворчливо отозвался шеф. — Будь уверен, ночлег он себе подготовил на все семь тысяч дней. Как и стойло для лошади. А вот где его теперь искать, это стойло?.. Нет, брать его, конечно, надо там — в тринадцатом веке...

— Как?

— В том-то и дело — как?..

Шеф поставил локти на стол и уронил тяжелую голову в растопыренные пальцы.

— Семь тысяч, семь тысяч... — забормотал он. — Ведь это же надо что придумал, босяк!..

— Но, может быть, нам... — осторожно начал заместитель, — в порядке исключения... разрешат...

— Снять блокаду? — Шеф безнадежно усмехнулся. Я тоже. Дело в том, что прошлое по решению мирового сообщества блокировано с текущего момента и по пятнадцатый век включительно — на большее пока мощностей не хватает... А ловко было бы: вырубить на минутку генераторы, потом — шасть в позавчера — и в наручники авантюриста...

— А у тебя какие-нибудь соображения есть? — Вопрос был обращен ко мне.

— Есть, — сказал я и встал.

Это произвело сильное впечатление. Шеф и его заместитель по XIII веку ошарашенно переглянулись.

— Ну-ка, ну-ка, изложи...

Я изложил.

Вообще-то я редко когда высказываю начальству свои мысли, но если уж выскажу... Молчание длилось секунды три. Заместитель опомнился первым.

— А, собственно, почему бы и нет? — с опаской поглядывая на шефа, промолвил он, и сердце мое радостно встрепенулось.

Шеф затряс головой.

— Ты что, хочешь, чтобы я отпустил его в тринадцатый век ОДНОГО?

— Да почему же одного? — поспешил вмешаться я, очень боясь, что предложение мое сейчас зарубят. — Меня же тоже будет семь тысяч!

Шеф вздрогнул.

— Ты вот что, сынок... — сказал он, почему-то пряча глаза. — Ты пойди погуляй пока, а мы тут посоветуемся... Только далеко не уходи...

Я вышел в коридор и, умышленно прикрыв дверь не до конца, стал рядом. Профессиональная привычка. Кроме того, там, в кабинете, решалась моя судьба: расквитаюсь я с моим подопечным за сетку из витого капрона или же дело передадут другому? Запросто могли передать. Что ни говори, а были у меня промахи в работе, случались...

Я прислушался. Начальство вело ожесточенный спор, погасив голоса до минимума. В коридор выпархивали лишь случайные обрывки фраз.

ШЕФ: ...не представляешь... дубина... таких дел натворит, что... (Это он, надо полагать, о моем подопечном.)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ: ...клин клином... ручаюсь, не уступит... (А это уже, кажется, обо мне.)

ШЕФ: ...семь тысяч! Тут одного-то его не знаешь, куда... хотя бы руководителя ему... (Вот-вот! Это как раз то, чего я боялся!)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ: ...ну кто еще, кроме... семь тысяч — почти двадцать лет... а там и на пенсию...

Последнего обрывка насчет пенсии я, честно говоря, не понял. При чем тут пенсия?.. Вскоре меня пригласили в кабинет.

— В общем так, сынок... — хмурясь, сказал шеф. — Мы решили принять твое предложение. Если кто-то и способен остановить этого придурка — то только ты...

Утро 31 мая 1223 года выдалось погожим. Опершись на алебарду, я растерянно оглядел окрестности. Как-то я все не так это себе представлял... Ну вот, например: я иду перед стройной шеренгой воинов, каждый из которых — я сам. Останавливаюсь, поворачиваюсь лицом к строю и на повышенных тонах объясняю ситуацию: вон там, за смутной линией горизон-

та — река Калка. А за теми холмами — войско из семи тысяч авантюристов. Или даже точнее — авантюриста. Что от нас требуется, орлы? От нас требуется умелым маневром блокировать им дорогу и не дать вмешаться в естественное развитие событий...

И вот теперь я стоял, опершись на алебарду, и что-то ничего пока не мог сообразить. Остальные-то где? Кажется, я прибыл слишком рано.

Тут я вспомнил, что пехотинец-одиночка для тяжеловооруженного конника — не противник, и в поисках укрытия двинулся к виднеющемуся за кустами овражку.

— Эй, с алебардой! — негромко окликнули меня из кустов. Я обернулся на голос, лязгнув доспехами. В листве поблескивал металл. Там прятались вооруженные люди. Лошадей не видно, вроде свои.

— Быстрей давай! — скомандовали из кустов. — Демаскируешь!

Я пролез сквозь чашу веток и остановился. Передо мной стояло человек десять воинов. И еще с десяток прохаживалось на дне овражка. Из-под светлых шлемов-ерихонок на меня отовсюду смотрело одно и то же лицо. Мое лицо. Разве что чуть постарше.

— Который год служишь?

Тон вопроса мне не понравился.

— Да что ты его спрашиваешь — и так видно, что салага, — хрипло сказал воин с забинтованным горлом. — Гляди-ка, панцирь у него... Ишь вырядился! Прям «старик»... А ну прими алебарду как положено!

Вот уж чего я никогда не знал — так это как положено принимать алебарду.

— Вконец «сынки» распустились! — Хриплый забинтованный недобро прищурился. — Кто давал приказ алебарду брать?

— А что надо было брать?

— Топор! — негромко, щадя простуженное горло, рявкнул он. — Лопату! Шанцевый инструмент!.. Если через голову не доходит — через ноги дойдет! Не можешь — научим, не хочешь — заставим! С какого года службы, тебя спрашивают?

— Да я, в общем-то... — окончательно смешавшись, пробормотал я, — в первый раз здесь...

Ко мне обернулись с интересом.

— Как? Вообще в первый?

— Вообще, — сказал я.

— А-а... — Хриплый оглядел меня с ног до головы. — Ох, и дурак был... Панцирь прямо на трико напялил?

— На трико, — удрученно подтвердил я.

— К концу дня плечи сотрешь, — пообещал он. — И алебарду ты тоже зря. Алебарда, брат, инструмент тонкий... И, между нами говоря, запрещенный. В тринадцатом веке их на Руси еще не было... Ну-ка, покажи ему, как правильно держать, — повернулся он к другому мне — помоложе.

Тот принял стойку «смирно» — глаза навыкате, алебарда у плеча.

— Вот, — удовлетворенно сказал хриплый. — Так примерно выглядит первая позиция. А теперь пару приемов. Делай... р-раз!

Всплеснуло широкое лезвие. Мне показалось, что взмах у воина вышел не совсем уверенный. Видимо, хриплому тоже так показалось, потому что лицо его мгновенно сделалось совершенно зверским.

— Который год службы? Третий? Три года воюешь — приемы не разучил?

Ситуация нравилась мне все меньше и меньше.

— Пятый год службы — ко мне! Есть кто с пятого года службы? Ну-ка, собери молодых и погоняй как следует. До сих пор не знают, с какого конца за алебарду браться!

Веселый доброволец пятого года службы сбежал в овражек и звонко приказал строиться. Кое-кто из молодых пытался уклониться, но был изъят из кустов и построен в две шеренги.

— Делай... р-раз!

Нестройно всплеснули алебарды.

— А ты давай приглядывайся, — посоветовал мне хриплый. — И дома начинай тренироваться. Как утром встал — сразу за алебарду. Раз двадцать каждый удар повторил — и под душ. Днем-то у тебя здесь времени уже не будет...

Вдалеке затрещали кусты, и вскоре на той стороне овражка показались еще человек пятнадцать воинов — крепкие мужчины средних лет. Несколько лиц (моих опять-таки) были обрамлены бородами разной длины. А самый старший воин — гладко выбрит. На плечах вновь пришедших покоились уже не алебарды, а тяжелые семиметровые копья.

— Делай... три! — донеслось из овражка.

— Это еще что такое? — удивился бритый. Он шагнул к обрывчику и заглянул вниз.

— До сих пор алебардами не владеют, салаги! — пояснил хриплый. — Вот решили немножко погонять...

— Отставить! — рявкнул бритый. — Какой еще к черту, тренаж? Нам сейчас марш предстоит — в пять километров! Давай командуй общее построение!

Хриплый скомандовал, и воины, бренча и погромыхивая доспехами, полезли из овражка. Поскольку все были одного роста, выстроились по возрасту. Я уже начинал помаленьку разбираться в их (то есть в моей) иерархии. На правом фланге — «деды»: загорелые обветренные лица, надраенные до блеска старенькие брони и шлемы. Собственно, это были одна и та же броня и один и тот же шлем — из нашего запасника. Пятый год службы играл роль сержантского состава. Он занимал центральную часть строя. Дальше располагались «молодые» и, наконец, на левом фланге — самая салажня: в крупнокольчатых байданах, в шлемах-мисюрках, не спасающих даже от подзатыльника, и с шанцевым инструментом в руках.

— А кто это там влез на левый фланг в панцире? — осведомился захвативший командование бритый ветеран. — Штрафник, что ли?

Ему объяснили, что я новичок и в панцирь влез по незнанию.

— Ага... — сказал командир. — Значит, для тех, кто в этот отряд еще не попадал или попадал, но давно: задача наша чисто вспомогательная. Конница противника будет прорываться по равнине, там их встретят первая и вторая баталии. Ну это вы и так знаете... А нам, орлы, нужно заткнуть брешь между оврагами и рощей. Значит, что? Значит, в основном земляные работы, частокол и все такое прочее...

Не снимая кольчужной рукавицы, он взял в горсть висящую поверх панциря ладанку и поднес к губам.

— Докладывает двадцать третий. К маршу готовы.

— Начинайте движение, — буркнула ладанка моим голосом, и командир снова повернулся к строю.

— Нале... уо!

Строй грозно лязгнул железом.

Как и предсказывал хриплый, плечи я стер еще во время марша. К концу пути я уже готов был малодушно нажать кнопку моего «минихрона» и, вернувшись, доложить шефу, что переоценил свои возможности. Однако мысль о сетке из витого

капрона, в которой я оказался сегодня утром, заставила меня стиснуть зубы и продолжать марш.

— Стой!

Колонна остановилась. Справа — заросли, слева — овраги.

— Перекур семь минут...

Строй смешался. Человек пятнадцать отошли в сторонку и, достав из шлемов сигареты, закурили. Я обратил внимание, что среди них были воины самого разного возраста. Из этого следовало, что годика через три я от такой жизни закурю, потом брошу, потом опять закурю. И так несколько раз.

Броню мне разрешили снять. Пока я от нее освобождался, перекур кончился. Стало шумно. В рощице застучали топоры, полетели комья земли с лопат. Меня как новичка не трогали, но остальные работали все. Задача, насколько я понял, была — сделать гиблое для конницы место еще более гиблым. Темп в основном задавали воины пятого года службы. Сияя жизнерадостными оскалами, они вгрызались в грунт как экскаваторы, успевая при этом страшно орать на неповоротливых салажат в байданах. «Старики» спокойно, не торопясь орудовали саперными лопатками. И все это был я. Причем даже не весь, а только крохотная часть меня — каких-нибудь человек сорок. А там, за тем холмом, на равнине, развертывалась, строилась и шла колоннами основная масса — сотни и тысячи...

Рвы были вырыты, частоколы вбиты. На бугре выставили наблюдателя, в рощице — двоих. Потом достали свертки и принялись полдничать. Я, понятно, ничего с собой захватить не догадался, но мне тут же накидали бутербродов — больше, чем я мог съесть.

— Здесь еще спокойно... — вполголоса говорил один салага другому. — Окопался — и сиди. А вот в первой баталии пахота...

— В первой — да... — соглашался со вздохом второй. — Я на прошлой неделе три раза подряд туда попадал. Набегался — ноги отламываются. Сдал кладовщику байдану, шлем, выхожу на улицу, чувствую — шатает... Ну, думаю, если и завтра опять в первую! Нет, повезло: на переправу попал...

— Ну, там вообще лафа...

— Никак спит? — тихо, с любопытством спросил кто-то из «стариков».

Все замолчали и повернулись к воину, который действительно задремал с бутербродом в руке.

— Во дает! Ну-ка тюкни его легонько по ерихонке...

Один из бородачей, не вставая, подобрал свое огромное копье и, дотянувшись до спящего, легонько тюкнул его по навершию шлема тупым концом древка. Тот, вздрогнув, проснулся и первым делом уронил бутерброд. Остальные засмеялись.

— Солдат спит, а служба идет, — тут же съехидничал хриплый. Голос он, однако, при этом приглушил.

— Виноват, братцы... — Проснувшийся протер глаза и со смущенной улыбкой оглядел остальных. — Тут, понимаете, какое дело... Женился я вчера...

Сидящий рядом воин вскочил с лязгом.

— Согласилась? — ахнул он.

— Ага... — подтвердил проснувшийся. Лицо его выражало блаженство и ничего кроме блаженства.

Вскочивший набрал полную грудь воздуха, словно хотел завопить во всю глотку «ура!», но одумался, выдохнул и сел. Лица у этих двух сияли теперь совершенно одинаково. Зато хриплый был сильно озадачен.

— Погоди, а на ком?

— Да ты ее еще не знаешь...

Бородачи наблюдали за происходящим со снисходительными улыбками. А вот на лицах «молодых» читалось явное неодобрение.

— Додумался! — пробормотал один из них. — Военное время, а он жениться!.. Дурачок какой-то... На беду слова его были услышаны.

— Голосок прорезался? — зловещим шепотом спросил, оборачиваясь, сильно небритый «старик». — Зубки прорезались? Это кто там на «дедов» хвост поднимает? А ну встать! Первый, второй, третий год службы! Встать, я сказал! Вы у меня сейчас траншею будете рыть — от рощи и до отбоя!

«Молодые» поднялись, оробело бренча железом. Небритый подошел к новобрачному и положил руку в кольчужной рукавице на его стальное плечо.

— А тебе я, друг, так скажу, — задушевно проговорил он. — Хорошую ты себе жену выбрал. Кроме шуток.

Сидящий в сторонке командир отряда скептически поглядел на него и, вздохнув, отвернулся.

К часу дня подошла разведка противника.

Человек двадцать конных в голых «яко вода солнцу светло сияющу» доспехах подъехали к выкопанному нами рву. Я и еще несколько салажат в байданах, как наиболее уязвимая

часть нашего воинства, были отведены в заранее подготовленное укрытие и теперь с жадным любопытством следили поверх брустверa за развитием событий.

Постарел авантюрист, осунулся. Я имею в виду того, что командовал их отрядом. Ударив саврасую лошадь длинными шпорами, он выехал вперед и долго смотрел на заостренные колья, вбитые в дно рва.

— Пес! — бросил он наконец с отвращением. — Успел-таки...

Он поднял глаза. Перед ним с того края рва грозно топорщился так называемый «ёж». «Молодые» подтянулись, посуровели, руки их были тверды, лезвия алебард — неподвижны.

— А почему у него лошадь саврасая? — шепотом спросил я одного из салажат. — Была же белая...

Действительно, лошади под противником были и той, и другой масти.

— Белая во время атаки шею свернула, — также шепотом пояснил салажонок. — Да ты сам сегодня увидишь — покажут...

— Предлагаю пропустить нас по-хорошему! — раздался сорванный голос старшего всадника. — Имейте в виду: сейчас сюда подойдет еще один отряд в пятьдесят клинков...

— Да хоть в сто... — довольно-таки равнодушно отозвался с этого края рва наш командир.

Мой противник оскалился по-волчьи.

— Ты вынуждаешь меня на крайние меры, — проскрежетал он. — Я вижу, придется мне завтра прихватить сюда...

— Пулемет, что ли?

— А хоть бы и пулемет!

— Прихвати-прихвати... — невозмутимо отозвался командир.

— А я базуку приволоку — совсем смешно будет...

— А я... — начал противник и, помрачнев, умолк.

— Сеточку, — издевательски подсказал командир. — Сеточку не забудь. Такую, знаешь, капроновую...

Тот яростно кругнулся на своем саврасом.

— Червь! — выкрикнул он. — Татарский прихвостень! Там, — он выбросил закованную в сталь руку с шелепугой подорожной куда-то вправо, — терпит поражение князь Мстислав Удатный! А ты? Ты, русский человек, вместо того, чтобы ударить поганым в тыл... Сколько они тебе заплатили?..

— За прихвостня — ответишь, — процедил командир. Тяжелый наконечник семиметрового копья плавал в каких-ни-

будь полутора метрах от шлема всадника, нацеливаясь точно промеж глаз.

— Куда, нехристь?! — Это уже относилось к противнику из «молодых», не сумевшему сдержать белую лошадь и выехавшему прямо на край рва. В остервенении старший всадник хлестнул виновного шелепутой. Тот взвыл и скорчился в седле — рогульчатое ядро пришлось по ребрам.

— А мы еще жалуемся... — уныло проговорил один из наших салажат. — У нас «деды» хоть орут, да не дерутся...

Я же с удовлетворением отметил, что «ёж» из копий и алебард не дрогнул ни разу. Воины по эту сторону рва стояли, нахмурясь и зорко следя за конными. Что-что, а дисциплина у меня всегда была на высоте...

Потом подошел обещанный противником отряд. Пятьдесят не пятьдесят, но клинков сорок в нем точно было. На той стороне начались давка и ругань. Всадники подъезжали группами, смотрели с содроганием на заостренные колья и снова принимались браниться. Наконец вся эта масса попятилась и на рысях двинулась прочь, оставив после себя перепаханную, изрытую копытами землю.

— Вроде отвоевали на сегодня, — сказал командир.

Возле рва оставили охранение и разрешили салажатам вылезти из укрытия.

— Ну что он там? — нетерпеливо крикнул новобрачный, чуть запрокинув голову.

— Уходит, — ответил ему наш наблюдатель с холма.

— Все правильно, — заметил командир. — Убедился, что все лазейки перекрыты, и теперь концентрирует силы на равнине. Напролом попрет...

Наблюдателей на бугре сменяли часто. И не потому, что служба эта была трудной, — просто каждому хотелось взглянуть, что делается на равнине.

— Вторая баталия пошла, — сообщил только что спустившийся с холма бородач. — Пусть новичок посмотрит. Ему полезно...

— Можно, — согласился командир. — Пошли, новичок...

Мы поднялись на бугор. Открывшаяся передо мной равнина была покрыта свежей, еще не выгоревшей травой. И по этому зеленому полю далеко внизу, грозно ощетинясь копьями, взблескивая панцирями и алебардами, страшный в своей пра-

вильности, медленно полз огромный прямоугольник — человек в тысячу, не меньше.

— Эх, мать! — восхищенно сказал наблюдатель. — Красиво идут!

— Да я думаю, — отозвался командир. — Там же «старики» в основном! За десять лет и ты строем ходить научишься...

— Так что служи, служи, — не преминул добавить поднявшийся вместе с нами хриплый. — Тебе еще — как медному котелку.

— А вон и первая баталия строится, — сказал наблюдатель. В отдалении муравьиные людские потоки струились из-за бугров и пригорков, смешиваясь на равнине в единую массу, постепенно преобразующуюся во второй такой же прямоугольник.

— Да что ж они так вошкаются сегодня? — с тревогой проговорил хриплый. — Не успеют же!..

— Успеют, — сказал командир.

Он перевернул ладанку и взглянул на циферблат.

— Ну, минут через десять начнется...

И минут через десять — началось! Конница выплеснулась из-за пологого холма, ослепив сверкающими на солнце доспехами. И она продолжала изливаться, и казалось, ей не будет конца. Никогда бы не подумал, что это так много — семь тысяч человек! И вся эта масса разворачивалась во всю ширь равнины и с топотом, с визгом, с лязгом уже летела на замершие неподвижно баталии.

Я зажмурился. Ничто не могло остановить этот поток сверкающего и как бы расплавленного металла.

— Что? Сдали нервишки? — злорадно осведомился командир, обращаясь, как вскоре выяснилось, не ко мне, но к противнику на равнине. — Это тебе не сеточки капроновые бросать...

Я открыл глаза. Ситуация внизу изменилась. Баталии попрежнему стояли неподвижно, а вот первые ряды конницы уже смешались. Всадники пытались отвернуть, замедлить разбег, а сзади налетали все новые и новые, начиналась грандиозная свалка.

— Смотри, смотри! — Хриплый в азарте двинул меня в ребра стальным локтем. — Туда смотри! Сейчас белая шею свернет!

Упало сразу несколько лошадей, и одна из них так и осталась лежать. Чудом уцелевший всадник прыгал рядом на одной ножке — другая была схвачена стременем.

— Все, — с сожалением сказал хриплый. — Конец лошадке.

— А где он взял саврасую?

— С племзавода увел, гад! — Хриплый сплюнул. — Предупреждали ведь их: усильте охрану, обязательно будет попытка увода... Нет, прошляпили!

— Ну вроде дело к концу идет, — удовлетворенно объявил командир и повернулся к отдыхающему внизу отряду. — Кончай перекур, орлы! Все, по возможности, привести в прежнее состояние. Ров — засыпать, частоколы убрать. Найду хоть один окурок — заставлю похоронить. С почестями.

В пыльных доспехах, держа шлем и алебарду на коленях, я сидел на стуле посреди кабинета и смотрел в скорбные глаза шефа.

— Ты не передумал, сынок? — участливо спросил он.

— Нет, — ответил я со всей твердостью. — Не передумал.

— Понимаешь, какое дело... — в затруднении проговорил шеф. — Я-то предполагал раскидать эти семь тысяч дней на нескольких сотрудников — хотя бы по тысяче на каждого... Но ты войди в мое положение: вчера какой-то босяк прорвался в XI век и подбросил в Гнездовский курган керамический обломок твердотопливного ускорителя, да еще и с надписью «горючее». Теперь, видимо, будет доказывать освоение космоса древними русичами. А сегодня — и того хлеще! Целую банду нащупали! Собираются, представляешь, высадить славянский десант в Древней Греции. Ну там Гомера Бояном подменить и вообще... Давно у нас такой запарки не было.

— Да не нужно мне никакой помощи! — сказал я. — Людей у меня там хватает...

Впервые я смотрел на своего шефа как бы свысока, что ли... Ну вот сидит он за столом — умный ведь мужик, но один. Совсем *один*. И что он, один, может?.. Я зажмурился на секунду и снова увидел ощетиненный копьями, страшный в своей правильности огромный квадрат, ползущий по зеленому полю. Воистину, это был я...

— Да боюсь, тяжело тебе придется... — озабоченно сказал шеф. — Сам ведь говоришь: дедовщина там у вас...

— Да какая там дедовщина! — весело возразил я. — Вот у него дедовщина так дедовщина! — Тут я не выдержал и радостно засмеялся. — Сам себя шелепугой лупит!..

И гром не грянул

Корреспонденточка оказалась юной надменной особой с отменно поставленной речью и без каких бы то ни было комплексов.

— Итак, Константин Кириллович, — с вежливой недоверчивой улыбкой прервала она плавную речь директора, — пока вы на страже, нашему славному прошлому ничего не грозит... Верно я вас поняла?

Однако собеседника ее, дородного седовласого Константина Кирилловича, смутить было трудновато. Корреспондентов он на своем веку повидал больше, чем она директоров.

— Совершенно верно, — отозвался он, с удовольствием разглядывая гостью. — Приятно иметь дело с такой понятливой, а главное — очаровательной... э-э-э... журналисткой...

Комплимент (если это, конечно, был комплимент) успеха не имел.

— Однако согласитесь, — неумолимо гнула она свое, — что сто процентов удачных перехватов — цифра, мягко говоря, подозрительная. Ну не

© Евгений Лукин, 2001

бывает в природе таких цифр, Константин Кириллович! Вот, скажем, некий злоумышленник завладел машиной времени... Кстати, где она у вас содержится?

— Моя? В сейфе.

Оба оглянулись на притулившийся в уголке сейф.

— Простите, но такие сейфы консервным ножом вскрывают. И охрана у вас, я смотрю, не очень... То есть приходи — и бери.

— М-м... в общем, да... — вынужден был согласиться собеседник. — А собственно — зачем?

— Чего — зачем? — От неожиданности корреспонденточку пробило на просторечие.

— Зачем она злоумышленнику?

— Машина времени?!

— Ну да... За каким чертом его вдруг понесет в иные эпохи?

Наконец-то опешив, она приостановилась и внимательно посмотрела на директора.

— Н-ну... скажем, с целью личного обогащения...

Константин Кириллович одарил ее мягкой отеческой улыбкой.

— Оксана! Я вижу, вы не совсем правильно всё это себе представляете. Поймите, что технические возможности наши весьма ограничены. В будущее, например, мы не можем проникнуть вообще. Что же касается прошлого, то с данного мгновения (вот с этого самого, в котором мы беседуем!) и по первую половину тринадцатого столетия оно для нас тоже недоступно. Мертвая зона.

— А разве в тринадцатом столетии нечем поживиться? В двенадцатом, в одиннадцатом?..

— Нечем, — ласково глядя на журналистку, сказал директор. — Ни в тринадцатом, ни в двенадцатом, ни в одиннадцатом... Доставить что-либо из прошлого в настоящее — невозможно по определению.

— Позвольте! Но из настоящего-то в прошлое проникнуть можно! Вот я, допустим, отправлюсь на пир к Владимиру Красно Солнышко, отведаю там какую-нибудь лебедь белую...

— Ну и вернетесь с пустым желудком. Да подумайте сами, Оксана: если бы с помощью машины времени, как вы ее называете, можно было вывозить ценности из прошлого, разве такая бы здесь была охрана? Нас бы на сто метров под землю

загнали, а сверху бы овощную базу поставили — для маскировки...

— Ну а, скажем, кто-то решил скрыться от правосудия?

— Побег в прошлое? Тоже не выйдет. Через несколько часов подсядет аккумулятор — и вашего беглеца вместе с машиной благополучно выбросит в настоящее. В объятия тех же органов правосудия. Нет, Оксана, жулики — народ понятливый и в прошлое давно уже не рвутся... Другое дело всякие там хроно... кхм... фанатики... исправители истории...

— Которых вы неизменно перехватываете и обезвреживаете, — не без иронии подхватила Оксана. — Простите великодушно, Константин Кириллович, но... не верится как-то! Чтобы ни единой осечки за все время работы...

— Что-то у нас с вами, Оксана, беседа по кругу пошла... — посетовал директор и утопил клавишу селектора. — Артем! Ты на месте? Загляни...

Вошедший сотрудник был немногим старше самой Оксаны. Невысокий ладный паренек с нарочито невыразительным взглядом. Будучи представлен журналистке, коротко кивнул и выжидающе посмотрел на шефа.

— Значит, так, Артем, — сказал тот, покашливая. — Вот Оксана сомневается... кхм... надежно ли мы храним родную историю от посягательств всяческих... э-э-э... авантюристов... Ты хронопутало свое когда перехватывать планируешь?

«Кого-кого?» — хотела переспросить Оксана, но, слава богу, сдержалась. Чувствовала: главное сейчас — не спугнуть ситуацию.

— Где-то на той неделе, — осторожно ответил Артем.

— А если сегодня?

Артем задумался на секунду.

— Да можно и сегодня...

— Прекрасно! Тогда не будем терять времени... Оксана! Передаю вас в надежные руки Артема. Прогуляетесь с ним в Древнюю Русь, посмотрите, как это делается... Да вы не сомневайтесь! Артем — сотрудник опытный, просто выглядит молодо.

Секунду журналистка сидела неподвижно с широко раскрытыми глазами. Участвовать в операции? В перехвате фанатика, затеявшего изменить историю? На такую удачу она даже и не рассчитывала.

— Впрочем, если вы... — улыбаясь, начал Константин Кириллович.

— Нет! — сказала она, порывисто поднимаясь. — Я готова.

Вдвоем они покинули кабинет и вышли в коридор, где Оксана немедля заступила путь Артему, причем с таким видом, словно собиралась его прямо здесь и соблазнить. Тот даже опешил слегка.

— Артем! — страстным хрипловатым шепотом произнесла она. — Только честно! Вы туда раньше корреспондентов — брали?

— Брал и не раз, — помаргивая, проговорил он.

Миловидное личико юной журналистки омрачилось.

— Как же так? Брали не раз — и ни одного сенсационного материала! Какие-то вялые восхваления, какие-то общие слова... Знаете, всё это сильно напоминает информационную блокаду...

Артем подумал — и довольно-таки равнодушно пожал плечами: мне-то, дескать, какое дело! Оксана смотрела на него с величайшим подозрением.

— Ну что ж... — задумчиво процедила она наконец. — Ладно, бог с ним! У нас есть время на предварительный разговор?

— Да сколько угодно!

С завидной сноровкой корреспонденточка сменила кассету в диктофоне — и Артем с невольным уважением покосился на ее руки. Так перезаряжают оружие в бою.

— Тогда начнем вот с чего... — Оксана сосредоточилась, куснула губу — и далее профессиональной скороговоркой: — История, как известно, вещь весьма хрупкая. Вспомним рассказ Рэя Брэдбери, где растоптанная в прошлом бабочка отзывается политической катастрофой в будущем. Мне кажется, ваша работа чем-то сродни работе сапера: достаточно одной-единственной ошибки — и ничего уже не поправить. Скажите, не гнетет ли вас эта чудовищная ответственность? Просто, по-человечески... — С этими словами она сунула диктофон в зубы слегка отпрянувшему Артему.

— Ну, в общем... работа... Да, ответственная...

«Скромен, — отметила про себя Оксана. — Плохо. Штамп... Впрочем, какая разница! Репортаж — не очерк...»

— Ну хорошо, — сказала она. — А кого вы планируете перехватить на этот раз?

Молодой сотрудник зачем-то взглянул на потолок, по совести, давно уже требующий побелки. Вообще особнячок, в котором располагалось учреждение, пребывал в несколько запущенном состоянии. «И об этом тоже упомянуть, — машинально подумала она. — Налоговая полиция хрустальные дворцы себе возводит, а эти ютятся бог знает в чем...»

— Да есть тут одно хронопутало... — нехотя сообщил Артем.

Оксана встрепенулась.

— Простите... кто?

Артем смутился.

— Извините, — сказал он. — Я имел в виду — нарушитель... Бывший лаборант НИИ. Устройство собрал на дому — из ворованных комплектующих. Убежден, что во всех наших бедах виновно татарское иго. Неделю назад отбыл на Калку встречать тумены проливным пулеметным дождем... — Последнюю фразу Артем завершил несколько саркастически. Стало быть, чувством юмора все-таки обделен не был.

— Откуда это стало известно?

— Оставил записку.

— А если бы не оставил? — В голосе Оксаны зазвучало беспокойство.

Артем снова пожал плечами:

— Рано или поздно хватились бы...

— Поздно?!

Молодой сотрудник досадливо почесал бровь.

— Ну, не так выразился, — поправился он. — Поздно у нас никогда не бывает... — Хотел добавить еще что-то, но тут в конце коридора отворилась окованная жестью дверь — и на рассохшийся скрипучий паркет, бряцая металлом, ступил некто в крупнокольчатой железной рубахе до колен. Голову ратника венчал плоский похожий на тюбетейку шлем, а в руке почему-то была обыкновенная штыковая лопата.

Шурша и позвякивая, прошествовал мимо. Величественно кивнул коллеге.

— Кто это? — Журналистка завороженно глядела вслед импозантному незнакомцу.

— Наш сотрудник.

— А почему с лопатой?

— Долго рассказывать, — уклончиво отвечал Артем. — Кстати, он тоже сейчас на Калку...

— То есть мы там с ним встретимся?

— Нет, — сказал Артем. — Мы с вами отправляемся в 16 июня 1224-го, а он — в 31 мая 1223-го...

— Ничего не понимаю! — призналась Оксана. — Когда была битва на Калке?

— Н-ну, в одних летописях одна дата проставлена, в других — другая... Всё зависит от исторического источника, которым пользовался нарушитель.

— Потрясающе... — еле выговорила она и снова оглянулась. Коридор к тому времени опустел. Сотрудник в кольчуге скрылся за поворотом. — То есть злоумышленник отправился в прошлое, но не туда, куда надо?..

В ее воображении уже маячил лихой подзаголовок: «Перед тем, как исправлять историю, исправь сначала двойку по истории!» А секунду спустя Оксана вдруг поняла и оценила смысловое великолепие загадочного, не сразу расслышанного слова.

— Ну, конечно! — вскричала она в восторге. — Хронопутало! Запутался в датах — так?

— Н-ну... примерно так...

— Это что же, рабочий термин?

— Давайте зайдем ко мне, — помявшись, предложил Артем. — А то в коридоре как-то, знаете...

Кроме шкафа и письменного стола в крохотном кабинетике присутствовали еще и сейф с холодильником. Повернуться негде.

— Что ж вы так тесно живете-то? — не выдержала Оксана.

— Живем, — философски отозвался Артем, протискиваясь к столу.

— Но финансируют хоть — нормально?

— Зарплату вовремя выдают — и на том спасибо...

— Не понимаю! — искренне сказала Оксана. — Как можно работать в таких условиях? От вас, страшно подумать, зависит исход сражения на Калке... Нет, не понимаю! И это странное молчание в прессе... — Она много еще чего собиралась сказать, но тут он выдвинул ящик и вынул нечто напоминающее Оксанин диктофон, только увеличенный раза в три.

— Это она и есть? — присматриваясь, спросила журналистка.

— Угу... — глубокомысленно отозвался Артем и, нахмурившись, принялся трогать мелкие кнопочки. — Она самая. «Минихрон», первая модель. Во-от... — удовлетворенно протянул

он, пряча устройство в лежащую на стуле наплечную сумку. — Собственно, можно отправляться...

— Как?! Вдвоем? — всполошилась Оксанка.

— Ну да, а вы что хотели?

— Я думала... у вас группа захвата...

— Много чести... — пробормотал он, запихивая в другое отделение сумки клетчатый плед.

— У него пулемет!

— Я пошутил, — сказал Артем, задвигая «молнию». — Нет у него пулемета. Просто он собирается предупредить Мстислава Удатного, чтобы тот ни в коем случае не разделял русское войско на две части...

— Погодите! — Оксанка вспомнила бряцающего при каждом шаге ратника. — Мы что, прямо так?.. А экипировка?

Артем взглянул на нее, что-то прикинул и почему-то двинулся не к сейфу, как можно было предположить, а к холодильнику.

— Сейчас экипируемся, — обнадежил он, открывая дверцу. — Вы какие напитки предпочитаете?

Оксана решительно не понимала, что происходит.

— Ну... на природе, — пояснил Артем, видя ее растерянный взгляд. — Есть пиво, но я бы рекомендовал красное сухое. С сыром и зеленью. Или вы больше уважаете что-нибудь покрепче?

— Это что, Древняя Русь? — озираясь, спросила Оксана.

Обычный загородный пейзаж. Вильнувшая меж холмов речушка. Правда, не видно нигде ни шиферных крыш, ни решетчатых опор линий электропередач. Хотя, с другой стороны, терема и частоколы также отсутствуют.

— «За шеломянем еси...» — машинально ответил цитатой Артем, тоже что-то высматривая окрест. — Замечательный бугорок! Там и расположимся. И обзор превосходный, и сами, главное, на виду...

Он поправил туго набитую сумку и неспешно двинулся в сторону холма. Оксана последовала за ним.

— А если татары наедут? — с тревогой спросила она.

— Думаете, если наедут русичи, будет лучше?

— Ну а все-таки!

Артем обернулся.

— Кто бы ни наехал, хлопните в ладоши, — посоветовал он. — Только как можно громче. Или завизжите.

— Испугаются и убегут?

— Нет. Просто этот «минихрон» настроен на звук. Тут же отключится — и нас с вами выбросит в точку старта. То есть в мой кабинет.

Они достигли вершины холма. Артем расстегнул сумку, извлек и расстелил клетчатый плед, затем принялся выгружать сыр, зелень, лаваш, две бутылки вина...

— Смотрите! — вскрикнула вдруг Оксана. К счастью, достаточно тихо.

Артем выпрямился и взглянул в указанном направлении. На краю леска мелькнула человеческая фигурка. Потом еще раз. Неизвестный был облачен в синие шорты и белую тенниску.

— Это он?!

— Нет, — помолчав, сказал Артем. — Это я. Да вы не волнуйтесь — я здесь часто бываю...

Оксана всмотрелась, но расстояние было слишком велико — черт лица не различить.

— А поближе подойти можно?

— Не стоит, — сказал Артем. — «Минихрон»-то у нас один на двоих. Отойдете шагов на пятнадцать — и окажетесь...

— ...в вашем кабинете?

— Именно. — Артем улыбнулся — и вдруг обнаружилось, что не такой уж он бука. Кажется, в первой половине тринадцатого столетия ему было куда спокойнее, нежели в современности.

Они сели на плед. Артем достал штопор и открыл первую бутылку. Вино оказалось хорошее, такое положено смаковать, но корреспонденточка оглушила стакан залпом. Необходимо было прийти в себя.

— Так! — решительно сказала она, тряхнув головой. — Короче! Давайте к делу. Как вы его собираетесь перехватывать?

Артем с задумчивым видом завертывал в лаваш зелень и сыр.

— Завтрак грузинского крестьянина, — сообщил он. — Рекомендую... Перехватывать?.. Да бог с ним! Куда он денется? Погуляет-погуляет — и сам придет...

— То есть как погуляет?! Он же за это время... — Оксана осеклась и еще раз оглядела безлюдные окрестности. — Позвольте!.. — страшным шепотом произнесла она. — А где

же... — Округлила глаза — и вдруг расхохоталась. — Нет, но я-то, главное, жду, когда битва начнется! А она, значит, все-таки там — в мае 1223-го?..

Артем внимательно взглянул на корреспондентку и счел необходимым наполнить стаканы.

— В мае 1223-го — та же картина, — скорбно сообщил он.

Смех оборвался.

— Не понимаю...

— Что ж тут непонятного? Оба летописца ошиблись...

— То есть там тоже пусто?!

— Да не то чтобы пусто, — сказал Артем. — Скорее людно. Сотрудника нашего с лопатой — видела? Вот он там уже третий год со своим хронопуталом разбирается — и все конца-края не видно...

— Но ведь была же она, эта битва на Калке!.. — испуганно выдохнула Оксана.

— Наверное, была...

— Где? Когда?

— Ищем, — утешил Артем, протягивая ей стакан.

Вскоре они уже окончательно перешли на «ты».

— Поняла теперь, почему нас так финансируют? — с горечью говорил Артем. — От нас же толку никакого! Что мы охраняем? Кому оно нужно — то, что было на самом деле? Государству? До фонаря это государству! До высокой синей лампочки! Ему идеологию подавай, легенду... Твое здоровье!

Чокнулись, пригубили.

— Но все равно ведь на прошлое посягают... — в растерянности сказала Оксана. — Значит, есть что охранять...

— Хронопуталы-то? — Артем пренебрежительно скривился. — Да брось ты! Случая еще не было, чтобы кто-то из них попал туда, куда хотел. Ты пойми: они же не историю — они учебник истории хотят изменить... Чувствуешь разницу? И никак не возьмут в толк, придурки, что учебники не в прошлом, а в настоящем исправляют...

— Но ведь исторические документы...

— Оксанка! Документы людьми пишутся! Так что главные хронопуталы, если честно, это как раз историки с летописцами... Кстати, о хронопуталах... Пора бы ему показаться, соколу ясному... — Артем аккуратно поставил стакан на плед и, приподнявшись, окинул округу пристальным оком. — Ага,

вижу... — ворчливо известил он через некоторое время. — Все в порядке: заметил нас, идет сюда... А разоделся-то, разоделся! Чистый ансамбль песни и пляски...

Оксана вскочила и уставилась в ту сторону, куда глядел Артем.

Человек, поднимавшийся по склону, был и впрямь одет в духе народных самодеятельных коллективов: алая шелковая рубаха, перехваченная по талии шнуром с кистями, синие (тоже шелковые) портки вправлены в короткие сапожки. В руках почему-то гусли. Под Бояна, что ли, косил? Непонятно...

Очумело озираясь, хронопутало брело к вершине холма. Оксана уже различала, что лицо у злоумышленника длинное, изможденное (не иначе — от трехчасового пешего блуждания по окрестностям), русая гривка едва закрывает уши, а узкий подбородок, кажется, усажен редкой белесой щетиной. Неказист. И все же сквозило в его облике что-то трогательно-беспомощное.

Злоумышленник остановился в десятке шагов от расстеленного пледа, воззрившись на неизвестно откуда взявшихся здесь современников. Видно было, что еще немного — и бедняга тронется рассудком.

— Татар не видели? — с отчаянием спросил он.

Артем помотал головой.

— А наших?..

— Вы подсаживайтесь, — с сочувствием на него глядя, сказала Оксана. — Выпейте, успокойтесь. А я вам сейчас все объясню...

Однажды в баре

— Вот вы все больше про падших ангелов пишете...

Произнесено это было с мягким упреком. Настроение у меня тут же испортилось. Я не пишу про падших ангелов. Стало быть, опять с кем-то перепутали...

Вздохнув, я поставил на край стола высокую кружку со светлым и, что немаловажно, халявным пивом, а затем как бы между прочим поправил болтающуюся на шее ламинированную картонку, где все было ясно указано: имя, фамилия, род занятий.

Собеседник понял.

— Нет, я не о вас лично... Я вообще о фантастах...

В баре было дымно и шумно. Мы сидели за неприметным столиком, притулившимся у стеночки слева от входа. Прочие участники «Интерпресскона» возлежали прямо на полу — тесно, как моржи на побережье. Они вздымали пенные кружки, что-то горланили, и называлось это мероприятие — «Партия половой жизни». За пиво платили спонсоры.

© Евгений Лукин, 2001

Не знаю, почему оторвался от коллектива мой собеседник, но меня на пол не тянуло сразу по двум причинам. Во-первых, джинсы жалко, во-вторых, не люблю и не умею пить лежа.

А собеседник продолжал:

— Представляете: падший черт! А?

— Было, — сказал я.

— Где?

— У Гоголя. В «Сорочинской ярмарке».

— Разве?.. — Низкое чело его омрачилось. Он подумал — и отхлебнул. — Ну и что? Кто его сейчас читает, Гоголя?

Было довольно душно, рубашку мой собеседник расстегнул чуть ли не до пупа. На мохнатой груди болталась такая же, как у меня, картонка, на которой (не верь глазам своим!) значилось: «Святослав Логинов, писатель. Санкт-Петербург».

Странно. Если этот тип поменялся беджами со Славкой, то, стало быть, они как минимум знакомы. А если они знакомы, то почему я этого типа не знаю? Нет, совершенно точно, я видел его впервые.

Впрочем, картонка могла сменить хозяина не раз и не два.

«Да, реинкарнации не существует, — сам собою возник афоризм, — но в крайнем случае можно обменяться беджами».

Записать, что ли?

— А я вот знавал одного такого... — Носитель чужого бейджа усмехнулся. — Работника щипцов и кочерги...

— Истопника? — рассеянно спросил я, нащупывая ручку и тщетно оглядывая столы в поисках салфетки.

— Нет, черта...

Оп-паньки! Кажется, сейчас здесь будет скучно... Более чем кому-либо мне знакома была эта пренеприятнейшая манера — обкатывать таким вот образом очередной сюжет на собеседнике. Тот же, скажем, Святослав Логинов (чью ламинированную картонку присвоил мой визави), помнится, одно время сильно этим злоупотреблял. Был случай, когда в осажденном Тирасполе обедавший с нами фронтовик в ужасе бежал из-за стола, так и не дослушав душераздирающего Славкиного признания в донорских связях с энергетическими вампирами...

Может, сходить за пивом к стойке и там задержаться? Он, глядишь, за это время к кому-нибудь другому прилепится... Я взглянул на свою кружку. Почти полная. Жаль.

А незнакомец держал паузу. Ждал, что скажу.

— Ну, привет ему, — сказал я, не теряя хладнокровия.

Он осклабился, подмигнул.

— Передам... А знаете, за что его из пекла поперли?

— «Нашла блажь сделать доброе дело»? — процитировал я с утомленным видом.

— Да если бы! Хотел как лучше... то есть как хуже. М-да... — Он помрачнел и залпом осушил свою кружку. — Допивайте, я принесу...

Иду с кольцом — они стоят,
Они стояли ровно в ряд,
Они стояли ровно в ряд —
Их было девять!.. —

самозабвенно горланила «Партия половой жизни».

Терпеть не могу допивать пиво второпях, однако пришлось. Мой собеседник простер волосатые лапы, сграбастал обе кружки — и, осторожно переступая через лежащих, направился к стойке. Теперь я был просто обречен выслушать историю до конца. Если таковой вообще имеется... Вдруг у него сразу сериал задуман?

Еще чего доброго — соавторство предложит! А гонорар — пополам...

— И как вам? — с надеждой спросил он, возвратясь.

— Пока не очень, — честно ответил я, принимая полную кружку. — Ну поперли из пекла... И что?

Незнакомец приуныл.

— Вот и господин Логинов то же самое говорит, — сказал он, вздохнув. Выпятил задумчиво свои несколько вывороченные губы, помолчал. — Нет, зря вы, зря! Сюжет хороший. Тут в чем прикол-то?.. Обычно черт работает на результат, так?

— Простите?.. — не понял я.

Он сморщился и с досадой поскреб низкие надбровья.

— Н-ну, главное — душу забрать. А условия, обозначенные в договоре, он выполняет... как бы это выразиться...

— Спустя рукава?

— Да нет, не то чтобы спустя рукава, но... с наименьшими затратами. А этот... работник щипцов и кочерги... взял да и понял вдруг, что душа-то как раз чепуха, мелочь!.. Ну что такое одна душа в наше время? А вот сам процесс — эт-то, знаете ли... Кладезь возможностей!

Я отхлебнул пива и с интересом взглянул на собеседника. Определенно он начинал мне нравиться. В сбивчивых речах его затеплилось вдруг некое благородное безумие — пока, правда, трепетно, слабенько...

— Значит, душа, говорите, мелочь... — Я подумал. — А что не мелочь?

Он посмотрел на меня с недоумением.

— Душ пятьдесят...

Пять с плюсом!

В этот момент в дверном проеме показалась высокая фигура Бориса Стругацкого. Классик российской фантастики шагнул в сизое от табачного дыма чрево бара — и приостановился в растерянности. От стойки его отделяло метров пятнадцать, но все пространство пола было выложено телами писателей, фэнов, художников, редакторов и, кажется, даже спонсоров.

— К нам! К нам! — приветственно загомонило лежбище. — Борис Натанович, к нам!..

Секунду Борис Натанович оторопело изучал бредовую эту картину, затем пожал плечами — и покинул бар.

— Все-таки эти фэны, — несколько сдавленно заметил мой визави, — бывают иногда удивительно бесцеремонны...

— Да уж... — согласился я. — Кстати, а Стругацкому вы свой сюжет предложить не пытались? Насчет черта...

Он уставился на меня во все глаза.

— Ну а что? — продолжал я без тени смущения. — Про падшего ангела у них уже было — в «Хромой судьбе»...

Теперь мой собеседник ошарашенно смотрел в опустевшие двери. У него даже лоб испариной покрылся.

— Нет! — хрипло и отрывисто вымолвил он наконец. — Да у меня язык не повернется... Ну сами прикиньте: кто он и кто я!.. — Бедняга моргнул несколько раз подряд, потом до него наконец дошло: — А-а... Это вы так шутите?..

Мне стало неловко — и я дружески пожал ему мосластое волосатое запястье.

— Да не берите в голову! Давайте лучше про вашего черта... Что он там натворил-то?

Незнакомец посопел, отхлебнул и вновь погрузился в какие-то свои, по всему видать, не слишком ясные мысли.

— Обидно! — посетовал он вдруг. — Из пекла выперли, а сами теперь по его системе работают...

— Вы к сути, к сути, — подбодрил я его. — И давайте без экивоков: «друг», «знакомый»... Говорите просто: «герой». Или «персонаж». А то все эти сюжетные рамочки-виньетки, рассказ в рассказе... Утомляет.

Усмехнулся, кивнул:

— Хорошо. К сути... Ну вот, скажем, подписывает клиент договор: так, мол, и так, передаю душу в вечное пользование, а взамен желаю разбогатеть...

— И только-то? — желчно осведомился я. — А как насчет славы, любви, таланта? Или по нашим временам этого уже не просят?

— Редко, — сказал он. — Крайне редко. Так вот... Можно, конечно, по старинке: выдать клиенту сколько ему там надо для счастья — и все дела... А теперь сравните: одна из наработок моего... э-э... героя. Уговорить клиента, чтобы тот основал финансовую пирамиду, а самому стать у него, ну, вроде как консультантом... Хлопот, конечно, полон рот, зато уже через полгода вас осаждает чертова прорва обманутых вкладчиков, и каждый сам (обратите внимание — сам!) норовит всучить вам свою душу, только бы этого вашего клиента (главу пирамиды) посадили, взорвали, под поезд сунули... Ну и тут уже смотришь, с какой группой вкладчиков работать. Представляете, сколько на этом наварить можно?..

— Душ?

— Душ...

— А если клиент в придачу к деньгам потребует еще и гарантию безопасности? — подсек я.

Незнакомец скорчил гримасу и вновь отхлебнул.

— Полагаю, Березовский так и сделал... — сообщил он, утирая пену с вывороченных губ. — Потому и жив до сих пор. Но это скорее исключение. Обычно рассуждают как? Будут деньги — будет безопасность... А то и вообще не рассуждают. Чего там рассуждать! Дают — бери...

И он опять посмотрел на меня выжидательно.

— Хм... — уклончиво молвил я. — Сама по себе выдумка, в общем, неплоха, но... Как-то это все у вас немножко громоздко выстроено... А договор на передачу души составляется только самим чертом? Или можно действовать через третьих лиц?

Похоже, что вопрос мой застал его врасплох.

— А лица — люди?

— Естественно.

— Да можно, наверное... — сказал он, помаргивая. — Както даже в голову не приходило... А что это дает? В сюжетном, конечно, плане...

— Многое. Прежде всего не надо никакой вспомогательной финансовой пирамиды. Все делается куда проще. Покупает черт душу и вместе с деньгами вручает клиенту несколько бланков договора. И ставит условие: если эти бланки вернутся к нему уже заполненными и подписанными, предыдущий договор расторгается — и душа вновь отходит клиенту. Деньги черту, естественно, не возвращаются...

Мой собеседник слушал меня с напряженным вниманием. Затем глаза его стали вдруг тупыми-тупыми — и он оторопело затряс головой.

— Да все просто! — вскричал я. — Та же самая пирамида, только не финансовая, а... Ну, в общем, с душами!

Он облизнул свои вывороченные губы, затем, не говоря ни слова, вскочил, сгреб опустевшие кружки — и устремился к стойке, непостижимым образом вгоняя ступни между лежащими впритык фантастами. Я же в который раз проклял свой не в меру проворный язык. Чужих находок мне не надо, но и разглашать свои тоже не стоит. А хорошая вышла бы сценка: герой (скажем, программист) сидит дома, пишет... И приходит к нему давний приятель, вышибает, гад, из рабочего ритма, начинает канючить: выручай, дескать, будь человеком, всего один договор остался неподписанный. И предлагает за сделку какую-нибудь смешную сумму — рублей двести... («Дурак ты, выгоды своей не чуешь! Тебе что, трудно пойти составить пять договоров? Вон сколько бомжей у гастронома тусуется! Да из них любой что хочешь за червонец подпишет — не глядя! Полсотни — им, полторы сотни — себе! Считать умеешь?..»)

— Знаете... — искренне сказал собеседник, ставя на стол уже не две, а четыре полные кружки. — С такими прожектами вас бы тоже в два счета из пекла попросили!

— Спасибо! — вежливо поблагодарил я — не то за пиво, не то за комплимент.

— Но все же до чертяки моего вам далеко... — сказал он с самодовольным видом. Даже пальчиком погрозил. Корявый был пальчик, неухоженный. — Ох, далеко... Вы, кстати, кто по политическим воззрениям?

— Некропатриот.

— Как?! — не поверил он.

— Считаю себя гражданином Советского Союза, — нехотя пояснил я. — Ну а поскольку такой страны больше нет, то, стало быть...

— А-а... — Он покивал. — Понимаю. Тогда вас тем более должна заинтересовать главная проделка этого моего... м-м... персонажа... из-за которой его, собственно, из пекла и поперли. Вот послушайте. Запросил некий клиент за душеньку свою — ни много ни мало — миллион...

— Долларов?

— Нет. Доллар тогда стоил шестьдесят с чем-то копеек...

— Свят-свят-свят! Это вон аж когда было?..

— Вот именно! И, представьте...

— Стоп! — безжалостно прервал я. — Неувязка номер раз. В ту пору все поголовно исповедовали атеизм. А безбожнику так и так ада не миновать... Какой тогда смысл приобретать душу?

— Да, — признал он. — Но, понимаете, случай был особый. Клиент — актер театра музкомедии, крещеный, подрабатывал в церковном хоре...

— Ну допустим... — подумав, согласился я. — Дальше...

— И все бы ничего, попроси он миллион — и только! Сами понимаете, с миллионом рублей наличными в Стране Советов путь один — к стенке. А он, стервец такой, в довесок к миллиону (точь-в-точь как вы говорили) догадался поставить условие: трачу деньги безнаказанно... Вот вы бы как поступили на месте черта?

Я пожал плечами.

— Сплавил бы клиента за «железный занавес»... в капстрану какую-нибудь...

Глаза моего собеседника вспыхнули.

— Вот! — торжествующе вскричал он. — То есть пошли бы по линии наименьшего сопротивления... А мой знакомый убедил клиента чуток подождать, а он-де пока быстренько развалит Союз и построит в России капитализм!

— Ничего себе — быстренько! — подивился я. — Это ведь пришлось бы лет десять—пятнадцать ждать... Как же клиент-то согласился?

— А в договоре сроки не были указаны!

— Неплохо! — вынужден был признать я.

— Это что! — в полном восторге вскричал мой собеседник. — Он ведь его и с миллионом нагрел! Вы инфляцию учитываете? Да к тому времени пара ботинок миллион стоила!

— Тогда неувязка номер два, — сказал я. — Такого работника — и гнать из пекла? А формулировка?

Собеседник нахохлился, помрачнел, взялся за кружку.

— Формулировка дурацкая! — с отвращением буркнул он. — Нарушение профессиональной этики! Уроды... — Помолчал — и вдруг умоляюще вскинул глаза. — Может, возьметесь, а? У вас бы получилось, я знаю! А я вам все про него расскажу: и как он искусственную почку Андропову отключил... и как Горбачева в генсеки пропихивал...

Я смотрел на него и отрицательно мотал головой.

— Почему? — жалобно спросил он.

— Опять политика, — сказал я. — Меня и так уже критики достали! Говорят, что я скорее сатирик, чем фантаст. Чуть ли не публицист... А сами написать не пробовали?

— Да пробовал... — безрадостно отозвался он. — Не получается. Пока рассказываю, вроде складно выходит, а сядешь за клавиатуру...

— А вы на диктофон, — посоветовал я.

— И на диктофон тоже. Только включу — слова пропадают, мысли разбегаются... Может, все-таки...

— Нет-нет! — решительно сказал я, стараясь не замечать его искательного взгляда. — Даже и не просите! Тема хорошая, но не моя. Не обижайтесь...

— А я на вас так рассчитывал... Думал: прочтут, поймут...

И столько неподдельной горечи прозвучало вдруг в голосе незнакомца, что я невольно вскинул глаза. Уныло склоненные рога, бессильно упавший хвост — все это производило самое удручающее впечатление.

— Простите, но... Ничем не могу помочь.

Фраза далась мне с трудом.

Delirium tremens
(Страсти по Николаю)

Разве возможно бы было, что-бы люди непьяные спокойно делали все то, что делается в нашем мире, — от Эйфелевой башни до общей воинской повинности?

Лев Толстой

начале был голос из санузла. Мужской. Незнакомый.

— У, ал-каш! — с невыносимым презрением выговорил он. — Не пьешь ведь уже, а с посудой глотаешь!

Николай Цоколев, бывший интеллигентный человек на излете физических и нравственных сил, сперва оторопел, потом обмяк. Точно зная, что говорить в туалете некому, он все же приоткрыл дверь и в страхе уставился на желтоватый унитаз без крышки.

Сердце оступилось в некую довольно глубокую яму и несколько секунд безуспешно оттуда выкарабкивалось.

Выкарабкалось. Николай перевел дух. Однако стоило прикрыть дверь, как голос возник снова.

© Евгений Лукин, 1995

— Люди рук не покладают! — наслаждаясь выверенными актерскими интонациями, продолжил он. — Миллиарды крадут! На нобелевку тянут! А тебе за бутылкой лень сходить — Нинку послал, кор-роед!

Колян ужаснулся и, поражаемый голосом в почки, трусливо зашкандыбал по коридорчику. Добравшись до комнаты — обмер. Из форточки с чисто фрейдистским бесстыдством торчал ствол артиллерийского орудия, увенчанный мощным дульным тормозом.

— До пушек вон уже допился! — уел вдогонку голос из санузла.

Колян рухнул в кресло и, замычав, смял лицо ладонью. Откуда, откуда голос все про него знает? Да, короед... Да, допился до пушек... А ведь подавал надежды — ссуды брал, фирму «Аффикс» хотел основать... На филологическом факультете учился...

— На фи-ло-ло-ги-че-ском... — горестно шептал Колян, и звук «ф» пришептывался так жалостно, что слезы сами катились из глаз.

Но тут в замке заерзал ключ — кто-то боролся с входной дверью.

— А-ап!.. — испуганно подавился голос и умолк.

Цоколев отвел трясущуюся мокрую ладонь и с надеждой взглянул на дульный тормоз: может, тоже испугается да исчезнет? Увы, нет. Державный стальной фаллос, похоже, обосновался в форточке надолго.

Дверь отворилась, и в комнату решительной ныряющей походкой вошла Нинка Ремизова, хозяйка квартиры.

— Все, Цоколев! — ликующе объявила она, со стуком выставляя бутылку на стол. — Кончилась твоя лафа! Такого я себе мужика оторвала! Золото — не мужик! Короче, сегодня переночуешь, а завтра собирай манатки!.. Витюлек! — крикнула она в прихожую. — Чего жмешься! Давай заходи!

Вошел субтильный козлобородый Витюлек. Был он в дымину пьян и, застенчиво улыбаясь, беспрестанно разводил руками: дескать, прости, друг, так уж вышло...

— Чего молчишь? — насупившись, спросила Нинка бывшего сожителя.

— Нин... — Страдальчески надломив брови, Колян смотрел на дульный тормоз. — Слушай, вон там в окне... Пушка есть или нет?

Нинка повернулась и уставила в форточку недоуменные, как у свежепойманной рыбы, глаза. Со временем она, возможно, что-нибудь там и увидела бы, но тут заговорил Витюлек.

— Господа... — с кроткой улыбкой начал он как бы в беспамятстве. — Семьдесят лет неверия — это трагедия! Что мы видели до гонения на церковь? Мы видели чертиков, господа. И точно знали, что у нас горячка... Что мы видим теперь? Мы видим пушку в форточке и ни-че-го не можем понять. Что это? Галлюцинация или снова путч?

Он закатил огромную вопросительную паузу, но ответа не получил. Пушка тоже пока молчала.

— Симпатичный, правда? — очарованно глядя на Витюлька, спросила Нинка. Затем оглянулась на бывшего сожителя и посуровела. — Чего сидишь — ручки поджал? Открывай давай!

Колян освободился от кресла, встал и, со страхом глядя на пушку, подобрался к столу. Водочная пробка, словно издеваясь, долго виляла скользким хвостиком. Наконец поддалась.

— За что пьем? — спросил Колян с таким отчаянием, что фраза обрела несколько неожиданный смысл. Действительно: за что? В чем провинились, Господи?

Витюлек с готовностью поднял граненую стопку и выпрямился во весь свой незначительный рост. Лихо отставил локоток. Стопка в его изящной ручонке казалась стаканом.

— Это символично — пушка в форточке, — объявил он в припадке вдохновения. — Это веление времени. Время велело: в каждую форточку по пушке! Часто приходится слышать: а вот в нашей форточке пушки нету... Ка-кая слепота! Она там есть, господа, она там есть! Даже если мы в данный момент ее не видим, она присутствует в наших форточках незримо... Я знаю, многие возмутятся. Они пойдут на улицы, они будут требовать: «Уберите пушку из нашей форточки!» Но, господа... — Лицо Витюлька омылось ласковой улыбкой. — К ней можно и привыкнуть... Вглядитесь в нее, господа! По-своему, по-артиллерийски, она даже красива...

— А... проверить?.. — Колян затрепетал.

Витюлек прервал тост и, запрокинув бороденку, вперил взор в дульный тормоз.

— Присутствует ли данная пушка в данной форточке как физическое тело?.. — озадаченно переспросил он. — Это непросто. Это далеко не просто, господа... На втором этаже мы могли бы прибегнуть к логике, поскольку до форточки второ-

го этажа не всякая пушка достанет... Можно еще, конечно, эмпирически, то есть на ощупь... Но, во-первых, это надо вставать на цыпочки... А во-вторых, где гарантии, что она не померещится нам и на ощупь тоже? — Витюлек уронил и тут же вскинул голову. Получилось задумчиво и красиво. — И все же способ есть! — радостно возгласил он. — Выпить, господа! Мы слишком резко бросаем пить. Мы не щадим организм, и на грубое насилие он отвечает галлюцинациями. Поэтому как только померещилось — надо еще по чуть-чуть. Господа! Именно за это я и предлагаю поднять бокалы!

Несколько ошарашенные тостом, все выпили и оглянулись. Пушечный ствол торчал из форточки по-прежнему. Посмотрели вопросительно на Витюлька — и обнаружили, что на столе стоит нетронутая стопка, а сам Витюлек пропал бесследно. Вот он-то и был, как выяснилось, плодом белой горячки...

— Зла не хватает, — басила Нинка, немигающе глядя на ополовиненную поллитру. — Главное, еще когда вела, ну чуяло мое сердце: не бывает таких мужиков.

Нахмурилась и вздохнула — шумно, как лошадь.

— Нин... — тянул свое Колян. — Ну что ж такое? Пьем-пьем, а она все не исчезает и не исчезает...

Затрещав стулом, Нинка повернулась и тяжко воззрилась на пушку.

— Тоже мне мужик! — презрительно выговорила она. — Не знаешь, как это делается?

Встала, ухватила прислоненную к стене швабру и шандарахнула ею по дульному тормозу, думая, надо полагать, таким образом развеять видение. Металл отозвался мощно и гулко.

Нинка въезжала в ситуацию.

— А-а?.. — зловеще протянула она. — Ты на танке — в хату? Вот как выну тебя сейчас из бронежилета...

И со шваброй в руках решительной ныряющей походкой устремилась из комнаты. Хлопнула дверь.

Николай Цоколев, растроганно развесив крылья, смотрел на дульный тормоз. В это не верилось, но все проблемы, похоже, решились сами собой. Голос — умолк и больше не упрекал. Пушка вроде бы оказалась настоящей. Витюлек... Вот Витюлька, честно говоря, было жалко до слез. Ну, горячка... Мало ли что горячка! Редкой ведь души человек!..

«Эмпирически... — с нежностью вспомнил Колян. — То есть на ощупь...» Он поднялся, доковылял до окна и, рискуя утратить равновесие, встал на цыпочки. Обхватив обеими руками прохладный шершавый металл, запрокинул лицо и скосил глаза в черное гулкое жерло.

— Колян... — испуганно прошелестело оттуда. — Слышь, Колян...

— А? — не менее испуганно отозвался Цоколев.

— Рви когти, Колян... Сосчитали тебя, понял?..

Руки сами собой разжались, и Цоколев, рухнув на пятки, едва устоял на ногах. «Сосчитали...» — вновь ужаснувшись, мысленно повторил он и огляделся.

Рвать когти!

Куда?

На улицу, к Нинке...

Стены коридорчика были как намагничены: стоило сделать неверный шаг — и Коляна буквально присасывало к обоям.

— Что? Достукался? — злорадно осведомился из санузла осмелевший в отсутствие хозяйки давешний мужской голос. — Сосчитали голубчика?

Цоколев шарахнулся, отлип от стены и толкнул незапертую дверь. Рискуя жизнью, сверзился с пятиступенчатой лестницы и выпал из подъезда во двор.

Дом был оцеплен бронетехникой. Угрюмые танки и серо-зеленые бородавчатые бронетранспортеры напоминали припавших к земле динозавров. Трудно сказать, из каких глубин генетической памяти всплыл этот образ. Откуда, в самом деле, филологу Цоколеву было знать, как выглядит динозавр в засаде?

Но что самое жуткое — все стволы целились именно в Коляна. Прямой наводкой.

Облился потом, попятился и тут же уразумел, что из-под прицела так не выйдешь. Ринулся вправо. Взвыв, дернулись орудийные башни, скрипнули турели крупнокалиберных пулеметов — и Цоколев снова оказался на мушке.

«Сейчас шарахнут... — безвольно обмякнув, подумал он. — Нина, где ты?..»

Нинки нигде видно не было. Неужели... Колян осмотрелся, страшась углядеть где-нибудь неподалеку свежую воронку, обломки швабры и растерзанное разрывом тело. Но воронок (как, впрочем, и тел) во дворе не наблюдалось.

Подъезд унесло шагов на десять. «Не дойду», — с отчаянием подумал Колян. Однако дошел. Ввалился внутрь и, хватаясь за перекрученное железо перил, полез вверх по пяти бесконечным ступеням.

Сосчитали...

Как нелепо, как страшно!..

Зачем жил? Страдал! Мыслил! Ссуды брал!..

— Ну ты где ходишь? — сурово осведомилась Нинка, непонятно каким образом снова оказавшаяся в квартире. Швабра стояла прислоненная к стенке. Из форточки угрюмо торчала все та же пушка. Пьяный в дымину Витюлек застенчиво ежился и, обаятельно улыбаясь, разводил руками.

— Т-там... — кривясь от ужаса, выговорил Колян. В позе иероглифа он лепился вдоль косяка.

Нинка насупилась:

— Чего морду скуксил? Давай вон разливай лучше!

У Коляна тряслись губы.

— Сосчитали меня!.. — Голос его сорвался в рыдание.

У Витюлька мистически просияли глаза, и он мигом наполнил стопки.

— Сосчитали! — воскликнул он, выпрямляясь и лихо отставляя локоток. — Это отрадно! Это знакомо до слез! Сосчитали... Но, господа! Мы все сосчитаны уже с момента рождения... Нет! С момента зачатия! Именно тогда начинают поступать на нас из женской консультации первые материалы... О нас помнят! О нас беспокоятся! И какой это ужас, господа, когда по чистой случайности мы остаемся иной раз несосчитанными!.. Юноша идет в армию, а там ему говорят: «Вас нет в списках. Восемнадцать лет назад военком праздновал День Победы и забыл, понимаете, забыл внести...» И я спрашиваю вас: как ему теперь жить дальше, этому юноше? Это трагедия, господа! Если он даже захочет отдать жизнь за Родину, то просто не сможет этого сделать. Разве что в частном порядке...

Колян подобрался к столу, сграбастал стопку и упал на табурет, не сводя с тамады завороженных глаз. Он понимал, что никакого Витюлька нет, что Витюлек — просто-напросто белая горячка, но черт возьми! Как говорит! Век бы слушал...

— Вы скажете: да, но ведь дом окружен бронетехникой! — вскричал Витюлек. Колян вздрогнул и чуть не расплескал водку. — Тем трогательнее, господа, тем трогательнее! В послед-

нее время Родина о нас почти забыла. — На ресницах оратора блеснула слеза. — На нас не стучат, нас никуда не вызывают. Могут, правда, застрелить на выходе из подъезда, но опять-таки — как бы в частном порядке... Господа! — прочувствованно закончил он. — Я предлагаю выпить за то, чтобы мы всегда были друг к другу внимательны.

Цоколев прослезился. У него даже защемило сердце при мысли, что вот выпьет сейчас Витюлек — и снова исчезнет.

Ничуть не бывало. По-прежнему держа локоток на отлете, Витюлек лихо кувыркнул стопку в рот — и ничего не случилось.

«Ах да, — вспомнил Колян. — Это ведь я должен выпить... Не буду!»

Он решительно отставил водку, но тут на него прикрикнула Нинка.

С неохотой и сожалением Цоколев выцедил мерзкий самопал, оставив, однако, левый глаз приоткрытым, чтобы не пропустить момент исчезновения. И опять промахнулся. Гость исчез лишь после того, как выпила сама Нинка. Впрочем, оно и понятно: Витюлек ведь был порождением ее фантазии. Так сказать, мужчиной ее грез...

А потом и Нинка куда-то пропала. Наверное, вышла. Оставшись вновь наедине с дульным тормозом, Колян затосковал. Ну почему? Почему Витюлек — горячка, а пушка — реальность? Почему не наоборот? С ним так хорошо, а с ней так неуютно! Ну не вписывается она в квартиру, хоть убей...

Колян всхлипнул и, взяв бутылку за горлышко, поглядел на просвет. На донышке еще плескалось.

«Вот так и мы, — подумалось ему. — Живем-живем, а потом смотрим: жизни-то — чуть на донышке...»

Хотел зарыдать, но тут возникла из воздуха ухватистая лапа, изукрашенная синеватыми крестиками, перстнями, датами, именами, и бутылку решительно изъяла. Колян даже рыдать раздумал.

Поднял голову и увидел перед собой двух рослых незнакомцев, один из которых неспешно прятал в карман отмычку, а другой брезгливо рассматривал водочную этикетку. Потом простер руку и, повторяя беспощадный жест Нерона, повернул бутылку горлышком вниз. Водка что-то пролепетала торопливо — и вылилась.

— Ну ты, начитанный! — тихо и задушевно обратился изверг к Николаю. — Минздрав предупреждает: завязывай бухать! Шланги вырву и на кулак намотаю, понял?

— Паяльничком его, паяльничком! — подтявкнул голос из санузла.

Незнакомцы изменились в лице и переглянулись. Владелец отмычки нахмурился, вышел в коридор, скрипнула дверь туалета — и в тот же миг Коляна изумил истошный вопль, впрочем, быстро перешедший в хрип... Слышно было, как убийца открывает кран в ванной и моет руки.

Цоколев сидел окаменев.

— А не вякни он из сортира, — назидательно молвил татуированный, — глядишь — и жив бы остался...

Вытирая руки о штаны, вернулся тот, что с отмычкой. Недобро взглянул на Цоколева.

— Тебя... — мечтательно процедил он. — Тебя, а не его, замочить бы...

— За что? — прошелестел Колян сухим горлом.

Лицо у незнакомца дернулось.

— Родина гибнет! — хрипло сказал он. — Союз распался, Россия по швам трещит, а тебе все мало, глотка твоя луженая?! Ну вот хоть каплю еще выпей, Цоколев, хоть пробку еще лизни...

Закончить угрозу ему не удалось. Бесшумно ступая, в комнату вошли человек пятнадцать — все самого разного возраста, разного телосложения, по-разному одетые, однако род занятий был как бы оттиснут на лбу у каждого крупным шрифтом.

При виде них оба рэкетира отпрыгнули в угол. Растопыренные правые пятерни (одна — татуированная, другая — не очень) застыли на полдороги под левые мышки.

— Ребя-ата... — с ласковой отеческой укоризной пророкотал, обращаясь к ним, один из вошедших — огромный и пожилой, в прошлом, должно быть, борец-тяжеловес. — Вы же еще совсем молодые... Вам же еще жить да жить... Ну зачем вы мешаетесь в такие дела?.. Ну пьет человек — и пускай себе пьет. Себя не жалко — так о матерях своих подумайте. Матерям-то горе какое будет!..

— Постой-постой! — выскочил вдруг вперед крепколицый щербатый калмык с пластикой каратиста. — Я ж тебя знаю! — крикнул он, тыча пальцем в того, что с отмычкой. — Ты ж мент!

Бледный с прозеленью рэкетир отпрянул.

— Пацаны! — отчаянно закричал он. — Бля буду, во внутренних войсках служил, а в ментовке только дослуживал!

Огромный пожилой крякнул, словно гранату взорвал, и оглянулся на Цоколева.

— Ну вот... — недовольно молвил он. — Нашли, понимаешь, место для разборки! А ну двинули отсюда, чего хозяина беспокоить... Да! А ящик где?

Двое громил внесли и звучно выставили на стол пластмассовый ящик водки.

— Ты, Коля, их не слушай, — громыхнул добродушно бывший борец. — Пей, Коля, пей. А с ними сейчас разберемся. Они больше не будут...

Комната опустела. Николай где-то еще с минуту сидел неподвижно, затем заставил себя подняться и выбрался в коридорчик. Заранее содрогаясь, приотворил дверь туалета — и долго смотрел на желтоватый унитаз без крышки.

Прикрыл, прислушался с надеждой.

— Ну скажи что-нибудь... — жалобно попросил он. — Обругай...

Голос молчал. Николай всхлипнул.

— Гады... — сказал он. — Гады... За что?..

За спиной гулко звякнуло. Николай повернулся и побрел в комнату, догадываясь уже, кого он там увидит.

Витюлек, застенчиво улыбаясь, снимал пробку. Нинка угрюмо, как пушка в форточке, смотрела на пластмассовый ящик.

— Где взял? — отрывисто спросила она.

— Принесли, — выдавил Колян и снова всхлипнул: — За что?..

— За что? — живо переспросил Витюлек и встал, держа локоток на отлете. — А действительно — за что? Кому, я спрашиваю вас, мешал голос из санузла? Звучный бархатный баритон — кому?.. Пришли, замочили... Страшно это все, господа, просто страшно... — Витюлек позволил себе скорбную паузу. — Можно, конечно, успокоить себя, сказать: «Ну и что? Одна белая горячка замочила другую. Вдобавок явно по ошибке. Делов-то!..» Но я заклинаю вас, господа: бойтесь подобных рассуждений! Ведь так легко ошибиться и спутать нашу реальность с белой горячкой! Они не просто неотличимы друг от друга — они тождественны!.. Это трагедия, господа! В мире бреда идет борьба, и борьба беспощадная. Одним необходи-

мо, чтобы Николай Цоколев бросил пить, а другим — это нож острый. Или — или. Или демократия, или фашизм. Третьего не дано.

Ошеломленный Колян хотел перебить, но Витюлек возвысил голос:

— «Как? — воскликнете вы. — Стало быть, не только пушка, но и вся окружающая нас реальность — белая горячка Николая Цоколева? Какой кошмар!..» Вот именно, господа, вот именно! И кто бы другой сумел допиться до такого кошмара? Сон разума рождает чудовищ. Взгляните хотя бы на наших лидеров, господа! Взгляните — и ваши сердца содрогнутся при мысли о том угарном мучительном похмелье, которое пришлось пережить Николаю Цоколеву!

Витюлек приостановился, давая возможность Коляну покрыться мурашками. Нинка слушала и кивала с улыбкой физического наслаждения. Смысл речей Витюлька, по всей видимости, до нее не доходил, но интонации ласкали слух.

— «Как? — воскликнете вы вторично. — А наше прошлое? Что же, и великая русская история — тоже, выходит, горячечный бред Николая Цоколева?.. Призвание варягов! Переход Суворова через Альпы!..» Ка-нечно, нет! Николай Цоколев велик, но такое не под силу даже ему. Наша история всегда была, есть и будет плодом всенародной, я бы сказал, соборной белой горячки! Вспомним Владимира Святого, господа. Народная мудрость гласит: когда кажется — креститься надо. Какие же глюки явились нашим предкам в 988 году, если пришлось креститься всею Русью?! Нет, нет и еще раз нет! У кого повернется язык повесить на Николая Цоколева такой похмельный синдром, как покорение Туркестана или, скажем, щит на вратах Цареграда?.. Но за нынешний бардак, за развал страны, за разгул мафии, за резню на окраинах... — голос Витюлька зазвенел и оборвался — белой горячке не хватило дыхания, — ...за все это, увы, несет ответственность именно Николай Цоколев! Спорить тут не о чем — сегодня утром его сосчитали. И стоит ли удивляться, если к нему теперь врывается то одна группировка его похмельного синдрома, то другая; грозит оружием, ставит водку!..

Николай плакал.

«Подонок... — задыхаясь от жгучей ненависти и сладкой жалости к себе, любимому, думал он. — Какой же я подонок!..

Давить таких надо! Сунуть голову в водопроводный люк — и крышкой, крышкой!..»

Потом из общего мрака проглянула крохотная хитренькая надежда.

— А демократы... хотят, чтобы я не бросал, да?..

Витюлек вздернул бороденку и приспустил локоток.

— В сущности, все эти фантомы хотят одного и того же. Они хотят власти, господа. А уж к какому лагерю кто прибьется — это вопрос случая.

— А-а... эти? — Колян робко указал вытаращенными, нацеленными глазами на пушку.

— Армия пока колеблется, — сухо ответил Витюлек. — Все зависит от дозы, которую примет Николай Цоколев.

— А какую надо принять?.. — затрепетав, спросил Колян.

— Как же, примешь с вами! — грозно вмешалась Нинка. — Вот за что мужиков терпеть не могу: как сойдутся — так сразу давай про политику!..

Витюлек немедленно обрел выправку и вернул локоток на отлет.

— Господа! — прочувствованно молвил он. — Я предлагаю выпить за душевный покой Николая Цоколева как за гарантию прочного мира в стране и за ближними рубежами!

— Только ты не исчезай, ладно?.. — взмолился Колян.

— Не буду, — заверил Витюлек и не солгал. Все, включая Нинку, выпили, а он как стоял — так и остался стоять.

— Ты... закусывай, — всполошился Колян, пододвигая Витюльку крупно, по-буденновски порубленный салат. Хотя, если уж на то пошло, салат бы следовало подсунуть не Витюльку, а Нинке. Но, впрочем, в поступке Коляна тоже была своя логика: то и дело исчезая сразу после тоста, тамада запросто мог спьянеть без закуски.

— Благодарствуйте... — Витюлек мило улыбнулся. Придвинул табурет поближе к столу, сел и с удовольствием захрустел куском огурца.

Колян глядел на него со слезами умиления.

— Да, но... как же?..

— А очень просто, — любезно отозвался Витюлек, уплетая салат. — Ко мне уже привыкли, горячка пустила корни. Со мной теперь одной стопкой не сладишь.

Колян смутился.

— Ну зачем же... так-то... о себе-то...

— Давайте будем называть вещи своими именами! — предложил Витюлек, отодвигая тарелку и явно заходя на следующий тост. — Да, я — белая горячка, но в отличие от остальных не боюсь себе в этом признаться...

Колян поспешно наполнил стопки. Витюлек встал и, выпрямившись, принял любимую позу.

— Господа! — начал он на высокой ноте. — Подойдите к зеркалу, загляните в него, господа, и спросите себя: «Мог такой человек возникнуть в иной среде, кроме чьей-либо воспаленной подкорки?» Не спешите с ответом! Положите руку на сердце, установите внутреннюю тишину... Вы ахнете, господа, вы попятитесь! И будете совершенно правы. Да! Горячечные видения порождают друг друга... Возьмем того же Николая Цоколева! Имелся ли шанс у этого беспомощного интеллигента выжить в условиях страшного мира, созданного в беспамятстве им самим? Да ни малейшего, господа!.. Взгляните окрест себя! Кругом инфляция, безработица, кривая преступности становится на глазах прямой и отвесной... И вот в воображении Николая Цоколева возникает образ существа, которое бы заботилось о нем, кормило, поило и даже ходило бы иногда на работу... Я говорю о хозяйке дома, об очаровательной Нине Петровне.

Нинка так и расплылась от удовольствия.

— Ну уж прямо... — зардевшись, пробасила она, улыбаясь собственному бюсту.

— Так... это... — забеспокоился вдруг Колян. — Тогда выходит, что и меня тоже кто-нибудь... ну... вообразил...

— Вне всякого сомнения, — любезно отвечал Витюлек.

Секунду Колян сидел неподвижно. Мысль усваивалась трудно, рывками.

— Кто?.. — хрипло выговорил он наконец, хватаясь за край столешницы и норовя встать. — Какая сука?..

— Цыть! — прикрикнула Нинка на сожителя. — Чего тост портишь?

Колян оползнул на место.

— За Нину Петровну, господа! — провозгласил Витюлек, игриво качнув стопкой. — За Нину Петровну, которой я обязан своим существованием! Не будь ее, не было бы и меня. — Он приостановился и окинул стол орлиным оком. — Господа офицеры и дворяне пьют стоя! Хамы и дамы — сидя!

Колян поморгал и мешковато поднялся. Нинка на правах дамы осталась сидеть.

Стопки почти уже коснулись губ, когда входная дверь слетела с петель от страшного удара каблуком, и в комнату ворвались пятеро в камуфле и в черных наголовниках с прорезями для глаз. Замерли, рассыпавшись полукольцом. Дула коротеньких автоматов зияли в упор.

— Не двигаться! — напряженным голосом скомандовал старший. — Медленно поставить стопки на стол! Ме-едленно, я сказал!..

— Медленно! — тут же воскликнул Витюлек, вскидывая локоть. Видимо, все-таки отозвалось пренебрежение закуской. — Конечно же, медленно! Нас губит спешка, господа, спешка во всем!..

Омоновцы, несколько ошалев от такой неслыханной отваги, уставились на Витюлька, и Колян, зажмурившись, метнул водку в рот.

Секунду стоял, с ужасом ожидая грохота автоматной очереди, потом осторожно разжал веки. В комнате не было уже ни омона, ни Витюлька, ни даже Нинки. Колян пошатнулся и сел на табурет. Отер лицо кулаком с судорожно зажатой стопкой.

— А ты все торчишь?.. — зловеще спросил он у дульного тормоза. — Дозу ждешь? Ну будет тебе сейчас доза...

И, оттолкнув стопку, налил себе стакан. Всклень. С горкой.

За железной дверью

— Не по-нял... — сказал Кирилл и, туго наморщив лоб, тронул кончиками пальцев замочную скважину. Точь-в-точь усомнившийся апостол Фома с той известной картины, где он влагает перст в одну из Христовых ран.

Собственно, дверь была как дверь — с глазком, железная, на массивных петлях. В любом подъезде, на любой лестничной площадке обязательно столкнешься с подобным страшилищем. Времена тревожные — бережется народ, грабежей опасается...

Однако в данном случае гулкий траурно-черный пласт железа защищал не квартиру в целом, а лишь одну из двух ее комнат. На общем же входе было навешено вполне заурядное древесное полотно, обитое снаружи дерматином. Вышибить пинком — раз плюнуть.

— Вы там что, брильянты храните?.. — спросил Кирилл, вновь обретая дар более или менее связной речи.

Олежка Волколупов насупился, неприязненно покосился на железное

© Евгений Лукин, 2000

чудовище, и Кирилл сообразил наконец, что и впрямь вложил персты в рану.

— Дура... — обиженно буркнул Олежка. — Месяц назад взяла и навесила. Дескать, жить уже со мной боится...

— А-а... — Кирилл ошарашенно покивал. Мало того, что угрюмая железная дверь, разделяющая законных супругов, сама по себе представляла завораживающее зрелище — она еще и хранила следы недавнего взлома. Замок — разворочен, край листа — приотогнут. Не иначе — ломиком вскрывали. То есть при всей своей внушительности эта броня даже и защитить никого не могла, поскольку запереться в комнате изнутри было теперь просто невозможно.

— Ключ посеяла... — не дожидаясь вопроса, хмуро пояснил Олежка. — Мне же и ломать пришлось...

Не зная, как себя вести в таких случаях, Кирилл покачал головой и, соболезнующе покрякивая, проследовал за хозяином в большую комнату. Кажется, дела у Маринки с Олежкой шли к разводу... Жаль. Хорошие ребята, а вот поди ж ты...

Маринка ему нравилась еще в институте. И не ему одному. Гладкое, крепкое личико, высокая шея, осанка... Помнится, Кирилл изрядно был удивлен, а то и обижен, когда она вдруг взяла и выскочила на последнем курсе замуж за этого увальня. Но Олежка, Олежка! Вроде никогда буяном не был...

— Садись, чего стоишь? — с досадой оглядев собственное жилище, бросил хозяин. — А я пока пойду по сусекам поскребу...

Кирилл, однако, предложением его не воспользовался и, пока друг Олежка скреб по сусекам, с нездоровым любопытством исследовал комнату. Впечатление складывалось странное... Вот, например, кресло. Прекрасное кресло — несомненно, часть гарнитура, а где же сам гарнитур? За железной дверью?

— Что пить будешь? — сердито крикнул из кухни Олежка, выгружая из холодильника обильную, судя по звяканью, выпивку и закуску.

— А что нальешь, — машинально отозвался Кирилл, изучая содержимое посудной горки. — Кроме цикуты, конечно...

Горка была новенькая, только что приобретенная. В посуде же наблюдался явный недочет и разнобой... Кирилл неуверенно хмыкнул и попытался вообразить следующую сцену: пьяный хозяин стоит с перекошенной мордой посреди комна-

ты, ворочая налитыми кровью глазами. «Мое... — с ненавистью хрипит он. — Все мое... На мои деньги куплено...» С натужным стоном отрывает кресло от ковра — и вдребезги крушит хрусталь... А в это время зареванная супруга, отгородясь от беды железной дверью, лихорадочно набирает номер местного отделения милиции...

Картина, конечно, колоритная, в духе Шмелькова... Однако в том-то все и дело, что ни Маринка, ни Олежка в роскошное это полотно решительно не вписывались... Или уже вписались?

— Да бери какие попало... — ворчливо произнес за спиной вернувшийся из кухни Олег.

Кирилл нашел пару одинаковых стопок и два более или менее похожих фужера.

— А Мишка Локис в патриоты подался, слышал? — сказал он, водружая посуду на стол.

Олежка обернулся, уставился.

— С ума сошел? — испуганно осведомился он, непонятно кого имея в виду: то ли Мишку Локиса, то ли самого Кирилла. — С такой фамилией — в патриоты?

— Доказал, что русский, из крепостных, — ухмыляясь, пояснил Кирилл. — Дескать, прапрадед у него то и дело баб в рощу уволакивал, ну а помещик начитанный — Локисом прозвал. С тех пор и пошло...

— Оборотни... — угрюмо сказал Олежка и вскрыл коньяк.

Кирилл засмеялся.

— Не принимай близко к сердцу, — посоветовал он. — Каждый устраивается как может...

Они выпили за встречу и закусили фаршированными оливками.

Несмотря на сверхкороткую стрижку в сочетании с ширящейся лысиной, Олежка Волколупов был и внешне вполне еще узнаваем: тот же толстячок с медвежьими ухватками и лицом обиженного ребенка.

— А Томка на рынке мясом торгует, — расстроенно сообщил он.

— Какая Томка?

— Савина.

— Хм... — неопределенно отозвался Кирилл. Томку Савину он, честно сказать, помнил плохо. Кажется, такая головастая, коренастенькая. — И что?..

— Ничего... Глаза прячет, боится, как бы кто знакомый не узнал... Ну, понятно: из редакторов — и вдруг в торговки! Подошел я к ней, поздоровался... «А Игорь, — спрашиваю, — что делает?..»

— Игорь?.. Позволь-позволь... Напомни...

— Да муж ее!.. — Олежка недовольно мотнул головой. — Подручным сталевара был. Спрашиваю: «Чем он занимается-то?» Смотрю: а у нее улыбка какая-то... Не знаю, беспомощная, что ли?.. «Людей, — говорит, — убивает». — Я: «Как?» — «А вот так, — говорит. — В киллеры подался...»

Муж — киллер, а жена мясом торгует? Шуточка о совместном предприятии напрашивалась сама собой, но, взглянув на мрачное лицо хозяина, Кирилл от хохмы решил воздержаться. Надо полагать, чувством юмора Олежка Волколупов с годами так и не разжился.

— Бывает, — с серьезной миной утешил Кирилл, увенчивая бутерброд парой оливок. — По нынешним временам... Еще и не то бывает...

— Вот и благоверная моя так же говорит... — буркнул в ответ Олежек и потянулся к бутылке.

Ага... Кирилл еще раз украдкой осмотрел комнату. Нет, все равно непонятно... У жены — одни взгляды на жизнь, у мужа — другие, но чтобы железную дверь из-за этого навешивать?.. Может, просто спился Олежек?..

С угрюмым сопением хозяин разлил коньяк по стопкам — и вдруг настороженно повел ухом. В замке входной двери шуршал ключ.

— Ну вот... Легка на помине... — недружелюбно известил Олег, но встречать не пошел — даже со стула не поднялся.

Глядя на него, Кирилл тоже повременил вставать — просто обернулся, готовя улыбку.

Маринка поразила его нервным сухим блеском глаз. Конечно, возраст и ей не пошел на пользу, и все же, встреться они с Кириллом на улице, прежнюю Маринку в этой деловой даме он бы признал без колебаний.

— Кирюша? — несколько озадаченно проговорила она.

Кирилл вскочил, молодцевато кивнул, щелкнул каблуками — и был допущен к ручке.

— Ну, ты, мать, вообще не меняешься!.. — молвил он с удовольствием. — Молодец...

Ответив на комплимент беглой улыбкой, Маринка тут же ее пригасила и взглянула испытующе на супруга.

— Ну чего, чего?.. — немедленно заныл тот. — Тыщу лет не видались, случайно встретились...

Ого! Кирилл мысленно присвистнул. Вот это она его держит! Хм... Спрашивается: кто же от кого прячется во дни скандалов за железной дверью? Как там в пословице: не то диво, что жена мужа бьет, а то диво, что муж плачет?.. Ну-ну...

— Ты его не ругай! — комически заломив брови, вскричал Кирилл. — Я ж наглец, забыла? Сам напросился...

Маринка смерила его оценивающим взглядом.

— Ну сам — так сам... — загадочно изронила она и вышла из комнаты. В коридоре тихонько лязгнула железная дверь.

Олежка понял, что оплошал, начав оправдываться при госте, и поспешно насупился:

— А Ленку где оставила?..

— У дедов заночует... — последовал равнодушный ответ, и вскоре Маринка появилась вновь. Широкоплечий белый пиджак с металлическими пуговицами она сменила на долгополый домашний халатик с глубоким вырезом. — В компанию-то принимаете?

Так кто же из них, черт возьми, навесил в дверном проеме эту железяку? По всей видимости, Маринка — но зачем? Вроде бы Олежек вполне безобиден, вдобавок явно заискивает перед супругой. Да оно и понятно: как выяснилось, глава семьи третий месяц болтался без работы. То есть сцена с пьяным хозяином-самодуром, крушащим хрусталь мебелью, отпадала напрочь.

Оставалось предположить, что за истекшие годы Маринка стала окончательной стервой и хладнокровно подготавливается к разводу. У судьи даже вопросов не возникнет: ясно же, что от хорошей жизни броню между комнатами не устанавливают...

А с другой стороны, кто тебе, лапонька, виноват? Столько было вокруг рослых, остроумных, удачливых! Нет, выбрала себе какого-то, прости господи, недотыкомку...

— По-прежнему в газете? — спросила Маринка.

— Не-а... — с дурашливой ухмылкой отвечал Кирилл. — Круто ввысь пошел. Ты, мать, не поверишь, но я теперь в команде у одного депутата. Пресс-центром заведую...

— У которого? — с подозрением вскинулся Олежек.

— У Каторжанского.

— Ты ж демократов терпеть не мог!

— Я их и сейчас терпеть не могу...

— Начнете про политику — укушу обоих! — агрессивно предупредила Маринка. — Босяки! Вы когда правилам хорошего тона выучитесь? Ну кто же это глушит коньяк из водочных стопок?

Стол был немедленно сервирован заново, вместо хрустальных наперстков возникли широкие и довольно объемистые бокалы.

— Эй! — всполошился Кирилл. — Куда такие здоровые?

— Тебя ведь никто не принуждает по самый край наливать, правда? — с холодком отозвалась Маринка и тут же плеснула супругу коньяка чуть ли не до половины. А тот, будучи погружен в тяжкое раздумье, машинально принял бокал.

Так... Чем дальше, тем интересней! Она его что же... нарочно спаивает?

Не забывая приветливо улыбаться, Кирилл с любопытством изучал бывшую сокурсницу. Да, постарела... На высокой шее напряглись, натянулись жилы. Каждую шутку встречает надтреснутым и каким-то, воля ваша, тревожным смехом. Да еще этот сухой нервный блеск в глазах...

— По ящику вчера декана нашего показывали... — с тоской пожаловался вдруг Олежек. — Ну, Витютнева, Витютнева! Сергей Палыча... Так знаете, что говорит? «Эти, — говорит, — художники-модернисты наш православный крест правильно нарисовать не могут... Вечно он у них перекошенный какой-то получается. «Мы, мол, так видим». Это не они так видят, это им дьявол глаза отводит...» — Олежек поставил на край стола кулаки, скрипнул зубами и вновь замотал лысеющей, накоротко остриженной головой. — Тварь поганая!.. — рыдающе произнес он. — Ты же научный коммунизм преподавал! Как же ты можешь? Память отшибло?..

Кириллу стало неловко.

— Н-ну... — разочарованно протянул он, с укоризной глядя на бывшего сокурсника. — Ты чего? Олежк! Все помнить — это с ума сойдешь...

— Оборотни... — хрипло произнес Олежек и залпом оглушил свой коньяк. — Куда ни глянь... Одни оборотни...

— Смешной ты, ей-богу... — начал было Кирилл — и вдруг обратил внимание, что Маринка уже не сидит, а стоит. Секунду супруги Волколуповы пристально смотрели друг на друга. Потом напряжение спало. Олежек отвел глаза и обиженно нахохлился. Маринка помедлила и вновь опустилась на стул.

Решительно не понимая, что происходит, Кирилл осторожно прокашлялся.

— Я, собственно, о чем?.. — с запинкой продолжил он. — Мало ли, что было раньше... Было, да прошло... Настоящим жить надо...

Почувствовал, что порет лютую банальщину, и, устыдившись, выпил. Пора было спасать репутацию.

— Нет, разбаловались мы в застой, — небрежно заметил он, заходя на старую, надежную, бог знает когда придуманную шутку. — Во жизнь была! Очевидное — невероятное. Куда бы ты ни шел, ты идешь навстречу очередному съезду КПСС...

Маринка засмеялась и с восхищением взглянула на гостя. Ободренный Кирилл повернулся к Олегу.

— Так что, Олежек, это не мы оборотни — это время оборотень. Кстати, историей своей про сталевара ты меня не удивил нисколько...

— Сталевара? — не поняла Маринка. — Какого сталевара?

Олежек помялся, заглянул в пустой бокал, немедленно ставший полным, и нехотя повторил свой рассказ о встрече с Томкой Савиной. Маринка слушала с нескрываемым сомнением.

— Станет тебе жена киллера мясом торговать! — резонно возразила она. — Ты вообще заработок киллера представляешь?

Олежек хотел ответить, но не смог — хмелел на глазах. Да что же это она делает? Себе и гостю — по двадцать капель, а мужу — полной мерой. Кирилл всполошился и, сделав вид, что по-прежнему ничего не замечает, принялся пересказывать особо идиотические казусы предвыборной кампании. Олежка клевал носом. Маринка нервно смеялась и лукаво поглядывала на Кирилла.

Чего же она все-таки добивается? Мужа — под стол, гостя — в койку?.. Предположение было настолько ошеломительным, что Кирилл запнулся на полуслове. «Ну это уже вообще ни в какие ворота не лезет!» — хотел было возмутиться он, но вместо этого с новым внезапным интересом оглядел хозяйку. Хм... В койку, говоришь?..

Следует заметить, что к своему прошлому Кирилл относился нежно и бережно. Он никогда, например, не упускал случая исправить ошибку молодости, иными словами — переспать с бывшей одноклассницей, сокурсницей, сослуживицей — не важно, как она выглядит в данный момент и насколько у нее успел испортиться характер. Вступал, короче, в интимную связь не столько с ней самой, сколько с собственными воспоминаниями.

Тем временем Олежек (еще один кусочек прошлого!) качнулся вправо, влево и, промычав что-то невнятное, мягко ополз со стула на пол.

— Слава Богу... — тихонько выдохнула супруга.

В горле у Кирилла стало сухо. Обезоруженный бесстыдством Маринки, он уже мысленно раздевал ее. Потом через силу перевел взгляд на поверженного коньяком друга. «Хотя бы на диван его перенести...» — с последней спазмой неловкости подумал Кирилл. Поднялся, сделал шаг к недвижному телу, но, как выяснилось, списывать Олежку со счетов было рановато: ожил, самостоятельно перевернулся на пузо и, утвердясь на четвереньках, с низким горловым урчанием двинулся к гостю. Явно изображал цепного пса.

— Ну, хорош, хорош! — с досадой сказал ему Кирилл. — Чего дурака валяешь?

Олег шел на четвереньках, и глаза его коньячного цвета были и впрямь круглые, как у собаки. Далее почудилось, что лысина Олежека съеживается, стремительно покрываясь жестким коротким волосом, и лишь потом слуха достиг отчаянный вопль Маринки: «Беги! Беги, дурак!..»

Каким-то образом очутившись рядом с Кириллом, она рванула его за локоть, и оба оказались в коридоре, затем — в малой комнате. Лязгнула, затворяясь, железная дверь, а в следующий миг что-то тяжко и глухо ударило снаружи в металлический лист.

Олежек? Не может быть! Физические возможности сокурсника были хорошо известны Кириллу. А тут такой удар, что кирпичи захрустели! Как будто кабан грянул с разбегу всей тушей...

— Дверь!.. — вскрикнула Маринка. — Дверь держи!..

Кирилл в недоумении глядел, как она, вцепившись обеими руками в длинную вертикально приваренную скобу, упирается босой ногой в железный косяк. Нет, Маринка не притворя-

лась — ни одна женщина не примет добровольно столь вульгарную, а главное — несоблазнительную позу... Да черт возьми! От кого они вообще тут затворились? От Олега? От этого жировичка?.. Дать ему в лоб по старой памяти — и все дела... Или у него там оружие?

— Дер-жи... — простонала Маринка, и Кирилл, чувствуя себя последним идиотом, неуверенно взялся за верхнюю часть скобы.

Далее между косяком и краешком стального листа втиснулись волчьи... нет, скорее медвежьи когти и рванули полотно с такой силой, что у Кирилла едва не лопнули мышцы. Еще секунда — и он бы выпустил скобу, но когти соскользнули с мерзким скрипом, и дверь гулко захлопнулась.

Боже... Да что же это творится?..

— Хотела ведь... хотела сегодня новый замок поставить... — захлебывалась Маринка. — Утром зашла... заявку сделать... а у них перерыв...

Кирилл изо всех сил стискивал четырехгранный железный прут, чувствуя, что еще немного — и руку сведет судорогой по локоть. Когти... Что за когти? Откуда?.. Может, он там снаружи чем-нибудь этаким зацепил... вроде культиватора?.. Да, но дернуть с такой силой...

— Обрадовалась! Все, думаю, отрубился... — всхлипывая, причитала Маринка. — Овца! Знала же, какой сегодня день... Сама по календарю высчитывала... — Тут она рискнула оторвать одну руку от железа и, наскоро утерев мокрый от слез подбородок, снова вцепилась в скобу. — И черт меня дернул спросить... про киллера этого...

Кирилл ошалело оглядел на диво загроможденное помещение. Комната напоминала склад. Такое впечатление, что сюда было заблаговременно снесено все наиболее ценное из совместно нажитого имущества.

В отдалении заскрежетало, захрустело, затем раздался звон стекла. Слон в посудной лавке... Горку он там, что ли, своротил?.. Оба с замиранием ждали, что будет дальше. Вскоре за дверью жалобно заскрипел рассохшийся паркет, послышалось тяжелое стонущее дыхание — и шкура у Кирилла вновь пошла мурашками. Не мог Олежка Волколупов так ровно и мощно дышать.

Клацнули, шаркнули по металлу когти. Потом еще раз... Вне всякого сомнения, тот, снаружи, пытался подцепить край

железного листа. Оба откинулись, всем весом оттягивая скобу. Паркет заскрипел снова. Кажется, отошел...

За окном по содрогнувшейся улице проехало что-то очень тяжелое, заголосило противоугонное устройство — и Кирилл словно очнулся. Взгляд его упал на телефон, смутно белеющий на полу в двух шагах от двери.

— Позвони... — выдохнул Кирилл. — Подержу...

Маринка повернула к нему искаженное залитое слезами лицо. Уставилась с ненавистью.

— Куда?

— Н-не знаю... В милицию...

— Ага... Чтоб застрелили?

При слове «застрелили» Кирилл на секунду замер — и вдруг заматерился шепотом. В правом боковом кармане его щегольской кожаной куртки, которую он, придурок, оставил на вешалке в прихожей, лежал «Удар» — изящная безделица, смахивающая на рукоятку от пистолета. Пять баллончиков в одной обойме... «Си-Эс» плюс кайенский перец. Стреляй хоть против ветра, хоть в помещении — кинжальная капельная струя, тут же все и осядет... «Черемуха» — она ж только против трезвых хороша, а тут такая смесь, что и пьяного уложит, и собаку...

А оборотня?..

Негромкое рычание бродило за железной дверью. Поскрипывал паркет.

И Кирилл поймал себя на том, что истерически хихикает. Да нет, это даже не анекдот, это... это черт знает что такое! Олежка Волколупов — оборотень...

За плечом в оконном проеме сияли синие апрельские сумерки и всплывала полупрозрачная округлая луна... Шестой этаж. Вот если бы первый... Хотя бы второй...

— Слушай... — произнес шепотом Кирилл. — И-и... давно он так?..

— Месяца два, — сквозь зубы отозвалась Маринка. — Как с последней работы выгнали, так и началось... И накручивает себя, и накручивает! Я у него оборотень, все у него оборотни... А потом — видишь что...

— Как же вы так живете?

— Так вот и живем... Д-дура, дура! Вчера еще надо было замок сменить!..

Противоугонка под окном смолкла. Не снимая рук со скобы, Кирилл подался вправо и приник к дверному глазку. Вро-

де бы коридор был пуст. Потом внизу смутно шевельнулось нечто темное и округлое. Ну правильно, он же на четвереньках... Ч-черт, не могла глазок пониже установить! Впрочем, дверь-то, наверное, типовая...

— Надолго это? — отрывисто спросил он.

— Когда как...

Весело... То есть можно и до утра тут просидеть. Ладно бы еще замок не был сломан, а то ведь всю ночь не спать, за скобу эту дурацкую держаться... Да уж, что овца — то овца! Ну как это можно было ключ посеять? А с замком, конечно, милое дело... И телефон рядом... В крайнем случае позвонить жене, соврать, что у друга заночевал. Хотя... Почему, собственно, соврать? У друга и заночевал...

Вскоре в комнате стало совсем темно. Потом посветлело, на потолок легло смутное косое полотно волокнистого света — город зажег фонари.

— Блин... но я-то здесь при чем? — сдавленно выдохнул Кирилл.

— Сам напросился... — злобно напомнила Маринка, даже не повернув головы.

Да, действительно...

Может, и впрямь рискнуть? Выждать, когда зверь, совсем еще недавно бывший Олежкой Волколуповым, отойдет подальше — в комнату или на кухню... До прихожей, где висит куртка, два шага... «Удар» — в правом кармане... Кстати, если на то пошло, там и входная дверь рядом... Стоп! А вот этого не надо. Во-первых, неизвестно, в какую сторону крутить головку замка, а во-вторых — Маринка... Если он ее оставит здесь, а сам сбежит... Нет, неловко.

Кирилл еще раз припал к дверному глазку — и сделал это зря. Должно быть, тот, снаружи, нечеловечески чутким своим слухом уловил его движение и, снова подцепив лист, рванул. Кирилла бросило плечом на косяк, Маринка со вскриком выпустила скобу и отлетела к боковой стене.

— Дер-жать!.. — натужно прохрипел Кирилл, понимая уже, что не удержит.

В темной, неуклонно увеличивающейся щели между косяком и дверью воссияли два совершенно волчьих глаза и послышался злобный ликующий рык, похожий на отдаленный рев немыслимо громадной толпы. «Русский бунт... — вспом-

нилось напоследок ни с того ни с сего. — Бессмысленный и беспощадный...»

Далее возник легкий, быстро усиливающийся звон, пылающие изжелто-зеленые глаза в черной щели дрогнули, расплываясь, — и Кирилл Скрыпицын, здоровый мужик, потерял сознание. Ненадолго, на долю секунды. Дверную скобу он, во всяком случае, из рук так и не выпустил. Чуть позже, впрочем, выяснилось, что Кирилл и не смог бы этого сделать — пальцы свело...

В чувство его привел железный гул захлопнувшейся двери. Кирилл попробовал вновь напрячь мышцы, но они были теперь как из ваты. Маринка (темный прямой силуэт) стояла рядом.

— По-мо-ги... — изнемогая, просипел Кирилл.

Мольба его осталась без ответа. Некоторое время Маринка напряженно прислушивалась к тишине в коридоре, потом молча протянула руку и включила свет.

— Все, — безразлично сказала она. — Быстро сегодня...

Лицо у нее было изможденное и словно бы покоробившееся — особенно вокруг глаз. Губы сложены горько и брезгливо — как у старой алкоголички.

Отодвинула Кирилла от двери, что удалось далеко не сразу, и, нажав на скобу, протиснулась в коридор.

Олежка Волколупов лежал в полуметре от железного порожка. Вдвоем они подняли его и перенесли на диван.

— Слушай... — обессиленно сказал Кирилл. — А чего ты с ним не разведешься?

Маринка сделала вид, что не расслышала, и отвернулась.

— Что?.. Проспится — человек? — спросил он с усталой издевкой.

Зря он это сделал. Очевидно, слова его явились той самой последней соломинкой, что переламывает хребет верблюда.

Маринка запрокинула искаженное лицо — и тихонько завыла, раскачиваясь. Потом медленно стала оседать на пол. Опомнясь, Кирилл кинулся подхватить — и вдруг понял, отпрянул...

Продолжая завывать, Маринка шла к нему на четвереньках, и радужки обезумевших глаз ее увеличивались, вытесняя белки...

Хранители

Сергей Пепельница, скромный, невыдающийся однофамилец великого украинского изобретателя, с хрустом захлопнул дверцу выключенного за ненадобностью холодильника и прислушался к ноющему посасыванию в желудке. Не было уже никаких сомнений: гибла Россия. Гибла безвозвратно. Он понял это еще вчера — сразу же, как только у него кончились деньги. Точнее, сам прикончил — впустую, по-глупому...

Не хотелось бы, конечно, скатываться до скабрезности — и тем не менее стоял конец апреля. Форточка в кухне была распахнута. Внизу бормотал овощной базарчик да слышалась лениво-разухабистая гармоника. Это музицировал известный всему району анархист Гриша. День-деньской сидел он на своем матерчато-проволочном стульчике под черным махновским знаменем и торговал отнюдь не зеленью, но партийной прессой, наигрывая между делом подрывные мелодии, сопровождаемые не менее подрывными текстами:

© Евгений Лукин, 2000

Пароход плывет,
покрыт орнаментом.
Будем рыбу мы кормить
родным парламентом...

Эти простые и правильные слова откликнулись в Пепельнице такой страстью, что он тихонько зарычал и медленно скрючил пальцы обеих рук, то ли норовя мысленно придушить кого, то ли взяться за рукоятки воображаемого пулемета.

С ужасным лицом Сергей покинул кухню и почти уже достиг порога неприбранной своей комнатенки, когда почувствовал вдруг, что в доме присутствует кто-то посторонний. Испуганно замер. Голод, скорбь и гнев — как рукой сняло. Грабители?.. Между прочим, вполне возможно. Второй этаж, шпингалеты на окнах поломаны и не задвигаются. Однако уже в следующий миг Сергей расслабился, а на устах его возникла и зазмеилась язвительнейшая улыбка. Грабители... Ах как кстати! Сейчас он войдет и спросит их (этак иронично, устало): «Ну и что вы здесь собираетесь грабить?..»

Затем улыбка сгинула. Грабитель-то нынче пошел — какой? Обкуренный, отмороженный, видиков обсмотревшийся: обидится чего доброго да шмальнет! Их ведь сейчас хлебом не корми — дай только курок спустить. Сергей поколебался и — будь что будет! — заглянул в комнату.

По ветхим обоям бродили блики, а возле хромого кресла (единственного предмета роскоши, не вывезенного женой после развода) стоял некто светлый, стройный и с крыльями за спиной. Вполне естественно, что Пепельница остолбенел, ибо ангела он зрил воочию первый и скорее всего последний раз в жизни. В земной, разумеется...

«По мою душу!.. — грянула догадка. — Почему так рано?.. Мне же и сорока нет...»

Но тут видение мигнуло и кануло, успев пробормотать что-то вроде: «Надо же как не вовремя...» — лишь светлые блики, тускнея, продолжали бродить по стенам... Померещилось с голодухи?.. Да нет, какая голодуха! До голодухи вроде бы еще далековато...

Пепельница взялся было за приостановившееся на полутакте сердце, когда, к ужасу его, ангел возник снова.

— Вы... за мной? — выдохнул Сергей, собираясь малодушно лишиться чувств.

Ангел смотрел неприязненно.

— Скорее к вам, нежели за вами, — помедлив, промолвил он, затем указал хозяину на стул, сам же опустился в кресло. — Я — ваш ангел-хранитель, — сухо представился он.

Вообще-то на кресло это садиться не стоило, о чем Сергей обычно предостерегал любого гостя. Однако ангелу, судя по его исполненной небрежного достоинства позе, кажется, было наплевать на аварийное состояние мебели.

— Хранитель?.. — пролепетал Сергей, оседая на стул. — И вы меня будете... хранить?.. Я что-нибудь вчера хорошее сделал, да?..

Небесный посланник утомленно вздохнул и покачнул нимбом, как бы дивясь наивности хозяина квартиры.

— Крестились вы вчера... — укоризненно молвил он.

Сергей припомнил — и обмяк. Действительно, вчера...

Вчера, болтаясь в тоске по городу, безработный Пепельница забрел в недавно восстановленную церковку, на дверях которой висела бумажка: «Крещение — с 12». Призадумался, пересчитал наличность и, бесшабашно махнув рукой, стал в очередь к лотку...

Деньги, потраченные им на крестик и свидетельство, были последние, поэтому таинство запомнилось Сергею до мельчайших подробностей.

Моложавый поп разбойничьего вида прожег темным цыганским глазом собравшихся перед купелью, потом велел повернуться к западу и хором отречься от сатаны. С сатаной Пепельница дела никогда не имел и отрекался с легким сердцем. Кстати, он и раньше подозревал, что владыка зла обитает где-то на западе.

Гвалт в церкви стоял невообразимый. Детишки при виде попа начинали верещать и извиваться в руках у крестных, очевидно, принимая батюшку за врача в черном халате, а кисточку в его руках — за шприц. Позже, однако, Сергею объяснили, что это из детишек таким вот образом выходили бесы, которых они уже успели где-то нахвататься.

А потом... Потом батюшка сказал, что теперь у каждого из окрестившихся есть свой ангел-хранитель...

Стало быть, не соврал... Стало быть, не пропали денежки-то, окупились... Сквозь слезы умиления Сергей Пепельница глядел и не мог наглядеться на смутное сияние в кресле.

— Ну что, так и будем молчать? — не выдержал наконец небесный посланник. — Мне ведь некогда, у меня, кроме вас, еще сорок три человека...

А вот такой поворот решительно Сергею не понравился.

— Ка-ак?.. — обиженно распуская губы, протянул он. — А я думал, по ангелу на каждого...

— Н-ну, знаете ли... — уклончиво молвил гость. — Так, собственно, когда-то все оно и было... Но вы же сами видите, какое нынче время... Все бегут креститься... А население-то сравнительно с 1913-м...

Фраза осталась незавершенной. Светлый большеглазый лик небесного посланника исказился тревогой, став от этого еще большеглазее.

— Ложись! — тихо и страшно скомандовал ангел. — Резко ложись! Справа!..

От неожиданности Сергей чуть было и впрямь не залег. Что там справа-то? Справа наблюдалась стена в пожелтевших обоях с расплющенным сухим тараканом.

— Влево откатись!.. — сквозь зубы (или что там у них?) продолжал командовать ангел. — Ну куда, куда?.. — застонал он. — За парапет давай! Голову прячь!..

Тут до Сергея дошло наконец, что ангел говорит не с ним, а с кем-то из прочих своих подопечных, угодившим, надо полагать, в какую-то передрягу.

— Извините!.. — озабоченно бросил гость. — Сейчас вернусь...

И, не вставая с кресла, исчез. Некоторое время Сергей сидел неподвижно, затем перевел дух и, тоже не вставая, принялся трогать давно не метенный пол в поисках курительных принадлежностей. Извлек последнюю сигарету, смял пачку, чиркнул предпоследней спичкой... Ангел возник в промежутке между второй и третьей затяжками. Вид у него был сильно расстроенный.

— На чем мы остановились? — буркнул он.

Пепельница поспешно задавил чинарик в изобретении своего великого однофамильца. Курить при столь высоком госте было как-то, знаете, неловко. Все-таки «прима», не ладан...

— На том, что у вас, кроме меня, еще сорок три человека, — с запинкой напомнил он.

— Сорок два... — угрюмо поправил ангел и, взглянув на оцепеневшего Сергея, вспыхнул.

Комнатенка озарилась. Стайки бликов, мирно бродившие по обоям, метнулись, словно мальки от щуки.

— Ну а что я мог сделать?.. — сдавленно произнес он. — Что, я вас спрашиваю, если его сразу четверо заказали? Ну я понимаю: двое, трое... А тут — четверо!..

Последовало неловкое молчание. Белесые творожистые тучи за окном куда-то делись, в проеме приветливо сияла синева. Внизу шумела улица. В распахнутую настежь форточку опять влезла наглая гармоника и отчетливый тенорок анархиста Гриши:

Пароход плывет,
набит Рувимами.
Будет время — разберемся
с херувимами!..

Ангел досадливо шевельнул бровью — и форточка неслышно закрылась.

— Имейте в виду, с трудоустройством сейчас сложно, — ворчливо предупредил он (видимо, умел читать в сердцах). — Плохо, что вы машину не водите... Ну ничего!.. Что-нибудь вам подберем. Может быть, даже в течение дня...

Оставшись один, Пепельница почувствовал, что если он сейчас не поделится с кем-нибудь своей радостью, то запросто может рехнуться. Да, но с кем, с кем?.. Жена — развелась, с соседями Сергей отношений не поддерживал — сплетники они и скандалисты... А круг друзей распался еще пару лет назад: кто в бизнес ушел, кто в бомжи...

Ветер снаружи поднапрягся и снова распахнул форточку, наполнив комнату уличными шумами. Гармоника внизу по-прежнему наигрывала «Яблочко».

Вот он кому все расскажет! Грише-анархисту! Скорее всего этот камлающий безбожник пошлет его куда подальше с такими откровениями, но хотя бы выслушает сначала...

Торопливо сунул в карман ключи, прихватил укоротившуюся на три затяжки сигарету и как был — в тапочках, брюках и майке — покинул квартиру. Коробок брать не стал — экономил на спичках...

Овощной базарчик работал вовсю. Алели заморские помидоры, сверкала взбрызнутая водою отечественная зелень.

— Гриш... — застенчиво позвал Пепельница, приблизившись к махновскому знамени. — А ко мне сегодня ангел прилетал...

Гармоника смолкла.

Несмотря на анархические воззрения, за внешностью Гриша следил: аккуратно подстриженная бородка вымыта и высушена до хруста; когда-то черная, а ныне серая от солнца и частых стирок рубашка — старательно отутюжена.

— Крестился, что ли?.. — со скукой произнес сидящий под черным стягом.

— Крестился... вчера...

— Ну что ж, с крышей тебя, — уклончиво молвил анархист. — А что за ангел?

Пепельница опешил, заморгал. Не ждал он столь серьезного отношения к своим словам.

— Н-ну... ангел — и ангел... Светится...

— Да светиться-то они все светятся, — с досадой сказал Гриша. — Ты мне особые приметы давай... Одно крыло короче другого, маховые перья в крапинку — этот?

— Д-да... кажется...

Гриша отставил гармошку на колено и, чуть отстранившись, оценивающе оглядел Сергея.

— А что, если по пивку?.. — внезапно предложил он.

Это была неслыханная честь. Выпить пива с Гришей (более крепких напитков анархист не употреблял) удостаивался далеко не каждый.

— Денег нет... — приниженно признался Пепельница.

— Что ж у хранителя не попросил? Ладно. Сейчас придумаем что-нибудь... — И Гриша окинул пристальным оком притихший рыночек, давно уже следивший украдкой за их беседой.

Следует заметить, что среди торгового люда (равно как и среди надзирающих за торговым людом) Гриша слыл не то колдуном, не то провидцем. Поет-поет о политике, а потом как вдруг отмочит:

Пароход идет
до Саратова.
Штрафанут сегодня Толю
Косолапова...

И случая еще не было, чтобы промахнулся! Собственно, так и так штрафанули бы, а все равно жутковато. Поэтому с

Гришей старались не связываться и откупались кто чем: торгующие — деньгами, стражи порядка — попустительством...

— Сейчас, погоди... — сосредоточенно выговорил Гриша. — Рифму только придумаю... на Легионыча...

Затем лицо его просветлело. Анархист рванул меха:

Эх, яблочко!
Почем ты нонича?..

Далее он приостановился — и выжидательно посмотрел на притулившийся поблизости киоск с недоброй вывеской «Ключики, замочки» (ну, ключики — еще ладно, Бог с ними, с ключиками, а вот насчет замочек, пожалуй, призадумаешься...). В киоске немедленно произошла некая суматоха, и наружу, сноровисто отлистывая купюры, выкатился колобком смуглый толстенький южанин.

— Ара, Гриша! — закричал он еще издали. — Савсэм забыл — сдачу вазми!..

Оставив черное знамя, гармонику, стульчик и слежавшуюся стопку прошлогодних газет на попечение того же Легионыча, они перебрались под сень огромного красного зонта с надписью «Coca-Cola». Чувствовалось, что анархиста и здесь уважают — кружки обоим подали настоящие, стеклянные (прочие посетители пробавлялись пивком из одноразовых пластиковых посудин).

Хотели и вовсе бесплатно обслужить, но Гриша не позволил.

— Значит, говоришь, в крапинку... — глубокомысленно промолвил он и с хрустом надкусил ребристый лепесток чипсов. — Это, выходит, крестили тебя у Уара-мученика... Ну что тебе сказать? Давние у меня с твоей крышей разборки...

— Разборки?.. — беспомощно повторил Пепельница.

— Без пальбы, конечно... на словах... — успокоил Гриша. — Тут, видишь ли, какое дело: сам-то я в восемьдесят первом крестился...

— Как?! — поразился Сергей. — А... а разве тогда можно было?

— Нельзя! — отрубил анархист. — Но если очень хочется, то можно. Ну, батюшка, понятно, дал знать на работу. А куда денешься, положено! И началось... Из партии выгнали — мало

показалось. Начали в психушку налаживать. Это уже парторг с начальником первого отдела постарались... Вот и мотался от психиатра к психиатру до самой перестройки. И тут, здрасьте вам, является!..

— Кто?

— Да ангел этот твой! «Где ж ты, — спрашиваю, — раньше был, когда меня за веру гоняли?!» «Видите ли, — говорит, — нас ведь, хранителей, только сейчас официально разрешили. А раньше, — говорит, — наша деятельность приравнивалась к антисоветской пропаганде. Но вы не беспокойтесь — уже все в порядке: мы покаялись...» Кинул я в него сковородкой...

— И-и... попал? — ахнул Сергей.

— Да попасть-то — попал... — нехотя отозвался Гриша. — А толку? Пролетела насквозь, омлет по стенке растекся...

— И что за это было?

— Да ничего не было! Ему ж тоже шума поднимать нельзя. Я ж у них там, наверху, как бы пострадальцем за веру числился. Но отношения у нас с хранителем, конечно, не заладились... Нет, не заладились. Этак через недельку иду по улице, гляжу: порнуху и «Закон Божий» с одного лотка продают! Пошел домой, сплел бич из веревок — и давай лотки громить... Нет, ну из ментовки-то он меня, конечно, наутро выручил, зря врать не буду, но разругались опять — вдребезги! «Ты что, — кричит, — своевольничаешь? Думаешь, на выручку от одного «Закона Божьего» храм построишь? Даже Христос вон с мытарями да с блудницами знался!..» Ну и за мной тоже не заржавело — язык-то еще с тех времен без привязи... — Гриша помрачнел, приостановился и произвел несколько глотков подряд. — Ладно... Помирились... с грехом пополам... Потом как-то прихожу в храм, а там парторг с начальником первого отдела свечки ставят... Аж глазам не поверил. «Слышь! — говорю. — Ангел!.. Ты кого же в церковь Божию пускаешь?» Ну он, конечно, давай мне про блудного сына плести... «Это они, — говорит, — раньше такие были, а теперь, после путча, тут же уверовали...» Меня чуть кондрашка не хватила. «Ну, если они, — говорю, — уверовали, то, значит, и впрямь Бога нет!..» Срываю с шеи гайтан, свечку — об пол, крест — об пол, сам — к выходу!

— А хранитель?!

— А хранитель давай прихожанам глаза отводить — чтоб никто ничего не заметил... Отвел, догнал... «Как это, — кричит, — Бога нет?.. А меня к тебе Кто послал?..» «А хрен его поймет

(это уже я на него ору), кто тебя послал!.. Может, ты вообще голограмма!..» С тех пор вот не знаемся...

В ужасе от услышанного Пепельница схватил свою почти нетронутую кружку и припал к ней пересохшим ртом. На последнем глотке захлебнулся, закашлялся.

— И как же ты теперь?.. — просипел он, потрясенно глядя на страшного анархиста. — Без крыши-то?..

Гриша осклабился.

— Ну это ты брось, — солидно заметил он. — Теперь меня как зеницу ока берегут... Не дай Бог загнусь — тут же все наружу и выплывет... Шутка, что ли? Пострадальца за веру до атеизма довести! Я ж там молчать не стану...

— Нет, но... — усомнился Сергей. — Бог-то, наверное, и так все знать должен!

— Теолог ты хренов!.. — ласково отвечал ему анархист. — Надо же: Бог — должен... Бог никому ничего не должен. Это Ему все должны! Хочет — знает, не хочет — не знает... А иначе — сразу конец света. В Писании как сказано? «Ибо Сам не пойду среди вас, чтобы не погубить Мне вас на пути, потому что вы народ жестоковыйный...»

— Какой?!

— Отмороженный... — пояснил Гриша. — А ты, раз уж под крылышко попал, давай теорию зубри. Писание вообще-то знать надо...

«Ну вы долго там еще?» — нетерпеливо прозвучал в голове Сергея мелодичный, хотя и несколько раздраженный голос.

— Ой! — испуганно моргнув, сказал Пепельница. — Вроде зовет...

— А зовет — так иди... — понимающе кивнул Гриша.

Пепельница вскочил, метнулся, сам еще не зная куда. Потом опомнился, возвратился, прикончил поспешно остаток пива — и метнулся вновь. Ангел возник перед ним, стоило удалиться от столика шагов на семь.

— Хорошую вы себе компанию подобрали, нечего сказать, — холодно заметил он. — Вообще на будущее: держитесь от этого типа как можно дальше... И бывают же такие люди! — добавил он в сердцах. — Лишь бы наперекор, лишь бы поперек!.. Ни с одной идеологией ужиться не может! Коммунизм ему не угодил, православие — тоже. Не дай Бог победят анархисты — так, попомните мои слова, тотчас самодержавия потребует! Сказано же: несть власти, аще не от Бога.

Собственно, я не о том, — нахмурившись, прервал сам себя хранитель. — Подыскали мы вам кое-какую работенку. Адрес — запомните, или на сетчатке записать?..

То и дело сверяясь с записанным во внешнем уголке правого глаза адресом, Сергей добрался до нужного перекрестка, где обнаружил искомую фирму — обувной магазин «Калигула», после чего долго толкался в стеклянную дверь, пока не заметил наклейку с надписью «НА ТЕБЯ!». Вошел, представился. Не задавая вопросов, его препроводили на склад, уставленный до потолка фирменными коробками, в одной из которых время от времени что-то принималось неуверенно тикать.

Бросился в глаза укрепленный на двери рекламный плакатик: «В нашем оружейном магазине Вы можете приобрести пистолеты, заряженные народным целителем Валерием Авдеевым. Бьем без промаха!» Склад принадлежал одновременно трем владельцам.

Из людей на складе находились двое, представлявшие собой живую иллюстрацию к философу Декарту. Мордоворот в кожаной куртке и спортивных штанах, несомненно, олицетворял субстанцию протяженную, но не мыслящую, а сморчок в светлом костюме и при галстуке — напротив, субстанцию мыслящую, но не протяженную.

Оба озадаченно разглядывали вновь вошедшего.

— Он там что, совсем уже вообще?.. — наливаясь желчью, проскрежетал наконец протяженный, но не мыслящий. — С кем работать?..

Мыслящий, но не протяженный задумчиво жевал сигарету.

— Кто совсем уже вообще?.. Хранитель?..

Верзила крякнул, побагровел, принялся выпутываться:

— Да я, слышь, не про него, я про попа... Смотреть же надо, кого в купель суешь!..

Сморчок в костюме (по всем признакам — глава фирмы) слушал и кивал, не сводя с Пепельницы скорбных глаз.

— Ну, мы ж его не долг выбивать посылаем, верно?.. — промолвил он и выплюнул окурок на бетонный пол. — А на будущее... Пожалуй, ты прав. — С этими словами глава фирмы достал трубку сотового телефона, набрал номер. — Батюшка?.. Ну что ж это такое, а?.. Что происходит, я не понимаю!.. За приходом закреплено шесть ангелов... Это мое дело, откуда у меня такие сведения!.. Ну почему: как лох — так обязатель-

но к нам?.. То есть как это на храм не жертвуем?! А на прошлой неделе?.. Послушайте, батюшка, это шантаж!..

Пепельница пригорюнился. Такое впечатление, что от него и здесь не чаяли избавиться. Начертанный на сетчатке адрес чесался нестерпимо. Точное ощущение соринки, попавшей под веко.

— И построим! — все повышая и повышая голос, продолжал босс. — За такие бабки? Да запросто! А Пашу — в семинарию направим. Чего ему там учиться — он бывший лектор-атеист!.. Готовый поп, можно сказать... Так что подумайте, батюшка... Что нам стоит храм построить! — Дал отбой и сунул трубку в карман пиджака. Затем повеселел и, приблизившись к Сергею, ободряюще потрепал по плечу. — Ну что, Пепельница? Давай-ка сразу за работу... Задание у тебя сегодня будет такое: ровно в пятнадцать часов выходишь на перекресток Халтурина и Трех Святителей со стороны фирмы «Бастард», останавливаешься перед светофором и ждешь две минуты... Уразумел? Со стороны центра подкатывает «шестисотый» и пытается проскочить на красный свет. Ты марки автомобилей — как? Различаешь?

— Нет... — виновато сказал Сергей.

— Хм... Плохо... — Босс призадумался. — Ну ладно... Не перепутаешь. Тем более других машин там и не будет. Значит, он пытается проскочить на красный, а ты в это время делаешь три шага вперед и оказываешься в аккурат перед бампером... Идешь спокойно: ты в своем праве, ты ничего не нарушаешь — нарушает он...

— А дальше?.. — Сергей испуганно понизил голос.

— Дальше — не твоя забота. Дальше мы все берем на себя.

Пепельница неистово моргал правым глазом.

— Так он же меня переедет!..

— А хранитель на что?

Сергей запнулся. Хранитель. Ну да, правильно, хранитель. Однако лезть самому под колеса по-прежнему не хотелось...

— А вдруг не успеет? Утром-то вон... — Он растерялся и не договорил, поскольку при слове «утром» морщинистое личико босса стало вдруг мечтательным, а невыразительные глазенки дылды-охранника смягчились и потеплели. Про Пепельницу оба как бы забыли разом.

— Пять пуль извлекли... — с тихой загадочной улыбкой промолвил босс. — И все разного калибра...

— Почему пять? — встрепенулся охранник. — Заказчиков-то — четверо!

— Четверо... — согласился босс. — А ответственность на себя приняли — ты представляешь? — семеро... Это не считая мелких авторитетов! Даже два кандидата в губернаторы... Ну, всем же охота перед выборами голоса-то набрать...

— Да ты чо? — Верзила перешел на восторженный шепот. — И как же теперь?..

— Да никак теперь... Заключение экспертизы: от сердечной недостаточности. Видно, он и ментов тоже достать успел... — Тут босс вспомнил про Сергея и, повернувшись к нему, добавил назидательно: — Видишь, Пепельница? Вот она, неуживчивость-то, до чего доводит... Значит, задание ты понял...

Сергей отчаянно тер чешущийся уголок глаза и ошалело тряс головой. Возражать было страшновато, соглашаться — еще страшнее. Наконец собрал волю в кулак — и отважился:

— А пусть он сам скажет...

— Кто?.. Хранитель?.. — Похоже, босс даже опешил слегка от такой наглости.

— Слышь!.. — не выдержав, вмешался верзила. — Может, тебе еще Господа Бога сюда пригласить?..

— Погоди... — мягко прервал его босс. — Ну видишь же — не верит человек... Вроде и крестился уже, а не верит... — Он прикрыл веки и, сложив руки перед грудью, молитвенно зашевелил губами. Затем вновь открыл глаза и в недоумении оглядел склад.

— Ага... — не без злорадства заметил верзила. — Сейчас все бросит и прилетит!..

Босс досадливо крякнул, насупился и вновь окинул Сергея неприязненным взглядом.

— Что с глазом-то?.. — несколько отрывисто спросил он. — Конъюнктивит?..

— Нет... Адрес...

— Какой адрес?

— Ваш адрес... Вот здесь, в уголке...

Собеседники Сергея обомлели. Теперь субстанции отличались лишь протяженностью, мыслительные способности отшибло разом и у того, и у другого. Пауза бы еще тянулась и тянулась, но тут наконец по бетонному полу, по картонным коробкам, по рекламному плакатику на двери порхнули свет-

лые блики — и возник ангел. Хранитель. Одно крыло короче другого, маховые перья — в крапинку...

— Что у вас?.. — сварливо осведомился он, затем светлый взор его упал на Сергея. — А-а, Пепельница... Ну вы уже в курсе, да?

— У него адрес на сетчатке... — выдохнул верзила, тыча в Пепельницу толстым узловатым пальцем. — Наш адрес!..

Ангельский лик болезненно дернулся.

— Да, замотался я что-то сегодня... — недовольно молвил хранитель и, подступив к Сергею, стер единым взмахом крыла начертанную в уголке правого глаза улику. — Значит, все поняли? Как только включается зеленый — три шага вперед...

— А вы точно успеете?.. — жалобно проскулил тот.

— Я все время буду у вас за правым плечом, — утомленно заверил ангел — и отбыл.

Верзила сплюнул.

— Замотался... — ворчливо передразнил он. — Меньше по левакам надо шастать... по некрещеным...

— Ну это ты зря!.. — решительно прервал его босс. — Он же ведь не бесплатно! А без финансовой поддержки мы бы точно за неделю окочурились...

«Мерседес» он заметил еще издали. Иномарка приближалась к перекрестку, наращивая скорость и явно намереваясь успеть на желтый. Стало страшно.

— Ну, с Богом... — мелодично прозвучало над правым ухом.

Пепельница обернулся, но никого не увидел. Поди пойми: то ли в самом деле за плечом, то ли дистанционно ведет... Стало еще страшнее.

А «мерседес» был совсем уже рядом. Сергей зажмурился и на деревянных ногах шагнул в сатанинский визг и хохот покрышек.

Незримая рука выхватила его из-под колес в последний миг, причем настолько неловко и с такой силой, что Пепельница влепился в стойку светофора. Теряя на миг сознание, он успел подумать: «Лучше бы уж переехали!..»

— Жить надоело? — грянуло над ним.

Сергей открыл глаза и вообще перестал что-либо понимать. Склонившийся к нему ангельский лик пылал гневом. «Что-то я не так сделал...» — мелькнула мысль.

— Но вы же сами... велели... — пролепетал Пепельница.

— Ах тебе еще и велели?!

Сергей присмотрелся и обмер. Ангел был не тот. Обликом, правда, похож. Сильно похож. Вот только крылья — совершенно одинаковые и без крапинок.

— Что он тебе обещал? — гремел чужой хранитель. — Рай обещал? Вот тебе рай! — Бросил левую длань на сгиб правого крыла и произвел отнюдь не ангельский жест, мазнув маховыми перьями по физиономии. — Самоубийц знаешь куда отправляют?

Разговор шел в полной тишине, поскольку время чужой ангел остановил. Тормозящий «мерседес» застыл, так и не преодолев «зебру» перехода. Случайные свидетели несостоявшегося наезда (один из них фиксировал происходящее на видеокамеру) тоже замерли без движения. В два длинных шага оказавшись перед кинолюбителем, ангел изъял кассету и, не тратя больше слов, направился с ней к «шестисотому».

Вот это хранитель так хранитель!

— Погодите... — слабеньким голоском окликнул его Сергей.

Ангел обернулся.

— А можно вы меня хранить будете?.. А не он...

Ангел диковато посмотрел на Пепельницу — и, кажется, вздрогнул.

— Тут своих-то таких — как собак нерезаных... — нервно пробормотал он и, не открывая дверцы, скрылся в салоне. — Гони!.. — послышался напоследок его голос — и время пошло.

Вновь завизжали покрышки. «Шестисотый» переполз «зебру», оставляя на асфальте жирный тормозной след, потом водила дал по газам — и иномарка сгинула, обдав Сергея ветром.

Свидетели озадаченно протирали глаза. Кинолюбитель с ошалелым видом рассматривал пустую видеокамеру. Наперебой заголосили сирены милиции и «скорой помощи».

«Ну вот... — обреченно подумал Сергей. — Теперь с ними еще разбираться...»

Отлепился от стойки — и торопливо заковылял прочь.

Отворивши стеклянную дверь с наклейкой «НА ТЕБЯ!», Сергей вновь оказался в обувном магазине «Калигула». На сей раз его провели не на склад, а прямиком в большой сумрачный кабинет, где уже находились босс, верзила и ангел-хранитель. Свой. В крапинку.

Лица у всех троих были расстроенные.

Набравшись мужества, Пепельница приблизился к ангелу.

— Могу я потребовать себе другого хранителя? — скрипуче осведомился он.

Ангел взглянул на Сергея с нескрываемым раздражением.

— Да вы уже потребовали, — сухо напомнил он. — Минут пятнадцать назад, на перекрестке... И даже ответ получили.

— Да? — сказал Пепельница. — Да? А кто должен был меня из-под колес вынуть?

— Я, — хмуро ответил ангел. — Но он меня оттолкнул. Не драться же мне с ним, согласитесь... Вот тогда бы вас точно переехали!

— И куда потом? — Сергей задохнулся. — В рай?

— Ну, сказано же: «Если кто положит душу свою за друзей своих...» Естественно, что не в ад.

— Самоубийцу-то?

Ангельский лик выразил досаду.

— Да ладно вам чепуху плести!.. — вспылил хранитель. — Этак у вас и Самсон в самоубийцы попадет! «Умри, душа моя, с филистимлянами!..»

— С кем? — ужаснулся Пепельница.

— С палестинцами, — угрюмо пояснил ангел.

Босс (все это время он неподвижно сидел в кресле, незряче уставившись в пространство) очнулся и прерывисто вздохнул. Глаза его шевельнулись, ожили.

— О чем мы вообще говорим? — нервно бросил он.

— Обо мне!.. — обиженно взвыл Сергей.

— Нет, — мягко, но решительно прервал его ангел. — О вас мы поговорим позже и не здесь. Вы ж не маленький — сами все должны понимать! Нейтрализовать конкурента мы не смогли, положение у нас — критическое, можно сказать, все сорок два человека под ударом. Так что идите домой и ждите меня там... Возможно, скоро вы опять понадобитесь.

— Ну хоть деньги-то заплатите!.. Все-таки рисковал...

— Заплатите ему, — процедил ангел.

— Нет, ну, с одной стороны, понять его, конечно, можно, — задумчиво говорил Гриша-анархист. Они вновь сидели под сенью огромного красного зонта с надписью «Coca-Cola». Гриша по обыкновению пил пиво, разбогатевший Пепельница — водку. — Ну, сам прикинь: сорок два рыла! По отдельности их

никак не сбережешь — это ясно. Будь ты хоть ангел, хоть кто, а в сорока двух местах одновременно не окажешься. Значит — что?.. Значит, надо сколотить из них группировку, чтобы каждый друг дружку подстраховывал... Вот в средние века, если читал, схоласты любили спорить, сколько на свете ангелов. Сейчас с этим просто: сколько группировок — столько и ангелов. У солнцевских — свои хранители, у люберецких — свои. Весь преступный мир, почитай, крещеный...

— Да я понимаю... — жалобно начал Пепельница.

— Ты погоди, — остановил его Гриша. — Ты послушай. Тут как в шахматах. Мат ставят — пешки летят... Вот сунули тебя под колеса. Но тебя ж туда не просто так сунули, а чтобы подсечь того, кто сидел в «шестисотом»! То есть — типичная комбинация. Жертвуя тобой, спасали всех остальных...

— Но он ведь хранитель... — беспомощно вымолвил Сергей. — Он же меня хранить обязан...

— Значит, выходило, что так и так тебе пропадать... — утешил Гриша. — Если авторитет накроется, из шестерок тоже, сам понимаешь, мало кто уцелеет... А вот права ты, конечно, качать начал зря!.. Другого хранителя тебе подавай! Он ведь обидчивый, нарочно теперь подставлять будет. Как он сказал? Скоро опять понадобишься?.. М-да... Много хоть заплатили-то?

Пепельница всхлипнул, плеснул себе еще водки и, ахнув ее залпом, утер слезу. Деньги — деньгами, но приносить себя в жертву ради незнакомых сорока двух человек?.. С двумя из них он, правда, уже познакомился... на свою голову...

— А-а... раскреститься теперь... никак?

Анархист нахмурился и в сильном сомнении поджал губы.

— Да пожалуй, что никак, — сказал он наконец. — Это со мной они церемонятся, а с тобой не станут. Да и характер у тебя не тот. Тебе ж обязательно под крылышко к кому-нибудь надо... Разве что крышу сменить?.. В смысле — веру другую принять...

— Какую? — жадно спросил Сергей.

— Хм... — Гриша снова задумался. — А как, кстати, твоя фамилия?

— Пепельница.

Анархист вскинул брови.

— Родственник? — с уважением осведомился он.

— Однофамилец...

Гриша озадаченно почесал хрусткую бородку.

— Пепельница... Украина?.. Униаты, УНА-УНСО... Нет! — решительно сказал он. — Тогда уж лучше прямо в католики... Куришь?

— Курю...

— Значит, и в старообрядцы не примут... А в синагогу — пятым пунктом не вышел. Хотя... Капица, Маца, Пепельница... Может, и проканаешь под иудея...

— А разве Капица?..

— Ну, раз академик... — Анархист хмыкнул, оживился. — А знаешь, синагога — это выход. В крайнем случае переправят в Израиль...

— Ну да, в Израиль!.. — Сергей пригорюнился. — Там же сейчас пальба... эти... филистимляне! И потом — что толку? Если хранитель обидится, он меня и в Израиле достанет...

— Вот там-то он тебя как раз и не достанет!.. В Израиле, чтоб ты знал, пропаганда христианства преследуется законом. Но тут, видишь, другие заморочки... Обрезание, то-сё...

— Ой!.. — испуганно сказал Сергей.

— Вот и я о том же... — мрачно молвил Гриша.

Пароход... плывет...
набит... Рувимами... —

пресекающимся, фальшивым от горя голосом напевал Пепельница, нетвердо ставя ноги на попрыгивающий вправо-влево тротуар. Брел куда глаза глядят. Милиционеры при виде него рассеянно отворачивались. Даже их проницательный ум с негодованием отвергал мысль, что у этого пьянчужки может найтись при себе сумма, способная заинтересовать правоохранительные органы.

Пароход... плывет...

Что же делать-то? Делать-то что? И как это его угораздило взять да и брякнуть в глаза: хочу, мол, другого хранителя!.. Откуда только отвага взялась? Всегда ведь был кроток, робок, ни начальству не перечил, ни супруге... Один только раз, на самой заре перестройки, нашел в себе силы проспать в знак протеста субботник — и то неудачно!.. До самого пробуждения таскал с Лениным бревно по Красной площади, проснулся — в холодном поту, весь разбитый...

Сергей вспомнил крестившего его моложавого попа (темный цыганский взгляд, разбойничья борода) — и помянул батюшку тихим матерным словом. Нашел кому подсунуть!.. Тоже мне хранитель — наезд не мог как следует организовать! Теперь вот по его милости вся группировка под ударом, все сорок два человека...

Капица, Маца, Пепельница...

А что, если в самом деле принять иудаизм — и в Израиль? Евреи своих в обиду не дадут. И денег у них навалом — как-никак Россию продали...

Да, но обрезание... Боли Сергей боялся сызмальства.

Так, горестно перевирая крамольный мотивчик, он добрел до площади Согласия и Примирения (бывшая площадь Октябрьской Революции). Место уникальное, его даже туристам показывали. Справа сияли купола православного храма, слева торчал шпиль костела, сзади и спереди располагались синагога и мечеть (в прошлом — кожвендиспансер и спортивное общество «Трудовые резервы»). Оба здания были в строительных лесах, и Сергей вечно забывал, которое из них синагога. Кажется, вон то, без каланчи...

Обрезание... Может, его сейчас как-нибудь обезболивают?.. Пепельница представил себе шприц с новокаином — и чуть не лишился чувств...

А вот у кого бы все-таки спросить, которая из этих двух строек — синагога?

Внимание Сергея привлекла группа смуглых носатых мужчин. Пепельница призадумался, потом бесшабашно махнул рукой и, стараясь не пошатываться, двинулся прямиком к незнакомцам.

— Бр-ратаны! — решительно обратился он. — А не знаете, где тут обрезания делают?

— Иди, да? — укоризненно сказал ему один из них. — Ти савсэм пьаный!..

— Нет, ну... я ж не бесплатно... — обиделся Пепельница и с гонором поволок из кармана шуршащую горсть купюр.

Глаза незнакомца вспыхнули.

— Дарагой! — вскричал он, вновь обретя дар речи. — Так бы и гаварил! За такие дэнги я тибя сам обрэжу!

Обрезание Пепельнице сделали на дому. Самого обряда он на сей раз не запомнил вообще — не столько от боли, сколько от страха. Подпрыгнула температура, всю ночь прометался в бреду. Мерещились ему раскинутые веером пальмовые кроны и филистимлянин огромного роста, целящийся из рогатки. Очнулся лишь утром. По ветхим обоям порхали изумрудные блики. В перекосившемся кресле почему-то лежали два туго набитых мешка с черной трафаретной надписью: «Сахар», а посреди комнатенки стоял смуглый крылатый красавец кавказского типа.

— Мусульман? — грозно и весело спросил он Пепельницу.

— Я?.. — Сергей обмер и в ужасе натянул простыню до глаз.

Свят-свят-свят!.. Неужели все-таки перепутал? Обрезался — да не в ту веру...

— Мусульман! — приподняв простыню, удовлетворенно изрек крылатый красавец. — А я — твой хранитэл! — Он повернулся и ткнул лучезарным перстом в мешки с траурной надписью «Сахар». — А эта — гэксагэн...

Стоило смыслу грозных слов проникнуть в сознание, как оно немедленно стало меркнуть. Последнее, что удалось услышать Пепельнице, уплывая в небытие, — это разухабисто-ленивую гармонику да циничный тенорок анархиста Гриши из распахнутой форточки:

Пароход гребет
винтами битыми.
Будем рыбу мы кормить
вахабитами...

В стране заходящего солнца

По мнению японских специалистов, чрезмерное увлечение работой не менее вредно, чем наркомания. В Японии убеждены, что трудоголиков следует лечить и перевоспитывать.

Из газет

— В наркологию? — не поверил Руслан. — Как это в наркологию? За что?

— Не за что, а почему, — ворчливо поправил его майор, проглядывая вчерашний протокол. — Лечиться пора... И скажи спасибо, что в наркологию, а не к судье. Припаял бы он тебе сейчас пятнадцать суток принудительного отдыха... А так ты, считай, сутками отделался... Ого! — подивился он, приподнимая брови. — Еще и сопротивление при задержании оказал?..

— Да не оказывал я!

— Как это не оказывал? «Совершил попытку отнять изъятое орудие правонарушения...» Было?

— Ну, было, но...

© Евгений Лукин, 1998

— Поехали, — сказал майор и, сложив протоколы в папку, поднялся из-за стола.

В подержанный японский микроавтобус загрузили пятерых: четверо попались вчера по той же самой статье, что и Руслан, пятого, как ни странно, взяли за пьянку. Этот сразу отсел поглубже в уголок и с ухмылкой стал разглядывать остальных.

— Довыделывались, чижики? — осведомился он не без ехидства. И, не получив ответа, продолжал самодовольно: — А мне вот все побоку!.. В наркологию? Давай в наркологию... Напужали ежа... голым профилем! Взять с меня нечего, а уколто, он денежек стоит!..

— Примолкни, а? — хмуро попросил Руслан. — Без тебя тошно...

Плечо после вчерашнего удара резиновой палкой ныло до сих пор. Алкаш открыл было рот, но, взглянув на мрачные лица товарищей по несчастью, счел за лучшее не куражиться и последовал совету Руслана. А тот, кряхтя, запустил пятерню за ворот рубашки и принялся разминать ушиб...

— Дубинкой, что ли? — скорее с любопытством, нежели с сочувствием осведомились справа.

— Ну!.. — процедил он.

Майор все не показывался. Шофер в гражданском придремал, уронив руки на руль, а голову — на руки. Дверца открыта, документы вернули — бери и смывайся! Только ведь некуда смыться-то... Адрес теперь в ментовке известен, если что — домой нагрянут...

— Так тебя, значит, не в конторе загребли? — сообразил наконец сосед справа. — Посреди улицы, что ли?.. А как это ты умудрился?

— Как-как! — сердито сказал Руслан. — В ночном киоске гвоздодер купил... А рядом доска валяется, гвоздь из нее торчит... Ну, я распаковал гвоздодер да опробовал...

Спросивший негромко присвистнул.

— То есть «с особым цинизмом»... — с видом знатока перевел он услышанное на язык протокола. — Да еще, наверное, сопротивление довесят, раз палкой звезданули...

— Уже довесили... — Руслан вздохнул и отвернулся.

— А нас с корешем прямо в фирме взяли, тепленькими... — небрежно растягивая слова, сообщил, как похвастался, все тот

же сосед, надо полагать, попадавший в такую переделку не впервые. — Рабочий день кончился давно, а мы сидим пашем... Вдруг — трах-тарарах!.. Дверь с петель снесли, врываются в намордниках, с автоматами... «Встать! Лицом к стене! Руки за голову! Проверка!..» К-козлы... «Да мы ж, — говорю, — не за тем остались! Мы ж эти... из сексуальных меньшинств!..» А какое там — «из сексуальных»! Компьютеры врублены, на столе — документы...

К концу рассказа он все же скис и, вяло махнув рукой, прервал дозволенные речи.

— А меня вот жена сдала, — помявшись, решил поддержать разговор мужичок с морщинистым пожамканным личиком. Подумал — и добавил в сердцах: — Сука... Из-за комода с ней погрызлись. На хрен, говорю, покупать — сам сделаю! А она мне, слышь: сделаешь — заложу... Сделал вон уже, говорит, одно убоище — взглянуть страшно... Ну ладно! Вот пускай хоть наволочку еще одну сошьет! Простыню одну пускай попробует подрубит!.. Гадом буду, пойду в ментовку и стукну!

— За домашнее хозяйство не привлекают, — напомнил сквозь зубы Руслан. — Тем более баб...

— Ни черта себе законодательство!.. — не преминул съязвить приунывший сосед справа. — Это, наверное, только у нас в России так заведено: раз баба — значит всегда права...

Пострадавший через супругу морщинистый мужичок выругался вполголоса, но тут наконец рядом с машиной объявился майор. Осунувшийся, озабоченный, он уселся на переднем сиденье и, захлопнув дверцу, положил папку на колени.

— Хорош спать! — бросил он встрепенувшемуся водителю. — Погнали...

После мерзкого тускло освещенного клоповника, где нар было куда меньше, чем задержанных, весенний денек сиял особенно приветливо. Машина проскочила мимо ряда ярко окрашенных круглосуточных киосков, за стеклами которых соблазнительно мерцали столярные и слесарные инструменты. Раньше ларьков было пять. Теперь — три. Второй и четвертый куда-то делись, и теперь на их месте остались лишь два квадрата долбленого асфальта. Давят, давят ларечников... Скоро, глядишь, и стамеску негде будет купить...

На красный свет остановились неподалеку от стройки. Там за невысоким бетонным забором вовсю кланялись два новеньких итальянских крана и блестели щеголеватые каски оливко-

во-смуглых рабочих. Тоже, видать, откуда-нибудь из Италии. По найму...

— Господин майор! — жалобно и почему-то с украинским прононсом обратился к начальству неугомонный нарушитель, что сидел справа от Руслана. — Ну шо ж это деется! На глазах пашуть, а вы смотрите!..

Майор хмуро покосился в окошко, посопел.

— Это иностранцы, — буркнул он. — Им можно...

— Та я вроде тоже... — с надеждой усилив акцент, намекнул задержанный.

— А вот не фиг по российскому паспорту жить!.. — огрызнулся майор. — Иностранец... блин!

Машина свернула в извилистый пыльный переулок и вскоре затормозила возле облупленного угла пятиэтажки, стены которой когда-то давным-давно были выкрашены в тоскливый желтовато-серый цвет, ставший со временем еще более серым, тоскливым и желтоватым. С торца здания имелось снабженное навесом ветхое деревянное крылечко, ведущее к распахнутой двери. Чуть ниже таблички с надписью «Наркология» не без особого цинизма было процарапано: «Нам секса не надо — работу давай!»

Врачиха, как выяснилось, еще не прибыла, и задержанным велели подождать в предбаннике, увешанном душераздирающими плакатами. На одном из них изможденный трудоголик с безумными, как у героев Достоевского, глазами наносил страшный удар топором по розовому сердечку с двумя ангелочками внутри — женой и сыном. Страшная молниевидная трещина разваливала сердечко надвое.

— А не знаешь, чья сегодня смена? Пряповой или этой... постарше?.. — отрывисто осведомился у Руслана встрепанный нарушитель, до сей поры не проронивший ни слова.

— Без понятия, — со вздохом отозвался тот. — Я тут вообще впервые...

— Лучше, если постарше, — понизив голос, доверительно сообщил встрепанный. — А Пряпова — зверь. Вконец уже затыкала... процедурами своими...

Руслан неопределенно повел ноющим после вчерашнего плечом и перешел к следующему плакату. На нем был изображен горбатый уродец, опирающийся на пару костылей, в левом из которых Руслан, присмотревшись, вскоре узнал моло-

ток, в правом — коловорот. Внизу красовалось глумливое изречение:

Работай, работай, работай:
ты будешь с уродским горбом!
Александр Блок

Третий плакат был особенно мерзок. Рыжая, младенчески розовая девица стояла телешом в бесстыдно-игривой позе и с улыбкой сожаления смотрела на согнувшегося над письменным столом хилого очкарика, вперившего взор в груду служебных бумаг. «И это все, что ты можешь?» — прочел Руслан в голубеньком облачке, клубящемся возле ядовито изогнутых уст красотки.

Наркологиня Пряпова оказалась холеной, слегка уже увядшей стервой с брезгливо поджатым, тронутым вишневой помадой ртом. Переодевшись, вышла в белом халате на голое тело и равнодушно оглядела доставленных.

— Ну, это старые знакомые... — безошибочно отсеяла она спутников Руслана. — А вот с вами мы еще не встречались... Часто вкалываете?

— Н-ну... как все... — несколько замялся он. — Дома, перед едой, для аппетита... А так я вообще-то лентяй... Для меня шуруп ввернуть или там полку повесить...

— А вот это я слышу каждый день... — невозмутимо заметила она, присаживаясь за стол. Майор любезно пододвинул ей протокол, касающийся вчерашних подвигов Руслана. — Кроме заядлых трудоголиков, к вашему сведению, никто себя лентяем не считает... Ну а конкретно? Вот вы купили вчера гвоздодер. В двенадцатом часу ночи. Зачем?

— Так гвоздь же из пола вылез! — вскричал Руслан. — Два раза ногу об него сшиб! Хотите — разуюсь?..

— А чем вам помешал тот гвоздь, который вы выдернули из доски прямо у киоска? В присутствии свидетелей. При детях...

Руслан смешался окончательно.

— Не видел я, что там дети... — буркнул он.

— То есть контролировать себя вы уже не можете... — с удовлетворением подвела итог нарколог Пряпова. — Женаты?

— Разведен...

— Ну вот видите! Значит, и жена не выдержала... Как ей с вами жить? Дома все время грохот, опилки... В постели ей от вас никаких радостей! Потому что устаете, работаете до упаду... Выматываете и себя, и окружающих...

— Да мы с ней развелись, когда еще закон о трудоголиках не вышел...

Наркологиню Пряпову это не смутило ничуть.

— Дело не в законе, — холодно обронила она, — а в невозможности обстановки, которую вы создали... Вы бы хоть себя пожалели! Вы же худой, как скелет!

— Я — худой? — возмутился Руслан. — Простите, но мои семьдесят три килограмма всегда при мне!

Майор и врачиха переглянулись с утомленным видом.

— Что ж, пойдемте проверимся... — Она встала.

Провожаемый сочувственными взглядами прочих трудоголиков Руслан был препровожден в крохотный процедурный кабинетик с кушеткой, затянутой зеленой клеенкой. Первым делом зверь-наркологиня смерила жертве давление и нашла его повышенным.

— Вот видите...

— Да оно у меня всегда такое! И потом я ж ночь не спал!

— Бессонница? — хищно спросила она.

— Да нет! Нар не хватило...

— Хорошо. Раздевайтесь. Нет, рубашку можно не снимать.

Она скинула халат и, подстелив простынку, возлегла. Руслан покорно разулся, снял брюки, трусы и, наскоро приведя себя в состояние относительной готовности, принял протянутый пакетик с презервативом. А то еще, не дай Бог, импотентом объявит...

— Так... — озабоченно хмурясь, командовала она. — Глубже... Еще глубже...

«Интересно, чем эта тумбочка облицована? — механически двигая тазом, думал Руслан. — Неужели натуральный шпон? Или нет... Наверное, все-таки пластик. Уж больно узор ровный... Колька говорит, он такую машинку себе смастерил: заряжаешь в нее полено и начинаешь крутить... А резец плавающий... Ну и разматываешь заготовку, как рулон...»

— Достаточно, — сухо сказала наркологиня, сменяя фронтальную позицию на коленно-локтевую. — У вас что, всегда такая задержка оргазма?

Захваченный врасплох Руслан не нашелся, что ответить, но тут дверь в процедурную приоткрылась.

— Ольга Петровна, можно я карточки возьму? — спросил с едва уловимой картавинкой вежливый девичий голос.

— Леночка, вы же видите, у меня пациент!.. — не оборачиваясь, раздраженно ответила наркологиня. — Подождите минуту... А вы продолжайте, продолжайте, чего остановились?

«Минуту? — Руслан ударился в панику. — То есть у меня всего минута...»

Он плотно зажмурился, чтобы не видеть холеного гладкого крупа наркологини, и наддал, отчаянно пытаясь представить себе что-нибудь и впрямь соблазнительное. Однако успехом это не увенчалось.

— Достаточно, — объявила Пряпова. — Одевайтесь.

И пока смущенный и расстроенный Руслан освобождался от презерватива, наркологиня надела халат и, присев к столу, принялась заполнять какую-то карточку.

— Лечиться будем... — с прискорбием сообщила она. — Довели вы себя... Ваше счастье, что болезнь не слишком запущена. А то еще полгода — и, учтите, импотенция была бы вам обеспечена...

— Следующий... — буркнул Руслан, в унынии покидая процедурную.

За то время, пока наркологиня проверяла, насколько он подорвал здоровье чрезмерными нагрузками, народ в приемной успел отчасти смениться. Майор с алкашом, которому все было побоку, куда-то отбыли. Зато возникла рыхлая зареванная женщина лет сорока. Время от времени она ударяла жирным кулачком в сгорбленную повинную спину одного из трудоголиков и, плача, величала ударяемого то варваром, то иродом. Не иначе — жена...

Картавая черноглазая блондинка Леночка выписала Руслану счет, просмотрев который, он опешил.

— Да нет у меня с собой таких денег!

И это было чистой правдой. Мелочь ему наутро вернули до копеечки, а вот купюра покрупнее пропала. В описи изъятого при обыске о ней также ни словом не поминалось...

— Принесете потом, — успокоила Леночка. — Все равно вам завтра в девять утра на повторную процедуру... А не явитесь — отправим в клинику с милицией...

* * *

Дома Руслан кое-как принял душ и, добравшись до дивана, сразу провалился в сон. Проснулся часам к двум — от голода. Смастерил пару многоэтажных бутербродов и включил телевизор. На экране как по заказу возникла атлетического сложения тетя в белом халатике. Руслан чуть не подавился.

— А что мы можем? — запальчиво вопрошала она. — Что мы можем?.. Отъявленный трудоголик, самостройщик, пробу ставить негде, а в клинику его не отправишь, пока нет заявления от соседей или от родственников!..

Руслан приглушенно чертыхнулся и перескочил на другую программу. Там хрустели челюсти и расплескивались витрины. Положительный герой кончал отрицательного. Руслан потосковал с минуту и вновь потянулся к пульту. Картина сменилась. На экране зашевелился розовый клубок обнаженных тел.

— Трахни меня в задницу, милый... — равнодушно прогнусил переводчик.

Н-да, лучше уж вернуться на первый канал, что вскоре Руслан и сделал. Мелькнуло серьезное личико ведущей, а затем глазам предстало насупленное, гладко выбритое рыло какого-то государственного мужа.

— Нет... — покряхтывая, заговорил гладко выбритый. — Здесь я с вами решительно не согласен... Трудоголики наносят обществу гораздо больший вред, чем наркоманы. Если наркоманы даже в какой-то степени положительно влияют на товарооборот, то трудоголики в прямом смысле подрывают экономику страны... В мировом сообществе государств давно уже сложилась система разделения обязанностей. Мы разрешаем Западу добывать наше сырье, а Запад предоставляет нам товары и кредиты... Если же мы начнем еще что-то производить сами, хотя бы даже для внутреннего рынка, то равновесие неминуемо нарушится...

— То есть выходит, что борьба в основном ведется со злоупотреблениями именно в области производительного труда? — сосредоточенно наморщив лобик, перебила ведущая. — Но ведь трудоголики встречаются и среди бизнесменов, и среди служащих... Даже среди преступников...

— С медицинской точки зрения — да... — вынужден был признать гладко выбритый. — С медицинской точки зрения все они наносят одинаково непоправимый вред своему здоро-

вью... Но я повторяю: речь идет еще и о здоровье социума в целом. Простите, но как-то даже нелепо сравнивать общественно полезный бизнес и самую черную созидаловку!..

— Однако созидалы, как их называют, тоже ведь приносят определенную прибыль, разве не так?.. — не отставала въедливая ведущая. — В конце концов, они покупают инструменты, материалы...

— Это мнимая прибыль! — вскинулся гладко выбритый. — Алкоголик, допустим, купил бутылку — выпил. А этот купит молоток и тут же сколотит десяток табуреток. Причем семь из них — на продажу...

Руслан прожевал последний кусок бутерброда и собрался уже погасить ящик вовсе, но тут в дверь позвонили. Сердце екнуло. Слава Богу, что хоть тайник с инструментами не раскрыл... Руслан оставил телевизор включенным и пошел открывать.

На пороге стоял друг и учитель Колька. Смотрел он, как всегда, исподлобья и вообще вид имел самый угрюмый. Светлый ношеный костюм, в руке — банка «Холстена». Впрочем, Руслан готов был поспорить, что в банке этой содержится отнюдь не пиво, а, скажем, нитрокраска или что-нибудь в этом роде. Хотя с виду банка целенькая, невскрытая... И запаха не чувствуется...

— Привет, — насупившись, бросил Колька. — Мне тут шепнули: замели тебя вчера... Правда, что ли?

— Правда... — со вздохом отвечал Руслан. — Заходи, чайку попьем...

Гость ругнулся шепотом и, покручивая головой, переступил порог. Пока он разувался, Руслан заглянул на кухню, поставил чайник. Затем оба проследовали в комнату, где взахлеб бормотал телевизор.

— Вот вы говорите: наносится ущерб, — продолжала вредничать ведущая. — А так ли уж он велик?.. Ну, процент, ну, от силы, полтора процента... И потом разве могут изделия, производимые психически неуравновешенными людьми, одиночками, конкурировать с продукцией известнейших западных фирм?..

— А вы представляете, сколько это будет в денежном выражении — полтора процента? — осерчал гладко выбритый. — Это очень много! Это недопустимо много!.. Что же касается конкуренции... — Рыло насупилось. — Тут еще вот какой нюанс... Часто самопальную продукцию покупают не за качество

и не за красоту, а как бы в пику закону... Процветает тайная торговля так называемыми трудофильмами, откровенно смакующими процесс работы... Пиратски тиражируются и, что самое печальное, пользуются спросом запрещенные Минздравом старые ленты тоталитарных времен...

— Туши агитку! — хмуро скомандовал Колька. — И давай рассказывай. Как ты влетел-то?

Руслан послушно выключил телевизор и стал рассказывать. Колька слушал и свирепо гримасничал.

— Короче! — прервал он, уперев крепкий указательный палец в грудь хозяину. — Ты в наркологии что-нибудь подписывал? Ну, бумагу там какую-нибудь...

— Да нет, — печально отозвался Руслан. — Вот только счет дали... Надо зайти оплатить... Мне тут завтра в девять процедуру назначили...

— И не вздумай даже! — взвыл Колька, выхватывая у него из рук заполненный Леночкой бланк. — Не ходи и не плати! Совсем с ума стряхнулся?.. Заплатишь разок — они ж потом с тебя не слезут, так и будут деньги тянуть...

— А если не явлюсь — в клинику положат... — сдавленно сообщил Руслан.

Устрашающе сопя, Колька изучал документ. Наконец фыркнул и пренебрежительно швырнул бумагу на стол.

— А вот заклепку им в скважину! — торжествующе объявил он. — Деньги — только через суд, понял?.. И запомни: без твоего согласия никто тебя на лечение не отправит... Ты знаешь вообще, что там за лечение? Сунут в палату на месяц — и лежи сачкуй. Ни лекарств, ничего... Та же камера, короче... А сдерут — как за гостиницу...

Он поставил банку на стол и хищно оглядел углы, явно проверяя, не завалялась ли где оставленная по оплошности стружка или какая другая улика.

— И гвоздодер изъяли... — в полном расстройстве пожаловался Руслан. — Главное, хороший гвоздодер... Теперь, наверное, уничтожат... придурки!..

— Ага, уничтожат! — сатанински всхохотнул Колька. — Как это ты гвоздодер уничтожишь? Либо налево толкнут, либо сами будут пользоваться...

— Менты?!

— А что ты думаешь? У них там в подвале и столярка, и слесарка, и все что хочешь... Нас гоняют, а сами... Да бесполезно с

этим бороться! Ну не может русский человек чего-нибудь своими руками не смастерить!.. У меня вон друг один в ментовке служит. Зашел к нему однажды в отделение, а тут как раз мужика задержали — с трехлитровой банкой олифы... Ну, понятное дело, штрафанули, а мент, слышь, берет олифу и у всех на глазах выливает в раковину. Мужик аж чуть не заплакал...

— Скоты!.. — Руслан скрипнул зубами.

— Ты слушай дальше!.. — заорал Колька. — Остались мы с ним вдвоем, ну, с ментом этим... Открывает он дверки под раковиной, а там вместо трубы ведро стоит, ты понял? Он в ведро, оказывается, олифу слил! А ты говоришь: гвоздодер... Кстати, о гвоздодере, — спохватился он вдруг. — С соседями у тебя как? Тихо-мирно?

— А при чем тут соседи?

Колька сочувственно покосился на Руслана, прицыкнул зубом, покачал головой.

— Да-а... Учить тебя еще и учить... А ну-ка показывай, где инструмент держишь!

— А чай?

— Да Бог с ним, с чаем...

Пожав плечами, Руслан провел Кольку в коридорчик и там не без тайной гордости предъявил фальшивую заднюю стенку кладовки, за которой скрывался инструментарий.

— Угу... — одобрительно промычал Колька, оглаживая кусачки, тисочки и прочее. — А вот молоток — на фиг! И на будущее: никаких гвоздей!.. Только шурупы! Буравчик — штука бесшумная, отвертка — тоже... Вот попомни мои слова: будешь молотком громыхать — обязательно найдется какая-нибудь сука по соседству и звякнет в наркологию... по телефону доверия! Знаешь, как у них фискальная служба поставлена? А ты теперь на учете...

— Здра-авствуйте!.. — возмутился Руслан. — А скажем, полку вешать на стену? Все равно ведь шлямбуром придется или дрелью...

— Шлямбур тоже забудь! Дрелью — сколько угодно, но не электрической, понял? Берешь обычную ручную дрель — и потихоньку, чтобы ни одна зараза не услышала... Ладно. Тащи посуду...

— Так-то вот, Русланчик, — прихлебывая крепкий горячий чай, вещал друг и учитель Колька. На его выпуклом широком

лбу быстро проступал пот. — Держи теперь ухо востро... Вот послушай, что со мной позавчера было. Только-только утром глаза продрал — звонок в дверь... Открываю. А там — два пацана в форме. Ни слова не говоря, лезут на антресоли и достают сумку с этой моей машинкой... Ну, ты понял, о чем я, да?..

Руслан ошеломленно кивнул.

— Настучал, короче, кто-то... — пояснил Колька, хотя все было ясно и так. — Снимают сумку, ставят на стол, открывают... «Откуда взяли?» Ну я им и говорю... — Колька с удовольствием сделал паузу и подлил себе заварки погуще. — «Иду, — говорю, — вчера вечером по набережной, а впереди мужичок с этой вот сумкой крадется... И что-то показался он мне подозрительным... А я в добровольной дружине состою, в охране досуга граждан, вот, пожалуйста, удостоверение...»

— Правда, что ли, состоишь? — всполошился Руслан.

— А как же! — с достоинством сказал Колька. — Кстати, и тебе советую вступить... «Свистнул, — говорю, — в свисток, а мужичок сумку бросил — и бежать... Ну, я в нее заглянул, а там этот вот инструмент. Явно незаконный... В милицию нести — поздно, ночь на дворе... Хотел с утра к вам пойти, а тут вы и сами явились...»

— Ловко! — с искренним восхищением вымолвил Руслан.

— А? — победно вскричал Колька. — Понял, в чем суть? Купил — есть статья! Сам сделал — есть статья! А отнял — нет такой статьи! Ну нету!.. Они на меня смотрят — и молчат. Прибалдели, короче... Потом головами, знаешь, так покрутили... Ну ты, дескать, мужик, даешь! Я говорю: «Не-е, ребят!.. Другого ничего не будет, другого вы тут ничего не услышите... Вот что сказал — то и пишите...» — Тут Колька покряхтел, похмурился. — Правда, пришлось им, конечно, еще на лапу дать... — с неохотой признался он. Потом бросил на хозяина быстрый взгляд исподлобья и вдруг приказал: — А ну-ка, лапы на стол!

Руслан заморгал, но подчинился.

— Пемзой, пемзой по утрам оттирай, — ворчливо заметил друг и учитель Колька, разглядывая и ощупывая правую длань хозяина. — А потом — кремом... Тебя ж за одни мозоли возьмут! Вот посмотри у меня... — И он предъявил ухоженные мягкие руки, глядя на которые нельзя было даже и подумать, что их владелец — один из самых закоренелых и неисправимых трудоголиков района.

* * *

Проводив друга и учителя, Руслан накинул дверную цепочку и медленно отер ладонью внезапно вспыхнувшее лицо. Нахлынуло нестерпимое желание: рвануть дверь кладовки, раскрыть тайник... Нет, так не пойдет... Все должно быть нежно и красиво... С бьющимся сердцем он прошел на кухню, где вымыл обе чайные чашки и, опрокинув их на решетку сушильного шкафчика, вернулся в прихожую.

Широкая гладильная доска на трубчатых ножках, в течение минуты освобожденная от матерчатой крышки и прикрепленная двумя болтами к панели, обернулась ложем небольшого ладного верстачка. Невольно задрожавшими пальцами Руслан раскутал извлеченную из кладовки мешковину — и сердце сжалось сладостно и болезненно...

Впервые он увидел ее валяющейся посреди тротуара в самом неприглядном виде, и все же это было — как удар ножом в сердце. Он еще не знал, зачем она ему нужна, где пригодится, да и пригодится ли вообще, эта полуметровая дощечка шириной с ладонь, но уже тогда, при первой встрече, стало вдруг ясно до боли, что другой такой нет, что пройти мимо и не поднять ее с земли — свыше его сил...

И вот теперь, уложив ее на верстачок, он любовно огладил шероховатую серую поверхность. Потом ухватил шерхебель, помедлил еще немного и наконец, не выдержав, с наслаждением снял первую длинную стружку. Обнажилась соблазнительная сияющая ложбинка. Торопливо, порывисто он раздел шерхебелем верхнюю сторону, затем отложил грубый инструмент и с трепетом взял рубанок...

Пьянея от страсти, плавно и размашисто он вновь и вновь вторгался в роскошную, упругую и в то же время податливую древесину. Стыдливо кудрявились ее нежные завитки, то пряча, то вновь обнажая самые сокровенные места. Лепеча, шепелявя и всхлипывая, она подставляла сильным мужским ласкам звонкую бледно-розовую плоть, и Руслан уже задыхался слегка, чувствуя, что еще несколько мгновений — и они оба сольются в сладостном чудном экстазе...

Однако слиться им так и не пришлось. В дверь позвонили вновь, причем нехороший это был звонок — резкий, долгий, властный. Захваченный врасплох Руслан замер у верстака. Не открывать! Только не открывать! Все ушли. Никого нет дома...

Звонок повторился, а затем, к ужасу Руслана, звякнув натянувшейся цепочкой, дверь приотворилась. Кретин! Знал же, знал, что язычок замка иногда заедает, — и даже не проверил! Тихонько застонав, он скинул цепочку совсем. Терять уже было нечего.

Переступивший порог майор (тот самый, что отвозил задержанных в наркологию) с неприязнью оглядел вьющиеся повсюду стружки, верстак, рубанок в упавшей руке хозяина. Потом прикрыл за собой дверь и сунул Руслану какой-то продолговатый сверток.

— На, держи!

На всякий случай Руслан попятился.

— Что это?..

— Гвоздодер, — не размыкая зубов, пояснил милиционер. — Значит, так... Вчера тебя никто не задерживал. И в наркологии ты сегодня не был. Понял?

— П-понял... — машинально повторил Руслан, но тут же запнулся. — Т-то есть как это — не был?..

Майор злобно крякнул и еще раз оглядел раскиданные в изобилии улики.

— Объясняю, — процедил он. — Проверка из прокуратуры. Выявляют трудоголиков среди сотрудников МВД. Установка была — не больше пятнадцати задержаний в сутки. А ты у нас шестнадцатый получаешься... Короче, строгай дальше, но чтобы про вчерашнее — никому ни слова!..

Приснившийся

Сон прояснился внезапно — и такое впечатление, что с середины. Поэтому оставалось лишь гадать, как попали они в эту тесную каменную комнату и почему зияет в земляном полу прямоугольная дыра и выглядывает из нее темная крышка старинного сундука, а сами они вдвоем с кем-то незнакомым ползают на коленях, торопливо сгребая в яму рыхлую землю.

Что-то они, видно, натворили в первой, канувшей, половине сна и теперь заметали следы.

Дело продвигалось медленно, и даже забрезжила надежда, что пробуждение так и застанет их за этим занятием, но тут сон опять передернуло: яма вдруг оказалась засыпанной, а они уже разравнивали и уплотняли грунт ладонями...

Потом оба поднялись с колен и, бесшумно отступив каждый к своей стене, снабженной каменным приступочком, уселись друг напротив друга, как пассажиры в купе.

© Евгений Лукин, 1998

«Успели, — неуверенно подумал один. — Может, и выкрутимся...»

Смысл происходящего был ему по-прежнему неясен, но сердце колотилось ликующе. От ямы не осталось и следа — ровный, равномерно утоптанный земляной пол, нигде ни бугорка, ни вмятины. Оба сидят с самым невинным видом, руки — на коленях...

Желая понять, что чувствует сообщник, спящий всмотрелся в лицо напротив, но лицо было скрыто тенью. Вскоре показалось, что сообщник испуган.

Время шло, и беспокойство сменялось потихоньку тоскливой уверенностью. Вне всякого сомнения, впереди, в сумеречных извивах сна, обоих поджидало нечто неотвратимое. Настолько неотвратимое, что даже бояться не имело смысла. Оставалось сидеть и ждать...

И вот наконец со звуком, похожим на мощный вздох доисторического чудовища, весь грунт, который они так старательно сгребали и разравнивали, взвился из ямы, рухнул на потолок, лег опрокинутым конусом. Сундук раскрылся, и со дна его поднялась и выпрямилась во весь рост обнаженная женщина... Обнаженная? Он не закричал лишь потому, что уже ждал чего-нибудь подобного. Женщина была без кожи. Голые синеватые мышцы и белые жгуты сухожилий. Медленно повернулось сплетенное из мускулов беспощадное насмешливое лицо, слепые, как серебряные слитки, глаза скользнули равнодушно (сообщники отшатнулись, вжавшись спинами в холодный тесаный камень), но каждому наверняка показалось, что в тот момент, когда литые бельма были обращены к нему, женщина едва заметно осклабилась.

Без кожи... Как же это называется у скульпторов, когда ваяют человека без кожи, чтобы показать рельеф мышц?.. «Картуш?.. Эскарп?..» — понеслись полузнакомые, с выветрившимся смыслом, слова. Он отчаянно вспоминал, почему-то уверенный, что стоит вынуть из памяти это слово — и вставшая не увидит, не тронет, а сам не сводил глаз с ее тщательно обработанных и покрытых свежим лаком ногтей.

В остолбенелой тишине она шагнула (ямы в земляном полу теперь почему-то не было) к ночному незастекленному окну и оперлась чуть раскинутыми руками на каменный подоконник. Поза человека, наслаждающегося ночным воздухом. Сидящие ждали, не осмеливаясь вздохнуть. Женщина как будто при-

слушивалась. Затем резким движением перекинула через подоконник ногу, другую — и заскрипел под удаляющимися шагами гравий.

Оба еще долго не решались пошевелиться.

— Ушла... — Горло перехватило, голос отказывался повиноваться. Но тот, что напротив, расслышал.

— Тихо!.. — шепнул он, гримасничая.

Снова замерли, испуганно ловя почти уже не различимый скрип гравия. Наконец последний звук растаял, и ночь за окном стала пустой и гулкой.

Напряжение несколько спало.

— Храбрый, да? — сдавленно спросил тот, что напротив. — А если бы вернулась?..

Сил на ответ не нашлось. Незнакомец шевельнулся, смутный блик лег на его бледное осунувшееся лицо.

— Я уж думал: все... — жалко скривив рот, признался он. — Как повела глазищами...

— Она слепая...

— Слепая... — обессиленно повторил тот. — А ощупью бы нашарила?.. Видал коготочки? Не иначе нарочно оттачивала... — Замолчал, потом быстро взглянул в глаза и вдруг спросил глуховато и отрывисто: — Кто она тебе?

Вопрос был настолько страшен, что смысл его проступил лишь несколько секунд спустя.

— П-почему мне?..

— А кому? Мне, что ли?

Тот, что напротив, глядел враждебно, почти с ненавистью.

— Сволочь ты, — устало бросил он. — Чего не проснулся?

Проснуться?.. Боже, да ведь это всего лишь сон! И спящий почувствовал такое облегчение, что чуть не заплакал. Ну конечно! Он же в любой момент может проснуться!.. В любой момент...

Однако радость немедленно обернулась тревогой.

— А... а сам чего же?.. — с запинкой спросил он.

Лицо напротив дрогнуло, исказилось.

— Ага! Жди! Как я тебе проснусь? Куда я тебе проснусь?.. Меня вообще нет! Приснился я тебе, понимаешь, приснился!.. — Он смолк и вновь уставился на сообщника. Тот, вздрогнув, насторожился, но за окном по-прежнему было тихо. Странно... Такое впечатление, что незнакомец боялся сейчас именно спящего, а не той, что слепо брела в ночи, нащупывая руками пустоту...

— Главное, я-то тут при чем?.. — сказал приснившийся. — Откуда я знаю, что ты там с ней наяву сделал!..

В каменном мешке стало так же гулко, как за окном.

— С ума сошел?.. — едва совладав с непослушными губами, выговорил наконец спящий. — Я ее вообще впервые вижу...

— Ага... Впервые... Тогда откуда же она такая?

— А ты откуда такой?.. — огрызнулся спящий. Порадовался удачному ответу, передохнул и добавил ворчливо: — Вот и она оттуда же...

Тот, что напротив, сразу съежился, притих и теперь лишь поглядывал боязливо. Люстра грунта, ранее свисавшая с каменного потолка, давно исчезла, на стыках свода дрожала влага.

«Ничего не помню... — растерянно думал спящий. — А вдруг я и впрямь что-нибудь там натворил... наяву... А теперь вот кошмары...»

— Может, я видиков на ночь насмотрелся... — сам себе не веря, начал он — и осекся. Оба прислушались. Где-то снаружи, далеко, на грани слышимости, снова поскрипывал гравий.

— Сюда? — одними губами спросил спящий.

Тот, что напротив, помотал головой — то ли отрицательно, то ли просто отгоняя жуткую эту мысль. Дождавшись тишины за окном, бессильно откинулся в тень, привалился к камню спиной.

— Ищет... — хрипло, стонуще выдохнул он — и продолжал чуть ли не мечтательно: — Обшарит все, вернется... Влезет в окошко, пойдет вдоль стеночки... Сначала плечо нащупает...

Лицо его исказилось, как будто он уже терпел предстоящую муку.

— Замолчи, — с содроганием попросил спящий.

Тот, что напротив, дышал прерывисто и часто. Глаза блуждали. Потом вдруг спохватился и уставился снова.

— Ну ладно... — бросил он. — Нащупает — заорешь да проснешься... А если не тебя сначала? Если меня?.. Ведь ты же, сволочь такая, пальцем не пошевелишь! Будешь ведь сидеть и смотреть, как она меня тут... пластает...

С каждым словом он говорил все уверенней и уверенней.

— Вспоминай-вспоминай... — приказал он почти злорадно. — Придушил небось или до петли довел, а?.. Ну, давай-давай, колись, чего уж там, все свои...

— Ничего не помню, — в отчаянии признался спящий. — Ничего... Послушай! — не выдержав, взмолился он. — Если что-нибудь знаешь — скажи!.. Кто она? Почему снится?..

После этих слов незнакомец, кажется, опять испугался.

— А я тут при чем? — буркнул он, отводя глаза. — Я что, наяву был, что ли? Да я, кроме этого сна, вообще ничего не видел...

«Врет! — в смятении думал спящий. — Знает — и молчит... Да кто же он такой, в конце-то концов?..»

— Ненавижу, — процедил сидящий напротив. — И тебя, и ее, и сон этот... твой! Не-на-ви-жу...

— Да ладно тебе... — пробормотал спящий. — Может, она вообще не вернется... Погоди-ка!.. — Он подозрительно взглянул на незнакомца. — Я проснусь, а ты куда денешься?

— Не твое дело!

— Ну вот видишь, — сказал спящий с облегчением. — Давай уж посидим лучше, подождем...

Он оборвал фразу, не договорив. За окном вновь мерно хрустел гравий — все громче и явственней. Теперь уже ошибки быть не могло: обыскав округу, слепая возвращалась — шла ощупью вдоль стены, с каждым шагом приближаясь к низкому незастекленному окну. Спящий рванулся, почувствовал, что бесполезно, и все-таки рванулся вновь. Странно, но незнакомец молчал. Отчаянного крика: «Проснись!.. Да проснись же!..» — так и не последовало.

— Не могу... — прохрипел спящий. — Не могу проснуться...

Но тут он взглянул в глаза незнакомцу — и все понял.

— Гад! — услышал он свой собственный вопль. — Так это, значит, твой сон? Твой, а не мой!..

Затравленно на него глядя, незнакомец вжимался спиной в тесаный камень. Сволочь, ах сволочь!.. Но тут наконец дошло, что это-то как раз — не главное. А главное то, что шаги все ближе и ближе, и если она нашарит его первым...

— Слушай, проснись!.. — взвыл тот, кто все это время считал себя спящим. — Ну не будь же ты... Проснись! Идет ведь, слышишь?..

Сидящий напротив лишь сильнее вдавился в стену и судорожно затряс головой.

— Почему?!

Лицо незнакомца дрогнуло, губы расползлись, обнажая жалкий оскал.

— А наяву еще хуже... — упавшим голосом объяснил он.

Гравий скрипел уже совсем рядом.

Память огненных лет

Трудно было? — участливо спросила Светланка.

Высокий удлиненный залысиной лоб ветерана вновь пошел морщинами. Явно не знал мужик, что ответить. Узкое серое лицо, впалые виски, малоподвижный взгляд.

— Ну вот ночной налет... — проникновенно продолжала она. — Ведь если бы не вы со своим прожектором — ведь и зенитчики бы работать не могли, так?

— Так... — не сразу и как-то даже опасливо согласился ветеран.

— А фашисты, наверное, погасить старались... Стреляли по вам... по вас...

— Стреляли...

— Ну, Петр Иваныч, миленький! — взмолилась Светланка. — Ну хоть что-нибудь! Боевой эпизод там, я не знаю, друзья-однополчане... Были ведь друзья-то?..

Собеседник надолго задумался. Потом сказал, пришамкивая:

— Были... Пашка был Грохов...

— И что он?

— Н-ну... дружили, да...

© Евгений Лукин, 2007

«Я с ним с ума сойду!» — в отчаянии подумала Светланка.

Дело происходило в «красном уголке» цеха мягкой мебели вблизи фанерного стенда «По ратной славе равняем шаг». В низком окошке нежно зеленела апрельская новорожденная трава. Беседа тянулась уже минут двадцать с гаком, а записывать по-прежнему было нечего.

— Про дальнейшую его судьбу ничего не знаете?

На узком морщинистом лице — недоумение, почти испуг.

— Чью?

— Друга вашего, Паши... Где он, что он?..

Ветеран с тоской поглядывал на дверь. Ничего он не знал о дальнейшей судьбе Паши Грохова. Но тут, к счастью его, дверь отворилась, и появился сменный мастер — улыбчивый живчик предпенсионного возраста.

— Долгонько вы! — бодро заметил он и дружески похлопал рабочего по спине. — Ну что, старый греховодник?.. Увидел молоденькую — и давай разливаться? Небось, все подвиги свои фронтовые расписал? Смотри, Петро, скажу супруге — она тебя живо на цугундер...

— Да мы, собственно... все уже... — расстроенно сказала Светланка и со вздохом закрыла блокнот.

«Склероз огненных лет», — вот как это называется.

Первая осечка за два месяца. Обидно... Светланка обогнула фанерный «Знак качества» мегалитических размеров и двинулась в растрепанных чувствах к двухэтажному зданию конторы.

А ведь, казалось, все было продумано до тонкости. Соврать утром доверчивой редакторше, что статья уже написана, просто нуждается в уточнениях, зайти в цех, поговорить с ветераном, затем выждать, когда начнется бюро парткома, и, вернувшись в редакцию, за пару часов без спешки накатать обещанные двести строк...

Кто ж предполагал, что попадется такой ветеран!

Идущая навстречу женщина вежливо с ней поздоровалась. На мебельной фабрике Светланку уже знали в лицо. Не шутка, чай, — корреспондент многотиражной газеты. Почти начальство.

Поскуливали вдалеке циркулярки, пахло свежей стружкой и вообще веяло деревней. Земля припорошена опилками, как хвоей в сосновой бору. Шум и зловоние издает один только

увенчанный уродливыми циклонами цех ДСП, куда Светланку, слава богу, не посылали еще ни разу...

Что ж ей теперь врать-то?..

А вдруг он вообще не воевал? Бывали ведь случаи, когда и документы подделывали, и медали незаконно цепляли... Ну как это: прошел всю войну — и ничего не запомнил!..

Нет, одна надежда — на Аристарха. Лишь бы он никуда не увеялся. Может, присоветует что-нибудь...

К радости ее, Аристарх, вальяжный красавец тридцати неполных лет, был на месте.

Когда Светланка два месяца назад впервые увидела будущего своего коллегу, она мысленно ахнула и с замиранием подумала: «Кобель...» Так оно и оказалось. Даже если разделить на шестнадцать все то, что об Аристархе, округляя глаза, шепотом рассказывала Светланке старушка редакторша, картина выходила достойная Рабле.

Умница, талант, но лентяй — редкостный. По традиции раз в месяц его собирались увольнять, однако Аристарх вовремя спохватывался, «шел в народ» (как он это обычно сам называл) и приносил очерк, настолько блестящий, что даже неловко было публиковать сей шедевр в многотиражке. А на столе редакторши возникала отмытая бутылка, и в ней — белая лохматая хризантема, похожая на мордашку болонки.

Ну вот как его такого уволишь?

Поначалу было страшновато: не дай бог, начнет приставать! Приставаний, однако, не последовало — и Светланка чуть не взбесилась. К счастью, до нее вовремя дошло, что Аристарх просто положил себе за правило не заводить интрижек на работе. В этом он был подобен лисе, которая тоже, говорят, никогда не крадет кур рядом со своей норой.

В итоге они подружились...

— Чай? Кофе?.. — Как всегда, Аристарх был со Светланкой виновато-обворожителен («Да я бы хоть сейчас в койку, но... сама понимаешь. Принципы...).

— Откуда у тебя кофе? — устало поинтересовалась она. — Дамы снабжают?

— Они, солнышко, они... Итак, кофе?

Светланка судорожно вздохнула.

— Можно я в окошко подымлю? Пока Лексевны нет...

— Хочешь — раму высажу? — галантно предложил некурящий Аристарх.

— Да ну тебя!.. — Она открыла форточку и, устроившись на подоконнике, извлекла из сумочки сигареты.

— А что такая мрачная? — осведомился он, наполняя водой из графинчика два граненых стакана. — Не тот ветеран пошел?

Светланка нервным взмахом погасила спичку и, затянувшись, выбросила дым из ноздрей.

— Зла не хватает! — сказал она. — Час, понимаешь, час с лишним! И ничего! Ни-че-го... Как партизан!

— Так может, он и был партизан?

— Прожектор ист он был! Дошел чуть не до Берлина!.. И ни одной подробности. Вот так! То ли воевал, то ли... не знаю!

Оба задумались. Затем вода в стакане взбурлила. Аристарх переложил кипятильник.

— Нет... — рассудительно сказал он, аккуратно вскрывая баночку дефицитного продукта — и вскоре по тесной редакции распространился умопомрачительный кофейный аромат. — Это ты зря. Липовый ветеран — существо говорливое, убедительное... А раз молчит, значит, в самом деле воевал... — Аристарх, не спрашивая, добавил полторы ложки сахара и, размешав, поднес ей стакан на блюдце. — Просто не знает, о чем рассказывать. В атаку не ходил, подвигов не совершал, честно светил из своего прожектора... Осторожно, горячий!

— Спасибо! — Светланка поставила блюдце на подоконник. — Утешил... А что писать?

— Н-ну... налей водицы, как водится... «В грозную годину войны, когда весь наш советский народ...»

— Это рабкоровский материал! Воспоминания ветерана. Там его подпись должна стоять. Его, а не моя, понимаешь?

— Еще проще!.. «Сейчас, в преддверии годовщины Великой Победы, я вновь и вновь вспоминаю...» Сколько она тебе строк оставила? Сто?

— Двести.

— А... Тогда так: «Сейчас, когда родная страна встречает новыми трудовыми подвигами славную годовщину Великой Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками, перед моими глазами вновь и вновь встает...»

— Вот так и напишу! — пригрозила Светланка, гася окурок о коробок.

* * *

Так она и написала, большей частью, под диктовку старшего товарища. На Аристарха снизошло вдохновение. Плавно помавая левой рукой (в правой у него был стакан со вновь заваренным кофе), он расхаживал по пенальчику редакции и с наслаждением оглашал перл за перлом:

— «Когда мы, не щадя живота...»

— С ума сошел?.. — сердилась Светланка. — Не пропустит Лексевна «живота»! Вычеркнет и напишет: «жизни»...

— Прекрасно! — восклицал Аристарх. — А иначе она весь материал зарубит... Солнышко, тут психология!.. Предлагая редактору идеальный текст, ты как бы бросаешь вызов. Поэтому нужна пара-тройка «блошек». Пусть правит! Пусть ощущает свою необходимость... Как, ты говоришь, однополчанина звали?

— Паша... — Она заглянула в блокнот. — Паша Грохов...

— Вели-колепно! Пиши: «Не забыть мне однополчанина, Пашу Грохова, задушевного моего друга, с которым мы делили тяготы и невзгоды войны. Эх, Паша, Паша... Где ты теперь?»

— Ну, это уж ты... слишком...

— Пиши-пиши.

Точка была поставлена вовремя, буквально за пять минут до того, как открылась дверь и порог переступила добрейшая Алла Алексеевна.

— И это теперь называется бюро! — с горечью произнесла она. — Три часа воду в ступе толкли... — Насторожилась, повела ноздрями. — Кофе? Богато живете...

— Товарищ из Москвы привез, — объяснил Аристарх. — Вам как, Алла Алексевна, с сахаром?

— Не подлизывайтесь, Аристарх, не подлизывайтесь... — ворчливо отозвалась редакторша. — Взяточничество ваше вам на сей раз не поможет. — Она проковыляла к своему столу, и пухлый портфель ее казался огромным, поскольку росточку Алла Алексеевна была крохотного. Этакий добрый гномик, полагающий себя драконом. — Впрочем, об этом потом... Светланочка, что у нас с ветераном?

— Вот, — сказала Светланка — и покраснела.

Ей, действительно, было стыдно. Редакторша взобралась тем временем на стул, приняла протянутый лист и, водрузив очки, приступила к чтению.

— Нет, — сразу же сказала она. — «Память огненных лет» — это, скорее, рубрика, чем заголовок... Над названием — подумайте...

Светланка мелко покивала.

В редакции стояла напряженная тишина. Озадаченно хмурясь, старушка вникала в текст.

— «Живота!» — негодующе прочла она вслух и, аккуратно вычеркнув, вписала сверху: «жизни».

Потом принялась как бы между прочим постукивать по столу шариковой ручкой. С каждым стуком что-то внутри у Светланки обрывалось. И на кой черт она послушала Аристарха! Нет чтобы честно признаться: не справилась, завалила сдачу материала, лепите выговор...

Наконец Алла Алексеевна вздохнула и сняла очки.

— Да, — разочарованно произнесла она. — Все это можно было написать, и не выходя из редакции...

«Сейчас вернет...» — тоскливо подумала Светланка.

Аристарх благоразумно помалкивал.

Алла Алексеевна кивала скорбным морщинистым лицом.

— Будем публиковать, — неожиданно объявила она. — Ему вон уже скоро на пенсию идти, а мы еще о нем — ни строчки. Про остальных ветеранов писано-переписано, один только он и остался... неосвещенный... — Поджала губы, закручинилась. — Не расстраивайтесь, Светланочка. Не вы первая. Все на нем обжигались, и я в том числе... Значит, так! Словесную вашу трескотню я ставлю в номер, а впредь за такие стихотворения в прозе буду карать беспощадно... Минутку! — всполошилась она. — А подпись где? Это же авторский материал, он под его фамилией пойдет!..

— Ой! — вымолвила пунцовая Светланка. — Забыла. Сейчас сбегаю в цех, зачитаю...

— Зачитайте, — сухо сказала редакторша. — Может, какие уточнения будут, хотя сильно сомневаюсь. И обязательно пусть распишется... Аристарх, вы мне обещали кофе!

Сменного мастера Светланка поймала возле ворот цеха, где тот руководил водружением свежего, едва просохшего плаката: «Мебельщики! Претворим в жизнь решения XXVI съезда КПСС!»

— Как? Уже?.. — возликовал он, когда она объяснила ему, в чем дело. — Вот это, я понимаю, по-нашему, по-русски!..

Медленно запрягаем, зато ездим быстро! Идемте-идемте... Сейчас я его вам пришлю... Ну, молодец!.. Надо же! Чик — и готово!..

Господи, стыд какой! Оставшись одна в «красном уголке», Светланка почувствовала, что щеки у нее горят заранее. Бог с ней, с Аллой Алексеевной, она еще и не такой бред читывала! А вот каково сейчас будет самому ветерану!.. Действительно, стихотворение в прозе... Одни общие слова, а человек-то ведь — воевал! И угораздило же ее сунуться в эту многотиражку!.. Лучше бы в село преподавать поехала, честное слово...

Когда ветеран вошел, Светланка встала. Суд идет.

— Вот, Петр Иваныч, я тут... — пролепетала она, — принесла материал... Я его вам сейчас зачитаю... а вы заслушаете и скажете, что не так, ладно?..

Длинное морщинистое лицо ветерана осталось равнодушным. Велено заслушать — заслушаем... Они снова расположились за тем же столом, друг напротив друга, неподалеку от стенда «По ратной славе равняем шаг».

— «Сейчас, когда вся родная страна встречает трудовыми подвигами славную годовщину Великой Победы...» — мысленно ужасаясь написанному, завела Светланка.

Не смея поднять взгляд на неподвижно сидящего рабочего, она задыхающейся скороговоркой гнала и гнала текст, который упорно не желал кончаться. Каждый последующий абзац был длиннее и кошмарнее предыдущего. У Светланки задрожали губы. «Ну вот, — обреченно подумала она. — Только разреветься не хватало...»

Кое-как одолев бессмертный пассаж: «Эх, Паша, Паша... Где ты теперь?» (сволочь Аристарх!) — Светланка услышала какой-то непонятный звук и испуганно вскинула глаза.

Ветеран плакал.

— Доченька... — всхлипывал он. — Доченька... — и указывал трясущимся пальцем на мелко исписанный лист. — Вот так... Так оно все и было... И Пашка... как живой...

Дело прошлое

Что больше кошку гладишь, то больше она горб дерет.

В.И. Даль

Рослый сероглазый майор КГБ (впоследствии мы с женой используем его портрет в повести «Когда отступают ангелы») указал мне с улыбкой на стул.

— Присаживайтесь, Евгений Юрьевич, присаживайтесь...

Я присел. В голове кувыркалась бог весть откуда выпавшая цитата: «Когда частный пристав говорит: «Садитесь», — стоять как-то, знаете, неловко...»

Вызова я боялся давно. Шел восемьдесят четвертый год, первый сборник фантастических произведений супругов Лукиных был недавно зарублен с таким треском, что щепки летели аж до Питера. Во внутренней рецензии, поступившей в Нижне-Волжское книжное издательство (рецензент — Александр Казанцев), авторы убиенной рукописи величались выкормышами

© Евгений Лукин, 1998

журнала «Америка» и сравнивались почему-то с невозвращенцем Андреем Тарковским. Теперь-то, конечно, лестно, но тогда...

Видный волгоградский деятель культуры, выступая в библиотеке им. Горького, поклялся, например, по гроб жизни бороться с творческим дуэтом Лукиных, посмевших влепить в рассказ «Не верь глазам своим» злобную карикатуру на вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина. (Бред какой-то! Там о Ленине вообще ни слова не было!) Другой, еще более известный деятель, по слухам, уже составлял черный список, в котором мы с женой занимали вторую и третью строчку — сразу после президента клуба любителей фантастики Завгороднего. Того самого, о котором на недавнем бюро обкома было сказано так: «...и прикидывающийся выходцем из рабочего класса Борис Завгородний». Куда уж там Шепилову...

Да о чем говорить, если буквально на днях картину Владика Коваля «Фантасты Лукины» распоряжением того же обкома сняли со скандалом в день открытия персональной выставки художника. Короче, второй месяц многострадальное наше семейство с наивным ужасом ожидало ареста, обыска и спешно рассовывало по знакомым самопальную, а то и вовсе забугорную литературу.

То есть чувства, с которыми я опускался на краешек любезно предложенного мне стула, вы представляете...

Тем временем майор приступил к работе. Как и положено, утратив ко мне всякий интерес, он достал из выдвижного ящика некий отпечатанный на машинке текст и углубился в чтение. Уже можно было увязывать узелок — и «по городу с вещами». Неведомое мне произведение располагалось на оборотной стороне листа с символикой «Волгоградской правды». Дело в том, что, работая в наборном цехе, я частенько приворовывал подобные бланки, на изнанке которых мы с женой, собственно, и творили.

«Нарушение типографского режима» — кажется, так это в ту пору называлось. Вроде бы даже статья за подобные проделки была предусмотрена...

Майор неспешно, с удовольствием (как мне почудилось) прочел все до конца, один раз даже хмыкнул одобрительно и поднял на меня серые, исполненные понимания глаза.

— Ваша работа? — участливо спросил он, протягивая бумагу через стол.

Я принял ее трепетной рукой, взглянул обреченно — и слегка оторопел. Да, работа была моя, но... Во-первых, предло-

женный вниманию текст не имел никакого отношения к подрывному жанру фантастики, во-вторых, не имел он отношения и к соавторству... Совершенно невинная юмореска, написанная просто так, мимоходом... Хотя что я буду ее пересказывать! Проще уж привести целиком.

БРАТЬЯ МОИ МЕНЬШИЕ

Говорят, что каждое животное чем-то напоминает своего хозяина. Святые слова! У меня вот за последние два года сменилось шесть котов...

Первый жрал в три горла и все силы тратил на разврат. После того недоразумения с соседской болонкой его, разумеется, пришибли, но где-то еще два месяца дворовые кошки приносили котят только его масти.

Второй был мрачной скотиной с бандитскими наклонностями. Он вырвал глаз колли с первого этажа и располосовал ногу народному депутату. Этого застрелил милиционер.

Третий все воровал. То есть не то чтобы только съестное, а вообще все, включая деньги и сигареты. Впрочем, с ним мы жили довольно мирно: вечером я выпускал его в форточку, а утром он обычно что-нибудь приносил — большей частью всякую ерунду. Что с ним сталось — не знаю. Очевидно, сорвался с карниза.

Четвертый был наркоман. То есть дня не мог прожить без валерьянки. Однажды меня полмесяца не было дома — так он взломал аптечку и слопал весь мышьяк, как будто для него доставали!

Пятый не давал спать соседям. Вылезет, гад, на дровину для просушки белья — и орет. Ну и дождался — плеснули кипятком с верхнего этажа.

Теперь вот завел шестого. Ну, этот, кажется, хуже всех. Забьется в угол и смотрит на меня с ужасом целыми днями. Я терплю-терплю, но как-нибудь не выдержу — возьму за ноги да и хрястну об угол... Тоже мне укор совести нашелся!

Е. НУЛИК (мой тогдашний псевдоним)

Вот, собственно, и весь текст. Вид у меня, надо полагать, был самый ошалелый. Нет, правда... В чем криминал-то? Что милиционер кота застрелил?.. Ой, там же еще про народного депутата!..

— Понимаете... — со вздохом сказал майор, забирая бумагу. — Как-то больно обаятельно они у вас получаются... Вроде бы тратите на каждого две-три строчки, а котики — прямо как живые. Особенно последний...

Крыша у меня после этих его слов не поехала лишь потому, что такого выражения тогда в природе не было. Не добралось оно еще до Волгограда... Зато пробки у меня перегорели вмиг.

— Н-ну... — выдавил я с натужной улыбкой. — Стараемся... Персонажи ведь... Каждого хочется... порельефнее... поярче...

Затем меня осенило, что майор умышленно морочит мне голову, явно собираясь чем-то в дальнейшем огорошить. С подходцем, видать, колет... Как Лапшин у Юрия Германа. Комплиментов вон успел наплести... Ох не коты его интересуют... Нет, не коты...

— Любите их небось?.. — улыбнулся майор.

— Д-да... — сипло ответил я, плохо уже соображая, что говорю. — Л-люблю... Котов люблю... собак... вообще животных...

— Хм... Собак?.. — Он недоверчиво качнул головой, бросив меня ненароком (Ну да, ненароком! Жди!) в холодный пот. Снова выдвинул ящик и выложил на стол стопу рукописей с торчащими из нее закладками, причем на верхнем листе этой кипы я тут же углядел штамп Нижне-Волжского книжного издательства, правда, не чернильный — просто черный. Видимо, ксерокопия...

— Да нет... — с сожалением проговорил майор, разнимая рукопись на первой закладке. — С собаками у вас не то чтобы натянутые отношения, но... Вот послушайте. Рассказ «Строительный». Самое начало... «У ног его, задрав встревоженные морды, сидели дворняжки Верный и Рубин...» — Майор поджал губы и, досадливо покряхтев, стукнул кончиками пальцев по неугодившей строчке. — Ну вот не вижу я, хоть убей, этих ваших дворняжек! Ну, сидели у ног, ну, морды у них встревоженные... Но как-то не сочувствуешь им, не сопереживаешь... Вы согласны со мной?

Я смог лишь мелко покивать в ответ, отчего зубы мои слегка задребезжали. Ох что-то серьезное он нам шить собрался! Уж больно издалека заходит...

— Далее! — Майор перебросил еще пару страниц. — «Вдалеке завыли собаки. Генподрядчик вздрогнул...» Вы же их здесь явно делаете предвестниками несчастья, вроде ворон... Ну разве так можно?.. Или вот в рассказе «Монумент»... Сами послу-

шайте, как ваш герой о них отзывается: «Собак тоже развели... Никогда столько собак в городе не было...»

— Он отрицательный... — прохрипел я. — Он отрицательный персонаж...

— Допустим, — согласился майор. — Но давайте сравним. Давайте посмотрим, как вы описываете кошек... Рассказ «Пробуждение». Так... Вот он у вас запрокинул голову... Ага!.. «Что-то падало с огромной высоты многоэтажного дома — что-то маленькое, пушистое, живое...» Чувствуете разницу в отношении? И далее... «То ли она не удержалась на ледяной кромке крыши, то ли ее выбросил из окна лестничной площадки какой-то мерзавец...»

Пока он читал, я успел с судорожным вздохом скосить глаз в сторону полного синевы незарешеченного окна. Неужто все, а? Неужто допрыгались?..

Но тут цитата кончилась, и я поспешил отвести взгляд от синевы за окном. Майор смотрел на меня с усмешкой.

— И слово-то ведь какое выбрали!.. — посетовал он. — Мерзавец — надо же! Раз выбросил из окна кошку — значит, уже и мерзавец... — Майор вновь собрал кипу листов воедино и устремил на меня загадочно мерцающие серые глаза.

— Что вы от меня хотите?.. — сипло сказал я.

Нет, вру. Ничего я не сказал. Это надо было сойти с ума, чтобы задать подобный вопрос. На него ведь и ответить могли. Короче, все, на что я отважился, это оттянуть пальцами ворот свитера и произвести горлом некое вопросительное сипение.

— Я хочу всего-навсего дать вам добрый совет, — сухо сказал майор. — Прекращайте вы эту вашу кошачью пропаганду...

Сначала я подумал, что недослышал. Точнее — переслышал, что, впрочем, тоже неудивительно, если учесть мое состояние. Возможно, что слово «кошачью» майор не произносил вообще, возможно, оно само собой возникло в моем вконец замороченном мозгу. Не решаясь переспросить, я сидел в предобморочной тишине, как сейчас помню, держа руки на коленях. На глубокий внешний вырез окна вспорхнул воробей, повертелся, потом скосил глаз в кабинет — и, истерически чирикнув, опрометью ушел в синеву. Майор неспешно выравнивал кипу машинописных листов. Приведя ее в идеальный порядок, полюбовался — и спрятал в стол. Потом снова поднял голову.

— Скажите... — мягко осведомился он. — А вот эта ваша юмореска про котов... Она что, полностью соответствует действительности?

— Это... насчет моего морального облика? — спросил я в тоске.

— Нет-нет. Я о количестве животных. Неужели и впрямь шесть штук за два года?..

— Н-ну... около того...

— А собачку завести желание не возникало?

— У нас квартира на шестом этаже... — виновато ответил я. — Да и выгуливать некогда...

Майор сочувственно покивал.

— Скажите, — снова заехал он издалека, — а вы никогда не задавали себе такой вопрос: почему это русские люди в большинстве своем любят собак больше, чем кошек?

— Советские, — машинально поправил я (Ну не придурок, а?).

— Что?

— Советские, — повторил я, поскольку деваться уже было некуда. Слово, знаете ли, не воробей. Воробью — что? Чирикнул — и в синеву... Я запоздало ужаснулся и принялся выпутываться: — Понимаете, до революции дело обстояло несколько иначе... Русский мужик считал собаку нечистым животным и в избу не пускал. А вот кошка жила в избе... Я ничего не придумываю — так в словаре Даля...

Майор посмотрел на меня благосклонно.

— Да, — сказал он. — Я оговорился умышленно... То есть история вопроса вам знакома?

— Какого вопроса?.. — переспросил я, холодея.

— Ну, не скромничайте, Евгений Юрьевич, не скромничайте. — Майор прищурился и процитировал — на этот раз наизусть: — «Покажите мне хоть одного человека, который умер бы на могиле своей собаки...»

И вот тут я, братцы вы мои, окоченел. Фразу эту я придумал и занес в записную книжку всего две недели назад. Идиоты! Боже, какие мы идиоты!.. Надо же — литературу прячем... Да куда ты и что от них спрячешь! Насквозь видят...

— Вы что же, думаете, только тот писатель выполняет социальный заказ, кто воспевает строительство БАМа? — Майор усмехнулся, и, как мне показалось, зловеще. — Не-ет... Тут все, поверьте, куда сложнее и тоньше!.. А ну-ка вспомните: когда вы услышали в первый раз, что собака — друг человека?

— Н-не помню... В первом классе, наверное...

— Вот видите! Вы это знали еще в первом классе. Собака — верный, преданный друг. Кошка — предатель. А человек, не

любящий собак... Кстати, кто у нас в стране прежде всего не любит собак?

— Не знаю, — тупо отозвался я. По хребту ползли мурашки.

Майор крякнул и взглянул с упреком. Видимо, ждал большей сообразительности.

— Те, кто сидел в лагерях, — явно испытывая за меня неловкость, пояснил он. — Ну и шпионы, разумеется... Как только о каком-нибудь персонаже становится известно, что он боится собак, читатель тут же настораживается. Он чувствует нутром, что перед ним потенциальный враг... И чтобы выработать у народа такой стереотип, потребовались многие годы и жертвы... Вспомните «Золотой ключик»! Ведь Алексей Толстой написал эту сказочку отнюдь не для собственного удовольствия. К вашему сведению, это был социальный заказ на уровне ЦК партии: противопоставить образ положительного пуделя Артемона отрицательному коту Базилио.

— Да, но... Там же еще у него полицейские бульдоги... — робко заикнулся я, малость приходя в себя. Или наоборот. Не знаю.

— Верно, — сказал майор. — Бульдоги. Именно бульдоги. Есть у них в мордах что-то кошачье, вы не находите?.. Или взять того же Булгакова! Вы, видимо, полагаете, что роман «Мастер и Маргарита» так долго запрещали публиковать, потому что там действуют Иешуа и Воланд? Нет. Не печатали, потому что Бегемот! Кот Бегемот... Представь его нам Михаил Афанасьевич в образе пса — и никаких бы проблем не возникло.

— То есть как это? — позволил я себе возмутиться. — А остальное? Там же сатиры полно...

— А остального бы не было, — отечески ласково объяснил майор. — Остальное Булгаков как истинный художник просто вынужден был бы переделать... Кто-то из великих (Рембрант, если не ошибаюсь) сказал однажды: «Если я изменю цвет шарфа, мне придется переписать всю картину». Вы улавливаете вообще, о чем я говорю?

И я вновь потряс головой: то ли утвердительно, то ли не очень.

— Проще всего с мультфильмами, — задумчиво продолжал майор. — Творческие коллективы вообще легче контролировать, нежели авторов-одиночек... Если обратили внимание, все наши мультики только и делают, что прославляют собак и очерняют кошек. «Голубой щенок» смотрели? Снят по

нашим разработкам. Вот только с цветом главного героя перемудрили...

— А «Кот в сапогах»?

Майор несколько опечалился и со вздохом развел руками.

— Классикам мы не указ, — с сожалением признал он.

— То есть вы нам предлагаете... — Договорить я так и не отважился. Да и что бы я стал договаривать?

— Я предлагаю вам понять... — Майор слегка повысил голос, — что простой советский человек по многим причинам отождествляет себя именно с собакой, а не с кошкой. Он знает свое место, он предан хозяину, готов самоотверженно за него умереть, готов всю жизнь просидеть на цепи...

«Не поддакивать! — стискивая зубы, мысленно твердил я себе. — Только не поддакивать! Лепит контру, а сам только и ждет, когда кивну...»

— Да вы расслабьтесь, — успокоил майор. — Вас никто не провоцирует.

Перекривив физию в диковатой улыбке, я сделал вид, что расслабился.

— Поговаривают, у вас нелады с издательством, рукопись вернули?.. — как бы между прочим осведомился он.

Ну вот... Кажется, предисловие кончилось и разговор пошел всерьез. С тупой обреченностью я ждал следующей фразы.

— Тогда еще один совет... — с безмятежной улыбкой продолжал майор. — Будете задумывать следующую повесть — найдите там местечко для какой-нибудь, знаете, симпатичной псины. Лохматой, беспородной... Причем чтобы не шавка была, а покрупней, посерьезней... Уверен, у вас получится... Всего доброго. Привет супруге. Творческих вам успехов.

Нет, не желал бы я увидеть свою физиономию в тот момент. Тут представить-то пытаешься — и то неловко...

— Ну?.. Что?.. — с замиранием спросила жена.

Я рассказал. Она не поверила. И ее можно понять, история была и впрямь невероятна. Какие собаки? Какие кошки? Тут вон того и гляди в диссиденты запишут, а ему, видишь ли, псину подавай! Беспородную, но симпатичную...

Поскольку версия о собственной невменяемости сильно меня обижала, мы попробовали зайти с другого конца и заподозрили в тихом помешательстве самого майора. В словаре иностранных слов 1888 года издания нашелся даже приличный случаю термин. «Галеомахия, греч. Преследование кошек

из ненависти к ним». Но даже подкрепленная термином, догадка эта выглядела весьма сомнительно, а дальнейшее развитие событий опровергло ее начисто. Насколько нам известно, сероглазый майор еще лет семь благополучно «сидел на культуре» и был отправлен в отставку сразу после путча. А КГБ не та организация, чтобы семь лет держать в своих рядах тихопомешанного.

Гораздо логичнее было предположить, что тема разговора вообще не имела значения. Майор мог беседовать со мной о спичечных этикетках, о парусной оснастке испанских галионов — о чем угодно. Важен был сам факт вызова. Пригласили, поболтали — да и отпустили на первый раз с миром. Иди, мол, и больше не греши...

Да, но грешить-то — хотелось. Ой как хотелось... Мы уже вошли во вкус писанины, а это, братцы вы мои, покруче наркомании. То есть имело смысл прикинуться глупенькими и, не поняв очевидного намека, принять совет майора буквально. Пес тебе нужен? Крупный? Лохматый?.. Сейчас сделаем.

И сделали. Честно сказать, повесть «Когда отступают ангелы» была нами написана исключительно ради положительного образа Мухтара. И вот тут-то и началось самое загадочное. Нижне-Волжское книжное издательство, столь лихо потопившее наш первый сборник, с удивительной расторопностью включило рукопись в план, хотя по составу (если, конечно, не считать нового произведения) она не слишком-то отличалась от предыдущей, с треском зарубленной.

Получалось, майор не шутил и не морочил мне голову. Мало того, спустя несколько лет мы чуть ли не с суеверным страхом обнаружили вдруг, что из всего нами написанного повесть «Когда отступают ангелы» — наиболее лояльное произведение. Слышались в нем твердая поступь рабочего класса, шелест алых знамен и бой курантов. А первым кирпичиком был именно образ лохматого симпатичного Мухтара.

Меня до сих пор тревожит эта загадка. Очень бы хотелось встретить майора и поговорить начистоту, но такая встреча, к сожалению, маловероятна. По слухам, он сейчас охраняет банк где-то в Иркутске, а нынешних виртуозов щита и меча лучше ни о чем не спрашивать. Секреты предшественников, насколько я понимаю, утрачены ими напрочь.

И вот еще что непонятно: если наша госбезопасность и впрямь работала на таком уровне, что и Фрейду не снился, то как же это они, гады, Родину-то проспали, а?

Звоночек

Подлинная история из жизни Президента Сызновской Академии паранормальных явлений Леонида Кологрива

Говорили, что он будто бы бухгалтер.

Михаил Булгаков

Не рискну утверждать, будто в каждом бухгалтере до поры до времени спит Петлюра, но кто-то в ком-то спит обязательно. В уголовнике — полководец, в художнике — рейхсканцлер. Стоит осознать, что первая половина жизни растрачена и что неминуемо будет растрачена вторая, спящий может проснуться. Хотя случается такое далеко не всегда. И уходит на заслуженный покой скромный труженик, так никого в себе и не разбудив...

А ведь слышал, слышал звоночек Божьего будильника! Порой звоночек этот негромок, а порой подобен набату: низвергаются державы, умирают и воскресают религии, вчерашняя ложь

© Евгений Лукин, 2005

становится сегодняшней правдой и наоборот. Суть не в этом. Суть — в последствиях. В плодах. Разбойник уходит в монахи, монах в разбойники — и слава о них раскатывается пусть не от моря до моря, но хотя бы от Сусла-реки до Чумахлинки.

Главное — вовремя напрячь слух.

Внешность у Лёни Кологрива в определённом смысле самая соблазнительная — временами хочется подойти и молча дать ему по морде. Даже когда он, внушаемый демоном самосохранения, принимается публично клясть интеллигенцию, начинаешь в этом подозревать если не самокритику, то репетицию явки с повинной. Следует, правда, заметить, что по морде Лёня получает крайне редко, поскольку чуток и осмотрителен.

Будь я врачом, непременно прописал бы ему очки — и как можно раньше. В нежном детском возрасте.

Мы как-то всё по традиции полагаем, что, если ты четырёхглаз, то, значит, беспомощен, избыточно вежлив, бездна комплексов. Во времена Первой Конной, возможно, так оно и было, но последующие семьдесят с лишним лет Советской власти вывернули ситуацию наизнанку: стоило подростку обуть глаза в линзы, как он сознавал с тревогой, что на него положено некое подобие каиновой печати — и теперь каждая шмакодявка имеет право сказать ему «очкарика». Естественно, бедняга старался по мере сил предупредить такое бесчестье — и вёл себя, с классовой точки зрения, безукоризненно.

Ничем иным я не могу объяснить эту странную закономерность, наблюдаемую у большинства моих знакомых: чем очкастее — тем наглее.

Поэтому вполне возможно, что нехитрое оптическое устройство, будь оно применено вовремя, выковало бы из Кологрива совершенно иную личность, но, во-первых, я, повторяю, не врач, во-вторых, к моменту описываемых событий Лёня успел разменять тридцатник, а в-третьих, обладай он другим характером, звоночек Божего будильника вряд ли был бы им услышан.

Итак, едет он однажды в трамвае (кондукторов в ту пору в транспорте не водилось), собирается законопослушно погасить талон компостером — и вдруг обнаруживает с ужасом, что талона-то у него и нет. Забыл приобрести. А тут как на грех остановка, в вагон входит бритоголовый, физически раз-

витый контролёр и предлагает предъявить, что у кого на проезд.

И ещё надо учесть: месяц назад в трамвае именно этого маршрута два контролёра насмерть забили безбилетника. Нет, кроме шуток — до сих пор жестяной веночек на остановке висит. Контролёров потом, кажется, наказали, но безбилетнику-то от этого, согласитесь, не легче.

То есть чувства Лёни Кологрива вы себе представляете. Вся жизнь мгновенно проходит перед его глазами, оставив в памяти где-то читанную, а может быть, и слышанную байку о том, как маленький Вольф Мессинг обнаружил у себя дар гипнотизёра. Очень похожая история: едет куда-то маленький Мессинг зайцем — и входит грозный контролёр. Ну не такой, конечно, как этот, но всё равно. С усами и, может быть, даже при погончиках. Вольф, естественно, лезет под лавку, откуда его тот мигом извлекает.

— Ваш билет?

Мальчонка в ужасе суёт ему клочок газеты. Контролёр вздёргивает погончики, пробивает клочок и, недоуменно пропустивши сквозь усы: «А что же вы тогда под лавкой едете?» — следует дальше.

— Вот мой билет! — предобморочным голосом сообщает Лёня и протягивает бритоголовому убийце бумажку, впоследствии оказавшуюся квитанцией из прачечной.

Лицо у громилы тупое, безжалостное. Потом оно становится, насколько это возможно, еще тупее, глаза громилы стекленеют — и происходит чудо. Помедлив секунду, он механическим движением надрывает квитанцию и возвращает её Лёне.

Трамвай останавливается, и потрясенный Кологрив выпадает из раздвинувшихся дверей на пыльный тротуар за два перегона до своей остановки. Остаток пути одолевает пешком, в ошеломлении пытаясь осмыслить случившееся.

Либо контролёр принял его за психа и не захотел связываться... Но тут в памяти вновь возникает тупая безжалостная морда бритоголового громилы — и Лёня, запоздало охнув, сознает, что такому всё едино: псих, не псих...

Совпадение? Задумался, замечтался, надорвал бумажку чисто машинально...

Кто замечтался? Этот?!

Стало быть, остается всего один вариант, и, как ни странно, Лёню он слегка пугает. Во-первых, что ни говори, а спо-

собность к гипнозу есть отклонение от нормы. Во-вторых, Леонид Кологрив при всей своей мнимой беспомощности очень даже неплохо приспособлен к окружающей среде. По морде, как было упомянуто выше, получает редко, ибо чуток и осмотрителен. А теперь что же, все привычки ломать?

Земную жизнь пройдя до половины...

Лёня оглядывается на пройденную часть жизни — и содрогается от омерзения. Ломать! Ломать решительно и беспощадно. Не хочу быть чёрной крестьянкой... Хочу быть...

А кем, кстати?

Владычицей морскою? Да ну, глупости... Подумаешь, гипноз! Мало ли сейчас гипнотизёров... Вон их сколько по ящику рекламируют: один от запоев излечивает, другой от бесплодия. И потом — кто сказал, что Лёня владеет чем-нибудь подобным? Ну вогнал в транс с перепугу... Бывает. Побивали же люди рекорды по бегу, когда за ними собаки гнались!

Другое дело, что, окажись Лёня экстрасенсом, у него возникает возможность манёвра. Судя по всему, ремонтный заводишко, уверенно ведомый к банкротству новым начальством с целью последующей приватизации, до конца года не протянет. Вот-вот грянут сокращения — и что тогда прикажете делать бедному клерку?

На службу он, естественно, опаздывает. Но там не до него. Начальник опять обхамил Клару Карловну, и та теперь бьётся в истерике. Жаль, конечно, старушку, но помочь ей нечем. Всё равно до пенсии здесь не доработаешь.

Лёня Кологрив делает скорбное лицо и вдруг ловит себя на том, что сочувствует Кларе Карловне как бы свысока. Исчез страх перед начальством, исчезло опасение, что следующей жертвой может стать он, Кологрив. Достаточно взгляда в глаза, чтобы... Чтобы что? И Лёня испуганно прислушивается, как в нём прорастает, ветвясь, гордая независимая личность.

Затем возникает соблазн. Лёня пытается с ним бороться, но соблазн неодолим. Словно некий чёртик толкает его локотком в рёбра и подзуживает: проверь, а? Вдруг не показалось! Чем рискуешь-то? Так и так сократят...

Тварь ты дрожащая или право имеешь?

Лёня встаёт, входит без стука в кабинет, что уже само по себе иначе как безумием не назовёшь, и, опершись обеими

руками на край стола, долго глядит в испуганно расширяющиеся зрачки начальника. Наконец говорит — негромко и внятно:

— Сейчас без десяти десять. — И глаза начальства волшебно стекленеют, точь-в-точь как у того верзилы-контролёра. — Ровно через пять минут вы покинете кабинет и попросите прощения у Клары Карловны. О нашем разговоре вы забудете, как только я закрою за собой дверь. Меня здесь не было, и мы с вами ни о чём не говорили.

Поворачивается и выходит. Кажется, он только что совершил главную глупость в своей жизни. Сократят. И не через два месяца, как он рассчитывал, а в рекордно краткие сроки.

Лёня оседает за стол и обречённо смотрит на часы. Две минуты прошло... три... четыре... На пятой минуте дверь кабинета неуверенно отворяется — и показывается начальник. Движется он как-то заторможенно, механически. Вроде бы сам себе удивляясь, останавливается перед столом Клары Карловны и, ни на кого не глядя, глуховато бубнит слова извинения. Затем, неловко покашливая, удаляется.

Немая сцена.

Лёня Кологрив в изнеможении падает грудью на стол.

До конца рабочего дня он пытается прикинуть дальнейшую свою судьбу, и, к чести его следует сказать, ничего грандиозного пока не замышляет. Главный вопрос: утаить ему свою способность или обнародовать? Податься в профессионалы, в гордые одиночки, или, напротив, сделать карьеру, втихомолку внушая начальству самые лестные мысли о незаменимом работнике Леониде Кологриве?

А ещё его беспокоит то обстоятельство, что гипнотизирует он как-то неправильно. Вот, например, не скомандовал: «Спать!» — и никакого не дал кодового слова. А ведь положено вроде...

Впрочем, у каждого своя метода.

Возможно, нынешнее продвинутое поколение не поверит или покрутит пальцем у виска, но, возвращаясь со службы, Лёня купил в киоске пять талончиков на трамвай и один из них честно пробил компостером.

А дома — нервы, нервы, нервы... Хлопают дверцы платяного шкафа, летают блузки. Сегодня вечером Кологривы идут в гости, и уже ясно как божий день, что не поспевают вовремя.

И во всём виноват, разумеется, Лёня. Угораздило же выйти замуж за такого недоделанного!

Минут пять он задумчиво слушает упрёки, потом берет супругу за плечи и поворачивает к себе лицом. Та от неожиданности смолкает.

— Ты любишь меня, — тихо, повелевающе информирует Лёня. — С этой минуты ты обращаешься со мной бережно. Ты не чаешь во мне души.

Не как книжник и фарисей говорит, но как власть имеющий.

Нужно ли добавлять, что глаза жены при этом стекленеют!

До знакомых, к которым приглашены супруги Кологривы, ходьбы минут пятнадцать. Черно-синие сумерки, склонённые над асфальтом ослепительно белые лампы. Притихшая похорошевшая жена время от времени удивлённо поглядывает на незнакомого Лёню, а перед самым подъездом порывисто прижимается щекой к его плечу.

На вечеринку они, понятное дело, опаздывают. Разуваясь в передней, Лёня слышит взрыв хохота из комнаты. Там наверняка уже приняли по второй — и травят анекдоты.

— А ты?.. — привизгивая от смеха, спрашивает хозяйка. — А ты что ему?..

Кологривы проходят в зал, но остаются пока незамеченными, потому что внимание собравшихся приковано к рассказчику — огромному детине, сидящему к дверному проёму спиной. Точнее, даже не спиной — спинищей. Синеватый валун затылка, оббитые бесформенные уши.

— А я что? — отвечает он обиженным баском. — Сделал вид, что проверил, и дальше пошел... Знаешь, какие у него глаза были? Вот-вот укусит!..

Далее, видимо, почувствовав, что за спиной у него кто-то стоит, рассказчик оборачивается — и заготовленное приветствие застревает у Лёни в горле. В обернувшемся он узнаёт того самого громилу-контролёра, которому сунул утром взамен трамвайного талона квитанцию из прачечной.

Серые береты

Живём, пока мышь головы не отъела.

В.И. Даль

На протопленной с утра даче тепло и уютно. Крашенные водоэмульсионкой стены выплакались, просохли, от них уже не тянет холодом. В печи звонко постреливают угольки, за окошком черным-черно. Верхний свет выключен, оседающий в блюдце оплывок свечи опыляет скудной позолотой тёмные от олифы доски потолка. Мы лежим в полудрёме под толстыми, прожаренными насквозь возле нашей старенькой печки одеялами, и даже скребущая в дровах мышь не в силах помешать счастью утомлённых молодожёнов.

Но вот всё смолкает. Угольки перестали пощёлкивать. Сделав над собой усилие, встаю, задвигаю заслонку.

— Мышь! — вкрадчиво окликаю притихшего грызуна. — Ты спишь?

Ответа нет. Беру со стола серебряную шоколадную обёртку и со злорадным видом принимаюсь шуршать

© Евгений Лукин, 2005

ею над поленницей. Надя тихонько смеётся. Показав незримой мышке язык, возвращаю орудие возмездия на стол и, довольный, задуваю свечку.

Стоит улечься, раздаётся отчётливый хруст фольги. Ну вот! Научил на свою голову. Выбираюсь из-под одеяла, клацаю выключателем. Серый комочек бесшумно скатывается по скатёрке на пол и ныряет в дрова.

— Она голодная, — сонным голосом извещает Надя. — Дай ей чего-нибудь...

Ага, сейчас! Устанавливаю посреди стола на манер Пизанской башни литровую стеклянную банку, подперев её половинкой спички. Разломанный на дольки шоколад послужит приманкой, а фольга даст знать о приближении дичи. Перед тем как убрать верхний свет, зажигаю всё тот же отёплыш. Замысел прост: стоит легонько толкнуть стол (он располагается в изножье) — и мышь, взбреди ей в голову повторить бесчинство, неминуемо окажется под колпаком. Во всяком случае, в это хочется верить.

Тишина возвращается. Уже начинаю задрёмывать, когда шорох слышится вновь. Осторожно приподнимаю голову. Так... Серый комочек, от которого буквально веет чувством собственного достоинства, несуетливо, по-хозяйски разбирается с шоколадом. Сгоряча пинаю ножку стола столь несдержанно, что блюдце с огарком летит в одну сторону, банка — в другую. Куда девается мышка, сказать сложно.

Включаю свет и, убедившись, что пожара не предвидится, принимаюсь изучать место преступления. Вы не поверите, но каждый кусочек шоколада надкушен.

— Она с Украины... — бормочет Надя.

— Мигрант, — угрюмо подтверждаю я. — Прямиком с поезда «Харьков — Волгоград».

Однако вызов брошен. Мужская охотничья гордость уязвлена. Как там по-гречески борьба человека с мышами? Антропомиомахия? Сделаем. Заменяю обломок спички хитро выгнутым из проволоки рычажком и наживляю кусочком сала. Вдруг действительно с Украины...

Мне снится танковое сражение под Прохоровкой, причём каким-то странным образом оно тоже имеет отношение к мышам. И только-только я собираюсь удивиться этому обстоятельству...

Хлоп!

Просыпаюсь. Мгновенно всё вспоминаю и, привскинувшись, смотрю на стол. Кажется, сработало! При свете съёжившегося в синеватую капельку огонька, угасающего в стеариновой лужице, мало что можно различить, но стеклянная ёмкость, несомненно, стоит прямо, и внутри вроде бы мечется нечто серое.

— Покажи, — с замиранием просит Надя.

Мышки — наша слабость. Они смешные и обаятельные. Знаю-знаю, многие из так называемой прекрасной половины человечества ужаснутся этакому пристрастию, но в свою очередь спрошу: что может быть омерзительнее женщины, визжащей при виде мышонка? Мало того что уродина, так ещё и дура. Ты приглядись к нему, приглядись! У него же ушки розовые, хвостик-ниточка, глазки-бусинки, а уж шёрстка — ну просто Вербное воскресенье.

Крысы — да, согласен, уроды. При всём их интеллекте. Хотя, думаю, в плане сообразительности мыши им вряд ли уступят.

Но об этом позже.

Осторожно подвожу кусок фанеры под горловину банки и с гордостью предъявляю улов. Довольно крупный пепельный блондин, хорошо упитанный, носик у него порозовел от гнева, сам чуть ли хвостом по бокам не хлещет. А вот страха в задержанном как-то не чувствуется. Ну вот ни на столечко!

— Пахана взяли, — безошибочно определяет Надя.

Самодовольно соглашаюсь (ещё бы я вам на шестёрок разменивался!), затем переношу банку на пол и выдёргиваю из-под неё фанерку.

— Он задохнётся! — вступается за преступника Надя. — Щепочку подложи, чтобы воздух проходил.

Да, действительно. Просовываю между стеклянной кромкой и полом толстую стружку, но пойманный зверь вцепляется в неё резцами, выдёргивает из пальцев и яростно швыряет через себя. То же самое происходит со всеми последующими прутиками и щепочками. Дикая какая-то мышь. И нечеловечески сильная, я бы сказал. Глядя, как она кидается на стенки сосуда, невольно начинаешь благодарить судьбу за то, что нас разделяет прочное стекло.

Пахан не даёт спать всю ночь: стучит, скребёт, буянит, возможно, готовит побег. Наконец под утро терпение моё иссякает:

— Ну его к лешему! Пойду вынесу.

— Он там замёрзнет!

— Это полёвка, — объясняю я с такой убеждённостью, будто и вправду способен отличить домашнюю мышь от полевой. — Они же весь день под снегом бегают.

— Точно полёвка?

Кажется, ласково-снисходительная улыбка особенно мне удаётся.

— На даче других не бывает, — небрежно роняю я. — Только полевые.

Надя внимательно смотрит в мои честные глаза.

— Я тоже с тобой пойду, — объявляет она.

По-моему, мне не верят. Возможно, даже подозревают, что я замыслил утопить негодяя в проруби.

Встаём, одеваемся — и начинается торжественный вынос. Во внешнюю тьму, где плач и скрежет зубовный. Снова подвожу фанерку под горловину и, приподняв стеклянную темницу (хм... какая же темница, если стеклянная?), обнаруживаю, что и впрямь предотвратил побег. Краска с пола съедена. На полмиллиметра в доску углубился, мерзавец! Придётся теперь этот кружок закрашивать.

Вскоре выясняется, что внешняя тьма давно рассеялась. Снаружи светло и снежно. Лёгкий утренний морозец. Поравнявшись с соседской верандой... Здесь, пожалуй, следует кое-что пояснить: когда межевали участки, их, с общего согласия, нарезали узкими полосками — так, чтобы каждый дачник имел выход к озеру. Поэтому и до соседа справа, и до соседа слева — рукой подать. Так вот, поравнявшись с чужой верандой, украшенной заиндевелым амбарным замком, я теряю равновесие — и пахан, протолкнувшись в образовавшуюся между стеклом и фанеркой щель, шлёпается в сугроб. Увязая по брюшко в снегу, он тем не менее с отменным проворством одолевает полтора метра до деревянного строения и стремительно уходит под фундамент. Накрыть беглеца банкой не удаётся.

— Как бы он там не простыл, — задумчиво говорит Надя.

— Как бы он не вернулся, — ворчливо отзываюсь я. — Дачи-то рядом...

Старенькая у нас печурка, но хороша, хороша. Тяга у неё — турбореактивная. Правда, с норовом печка. Пока разгорается,

надо сидеть и смотреть, как она это делает. Чуть отвернёшься — обидится и погаснет. И чайник у нас со свистком.

А в поленнице опять кто-то скребётся.

Озадаченно смотрим друг на друга.

— Когда успел?

— Думаешь, он?

Хотя, собственно, почему бы и нет? Времени, конечно, прошло немного, но у них ведь там наверняка под участками от дома к дому сплошные норы, бункеры, катакомбы...

— Да чего мы гадаем-то? Возьмём сейчас и проверим.

Ставлю банку на рычажок перед самой поленницей и возвращаюсь к прерванному чаепитию.

— А мне, представляешь, под утро снились мыши и танки.

— Маленький! — сочувствует Надя.

— Ну мыши — понятно, а танки с чего? — в недоумении продолжаю я. — И ладно бы нынешние — эти могли из моей армейской службы приползти, а то ведь немецкие, времён Второй мировой. И мышки...

— Маленькие! — сочувствует Надя.

— Маленькие-то маленькие... — Фразу мне закончить не суждено.

Хлоп!

Так быстро?

Бросаемся к ловушке.

— Нет, — с сожалением сообщает Надя. — Не он. Этот поменьше, потемней...

— На выход! — ликующе объявляю я.

Церемония повторяется. По странному совпадению пленнику удаётся вырваться опять-таки в аккурат напротив ближней дачи — и мышиная тропа в снегу становится глубже и шире.

Торжество человеческого разума над дикой природой продолжается до полудня. Ещё четыре раза слышится стук банки, ещё четыре грызуна отправляются по этапу. Мы уже предвкушаем, как вся эта мышиная кодла подточит деревянные устои — и соседская веранда с трухлявым вздохом осядет сама в себя. Проходя мимо строения, каждый раз стучим в мёрзлую стенку и ехидно осведомляемся:

— Мышки! Шоколаду хотите?

После чего сами же изображаем их возмущённое шушуканье.

А чего бы вы ожидали? Мы же молодожёны. А любовь сродни маразму. От неё — сами небось слышали — впадают в детство, причём широко и раздольно, как Волга в Каспийское море.

У Нади виноватые глазищи и обиженно распущенные губёшки.

— Это правда не я! — чуть ли не искренне оправдывается она. — Слышу: банка стукнула. Пошла посмотреть — а там пусто и рычажка нету. Честное слово, я её не выпускала...

Действительно, странно. Что ловушка сработала вхолостую — не диво, а вот что проволочка испарилась... Не иначе зверюга рванул приманку с такой страстью, что уволок её вместе с арматурой, каким-то чудом успев при этом пронырнуть под опускающейся горловиной. Что ж, повезло ему.

Опять мастерю спусковой рычаг — вычурнее прежнего. Подробно растолковывая Наде все его преимущества перед утраченным, наживляю кусочком сала и привожу банку в боевую готовность.

Стоит отвернуться — хлоп!

Чёрт возьми! Ну это уже, братцы вы мои, мистика чистой воды — с барабашками и телепортацией. Ловушка пуста, рычажок исчез.

Что тут можно предположить? Единственное реальное объяснение: улучив миг, мышь подскакивает к банке, вывёртывает головёнку набок и, ухватив рычажок за опорную часть, выдёргивает его целиком, после чего удирает со всем механизмом в дрова. Но, простите, подобные действия свидетельствуют либо о наличии разума, либо об отменной выучке.

Согласитесь, что обе версии явственно отдают бредом.

И лишь после третьей неудачи подряд становится ясно: шутки кончились. Поединок пошёл всерьёз. Те шесть лохов, накрывшиеся банкой в течение дня и справедливо зябнущие под соседской верандой, — кто они такие? Что представляют собой? Так, зарвавшаяся дачная шпана. Ни опыта, ни подготовки.

А теперь, стало быть, пригласили профессионала.

— Прямо «серый берет» какой-то... — ошарашенно бормочу я, выгибая очередную проволочку. — Ниндзя хвостатая...

И при этом даже сам не подозреваю, что приблизился к истине на опасное расстояние. Не зря, ох, не зря снилось мне танковое сражение под Прохоровкой!

Только семь лет спустя, когда наши правдолюбцы уже не знали, что бы им ещё такое рассекретить, в средствах массовой информации прошла череда материалов о животных, принимавших участие в Великой Отечественной войне. С удивлением, похожим на оторопь, я прочёл, что, кроме голубей-связных и собак-подрывников (теперь бы сказали — шахидов), специалистами Красной Армии было сформировано несколько мышиных диверсионных групп, предназначенных для борьбы с вражеской бронетехникой.

Контейнеры с грызунами сбрасывались ночью с самолётов на расположение танковых частей вермахта, после чего прошедшие соответствующую подготовку мыши рассредоточивались на местности и, обнаружив немецкий танк, проникали внутрь. Прежде всего уничтожению подлежали топливные шланги и электропроводка. Впрочем, как следует из донесений, подобные вылазки оказались малоэффективными против недавно поступивших на фронт «Тигров» и «Пантер». Газовый выхлоп панцирных чудовищ был настолько мощен, что мышь-смертница задыхалась, не успев добраться до жизненно важных узлов вражеской техники.

Тем не менее после ряда диверсий гитлеровское командование встревожилось — и вскоре в броневойска стали поступать из фатерлянда первые партии специально обученных котов. Об этом пишет, например, Отто Скорцени (любопытно, что в русском переводе абзац, где упоминаются коты, не то изъят, не то пропущен).

Поначалу в противотанковых операциях планировалось задействовать и крыс, но дальше проекта дело не пошло: то ли крупные грызуны не соответствовали габаритам, то ли их хвалёные умственные способности сильно уступали мышиным. Впрочем, я беседовал на данную тему со специалистом, и тот высказал спорную, на мой взгляд, догадку, будто крысы, напротив, оказались столь башковиты, что сумели закосить от армии. Однако, повторяю, звучит это не слишком убедительно. Не те были времена.

Если верить прессе, последний контейнер с мышами скинули на танковые колонны Гудериана в декабре 1942 года. Но проследил ли кто-нибудь дальнейшую судьбу серых диверсантов, доставленных в тыл врага? Разумеется, нет. Не до них было. Известный парламентарий, неутомимый борец с ком-

мунистическим прошлым, недавно во всеуслышание объявил с экрана, будто все они однозначно разбились о землю, поскольку контейнеры якобы сбрасывались без парашютов. Тогда непонятно, за каким дьяволом фрицам понадобилось гнать на фронт котов. Скорцени вроде врать не станет.

Нет, потери, конечно, были чудовищные. И всё же получается, что кое-кто выжил. Несколько боеготовых, прекрасно тренированных мышей не только уцелели, но и передали свои навыки потомству. Взаимообучаемость у них, как известно, феноменальная. Так что нравится нам это или не нравится, но на европейской территории страны, по самым приблизительным подсчётам, до сих пор продолжают действовать как минимум полторы сотни подпольных (естественно!) центров подготовки боевых мышей.

Но тогда, на даче, налаживая наивную свою ловушку, я, понятно, и предположить не мог, что мне противостоит потомок тех отчаянных вышколенных грызунов, бросавшихся под танки, в клубы ядовитых выхлопов, не страшась ни лязгающих гусениц, ни пистолетных пуль, ни котов вермахта.

Я выгибал из проволоки рычажок за рычажком, я раз от раза усложнял и совершенствовал их конструкцию. И всё повторялось сызнова. Надя уже глядела на меня с испугом, старалась, как могла, отвлечь, но я словно закоченел в своей решимости изловить гада во что бы то ни стало.

Он издевался надо мной. Ну сами прикиньте: что такое алюминиевая проволочная самоделка по сравнению с заводской деталью немецкого производства!

Наконец, побледневший, осунувшийся, жалкий, я виновато улыбнулся Наде и слабо развёл руками. За окошком вечерело. Пора было возвращаться в город. Присев на корточки, я отставил банку, снял сало со стерженька и с судорожным вздохом (твоя взяла!) бросил приманку на пол.

И тут он выскочил из поленницы.

Небольшой, можно даже сказать, маленький, нездешне тёмной масти. Каждое его движение было выверено и отработано. Поначалу показалось даже, что он атакует. Не стану уверять, будто вся жизнь прошла мгновенно перед моими глазами, но отпрянуть — отпрянул.

Он всё рассчитал заранее. Пока я только ещё собирался выйти из столбняка (если слово «столбняк» приложимо к че-

ловеку, сидящему на корточках), серый головорез схватил лежащее в сантиметре от моего правого ботинка сало и кинулся (вот она, выучка-то!) не назад, где все пути, по идее, давно перекрыты, а влево, вдоль печки. Видимо, принял меня за профессионала, такого же, как он сам.

Единственное, чего ему не удалось предусмотреть: под печной дверцей диверсанта подстерегал жестяной совок, в который он с разгону и влетел. Но даже столь неслыханная удача не могла повлиять на исход единоборства — слишком была велика разница в классе. С воплем ухватив правой рукой веник, а левой — совок, я вскинулся с корточек, но в следующий миг мой крохотный противник сорвался с жестяной кромки и ушёл в дрова нисходящим пологим прыжком. Как белка-летяга.

Нет, не то чтобы мы с Надей изменили теперь своё отношение к мышкам, но с некоторых пор, увидев суетящийся возле поленницы серый комочек, я мысленно спрашиваю: «Кто ты? Мирная полёвка или...»

Эхо войны отзывается не только взрывом ржавой авиабомбы, подцепленной случайно ковшом экскаватора. Не в силах уразуметь, что они уже не на фронте, брошенные на произвол судьбы «серые береты» продолжали заниматься тем, чему их обучили инструкторы. Полистайте подшивки старых газет. Когда страна пересела с танков на трактора, думаете, случайно начались многочисленные и более чем загадочные поломки сельскохозяйственной техники? Вспомните послевоенную волну репрессий, когда ни в чём не повинных механизаторов объявляли вредителями и гнали этапом в сталинские лагеря наравне с власовцами! Вспомните недовыполненные планы по продаже зерна государству и позорную необходимость прикупать хлеб в Канаде!

Так что, полагаю, далеко не случайно мой неуловимый супостат объявился на даче в то самое время, когда мышам нечего стало обезвреживать: экономика издыхала вполне самостоятельно, трактора и комбайны праздно ржавели.

Боюсь, однако, что главные беды впереди.

Знаю, большинство сочтёт опасность преувеличенной, а саму историю смехотворной. Тем хуже для нас. Да, предполагаемый противник минатюрен, но позвольте напомнить, что возбудители сибирской язвы ещё миниатюрнее.

Ведь сколько было случаев, когда создание восставало на создателя, тварь — на творца! Не мы ли на свою голову обучили когда-то арабских борцов за независимость (ныне — террористов) всем тонкостям диверсионной работы, а затем беспечно предоставили их самим себе? Рассеянные на огромном пространстве Российской Федерации формирования боевых мышей до сей поры действовали разрозненно и несогласованно. А ну как объединятся? Ну как объявится какой-нибудь мышиный вахабит и призовёт к джихаду?

Вот и вертолёты стали подозрительно часто падать...

И ещё информация к размышлению: сосед по даче применил против наших этапированных убойные мышеловки. До весны потом сидел без света. Погрызли электропроводку. А летом обнаружилось, что и шланги тоже.

Преимущество

Менар (возможно, сам того не желая) обогатил кропотливое и примитивное искусство чтения техническим приёмом. Этот приём населяет приключениями самые мирные книги.

Хорхе Луис Борхес

В предвкушении маленькой, но сладостной мести Армен присел на скамью, расчехлил ноутбук и, пока тот загружался, мельком оглядел дремучие громады крон, сквозь которые с переменным успехом пыталось проплавиться полуденное солнце. Благодать. Особенно, если учесть, что всё утро пришлось потратить на рутань в райотделе милиции. Точнее — в паспортном столе. А здесь... Тихо, относительно прохладно, никто не помешает.

Армен вывел на экран недавно скачанный текст и неспешно принялся доводить его до ума. Приближающихся шагов, разумеется, не услышал.

— Не помешаю? — Не дожидаясь ответа, спросивший присел рядом.

© Евгений Лукин, 2007

Да чтоб тебя... Пустых скамеек мало? Армен неприязненно взглянул на незванного собеседника. Увиденное его не обрадовало. Суровая физиономия. Можно даже сказать, авторитарная. Вдобавок с претензией на интеллект.

— Работаем? — полюбопытствовал подсевший. — Или так, в игрушки играем?

Армен насторожился. Воля ваша, но сама постановка вопроса какая-то была подозрительно ментовская. Хотя понятно. Теперь, после райотдела, дяди Стёпы будут мерещиться долго. Впрочем, для опера в штатском подсевший староват. Разве что отставник.

— Читаем, — сквозь зубы отозвался Армен.

— Хм... — озадаченно сказал пожилой незнакомец.

А может, бывший парламентарий. Уж больно величав. Остался не у дел, вянет без общения. В три приёма Армен убрал лишние пробелы между словами — и текст на экране заметно похорошел.

— Что-нибудь по специальности?

— Нет, художественное...

— Прямо с компьютера читаете?

— Угу...

Маститый старец поцокал, покачал головой.

— Глаза испортите, — сочувственно предупредил он.

— От чтения вообще глаза портятся, — последовал философский ответ.

— Ну... не в такой степени...

— В такой, в такой... — рассеянно отозвался Армен, делая все кавычки полиграфическими. — Это в прошлом веке мониторы были никудышние, а теперь без разницы... что экран, что бумага...

Из того, что он произнёс в течение всей беседы, смысл имело только одно слово — «угу». Так и надо было с самого начала: «Угу, угу, угу...» Как филин. Глядишь, отвязался бы.

— А я вот не могу с экрана, — признался отставник. — Книга для меня это... да! Книга — это книга.

— Угу... — сказал Армен.

— Книгу взял да пошёл...

— Угу... — сказал Армен.

— А тут такую тяжесть таскать...

На третье «угу» Армена не хватило.

— Да ну какая там тяжесть! — вынужден был возразить он. — Подарочные издания, бывает, больше весят. И потом у меня ж тут не одна книга-то. Целая библиотека.

— А потерял, уронил? — поддел собеседник. — Разом всё и накрылось.

— Ну так копировать надо. На диск, на флэшку...

Гравийная дорожка была испятнана тенями и солнцем, как шкура леопарда. Письмена Бога. Иногда леопард передёргивал шкурой, и письмена, надо полагать, меняли смысл.

— Библиотека! — Отставник усмехнулся. — К стеллажу подойдёшь, проведёшь рукой по корешкам: да, библиотека. А это... Нет, не понимаю.

Так разглагольствовать мог только человек с обширной жилплощадью. Или владелец особняка... В однокомнатке поживи!

— Чтение — оно и есть чтение, — хмуро сказал Армен. — Хоть с берестяной грамоты, хоть с бумаги, хоть с монитора...

— Но преимущество-то в чём?

«Неужели когда-то общение и впрямь было роскошью? — с тоской подумал Армен. — Теперь это чума».

— У меня, например, дальнозоркость... — начал он.

— Вот! — немедленно возликовал отставник.

— Врождённая. Компьютер тут ни при чём. А в книгах буковки обычно мелкие, слепые...

— Так очки-то на что?

— Терпеть не могу.

— А контактные линзы?

— Ещё хуже... Ходил у нас один в контактных. Ронял то и дело, потом ползал, на ощупь искал. Послюнит, на место прилепит... А тут — видите? Выделил весь текст, укрупнил — и читай на здоровье.

Собеседник проследил за операцией.

— А это вы что сейчас сделали?

— Заменил везде сдвоенные дефиски на длинные тире. Лёгким движением пальцев.

— Зачем?

— Красиво. И по типографским нормам положено.

— А вы кто по профессии?

— Когда-то работал верстальщиком. Вот, пожалуйста. Теперь текст смотрится как надо. Как должен смотреться.

— Всё равно, — упрямо сказал отставник. — Берёшь бумажную книгу в руки — и чувствуешь. Ощущаешь. С любовью сделано. Переплёт, обрез...

— Да уж с любовью там! Залепят всю крышку сусальным золотом — и вся любовь. Друг у меня, знаете, что делал? Купит книгу, обложку сорвёт и сам переплетёт по-новой. Как нужно. Или вёрстку взять! Глаза б не смотрели... А я-то для себя. Для своего удовольствия. Чтобы читать потом было приятно.

— Покажите, — не устоял собеседник.

Армен показал.

— Хм... — сказал тот. — Действительно... Это уже в готовом виде?

— Нет, — сказал Армен. — Последнего штриха не хватает.

— Какого?

— Секрет фирмы.

Отставник разулыбался.

— Ну, раз секрет, выпытывать не буду, — заверил он. — А что за текст? Классика? Современность?

— Современность.

— Да? Я вот больше по классике. Мопассан, Бокаччио... А что именно?

— Детектив. — Армен снова чуть развернул ноутбук на собеседника. — О трудных буднях нашей героической милиции.

— Ну-ка, ну-ка...

Армен развернул экран полностью. Собеседник нахмурился, достал очки. По прочтении названия повести мужественное лицо его приняло растроганное, несколько даже бабье выражение. Затем отвердело вновь.

— Тогда не смею мешать, — решительно сказал он, вставая. — Вникайте. — Спрятал очки. Отойдя на пару шагов, обернулся. — Хорошая книга. Читал. Хорошая. Приукрашены мы там слегка, не без этого, но в целом...

— Мы?

— Полковник милиции в отставке, — наконец-то представился незнакомец. — Последняя должность — замполит района...

Вот оно что. Замполит. Идеолог. Лицедей, короче.

— А всё-таки бумажная книга... — С лукавым видом отставной замполит погрозил напоследок пальчиком и ушёл по испятнанной тенями аллее. Навсегда. Или вернётся ещё?

Выждав, когда широкая спина собеседника надёжно скроется за поворотом, бывший верстальщик установил ноутбук в

исходное положение. Ну-с, приступим. Последний штрих. И Армен с чувством глубокого удовлетворения лёгким движением пальцев заменил везде «милиционер» на «урод». Всмотрелся, вздохнул... Конечно, строгая традиция требовала «козла», но там, к сожалению, беглая гласная в корне. Полистал, полюбовался идеально выверстанным текстом...

Попробовал бы он сделать такое с бумажной книгой!

NON-FICTION?

Как отмазывали ворону

Опыт криптолитературоведения

Не тот вор, что крадёт, а тот вор, что переводит.

В.И. Даль

Переимчивость русской литературы сравнима, пожалуй, лишь с переимчивостью русского языка. Человеку, ни разу не погружавшемуся в тихий омут филологии, трудно поверить, что такие, казалось бы, родные слова, как «лодырь» и «хулиган», имеют иностранные корни. Неминуемо усомнится он и в том, что «На севере диком стоит одиноко...» и «Что ты ржёшь, мой конь ретивый?» — переложения с немецкого и французского, а скажем, «Когда я на почте служил ямщиком» и «Жил-был у бабушки серенький козлик» — с польского.

Западная беллетристика всегда пользовалась у нас неизменным успехом. Уставшая от окружающей действительности публика влюблялась в заезжих героев, во всех этих Чайльд-

© Евгений Лукин, 2005

Гарольдов, д'Артаньянов, Горлумов, и самозабвенно принималась им подражать. Естественно, что многие переводы вросли корнями в отечественную почву и, как следствие, необратимо обрусели.

Тем более загадочным представляется чуть ли не единственное исключение, когда пришельцу из Европы, персонажу басни Лафонтена, в России оказали не просто холодный приём — высшее общество встретило героя с откровенной враждебностью. Вроде бы образ несчастной обманутой птицы должен был вызвать сочувствие у склонного к сантиментам читателя XVIII века, однако случилось обратное.

Вероятно, многое тут предопределил уровень первого перевода. Профессор элоквенции Василий Тредиаковский, не задумываясь о пагубных для репутации персонажа последствиях, со свойственным ему простодушием уже в первой строке выложил всю подноготную:

Негде Ворону унесть сыра часть случилось...

Воровство на Руси процветало издревле, однако же вот так впрямую намекать на это, ей-богу, не стоило. Кроме того, пугающе неопределённое слово «часть» могло относиться не только к отдельно взятому куску, но и к запасам сыра вообще. Бесчисленные доброхоты незамедлительно расшифровали слово «Ворон» как «Вор он» и строили далекоидущие догадки о том, кого имел в виду переводчик.

Натужная игривость второй строки:

На дерево с тем взлетел, кое полюбилось... —

нисколько не спасала — напротив, усугубляла положение. «Кое полюбилось». В неразборчивости Ворона многие узрели забвение приличий и развязность, граничащую с цинизмом. Мало того что тать, так ещё и вольнодумец!

Естественно, высший свет был шокирован. Императрица Анна Иоанновна вызвала поэта во дворец и, лицемерно придравшись к другому, вполне невинному в смысле сатиры произведению, публично влепила Тредиаковскому пощёчину. «Удостоился получить из собственных Е.И.В. рук всемилостивейшую оплеушину», — с унылой иронией вспоминает бедняга.

Следующим рискнул взяться за переложение той же басни Александр Сумароков, постаравшийся учесть горький опыт

предшественника. Правда, отрицать сам факт кражи сыра он тоже не дерзнул, но счёл возможным хотя бы привести смягчающие вину обстоятельства:

И птицы держатся людского ремесла.
Ворона сыру кус когда-то унесла
И на дуб села.
Села,
Да только лишь ещё ни крошечки не ела...

Ворон, как видим, под пером Сумарокова превратился в Ворону. Тонкий ход. Поэт надеялся, что к особе женского пола свет отнесётся снисходительнее. Имело резон и уточнение породы дерева: по замыслу, определённость выбора придавала характеру героини цельность и отчасти благонамеренность, поскольку дуб издавна считался символом Российской державности.

Увы, попытка оправдания вышла неудачной, а для автора, можно сказать, роковой. Уберечь Ворону от читательской неприязни так и не удалось. Александр Петрович повторил ошибку Василия Кирилловича: увесистое слово «кус» опять-таки наводило на мысль именно о крупном стяжательстве. Да и сами смягчающие вину обстоятельства выглядели в изложении Сумарокова крайне сомнительно. То, что люди тоже воруют, героиню, согласитесь, не оправдывало нисколько. Указание же на то, что, дескать, «ещё ни крошечки не ела», звучало и вовсе беспомощно. Как, впрочем, и робкий намёк на давность проступка, совершённого-де не сию минуту, а «когда-то».

Но самую дурную шутку, конечно, сыграл с переводчиком державный дуб: невольно возникал образ казнокрада, прячущегося под сенью государства. Некоторые вельможи решили, что басня — камешек в их огород. Сумарокова вынуждают покинуть Петербург. Умер поэт в нищете, затравленным, опустившимся человеком.

Неприятие образа Вороны было в тогдашнем обществе столь велико, что противостоящая ей Лиса в итоге превратилась в глазах читателей чуть ли не в положительного героя, в этакого носителя справедливости.

Потребовался гений Крылова, чтобы окончательно обелить Ворону, не подвергшись при этом гонениям. В своём переводе Иван Андреевич предстаёт перед восхищённой публикой не

только блистательным поэтом, но и непревзойдённым адвокатом. Недаром, читая речи таких выдающихся юристов, как Плевако, Карабчевский, Урусов, невольно приходишь к выводу, что шедевр Крылова они знали наизусть и выступления свои строили неукоснительно по его канону.

Представьте: встаёт адвокат и долго держит паузу. Публика, осклабившись, смотрит на него с весёлым злорадством: дескать, крутись-крутись, а сыр-то она всё равно... того-этого... Наконец как бы через силу защитник поднимает глаза и произносит с усталой укоризной:

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок...

Умолкает вновь. Присяжные озадачены, в зале — недоумённые шепотки. О чём это он? Куда клонит?

Адвокат между тем горько усмехается.

Вороне где-то Бог послал кусочек сыру... —

пренебрежительно шевельнув пальцами, роняет он как бы невзначай.

Не часть, обратите внимание, не кус, а всего-то навсего кусочек, из-за которого даже неловко шум поднимать. Но главное, конечно, не в этом. Бог послал! Понимаете, в какой угол он сразу же загоняет прокурора? Стоит что-либо возразить — заработаешь репутацию атеиста.

На ель ворона...

Почему на ель? А больше не на что. Дуб скомпрометирован переводом Сумарокова, а на ель оно как-то скромнее, менее вызывающе.

...взгромоздясь...

Блестяще! Казалось бы, адвокат не щадит подзащитной, он не пытается приукрасить её, он ничего не скрывает. Но в том-то и тонкость, что это неопрятное «взгромоздясь» содержит ещё и признак телесной немощи. Обвиняемую становится жалко.

Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась...

Вообразите на секунду, сколь проникновенно мог бы опытный адвокат преподнести это «позадумалась»! (Попробуй не позадумайся: кусочек-то — махонький...) Кое-кто из публики уже пригорюнился.

И тут следует резкое, как хлыст:

А сыр — во рту держала.

(Господа присяжные заседатели, господин судья! Я прошу обратить особое внимание на это обстоятельство. Именно во рту! Будь моя подзащитная более осмотрительна...)

О сомнительном происхождении сыра давно забыто. Все зачарованно слушают адвоката...

Итак, почва подготовлена, можно сеять. Можно даже ограничиться простым пересказом инцидента, сухо бросив напоследок:

Сыр выпал. С ним была плутовка такова.

Присяжные в задумчивости удаляются на совещание. Отсутствуют они недолго, и решение их единогласно. Ворону освобождают из-под стражи прямо в зале суда, а против Лисицы возбуждается уголовное дело.

Манифест партии национал-лингвистов

Нет, господа! России предстоит,
Соединив прошедшее с грядущим,
Создать, коль смею выразиться, вид,
Который называется присущим
Всем временам; и, став на свой гранит,
Имущим, так сказать, и неимущим
Открыть родник взаимного труда.
Надеюсь, вам понятно, господа?

Граф Алексей Константинович Толстой

Коренное отличие партии национал-лингвистов от всех остальных партий заключается в том, что она не намерена проводить в жизнь никаких конкретных политических или экономических программ. Построение какого-либо общества в условиях России — дело глубоко безнадежное, и наша история служит неопровержимым тому свидетельством. В свое время мы, как явствует из трудов Сергея Михайловича Соловьева, не смогли достроить феодализм; попытки построения капитализма кончились Октябрьской

© Евгений Лукин, 1997

революцией; крах строительства коммунизма произошел на наших глазах. Историки утверждают также, что Древняя Русь каким-то образом миновала рабовладельческий период, из чего мы имеем право вывести заключение, что и эта формация была нами просто-напросто недостроена. Чем окончится вновь начатое построение капитализма, догадаться несложно.

2. Поэтому задачу свою партия национал-лингвистов видит в создании условий, при которых в России можно будет хоть что-нибудь ДОСТРОИТЬ ДО КОНЦА, осуществив таким образом давнюю мечту Федора Михайловича Достоевского.

3. Для этого необходимо выяснить, что же мешало нашим предкам (а впоследствии и нам самим) учесть ошибки прошлого и вместо бесконечных разрушительных перестроек завершить строительство хоть какой-нибудь общественной, пусть плохонькой, но формации. Ссылки на трудное географическое положение и непомерные размеры государства неубедительны. Так, попытки построения феодализма одинаково безуспешно предпринимались и в Днепровских степях, и в лесах Ростово-Суздальского княжества. Что же касается необъятных просторов родной страны, то было время, когда Московская Русь съеживалась на века до размеров нынешней области. Поэтому не стоит кивать на географию. Истинную причину партия национал-лингвистов видит только в одном — в нашем русском менталитете.

4. Мысль Владимира Ивановича Даля о том, что национальность человека определяется языком, на котором этот человек думает, партия национал-лингвистов полагает краеугольным камнем своей платформы. Для удобства расчетов партия ставит знак равенства между русским языком и русским менталитетом.

5. Проиллюстрируем это положение следующим примером. Изучая английский, мы сталкиваемся с модальными глаголами. В русском же мы имеем дело с модальными словами («должен», «рад», «готов», «обязан»). Вполне естественно, что русскому человеку свойственно долги не возвращать, поскольку слово «должен» глаголом не является и, стало быть, действия не подразумевает.

6. Великая нация пишет на стенах. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть хотя бы в американскую подземку. Стены Восточной Европы неопровержимо свидетельствуют, что русские — это именно великая нация. По мнению национал-

лингвистов, все города, исписанные преимущественно русскими словами, должны (см. предыдущий раздел) принадлежать России.

7. Русский язык есть единственно достоверный источник сведений о нашем прошлом. Национал-лингвисту не нужно прорываться к закрытым архивам и ворошить груды статистических данных (которые, кстати, весьма легко подделать). К примеру, чтобы выяснить, на чьей стороне выступала основная масса казачества в гражданской войне 1918—1920 годов, достаточно вспомнить, что «белоказак» пишется слитно, а «красный казак» — раздельно. Попробуйте произнести «красноказак», и вы почувствуете сами, насколько это противно артикуляции.

8. Русский язык есть единственно достоверный источник сведений о нашем настоящем. Если национал-лингвист замечает, что первое склонение существительных вновь обрело в устной речи звательный падеж, он (национал-лингвист) обязан сделать из этого выводы о повышенном внимании к существительным женского рода («Мам!», «Теть!», «Маш!») или же хотя бы косящим под женский род («Дядь!», «Борь!», «Саш!»).

9. Русский язык есть единственно достоверный источник сведений о нашем будущем. Подслушав в уличном разговоре слова «Пошли к Витьку!» и ответ «А вот до хрена там!» (в значении — «Не пойду!»), национал-лингвист не должен возмущаться неправильностью или нелогичностью формулировки. Не исключено, что это логика завтрашнего дня.

10. Бороться с языком (или, скажем, за чистоту языка) бесполезно. Приблизительно в 1965 году была объявлена беспощадная война выражению «Кто крайний?». Были подключены пресса, радио, телевидение, школа. Тщетно. «Кто крайний?» играючи вытеснило из очередей рекомендованную форму «Кто последний?» вопреки возмущениям педагогов и насмешкам сатириков. Создается впечатление, что язык сам выбирает пути развития и становиться на его дороге просто неразумно.

11. Мысля на современном русском языке, нам никогда ничего не достроить, поскольку русские глаголы совершенного вида в настоящем времени употреблены быть не могут. В настоящем времени можно лишь ДЕЛАТЬ что-то (несовершенный вид). СДЕЛАТЬ (совершенный) можно лишь в прошедшем и в будущем временах. Однако будущее никогда не наступит в силу того, что оно будущее, а о прошедшем речь пойдет ниже.

Возьмем для сравнения тот же английский. Четыре формы настоящего времени глагола. И среди них НАСТОЯЩЕЕ СОВЕРШЕННОЕ. Будь мы англоязычны, мы бы давно уже что-нибудь построили.

12. Мысля на современном русском языке, нам никогда не учесть ошибок прошлого, потому что русские глаголы прошедшего времени — это даже и не глаголы вовсе. Это бывшие краткие страдательные причастия. Они обозначали не действие, а качество. Они не спрягаются, но подобно именам изменяются по родам («я отпал», «я отпала», «я отпало»). Хорошо хоть не склоняются — и на том спасибо! Иными словами, прошлое для нас не процесс, а скорее картина, которую весьма легко сменить. Только что оно было беспросветно-мрачным, и вдруг — глядь, а оно уже лучезарно-светлое! Или наоборот.

13. Русский менталитет возник во всей своей полноте вместе с современным русским языком, что совершенно естественно (см. раздел 4). Наши предки, мысля на древнерусском, представляли (в отличие от нас!) свое прошлое именно процессом, причем весьма сложным, поскольку древнерусский язык (в отличие от современного) имел четыре формы прошедшего времени глагола. Не вдаваясь в подробности, приведем пример. Такой простенький древнерусский оборот, как «писали бяхомъ», на современный русский приходится переводить следующей громоздкой конструкцией: «мы, мужчины, в количестве не менее трех человек, перед тем, как натворить еще что-то в прошлом, — писали».

14. Установить точную дату возникновения современного русского языка (а стало быть, и русского менталитета) дело весьма сложное. Ограничимся осторожным утверждением, что это произошло где-то между грозным царем и крутым протопопом. Именно тогда наш язык (а стало быть, и мышление) упрощается до предела. Мы теряем добрую половину склонений и все формы прошедшего времени, довольствуясь жалкими огрызками перфекта, которые, как было сказано выше (см. раздел 12), и глаголами-то не являлись. Любопытно, что именно с этого момента русская история обретает странную цикличность: каждая первая четверть века знаменуется гражданской войной и вторжением интервентов. Объяснить эту странность партия пока не берется. Заметим лишь, что единственное исключение (XIX век) ничего не опровергает, поскольку в

данном случае вторжение (1812) и попытка гражданской войны (1825) просто не совпали по фазе.

15. Кстати, о гражданских и прочих войнах. Замечено, что в русском языке пропасть между витиевато сложной литературной речью и предельно упрощенной речью нелитературной особенно глубока. Думается, что именно в этом кроется одна из причин зверства отечественной цензуры, которая, заметим, всегда в итоге терпела поражение. Скажем, до войн с Наполеоном слово «черт» считалось, безусловно, неприличным и на письме обозначалось точками. А малое время спустя (у того же Николая Васильевича Гоголя, к примеру) оно уже красуется в первозданном виде без каких бы то ни было точек. Подобных примеров можно привести множество, и изобилие их наводит на мысль, что ненормативная лексика (как и вся устная речь вообще) прокладывает себе дорогу с помощью войн и гражданских смут. Отсюда недалеко до вывода, что всякая революция есть результат напряженности между двумя стилистическими пластами. Иными словами, борясь за чистоту языка, ты приближаешь революцию.

16. Итак, мысля на современном русском, нам не учесть ошибок прошлого и ничего не построить в настоящем. Где же выход? Вновь вернуться к древнерусскому языку с его четырьмя формами прошедшего времени глагола? Во-первых, это нереально, а во-вторых, чревато гражданской смутой (см. предыдущий раздел). Кроме того, мы не иудеи. Только они могли воскресить древнееврейский и сделать его разговорным, а затем и государственным языком. В нашем случае возврат к прошлому ничего не даст. Разрыв между настоящим и будущим временами существовал еще в древнерусском, что, собственно, и помешало князьям Рюрикова рода завершить строительство феодализма в Киевской Руси. И наконец, это была бы попытка плыть против течения, поскольку известно, что язык имеет тенденцию не к усложнению, а к упрощению (см. раздел 14).

17. И все же выход есть. Поскольку именно глагол мешает успешному построению в России чего бы то ни было, его просто-напросто следует упразднить. Поэтому, если партия национал-лингвистов волею случая придет к власти, первым ее декретом будет «ДЕКРЕТ ОБ ОТМЕНЕ ГЛАГОЛОВ».

18. Да, но как же без глаголов-то? Какая же это жизнь без глаголов? Ответ: самая что ни на есть нормальная. С какого

потолка, интересно, утверждение, что глаголы в нашей повседневности необходимы? Да они в русской речи вообще не нужны. К чему они? Зачем? Какая от них польза? Да никакой. Без них даже удобнее. И вот вам лучшее тому доказательство: иному ведь и невдомек, что в данном разделе нет ни единого глагола!

19. Да, но как же изящная словесность? «Глаголом жги сердца людей...» Тоже не аргумент. Афанасий Фет, например, вполне мог жечь сердца, не прибегая к глаголам:

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья, и т.д.

А если кто не может работать на уровне Фета, то это уже его проблемы.

20. Учение национал-лингвистов всесильно, потому что не противоречит устремлениям русского языка. Он и сам начинает помаленьку освобождаться от глаголов. Так, глагол «быть» (!) уже не употребляется нами в настоящем (!) времени. При письме мы стыдливо ставим на его место тире («Столяров — писатель», «кошка — хищник»), но в устной речи тире не поставишь. Понятия волшебным образом переливаются одно в другое, не требуя глагола-связки. Именно поэтому русский человек гениален.

21. Американец ни за что не додумается развести бензин водой, потому что между словами «бензин» и «вода» у него стоит глагол, мешающий этим понятиям слиться воедино. У нас же между ними даже и тире нету, поскольку мыслим мы все-таки устно, а не письменно. Становится понятно, почему все гениальные изобретения, включая паровоз и велосипед, были сделаны именно в России. Могут возразить: «А почему же тогда все эти изобретения были внедрены не у нас, а за рубежом?» Человеку, задавшему такой вопрос, мы рекомендуем еще раз внимательно перечитать предыдущие разделы данного «Манифеста».

22. И все же, когда декрет об отмене глаголов вступит в силу, граждане России (интеллигенция, в частности) некоторое время волей-неволей будут ощущать неудобство и некое зияние в устной речи. Поэтому, чтобы обеспечить плавный переход к счастливому безглагольному существованию, партия на-

ционал-лингвистов намерена обнародовать и провести в жизнь «ДЕКРЕТ О ЗАМЕНЕ ГЛАГОЛА МЕЖДОМЕТИЕМ».

23. Действительно, междометие нисколько не хуже, а подчас даже и лучше глагола выражает исконно русские действия. Вспомним незабвенное блоковское «трах-тарарах-тах-тах-тах-тах!». Мало того, междометие выгодно отличается от глагола емкостью и мгновенностью исполнения («шлеп!», «щелк!», «бултых!», и т.д.). А то, что большинство междометий произошло именно от глаголов, не имеет ровно никакого значения. Дети за родителей не отвечают.

24. Некоторых, возможно, смутит, что многие российские междометия решительно нецензурны. Чего стоят, скажем, одни только речения типа «.....!» и «....!». Думается, однако, что не стоит по этому поводу издавать отдельный декрет. Полная отмена цензуры — единственный пункт, по которому национал-лингвисты полностью согласны с нынешними строителями капитализма.

25. Национал-лингвисты внимательны к своему богатому ошибками прошлому. Самого пристального изучения заслуживает тот факт, что все безглагольные лозунги наших предшественников в большинстве своем выполнялись («Руки прочь от Вьетнама!», «Все — на коммунистический субботник!»). Или хотя бы соответствовали действительности («Партия — наш рулевой»). Стоило затесаться в лозунг хотя бы одному глаголу («Решения такого-то Пленума — выполним!»), как все тут же шло прахом.

26. Могут возразить: а как же глагол «даешь»? Тоже ведь срабатывал безотказно. Но и это, увы, не возражение. Глагол «даешь» в процессе гражданской войны настолько обкатался, что и сам превратился в междометие. Формы «даю» и «дает» уже не имеют к нему никакого отношения. То же касается и самого известного российского глагола, навечно застывшего в одной-единственной форме.

27. Слив таким образом воедино в мышлении россиян прошлое с настоящим, а настоящее с будущим и уничтожив пропасть между нормативной лексикой и лексикой ненормативной, партия национал-лингвистов создаст условия для окончательного построения чего бы то ни было на территории нашей страны.

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ! .....! ....! И ПОБЕДА — ЗА НАМИ!

История одной подделки, или подделка одной истории

Вступление

Тот факт, что история всегда пишется задним числом, в доказательствах не нуждается. Прошлое творится настоящим. Чем дальше от нас война, тем больше ее участников и, следовательно, свидетельств о ней.

Приведем один из великого множества примеров: выдающийся русский историк С.М. Соловьев утверждал в конце прошлого века, что эстонцам совершенно неизвестно искусство песни. Утверждение, мягко говоря, ошарашивающее. Эстонские хоры славятся ныне повсюду. Остается предположить, что древняя музыкальная культура Эстонии была создана совсем недавно и за короткое время.

Впрочем, пример явно неудачный, поскольку само существование выдающегося историка С.М. Соловьева вызывает сильные сомнения, и очередное переиздание его сочинений — первый к тому повод.

Евгений Лукин, 1999

Немаловажно и другое. Как заметил однажды самородок из Калуги К.Э. Циолковский (личность скорее всего также сфабрикованная), науку продвигают вперед не маститые ученые, а полуграмотные самоучки. С этим трудно не согласиться. Действительно, давно известно, что забвение какой-либо научной дисциплины неминуемо ведет к выдающимся открытиям в этой области. Скажем, П.П. Глобе для того, чтобы обнаружить незримую планету Приап, достаточно было пренебречь астрономией.

Итак, имея все необходимые для этого данные, попробуем и мы предположить или хотя бы заподозрить, в какой именно период времени была создана задним числом наша великая история.

1. Как это делается

Вымысел, именуемый историей, принято считать истиной лишь в тех случаях, когда он находит отзвук в сердце народном. И какая нам, в сущности, разница, что в момент утопления княжны в Волге Стенька Разин, согласно свидетельствам современников, зимовал на реке Урал! Какая нам разница, что Вещий Олег вряд ли додумался наступить на череп коня босиком!

Всякое историческое событие состоит из лишенного смысла ядра и нескольких смысловых оболочек. Собственно ядро (то есть само событие) и не должно иметь смысла, иначе отклика в сердцах просто не возникнет. Смысловые же оболочки призваны привнести в очевидную несуразицу легкий оттенок причинности и предназначены в основном для маловеров.

Возьмем в качестве примера подвиг Ивана Сусанина. Несомненно, что безымянные авторы, стараясь придать событию напряженность и драматизм, сознательно действовали в ущерб достоверности. Они прекрасно понимали, что критически настроенный обыватель в любом случае задаст вопрос: а как вообще стало известно об этом подвиге, если из леса никто не вышел? Поэтому вокруг ядра была сформирована оболочка в виде жаркой полемики между двумя вымышленными лицами (выдающимися русскими историками С.М. Соловьевым и Н.И. Костомаровым), призванная надежно заморочить головы усомнившимся.

Н.И. Костомаров, решительно отрицая саму возможность подвига, указывал, что зять Сусанина Богдан Собинин попро-

сил вознаграждения за смерть тестя лишь через семь лет после оной и даже не мог точно указать, где именно совершилось злодеяние. Понятно, что, ознакомившись с такими аргументами, критикан-обыватель начинал чувствовать себя полным дураком, терял уверенность и становился легкой добычей С.М. Соловьева, который блистательно опровергал по всем позициям Н.И. Костомарова, хотя и признавал, что никаких поляков в тот период в Костромском уезде не было и быть не могло.

Любая попытка придать видимость смысла самому событию обречена на провал в принципе. Так, по первоначальному замыслу авторов данного подвига, предполагалось, что Сусанин поведет поляков на Москву, но в процессе работы обнаружилась неувязка, ибо поляки, согласно сюжету, дорогу на Москву уже и сами знали. Пришлось срочно менять маршрут и вести врагов в менее известную им Кострому, предварительно поместив туда в качестве весьма сомнительной приманки еще не избранного в цари Михаила Романова. В итоге все эти ненужные сложности отклика в народном сердце так и не нашли. Большинство нашего поэтически настроенного населения по-прежнему предпочитает, вопреки учебникам, именно московский вариант — как наиболее эффектный.

По данному принципу построены все события русской истории без исключения, и это наводит на мысль, что изготовлены они одним и тем же коллективом авторов.

2. Предшественники

Мысль о том, что отраженное в документах прошлое не имеет отношения к происходившему в действительности, не нова. Многие исследователи в разное время делились с публикой сомнениями относительно реальности того или иного исторического лица. Чаще всего споры возникали вокруг представителей изящной словесности, и чем гениальнее был объект исследования, тем больше по его поводу возникало сомнений. Гомер, Шекспир, Вийон — список можно продолжить.

В отдельных случаях сомнения перерастали в уверенность. Например, очевидна подделка некоторых трудов И.С. Баркова (и, в какой-то степени, самой личности автора: неизвестные мистификаторы не смогли даже договориться, Семенович он или же Степанович). Скандальная поэма «Лука Мудищев» выполнена талантливо, но ужасающе небрежно: выдержана в

стиле начала прошлого столетия, в то время как Барков, по легенде, жил в середине позапрошлого. Поневоле пришлось объявить создателя поэмы лже-Барковым, что, конечно же, вполне справедливо.

Вообще все литературные мистификации делятся на частично раскрытые («Слово о полку Игореве», Оссиан, «Гузла», «Повести Белкина», Черубина де Габриак) и нераскрытые вовсе (примеров — бесчисленное множество). Что значит «частично раскрытые»? Только то, что исследователи, усомнившиеся в подлинности данных произведений и авторов, являются частью смысловой оболочки, т.е. тоже суть чей-то вымысел. Поэтому вопрос Понтия Пилата «Что есть истина?» — отнюдь не кажется нам головоломным. Истина в данном случае — то, что не удалось скрыть.

Поначалу сомнения касались лишь отдельных исторических лиц. Первым ученым, заподозрившим, что сфальсифицирована вся история в целом, был революционер Н.А. Морозов, член исполкома «Народной воли», участник покушений на Александра II, просидевший свыше двадцати лет в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, впоследствии — почетный член АН СССР. Биография выдержана, как видим, в героических, чтобы не сказать — приключенческих тонах, что также наводит на определенные подозрения.

Но Н.А. Морозов (независимо от того, существовал ли он на самом деле) усомнился далеко не во всей, а лишь в древней истории, объявив, например, Элладу позднейшей подделкой рыцарей-крестоносцев, которые якобы добыли мрамор, возвели Акрополь и т.д.

Нынешние последователи великого шлиссельбуржца недалеко ушли от своего легендарного учителя. Все они по-прежнему в один голос утверждают, что историю можно считать достоверной лишь с момента возникновения книгопечатания. Раньше, мол, каждый писал что хотел, а печатный станок с этим произволом покончил. То есть, по их мнению, растиражированное вранье перестает быть таковым и автоматически становится истиной. Утверждение, прямо скажем, сомнительное. Именно с помощью печатного станка можно подделать все на свете, в том числе и дату его изобретения. Беспощадно расправляясь с историей Древнего мира, морозовцы по непонятным причинам современную историю — щадят. То ли им не хватает логики, то ли отваги.

3. Методы

Сразу оговоримся: мы не собираемся опровергать Н.А. Морозова — напротив, мы намерены творчески развить учение мифического узника двух крепостей.

Излюбленный прием ученых морозовского толка — сличение генеалогий и биографий. Если два жизнеописания совпадают по нескольким пунктам, то, стало быть, это одна и та же биография, только сдвинутая по временной шкале на несколько десятилетий, а то и веков.

Попробуем же применить этот метод, распространив его на историю новую и новейшую.

Среди любителей мистики и всяческой эзотерики пользуется популярностью следующая хронологическая таблица, полная умышленных неточностей и наверняка знакомая читателю:

Наполеон родился в 1760 г.
Гитлер родился в 1889 г.
Разница — 129 лет.
Наполеон пришел к власти в 1804 г.
Гитлер пришел к власти в 1933 г.
Разница — 129 лет.
Наполеон напал на Россию в 1812 г.
Гитлер напал на Россию в 1941 г.
Разница — 129 лет.
Наполеон проиграл войну в 1916 г.
Гитлер проиграл войну в 1945 г.
Разница — 129 лет.

Оба пришли к власти в 44 года. Оба напали на Россию в 52 года. Оба проиграли войну в 56 лет.

Даже если забыть о том, что год рождения Наполеона указан неверно (о более мелких подтасовках умолчим), таблица все равно производит сильное впечатление. Мало того, она неопровержимо свидетельствует, что биография Наполеона — это биография Гитлера, сдвинутая в прошлое на 129 лет. Иными словами, образ Наполеона Бонапарта — это облагороженный и романтизированный образ Адольфа Гитлера.

Далее. Если мы сравним действия обоих завоевателей на территории России, то неизбежно придем к выводу, что кампания 1812 года — не что иное, как усеченный вариант Великой Отечественной войны.

И это еще не все. Исследуя Петровскую эпоху, историки отмечают, что поход Карла XII на Россию предвосхищает в

подробностях вторжение Бонапарта. Да и немудрено, особенно если учесть, что Карл XII был столь же бесцеремонно списан с Наполеона, как Наполеон — с Гитлера!

Итак, мы почти уже нащупали первую интересующую нас дату. События войны 1812 года не могли быть зафиксированы раньше начала Великой Отечественной, поскольку их просто не с чего было списывать.

4. За что воюем

Грандиозные завоевания, якобы происходившие в давнем прошлом, порождены разнузданным поэтическим воображением, и поэтому рассматривать их мы не будем. Обратимся к недавним и современным войнам, отметив одну характерную особенность: и страна-победительница, и страна, потерпевшая поражение, в итоге всегда сохраняют довоенные очертания. Правда, иногда для вящего правдоподобия победитель делает вид, будто аннексирует часть земли, якобы захваченную противником во время прошлой войны (наверняка вымышленной). На самом деле аннексируемые земли и раньше принадлежали победителю.

Как это все объяснить? Да очень просто. Суть в том, что войны ведутся вовсе не за передел территории, как принято думать, а за передел истории. Франции, например, пришлось выдержать тяжелейшую войну и оккупацию, прежде чем Германия согласилась признать Наполеона историческим лицом. И то лишь в обмен на Бисмарка.

В Европе принято, что любая уважающая себя страна должна иметь славное прошлое. Но, начиная его создавать, запоздало спохватившееся государство сталкивается с противодействием соседей, в историю которых оно неминуемо при этом вторгается. Вполне вероятно, Великой Отечественной войны удалось бы избежать, не объяви мы во всеуслышание, будто русские войска во время царствования Елизаветы Петровны не только захватили Пруссию, но еще и взяли Берлин. Само собой разумеется, что такого оскорбления гитлеровская Германия просто не могла снести.

Сами масштабы Великой Отечественной войны подсказывают, что велась она не за отдельные исторические события, но за всю нашу историю в целом. То есть мы уже вплотную подошли к ответу на поставленный нами вопрос. История го-

сударства Российского, начиная с Рюрика, была создана (в общих чертах) непосредственно перед Великой Отечественной и явилась ее причиной. Доработка и уточнение исторических событий продолжались во время войны, а также в первые послевоенные годы.

5. Авторы и исполнители

Не беремся точно указать дату возникновения грандиозного замысла, но дата приступа к делу — очевидна. Это 1937 год. Начало сталинских репрессий. Проводились они, как известно, под предлогом усиления классовой борьбы, истинной же подоплекой принято считать сложности экономического характера. С помощью калькулятора нетрудно, однако, убедиться, что количество репрессированных значительно превышало нужды народного хозяйства.

Где же использовался этот огромный избыток рабочих рук и умных голов? Большей частью на строительстве исторических памятников. Именно тогда, перед войной, были возведены непревзойденные шедевры древнерусского зодчества, призванные доказать превосходство наших предков перед народами Европы, созданы многочисленные свитки летописей, разработана генеалогия Великих Князей Московских и трехсотлетняя история дома Романовых.

Конечно, не обходилось и без накладок. Далеко не все репрессированные работали добросовестно. Кое-какие из храмов даже пришлось взорвать — якобы по идеологическим причинам. В исторические документы вкрадывались досадные неточности, часто допущенные умышленно. Иногда составители документов опасно развлекались, изобретая забавные имена правителям и героям. Академик Фоменко совершенно справедливо заметил, что Батый — это искаженное «батя», то есть «отец». Странно, но вторая столь же непритязательная шутка безымянного ЗК-летописца ускользнула от внимания академика. Батый и Мамай — это ведь явная супружеская пара!

Но, несмотря на все эти промахи, несмотря на неряшливый стиль произведений Достоевского и графа Толстого, созданных второпях коллективом авторов, на явную несостыкованность некоторых исторических событий, работа была проделана громадная. Ценой неимоверных лишений и бесчисленных жертв наш народ не только сотворил историю, но

и отстоял ее затем в жестокой войне, хотя многие солдаты даже не подозревали, что они защищают скорее свое прошлое, нежели настоящее и будущее.

Теперь становится понятно, почему Сталина, за личностью которого тоже, кстати, стояла целая группа авторов, называли гением всех времен и народов. Известно, что после войны планировалась очередная волна репрессий, и, если бы не распад головной творческой группы (1953 г.), наша история наверняка стала бы еще более древней и величественной.

Заключение

Данная работа не претендует на полноту изложения, она лишь скромно указывает возможное направление исследований.

Предвидим два недоуменных вопроса и отвечаем на них заранее.

Первый: каким образом некоторым откровенно незначительным в политическом отношении странам (Македонии или, скажем, Греции) удалось отхватить столь роскошный послужной список? Ответ очевиден: конечно, на историю Древнего мира точили зубы многие ведущие государства Европы. Но, будучи не в силах присвоить ее военным путем, они пришли к обычному в таких случаях компромиссу: не мне — значит, никому. Было решено отдать древнее прошлое, образно выражаясь, в пользу нищих (греков, евреев, египтян и пр.). Греки приняли подарок с полным равнодушием, а вот евреи имели глупость отнестись к нему всерьез и возомнили себя богоизбранным народом, за что пользуются заслуженной неприязнью во всех странах, дорого заплативших за славу своих предков.

И второй вопрос: если главная движущая сила политики — стремление к переделу прошлого, то чем был вызван распад Советского Союза? Исключительно желанием малых народностей переписать историю по-своему, чем они, собственно, теперь и занимаются. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно пролистать школьный учебник, изданный недавно, ну, хотя бы в Кишиневе.

Многие, возможно, ужаснутся, осознав, что наше прошлое целиком и полностью фальсифицировано. Честно сказать, повода для ужаса мы здесь не видим. Уж если ужасаться чему-нибудь, то скорее тому, что фальсифицировано наше настоящее.

Типа неопределенный артикль

Заметки национал-лингвиста

Иногда грамматике надоедает упрощаться, и тогда она отчиняет что-нибудь этакое, на первый взгляд не вписывающееся ни в одни ворота. Согласитесь, что артикль, т.е. служебное слово, прилагаемое к существительному и придающее ему значение определенности или неопределенности, в русском языке явление неслыханное. Скажи мне кто-нибудь лет десять назад, что такое возможно, я бы поднял его на смех. И тем не менее волей-неволей приходится признать присутствие в современной устной речи стремительно формирующегося неопределенного артикля.

Любители анекдотов, конечно, решат, что в виду имеется общеизвестное мелодичное словцо из ненормативной лексики, — и ошибутся. Вопреки фольклору данное слово никак не может претендовать на роль артикля. Во-первых, оно не прилагается к какому-либо конкретному существи-

© Евгений Лукин, 2000

тельному, а во-вторых, не привносит оттенка определенности или неопределенности.

Зато несправедливо объявленное паразитом словечко «типа» вполне удовлетворяет вышеперечисленным требованиям, и, как мы вскоре убедимся, не только им.

Обратите внимание, сколь естественно сочетается оно с именами, придавая им очаровательную размывчатость:

И. типа друг.
Р. типа друга.
Д. типа другу.
В. типа друга.
Т. типа другом.
П. типа о друге.

Очернители западного толка наверняка попытаются объяснить этот феномен заокеанским влиянием. Естественно, что главным их козырем будет наличие в английском артиклей, а также иноязычное происхождение слова «тип». Да, оно не относится к исконной лексике, что огорчает меня как патриота. Как патриот я бы, конечно, предпочел, чтобы артиклем стало какое-нибудь чисто русское слово («вроде», «якобы», «как бы»). Однако языку видней — и в выборе средств мы ему не указчики.

Предвижу, что в ходе предстоящей полемики мои оппоненты прибегнут к умышленному неразличению существительного «тип» и артикля «типа». Однако отличие их друг от друга очевидно. Промежуточная форма (существительное «тип» в родительном падеже) в сочетании с другими именами требует управления («типа корабля»). Но это еще не артикль. Настоящий артикль начинается там, где управление перестает действовать («типа корабль»).

Добавим, что ни в одном языке, кроме русского, слово «тип» не играло роль служебного. Замечательно и то, что, присоединяясь к существительному, оно не просто придает ему значение неопределенности, но как бы ставит под сомнение в целом, что совершенно не свойственно иноязычным артиклям. Исходя из этого, можно смело утверждать, что служебное слово «типа» есть чисто отечественное явление, возникшее на русской почве и впрямую связанное с крахом тоталитарного режима.

Начнем с того, что советскому человеку сомнения вообще не были свойственны. Каждое слово стремилось к единственно возможному, идеологически выверенному смыслу.

Вот прекрасный образец фразы советского периода: «Человек произошел от обезьяны». Постсоветский индивидуум так ни за что не выразится. Он скажет: «Человек произошел типа от обезьяны». То есть говорящий уже и сам не уверен: а точно ли от обезьяны. Может быть, все-таки «типа Бог сотворил»?

Иными словами, крушение материалистического мировоззрения нашло отражение в грамматике, хотя и не было, на мой взгляд, главной причиной возникновения артикля. Главная причина, как ни странно, чисто финансовая. С приходом в сферу экономики утюга и паяльника значительно возросла ответственность за каждое произнесенное слово. Сравним два предложения: «Я твой должник...» — и «Я твой типа должник...» За первую фразу приходится отвечать. За вторую — типа отвечать.

Следует заметить, что неопределенный артикль «типа» по многим характеристикам превосходит лучшие зарубежные образцы. Он, правда, не склоняется подобно артиклям древне- и среднегреческого языков, не изменяется по родам и числам, как немецкие артикли, зато он может быть распространенным. Например: «типа того, что как бы». («Ну, он типа того, что как бы лингвист».)

Пока я вижу лишь одно действительно серьезное возражение: неопределенный артикль «типа» может прилагаться не только к существительным, но также к иным именам («типа деловой»), к местоимениям («типа у нее») и даже к глаголам («типа есть»). Строго говоря, артиклям это несвойственно. Во всяком случае, в мировой практике ничего подобного до сей поры не наблюдалось. Хотя, с другой стороны, у них вон и бензин с водой не смешивается — так что ж теперь!

Данное затруднение, как мне кажется, можно разрешить двумя способами. Первый: признать за артиклями право прилагаться не только к существительным, но и к другим частям речи, включая глагол (тем более что глаголы в русском языке все равно обречены, и исчезновение их — лишь вопрос времени). Однако языковеды по косности своей вряд ли отважатся на коренную ломку традиционных, слагавшихся веками представлений. Поэтому более реальным мне видится второй выход: объявить слово «типа» принципиально новой служебной частью речи.

Это — не просто неопределенный артикль, это — типа неопределенный артикль.

О рычагах воздействия и чистоте речи

Заметки национал-лингвиста

...на мельнице русской смололи заезжий татарский язык.

Ярослав Смеляков

1. Рычагом по артиклю

В январе 2001 года журналом «Если» по просьбе Центрального Комитета партии национал-лингвистов были опубликованы материалы, свидетельствующие о широкомасштабном наступлении нарождающегося неопределённого артикля «типа». Это языковое явление было высоко оценено партией и всячески приветствовалось как новый шаг к счастливому менталитету. Единственная оговорка, сделанная с разрешения ЦК автором статьи, выглядела следующим образом: «Как патриот я бы, конечно, предпочёл, чтобы артиклем стало какое-нибудь чисто русское слово («вроде», «яко-

© Евгений Лукин, 2004

бы», «как бы»). Однако языку видней — и в выборе средств мы ему не указчики».

С момента публикации, что было отмечено и независимыми наблюдателями, победное шествие внезапно приостановилось — и далее в течение трёх последующих лет частота употребления слова «типа» на территории Российской Федерации неизменно шла на убыль, пока не достигла нынешней своей отметки. Применение в устной речи данного артикля стало признаком непродвинутости и дремучего провинциализма. Лица, претендующие на некий уровень, если не культуры, то хотя бы духовности, срочно перешли на три следующие речевые склейки: «а», «да?» и «как бы» («Все — а — счастливые семьи — да? — как бы похожи друг на друга...»).

Поскольку в связи с истечением трёхлетнего срока с операции «Типа» снят гриф «Секретно», я наконец-то могу с удовлетворением сообщить читателям, что в результате эксперимента выверен мощный рычаг воздействия на язык, менталитет — и, как следствие, на окружающую действительность. Времена манифестов и теоретических выкладок миновали. Настала пора претворения идей в жизнь.

Как было постулировано в десятом разделе «Манифеста партии национал-лингвистов», борьба за чистоту языка не только бессмысленна, но и опасна, поскольку напрямую ведёт к общественным потрясениям вплоть до революций. Единственный социологически чистый способ вытеснения неугодных нам речений — это одобрить их с высокой трибуны, что и было предпринято в январской публикации 2001 года. В итоге иноязычное по происхождению слово «типа» уступило лидерство исконному «как бы».

Собственно, то, что попытки управлять языком административно всегда кончались крахом, было ясно и до этого. Вспомним яростный поединок Павла I с возмутительным, по его мнению, глаголом «выполнять» («Выполняются лишь тазы, а повеления должно исполнять!»). Сейчас многие исследователи полагают, что одной из причин убийства императора в Михайловском замке явилось подспудное желание русского этноса не исполнять, а именно выполнять распоряжения начальства.

Менее трагично, но столь же бесплодно завершились баталии В.И. Даля со словом «обыденный» (в значении — «обиходный») и К.И. Чуковского с непривычными ему новоделами «танцулька» и «ухажор». Коротко говоря, в истории не зафиксировано ни единого случая победы поборников правильной речи

над нарушителями принятых норм, что однако не даёт нам права делать из этого далеко идущие выводы. Попытки М.С. Горбачёва внедрить в сознание граждан неверные ударения («на́чать», «предло́жить» и проч.) сделали Президента героем анекдотов, но заметного успеха тоже не имели.

Итак, истина лежит на поверхности. Если инициатива сверху (причём не важно, исходит ли она от администрации или же от какого-либо печатного органа) не подкреплёна заградотрядами, результат будет либо нулевым, либо прямо противоположным. Тем не менее партия национал-лингвистов — первое и на сегодняшний день единственное общественно-политическое движение, открыто заявившее, что для достижения цели в условиях России следует, образно выражаясь, умело рулить не в ту сторону.

Идеалисты, рассматривающие язык как живое существо (а таких в партии тоже хватает), говорят о том, что его следует раздразнить и заманить в нужном направлении. Если воспринимать это высказывание опять-таки в образном ключе, с ним нельзя не согласиться.

На первый взгляд задача кажется довольно простой, однако достаточно вспомнить, что произошло на Руси с известным наставлением Иисуса Христа, дабы в полной мере оценить изворотливость нашего языка и нашего мышления. Учитель, запрещая клятвы, сказал: «Да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого». На древнерусском «да» звучало как «ей», а «нет» — как «ни». Формально предки ни на шаг не преступили указанных свыше границ — они просто превратили в клятву рекомендованные Христом слова «ей-ей!», «ни-ни!».

Тем более разителен успех, достигнутый нашей публикацией. Не обошлось, однако, без побочных последствий негативного свойства: конструкция «как бы», тоже являясь типа неопределённым артиклем, обладает меньшей экспрессивностью и нуждается в соседстве двух упомянутых выше слов-сообщников — «а» и «да?». Вставляемое куда попало «а» есть не что иное, как редуцированное «э-э...» («мнэ-э...»), и особой опасности, как правило, не таит. Что же касается тяготеющего к концу предложения полувопросительного «да?», то при всей своей внешней безобидности речение это представляет собой серьёзную угрозу менталитету, причём исходящую уже не с Запада, а с Юга, ибо вносит в наше мышление акцент определённого пошиба.

Левое крыло партии национал-лингвистов, к которому примыкает и ваш покорный слуга, считает вслед за евангелистом Иоанном, что сначала явление возникает в языке и лишь потом воплощается в жизнь. Есть даже мнение, что упомянутый псевдоакцент был не предвестием, а именно причиной резкого увеличения на территории России численности выходцев с Кавказа и из Средней Азии.

Независимо от того, является ли обасурманившееся «да?» результатом лингвистического терроризма или же следствием отечественного недомыслия, оно вполне заслуживает высшей меры национальной защиты, а именно: детального анализа на страницах прессы и последующего официального одобрения.

Не скрою, многие члены Центрального Комитета были категорически против рассекречивания этих сведений, однако спешу заверить, что само по себе одобрение печатным словом ничего не решает. Скажем, при публикации материалов о неопределённом артикле «типа» учитывались такие эзотерические нюансы, как количество и расположение слов в тексте, их графическое оформление, тонкости вёрстки и многое другое, чего я пока не имею права разглашать.

Кроме того, как это ни прискорбно, но рассекречивать по сути нечего. Выяснилось, что наши противники давно и относительно успешно используют те же самые технологии.

2. Рычаг в чужих руках

Многим, вероятно, памятен прошлогодний шум в средствах массовой информации, связанный с обсуждением в Государственной Думе некого подобия закона о русском языке. Большинство россиян, увы, отнеслось к происходящему юмористически, не подозревая, что именно на это и рассчитывали безымянные устроители данной акции.

Зубоскальства хватало.

«Наконец-то будет дан отпор словесной немчуре, противоправно поселившейся в нашей речи! — глумливо ликовал в провинциальной (волгоградской) прессе некий Е. Нулик. — Дадут окорот и непечатным выражениям, попавшим в один сусек с иноязычным сором по той простой причине, что многие избранники наши не в силах отличить мудрёных заграничных слов от незнакомых матерных».

Печально даже не то, что провинциальный ёрник хватил лишку, предположив существование думца, не знакомого с

инвективной лексикой в полном объёме. Недаром же, по простодушному мнению народному, прозвище «избранник» произошло от оборота «из брани», то есть из ругани. Печально то, что Е. Нулик (очевидно, псевдоним) волей-неволей стал жертвой провокации, в результате которой словарь отяготился новыми иностранными заимствованиями, а матерные включения замелькали в нашей речи куда чаще прежнего.

Акция, повторяю, была проведена вполне профессионально:

1. Её разработчики учли, что любая инициатива сверху будет встречена низами с недоверием.

2. Затеяв нарочито нелепую депутатскую полемику, в ходе которой предлагалось, например, заменить «компьютер» «вычислительной машиной», а «футбол» — «игрой в ножной мяч», разработчики умышленно дискредитировали саму идею.

3. Кар за нарушение закона предусмотрено не было.

«Следует вменить в обязанности городовым (бывшим милиционерам), — изгалялись по этому поводу всё те же зубоскалы, — смело заносить в ябеду (бывший протокол) такие, например, записи: «выражался иноязычно, оскорбляя тем самым достоинство граждан».

Уверен, язвительному провинциалу и в голову не пришло, что нынешний разгул русского мата и заимствованных с Запада словес во многом вызван попытками борьбы с данными неприятными явлениями.

Однако возникает вопрос, кому и зачем это нужно.

С матом всё ясно. Для многих общественных и политических деятелей он — неотъемлемая составная часть логических конструкций. Кстати, упомянутое выше «а» («э-э...», «мнэ-э...») зачастую является речевым эквивалентом того бибиканья, которое мы слышим из динамика, когда требуется заглушить нечто, как выразился бы А.Н. Радищев, «неграмматикальное». Но чего ради понадобился новый прилив западной лексики?

Ответ прост. Иностранное слово именно в силу своей непонятности гораздо лучше скрывает неприглядную суть обозначаемого им явления. Отсутствие эвфемизма смерти подобно. Не случайно же каждый раз расцвет жульничества и смертоубийства на Руси совпадал с массированным словесным вторжением из-за кордона. Попробуйте буквально перевести на русский такие слова, как «киллер» и «дилер». В первом случае вы ужаснётесь, во втором — призадумаетесь.

Впрочем, лучше известного поэта девятнадцатого века не скажешь:

По французски — дилетант,
А у нас — любитель.
По-французски — интендант,
А у нас — грабитель.

По-французски — сосьетэ,
А по-русски — шайка.
По-французски — либертэ,
А у нас — нагайка.

Уж на что я национал-лингвист — и то временами так и тянет заменить исконное слово зарубежным. Взять хотя бы для сравнения английский и русский тексты Нового Завета. У них — «officer», у нас — «истязатель» (Лк. 12, 58). Чувствуете разницу?

3. Дуэль на рычагах

Речь в данном разделе пойдёт о планирующейся на ближайшее будущее операции, поэтому некоторые существенные подробности мне по известным соображениям придётся обойти молчанием.

Партия национал-лингвистов не скрывает, что, поскольку заимствованные слова возврату не подлежат, ближайшей задачей следует считать их скорейшую русификацию. Метод вытеснения сложен и далеко не всегда приводит к успеху. Да, иностранку «перпендикулу» когда-то удалось заменить на отечественный «маятник», «аэроплан» — на «самолёт», но это не более чем единичные случаи.

Следующее утверждение кому-то может показаться парадоксом, и тем не менее многие искажения родной речи продиктованы исключительно стыдливостью русского мышления. Борцы со словом «ложить» никак не желают уразуметь, что слово «класть» почитается в народе неприличным. А глагол «надеть» вызывает ассоциации сексуального характера. Как тут не процитировать А.Н. Толстого!

« — Ну, Кулик, скажи — перпендикуляр.

— Совестно, Семён Семёнович».

Кстати, не этим ли объясняется победа «маятника» над «перпендикулой»?

Стало быть, для вытеснения неугодного нам слова следует, во-первых, придать ему физиологический или сексуальный

смысл (как это случилось со стремительно исчезающими из нашей речи прилагательным «голубой» и глаголом «кончить»), а во-вторых, подготовить ему соответствующую замену. Не представляю, как такое можно осуществить на практике.

Думаю, сказанного вполне достаточно, чтобы осознать всю бесперспективность данного способа. Гораздо привлекательнее выглядит метод ускоренного обрусения. Аналитическим центром при ЦК партии национал-лингвистов разработан план операции «Суффикс» или, как его принято называть в кулуарах, «Подкоп под правый фланг». Суть акции заключается в следующем: усилиями рядовых членов партии и сочувствующих внедряется мода заменять в устной речи иноязычный суффикс «-ор» («редактор», «терминатор», «спонсор») исконно русским суффиксом «-ырь» («редактырь», «терминатырь», «спонсырь»).

Вторым этапом должна стать волна возмущения в средствах массовой информации, которую, разумеется, поначалу придётся поднимать самим. Как только шум в прессе обретёт черты борьбы за чистоту языка, победу суффикса «-ырь» можно будет считать неизбежной.

После чего настанет черёд следующего пришлеца: скорее всего это будет псевдосуффикс «-анс» («шанс», «аванс», «ассонанс»), который логично поменять на «-анец» («шанец», «аванец», «ассонанец»).

Знаю, у многих возникнет вопрос: в чём смысл акции, если корень слова останется иноязычным? Дело однако в том, что, ощутив присутствие родной морфемы («Ура! Наши пришли!»), народ, согласно выкладкам, не остановится на достигнутом и довольно быстро русифицирует слово целиком. Так заимствованное существительное «профос» (военный полицейский) превратилось когда-то в «прохвост», заново обретя ясное и соответствующее истине значение.

Могут также спросить: не является ли данная публикация опрометчивым шагом? Не раскрывает ли она прежде времени планов партии? Напротив: это и есть начало операции «Суффикс». Мало того, каждый, кто сейчас ознакомился с этим текстом, независимо от отношения к прочитанному, уже является её участником.

P. S. Автырь заранее благодарит редактыря и корректырей за предоставленный ему шанец.

В защиту логики

Заметки национал-лингвиста

Памяти Зенона из Элеи

1

В пятом веке до Рождества Христова философ Зенон Элейский предложил вниманию древнегреческой общественности несколько апорий (логических затруднений), из коих следовало, что движение теоретически невозможно. За истекшие с тех пор два с половиной тысячелетия лучшими умами человечества было предпринято бесчисленное количество попыток прекратить издевательство над людьми и выявить неправильность построений Зенона. С одной задачкой удалось справиться довольно быстро. Осталось четыре.

Думаю, не будет ошибкой сказать, что апории пробовал опровергнуть каждый узнавший об их существовании. Счастливым исключением являются люди, напрочь лишённые способности к логическому мышлению: от-

© Евгений Лукин, 2005

махнутся и забудут. Прочим — хуже. Простота и наглядность «Ахиллеса и черепахи» временами доводит их до исступления. Мало того что апории оскорбляют человеческое достоинство — они распространяются подобно компьютерному вирусу. Бедолага, обиженный черепахой, обязательно предложит эту головоломку друзьям, а то, согласитесь, как-то неловко получается.

Апории Зенона изложимы на любом человеческом языке. Наречия, в котором античный герой догнал бы и перегнал рептилию, судя по всему, пока ещё не обнаружено. Данную задачку можно легко растолковать на пальцах — настолько она проста.

В Интернете апориям посвящены целые сайты и форумы! Опровергают с пеной у рта. До сих пор. Физически, релятивистски, с формулами, с математическими выкладками, напрочь забывая о том, что, коль скоро аргументы Зенона понятны четырёхлетнему ребёнку, то и опровержение их должно быть столь же внятно и членораздельно.

Сам, знаете, грешен. По молодости лет пытался догнать черепаху всерьёз, потом стал над собой подтрунивать. Но и над Зеноном тоже. Скажем, так:

«Допустим, что за пятнадцать минут Ахиллесова бега черепаха проползает всего одну минуту времени...»

«Пока Ахиллес достигнет точки, в которой находилась черепаха, время успеет настичь его бесчисленное множество раз».

«На самом деле Ахиллес гонится не за черепахой, а за упущенным временем».

В последней фразе ирония плавно перетекает в истерику, не находите?

2

Но и лучшие умы человечества тоже, знаете ли, хороши!

Возражения Аристотеля кратки и небрежны. Брезгливы, как показалось Борхесу. Менее склонный к трепету перед авторитетом Пьер Бейль высказывался куда жёстче: «Ответ Аристотеля жалок: он говорит, что фут материи бесконечен лишь потенциально...» Действительно, такое впечатление, будто Стагирит просто-напросто отмахнулся от проблемы. Его спросили, догонит ли Ахиллес черепаху, а он принялся растолковывать, почему нельзя шинковать отрезок до бесконечности. Обычная адвокатская увёртка — ответ не по существу вопроса. Ина-

че, сами понимаете, пришлось бы ухлопать на опровержение апорий всю жизнь, так ничего в итоге и не опровергнув.

Что касается возражений, выходящих за рамки логики, то их и возражениями-то назвать трудно. Так, знаменитый променад Диогена перед одним из учеников Зенона был явно избыточен, поскольку противник киника, отстаивая невозможность движения, и сам наверняка открывал рот, шевелил языком, даже, возможно, жестикулировал.

Как тут не вспомнить знаменитую в своё время пародию Дмитрия Минаева на барона Розенгейма, не иначе навеянную пушкинским «Движением»:

Если в жизни застой обличитель найдёт,
Ты на месте минуты не стой,
Но пройдися по комнате взад и вперёд
И спроси его: где же застой?

Я, кстати, не убеждён в том, что сам Зенон, как пишет о нём тот же Пьер Бейль, «горячо выступал против существования движения». Прежде всего в этом заставляет усомниться бурная биография философа. Пытаться свергнуть тирана, выдержать пытку, прикинуться, будто согласен сообщить по секрету имена сообщников, в результате откусить узурпатору ухо — и всё это как бы пребывая в неподвижности? Конечно, теория часто расходится с практикой, но не до такой же степени! Кроме того, по свидетельству античного автора, Зенон учил, что «природа всего сущего произошла из тёплого, холодного, сухого и влажного, превращающихся друг в друга». Недвижное превращение? Тоже, знаете ли, неувязочка...

Ах если бы он и впрямь всего-навсего утверждал, что движения нет! К сожалению, Зенон Элеат доказал кое-что похуже: логика и здравый смысл — несовместимы. Наш главный инструмент познания, которым мы так гордимся, ни к чёрту не годен. Или, может быть, годен, но для другого мироздания.

Мышленья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой не понял — стал пред ним ходить.*

Две с половиной тысячи лет истекло, а Ахиллес всё никак не догонит черепаху...

* У Пушкина: «Движенья нет, сказал мудрец брадатый. / Другой смолчал и стал пред ним ходить». — *Примеч. ред.*

Если враг не сдаётся и не уничтожается, к нему начинают подлизываться. И вот уже читаем в словаре следующий комплимент: «обнаруживающие необъяснимую для того времени диалектическую противоречивость движения». Это про них — про апории Зенона.

Даже Владимир Ильич Ленин — при его-то вере в мощь человеческого разума — вынужден был признать: «Вопрос не о том, есть ли движение, а о том, как его выразить в логике понятий».

Действительно, как?

Громоздят философы термин на термин, один другого краше да заумнее, а Ахиллес всё бежит, бежит...

3

Бранить философию легко и приятно. Всё равно что бранить интеллигенцию — никто не вступится. Даже оборонятьс я не станет, поскольку это, согласитесь, не комильфо. С логикой, однако, такой номер не пройдёт. Лица, главным своим достоинством почитающие именно логическое мышление, в уязвлённом состоянии бывают не просто опасны, а весьма опасны. Сталкивался, знаю.

И тем не менее...

В руках у меня учебник логики для юридических вузов. Странное дело: такую относительно простую штуку, как равномерное прямолинейное движение мы (см. выше) в логике понятий выразить не можем, а путаницу человеческой жизни — пожалуйста! Но, с другой стороны, что тут странного? Логику-то как науку основал не кто-нибудь, а именно Аристотель, отмахнувшийся в своё время от неопровергнутых апорий Зенона.

Итак, учебник. С трепетом погружаемся в бездну премудрости. «Всякая мысль в процессе рассуждения должна быть тождественна самой себе». Натужно пытаюсь представить обратное. Тем не менее, если верить составителям, с помощью совокупности подобных приколов можно восстановить истинную картину происшествия и вычислить виновного.

Хотелось бы верить...

Если не ошибаюсь, Марк Твен первый высказал догадку, что все преступления, раскрытые Шерлоком Холмсом, были подстроены заранее самим великим сыщиком. Ладно, коли так. А ну как прав Антон Павлович Чехов, автор лучшего, в

моём понимании, детектива всех времён и народов — рассказа «Шведская спичка»! Его вариант куда мрачнее и жизненнее: с помощью чистой дедукции двух подозреваемых прижали к стенке и уличили в убийстве, которого не было.

Дедуктивный метод требует жертв. Так что не стоит удивляться признанию американских юристов, будто в тюрьмах США содержится как минимум одиннадцать процентов совершенно невинных людей. Как минимум... Звучит пикантно. Сколько ж их сидит по максимуму?

«Лучшие русские юристы, — с уважением сообщает тот же учебник, — отличались не только глубоким знанием всех обстоятельств дела и яркостью речей, но и строгой логичностью в изложении и анализе материала, неопровержимой аргументацией выводов». Святые слова. Как тут не вспомнить нашумевший процесс Мироновича, когда три лучших русских юриста (Андреевский, Карабчевский, Урусов) неопровержимо аргументировали три взаимоисключающих вывода.

Мудры были наши пращуры, заставляя обвиняемого и обвинителя (или их доверенных лиц) сходиться в поединке: кто победил, тот и прав. Процент несправедливо осуждённых останется приблизительно прежним, зато сколько времени сбережёшь!

4

Я бы рискнул определить Аристотелеву логику (в отличие от честной Зеноновой) как искусство примирения теории с практикой задним числом. Историческое событие или отдельное человеческое деяние сами по себе абсолютно бессмысленны. Логическую выстроенность они обретают только в словесном изложении. Вот и учебник местами проговаривается: «Выявить и исследовать логические структуры можно лишь путём анализа языковых выражений».

Кстати о языковых выражениях: сколько лет живу на свете, а с простым категорическим силлогизмом, не отягощённым учетверением терминов, в живой устной речи ещё не сталкивался ни разу. Вдобавок создаётся впечатление, что, чем в меньшей степени речь поражена правилами логики, тем убедительнее она звучит.

— Давай (следует любое предложение)!

— Зачем?

— А просто!

И, как показывает практика, этот последний довод обычно бывает неотразим. Начнёшь обосновывать — всё испортишь.

Мало того, злоупотребляя умозаключениями, рискуешь оказаться вне коммуникации. Приведу навскидку два примера.

Первый. Работая выпускающим областной газеты, я заподозрил однажды, что сменная мастерица наборного цеха воспринимает не столько смысл того, что я ей безуспешно пытаюсь втолковывать, сколько интонацию, с которой всё это произносится.

Решил проверить. Подошёл с отрешённым лицом, понизив голос, спросил:

— Люда, а ты знаешь, что угол падения равен углу отражения?

Вы не поверите, но она побледнела, всплеснула руками:

— Да ты чо-о?!

Через секунду сообразила — и сконфуженно засмеялась.

Другой случай: в каком-то застолье проникся ко мне уважением некий тинейджер колоссальных размеров. Подсел, завёл беседу. Слушаю — и ничего не понимаю. Слова все знакомые, а мысль уловить не могу. Нету её. Нетути.

Так оно впоследствии и оказалось. Какая там мысль! Титанический мальчуган всего-навсего старался употребить как можно больше «умных» слов, с тем чтобы я проникся к нему ответным уважением. Видимо, имела место попытка освоить язык иного социального статуса.

Не везёт с собеседниками, говорите? Тогда послушайте, что сообщает Президент Международного общества прикладной психолингвистики Татьяна Слама-Казаку (Бухарест):

«...упомяну о некоторых высказываниях, лишённых научных оснований, но заставляющих размышлять о себе. Г. Тард (1922) приписывал изобретению слов эгоцентрические основания, считая, что язык создан ради праздной болтовни, или, по мнению О. Есперсена (1925), для выражения чувств, в частности, эротически-любовных; П. Жане (1936) решительно защищал утверждение, что язык изобретён индивидами, способными командовать, и до сих пор служит этой цели; Стуртеван (1947, 1948) считал, что основная функция языка — ложь. Ведущий румынский психолог М. Ралея (1949) высказывал мнение, что основным свойством человеческой психологии, а следовательно, и языка, является "симуляция"».

А вы говорите: логика, логика...

Есть ещё, правда, Наука (именно так — с прописной), но, обратите внимание, гуманитарные дисциплины, до сих пор использующие логику слова, а не логику формулы, мы за настоящие науки не держим — математики в них маловато. Что же касается точных наук, то не уверен, имеют ли они вообще отношение к человеческому мышлению и не являются ли переходной стадией к мышлению машинному.

Будучи по образованию гуманитарием, я привык относиться к математикам и физикам с паническим уважением. Так же, как к музыкантам. Они для меня вроде пришельцев, иной разум. Тем большую оторопь наводят высказывания учёных мужей, из которых явствует, что и точные науки с логикой, мягко говоря, не ладят.

«Эксперт — это человек, который совершил все возможные ошибки в очень узкой специальности». Нильс Бор.

«Фундаментальные исследования — это то, чем я занимаюсь, когда я понятия не имею о том, чем я занимаюсь». Вернер фон Браун.

«Фундаментальные исследования — примерно то же самое, что пускать стрелу в воздух, и там, где она упадёт, рисовать мишень». Адкинз Хоумер.

Вам не кажется, что во всех приведённых изречениях присутствует нечто от апорий Зенона? Особенно в последнем.

Да и сами логики сплошь и рядом не отказывают себе в удовольствии осмеять своё ремесло. Так, профессор Рэймонд М. Смаллиан с откровенным наслаждением цитирует глумливое определение Тербера, автора не читанного мной романа «Тринадцать часов»: «Поскольку можно прикоснуться к часам, не останавливая их, то можно пустить часы, не прикасаясь к ним. Это — логика, какой я её вижу и понимаю».

Когда рассказывают о каком-либо открытии, речь почему-то всегда идёт только об интуиции. «И гений, парадоксов друг». (Парадокс, напоминаю, не что иное, как формально-логическое противоречие.) Менделеев даже имел мужество признаться, что периодическая таблица элементов есть результат дурного сна.

Серьёзные учёные, как видим, позволяют себе относиться к науке скептически. Здоровый профессиональный цинизм. А вот недоучки, имя которым легион, за одну только осторожно высказанную мысль, что точные дисциплины тоже не слишком-то подвержены логике, могут схватиться за дреколье:

— Ка-ак это не подвержены? А мой компьютер! А мой «шестисотый»!

Они так гордятся прогрессом железяк, что можно подумать, будто это их собственный прогресс.

Подозреваю, однако, что первый каменный топор скорее всего создавался без чертежей, расчётов и логических выкладок. Методом тыка. Ныне этот метод усовершенствован и носит имя глубоконаучного тыка. Кроме того, не будем забывать, что техника занимается не столько познанием мира, сколько его покорением. Действительно, зачем познавать, если можно и так покорить? В крайнем случае уничтожить.

Нет мира — нет проблемы.

6

То, что человеческое мышление в логической своей ипостаси чуждо не только вселенной, в которой человек обитает, но и самому человеку, отрицать трудно. Об этом можно только забыть, чем мы, собственно, и занимаемся всю жизнь, пока смерть не придёт и не напомнит.

Забавно: мышление наше чуждо даже самому себе. Кромешное самооопровержение, парадокс на парадоксе. «Мысль изречённая есть ложь», — сказал Тютчев, закрутив беличье колесо дурной бесконечности (получается, ложь ты изрёк, Фёдор Иванович, да и я о твоей лжи тоже сейчас солгал).

Вот и Пиррон о том же...

Философия — заведомо неудачная попытка притереть разум к мирозданию. Не притирается.

Читатель, вероятно, уже решил, что дело клонится к очередному декрету национал-лингвистов — на сей раз об отмене формальной логики. Вынужден вас разочаровать: какой смысл отменять то, что мы используем только на экзамене по указанному выше предмету?

Нет, я всего-навсего хотел бы поделиться некой безумной догадкой, снимающей тем не менее все вопросы разом.

Что, если апории Зенона, как, впрочем, и остальные парадоксы логики, имеют нравственную подоплёку?

Судите сами: допустим, догонит Ахиллес черепаху. И что он с ней тогда сделает? Боюсь, ничего хорошего. Моральный облик Пелеева сына достаточно подробно дан в «Илиаде»: надругательство над трупом Гектора, припадки безудержного гне-

ва, пренебрежение интересами Эллады ради личной выгоды, более чем подозрительные отношения с Патроклом... И вот наш разум, цепенея при одной только мысли о дальнейшей судьбе медлительной рептилии, судорожно отодвигает беззащитную зверушку всё дальше и дальше от преследующего её убийцы и извращенца.

Здравый смысл беспощаден. Логика гуманна.

7

Да, но не означает ли это, что логическое мышление является инстинктивным отторжением мира с его жестокими и безнравственными законами? Ни в коей мере! Напротив. Неуклонное следование правилам есть, как известно, неотъемлемое свойство любой логики.

Стало быть, отнюдь не логика, но само мироздание нарушает предписанные ему законы, что и было доказано Зеноном со всей очевидностью ещё в пятом веке до Рождества Христова.

Наша вселенная по сути своей криминальна. В ней царит полный беспредел, освящённый конформистской логикой Аристотеля, чей «Органон» являет собой позорный пакт с преступной окружающей действительностью.

Оглянитесь окрест себя. Разве не то же самое пренебрежение к законам мы наблюдаем сейчас в жизни социума? «Почему нельзя украсть? — недоумевает нормальный средний россиянин. — Никто же не видит! Могу — значит можно».

Неумышленно или осознанно, но он подменяет деонтическую модальность алетической, превращая тем самым благородный порядок логики в суетливый и алчный хаос здравого смысла.

Вот точно так же и с материей. «Почему нельзя? — спрашивает она себя. — Могу же...»

Возможно, всё дело тут в размерах мироздания: за каждой молекулой не уследишь — и, пользуясь этим, они напропалую учиняют коллективное правонарушение, стыдливо именуемое броуновским движением частиц.

Материи не положено двигаться.

Тем не менее материя движется.

Когда-нибудь она за это ответит.

Взгляд со второй полки

1

«Терпеть не могу фантастику!» Помнится, в златые годы застоя произносилось это сплошь и рядом, причём примерно с той же интонацией, что и фраза: «Я порядочная девушка, сударь!»

Не помню, однако, случая, чтобы кто-нибудь столь же решительно высказался о детективе или, допустим, о производственном романе. Вот я пытаюсь изречь со сдержанным негодованием: «Терпеть не могу историческую прозу!» — и, знаете, выходит ненатурально... Ну, «не люблю», ну, «не нравится»... Но чтобы вдруг с таким пафосом!

Похоже, фантастика в отличие от остальной литературы вызывала и вызывает в рядовом читателе исключительно сильные чувства: не влюбился — стало быть, возненавидел.

Да, но причины, причины?

С тех пор как я перешёл в сословие авторов, собеседники меня щадили. Вроде бы даже извинялись: «Ну, не понимаю я фантастики...» Однако

© Евгений Лукин, 2004

ситуацию это не проясняло ни в малейшей степени. Во-первых, фраза типа «Ну, не понимаю я публицистики...» прозвучала бы так же дико, как и «Терпеть не могу историческую прозу!» А во-вторых, и без того давно уже известно, что именно непонимание является причиной ненависти.

Не устояв перед соблазном бинарного анализа, многие из великих и малых мира сего обожали распределять человечество по двум полкам. И их можно понять: когда третьего не дано, картина мироздания становится умилительно стройной. Колридж, например, заметил, что все люди рождаются последователями либо Аристотеля, либо Платона. Американский логик Смаллиан утверждает, что по образу мышления каждый из нас либо физик, либо математик.

Что ж, сунемся и мы с суконным рылом в калашный ряд. Мне вот тоже мерещится, что всех встреченных мною людей можно распределить по двум полкам. На первой окажутся те, для кого реалии этого мира важны как таковые. На второй же возлягут те, кого более интересуют не столько сами реалии, сколько отношения и связи между ними.

Попробую привести пример. Для первых добро есть добро, зло есть зло — какие ж тут сомнения? А вот вопрос «Почему это добро и зло в определённых ситуациях идут рука об руку и ведут себя совершенно одинаково?» может посетить только человека со второй полки, на которой я, кстати, валяюсь уже не первый год и, что характерно, на тесноту ещё не жаловался ни разу.

2

Полемика между обитателями первой и второй полки невозможна в принципе. Они просто не поймут друг друга. Дело даже не в разной терминологии — мышление разное. В младые годы это меня, помнится, изрядно озадачивало: битый час, бывало, неистово что-то доказываешь, оба охрипли — и ты, и он, пена уже на губах, а спор — ни с места. Плюнешь наконец и отойдёшь в досаде. Вот ведь какой дурак попался твердолобый! А он не дурак, он просто с другой полки.

«Распалась связь времён...» Вся прелесть в том, что для обитателей первой полки она никогда и не возникала. Каждое явление представляется им как бы само по себе, и поэтому, что-

бы сохранить рассудок в годы перемен, её обитатели обычно прибегают к склерозу. Митрополит напрочь забывает о том, что когда-то был замполитом. А пламенному революционеру лучше не напоминать о тех временах, когда он служил в охранке. Картина, впрочем, дьявольски усложняется тем, что любой из нас в процессе беседы так и норовит перебраться с полки на полку. Смотря о чём зашла речь.

Я уже не говорю о тех случаях, когда человек со второй полки сознательно прикидывается по необходимости обитателем первой. В качестве примера сошлюсь на публичные выступления тех же политиков.

3

Для большинства людей с первой полки в художественном произведении важна прежде всего правда. Иногда они уточняют: жизненная правда. Идеал, разумеется, — документальная проза. Мысль, что документы лгут столь же часто, как и очевидцы, в голову им, естественно, не приходит. Известие о том, что никакой Анны Карениной никогда на свете не было, обитатели первой полки либо воспринимают с откровенным недоверием и стараются забыть при первом удобном случае (склероз!), либо поспешно ставят знак равенства между персонажем и прототипом.

Естественно, что фантастика для них — это вранье и выдумка. Мало того: опасная выдумка, посягающая на привычный порядок вещей, а стало быть, и на душевное равновесие читателя.

Сказано, однако, что «мысль изречённая есть ложь». Так вот с этой точки зрения фантастика куда честнее реализма. Самим названием своим она заранее предупреждает, что речь пойдёт о событиях вымышленных. Реализм же, уверяя, будто всё изложенное автором — святая правда, лжёт дважды.

Хотя, знаете, есть одно такое приворотное зелье, с помощью которого можно в два счёта присушить обитателя первой полки к нелюбимой им фантастике. Нужно объявить, что предложенная вниманию история имела место в действительности. Всего-навсего. Единственное условие: текст должен быть по возможности безлик и бездарен, ибо это, согласно представлениям людей с первой полки, и есть основной признак всякой правды.

4

Грешен — люблю, знаете, потревожить изначальный смысл того или иного слова. Вспомнишь, к примеру, что демагог — это по-гречески народный вождь, и душевная болезнь как-то сразу идёт на убыль...

Так вот, если вспомнить, что реалия по латыни это всего-навсего вещь, то смысл термина «реализм» проясняется до членораздельности. Вещественность, господа, вещественность. Просто умелое (или неумелое) описание реалий, о которых мы привыкли думать, что они и впрямь существуют.

Но для обитателя первой полки это-то и является главным. Он проглотит не поперхнувшись любую, даже самую чудовищную ложь, если та будет обильно приправлена вышеупомянутыми реалиями. Он даже способен поверить в честного сотрудника МВД, уволенного из органов за излишнюю принципиальность и с тех пор ведущего на свой страх и риск бескомпромиссную борьбу с коррупцией и преступностью. И как не поверить! Герой ходит по улицам (названия прилагаются), стреляет в мерзавцев из «Макарова», иногда его даже перезаряжая. Всё как в жизни.

Для реалиста существенно передать, как этот мир выглядит. Фантасту же важно понять, как этот мир устроен.

«Ну да! — возразите вы. — А реалисту разве не важно?»

Бывает, что и важно, но тогда человек с первой полки немедленно начинает ныть, что Достоевский — писатель тяжёлый и мрачный.

5

Было бы неверно думать, что на первой полке собрались одни лишь ярые ненавистники фантастической прозы. Есть среди них (правда, в меньшем количестве) и ярые её сторонники. Люди с первой полки вообще в большинстве своём придерживаются крайних взглядов. Середины для них не бывает.

Иное дело обитатели второй полки. Для них принципиальной разницы между реализмом и фантастикой зачастую нет вообще. Реалии могут быть привычными читателю (Тургенев), могут быть целиком и полностью вымышленными (Данте), наконец, и те, и другие могут мирно соседствовать в пределах одного повествования (Гоголь). Главное, ей-богу, не в этом...

А вот для обитателей первой полки разница очевидна. Поэтому ни детектив, ни женский роман у них протеста не вызовут, ибо все эти направления суть разновидности реализма. (А что тут возразишь? Реалии-то — вот они!)

С исторической прозой и вовсе забавно. Чем она отличается от альтернативной истории, никто даже объяснить не берётся. Исторические документы лгали, лгут и будут лгать, поскольку составляются людьми, и какой из них ни положи в основу повествования, всё равно в итоге получится фантазия на темы прошлого.

Ох уж эти мне реалии! Ну вот, допустим, изобразил я участкового с двуглавым орлом на фуражке. Реализм? Реализм, господа. Вон их сколько таких за окном! И все с орлами... А напиши я то же самое до 1991-го года? А вот тогда, товарищи, это была бы дерзкая, чтобы не сказать — злопыхательская фантастика (то есть, иными словами — тот же самый реализм, только еще не опошленный действительностью).

А теперь пришло время выдать страшную тайну. Делаю это со спокойным сердцем, поскольку предвижу, что разглашение её никаких последствий не повлечёт. На первой полке отмахнутся и забудут, на второй пожмут плечами: подумаешь, дескать, новость!

Так вот...

Господа! Всякий текст (включая цифры финансовых отчётов) — это фантастика чистой воды! Просто не всякий автор имеет мужество признаться в том, что он фантаст.

6

Бедные, бедные обитатели первой полки! Сколько им пришлось пережить потрясений за те несколько лет, когда добро внезапно объявлялось злом и наоборот, а жизнь за окном стремительно меняла ориентацию, шарахнувшись вдруг из соцреализма в самую оголтелую фантастику во всем ее многообразии — от альтернативной истории до лютого хоррора!

Впрочем, наш взбаламученный социум, кажется, отстаивается помаленьку, крыши у людей с первой полки возвращаются в исходную позицию, и скоро, глядишь, победное речение «Терпеть не могу фантастику!» вновь зазвучит в народе с прежней силой.

Разборка с Маркионовым

Даже если интеллигент верит в Бога, он верит в Него по-своему. В декабре 1999 года бывший монтировщик сцены, филолог-недоучка Валентин Маркионов (как ни странно, это не псевдоним, а подлинные его имя и фамилия) на средства оставшегося неизвестным спонсора выпустил малым тиражом тоненькую книжицу с неряшливым названием «В начале был конец», где изложил в общих чертах суть своей ереси. В том, что это именно ересь христианского толка, а не новая религия, сомнений быть не может: возводя химерическое здание собственного вероучения, безработный честолюбец опирался в основном на синодальное издание Библии. К неканоническим книгам и апокрифам, он, судя по всему, равнодушен.

Выход книжки в свет остался практически незамеченным, но вскоре вокруг Маркионова собирается группа единомышленников и через пару месяцев заявляет о себе поразительными по нелепости актами вандализма.

© Евгений Лукин, 2004

Журналисты клеймят тоталитарную секту (раз хулиганят — значит, тоталитарная). Заводится уголовное дело. Публикуются комментарии учёных и священнослужителей. Словом, по нынешним временам — ничего особенного.

Если бы не одна странность.

Вовсе не желая прослыть защитником новоявленного ересиарха, я тем не менее рискну вмешаться в полемику, ибо, на мой взгляд, кандидат исторических наук Э.Г. Страдников и автор гневной статьи «От лукавого!» о. Онуфрий (Агуреев) не до конца вникли в суть явления. Первый, как мне кажется, необоснованно приписал Маркионову не свойственные тому гностические идеи, второй же сгоряча причислил его к сатанистам.

Впрочем, обоих можно понять: бывшего монтировщика сцены, конечно же, необходимо к кому-нибудь причислить, а иначе получится, что в заблуждениях своих он ко всему ещё и оригинален. Любопытно, однако, что, заподозрив его в скрытом заимствовании, учёный и священник нечаянно оказались в двух шагах от истины. Кроме Библии, Валентин Маркионов несомненно почитывал как минимум ещё одну книгу, никакого отношения к религии не имеющую и, видимо, поэтому ускользнувшую от внимания критиков. Он нигде ни словом не упоминает об этом источнике, но основную концепцию, смею заверить, наш ересиарх извлёк именно оттуда.

Впрочем, попробуем разобраться по порядку.

Не гнозис

В качестве доказательства гностических корней новоявленной ереси Э.Г. Страдников приводит утверждение Маркионова, что мир создан неумело, небрежно и что виной тому неопытность Творца. Тезис и впрямь кое-что напоминает. Согласно гностическому апокрифу Иоанна, мы с вами были сотворены дефективным сыном Софии (Пистис Софии), божеством с выразительным именем Ялдабаоф, причём настолько плохо, что, когда всё выплыло наружу, для исправления содеянного понадобилось вмешательство высших сил в лице Христа (Аутогена).

Тем не менее выдвинутое кандидатом исторических наук предположение, мягко говоря, озадачивает. Ну нельзя же в самом деле лепить ярлык на основании одного-единственного

совпадения! Можно ли представить, что, позаимствовав из гнозиса идею слабого и неумелого Демиурга, Маркионов с такой лёгкостью отмахнулся от всего остального? Плерома, она же полнота истинного бытия; божество Абраксас, чьё число 365; бесконечные эманации; головоломные сочетания эонов, всевозможные огдоады и гебдомады; незаконный и глубоко законспирированный акт творения; непреодолимый дуализм материи и духа; индивидуальное спасение через тайное знание — ничего этого нет у Маркионова и в помине.

По моим наблюдениям, все интеллигентные обитатели средней полосы в глубине души тяготеют к гнозису. Есть в нём что-то от тоски провинциала, мечтающего перебраться в столицу («Эх, а вот в Плероме жизнь...»).

Но к Маркионову это, повторяю, никоим образом не относится. В книге его мы не найдём ни поэтических красивостей, столь характерных для гностических манускриптов («Смеясь, Бог заплакал — и явилась Душа...»), ни закрученных похлеще любого детектива историй о запоздалом прозрении Творца («Отворите мне двери, чтобы я, войдя, мог исповедоваться Господу, ибо я думал, что я Господь...»). Космогония, равно как и теогония, мало интересуют Маркионова. Ему вполне достаточно первого стиха Библии («В начале сотворил Бог небо и землю»), смысл которого он затем, разумеется, извратит и вывернет наизнанку.

Полагаю, что с гнозисом бывшего монтировщика сцены по-настоящему сближает лишь извечный мучительный вопрос всех еретиков: откуда в мире зло? Вопрос, на который ортодоксальные христиане по известным причинам вынуждены отвечать многословно и витиевато. Но, право же, чтобы задать его себе, совершенно не обязательно быть гностиком. Достаточно оглядеться.

Не сатанизм

Ещё более нелепым выглядит обвинение в сатанизме. Создаётся впечатление, будто задача о. Онуфрия (Агуреева) состояла не в том, чтобы понять творение Маркионова, а в том, чтобы опровергнуть его любой ценой. И он скрупулёзно, чуть ли не построчно уличает недоучившегося филолога в произвольном толковании того или иного эпизода Библии, то не видя за деревьями леса, а то вдруг видя его там, где нет ни деревца.

Да, бывший монтировщик читает Священное Писание с конца, но при чём здесь магия? Он и слов-то таких не употребляет!

В итоге начинаешь подозревать, что мысль о принадлежности Маркионова к адептам Церкви Сатаны не имеет ни малейшего отношения к разворошённому священником тексту, но целиком проистекает из нехорошего поведения членов новоявленной секты. При этом о. Онуфрию почему-то не бросается в глаза, например, такая несообразность, как отсутствие соответствующей символики, обрядности, прочего. Так, при задержании вандалов сотрудники линейной милиции не обнаружили ни традиционных медальонов Бафомета, ни магических рисунков на обезображенной стеле, зато, к удивлению своему, обратили внимание на то, что у четверых хулиганов на правом лацкане красовался значок с портретом А.П. Чехова.

Спрашивается, Чехов-то здесь при чём?

Оба учения, на мой взгляд, просто несовместимы. Несмотря на кокетливо составленную девятую опору сатанизма («Сатана — лучший друг церкви, ибо обеспечивает её работой»), сторонники его всё-таки исповедуют неугасимую вражду между Богом и дьяволом, видя в себе последователей «единственной организованной религии в истории, которая взяла как символ окончательный образ гордости и восстания».

Однако, по Маркионову, не было ни гордости, ни восстания, ни последующего низвержения в ад. В знаменитых словах Исайи: «Как упал ты с неба, денница, сын зари!..» — ересиарх усматривает лишь неверно истолкованное свидетельство о спешном сошествии с небес на землю для исполнения ответственной миссии Князя мира сего.

Скажу больше: дьявол Маркионова по определению не может стать антагонистом Бога, ибо (держитесь крепче!) это одно и то же лицо.

Нет, как хотите, а сатанизм здесь даже и не ночевал.

Принцип изложения

Для дилетанта Валентин Маркионов в Священном Писании ориентируется неплохо. Он, кстати, вполне сознаёт свое дилетантство, но это нимало его не смущает. Все создатели великих религий, оговаривается он как бы мимоходом, тоже не были профессионалами: плотник, погонщик верблюдов, на-

следный принц. Невольно залюбуешься, с какой очаровательной лёгкостью ставит себя наш недофилолог на одну доску с Христом, Магометом и Гаутамой. Очевидно, только христианское смирение на позволило ему присовокупить к списку ещё и монтировщика сцены!

Маркионов ни в коем случае не начётчик: точным выдержкам с указанием книги, главы и стиха он предпочитает вольный вдохновенный пересказ, причём мотивирует это следующим образом:

«Любой человеческий язык условен. А поскольку с Библией мы знакомы лишь в человеческом изложении (пусть даже она и писалась под диктовку Святого Духа), воспринимать её буквально — бессмысленно, да и опасно. Христос сознавал это лучше кого-либо другого и поэтому изъяснялся иносказательно — притчами».

Далее следует пространное и не относящееся к делу рассуждение о том, почему притча выше инструкции (заповеди), которое я позволю себе опустить.

«Итак, — заключает Маркионов, — на любом из человеческих языков истина может быть изложена лишь образно».

И он излагает её образно, чем вызывает бесчисленные нарекания со стороны о. Онуфрия (Агуреева). Хотя справедливости ради было бы уместно вспомнить, что и приверженцы апостольской традиции по части истолкования слов Господних тоже подчас предивные чудеса отчеканивали.

Как вам, к примеру, понравится следующий пассаж из трактата святого Климента Александрийского «Кто из богатых спасётся»?

«Продай имение твоё. Но что значит это? Не это повелевает Господь, о чём некоторые слишком поспешно думают, что наличное своё имущество он должен был разбросать и со своими богатствами расстаться; нет, он должен был только (ложные) мнения относительно богатства из своей души выкинуть...»

Далеко, ох далеко Маркионову до Климента!

Отправная точка

К сожалению, в сжатом виде учение Валентина Маркионова обретает черты анекдота, но тут уж ничего не поделаешь. Краткое изложение чего бы то ни было анекдотично само по себе.

Продравшись сквозь многоречивое вступление, мы наконец добираемся до сути — и немедленно испытываем острое разочарование. Для начала Маркионов делится впечатлением, что в первых книгах Ветхого Завета Иегова представляется ему выжившим из ума деспотичным, капризным стариком. Наблюдение не новое, но досаду вызывает даже не это. Набор доказательств местами откровенно отдаёт «Библией для верующих и неверующих». Чего стоит, например, одно только предположение, что Бог, безнадёжный склеротик, оказывается, просто забыл, как Его зовут, и на просьбу Моисея назвать Своё имя ответил: «Я есмь Сущий (Иегова)». То есть, проще говоря: «Я — тот, Который...», — и задумался.

Однако далее Маркионов заставляет читателя слегка опешить.

На полном серьёзе, без тени юмора, как будто прося взять подзащитного на поруки, он обращает наше внимание на то, что невыносимый характер Господа помаленьку выравнивается. Во второй книге Иегова уже способен себя контролировать: «Ибо Сам не пойду среди вас, чтобы не погубить Мне вас на пути, потому что вы народ жестоковыйный». Мало того, у Него заметно улучшается память. Если раньше приходилось то и дело завязывать узелки («И будет радуга в облаке, и Я увижу её, и вспомню завет вечный между Богом и между всякою душою живою...»), то позже, повторяя многократно тому же Моисею Свои установки, Иегова практически не ошибается ни разу.

Затем, не вдаваясь в детали и не слишком утомляя читателя цитатами, наш вероучитель перепрыгивает сразу на несколько эпох вперёд. Бог, каким мы Его встречаем в притчах Соломоновых, уже не кажется ему глубоким стариком, но, напротив, искушённым, житейски опытным мужчиной средних лет, напрочь лишённым иллюзий. Никаких истерик, никаких потопов, никаких Содомов и Гоморр. Основной рычаг — экономика. («Не допустит Господь терпеть голод душе праведного, стяжание же нечестивых исторгнет. Ленивая рука делает бедным, а рука прилежных обогащает. Собирающий во время лета — сын разумный, спящий же во время жатвы — сын беспутный», и т.д.)

Не задерживаясь долго на временах Соломоновых и почему-то обойдя молчанием пророков, не вписывающихся, надо полагать, в концепцию, Валентин Маркионов сразу приступа-

ет, как вы, наверное, сами догадались, к Иисусу Христу. Несмотря на то что к моменту распятия Спасителю исполнилось уже тридцать три года, по образу мыслей и манере поведения Он напоминает Маркионову наивного юношу, полного надежд на исправление рода людского.

И из этих-то крайне сомнительных наблюдений, значительную часть которых я здесь, понятно, пропускаю, наш самочинный ересиарх (хотя все они самочинные!) делает сногсшибательный вывод: с течением времени Бог становится моложе и моложе.

Бывшему монтировщику сцены и в голову, конечно, не приходит, что Бог остается неизменным — просто человечество взрослеет.

Но это так, к слову.

Мироздание по Маркионову

Естественно, что, наделив Господа возрастом, Маркионов неизбежно вводит для Него понятие времени и лишает тем самым атрибута вечности, как, впрочем, и пары других атрибутов (всемогущества и всеведения), оставляя Ему лишь врождённую всеблагость, да и то в сильно усечённом и специфическом виде.

За две тысячи лет христианства ощипать Всевышнего пытались многие. Но постулировать наоборотность бытия Божия (поскольку доказательствами предыдущие рассуждения признать трудно) — это уже, согласитесь, что-то новое!

Читатель вправе требовать объяснений. И он их получает.

«Бог молодеет потому, — выдержав паузу, победно объявляет Маркионов, — что время для Него течет не в ту сторону».

Впрочем, тут же спохватывается и вопрошает: «Да, но не будет ли гордыней с нашей стороны так говорить о Боге? Не проще ли предположить, что это мы с вами вылетели, образно выражаясь, на встречную полосу движения?»

И, не давая опомниться, подминает нас оползнем откровений.

Мироздание по Маркионову устроено предельно просто. Оно состоит из Земли и Неба, под которыми надлежит разуметь два противоположно направленных потока времени. Полярных по вектору, так сказать. Один из них — ложный, человеческий, другой — истинный, Божий. Один ведет к смерти,

другой — к рождению. В словах молитвы «Отче наш»: «да будет воля Твоя и на земле, как на небе», — Маркионову слышится просьба воссоединить оба потока.

Просьба, увы, не выполнимая даже для Господа, ставшего, как утверждает наш ересиарх, жертвой собственной детской ошибки.

Откуда концепция

Действительно, детская ошибка налицо, однако к Господу она, право же, никакого отношения не имеет. Готов держать пари, что в школьном возрасте кандидат исторических наук Э.Г. Страдников, равно как и о. Онуфрий (Агуреев), ни разу не открыли книгу братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Жаль. Во-первых, лишили себя удовольствия. Во-вторых, прочти они её тогда — и не пришлось бы им сейчас ломать головы над загадкой происхождения новой ереси, забредая в поисках источника то в гнозис, то в сатанизм.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько цитат:

«Контрамоция — это, по определению, движение по времени в обратную сторону».

« — А разве это возможно — контрамоция? — сказал я.

— Теоретически возможно, — сказал Эдик. — Ведь половина вещества во Вселенной движется в обратную сторону по времени».

По-моему, всё совпадает.

Даже возражения похожи.

«Если бы было так, как он пишет, — возмущается о. Онуфрий, — то Ангелы Божьи, посланные Им к Аврааму (прости мне, Господи, невольное кощунство), шествовали бы спиной вперед, чему мы не находим ни одного свидетельства».

А теперь сравните приведённую цитату со следующей выдержкой из той же нестареющей повести-сказки «для научных работников младшего возраста»:

«Но вся беда в том, что, если бы попугай был контрамотом, он летал бы задом наперёд и не умирал бы на наших глазах, а оживал бы...»

Поклонники творчества Стругацких наверняка помнят, что персонаж «Понедельника» У-Янус тоже спиной вперед не шествовал. Он жил, как все нормальные люди, но с наступлением полуночи переходил не в завтра, а во вчера. Маркионов же

предлагает для своей системы иное и, кажется, довольно оригинальное решение, которое мы рассмотрим позже.

Вполне понятно, почему бывший монтировщик сцены молчит о корнях своего учения. Ему просто совестно признаться. Сами подумайте: харизматическая личность, ересиарх, с Гаутамой на дружеской ноге — и вдруг фантастика, да ещё и «для младшего возраста»! Скандал, господа, конфуз...

А с другой стороны, ничего удивительного: контакты религиозной и фантастической литературы (некоторые, впрочем, полагают, что это одно и то же) явление распространённое. Любители ролевых игр давно уже используют Священное Писание в качестве сценарного материала наряду с эпопеями Толкиена и Желязны. С наслаждением вспоминаю название доклада, оглашённого в Казани неким ролевиком: «Библия как культовая книга»! Культовая — в смысле знаковая.

Мне думается, справедливость отчасти восстановлена. Писатели-фантасты столько раз эксплуатировали библейские сюжеты, что возникновение секты христианского толка, заквашенной на фантастике, надлежит воспринять с глубоким удовлетворением.

Долги следует возвращать.

Вернёмся к ереси

Контрамоция (в отличие от стеснительного Маркионова, мне этого термина избегать незачем) представляется Э.Г. Страднику «непонятной до головной боли». Это он с непривычки. Объективно контрамоция ничуть не хуже эманации и уж, во всяком случае, нисколько не заумнее любимых кандидатом исторических наук огдоад и гебдомад, от которых у него, надо полагать, голова не болит.

Отцу же Онуфрию (Агурееву), назвавшему контрамоцию «абсурдной, шизофренической идеей», позволю, во-первых, заметить, что единое в трех лицах (и это подтвердит вам любой психиатр) есть расщепление психики, а стало быть, шизофрения чистой воды. Кроме того, кому как, а мне правота Тертуллиана представляется очевидной. «Credo, quia absurdum». То есть настолько нелепо, что даже не может быть выдумкой. Вот вам перечень некоторых несообразностей, которые тем не менее соответствуют истине: Земля вращается вокруг Солнца, двухпудовая гиря падает с тем же ускорением, что и стограм-

мовая, разноречивость свидетельств говорит о честности свидетелей, и т.д.

Итак, контрамоция. Два встречных потока времени. В одном из них — наша Вселенная с её квазарами, чеченской войной, реликтовым излучением. В другом — Бог, только Бог и ничего, кроме Бога. В этом плане вероучитель Маркионов — отъявленный монист, каких ещё свет не видел.

Бог — единственный, Кто способен переходить из одного потока времени в другой, о чём, по словам Маркионова, свидетельствует сон Иакова («И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх её касается неба; и вот, Ангелы Божьи восходят и нисходят по ней».). Предвидя возражение профанов, что-де в данной выдержке речь идет не о самом Боге, а лишь об Ангелах Его, Маркионов обращается за поддержкой к ученику Апостола Павла Дионисию Ареопагиту: «Если же кто скажет, что некоторым Святым являлся Сам Бог непосредственно: тот пусть узнает из ясных слов Св. Писания, что сокровенного Божиего никто не видал, и никогда не увидит». Древние иудеи по простоте душевной путали посланцев Божьих с самим Богом.

«И правильно делали», — добавляет Маркионов.

«Господь, — объясняет он, — с целью исправления мира нисходит к нам постоянно: в телесном обличье (Христос), в бестелесном (Ангелы), вовсе без обличья (Дух Святой) — и каждый раз оказывается подхвачен встречным потоком времени. Или, что вероятнее, добровольно отдаётся течению, дабы иметь возможность общаться с нами. Сокровенного же Божиего, действительно, никто не видел, поскольку в Его поток времени никому из смертных проникнуть не дано».

«Оказывается подхвачен встречным потоком времени». Вот вам и объяснение, почему Ангелы не ходят спиной вперед. О. Онуфрий его либо пропустил, либо не понял.

Ситуация, однако, чревата парадоксом: если Всевышний, отдав Себя на волю волн, проведёт в нашем мире хотя бы пару минут, то, вернувшись по лестнице Иакова на Небо, Он неминуемо встретит там Самого Себя, только ещё собирающегося посетить Землю.

Но тем-то и велик ересиарх, что, столкнувшись с парадоксом, он незамедлительно обращает его в свою пользу. Согласно тому же Дионисию, небо заселено не менее густо, чем земля. «Сколько чинов небесных Существ, какие они, и каким об-

разом у них совершаются тайны священноначалия, — пишет Ареопагит, — в точности знает это, как я думаю, один Бог, Виновник их Иерархии».

Дионисий ошибается. Знают двое: Бог и Маркионов.

«Несомненно, — делится очередным откровением наш ересиарх, — что Херувимы, Серафимы, Престолы и прочие небесные Существа, каждое из Которых есть Господь, образуют Иерархию по старшинству». И делает существенное пояснение: срок, проведённый во встречном потоке времени, отнюдь не вычитается из общего возраста Господа, но, напротив, прибавляется к нему.

Такое чувство, что любовь Маркионова к фантастике не ограничивалась творчеством братьев Стругацких.

Куда движемся

То, что мир с человеческой точки зрения вырождается, так же ясно для Маркионова, как простая гамма. Слова Христа: «Ученик не выше учителя», — ставят, по его мнению, предел нашим беспочвенным и горделивым мечтаниям.

Повторяю, опровергать Маркионова с помощью цитат из Библии не имеет смысла.

Во-первых, он убеждён, что, несмотря на внятную диктовку Святого Духа, многое было услышано и записано неверно. Правильно понятое Маркионов берет на вооружение, понятое же неправильно отбрасывает без колебаний или, как принято у богословов, попросту замалчивает.

Во-вторых, давно уже подмечено, что, опровергая еретика, в конце концов неизбежно впадаешь в противоположную ересь. Кстати, статья о. Онуфрия «От лукавого!» — яркий тому пример.

Мельчает род людской. Это положение Маркионов для большей доходчивости предпочитает доказывать не на библейском, а на житейском материале. Даже если взять уровень заурядного обывателя, заявляет он, вы обнаружите, что зрелым людям обычно кажется, будто во времена их юности жилось лучше (народ был честнее, рыба крупнее, и т.д.). Молодые с ними, естественно, не соглашаются, однако, повзрослев и поумнев, сознают свою ошибку и начинают говорить то же самое.

Нет такой культуры, которая не тосковала бы об утраченном Золотом Веке. Самые выдающиеся гении — от неизвест-

ного автора «Слова о полку Игореве» до Лопе де Вега — сознавали свое ничтожество по сравнению с титанами былых дней.

При советской власти, когда подавляющее большинство населения верило в светлое будущее, мысль Маркионова прозвучала бы неубедительно, но в наши дни афёр, зачисток и отрезаемых голов, когда прошлое представляется радужным, настоящее — чёрным, а грядущее — смутным, нам трудно что-либо возразить ересиарху, и он этим пользуется вовсю.

Можно, конечно, спросить Маркионова: «А как же научно-технический прогресс?» — но лучше так не делать. При одном только слове «прогресс» в бывшем монтировщике сцены пробуждается Вольтер, и слог его обретает изысканную язвительность:

«Сидя в вагоне, порой не сообразишь, который поезд тронулся: твой или соседний? Вот и в жизни тоже: смотришь и пытаешься уразуметь, то ли техника вокруг совершенствуется, то ли мы деградируем».

Прогресс железяк сопряжен с регрессом человека. На ехидный вопрос, каким образом человек, деградируя, ухитряется изобретать всё более сложные механизмы, Маркионов отвечает, что с точки зрения Бога всё обстоит наоборот: отказываясь от очередной железяки, человек становится умнее. А на робкое замечание о пользе науки и техники бывший монтировщик с маху отрубает: «Когда костыль становится ненужен, его отбрасывают».

Затем, внезапно притянув за уши к своим рассуждениям ещё и теорию расширяющейся Вселенной, ересиарх подбивает итог: с каждым мгновением мироздание становится больше и хуже. Но это нисколько не огорчает Маркионова. Скорее радует. Для Бога-то оно с каждым мгновением становится меньше и лучше.

История по Маркионову

Естественно, что при таком подходе Библия для Маркионова открывается не «Бытием», а «Апокалипсисом», являющимся, по его мнению, пророчеством о предстоящем создании нашего мира. Несмотря на обратный ход событий и некоторую вольность изложения, картина складывается вполне правдоподобная: жуткие порождения генной инженерии, со-

вершенная и смертоносная военная техника, вконец расшатанная экология, прочие прелести. Пекло творения.

Именно так, согласно учению Маркионова, мироздание выглядело изначально. Несоразмерно огромное, противоречивое, поражаемое природными и техногенными катастрофами, оно было почти нежизнеспособно.

Завершив этот невообразимый по размерам и небрежности черновик, Бог ужаснулся содеянному и принялся его переделывать. Тут-то, по словам Маркионова, и выяснилось самое неприятное обстоятельство: контрамоция. Мало того, что мир сотворён неудовлетворительно, он ещё и существует не в ту сторону!

После долгих и тщетных стараний физически перенаправить Вселенную по времени, последствия чего, якобы, не раз отмечались нашей наукой, Бог понимает всю безнадёжность этой затеи и решает действовать иначе. Если нельзя изменить мир, надо приспособить к нему восприятие. Господь нисходит к людям в телесном обличье Иисуса и терпеливо учит, что истинный жизненный путь пролегает от смерти к рождению, а не наоборот, как принято думать («если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное»). Под Царством Небесным, естественно, имеется в виду встречный поток времени.

Слова Его, разумеется, извращают. Как и попытку разъяснить всё на собственном примере.

Вот тут, честно говоря, я немного теряюсь. Во-первых, ересиарх противоречит сам себе («в Его поток времени никому из смертных проникнуть не дано»), во-вторых, поступки Всевышнего в такой трактовке представляются мне более чем загадочными. Насколько я понимаю Маркионова, Бог хотел, чтобы люди мысленно поменяли прошлое и будущее местами. Однако, проведя предварительную разведку в качестве Святого Духа, Он должен был собрать достаточно сведений о будущей Своей неудаче. Затем, в течение тридцати трех лет наблюдая с Неба за собственными действиями, Господь имел возможность убедиться в этом лично. И всё же, когда приходит срок, Он тем не менее является на Землю, внедряется в чрево Марии, рождается — и далее шаг за шагом повторяет то, за чем совсем ещё недавно с сочувствием следил со стороны.

Возникает трагический образ Существа, Которое всё знает наперёд и ничего не может изменить («Если бы Я не сотво-

рил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха... Но да сбудется слово, написанное в законе их: возненавидели Меня напрасно»). Он обречён на грядущие ошибки именно потому, что осведомлён о них заранее.

Хотя ересиарха особо за это упрекать не стоит. С Божьими атрибутами дело обстоит одинаково в любой религии: всеведение вытащишь — всемогущество увязнет. И наоборот.

Впрочем, возможно, что причиною фатальной неотвратимости событий было всего-навсего юношеское упрямство Господа. Так, согласно Маркионову, пребывая на Земле в теле Иисуса, Он неминуемо сталкивается со Своими же (как правило, невидимыми) Сущностями, занесёнными встречным потоком времени из Его Собственного будущего и выполняющими различные задания по исправлению мира. Назревает производственный конфликт, страсти кипят, дело доходит до прямых самооскорблений («И вот они закричали: что тебе до нас, Иисус, Сын Божий? Пришел ты сюда прежде времени мучить нас»). Дьявол, как старший и более опытный, пытается инструктировать Иисуса («показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: всё это дам Тебе, если падши поклонишься мне»). Но Тот, презрев субординацию и наивно делая ставку не на государство, а на отдельную личность, отказывается повиноваться и доводит задуманное Им до конца.

Повзрослев, Он, конечно, признáет Свою ошибку и, как следует из Ветхого Завета, ни разу уже не вернётся к причудливой идее вразумить всех и каждого.

Образ творца

Существует известное предупреждение талмуда: «Кто исследует четыре вещи, тому было бы лучше никогда не родиться. Эти четыре вещи суть: что вверху и что внизу, что было раньше творения и что будет потом».

Маркионов внял предостережению ровно наполовину.

Его не интересует, откуда взялся Создатель, чем занимался до сотворения мира и куда затем денется. Сам ересиарх не считает гадания такого рода тяжким грехом — просто указывает на их бесполезность.

О Боге известно, что Он контрамот, что характер Его изменяется с возрастом, и, что, создав Вселенную в черновом варианте, Он неустанно её улучшает, желая видеть Своё детище

безукоризненным. Если сравнить Всевышнего с литератором, то Флобер и Бабель, пожалуй, окажутся наиболее близки Его образу и подобию. Бесконечная правка, бесчисленные сокращения, относительно малое количество дописок и вставок. Жёсткий отбор выразительных средств. Краткость — сестра таланта. (Кстати, не потому ли на лацканах вандалов были обнаружены значки с изображением А.П. Чехова?)

Ещё известно, что характер Бога со временем портится. Начав с кротких наставлений и увещеваний, Он переходит затем к принуждению и заканчивает откровенным террором.

Как же будет выглядеть наш мир, когда Господь наконец решит, что достиг совершенства, и прервёт работу? Мы знаем это. В общих чертах итоговый вариант дан нам во второй главе «Бытия». Эдем. Земной рай, где обитают двое: Адам и Ева, ещё не вкусившие плода с запретного дерева познания.

Потрясающий лаконизм! Всё равно что сократить роман до размеров миниатюры.

Так и хочется спросить у Маркионова: каким же образом Богу удастся завершить начатое, если к тому времени Он, по словам ересиарха, окажется не способен даже вспомнить собственное имя?

Но стоит ли придираться по мелочам!

Что в итоге

Морально-этическая концепция нового учения угнетает своей безысходностью. Атеистов марксистского толка хотя бы поддерживала мысль, что они умирают не зря и что потомки их будут жить при коммунизме. Последователи Маркионова даже этого утешения лишены.

«Мы шли в мир разума и братства, — сожалеет о контрамоте У-Янусе комсомолец Саша Привалов, — он же с каждым днём уходил навстречу Николаю Кровавому, крепостному праву, расстрелу на Сенатской площади и — кто знает? — может быть, навстречу аракчеевщине, бироновщине, опричнине».

По Маркионову, как видим, всё наоборот. С каждым прожитым мгновением род людской удаляется от уютного совершенства двухместного земного рая, погружаясь в черновой первичный хаос. Впереди — кромешная тьма, прорезаемая алыми сполохами «Откровения от Иоанна». Единственное, что радует: работа Божья идёт неровно, творческие взлеты чере-

дуются с падениями, вселяя подчас в обывателя беспочвенные надежды на улучшение жизни.

И напрасно пытается убедить нас о. Онуфрий (Агуреев) в том, что последователи Маркионова, совершая свои нелепые бесчинства, надеются на грядущую благосклонность дьявола. Конечно, нет такой мерзости, на которую не решился бы истинно верующий ради спасения души своей, но заверяю вас, что в данном случае ни о каком спасении и речи не идёт. Отчаянная попытка Христа повернуть человеческое восприятие вспять не удалась. Дважды уже приведенные здесь слова Маркионова о том, что «в Его поток времени никому из смертных проникнуть не дано», звучат приговором.

Благородство и мрачный трагизм новой секты остались незамеченными. Ни Э.Г. Страдников, ни о. Онуфрий не обратили внимания на главное: у последователей Маркионова нет шкурных интересов. Всемерно ухудшая этот мир, они ищут не личной выгоды, но стараются морально поддержать Бога, Который, существуя в противоположном направлении по времени, несомненно должен испытывать радость при взгляде на стремительно исправляющихся людей.

Не думаю, что новое вероучение привлечёт многих, поскольку требует полной и безоглядной самооотверженности. Недаром даже у беспощадного Маркионова дрогнула рука, когда, пройдя Библию от доски до доски, от конца до начала, он достиг Эдема и милосердно прервал повествование.

Ересиарха можно понять. Уж больно безотрадная в противном случае возникла бы картина: вот, отдохнув в субботу, Бог окидывает последним взглядом содеянное, после чего в течение шести дней решительно предает небытию сначала людей, потом зверей земных, рыб, светило ночное, светило дневное, деревья, траву — и, смешав напоследок небо с землёй, удовлетворённо гасит свет.

И видит, что это хорошо.

Затворите мне темницу

Вчерашний раб, уставший от свободы
Возропщет, требуя цепей.

Максимилиан Волошин

Ну вот и будущее (оно же прошлое, оно же настоящее). Уже здесь, уже осязаемо. Включишь телевизор — там с вредными книжками воюют, откроешь журнал — там вампиров клеймят, зайдёшь в союз писателей, а там один поэт поучает другого: «Ты, когда стихотворение напишешь, прежде чем публиковать, батюшке его покажи. Благословит — тогда печатай».

Знакомые распались на два лагеря. Одни:

«Да что ж это за беспредел такой? Впору цензуру вводить!»

Другие:

«Слушай, куда катимся? Этак цензуру введут!»

Собственно, почему бы и нет? Недаром же многие литераторы (см. выше) заблаговременно пытаются выполнять требования ещё не учреж-

© Евгений Лукин, 2005

дённого лито. А раз объявились выполняющие, то рано или поздно объявится и требующий.

Когда всё возвращается на круги своя, невольно переживаешь вторую молодость. Помню, какой прилив ребяческих чувств ощутил автор этих строк на стыке двух миллениумов, прочтя критическую статью, обличавшую его в отсутствии положительных героев (для тех, кто не застал: обычное обвинение внутренних рецензий образца 80-х).

А сколько лет автор скинул разом, когда выдающийся наш политтехнолог принялся на конференции заклинать фантастов (не публицистов, не бытописателей), чтобы те не выискивали мрачных черт в окружающей мерзости, сосредоточились на чём-то пусть редком, но светлом, — и очень обиделся, услышав из зала «соцреализм»!

А уж когда автору показали результаты голосования жюри некой премии, где за выставленным нулём следовала поясняющая пометка «идеологически вредное произведение», он, если позволено будет так выразиться, чуть в ностальгии не забился.

Здравствуй, благословенная пора моей юности! Вернулась, не забыла... И почти не изменилась! Разве что вместо слова «антисоветский» в ходу теперь громоздкий оборот «оскорбляющий религиозное и национальное достоинство».

Значит, говорите, грядёт цензура? А знаете, она для меня и после 1991-го не исчезала бесследно: то рассказик по политическим соображениям вернут, то куратор думской областной газеты с особым цинизмом запретит мою постоянную стихотворную колонку «Столбец всему».

Как поучал европейский мыслитель позапрошлого века: несущественно, сколько точек зрения разрешено официально, — тот, кто мыслит самостоятельно, всё равно ни в одну из них до конца не впишется.

Цензура была, есть и будет, просто сейчас она несколько раздробилась, обратясь из монолита в отдельные глыбы, глыбины и мелкие осколочки.

Вновь воскрес такой, казалось бы, вымерший вид, как пуганый редактор. Ну кого, скажите, в наши времена может устрашить следующий пустячок?

Хорошее отношение к голубям

Когда я вижу, что на мой балкон
опять нагадил некий Голубь Мира,
а может быть, и вовсе Дух Святой,

к чему гаданья: он или не он
сейчас воркует с нежностью эмира,
пленённого невольницей простой?
Когда он, ясно видимый отсель,
то тянет шею типа Нефертити,
то делает из бюста колесо,
я навожу пневматику на цель,
а там — летите, пёрышки, летите
и передайте Пабло Пикассо,
что он — неправ.

Тем не менее этот цветок невинного юмора опубликовать, представьте, так и не удалось. Одна газета побоялась обидеть верующих (Дух Святой), другая — ветеранов (Голубь Мира), третья и вовсе инкриминировала чуть ли не пропаганду насилия.

Знаю, последует возражение: «Передёргиваете, любезнейший! Не про цензуру вы говорите, а про редакционную политику. Цензура — это учреждение. Цензор — это должность...»

А хотите расскажу о цензоре как о должности?

Свалилась на нас с Любовью Лукиной в 1981 году нечаянная радость: блуждающая по знакомым рукопись попала на глаза редактору новорождённой «Вечёрки», и тот решил её опубликовать. А мы-то, бедолаги, собирались уже до конца дней «в стол» работать.

Ждём, трепещем. И вдруг звонят в наборный цех (я тогда работал выпускающим в Доме Печати), говорят: «Поднимись на тринадцатый, там ваша повесть лежит».

— А что там, на тринадцатом?

— Как что? Цензура.

Опаньки! О цензуре-то мы и не подумали. Кто ж знал, что будет шанс напечататься! Для собственного удовольствия сочиняли...

Пока шёл к лифту, судорожно припоминал: а ведь герой-то у нас — фарцовщик, да еще и не раскаявшийся! И нигде не сказано о руководящей роли партии! И светлое будущее, куда герой наш с дура ума попадает, подозрительное какое-то. Ой, а коммунистическое ли оно? Зарубят ведь повестушку-то...

Выхожу на тринадцатом, а там стоит перекуривает хороший знакомый, тоже работавший недавно в «Волгоградке». Румяный такой, полный, улыбчивый.

— Саша, где тут цензор сидит? — спрашиваю осторожненько.

— Это я, — приветливо отзывается он.
— Вижу, что ты. Цензор где?
— Ну вот... перед тобой...
Немая сцена.
— Рукопись... у тебя?
— У меня.
— И?
— Что «и»? Прочитал — иди забери.
— Куда?
— Куда-куда! В печать!

Какая была красивая мрачная легенда! А что оказалось? Сидит человек в каморке, елозит пальцем по списку одиозных фамилий и нерасформированных полков. Нету? Значит, в печать. Какой ему смысл за те же деньги гробить зрение и ловить чёрную кошку в тёмной комнате, если точно известно, что материалы на тринадцатый этаж поднимаются уже идеологически выдержанные, так сказать, дистиллированные...

Позвольте, позвольте! А кто ж их доводил до идеологически дистиллированного состояния?

Да все, через кого они проходили. Начиная с автора и кончая редактором. Каждый сам себе цензор, ибо карьера дороже. Как говаривал сатирик: «Благо странам, которые, в виде сдерживающего начала, имеют в своём распоряжении кутузку, но ещё более благо тем, которые, отбыв время кутузки, и ныне носят её в сердцах благодарных детей своих».

Думаю, не будет ошибкой сказать, что цензура как явление представляет собой единую редакционную политику. То есть достаточно выстроить издателей — и вот она вам, всероссийская цензура, независимо от того, сидит или не сидит на тринадцатом этаже служащий со списком табуированных имён.

(Имя-то заменить, согласитесь, труда не составит. А читатель уж как-нибудь сам затабуирует.)

Тут, конечно, могут снова поддеть: да, но в 1984-м идеологический наезд на супругов Лукиных — был?

Был. Только вот ведь какая незадача: ни при чём тут цензоры. То ли не вчитывались они в наши опусы (фантастика — она и есть фантастика), то ли не желали вчитываться (зарплату же всё равно не прибавят). Зато от зоркого глаза собратьев по перу не убережёшься. Именно они, внимательнейшим образом всё изучив, накатали на нас внутренние рецензии с обвинениями в антикоммунистической направленности творче-

ства да ещё настучали в обком и в комитет. Вот тогда-то припомнили нам и героя-фарцовщика, и дыру во времени, которая ведёт, оказывается, вовсе не в будущее, а прямиком на Запад, и даже клевету на В.И. Ленина, уж не знаю, в чём она состояла.

И, если вдруг некто маститый-простатитый начнёт во всеуслышание стонать, как его угнетала советская цензура, попросите назвать фамилию цензора. Тут же выяснится, что в виду имелся редактор, рецензент, короче говоря, такой же литератор, как и сам пострадавший. И ещё одна закономерность: чем громче стоны, тем больше вероятность, что стенающий и сам был блюстителем идейной чистоты, причём не по долгу службы, а по велению сердца.

Как вымолвил однажды со вздохом видный волгоградский поэт, елейно возведя глаза к потолку бара: «Бог на небесах разберёт, кто на кого стучал...»

Но самому, согласитесь, признаваться как-то неловко. Куда проще свалить все грехи на румяного Сашу с тринадцатого этажа.

Ну вот, скажут, то гэбэшников отмывал, представляя их в комическом виде («Пятеро в лодке, не считая Седьмых»), то теперь цензоров отмазывать взялся!

Но что же делать, если все знакомые мне офицеры госбезопасности и впрямь оказывались на поверку удивительнейшими раздолбаями, и это, кстати, подтверждается самим фактом развала СССР. Будь они иными, такого бы просто не стряслось.

И ещё одна странность: писатели, которых КГБ действительно брал под надзор (Борис Стругацкий, Вячеслав Рыбаков), почему-то изображают комитетчиков живыми нормальными людьми. Невольно возникает подозрение, что, чем брутальнее образы офицеров контрразведки, тем меньше автор встречался с прототипами.

Я давно привык к мысли, что моя жизнь целиком состоит из нетипичных событий. Любопытно, что и после смены общественного строя, когда чёрное обернулось белым и наоборот, события эти поменяли окрас, но всё равно остались нетипичными.

Приведу пример.

Только-только демобилизовавшись (1975), встретил я бывшего сокурсника, успевшего стать редактором городской молодёжной газеты, и, желая оживить беседу, поведал ему за-

бавную, на мой взгляд, историю о том, как однажды в караулке командир группы дивизионов побил начкара буханкой.

Лицо собеседника застыло.

— Этого не может быть, — с тихой решимостью произнёс он. — То, что ты рассказываешь, клевета на Советскую Армию.

Честно сказать, я слегка испугался. Не за себя, даже не за него — просто жутковато, знаете, когда живой человек превращается на глазах в статую из закалённой стали.

Прошло двадцать с лишним лет, не стало советской власти — и вот в разговоре (нет, не с ним, но с кем-то очень на него похожим) я опять привёл к слову всё ту же самую историю про побитого буханкой начкара.

Лицо собеседника застыло.

— То, что творилось в советской армии, — сказал он со сдержанной болью в голосе, — было куда страшнее. А ты своими байками пытаешься свести всё это к анекдоту...

Его устами говорило общество. В тот момент он принадлежал народу.

Иногда кажется, будто вся моя жизнь есть воплощённая клевета на наше прошлое и настоящее.

Однако продолжим отмазывать цензора.

Борис Натанович Стругацкий признал с прискорбием, что после отмены цензуры он ожидал блистательного взлёта российской фантастики и, увы, не дождался. Возникает вопрос: а так ли уж был велик вред, наносимый данному литературному направлению?

Нет, и вот почему.

Фантастика сравнительно с реалистической литературой (а тем паче с публицистикой) применяет более мощную «защиту от дурака». Если человек признаётся, что не понимает фантастики, — ничего страшного, всё в порядке. Он и не должен её понимать. Боже упаси, ежели поймёт! Не помню, кому принадлежит эта мысль, но «иной от правды взбесится и покусает», как, скажем, случилось с советскими гражданами в годы перестройки.

Помню радость и удивление, когда я увидел опубликованным жуткий рассказ Андрея Лазарчука о том, как оставшийся на даче мальчик напрасно ждёт возвращения родителей из города: прошлой ночью что-то страшно грохотало, лил дождь, теперь вот светятся деревья и приползает к порогу издыхаю-

щая облезлая собака... Всё просто: ни редактор, ни цензор ведать не ведали о признаках радиоактивного заражения — дело было, кажется, ещё до Чернобыля. Пожали плечами (о чём это он?) — и разрешили печатать.

Под прессом цензуры фантастика умнеет, под прессом рынка — напротив. Те же процессы происходят и с теми, кого раньше именовали широким читателем. Поразительно, сколь быстро он, когда-то чутко ловивший любой намёк автора, вернулся в первобытное состояние, очень точно схваченное Михаилом Юрьевичем Лермонтовым в предисловии к «Герою нашего времени»: «Она (наша публика) не угадывает шутки, не чувствует иронии, она просто дурно воспитана».

Гусары — народ горячий.

Поиск крайнего — дело важное, дело государственное. Ну нельзя же, согласитесь, взять и честно признаться: да, господа, в 1991-м нам срочно понадобился класс крупных собственников. Вот мы и намекнули прозрачно: сограждане, разрешаем грабить народ, страну — и ничего вам за это в течение нескольких лет не будет. Если что, разбирайтесь друг с другом сами.

Теперь приходится расхлёбывать, так что крайний позарез как нужен.

Искусство, например. Чем не «козёл опущения»!

Думаете, почему в рядах прокуратуры свирепствует коррупция? Почему менты взятки берут, с преступниками в сговоры вступают, ногами бьют задержанных?

Книжек начитались.

Прочтёт Дивова или Лукьяненко — чистый кровопийца становится.

Прикол, говорите? Увы, не прикол, а весьма распространённая мысль, доведённая до логического конца. Или до абсурда, что, впрочем, одно и то же.

Вроде бы укрощение искусства уже идёт вовсю. Список возможных оскорблений национального, религиозного и прочих достоинств растёт. Как следствие, пышно и ядовито расцветает само искусство, поскольку давно известно: хочешь, чтобы какое-нибудь явление полезло из квашни, — подвергни его полузапрету.

У Леонида Соболева в «Капитальном ремонте» есть замечательный эпизод: накануне германской войны получен при-

каз убрать с боевых кораблей все деревянные предметы. Потому что горючий материал. И боцман, страдая, выносит свой рундучок. Однако деревянный палубный настил не трогают, потому что какой же это корабль без палубы?

Так примерно всё и будет. Рундучок вынесут, палубу оставят.

Причём имейте в виду, господа беллетристы: мы с вами именно рундучок.

Принцип отсева плевел уже сейчас бестолков донельзя. Вот на экране девушка обрушивается на некое сценическое представление за участие в нём бомжей и проституток. И не вспомнится бедняжке, что в Евангелии тоже действуют и блудницы, и — простите, если сможете, — лица без определённого места жительства («лисицы имеют норы и птицы небесные — гнёзда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову»).

Призывы к крестовому походу против вредных книг — дело, конечно, святое. Только где найти безвредную книгу? Их в принципе не бывает. Говорят, в прошлом году на зоне один осуждённый прочёл «Колобка» и на следующий день бежал. Лишь тогда начальство колонии, спохватившись, уничтожило разлагающую литературу. О чём же оно, интересно, думало раньше?

Страшно помыслить, сколько женщин утоплено любителями песни «Из-за острова на стрежень». Споёт — утопит, споёт — утопит...

А кто сможет указать хотя бы одного вредного античного автора? Кто эти суки, развалившие Рим? Петроний? Апулей? А потребуйте изъять их из библиотек — вас филологи растопчут. Где гарантия, что через две тысячи лет литературой не будет считаться именно тот мутный поток чтива, от которого сейчас все кому не лень приходят в ужас?

Да, но мы-то живём не через две тысячи лет! Литераторы (в том числе и фантасты), пока их не взяли на цугундер, сами обязаны осознать, что именно они в ответе за уровень духовности нашей читающей публики...

А вот в этом-то я как раз позволю себе усомниться.

Когда отдельная человеская особь начинает в частном порядке вещать о народном благе, мнится, будто какой-нибудь ноготок (крайняя его часть) решил облагодетельствовать организм в целом. Слушаешь и думаешь: дурашка ты, дурашка. Вот возьмёт сейчас организм маникюрные ножницы и срежет тебя

напрочь. И не за то, что разглагольствовал (тираду твою слышали только такие же, как ты, ноготки), а так, для опрятности.

Но ноготку не растолкуешь. Ему очень хочется верить, что он призван спасти человека, частью которого является. Лиши ноготка этой сладостной иллюзии — сам напрочь отпадёт.

Вот и писатели тоже...

Если кому-то обидно сравнение с ноготком, то, во-первых, от такого слышите, а во-вторых, бывают сравнения и пообиднее. Ницше, например, вовсе именовал литераторов «паразиты образования». И, как нередко с ним случалось, был прав.

Это какой же манией величия надо обладать, чтобы искренне верить, будто влияешь на исторический процесс? Оглянитесь, господа. Там, в прошлом, такие влиялы, что мы рядом с ними как-то теряемся из виду. Данте, Шекспир, Пушкин. И куда же это они нас завели? Одно из двух: либо классики учили не добру, а чему-то другому, либо литература отдельно, а жизнь отдельно.

А вдруг (именно так, с междометия), если бы не Данте, не Шекспир и не Пушкин, сейчас было бы ещё хуже?

Мне наверняка было бы хуже. Человечеству — не знаю. Долгое время оно, к примеру, спокойно обходилось без кино. Да и сейчас спокойно обходится без многих изящных искусств, поскольку их ещё не изобрели. Спрашивается, чем литература лучше кинематографа? Наверное, обошлись бы и без неё.

Да, но ведь в школе-то нас учили, что искусство воспитывает!

Попробовали бы они учить другому! Тут главная задача: доказать начальству, что изящная словесность — необходима, а следовательно, необходимы и они, бедные бюджетники. Примерно тем же занимаются господа писатели. Иной администратор и впрямь поверит, что без романа, изданного малым тиражом, порученная ему область погибнет. Глядишь, выдаст малую толику денежек.

Между нами, художественная литература может повлиять на общество одним-единственным способом. Прочёл вождь книжку, восхитился, воскликнул: «Вах! Так и должно быть в жизни!» Утром проснулся, выглянул в окно, а там — всё по книжке.

Нынешние виртуозы национального танца на гробах любят попрекать покойную идеологию тем, что она-де приумень-

шала роль личности в истории, равно как и степень воздействия сознания на бытиё.

На словах так оно и было. Но только на словах. На деле же — культ личности, рекордное количество памятников, портреты членов политбюро на всех выпуклых местах. На словах — примат базиса, а на деле — жёсткий контроль над всеми родами и видами искусства. Писатель — рупор партии. Цензура (как учреждение) отдыхает.

Однако странная складывается картина: все почитаемые мною классики словно сговорились. Пушкин имел дерзость усомниться в инфернальной сущности Бирона, углядев в нём всего-навсего порождение обстоятельств. Льва Толстого даже коммунисты осторожно поругивали за то, что в «Войне и мире» он, по сути, свёл роль индивидуума к нулю. Салтыков-Щедрин выразился буквально так: «Мы ненавидим известные исторические положения, забывая, что выражение «историческое» уже снимает с них всякое обвинение. Но ещё менее имеем мы право ненавидеть отдельные лица, принимающие участие в исторических положениях».

А Булгаков-то, Булгаков! Это надо ж было — о самом Петлюре такое вымолвить: «Да не было его. Не было. Так, чепуха, легенда, мираж... Не он — другой. Не другой — третий».

Ох, взовьются сейчас ноготки: «Как это не он — другой? Как это не другой — третий? Ну покажите тогда запасного Петлюру, запасного Наполеона! Цезаря, наконец!»

Ноготки вы мои, ноготки. Да неужели же вы думаете, что при живом Цезаре кто-либо отважится на сей рискованный указующий жест? А если Цезарь уже почил и стал легендой — тогда тем более.

Точно такая же получается ерунда и с влиянием художественной литературы на социум. По личным наблюдениям, чтение преобразует лишь досуг граждан (скажем, ролевые игры). Помахали мечами в рощице — и разошлись по рабочим местам.

Помнится, главным примером воздействия книги на общество в вузах советских времён считался роман Чернышевского «Что делать?». И мучал меня, студентика, вопрос: «А что стало с малыми предприятиями, учинёнными по образцу описанного Николаем Гавриловичем? Куда они делись?»

Уничтожены властями? Да ну, глупость. Частная же собственность! И потом, случись такое, преподаватели об этом не

преминули бы с торжеством объявить. Тогда остаётся всего два варианта: либо не выдержали конкуренции, либо в результате её мигом переродились в обычные, неотличимые от прочих мастерские.

Вот вам и всё воздействие на жизнь.

Да, но чтение формирует человеческую личность, а общество-то как раз из личностей и состоит! Стало быть...

Увы, в том, что хорошее общество должно обязательно состоять из хороших людей, усомнился ещё Монтень. «Царь Филипп, — пишет он, — собрал однажды толпу самых дурных и неисправимых людей, каких только смог разыскать, и поселил их в построенном для них городе, которому присвоил соответствующее название (Понерополис). Полагаю, что и они из самых своих пороков создали политическое объединение, а также целесообразно устроенное и справедливое общество».

Между прочим, Монтень — современник Грозного. «Подумать только, — восклицает по этому поводу Юрий Олеша, — у нас жарят на сковородке людей на Красной площади, а тут такая шутка о поцелуях, принесённых домой на усах!» Всё так, если бы не одно маленькое «но»... Во Франции тех времён кровушки-то лилось, пожалуй, больше, чем в России. Вот что пишет страшилище наше Иван IV в Вену Максимилиану II по поводу Варфоломеевской ночи: «Христианским государям пригоже скорбеть, что такое бесчеловечие французский король над стольким народом учинил и столько крови без ума пролил». Такое впечатление, что взлёт искусства никак не влияет на количество проливаемой крови. Эллада — резня и шедевры, Ренессанс — шедевры и резня. Да что далеко за примерами ходить: не мы ли сразу же после Толстого и Чехова учинили гражданскую войну со всеми её последствиями (включая «Белую гвардию» и «Тихий Дон», которые тоже ничему нас не научили)?

Мало того, должен смущённо признаться, что сомневаюсь и в патентованно благотворном влиянии искусства на отдельно взятую личность. Если чтение действительно облагораживает, то почему в жизни мне встречались подчас, с одной стороны, весьма начитанные мерзавцы, с другой — отзывчивые умные люди, последнюю книгу одолевшие в школе, причём из-под палки?

К счастью, от далекоидущих выводов меня удержали не менее многочисленные обратные примеры. В конце концов я

пришёл к заключению: научив негодяя тонко понимать и чувствовать литературу, человека из него не сделаешь. Из него сделаешь негодяя, который тонко понимает и чувствует литературу. Илья Эренбург пишет об эсэсовцах, уничтожавших детей неарийских национальностей. Так вот в дневниках этих специалистов встречаются весьма глубокие замечания относительно творчества Шиллера и Гёте.

Потом, кажется, в записках Даниэля я прочёл о том, как некто стал профессональным вором, будучи очарован рассказом Горького «Челкаш». А произведение-то, между прочим, считалось полезнейшим...

Чему уподобить книгу? Сильному лекарственному средству, продаваемому без рецепта. Кому-то от него станет лучше, кому-то хуже, а на кого-то препарат не подействует вовсе. В итоге здоровье населения в среднем останется примерно на прежнем уровне.

Итак, если признать, что влияние искусства на жизнь общества минимально, а на жизнь индивида непредсказуемо, то, стало быть, можно считать доказанным, что цензура предназначена исключительно для переноса вины с больной головы государства на здоровую голову автора и в основном годится лишь на то, чтобы портить бедняге кровь или, скажем, вселять в него ложное чувство собственной значимости. Ну и ещё коезачем, но об этом речь пойдёт ниже...

Тогда для кого же ты, ноготок, всё это пишешь? Уж не для организма ли в целом?

Боже упаси! Исключительно для таких же, как я, ноготков, убоявшихся или, напротив, возжаждавших контроля за шаловливыми писательскими ручонками.

Разумеется, возникновение госнадзора за книжной продукцией при наличии нынешнего рынка, Интернета и легиона частных издательств кажется маловероятным. Хотя, помнится, распад Советского Союза представлялся и вовсе невозможным.

Об ужасах цензуры говорили достаточно долго, громко и протяжно. Поговорим лучше о приятных её сторонах — на тот случай, если сия благодать нас всё-таки настигнет.

По мнению А.С. Пушкина (так утверждала Марина Цветаева), главное достоинство цензуры заключается в том, что она рифмуется со словом «дура». Правда, чиновник — дурак лишь

по должности, но это волновать не должно, ибо его частная жизнь нас не касается.

Начнём с того, что цензура (как учреждение) всегда проигрывала. Несколько хрестоматийных примеров.

Николай Васильевич Гоголь, работая над «Невским проспектом», сильно опасался, что придерутся к сцене посечения поручика Пирогова пьяными немцами-ремесленниками (оскорбление чести мундира), и на всякий случай заготовил запасной вариант, где офицер подвергается экзекуции, будучи в партикулярном платье: «Если бы Пирогов был в полной форме, то, вероятно, почтение к его чину и званию остановило бы буйных тевтонов. Но он прибыл совершенно как частный приватный человек в сюртучке и без эполетов».

Воля ваша, но ужасно жалко, что цензор не придрался (а оно ему надо было — за те же деньги?). Резервный вариант явно ехиднее основного.

В том случае, если произведение запрещалось в целом, как, скажем, случилось с «Горем от ума», оно немедленно разбегалось в списках. Сейчас это тем более просто: скопировать файл — дело нескольких мгновений. Плохо другое. Пока переписываешь от руки, многое запомнишь наизусть, чем отчасти и объясняется такое количество крылатых фраз, выпорхнувших из бессмертной комедии Грибоедова.

Даже если чиновник исполнится служебного рвения (наподобие председателя Петербургского цензурного комитета М.Н. Мусина-Пушкина, изуродовавшего один из севастопольских очерков графа Толстого), он привлечёт к автору внимание публики — и только. По-нашему говоря, раскрутит.

Предчувствую, что в нынешних условиях совать взятку цензору придётся не за то, чтобы пропустил, а за то, чтобы запретил.

Мы многим обязаны цензуре. Самое вопиющее её преступление («Чёрный квадрат» Малевича) породило новое направление в живописи. Кстати, до сих пор неизвестно, что за шедевр похоронен под траурным слоем краски.

Идеологические запреты — великое подспорье и для литератора. Разграничивая то, о чём можно говорить впрямую, и то, на что можно лишь намекать, они значительно упрощают работу над произведением. Вообще роль помех в творчестве требует пересмотра.

Цензура подобна Евгению Багратионовичу Вахтангову. Недовольный ходом репетиции чеховского «Юбилея», он велел загромоздить сцену мебелью и на ошеломлённый вопрос актрисы: «А где же играть?» — сухо ответил: «А где хотите». И актриса полезла на стол. Гениальный был режиссёр...

Цензура подобна персонажу карикатуры Бидструпа, потребовавшему закрасить возмутительную надпись, отчего та сделалась вдвое крупнее.

Предвидя придирки, литератор волей-неволей обязан отточить мастерство и стать виртуозом. Возможно, для начинающих это прозвучит парадоксом, но, чем больше над рукописью работаешь, тем лучше она становится. А как сказал помянутый уже здесь философ: «Исправление стиля есть в то же время исправление мышления».

Потому-то мудрый Иосиф Виссарионович, зная по опыту беспомощность цензуры как учреждения, понимал, что задушить литераторов можно лишь руками самих литераторов. Точно так же, как маршалы судили маршалов, писатели травили писателей. Органам госбезопасности оставалось лишь ознакомиться с любезно предоставленными копиями внутренних рецензий.

Прикиньте, сколько надо чиновников для прочитки всего, что пишется, и вы тоже это поймёте. Воскреснет ли вновь институт благородного стукачества в писательской среде? Судя по высказываниям, устным и письменным, духовно он уже воскрес. Просто пока не востребован физически.

Но, даже если будет востребован, отчаиваться не стоит.

Представьте, как резко возрастёт цена слова в художественной литературе. Сейчас она примерно равна нулю. Дошло до того, что уже и мат перестал звучать оскорбительно.

А вот кого мне действительно будет жаль в пригрезившейся ситуации, так это читателя.

Потому что умнеть ему придётся — катастрофически.

Содержание

ФИКШН?

Раздолбаи космоса, или Гений кувалды 7
Амеба 252
Тридцать три головы молодецкие 333
Пираты обоих полушарий 352
Шутик 362
Ответное чувство 373
Проклятьем заклеймённый 382
Числа 399
Венец всему 409
Кувырок без возврата 416
Идеалище поганое 424
Тайна гнездовских курганов 439
Точка сборки 446
Вышибалы 456
Рекомендация 464
Рыбье слово 472
Гори-гори ясно 482
Пробуждение 490
Астроцерковь 500
Авария 513
Черный сон 524
Лицо из натурального шпона 528
Пусть видят 532
Спасатель 537
Смертельная 544
Заклятие 552
Семь тысяч Я 557
И гром не грянул 571
Однажды в баре 581
Delirium tremens (Страсти по Николаю) 589
За железной дверью 602
Хранители 614

В стране заходящего солнца 633
Приснившийся 647
Память огненных лет 652
Дело прошлое 659
Звоночек 668
Серые береты 674
Преимущество 684

НОН-ФИКШН?

Как отмазывали ворону 691
Манифест партии национал-лингвистов 696
История одной подделки, или подделка одной истории 703
Типа неопределенный артикль 711
О рычагах воздействия и чистоте речи 714
В защиту логики. Заметки национал-лингвиста 721
Взгляд со второй полки 730
Разборка с Маркионовым 735
Затворите мне темницу 751

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. (495) 727-16-15
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр-т, д. 132, т. (495) 172-18-97
- м. «Медведково», ТЦ «XL Мытищи», Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, т. (495) 641-22-89
- м. «Новослободская», д. 26, т. (495) 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (495) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, т. (495) 268-14-55
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, корп. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Коломенская», ТЦ, пр-т Андропова, вл. 25, т. (499) 612-60-31
- м. «Китай-город», ул. Маросейка, д. 4/2, стр. 1, т. (495) 624-37-33 (30-34)
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О. г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Лукин Евгений Юрьевич
ИЗ КНИГИ ПЕРЕМЕН

Сборник

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин
Технический редактор Т.В. Сафаришвили
Младший редактор Н.В. Дмитриева

Подписано в печать 20.06.08.
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 48.
С.: Под Дозоры. Тираж 2000 экз. Заказ № 4824222

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Отпечатано в ОАО «Нижполиграф».
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Евгений Лукин. Сначала — «половинка» гениального творческого дуэта «Евгений и Любовь Лукины». Сейчас — один из лучших, оригинальнейших писателей за всю историю отечественной фантастики. Непревзойденный мастер иронии и гротеска, чьи произведения, представляющие собой поистине немыслимую смесь из НФ, фэнтези, социальной сатиры и магического реализма, практически невозможно идентифицировать в жанровом отношении.

Перед вами — еще один сборник лучших произведений Евгения Лукина. В него включены и блестящие рассказы, написанные в соавторстве с Любовью Лукиной, и не менее остроумные и блистательные «сольные» произведения малых жанров, и, наконец, гомерически смешные и тонко интеллектуальные литературные и философские эссе, представляющие читателям еще одну грань творчества Лукина...

ISBN 978-5-17-051092-4